

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2022. № 474. Январь

• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ	• SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 474. January

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор
Издательства ТГУ; **С.П. Сушенко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук,
проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vo-
robyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of
Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Phi-
lology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr.
of History, Professor; **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate
Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk
State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; **A. Potekhaev**, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**,
PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry,
Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing
House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr.
of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr.
of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

Аюпов Р.Ф., Костюкова Т.А. Компетентностный подход в подготовке уполномоченных по гражданской обороне образовательных учреждений	5
Иванова А.В. Организационно-педагогические условия как факторы качества обучения русскому языку в билингвальных сельских школах	13
Смирнова Е.И., Сухостав О.А., Матюнина Н.В. Мобильные приложения как средство активизации самостоятельной работы по физической культуре студентов	22
Эпп Т.И., Сафронова Е.А. Особенности профессионально-прикладной физической подготовки студентов педагогических специальностей	29
Sidorenko T.V., Rosanova Y.V., Medvedeva O., Eimulienė V. CLIL and ESP at Tertiary Education: perspectives of Russia and Lithuania	35

ФИЛОЛОГИЯ

Белова В.М., Белов В.А. Прагматические функции дискурсивных слов в интернет-коммуникации	46
Волкова Т.Ф. Речь современного судебного оратора: от замысла к воплощению	58
Дячук Т.В. Сотериология Г.И. Успенского: от «свиньи» к «ангелу»	67
Маркова Е.А. Пьеса У.Б. Йейтса «Там, где ничего нет» и ее толстовское измерение	73
Николаева О.В. Атрибутивные дефисные композиты в электоральном речетворчестве американских СМИ: соотношение объективной и прагматической причинности	88
Ничипорчик Е.В. Местоименная репрезентация экспериенцера при выражении безразличного и безразличного отношения в русскоязычном дискурсе	97

ФИЛОСОФИЯ

Аникин Д.А., Линченко А.А. Стратегии концептуализации исторической ответственности в контексте современных медиарепрезентаций	110
Волков П.В. Инструмент для культивации культуры. Об общем методе культурологической науки	119
Желнин А.И. Биологическая недостаточность человека как лимит и как стимул: онтологическое и антропологическое измерение	125

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Иванов Д.И. Когнитивно-прагматическая программа «Закон совести» в кинотексте «Пацаны»: целевой вектор	135
Козлова М.А., Козлов А.И., Корниенко Д.С. Инклюзия против стресса: высшее образование для представителей коренных народов России	144
Ринчинов А.Б. Электронные СМИ КНР в условиях торговой войны с США: положение внутри страны и предпосылки для экспансии	153
Соболев В.А., Филимонов К.Г. Советская политологическая традиция в университетах: о политике и политической науке в работах А.М. Ковалёва	161
Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Право на город»: политическое конструирование постпандемийного мироустройства	169

CONTENTS

PEDAGOGICS

Ayupov R.F., Kostyukova T.A. Competency-based learning in the training of civil defense commissioners of educational institutions	5
Ivanova A.V. Organizational and pedagogical conditions as factors of the quality of education of Russian language teaching in bilingual rural schools	13
Smirnova E.I., Sukhostav O.A., Matyunina N.V. Mobile applications as a means of activating students' independent work in physical culture	22
Epp T.I., Safronova E.A. Features of professional and applied physical training of students of pedagogical specialties	29
Sidorenko T.V., Rosanova Y.V., Medvedeva O., Eimulienė V. CLIL and ESP at Tertiary Education: perspectives of Russia and Lithuania	35

PHILOLOGY

Belova V.M., Belov V.A. Pragmatic functions of discourse markers in Internet communication	46
Volkova T.F. Speech of the modern forensic public speaker: from vision to fulfilment	58
Dyachuk T.V. Soteriology of G.I. Uspensky: from "pig" to "angel"	67
Markova E.A. W.B. Yeats's play <i>Where There is Nothing</i> and its Tolstoyan dimension	73
Nikolaeva O.V. Attributive Hyphenated Composites in the Electoral Speech Creativity of American Media: Objective and Pragmatic Causality	88
Nichiporchik E.V. Pronominal representation of the experiencer when expressing an indifferent and not indifferent attitude in the Russian-language discourse	97

PHILOSOPHY

Anikin D.A., Linchenko A.A. Strategies for conceptualizing historical responsibility in the context of modern media representations	110
Volkov P.V. A tool for the cultivation of culture. On the general method of cultural science	119
Zhelnin A.I. Human biological insufficiency as limit and as stimulus: ontological and anthropological dimension	125

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Ivanov D.I. Cognitive-pragmatic program "Law of Conscience" in the film construct "Boys": target vector	135
Kozlova M.A., Kozlov A.I., Kornienko D.S. Inclusion against stress: higher education for representatives of the indigenous peoples of Russia	144
Rinchinov A.B. PRC's digital media amid the trade war with the United States: conditions within the country and prospects for expansion	153
Sobolev V.A., Filimonov K.G. The Soviet Political Science Tradition in Universities: Politics and Political Science in the Works of A.M. Kovalev	161
Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. "Right to the city": political construction of post-pandemic world order	169

ИСТОРИЯ

Дудайти А.К. Проблема ближневосточного урегулирования в политике ведущих стран – членов Европейского союза в контексте иракского и ливанского кризиса (2003–2008 гг.)	178
Кушнарева М.Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Г.В. Никифорова	187
Наздрыхина Е.В. Японская ассимиляционная политика в колониальной Корее в 1910–1945 гг. на примере образовательных реформ	192
Носова Н.П. Государственное регулирование аграрной экономики советской России в условиях социальных девиаций новой экономической политики. Институциональный аспект	198
Поповкина Г.С. Вклад православия в становление социального института здравоохранения в России	209
Рыблова М.А. Народные образы предвестников Великой Отечественной войны: опыт систематизации и дешифровки	217

ПРАВО

Боголюбов Е.А. Социальные и иные гарантии губернаторам в отставке	228
Батиев Л.В. Историко-философский (объективно-научный) метод юриспруденции С.А. Муромцева	243
Кравченко Н.В. Инновационные медицинские технологии и реализация права на жизнь и здоровье (на примере вакцинации): гражданско-правовой аспект	255
Решняк М.Г., Борисов С.В., Гладких В.И. Противодействие организации незаконной миграции в Российской Федерации: новый вектор развития уголовного законодательства	263
Сенякин И.Н., Репьев А.Г., Торчилин К.Е. Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект	272
Хаминов Д.В. Система общего и высшего образования в Российской империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект)	285
Клебанов Л.Р., Полубинская С.В. Преступность в Бразилии: особенности, противодействие, направления исследований	299

HISTORY

Dudaiti A.K. The problem of middle East settlement in the policy of the leading member States of the European Union in the context of the Iraq and Lebanon crisis (2003–2008)	178
Kushnareva M.D. Historical Portrait of the Yakut Merchant of the 1-st Guild G.V. Nikiforov	187
Nazdryukhina E.V. Japanese assimilation policy in colonial Korea in 1910-1945 on the example of educational reforms	192
Nosova N.P. The state regulation of the agrarian economy of Soviet Russia in the context of the social deviations of the new economic policy. The institutional aspect	198
Popovkina G.S. The contribution of Orthodoxy to the formation of a social health institution in Russia	209
Ryblova M.A. Folk images of the forerunners of the Great Patriotic War: experience in systematization and decryption	217

LAW

Bogolyubov E.A. Social and Other Guarantees of the Governor in Retirement	228
Batiev L.V. Historical-philosophical (objective-scientific) method of jurisprudence by S.A. Muromtsev	243
Kravchenko N.V. Innovative Medical Technologies and the Enforcement of the Right for the Life and Health (vaccination case) in the Civil Law Aspect	255
Reshnyak M.G., Borisov S.V., Gladkikh V.I. Countering the illegal migration organisation in the Russian Federation: new vector for criminal legislation development	263
Senyakin I.N., Repev A.G., Torchilin K.E. Prohibition to bypass the law in the legal regulation mechanism: historical and legal aspect	272
Khaminov D.V. The system of general and higher education in the Russian Empire: principles and directions of public policy, regulation and governing bodies (historical and legal aspect)	285
Klebanov L.R., Polubinskaya S.V. Crime in Brazil: Features, Counteraction, Directions of Research	299

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 37.09
doi: 10.17223/15617793/474/1

Компетентностный подход в подготовке уполномоченных по гражданской обороне образовательных учреждений

Радимир Фаритович Аюпов¹, Татьяна Анатольевна Костюкова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ radpad@yandex.ru

² kostyukova@inbox.ru

Аннотация. Актуализируется проблема подготовки уполномоченных по гражданской обороне образовательных учреждений в условиях проявления новых типов угроз (пандемия COVID-19, феномен стрельбы и взрывов в образовательных учреждениях и т.п.). Разработаны профессиональные компетенции, определены критерии их эффективности, а также способы реализации компетентностного подхода, обеспечивающие подготовку специалиста по ГО образовательного учреждения. Представлены результаты экспериментального исследования, доказывающие эффективность предложенных инноваций.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, гражданская оборона, специалист по ГО в образовательных учреждениях, компетентностный подход, противоэпидемиологические и антитеррористические мероприятия в образовательных учреждениях

Для цитирования: Аюпов Р.Ф., Костюкова Т.А. Компетентностный подход в подготовке уполномоченных по гражданской обороне образовательных учреждений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/474/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/1

Competency-based learning in the training of civil defense commissioners of educational institutions

Radimir F. Ayupov¹, Tat'yana A. Kostyukova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ radpad@yandex.ru

² kostyukova@inbox.ru

Abstract. The article actualizes the problem of training civil defense commissioners of educational institutions in the context of the manifestation of new types of threats (the COVID-19 pandemic, the phenomenon of shooting and explosions in educational institutions, etc.). At this stage of the development of the system of training specialists in civil defense, a contradiction has arisen between the need to train competent managers in the field of civil defense for educational institutions capable of solving a wide range of professional tasks and outdated approaches to professional development (including primary training) of these specialists. The aim of the study is to substantiate the effectiveness of the introduction of a competence-based approach in the training of civil defense commissioners of educational institutions as the main vector in professional development. To achieve this aim, the following research methods were used: analysis of normative legal acts, pedagogical literature, included observation, and pedagogical experiment. The study was conducted in the period from 2019 to 2021, the number of participants in the experiment was 78 people and included: students of the Educational and Methodological Center for Civil Defense of Tomsk Oblast and Civil Protection Courses in Tomsk; civil defense commissioners of educational institutions of Tomsk Oblast; persons exercising control and supervisory functions in the field of civil defense. The implementation of the competence approach was achieved through the introduction of innovations in the training program of the experimental group and consisted in: shifting the main vector of training specialists in the civil defense of educational institutions to the holistic formation of competencies rather than knowledge, skills and abilities; carrying out visits with the analysis of specific civil defense systems of institutions, the Tomsk College of Civil Transport and the Tomsk Industrial Technical School; conducting scheduled evacuation training sessions from classes with students from the experimental group; carrying out the final defense of complex projects that allow assessing the holistic view of the individual about the studied subject. According to the data obtained as a result of the study, the value of the overall level of competencies in the control and experimental groups has changed by 15% and 26%, respectively, since the beginning of training. The efficiency indicator of the introduction of the competence approach was 11%, which, taking into account the limited number of training hours (72 hours), can be characterized as a positive result. Summing up the overall result of

the study, it should be emphasized that the implementation of the competence approach has shown sufficient effectiveness. At the same time, we believe, that an increase in the volume of training hours, taking into account the introduction of the proposed competence model, will allow us to achieve even more significant results.

Keywords: professional competencies, civil defense, civil defense commissioners in educational institutions, competence approach, anti-epidemic measures in educational institutions

For citation: Ayupov, R.F. & Kostyukova, T.A. (2022) Competency-based learning in the training of civil defense commissioners of educational institutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/1

Актуальность. В функционал системы гражданской обороны (ГО) входит обеспечение мер защиты населения от различных чрезвычайных ситуаций (ЧС) в военное и мирное время. Согласно постановлению Правительства РФ от 10.06.1999 г. № 782 «О создании (назначении) в организациях структурных подразделений (работников), уполномоченных на решение задач в области гражданской обороны», в каждой организации, включая все образовательные, приказом руководителя специально назначается уполномоченный по гражданской обороне.

За последние несколько лет образовательные учреждения (ОУ) столкнулись с серьезной проблемой обеспечения защищенности от различных видов угроз, таких как стрельба и массовые расстрелы, а также многочисленные пожары [1, 2]. По данным ФСБ РФ, с начала 2018 по 2020 г. было предотвращено свыше 50 нападений на образовательные учреждения и пресечена пропагандистская деятельность более 260 экстремистов [3].

Еще одной крупной проблемой стала необходимость проведения противоэпидемических мероприятий в связи с пандемией COVID-19. Анализ приказов и распоряжений образовательных учреждений Томской области (выборка за 2020 г. – 37 образовательных учреждений среднего и средне-профессионального уровня), посвященных защите от биосоциальных чрезвычайных ситуаций, показывает, что организация выдачи средств индивидуальной защиты лицам, находящимся в зоне риска заболевания, санитарная обработка помещений, а также корректировка режима работы стали проводиться только после соответствующих распоряжений Роспотребнадзора [4] и Министерства просвещения России [5], тогда как заблаговременность – один из основополагающих принципов функционирования системы ГО и защиты населения от чрезвычайных ситуаций.

Документы стратегического планирования в области гражданской обороны, вступившие в силу в период с 2016 по 2020 г., неоднократно подчеркивали неизбежность возникновения крупных чрезвычайных ситуаций, в том числе социального (терроризм) и биосоциального (пандемия) характера [6, 7]. В специальных публикациях, посвященных военным конфликтам, подчеркивается важность реализации мероприятий гражданской обороны. Так, П.В. Данилов ставит под сомнение тезисы о снижении крупномасштабных военных угроз для Российской Федерации и допускает возможность ведения ядерной войны [8].

Несмотря на то что указанные выше события должны были послужить толчком для модернизации и

развития подготовки уполномоченных по ГО образовательных учреждений, проведенное нами исследование установило, что изменения в примерных программах подготовки должностных лиц систем ГО и защиты от ЧС, в том числе в 2021 г., носили формальный характер. Так, за последние 5 лет основные изменения касались уточнения наименования категорий обучаемых; сокращения либо увеличения рекомендуемых учебных часов; исключения требований к учебно-материальной базе и т.д. Также необходимо отметить, что планируемые результаты освоения образовательных программ представлены в формате ЗУН (знания, умения, навыки), тогда как в системе Российского образования обоснованно доминирует компетентностный подход.

Таким образом, указанные выше положения позволяют заявить об имеющемся противоречии между необходимостью подготовки компетентных специалистов по ГО образовательных учреждений, способных решать широкий круг профессиональных задач, и содержанием действующей системы повышения квалификации (включая первичную подготовку) указанных специалистов, опирающейся на устаревшие подходы.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что разрешение указанного противоречия через компетентностный подход позволит опираться на личностное развитие взрослого человека/специалиста в своей области и усилит практическую составляющую его подготовки как уполномоченного по ГО образовательного учреждения, выходящую за пределы «ЗУНовского» образовательного пространства. Кроме того, переход к компетентностному подходу позволит осуществить затянувшуюся интеграцию подготовки уполномоченных по ГО ОУ с основными идеями современной педагогической науки.

Цель исследования: обосновать эффективность внедрения компетентностного подхода в подготовку уполномоченных по гражданской обороне образовательных учреждений как основного вектора в повышении квалификации указанных специалистов.

Методология исследования базируется на следующих научных подходах: компетентностном, деятельностном и андрагогическом.

Включение компетентностного подхода в профессиональную подготовку (И.А. Зимняя, Э.Ф. Зеер, Н.В. Кузьмина, А.В. Хуторской и др.) позволяет отойти от ориентации на получение сугубо теоретических знаний к их использованию для решения конкретных задач.

Деятельностный подход (А.Г. Асмолов, А.Н. Леонтьев, Г.П. Щедровицкий и др.) предоставля-

ет возможность слушателю стать активным участником образовательного процесса.

Подготовка уполномоченных по ГО образовательных учреждений рассматривается в контексте образования взрослых, отсюда важное значение имеет андрагогический поход (С.И. Змеев, И.А. Колесникова и др.), опирающийся на наличие у слушателя жизненного и профессионального опыта, стремления к самостоятельности, и учитывающий влияние социальных и бытовых факторов жизнедеятельности.

Основными методами исследования выступили: анализ литературы и нормативно-правовых актов; включенное наблюдение; педагогический эксперимент; анкетирование; количественная обработка и графическая интерпретация данных.

Проблематика подготовки уполномоченных по ГО образовательных учреждений практически не представлена в научно-исследовательском поле. К наиболее значимым работам можно отнести исследования Н.Н. Демускиной и В.В. Корбутова. Авторы рассматривают подготовку преподавателей ОБЖ в контексте совмещения ими должностей преподавателя и специалиста по ГО в образовательных системах, что является устоявшейся практикой среди образовательных учреждений среднего и средне-профессионального уровня.

Также к числу основных трудов по изучаемой проблеме стоит отнести работы Э.Н. Аюбова, Е.Э. Соловьевой и Н.В. Твердохлебова. Авторы рассматривают единую категорию обучаемых «Уполномоченные по ГО в организациях» (включая образовательные организации), однако отраслевая дифференциация в них не проводится. На наш взгляд, совместное обучение, например, представителей нефтеперерабатывающей отрасли, сельского хозяйства и образования, непродуктивно, особенно в контексте первичного обучения специалиста.

Одну из первых попыток исследовать компетентный подход применительно к подготовке в области гражданской обороны предприняли М.Т. Лобжа и М.Е. Норсеева. В своем исследовании авторы утверждают, что внедрение компетентного подхода позволило добиться увеличения числа слушателей, прошедших итоговую аттестацию на отлично, до 50%. Впрочем, в данной работе нет ответа, какие именно компетенции формировались, при этом результаты тестирования, представленные в работе, по-прежнему опираются на систему ЗУН [9].

Для более четкого понимания вектора исследования подготовки уполномоченных по ГО образовательных учреждений определим, что, согласно А.В. Хуторскому, ключевой термин «компетенция» понимается как совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способности и готовности к деятельности), установленных в отношении к конкретным предметам и процессам, необходимость которых определяет качество и продуктивность деятельности по отношению к ним [10, 11].

Ход исследования. Согласно методическим рекомендациям по созданию примерных программ [12] определение компетенций происходит на основании профессионального стандарта, в случае же его отсут-

ствия допускается использование других нормативно-правовых актов и квалификационных требований.

К такому типу документов стоит отнести Федеральные законы «О гражданской обороне» от 12.02.1998 № 28-ФЗ и «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ и Приказ МЧС от 23.05.2017 № 230 «Об утверждении Положения об уполномоченных на решение задач в области гражданской обороны структурных подразделений (работниках) организаций».

Для определения профессиональных требований, предъявляемых образовательными учреждениями к исследуемым специалистам, проведен контент-анализ должностных обязанностей и положений об уполномоченных по ГО в образовательных учреждениях Томской области (в выборку вошли 4 учреждения высшего образования; 23 учреждения средне-профессионального; 36 учреждений общего образования). В результате обобщения полученной информации удалось сформулировать ряд профессиональных компетенции, которыми призван обладать уполномоченный по ГО образовательного учреждения (табл. 1).

Таблица 1
Профессиональные компетенции уполномоченного по ГО образовательного учреждения

№ ПК	Наименование профессиональной компетенции
ПК-1	Способность анализировать опасности военного и мирного времени, их влияние на человека и окружающую среду
ПК-2	Способность разрабатывать и использовать необходимую документацию в области ГО и защиты от ЧС
ПК-3	Способность организовывать и проводить обслуживание средств индивидуальной и коллективной защиты ГО, а также контролировать состояние и принимать решения по их замене, выводе из эксплуатации, ремонте
ПК-4	Способность организовывать и управлять дегазацией, дезактивацией и санитарной обработкой людей, зараженной местности, материальных и культурных ценностей
ПК-5	Способность организовывать работу должностных лиц и специалистов систем ГО и защиты от ЧС
ПК-6	Готовность принимать участие в планировании и поддержании учебного процесса в условиях чрезвычайных ситуаций мирного и военного времени
ПК-7	Способность вести пропаганду мероприятий по гражданской обороне среди работников и учащихся
ПК-8	Готовность оказывать необходимую первую помощь в критических ситуациях

Указанные компетенции позволяют констатировать необходимость подготовки уполномоченного по ГО образовательного учреждения не только как сотрудника административно-управленческого корпуса, но и специалиста, участвующего в формировании образовательной среды через организацию соответствующей подготовки сотрудников и учащихся, ведение пропаганды профилактических мероприятий по ГО, проведение учебных тренировок и т.д.

Гипотеза исследования выстраивалась на предположении о том, что опора на идеи компетентного, деятельностного и андрагогического подходов позволит усилить практическую направленность подготовки специалистов по ГО образовательных систем за счет:

– ориентира на целостное формирование компетенций;

– совместного посещения конкретных образовательных учреждений для анализа функционирующих систем ГО;

– включения в содержание подготовки индивидуальных занятий, посвященных планированию и разработке документов по ГО на базе собственных образовательных учреждений (по месту работы уполномоченного ГО).

Результаты исследования. В рамках данного исследования осуществлена опытно-экспериментальная работа по апробации предлагаемых инноваций в подготовке уполномоченным по ГО образовательных учреждений.

Опытно-экспериментальной базой для сравнительной оценки эффективности предлагаемых изменений стали Учебно-методический центр по ГОЧС Томской области (далее – УМЦ) и Курсы гражданской защиты города Томска (далее – Курсы гражданской защиты). Данные учреждения были выбраны по принципу основного направления деятельности (подготовка должностных лиц системы ГО и РСЧС), схожести учебно-материальной и методической баз, а также педагогическому стажу действующих преподавателей (более 5 лет).

Контрольная группа, созданная на базе Курсов гражданской защиты, состояла из 26 человек из числа уполномоченных по ГО образовательных учреждений г. Томска.

На базе УМЦ по ГОЧС удалось сформировать экспериментальную группу, в которую вошли уполномоченные по ГО общеобразовательных школ, техникумов, училищ, лицеев, ДЮСШ, центров развития и т.д. (41 человек).

Для объективной оценки результатов исследования создана специальная группа экспертов (табл. 2), куда вошли наиболее компетентные уполномоченные по ГО ОУ Томской области.

Компетентность экспертов определялась по следующим критериям, обеспечивающим всесторонний взгляд на систему ГО:

- профессиональная служба в вооруженных силах;
- участие в ликвидации ЧС;
- опыт педагогической деятельности;
- опыт работы уполномоченным по ГО образовательного учреждения.

Соответствие каждому критерию оценивалось в 1 балл. Итоговая оценка производилась по формуле $K = \frac{x}{y}$, где K – коэффициент компетентности эксперта, x – сумма баллов, соответствующих критериям отбора экспертов, y – общая сумма критериев. Пороговое значение для принятия в экспертную группу составило 0,75, так как этот показатель говорит о соответствии респондента минимум по трем критериям отбора.

В задачи экспертной группы входили: разработка уровней сформированности компетенций и их характеристика, а также проведение экспертной оценки результатов анкетирования на начальном и итоговом этапах эксперимента. Вопросы анкеты отражали содержание каждой профессиональной компетенции. Например, для определения способности к анализу

опасностей мирного и военного времени (ПК-1) слушателю предлагалось кратко описать угрозы, характерные для места расположения его образовательного учреждения, а для определения компетенции, связанной с дозиметрическим и химическим контролем (ПК-4), требовалось описать свой опыт работы с соответствующим оборудованием.

Т а б л и ц а 2

Состав экспертной группы

Должность	Коэффициент компетенций
Уполномоченный по ГО Томского индустриального техникума	1
Начальник отдела безопасности ТГАСУ	0,75
Заместитель директора ОГУ «Управление по ГОЧС ПБ Томской области»	0,75
Главный специалист комитета социального и ресурсного обеспечения Департамента профессионального образования Томской области (уполномоченный по ГО департамента)	0,75
Уполномоченный по ГО Воронинской СОШ	0,75
Заместитель главного врача детской поликлиники № 1	0,75

Общее количество участников эксперимента составило 78 человек, распределенных в соответствующие группы (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Участники эксперимента

Группа участников эксперимента	Количество чел.
Контрольная группа (КГ)	26
Экспериментальная группа (ЭГ)	41
Экспертная группа	6
Преподаватели УМЦ по ГОЧС	3
Преподаватели Курсов гражданской защиты	2
Итого	78

Существенную трудность при проведении исследования представлял этап разработки критериев эффективности вводимых инноваций. М.Б. Челышкова подчеркивает, что при разработке критериев сформированности компетенций необходимо проработать их признаки и проявления, а также построить систему оценки [13]. Наиболее распространенными являются трех- и четырехуровневая системы оценки сформированности компетенций [14]. В работах Р.Б. Карасева и И.Н. Медведевой предлагается использовать четырехуровневую оценку профессиональных компетенций студентов [15, 16]. В свою очередь, оценка уровня сформированности компетенций опирается на уровень усвоения знаний и демонстрацию их в конкретных умениях и навыках, приобретаемых на практических (семинарских) занятиях, в научно-исследовательской и общественной работе [17].

При разработке критериев сформированности компетенций мы учитывали, что взрослый человек имеет достаточный опыт для выполнения минимального объема работы уполномоченного, заключающийся в поиске необходимого элемента нормативно-

правовой базы и воспроизведения документов по шаблону.

Для количественной оценки показателей установлено, что за каждый уровень сформированности одной компетенции начисляется соответствующее количество баллов (например, наличие 2-го уровня ПК-1 = 2 балла), а среднее значение суммы баллов в процентном соотношении будет указывать на общий уровень компетенций слушателя к деятельности уполномоченного по ГО ОУ. Таким образом, наибольшее значение количества баллов по исследуемым компетенциям (8 компетенций) составляет 32 единицы.

Процентное соотношение показателей общего уровня компетенций уполномоченного к деятельности специалиста по ГО в образовании было решено указывать в пределах:

– от 1 до 34% (низкий уровень компетенций), уровень, соответствующий опыту по ГО, получаемому в течение жизни (обучение в образовательных учреждениях, служба в ВС РФ, критические ситуации и т.д.). Специалист может ответить на вопросы в знакомой ситуации, эти вопросы сформулированы четко, предоставлена вся необходимая информация;

– от 35 до 49% (начальный уровень компетенций), подразумевает наличие опыта действий в критических ситуациях или участия в тренировках по предупреждению критических ситуаций, а также общее знакомство с системой ГО. Деятельность специалиста характеризуется умением принимать решения в простых ситуациях, интерпретировать и использовать полученную информацию из разных источников;

– от 50 до 74% (средний уровень компетенций), указывает на наличие опыта деятельности в сфере ГО образовательного учреждения, неоднократное прохождение подготовки в сфере ГО; свидетельствует о возможности обучающегося понимать проблему, устанавливать допущения, моделировать разные ситуации, осуществлять сравнение и оценку различных методов решения поступающих задач;

– от 75 до 100% (высокий уровень компетенций), свидетельствует о достаточном овладении всеми компетенциями в сфере организации системы ГО образовательных учреждений. Специалист умеет обобщать и использовать информацию, полученную в результате моделирования сложных ситуаций, осуществлять логическую аргументацию выбора решений поставленных задач и т.д.

Для получения более точных данных оценка компетенций проводилась двумя методами:

- 1) экспертная оценка – анкетирование;
- 2) тестирование – специально разработанный тест.

Вопросы, предлагаемые в анкете, формулировались так, чтобы у эксперта была возможность соотнести ответ респондента с уровнем компетенций. Например, для определения способности к анализу опасностей мирного и военного времени (ПК-1) слушателю предлагалось описать опасности мирного и военного времени, характерные для места расположения его образовательного учреждения. Далее эксперт соотносил ответ с таблицей компетенций и выставлял

соответствующий балл – от 1 до 4, где 1-й уровень = 1 баллу, а 4-й уровень = 4 баллам.

Для получения данных путем тестирования испытуемому предлагалось выбрать несколько вариантов ответа на заданный вопрос. Как и в случае с анкетированием, вопросы к тесту разрабатывались в соответствии с уровнями формируемых компетенций так, чтобы существовала возможность сопоставления с результатами экспертной оценки, т.е. каждый из 8 вопросов содержал в себе 4 варианта ответов, соответственно, за каждый выбранный ответ в вопросе тестируемому начислялся 1 балл.

Таким образом, среднее значение между суммами показателей тестирования и анкетирования составили итоговые показатели сформированности проверяемых компетенций.

Так, на первом этапе эксперимента среднее значение сформированности исследуемых компетенций в исследуемых группах составило 19% (КГ), 19,3 (ЭГ), что представлено на рис. 1.

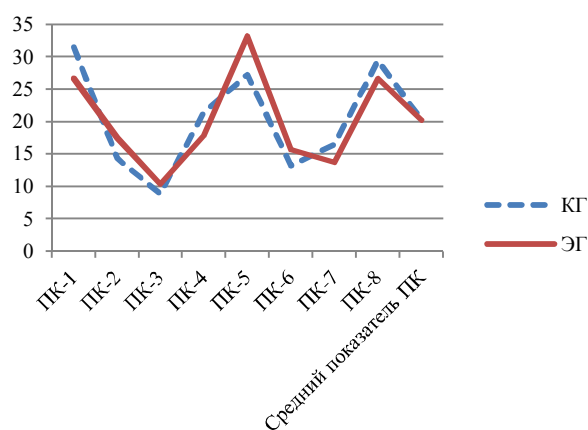

Рис. 1. Показатели сформированности уровней компетенций на начальном этапе эксперимента, %

Приведенные данные (рис. 1) показывают: слушатели в ЭГ и КГ имеют схожий начальный уровень по большинству компетенций, что обеспечивает равные стартовые позиции на пилотном этапе эксперимента.

После завершения пилотного (констатирующего) этапа эксперимента и выявления существующего уровня компетенций у основных участников эксперимента слушатели приступили к обучению по действующим программам в объеме 72 часов. При этом в содержание программы подготовки слушателей экспериментальной группы были внесены изменения в соответствии с вышеизложенными идеями заявленных методологических подходов, а именно:

- 1) основным ориентиром в подготовке явилось целостное формирование компетенций, а не ЗУН. Для разрешения данной задачи преподавателями-участниками образовательного процесса изучены составы экспериментальных групп по показателям: возраст, образование, место работы; проведен краткий картографический анализ потенциально опасных объектов вблизи мест работы слушателей. Полученные данные использовались в качестве примеров опасностей для конкретных образовательных учреждений в процессе индивидуальной и групповой форм работы;

2) осуществлялись выезды для анализа конкретных систем ГО учреждений, ОГБПОУ «Томский колледж гражданского транспорта» и ОГБПОУ «Томский индустриальный техникум»;

3) во время обучения проведена плановая тренировка по эвакуации из помещений УМЦ по ГОЧС с последующим самоанализом и общим обсуждением действий, выполняемых каждым специалистом. В первую очередь это позволило определить действительный уровень готовности личности к непредвиденным ситуациям;

4) итоговое задание выполнялось посредством разработки и защиты комплексных проектов, позволяющих оценить целостное представление личности об изучаемом предмете. В качестве основного итогового задания слушателям предлагалось разработать положение о Комиссиях по чрезвычайным ситуациям собственных образовательных учреждений.

По итогам прохождения обучения слушатели, участвующие в эксперименте, прошли повторные анкетирование и тестирование на предмет сформированных компетенций. Итоговые результаты отражены на рис. 2.

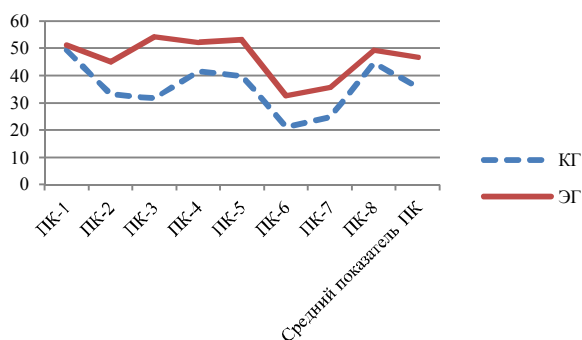

Рис. 2. Показатели уровня сформированности компетенций на итоговом этапе эксперимента, %

Согласно графику (рис. 2) наиболее эффективные результаты были получены при формировании ПК-3. На наш взгляд, этому способствовало включение экскурсионного метода – посещение экспериментальной группой защитного сооружения ГО, расположенного в одном из образовательных учреждений. Также обращают на себя внимание показатели отдельных компетенций (ПК-1 и ПК-8), демонстрирующие небольшую эффективность при внедрении компетентностного подхода. В первую очередь это может быть связано с высоким уровнем теоретизации содержания учебных дисциплин, характерных для ПК-1, и сложностью модернизации образовательного процесса по темам, посвященным формированию ПК-8.

Сравнение значений на начальном и итоговом этапах эксперимента приведены в табл. 4.

Таблица 4
Сравнение средних значений уровня сформированности компетенций участников эксперимента, %

Группа участников эксперимента	Среднее значение общего уровня компетенций на начальном этапе эксперимента	Среднее значение общего уровня компетенций на итоговом этапе эксперимента
Контрольная группа	20,3	35,8
Экспериментальная группа	20,2	46,7

Данные табл. 4 показывают, что значение общего уровня компетенций в КГ и ЭГ с момента начала обучения изменилось на 15 и 26% соответственно. Таким образом, показатель эффективности введения предлагаемых инноваций составил 11%.

Заключение. Итак, в условиях обострения проблемы обеспечения защищенности от различных видов угроз (стрельбы и массовых расстрелов, многочисленных пожаров, пропагандистской деятельности экстремистов и т.д.) актуализируется значение специализированной подготовки уполномоченных по гражданской обороне образовательных учреждений. Установлено, что введение в учебно-методических центрах по ГОЧС компетентностного подхода позволяет добиться существенных результатов в их профподготовке. Так, в ходе исследования слушатели экспериментальной группы достигли среднего уровня овладения обоснованными компетенциями по большинству показателей (ПК-1, ПК-3, ПК-4, ПК-5), тогда как в контрольной группе ни один из них, не превысил начального уровня. Достижение таких результатов стало возможным за счет присущих компетентностному подходу практической направленности, ориентации на индивидуальность каждого слушателя и самостоятельного выполнения проектного задания.

Практическая направленность выражалась в активном включении участников экспериментальной группы в экспертизу сторонних образовательных учреждений для анализа существующих в них систем ГО, что способствовало определению наиболее эффективных направлений развития деятельности по месту работы слушателей, а также формировало представление о необходимости учета специфических особенностей каждой образовательной организации. Другим важнейшим элементом практической работы стала организация тренировочных эвакуационных мероприятий. В первую очередь это позволило слушателям определить последовательность собственных действий во время движения на пути эвакуации, а также оценить действия других людей, находящихся рядом. После проведенного самоанализа и совместной экспертной оценки эффективности эвакуационных мероприятий обучающиеся смогли осознать наиболее уязвимые элементы, способные помешать правильному ходу эвакуации, и внести существенные коррективы в их планирование и организацию.

Ориентация на индивидуальность каждого слушателя реализовывалась за счет всестороннего анализа уровня и профиля базового образования, практического опыта участников экспериментальной группы преподавательским составом УМЦ по ГОЧС. Это позволило перейти от абстрактных примеров построения систем ГО к моделям, существующим в конкретных образовательных учреждениях.

Выполнение итогового задания в форме комплексного проекта предоставило возможность не только оценить целостное представление обучающихся об изучаемых учебных модулях, но и сформировать базисный документ, на основании которого каждый слушатель будет выстраивать систему ГО вверенного ему образовательного учреждения.

Список источников

1. Прошина О.М. Анализ статистических данных о пожарах и чрезвычайных ситуациях в образовательных комплексах крупных городов Российской Федерации // *Пожарная безопасность: проблемы и перспективы*. 2018. Т. 1. С. 761–764.
2. Гумбатова Р. М. Защита детей в чрезвычайных ситуациях // *Вестник науки и образования*. 2021. № 3 (106). С. 73–75.
3. Петров И. Горький урок: ФСБ предотвратила теракты в колледжах // *Российская газета*. 2020. 18 фев. С. 7.
4. Методические рекомендации МР 3.1/2.4.0178/1-20 «Рекомендации по организации работы образовательных организаций в условиях сохранения рисков распространения COVID-19» [Утв. Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека 8 мая 2020 г.] // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74079815/> (дата обращения: 20.09.2021).
5. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 17 марта 2020 г. № 104 «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы начального общего, основного общего и среднего общего образования, образовательные программы среднего профессионального образования, соответствующего дополнительного профессионального образования и дополнительные общеобразовательные программы, в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73679183> (дата обращения: 21.09.2021).
6. Военная доктрина Российской Федерации [Утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976]. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 22.06.2021).
7. «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года» [Указ Президента РФ от 20 декабря 2016 г. № 696]. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 15.07.2021).
8. Данилов П.В., Дашевский А.Р., Мансурова Е.С. Анализ современных подходов к организации и ведению гражданской обороны // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2020. № 4 (64). С. 70–73.
9. Лобжа М.Т., Норсеева М.Е. Эффективность подготовки работников организации в области комплексной безопасности на основе компетентного подхода // *Технологии гражданской безопасности*. 2016. № 1 (47). С. 34–38.
10. Хуторской А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // *Вестник Института образования человека*. 2011. № 1. С. 3.
11. Троянская С.Л. Основы компетентного подхода в высшем образовании : учеб. пособие. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2016. 176 с.
12. Методические рекомендации по разработке основных профессиональных образовательных программ и дополнительных профессиональных программ с учетом соответствующих профессиональных стандартов от 22 января 2015 года № ДЛ-1/05вн // СПС «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420264612> (дата обращения: 21.09.2021).
13. Челышкова М.Б. Аттестация выпускников вузов в рамках компетентного подхода // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2012. Т. 18, № 6. С. 270–273.
14. Ибрагимов Г.И., Ибрагимова Е.М. Оценка компетенций: проблемы и решения // *Высшее образование в России*. 2016. № 1. С. 43–52.
15. Карасева Р.Б. Методика оценки компетенций выпускника вуза // *Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии*. 2015. № 1 (41). С. 137–142.
16. Медведева И.Н., Мартынюк О.И., Панькова С.В., Соловьева И.О. К вопросу об оценивании универсальных компетенций студентов // *Педагогика и просвещение*. 2020. № 4. С. 30–36.
17. Попов Е.А., Кряклина Т.Ф. Специфика оценивания компетенций в системе профессионального образования // *Педагогика и просвещение*. 2017. № 1. С. 66–73.

References

1. Proshina, O.M. (2018) Analiz statisticheskikh dannykh o pozharakh i chrezvychaynykh situatsiyakh v obrazovatel'nykh kompleksakh krupnykh gorodov Rossiyskoy Federatsii [Analysis of statistical data on fires and emergencies in educational complexes of large cities of the Russian Federation]. *Pozharnaya bezopasnost': problemy i perspektivy*. 1. pp.761–764.
2. Gumbatova, R.M. (2021) Zashchita detey v chrezvychaynykh situatsiyakh [Protection of children in emergency situations]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 3 (106). pp. 73–75.
3. Petrov, I. (2020) Gor'kiy urok: FSB predotvratila terakty v kolledzhakh [A bitter lesson: The FSB prevented terrorist attacks in colleges]. *Rossiyskaya gazeta*. 18 February. p. 7.
4. Garant. (2020a) *Methodological recommendations MR 3.1/2.4.0178/1-20: Recommendations for organizing the work of educational institutions in the context of continued risks of the spread of COVID-19 [Approved by Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare on May 8, 2020]*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74079815/> (Accessed : 20.09.2021). (In Russian).
5. Garant. (2020b) *Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of March 17, 2020, No. 104: On organizing educational activities in organizations implementing educational programs for primary general, basic general and secondary general education, educational programs for secondary vocational education, relevant additional professional education and additional general education programs in the context of the spread of the new coronavirus infection on the territory of the Russian Federation*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73679183> (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
6. Garant. (2014) *Military Doctrine of the Russian Federation [Approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014, No. Pr-2976]*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru> (Accessed: 22.06.2021). (In Russian).
7. Garant. (n.d.) *On approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the field of civil defense for the period up to 2030 [Decree of the President of the Russian Federation of December 20, 2016, No. 696]*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru> (Accessed: 15.07.2021). (In Russian).
8. Danilov, P.V., Dashevskiy, A.R. & Mansurova, E.S. (2020) Analiz sovremennykh podkhodov k organizatsii i vedeniyu grazhdanskoy oborony [Analysis of modern approaches to the organization and conduct of civil defense]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie*. 4 (64). pp. 70–73.
9. Lobzha, M.T. & Norseeva, M.E. (2016) Effektivnost' podgotovki rabotnikov organizatsii v oblasti kompleksnoy bezopasnosti na osnove kompetentnostnogo podkhoda [Efficiency of training employees of an organization in the field of integrated security based on a competency-based approach]. *Tekhnologii grazhdanskoy bezopasnosti*. 1 (47). pp. 34–38.
10. Khutorskoy, A.V. (2011) Opredelenie obshchepredmetnogo soderzhaniya i klyuchevykh kompetentsiy kak kharakteristika novogo podkhoda k konstruirovaniyu obrazovatel'nykh standartov [Definition of general subject content and key competencies as a characteristic of a new approach to the design of educational standards]. *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka*. 1. p. 3.
11. Troyanskaya, S.L. (2016) *Osnovy kompetentnostnogo podkhoda v vysshem obrazovanii: uchebnoe posobie* [Fundamentals of the competency-based approach in higher education: textbook]. Izhevsk: Udmurt University.

12. SPS Kodeks. (2015) *Guidelines for the development of basic professional educational programs and additional professional programs, taking into account the relevant professional standards. January 22, 2015, No. DL-1/05vn.* [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/420264612> (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
13. Chelyshkova, M.B. (2012) Attestatsiya vypusnikov vuzov v ramkakh kompetentnostnogo podkhoda [Certification of university graduates in the framework of the competency-based approach]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova.* 18 (6). pp. 270–273.
14. Ibragimov, G.I. & Ibragimova, E.M. (2016) Otsenivanie kompetentsiy: problemy i resheniya [Assessment of competencies: problems and solutions]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia.* 1. pp. 43–52.
15. Karaseva, R.B. (2015) Metodika otsenki kompetentsiy vypusknika vuza [Methodology for assessing the competencies of a university graduate]. *Vestnik Sibirskoy gosudarstvennoy avtomobil'no-dorozhnoy akademii.* 1 (41). pp. 137–142.
16. Medvedeva, I.N., Martynyuk, O.I., Pan'kova, S.V. & Solov'eva, I.O. (2020) K voprosu ob otsenivanii universal'nykh kompetentsiy studentov [On assessing the universal competencies of students]. *Pedagogika i prosveshchenie.* 4. pp. 30–36.
17. Popov, E.A. & Kryaklina, T.F. (2017) Spetsifika otsenivaniya kompetentsiy v sisteme professional'nogo obrazovaniya [The specifics of competency assessment in the system of vocational education]. *Pedagogika i prosveshchenie.* 1. pp. 66–73.

Информация об авторах:

Аюпов Р.Ф. – аспирант кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: radpad@yandex.ru

Костюкова Т.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kostyкова@inbox.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.F. Ayupov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: radpad@yandex.ru

T.A. Kostyukova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kostyкова@inbox.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.10.2021;
одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 12.10.2021;
approved after reviewing 08.11.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 372.881.161.1
doi: 10.17223/15617793/474/2

Организационно-педагогические условия как факторы качества обучения русскому языку в билингвальных сельских школах

Алёна Васильевна Иванова

Научно-исследовательский институт национальных школ Республики Саха (Якутия), Якутск, Россия, alivv@yandex.ru

Аннотация. Представлены организационно-педагогические условия в качестве факторов, содействующих качественному обучению русскому языку в сельских образовательных организациях, ведущих образовательную деятельность на родном языке. Сформулированы методические рекомендации для участников образовательных отношений по созданию комплекса мер, обеспечивающих повышение качества обучения и нацеленных на формирование сбалансированного двуязычия у детей в условиях ограниченной речевой среды билингвальных сельских школ.

Ключевые слова: организационно-педагогические условия, качество обучения, билингвальное образование, сельская школа

Для цитирования: Иванова А.В. Организационно-педагогические условия как факторы качества обучения русскому языку в билингвальных сельских школах // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 13–21. doi: 10.17223/15617793/474/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/2

Organizational and pedagogical conditions as factors of the quality of education of Russian language teaching in bilingual rural schools

Alena V. Ivanova

Scientific Research Institute of National Schools of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russian Federation, alivv@yandex.ru

Abstract. In the Russian Federation, bilingualism and multilingualism are becoming an integral part of modern society. The problem of ensuring the availability of quality education, regardless of the place of residence and the language of instruction, is a priority task of the Russian education system. Organizational and pedagogical conditions can become one of the factors for obtaining high-quality education, regardless of the place of residence and language of education of students. The article presents the results of a study aimed at identifying organizational and pedagogical conditions that contribute to improving the quality of Russian language teaching in rural schools that conduct educational activities in their native language. A leading research method is questionnaire survey, which involved respondents from the 4 regions along with the state of the Russian language the state languages of the republics, namely the Republic of Altai, Republic of Sakha (Yakutia), Tatarstan, Tuva. The research material was based on the responses to questionnaires of 368 respondents in three groups: heads of rural educational organizations, Russian language teachers, students in grades 5-9 and their parents. In addition, the following methods were used: observation, conversation, interviews, questionnaires, content analysis, and study of school documentation. Based on the theoretical analysis of sources on the research topic, the concept of "organizational and pedagogical conditions" was specified; the definitions of the following types of conditions are clarified and formulated: motivational, administrative and managerial, personnel, material and technical, control and evaluation. The results of the study allowed us to identify these conditions as factors that ensure quality, and present them in terms of motivation (for what purpose?), organization (what and how?), personnel (who?), logistics (where and by what?) and evaluation and control (how?). The results obtained helped us to formulate methodological recommendations for creating organizational and pedagogical conditions as a set of certain pedagogical measures to influence participants in educational relations, ensuring the improvement of the quality of education and aimed at the formation of balanced bilingualism in children in bilingual education. For our multilingual country, state support for Russian and the native languages of its peoples is necessary not only as a factor of socio-political development, but also as a guarantee of state security of a multinational state.

Keywords: organizational and pedagogical conditions, quality of education, bilingual education, rural school

For citation: Ivanova, A.V. (2022) Organizational and pedagogical conditions as factors of the quality of education of Russian language teaching in bilingual rural schools. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 13–21. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/2

Введение

Одним из показателей получения качественного образования в условиях билингвальной среды является оптимальное владение русским и родным языками, которое должно реализовываться на принципах сбалансированного двуязычия.

Русский язык является государственным языком Российской Федерации, где, по предварительным данным Института языкознания РАН, насчитывается 153 языка, из которых использовались в качестве средства обучения 27 языков (с учетом русского) и изучались как предмет 72 языка [1].

Там, где установлены государственные языки, исторически сложившаяся система обучения на родных языках наблюдается в таких регионах, как Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Чувашская Республика, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва и др. Обучение русскому языку в билингвальных школах является непростым процессом, решающим двойную задачу: формирование практических навыков владения русским языком во всех видах речевой деятельности и получение знаний о системе русского языка. При этом должны учитываться особенности языковой ситуации в каждом регионе. В условиях ограниченной речевой среды на русском языке в двуязычных селах уровень владения русским языком, как правило, ниже уровня владения родным языком.

Из общего числа российских школ более 60% являются сельскими, часть которых расположена в труднодоступных и отдаленных районах. Главной темой ноябрьского номера 2019 г. журнала «Вестник образования», посвященного сельским школам, была их особая роль в системе образования страны, в которой 41 тысяча школ и большая часть из них – 23,5 тысячи – сельские, где обучаются 3,8 млн детей; около 13 тысяч, т.е. почти половина, малокомплектные, из более одного миллиона учителей в стране сельских педагогов – 470 тысяч. Для развития сельских школ в январе 2020 г. началась реализация одной из ключевых программ поддержки сельских педагогов «Земский учитель», в рамках которой планируется привлечь в сельские школы более 5 тысяч педагогов [2]. Таким образом, перед российским образованием ставятся задачи обеспечения доступности качества образования вне зависимости от места их расположения.

В сложившихся условиях проблема качества образования в сельских школах приобретает особую актуальность. Формирование организационно-педагогических условий может стать одним из факторов получения качественного образования вне зависимости от места проживания и языка образования.

Обзор литературы. В педагогической науке вопрос об организационно-педагогических условиях не теряет актуальности и сегодня. Обратимся в этой связи к толкованию понятия «педагогические условия» в исследованиях А.А. Володина, Н.В. Ипполитовой, А.Я. Найна и др.

Н.В. Ипполитова, Н.С. Стерхова педагогические условия рассматривают как «один из компонентов педагогической системы, отражающий совокупность

возможностей образовательной и материально-пространственной среды, воздействующих на личностный и процессуальный аспекты данной системы и обеспечивающих ее эффективное функционирование и развитие» [3. С. 11].

А.Я. Найн считает, что педагогические условия есть «совокупность объективных возможностей, содержания, форм, методов, педагогических приемов и материально-пространственной среды, направленных на достижение поставленных задач» [4. С. 44–49], что отражает необходимость влияния педагога и среды на развитие личности.

В аспекте нашего исследования целесообразнее рассматривать организационно-педагогические условия (ОПУ) как единое понятие. Опираясь на мнение ученых, надо отметить, что «целостная система реализуемых организационных и педагогических условий формирует педагогическую систему. Организационные условия определяют пространственную среду в целом, а педагогические условия придают особенность пространственной среде, преобразуя ее в специфический формат – образовательную среду. Формирование организационных условий создает возможности для реализации педагогических условий» [5. С. 150].

Во многих научно-педагогических исследованиях звучит тема ОПУ (нами рассмотрены около 30 работ), но только в трех из них даны определения понятия. Также нами рассмотрены диссертации, темой которых являются ОПУ именно в сельских школах [6–10]. Авторами этих диссертаций вынесены на защиту те или иные комплексы условий, выявленные ими в рамках тематики исследований. Данные ОПУ объединяются вопросами взаимосвязанной деятельности администрации, педагогов, учащихся, родителей, кадрового, учебно-методического, материально-технического обеспечения.

Учеными отмечены проблемы сельских детей в сравнении с городскими: низкий уровень организаторских и коммуникативных умений, неуверенность в своих силах, повышенная тревожность, неадекватная самооценка, конформизм, низкий уровень мотивации учения, самостоятельности в принятии решений, трудности в общении с новыми людьми, сложности при адаптации в новых условиях. Также выявлены организационно-педагогические проблемы в условиях сельских образовательных организаций: недостаточность потенциала сельской школы для построения образовательного процесса с учетом потребностей и запросов обучающихся, родителей (семьи); ориентированность учебников в основном на обучение городских детей в классном коллективе; недостаточность методических рекомендаций по организации обучения и воспитания с учетом специфики сельской школы, использованию ресурсов социума; недоступность для широкого использования научно-методических разработок по решению проблем сельской школы, имеющихся в регионах и др. [11. С. 72–73].

В ежегодном послании Президента Федеральному собранию прозвучала задача: сформировать условия, при которых каждый ребенок, где бы он ни жил, мог

получить качественное образование. Специфика понятия «качество образования» на уровне образовательной организации рассматривается в работах [12–15]. С точки зрения С.Е. Шишова, В.А. Кальней, «качество образования определяется совокупностью показателей, характеризующих различные аспекты учебной деятельности образовательного учреждения: содержание обучения, формы и методы обучения, материально-техническая база, кадровый состав и т.п., которые обеспечивают развитие компетенций обучающейся молодежи» [16. С. 78]. М.М. Поташник определяет качество образования «как соотношение цели и результата, как меры достижения целей при том, что цели (результаты) заданы только операционально и спрогнозированы в зоне потенциального развития школьника» [15. С. 33]. В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» говорится, что «качество образования – комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [17].

Среди учебных предметов русский язык, бесспорно, занимает особое место, являясь государственным языком Российской Федерации, языком межнационального общения. Система языкового образования в многонациональной России должна реализовываться на принципах сбалансированного двуязычия. Такой подход способствует развитию русского языка и сохранению родных языков народов России и является основой билингвального образования. Термин «билингвизм» в словаре методических терминов объясняется как «1) способность индивида или группы пользоваться попеременно двумя языками; 2) реализация способности пользоваться попеременно двумя языками; практика попеременного общения на двух языках» [18. С. 29]. По мнению Е.А. Хамраевой, «в работе с детьми-билингвами, проживающими в Российской Федерации, используется методика преподавания русского языка как государственного, но адаптированная для ребенка, находящегося в условиях билингвальной языковой среды» [19. С. 4].

Методы исследования

В целях выявления ОПУ обеспечения качества обучения русскому языку (государственному языку Российской Федерации) в сельских общеобразовательных организациях, ведущих образовательную деятельность на родном языке республик в контексте билингвального образования, проведено исследование в Республиках: Саха (Якутия), Татарстан, Тыва и Алтай с участием четырех групп респондентов (административно-управленческий персонал (АУП), учителя, обучающиеся, родители).

В процессе исследования были использованы теоретические методы: изучение и анализ нормативных правовых документов и научной литературы, статистических данных по исследуемым регионам, эмпирические: наблюдение, беседа, интервью, анкетирование, контент-анализ, изучение школьной документации, обобщение полученных результатов.

База исследования. Исследованием было охвачено 368 респондентов, из них – 195 учащихся 5–9-х классов, 60 учителей русского языка, 45 представителей АУП и 68 родителей из 21 сельской образовательной организации. Из школ, принявших участие в исследовании, 2 гимназии, 1 аграрный лицей-интернат, 1 аграрная школа-интернат, 17 средних общеобразовательных школ.

Этапы исследования. Исследование проводилось в три этапа. Первый этап – теоретический анализ научной литературы об ОПУ обеспечения качества обучения, сбор и анализ статистических данных об общем количестве образовательных организаций, количестве обучающихся, информации об образовательной деятельности по регионам; разработка пакета инструментария исследования. На втором этапе проведена апробация инструментария исследования среди педагогов и представителей АУП образовательных организаций Республики Саха (Якутия), анализ результатов и доработка по итогам апробации. На третьем этапе проведено исследование в четырех регионах, произведены: обработка полученных данных и анализ результатов отдельно по каждому региону и в сопоставлении, на основе результатов исследования – проектирование ОПУ обеспечения качества обучения русскому языку в сельских общеобразовательных организациях, ведущих образовательную деятельность на родном языке.

Результаты

Во всех регионах, в которых проводилось исследование, установлены государственные языки республик наряду с государственным русским языком. Выбор регионов и образовательных организаций обосновывался ведением образовательной деятельности на родном языке республик в контексте билингвального образования. Исследование проводилось в сельских школах, специфика которых заключается в том, что многие из них находятся в отдаленных и труднодоступных районах. В сельской местности школа является социокультурным центром, что повышает ее роль в социально-образовательном развитии села. Большей частью образовательные организации являются малочисленными, и соответственно, малокомплектными. Но несмотря на имеющуюся специфику, перед сельскими школами стоит та же задача организации условий для обеспечения качественного образования, как и перед образовательными организациями, функционирующими в условиях города.

На основе анализа научных подходов к данному понятию в аспекте исследования нами конкретизировано понятие «ОПУ», которые мы рассматриваем как совокупность определенных педагогических мер воз-

действия на участников образовательных отношений, обеспечивающих повышение качества образования, нацеленных на формирование сбалансированного двуязычия у детей в условиях билингвального образования. Среди ОПУ нами выделены и сформулированы определения пяти условий, на наш взгляд, способствующих повышению качества обучения русскому языку в двуязычных сельских образовательных организациях:

- мотивационные;
- административно-управленческие;
- кадровые;
- материально-технические;
- контрольно-оценочные.

1. *Мотивационные условия* – условия, формирующие потребность, положительное отношение детей и их родителей к изучению русского языка в сельской образовательной среде с учетом особенностей двуязычия.

Мотивация к изучению языка – одна из ключевых в процессе обучения. В нашем исследовании необходимо было выявить условия для развития в рамках учебного процесса мотивированности к изучению русского языка для участников образовательных от-

ношений: обучающихся и их родителей, а также представителей администрации школ. С этой целью данные условия мы разграничили по следующим компонентам: языковая среда, важность владения и мотивация к процессу обучения.

Основная идея мотивирования заключается в создании *среды общения*, которая играет немаловажную роль в овладении языком. 90% директоров и их заместителей в школах Алтая отмечают сильное влияние языковой среды на качественное овладение русским языком, половина опрошенных учителей согласна с этим. Такой точки зрения придерживаются 90% АУП, 81% опрошенных учителей Татарстана. 91% администраций школ Тувы и 75% учителей Якутии согласны с данной точкой зрения. Недостаточное развитие среды на русском языке в сельской местности указано респондентами как одно из условий, отличающих сельскую школу от городской. В связи с этим представляют интерес ответы респондентов на вопрос, связанный с языком общения в семье (рис. 1). Следует указать, что общение на родных языках отмечается именно в сельской местности, родители двух регионов (Татарстана и Тувы) не указали русский язык как язык общения в семье.

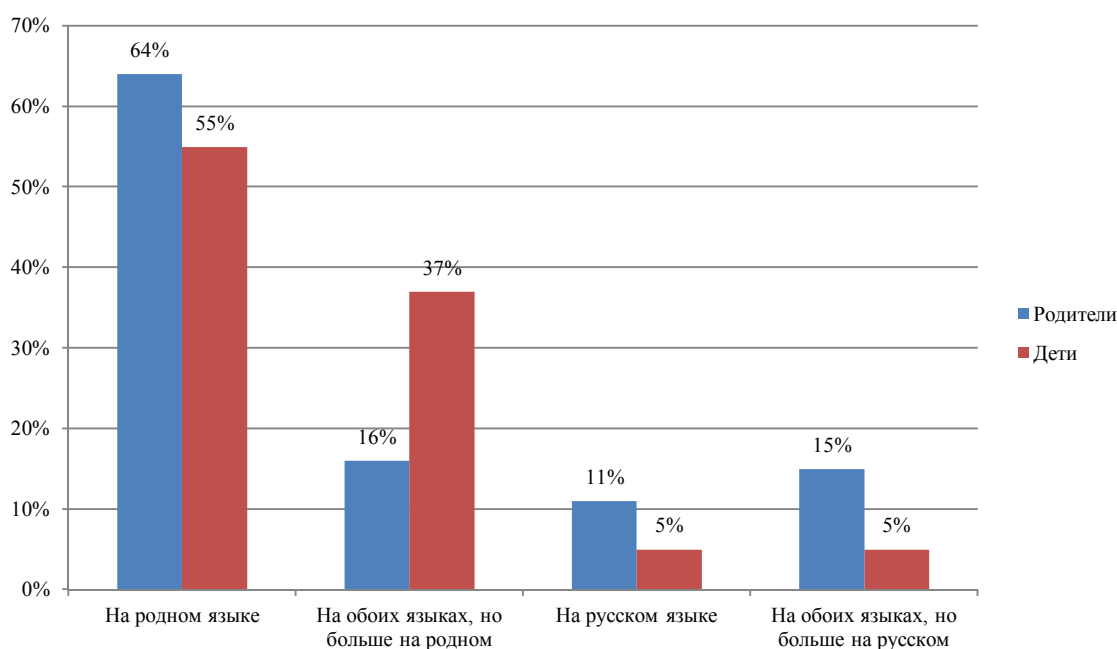

Рис. 1. Язык общения в семье

Важность владения русским языком. 87% (Тува), 80% (Татарстан), 76% (Якутия), 73% (Алтай) учащихся отметили, что русский язык – это язык межнационального общения, без его знания невозможно общаться с людьми другой национальности. Анализ полученных данных позволяет утверждать, что владение русским языком воспринимается как инструмент взаимодействия с представителями других народов. Также условие владения этим языком дает возможность для презентация себя как представителя той или иной национальности в процессе межкультурного общения.

Мотивация к процессу обучения. 94% (Тува), 80% (Якутия), 70% (Алтай), 63% (Татарстан) учи-

телей отмечают, что желание учеников имеет первостепенное значение для достижения качественных результатов по русскому языку. Отношения учащихся и учителей, основанные на неуважении, являются источником демотивации. В формировании мотивации к процессу обучения немаловажную роль играет мнение и родителей. Для 66% (Тува и Якутия), 61% (Алтай) этой группы респондентов важны человеческие качества учителя: доброе отношение к детям, порядочность, высокий уровень культуры; для 81% родителей Татарстана имеет значение добросовестное отношение учителя к своей профессии.

43% (Якутия), 22% (Татарстан), 20% (Тува), 17% (Алтай) учащихся ответили, что знания по русскому языку необходимы для поступления. 92 и 90% (Татарстан и Тува), 76 и 75% (Якутия и Алтай) детей уверены, что хорошее знание русского языка будет играть не последнюю роль в их будущей профессии. 100% (Тува), 84% (Алтай), 73% (Якутия и Татарстан) родителей также высказали мысль, что это будет иметь большое значение в жизни их детей.

Таким образом, показатели выявили для родителей мотивационную связь изучения русского языка с уважительным отношением во взаимоотношениях педагогов и учащихся, для детей – дальнейшее личностное продвижение и условие получения престижной профессии в будущем. 33% обучающихся четырех регионов ответили: без знания русского языка нельзя считать себя образованным человеком, что служит доказательством функции языка как показателя уровня образованности.

2. *Административно-управленческие условия* – совокупность форм организации образовательного процесса, направленных на обеспечение качества обучения русскому языку в сельских образовательных организациях. Мы рассматриваем оценку количества часов, отводимых на изучение, организацию внеурочной деятельности.

Оценка количества часов. 100% (Татарстан и Якутия), 83% (Тува), 54% (Алтай) представителей АУП, 86% (Татарстан и Якутия), 75% (Тува), 73% (Алтай) родителей уверены, что количество часов в вариантах учебного плана для основной школы достаточно для достижения результатов освоения программы по русскому языку. 81% (Татарстан), 86% (Якутия) учителей русского языка согласны с мнением, что имеющееся количество часов достаточно для приобретения учащимися качественных знаний по предмету. В Туве и Алтае этот показатель ниже (68 и 40% соответственно). Все респонденты указали, что занятия проводятся в урочное время. Полученные результаты по оценке количества часов, отводимых на изучение учебного предмета «Русский язык» в учебном плане, показывают согласованность опрошенных двух групп респондентов: представителей АУП и родителей. Учителя указывают на недостаточность количества часов в 9-х классах, что объясняется подготовкой к ОГЭ.

Организация внеурочной деятельности с учетом языка. Во всех регионах, где проходили исследования, учителя и родители отметили, что в школах мероприятия, кроме тех, что посвящены родному языку и национальным праздникам, проводятся в основном на русском языке. На русском языке организуются предметные недели, конкурсы, олимпиады, читательские конференции, театральные постановки, конкурсы чтецов, литературные, тематические вечера, встречи со знаменитыми людьми села, района, проекты, библиотечные уроки и др. Примечательно, что в одной школе Тувы каждую среду организовывается День русского языка. 73% родителей Татарстана и Якутии, 69% Алтая и 53% Тувы указали, что их дети после уроков посещают кружки, занятия в учреждениях дополнительного образования. 60% (Тува), 51% (Якутия) 46% (Алтай), 24% (Татарстан) детей ответи-

ли, что посещают кружки, дополнительные занятия по русскому языку. Большая часть учащихся из Якутии (60%) и Татарстана (54%) принимает участие в олимпиадах по русскому языку, на Алтае (48%) и Туве (47%) участников олимпиад менее половины из опрошенных. Также менее половины отметили свое участие в конкурсах: 46% (Тува), 45% (Татарстан, Якутия), 33% (Алтай). И по всем регионам 5% учащихся принимают участие в научно-практических конференциях.

Пользование интернетом отмечают респонденты всех регионов, ситуация в каждом из них разная (рис. 2). Свыше трех часов в интернете проводят дети из Якутии (35%). Более оптимальное время использования глобальной сети наблюдается у респондентов Татарстана (51% – от 1 до 2 часов). Учитывая, что интернет – это часть жизни современных детей, можно использовать возможности современных цифровых технологий в интересах обучения, например, рассмотреть благоприятные возможности сети Интернет как пространства для развития русского языка.

Для овладения любого языка необходим ряд организационных условий, прежде всего, оптимальное сочетание урочного и внеурочного времени. В условиях двуязычной сельской образовательной организации, которая является социокультурным центром, необходимо сбалансированное использование родного и русского языков в качестве языка образования в организации урочных и внеурочных форм деятельности.

3. *Кадровые условия* – это комплекс мер, направленных на совершенствование кадрового потенциала сельской общеобразовательной организации в целях повышения уровня преподавания русского языка.

Уровень качества знаний обучающихся, их отношение к предмету во многом обусловлены качеством преподавания и личностью самого учителя. С точки зрения 80–83% учащихся трех регионов (Алтай, Татарстан, Якутия), именно уроки русского языка помогают им получить качественные знания по языку, в Туве такую точку зрения высказали 72% детей. Личность учителя – важный показатель отношения к любому предмету в школе. 80% (Татарстан), 75% (Тува), 63% (Якутия), 60% (Алтай) учащихся считают, что отношение к предмету зависит от них самих, хотя менее половины высказались за роль в этом учителя: 45% (Якутия), 40% (Татарстан), 33% (Алтай), 30% (Тува). В качестве основного условия обеспечения качества обучения 81% директоров и завучей Татарстана и Якутии отмечается добросовестное отношение учителя к своей работе, с этим согласны свыше половины респондентов из Тувы (58%) и Алтая (54%). Но все же 100% представителей АУП Татарстана и Алтая (72%) уверены, что профессиональное развитие учителя является основным фактором, влияющим на обеспечение качества образования, в Туве и Якутии с этим согласны 58 и 54% респондентов соответственно.

Для 92–93% родителей Алтая и Татарстана компетентность в преподаваемом предмете, педагогическое мастерство, творческий подход к профессии являются приоритетными требованиями к учителю для получения их детьми качественных знаний по предмету, их

мнение разделяют 60% родителей Якутии и половина респондентов Тувы. Для педагогов повышение своей профессиональной компетенции имеет немаловажное значение в работе. Более высокую оценку уровню профессиональной подготовки учителей русского языка своих школ дают в Татарстане (54%), Туве (66%) и Якутии (54%), на Алтае этот показатель ниже (18%). Во всех регионах преобладает количество учителей со стажем свыше 10 лет: 90% – в Татарстане, 70% – на Алтае, 68% – в Туве, 55% – в Якутии. При

преобладающем количестве опытных учителей невысока доля имеющих высшую категорию: 40% учителей русского языка в школах Якутии, где проводилось анкетирование, имеют высшую категорию, 25% – в Туве, 20% – на Алтае, 18% – в Татарстане. Также наблюдается, что русский язык преподают учителя других предметов, что характеризует специфику именно сельской школы – невозможность обеспечения достаточной нагрузки для учителей-предметников.

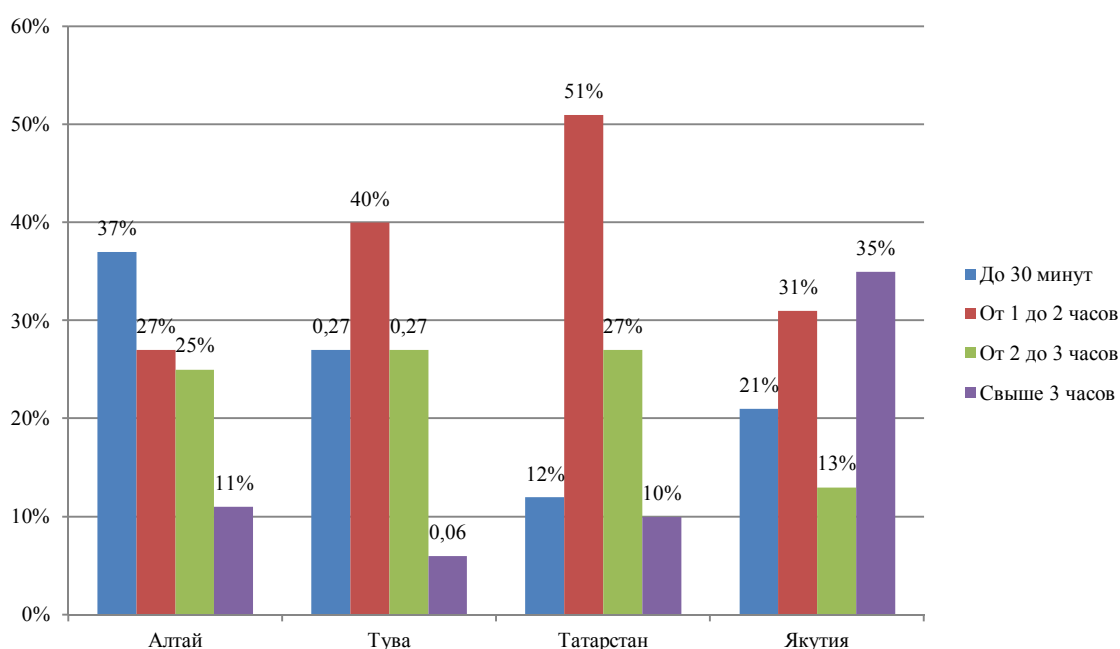

Рис. 2. Время пользования детьми интернетом

Представители АУП рекомендуют провести мониторинг по обеспечению педагогическими кадрами в отдаленных районах, где имеется нехватка квалифицированных преподавателей. В Республике Тыва для улучшения качества обучения русскому языку привлекают к работе в условиях села русскоязычных учителей, и не только по предмету «Русский язык».

4. *Материально-технические условия* – совокупность учебно-методических, информационно-технических средств, способствующих эффективной реализации требований к результатам освоения основной образовательной программы в части учебного предмета «Русский язык».

97% учащихся Тувы ответили, что учебники, по которым они учатся, помогают получить глубокие знания по русскому языку, с ними солидарны 88% учащихся Татарстана, 83% респондентов Якутии и Алтая. 86% родителей Татарстана и 80% родителей Алтая и Якутии согласны с тем, что качество знаний их ребенка по русскому языку полностью зависит от учебников, по которым он учится, в Туве такого мнения придерживаются 75%.

В федеральный перечень учебников, допущенных к использованию при реализации обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательных отноше-

ний, включено семь учебно-методических комплектов по учебному предмету «Русский язык» для основной школы. Из четырех регионов в двух (на Алтае и в Туве) все образовательные организации работают по учебно-методическому комплексу Т.А. Ладыженской для основной школы, по другим учебникам работа не ведется. При выборе УМК учителя в основном руководствуются обеспечением сочетания предметных, метапредметных, личностных результатов, отражением интересов и потребностей современного ребенка; формированием коммуникативной, культурологической компетенций, соответствием требованиям ФГОС, содержанием учебников, системностью учебного материала и т.д. Наличие линии учебников в свободном доступе, отзывы коллег тоже имеют немаловажное значение. В двух республиках (Татарстан, Якутия) 29% еще используют УМК Е.А. Быстровой. Также в этих регионах пользуются региональными учебными пособиями, которые считают необходимыми для вариативного обучения, индивидуально-дифференцированного подхода в билингвальной языковой среде.

Почти все респонденты ответили, что школьные и сельские библиотеки оказывают помощь в повышении уровня овладения русским языком. Если обратиться к оснащению библиотек учебно-методической

и художественной литературой, то ее нехватка практически не отмечается. Но вместе с тем надо указать, что не во всех библиотеках сельских образовательных организаций имеются книги из перечня «100 книг» по истории, культуре и литературе народов РФ, большей частью только половина.

Какие же недостатки отметили руководители сельских образовательных организаций в обеспечении учебно-методической литературой (учебниками, программами и т.д.) по русскому языку? Более половины респондентов Алтая, Татарстана (54%) и Якутии (53%) указали проблемы с финансовым обеспечением, 58% административного персонала сельских школ Тувы отметили трудности, связанные с доступом к информационным образовательным ресурсам в интернете. Для 63% респондентов Татарстана имеются проблемы в обеспеченности цифровыми и электронными ресурсами.

5. *Контрольно-оценочные условия* – комплекс оценочных форм по контролю качества обучения учебному предмету «Русский язык» в условиях сельской билингвальной среды.

Качество обучения оценивается по результатам итоговой аттестации. По данным Росособнадзора, по России на ЕГЭ по русскому языку учащиеся показывают стабильные результаты; так, в 2017 г. балл составил 69,1, в 2018 г. – 70,9, в 2019 г. – 69,4, в 2020 г. – 71,6. По сравнению с предыдущими годами наблюдается повышение: за 2011 г. средний балл составлял 60,02, а за 2016 г. – 68. Положительная динамика наблюдается по всем субъектам и России в целом. Самые высокие результаты показывают выпускники Татарстана: средний балл выше, чем по стране. Показатели Якутии стабильные с небольшой динамикой роста.

В качестве основных факторов, определяющих качество обучения русскому языку в сельских школах, 100% представителей АУП Татарстана и Якутии указали результаты ВПР, ОГЭ, ЕГЭ, их мнение разделяют 91% респондентов Алтая и Тувы. ВПР, ОГЭ, ЕГЭ среди причин изучения русского языка в школе указало разное количество учащихся в регионах: 54% – в Татарстане, 43% – в Якутии, 35% – на Алтае, 22% – в Туве. Лишь чуть более 22–26% обучающихся Алтая, Тувы и Якутии ответили, что дополнительно занимаются с репетитором, в Татарстане таких детей всего 12%. Из них только малая часть – учащиеся 9-го класса, т.е. подготовка к итоговой аттестации не является показателем обращения к услугам репетиторов. Для учителей всех регионов необходима организация дистанционных консультаций по изучению эффективных методик подготовки учащихся к ОГЭ, ЕГЭ.

Если обратиться к оценке уровня знаний по русскому языку родителями своих детей, то показатели низкие, учащиеся также невысоко оценивают свои знания. Половина респондентов Тувы и 33% родителей Якутии оценили уровень владения русским языком своего ребенка как выше среднего и средний. Среди родителей Татарстана и Алтая этот показатель составляет 26 и 30%.

В качестве рекомендаций учителя высказали пожелания повысить ответственность родителей за контроль знаний и систематической подготовки к урокам.

66% родителей Якутии ответили, что иногда оказывают помощь детям в выполнении заданий, в других регионах помогают детям 41–46%. В основном, свыше половины учащихся всегда самостоятельно выполняют дома задания по русскому языку: в Татарстане – 64%, в Якутии – 58%, в Туве – 57%, на Алтае – 55%.

Дискуссионные вопросы

Результаты, полученные в ходе нашего исследования, позволяют сделать вывод о том, что одним из факторов, определяющих качество обучения в сельских образовательных организациях, являются итоги ОГЭ, ЕГЭ и количество выпускников, поступивших в средние и высшие учебные заведения. Беседы и интервью с администрацией и учителями показали, что среди условий, отличающих сельские школы от городских в части обеспечения качества обучения русскому языку, респонденты отмечают кадровый состав и организацию дополнительных занятий, репетиторство. Но в ходе исследования установлено, что такую точку зрения по дополнительным занятиям с репетиторами не разделяют учащиеся и их родители, о чем свидетельствуют результаты анкетирования. Несмотря на неоднозначное отношение к этому вопросу, необходимо учитывать тот факт, что дополнительные занятия помогают мотивировать детей на успех, способствуют их социализации, что в конечном итоге положительно скажется на качестве образования в целом.

Таким образом, мы согласны с мнением, что «основными задачами проведения таких занятий на селе являются: подготовка к ОГЭ и ЕГЭ, восполнение пробелов в знаниях, углубленное обучение предметам школьной программы, что чаще всего обусловлено нехваткой квалифицированных специалистов в сельских школах и дефицитом финансирования малочисленных школ. Современный репетитор не сообщает ребенку готовые знания и решение проблемы, а создает условия для принятия ребенком обоснованных и самостоятельных решений, тем самым стимулируя его саморазвитие» [20. С. 88].

Одними из факторов, обеспечивающих качество обучения русскому языку в сельских школах, являются ОПУ, которые представлены нами в аспекте мотивации (с какой целью?), организации (что и каким образом?), кадров (кто?), материально-технического обеспечения (где и чем?) и оценки и контроля (как?).

Заключение

На основе результатов исследования нами сформулированы методические рекомендации по реализации ОПУ как одного из факторов, обеспечивающих качество обучения:

а) *мотивационных:*

– объединение усилий учреждений культуры (библиотек, домов культуры) и образовательной организации как социокультурного центра в сельской местности для организации сбалансированной среды об-

щения на родном и русском языках в условиях билингвизма;

– на фоне усиливающейся мотивации к изучению иностранных языков необходима поддержка интереса к русскому языку как показателю уровня образованности и инструменту межнационального общения;

б) административно-управленческих:

– оптимальное использование родного и русского языков при организации мероприятий, кружковых занятий во внеурочное время;

– использование возможностей информационно-коммуникационных технологий сети Интернет как пространства для развития русского языка;

в) кадровых:

– привлечение в сельские школы квалифицированных педагогов через реализацию федеральной программы «Земский учитель», стартовавшей в 2020 г.;

– совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров-учителей русского языка для работы в условиях национальных субъектов РФ;

г) материально-технических:

– использование компетенций образовательной организации, установленных федеральным законом, при определении списка учебников по русскому языку из предлагаемых федеральным перечнем учебников, допущенных к использованию при реализации обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательных отношений;

– усиление обеспечения школьных и сельских библиотек художественной литературой, в том числе

из перечня «100 книг» по истории, культуре и литературе народов РФ;

д) контрольно-оценочных:

– с целью повышения эффективности образовательного процесса с использованием современных цифровых ресурсов создание портала для педагогов по обобщению и обмену опытом лучших практик подготовки обучающихся к ВПР, ОГЭ, ЕГЭ по русскому языку между субъектами РФ, где установлены государственные языки республик;

– начисление дополнительных баллов по итогам ОГЭ, ЕГЭ по русскому языку с учетом того, что русский язык является неродным для выпускников образовательных организаций, ведущих образовательную деятельность на родном языке.

На основе теоретического анализа источников по теме исследования конкретизировано понятие «ОПУ»; уточнены с формулировкой определений виды условий, необходимые для формирования сбалансированного двуязычия у детей в контексте билингвального образования. Результаты исследования в четырех субъектах России послужили основой для проектирования мотивационных, административно-управленческих, кадровых, материально-технических, контрольно-оценочных ОПУ, содействующих обеспечению качества обучения русскому языку в сельских образовательных организациях. Для Российской Федерации актуальна государственная поддержка русского и родных языков ее народов не только как фактор социально-политического развития, но и как залог обеспечения государственной безопасности многонационального государства.

Список источников

1. Языки России // Институт языкознания РАН. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/jazykirf>
2. Садовникова Ж.В. Сельские школы России // Вестник образования. 2019. Ноябрь. URL: <http://vestnik.edu.ru>
3. Ипполитова Н.В., Стерхова Н.С. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education. 2012. № 1. С. 8–14.
4. Найн А.Я. О методологическом аппарате диссертационных исследований // Педагогика. 1995. № 5. С. 44–49.
5. Володин А.А., Бондаренко Н.Г. Анализ содержания понятия «организационно-педагогические условия» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 143–152.
6. Ашихмина Г.А. Организационно-педагогические условия жизнедеятельности ученического коллектива сельской школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2004. 24 с.
7. Вербищева Е.А. Организационно-педагогические условия перехода сельских школ на профильное дифференцированное обучение : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2004. 28 с.
8. Николаева М.Н. Организационно-педагогические условия творческого саморазвития учащихся (на примере сельских школ Республики Саха (Якутия) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Якутск, 2005. 24 с.
9. Пополитова О.В. Организационно-педагогические условия социальной адаптации учащихся малочисленной школы в сельском социуме : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2007. 22 с.
10. Шергин М.В. Организационно-педагогические условия развития творческих способностей старшеклассников: на примере сельских школ Республики Саха (Якутия) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. 2003, Якутск. 24 с.
11. Байбородова Л.В., Степанова Т.А. Особенности введения федеральных государственных образовательных стандартов общего образования в сельской школе // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. II (Психолого-педагогические науки), № 4. С. 66–73.
12. Загвязинский В.И. Методология и методы психолого-педагогического исследования : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд. М. : Академия, 2005. 208 с.
13. Моисеев А.М., Моисеева О.М. Проектное управление в образовании : учеб.-метод. комплект материалов для подготовки тьюторов. М. : АПК и ППРО, 2007. 124 с.
14. Матрос Д.Ш. Управление качеством образования на основе новых информационных технологий и образовательного мониторинга // Школьные технологии. 1999. № 1. С. 10.
15. Потапшик М.М. Управление качеством образования. М. : Педагогическое общество России, 2000. 448 с.
16. Шишов С.Е., Кальней В.А. Мониторинг качества образования в школе. М. : Российское педагогическое агентство, 1998. 354 с.
17. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 2019) «Об образовании в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru>
18. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
19. Хамраева Е.А. Билингвальное образование, субмерсия и иммерсия как способы сохранения родного языка // Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия (мировой опыт реализации языковой политики в федеративных государствах) : междунар. науч.-практ. конф. 11 декабря 2019, г. Казань : сб. материалов. Казань : ИЯЛИ, 2019. С. 3–5.
20. Байбородова Л.В., Шипкова Е.Н. Анализ практики частных вспомогательных занятий с сельскими школьниками // Образование и саморазвитие. 2020. Т. 15, № 1. С. 79–92.

References

1. Languages of Russia section on the website of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (2016). <https://iling-ran.ru/web/ru/jazykirf>.
2. Sadvnikova Zh.V. (2019). Rural schools of Russia *Vestnik obrazovaniya - Education Bulletin*. <http://vestnik.edu.ru>.
3. Ippolitova, N.V., Sterhova, N.S. (2012). The analysis of the «pedagogical conditions» concept: the essence and classification. *General and Professional Education*, 1, 8-14.
4. Najn, A.Ya. (1995). On the methodological apparatus of dissertation research. *Pedagogika - Pedagogy*, 5, 44-49.
5. Volodin, A.A., Bondarenko, N.G. (2014). The analysis of the “organizational and pedagogical conditions” concept. *Izvestiya Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki - Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences*, 2, 143-152.
6. Ashixmina, G.A. (2004). *Organizational and pedagogical conditions for the student body's functioning in a rural school*. Tambov.
7. Verbicheva, E.A. (2004). *Organizational and pedagogical conditions for the transition of rural schools to specialized differentiated education*. Novokuznetsk.
8. Nikolaeva, M.N. (2005). *Organizational and pedagogical conditions for creative self-development of students: the case of rural schools in the Sakha Republic (Yakutia)*. Yakutsk.
9. Popolitova, O.V. (2007). *Organizational and pedagogical conditions for social adaptation of small school students in rural society*. Kostroma.
10. Shergin, M.V. (2003). *Organizational and pedagogical conditions for developing creative abilities of high school students: the case of rural schools in the Sakha Republic (Yakutia)*. Yakutsk.
11. Bayborodova, L.V., Stepanova, T.A. (2011). The introduction of Federal State Educational Standards of General Education in rural schools. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik - Yaroslavl pedagogical Bulletin*, 4, 66-73.
12. Zagvyazinskij, V.I. (2005). *Methodology and methods of psychological and pedagogical research*. Study guide for students of higher teacher's training institutions. Moscow: Akademiya.
13. Moiseev, A.M., Moiseeva, O.M. (2007). *Project management in education: educational and methodical set of materials for training tutors*. Moscow: APK i PPRO.
14. Matros, D.Sh. (1999). Quality management in education based on new information technologies and educational monitoring. *Shkol'ny'e tekhnologii - Journal of School Technology*, 1, 10.
15. Potashnik, M.M. (2000). *Education Quality Management*. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii.
16. Shishov, S.E., Kalnej, V.A. (1998). *Monitoring the quality of education in schools*. Moscow: Rossijskoe pedagogicheskoe agentstvo.
17. Federal law (2012). On the education in the Russian Federation. <http://pravo.gov.ru>.
18. Xamraeva, E.A. (2019). *Bilingual education, submersion and immersion as ways of preserving first languages // Legal basis for the functioning of state and regional languages in the context of bilingualism and multilingualism (world experience in implementing language policy in Federal States): international scientific and practical conference December 11, 2019, Kazan, Proceedings*, 3-5.
19. Azimov, E.G., Shhukin, A.N. (2009). *New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)*. Moscow: IKAR.
20. Bayborodova, L.V., Shipkova, E.N. (2020). Analysis of the practice of private supporting tutoring for rural school students. *Obrazovanie i samorazvitie - Education and Self Development*, 1, 79-92.

Информация об авторе:

ИВАНОВА А.В. – канд. пед. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исследования организационно-педагогических условий языкового образования Научно-исследовательского института национальных школ Республики Саха (Якутия) (Якутск, Россия). E-mail: alivv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ivanova A.V., Scientific Research Institute of National Schools of the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: alivv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2021;
одобрена после рецензирования 01.07.2021; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 12.05.2021;
approved after reviewing 01.07.2021; accepted for publication 28.01.2022.

Научная статья
УДК 378.14
doi: 10.17223/15617793/474/3

Мобильные приложения как средство активизации самостоятельной работы по физической культуре студентов

Елена Ивановна Смирнова¹, Ольга Анатольевна Сухостав², Наталья Васильевна Матюнина³

^{1, 2, 3} Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

¹ s_elena7@mail.ru

² os-66@mail.ru

³ matyunina@omgpu.ru

Аннотация. Выявлена степень вовлеченности обучающихся в самостоятельные занятия различными видами физических упражнений, частота и характер использования мобильных приложений, категория наиболее популярных из них, а также раскрыты достоинства и недостатки мобильных приложений. Сформулированы преимущества использования мобильных фитнес-приложений для активизации самостоятельной физкультурной деятельности студентов. Определена роль педагога и его задачи в процессе использования мобильных фитнес-приложений как средства организации самостоятельной работы.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов, самостоятельная физкультурная деятельность, элективная физическая культура, мобильные фитнес-приложения

Для цитирования: Смирнова Е.И., Сухостав О.А., Матюнина Н.В. Мобильные приложения как средство активизации самостоятельной работы по физической культуре студентов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 22–28. doi: 10.17223/15617793/474/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/3

Mobile applications as a means of activating students' independent work in physical culture

Elena I. Smirnova¹, Olga A. Sukhostav², Natalia V. Matyunina³

^{1, 2, 3} Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

¹ s_elena7@mail.ru

² os-66@mail.ru

³ matyunina@omgpu.ru

Abstract. Independent work in Physical Culture Elective Course in Higher Education promotes the students' engagement in regular physical exercise. The most important aim of organisation of independent physical culture work is to encourage students to be engaged in independent physical activity. From a Lecturer's perspective, the difficulties in organisation/supporting the students' independent work are advocated by the lack of possibilities of to implement health and safety control, to support them permanently, to apply the content to the students' level of fitness, to assess the quality of the independent physical culture work. Due to all those reasons, the suggested movement assignments for the independent work could only be recommended.

Data from the scientific and methodical literature suggest, that mobile applications as a means of encouraging students' independent physical activity have not been popularized in Higher Education. The indicated reasons are stated as insufficient level of scientific-methodical research in this area, lecturers' lack of skills of working with Internet resources and mobile applications, low quality of Internet and the lack of gadgets, necessary for the interactive work with the applications.

As the result of the questionnaire, measuring the aspects of mobile fitness-applications usage the following items were defined: the level of involvement of students in an independent physical work of any type, frequency, and the way of using the mobile application, the most popular category of the mobile applications, and the benefits and disadvantages of fitness mobile applications.

The advantages of implementing of mobile fitness-application for the encouragement and promotion of students' independent physical activity are outlined. The role, and the objectives of a Lecturer in applying mobile fitness-application as a means of activating students' independent work are defined.

Due to the increasing importance of independent work of students in the Physical Culture Elective Course, the urgent need to encourage independent physical activity of students has emerged. Mobile applications may be used as a means of promoting the more active use of physical exercises in everyday students' routine.

The study found that most of the respondents (84.4 %) possess the sufficient experience of mobile fitness-application usage. The respondents stated about their positive experience, outlined the effective impact on structuring the

lifestyle, improving regularity of physical activity, the convenient tracking the change in functional indicators, volume, and intensity of the exercises (77.3 %). Also, the evidence was detected, that there is an increase of the students who use mobile fitness-application from the first year to the third year, from 60.3 % to 93.1 % respectively. However, despite the distinct advantages, mobile fitness-application have not been widely represented in the educational practice.

Keywords: independent work of students, independent physical activity, The Physical Culture Elective Course, mobile fitness-applications

For citation: Smirnova, E.I., Sukhostav, O.A. & Matyunina, N.V. (2022) Mobile applications as a means of activating students' independent work in physical culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 22–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/3

Актуальность

Внедрение современных технологий в различные сферы деятельности человека влечет за собой как позитивные, так и негативные изменения в образе жизни людей. Одним из негативных последствий является снижение двигательной активности. В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования (ФГОС ВО) не регламентируются виды учебной деятельности по элективной физической культуре, а следовательно, допускается реализация учебной нагрузки в виде внеаудиторной самостоятельной работы.

Самостоятельная работа в высшем образовании рассматривается как важная составляющая учебного процесса. Если студент не может самостоятельно найти, проанализировать и обобщить нужную информацию, определить способ решения задачи, применить полученные знания на практике, то можно предположить, что он лишь частично освоил программу обучения.

Вместе с тем самостоятельная работа по элективной физической культуре должна основываться на систематизации полученных в процессе физического воспитания знаний и умений, совершенствовать опыт организации регулярных самостоятельных занятий, формировать привычку к применению средств физической культуры в повседневной жизнедеятельности. Самостоятельная физкультурная активность студентов в период обучения в университете может быть индикатором их способности поддерживать оптимальный уровень физической подготовленности в будущем.

В практике физического воспитания самостоятельная работа ориентирована на создание теоретической базы, повышение уровня знаний о сущности физической культуры и спорта и их влияния на организм человека, развитие у обучающихся определенных умений, необходимых для организации самостоятельных занятий физическими упражнениями, но, к сожалению, на данный момент содержание заданий, методическое обеспечение и способы оценивания самостоятельной работы студента разработаны недостаточно полно.

Наиболее важной задачей преподавателя является стимулирование самостоятельной физкультурной деятельности студентов. К факторам, препятствующим эффективному решению этой задачи, можно отнести: недостаточно высокую мотивацию студентов к само-

стоятельной работе и физической культуре в целом, отсутствие привычки к самоорганизации регулярных занятий физическими упражнениями, недостаточность знаний и умений, необходимых для методически грамотного планирования самостоятельных занятий физическими упражнениями, несформированность навыков оценки уровня физической и функциональной подготовленности для обеспечения самоконтроля.

Преподавателю приходится рассчитывать на дисциплинированность и сознательность студентов, опираться на данные самоконтроля, достоверность которых вызывает сомнения. Зачастую основной формой проверки успеваемости по элективной физической культуре является тестирование уровня физической подготовленности, которое проводится в течение учебного года и позволяет зафиксировать лишь результат, но не дает информации о самом процессе самостоятельной деятельности студентов.

Несмотря на возрастающую значимость самостоятельной работы по физической культуре, научное сообщество не уделяет должного внимания данной проблеме. Анализ работ В.Д. Иванова, Е.В. Лукиной, Н.Е. Житниковой показал, что педагогами рассматриваются способы организации самостоятельной работы студентов преимущественно по теоретической подготовке к практическим занятиям в виде заданий, рефератов, презентаций, проектов [1, 2].

Для активизации самостоятельной физкультурной деятельности Н.В. Кошкарёва, Е.М. Соёнова предлагают использовать традиционные формы физической культуры. Например, организовывать рекреационные мероприятия в режиме учебного дня, участвовать в спортивных соревнованиях, выполнять практические задания и физические упражнения, связанные с различными видами спорта [3]. И.В. Нагорнов с соавт. полагают, что домашние задания являются одним из способов приобщения студентов к систематическим занятиям физическими упражнениями, способствуют формированию и развитию физической активности личности [4].

Более современный подход отражен в исследовании Н.А. Рыбачук, которая предлагает использовать кейс-метод и разрабатывать тесты-задания по решению двигательных задач. В этом случае студенты имеют возможность самостоятельно ставить двигательную задачу и определять способы ее решения [5].

Для стимулирования и оценки самостоятельной работы в педагогической практике используются та-

кие средства, как дневник самоконтроля, рабочая тетрадь по физической культуре, маршрутная карта студенческого труда и отдыха, план двигательной деятельности, конспект занятий, картотека упражнений и подвижных игр.

На наш взгляд, традиционные виды самостоятельной работы по физической культуре могут быть более эффективны при целенаправленном использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе разнообразных интернет-ресурсов. По мнению ряда авторов, «интернет принадлежит имманентной культуре, где создается новая общественная модель физической культуры», поэтому интернет-ресурсы «становятся организующим началом в выработке новых смысловых ориентиров» и могут быть использованы для повышения «комплементарности практических занятий элективной физической культурой» [6. С. 62].

В последние годы появились научные исследования, указывающие на возможность применения ИКТ в качестве средства дистанционного сопровождения самостоятельной работы через информационно-образовательную среду университета, социальные сети и мессенджеры. Авторы предлагают создавать видеоматериалы-образцы, видеоуроки, проводить фото- и видеосъемку занятий для наглядной демонстрации выполнения упражнений. М.В. Катренко с соавт. апробировала технологию дополненной реальности (AR-технология) [7]. В ходе исследования студентам было предложено самостоятельно разработать комплексы физических упражнений, записать их выполнение на смартфон, а затем, применяя AR-приложение, использовать этот материал для организации самостоятельных занятий.

Вопросы внедрения новых технологий в профессиональное образование изучаются длительное время, но пандемия коронавируса послужила толчком к ускорению внедрения интернет-ресурсов в образовательную практику. Педагогам физической культуры необходимо было в кратчайшие сроки организовать практические занятия в дистанционной форме. Авторами были предложены различные способы решения данной задачи; так, в работе О.В. Савельевой и Ю.М. Ляховской дано описание некоторых решений для поддержания спортивной деятельности – челленджи, организованные профессиональными спортсменами; онлайн-тренировки; видео- и аудиоуроки; групповые видеочаты [8]. В работе Е.И. Смирновой, О.А. Сухостав представлены особенности реализации и результаты дистанционного обучения физической культуре в формате онлайн-занятий, предусматривающих инструктаж, контроль функционального состояния в процессе выполнения физических упражнений, анализ результатов двигательной деятельности через чат и видеоконференцию [9]. Однако подобные формы работы не в полной мере подходят для организации внеучебной самостоятельной деятельности из-за того, что невозможно обеспечить постоянную оперативную обратную связь, оценить не только результат, но и сам процесс самостоятельных занятий студентов.

В связи с этим ряд авторов описывают опыт использования мобильных фитнес-приложений как

средства активизации самостоятельной работы студентов [10–12]. К.Ю. Горин с соавт. обращает внимание на возможность применения мобильных фитнес-приложений, позволяющих осуществлять самоконтроль некоторых функциональных показателей при активных занятиях физической культурой и спортом [13]. Н.А. Ульянова, Е.М. Семенякина, В.С. Алехин, изучив мнение студентов, предположили, что общедоступность мобильных устройств может способствовать эффективному использованию мобильных фитнес-приложений для занятий физической культурой [14]. В исследовании Д.В. Выприкова с соавторами (2020) установлено положительное влияние мобильных фитнес-приложений на мотивацию студентов к занятиям физической культурой и формированию привычек здорового образа жизни [15].

Анализ научно-методической литературы показал, что мобильные фитнес-приложения как средство организации занятий физической культурой не пользуются популярностью в образовательных организациях. В числе причин указываются: недостаточный уровень научно-методической разработанности данного вопроса, слабая готовность преподавателей к работе с интернет-ресурсами и мобильными приложениями, низкое качество интернет-соединения и отсутствие гаджетов у участников образовательного процесса, необходимых для взаимодействия с этими приложениями.

Предметом исследования являются средства активизации самостоятельной работы студентов по элективной физической культуре.

Цель исследования – определить возможности использования мобильных фитнес-приложений в качестве средства активизации самостоятельной работы студентов.

Для достижения указанной цели исследования были поставлены следующие *задачи*:

- изучить имеющийся опыт организации самостоятельных занятий физической культурой в образовательных организациях высшего образования;
- выявить степень вовлеченности обучающихся в самостоятельные занятия физическими упражнениями и характер использования мобильных приложений;
- сформулировать преимущества использования мобильных фитнес-приложений для активизации самостоятельной физкультурной деятельности студентов;
- определить роль педагога и его задачи в процессе использования мобильных фитнес-приложений как средства организации самостоятельной работы.

Методы и организация исследования

В исследовании применялись методы анализа данных научно-методической литературы, анкетирования.

В процессе анализа научно-методической литературы осуществлялся сбор научных данных по вопросам использования мобильных фитнес-приложений при организации самостоятельной работы студентов. Также выявлялись факторы, препятствующие массовому использованию мобильных фитнес-приложений как средства организации самостоятельной работы в

рамках элективной физической культуры в образовательных организациях высшего образования.

Методом анкетирования студентов определялась степень их вовлеченности в самостоятельные занятия различными видами физических упражнений, частота и характер использования мобильных фитнес-приложений, изучалось отношение студентов к мобильным фитнес-приложениям. В анкете предлагались вопросы с фиксированными вариантами ответов, со свободными окончаниями, с выбором одного или нескольких вариантов ответа.

Исследование проводилось в мае 2021 г. с участием 84 студентов Омского государственного педагогического университета. Респондентами были преимущественно девушки 18–23 лет, обучающиеся на 1, 2 и 3-м курсах.

Результаты и обсуждение

В результате анкетирования установлено, что во внеучебное время спортивные секции и фитнес-клубы посещают 17,9% студентов, 60,7% занимаются различными видами физических упражнений самостоятельно и 22,6% не занимаются физическими упражнениями во внеучебное время.

Вопрос «Используете ли вы какие-нибудь приложения, помогающие соблюдать основы здорового образа жизни?» предполагал несколько вариантов ответов. В 16,5% ответов студенты подтверждают использование приложений, нацеленных на регулирование режима питания (подсчет калорий, водный баланс, дневник питания и т.п.). Об использовании различных трекингов свидетельствуют 35,8% ответов. На приложения, предлагающие комплексы физических упражнений, приходится 19,3% ответов. Многозадачным приложениям, отслеживающим ряд показателей и содержащим иную полезную информацию, предпочтение отдается в 7,3% ответов. Наименьшей популярностью пользуются приложения, регламентирующие режим сна, что составляет 5,5% ответов. Респонденты вовсе не интересуются мобильными фитнес-приложениями в 15,6% случаев.

Более детально этот вопрос представлен в таблице. Применительно к студентам, занимающимся в спортивных секциях, можно отметить, что студенты этой категории в основном использовали приложения, связанные с коррективкой питания (28,6%), и трекинги (28,6%). Не интересовались приложениями 21,4%.

Трекинги также оказались наиболее популярными среди тех студентов, которые не занимаются физическими упражнениями во внеучебное время, ограничивая свою двигательную активность лишь учебными занятиями в образовательной организации (в таблице эта категория студентов обозначена как «Не занимающиеся»). У них данный показатель соответствует 36,4% ответов. Никогда не пользовались приложениями 36,4% респондентов из этой категории.

Студенты, самостоятельно организующие свою физическую активность, используют более широкий перечень фитнес-приложений: многозадачные приложения (9,5%), приложения с тренировками (20,2%),

приложения с регламентом питания (15,5%), трекинги (36,9%). Не взаимодействовали с мобильными фитнес-приложениями 11,9% опрошенных из этой категории.

Анализ использования фитнес-приложений во внеучебное время, %

Категория	Занимающиеся в секциях	Занимающиеся самостоятельно	Не занимающиеся
Приложения, регламентирующие режим питания	28,6	15,5	9,1
Приложения, регламентирующие режим сна	0	6,0	9,1
Приложения, с описанием тренировок	21,4	20,2	9,1
Трекинги	28,6	36,9	36,4
Многозадачные приложения	0	9,5	0
Не использую приложения	21,4	11,9	36,4

Таким образом, наибольшей популярностью среди респондентов пользуются различные трекинги, которые дают информацию о количестве шагов или дистанции, пройденной за день. Вероятно, это связано с тем, что такие фитнес-приложения зачастую более просты в использовании, иногда встроены в смартфоны изначально, а ходьба является одним из наиболее доступных способов двигательной активности. Еще одной причиной популярности трекингов может быть широко распространенное в различных источниках информации утверждение о том, что для достижения минимального объема двигательной активности следует проходить 10 000 шагов в день. Самыми невостребованными оказались многозадачные приложения и приложения, регламентирующие режим сна. Это может быть обусловлено определенными неудобствами для пользователя, возникающими в связи с необходимостью систематического выполнения рекомендаций приложения и регулярного фиксирования результатов деятельности.

Можно также отметить, что количество студентов, использующих какие-либо фитнес-приложения, увеличивается с переходом на старшие курсы. Так, к концу 1-го курса количество студентов, опробовавших приложения, увеличилось с 27,2 до 60,3%, на 2-м – до 80,4%, на 3-м – до 93,1%. По вопросу о длительности использования мобильных фитнес-приложений получены следующие данные: больше года приложениями пользовались 40,4% студентов, один год – 17,5%, полгода – 19,3%, меньше трех месяцев – 17,5%, несколько дней – 5,3%. При этом на момент опроса 58,2% студентов продолжают применять мобильные приложения для организации своего образа жизни и двигательной активности.

Большинство студентов пользуются бесплатными приложениями. Необходимость оплаты, связанная с окончанием пробного периода, является одной из основных причин, по которой студенты перестают использовать фитнес-приложения (16,4%). Также в числе причин отказа от приложений студенты называли: «не удовлетворяет качество приложения» – 3,6%, «перестал тренироваться» – 5,5%. Некоторые студенты перестали использовать приложение (16,4%), но

продолжают отслеживать показатели или тренироваться самостоятельно.

По мнению 22,7% респондентов, приложения никак не помогли им в достижении поставленной цели. Мобильные приложения помогли 77,3% нормализовать режим питания, сна, увеличить объем двигательной активности, повысить уровень физической подготовленности.

К достоинствам применения мобильных фитнес-приложений студенты относят: удобство подсчета суточной калорийности своего рациона, возможность составления меню и получения информации о пользе и вреде продуктов; наличие готовых тренировочных программ, широкий спектр предлагаемых упражнений, подробное описание техники исполнения, механизмов отслеживания результатов занятий. Основными недостатками приложений являются большое количество рекламы (42,6%), излишняя назойливость уведомлений (25,5%), неточность результатов (22,3%), другие факторы (5,3%).

Обобщая результаты исследования, можно отметить, что значительная часть студентов имеют опыт использования мобильных приложений. Отношение к таким приложениям в целом позитивное: студенты признают их пользу для регламентации своего образа жизни, систематизации занятий физическими упражнениями, отмечают удобство в отслеживании функциональных показателей, объема и интенсивности нагрузки.

Анализ нашего и аналогичных исследований позволил сформулировать преимущества использования мобильных фитнес-приложений для активизации самостоятельной физкультурной деятельности студентов:

1. Учитывается уровень готовности студентов к корректировке своего образа жизни и физической активности, интерес к тому или иному показателю, виду деятельности.

2. При самостоятельной работе приложения могут выступать в качестве фактора, стимулирующего студента к соблюдению режима тренировок, питания, отдыха.

3. Приложения, хорошо зарекомендовавшие себя, разрабатываются при участии специалистов, осведомленных в вопросах методики построения фитнес-тренировок, режима дня, питания, и заслуживают доверия пользователей.

4. Тренировки рассчитаны на широкую аудиторию, поэтому упражнения и задания предполагают вариативность нагрузки в зависимости от уровня физической подготовленности.

5. Наличие подсказок, возможность оперативного самоконтроля позволяют методически грамотно организовывать тренировки.

6. У студентов есть возможность обмениваться данными, сравнивать их, соревноваться, что может способствовать поддержанию интереса, стремлению к улучшению результатов.

7. Возможность фиксировать результаты, наблюдать их динамику, формировать объективные отчеты о внеучебной физкультурной деятельности по дисциплине.

8. Использование мобильных фитнес-приложений в образовательном процессе дает преподавателю возможность увидеть реальную картину внеучебной физкультурной активности студента, оценить его ежедневный прогресс, скорректировать программу самостоятельных занятий, сформулировать индивидуальные задания для самостоятельной работы.

В случае включения мобильного фитнес-приложения в учебный процесс как средства организации самостоятельной работы студентов по физической культуре обязательным условием является управление его использованием со стороны преподавателя посредством периодической отсылки информации из приложения для оценивания результатов деятельности. Наряду с полезными сведениями в интернете содержится много непроверенной информации, в том числе и поддельные приложения, поэтому необходимо участие преподавателя в консультировании студентов при выборе качественного продукта, оценке качества работы приложения, разработке индивидуальных заданий самостоятельной работы. Также педагог может оказать помощь в критическом осмыслении получаемой информации, адаптации предлагаемой мобильными приложениями нагрузки к имеющемуся уровню подготовленности и личным потребностям, грамотной интерпретации результатов, творческому подходу к организации своей физкультурной деятельности.

Заключение

Обобщение данных исследования позволило раскрыть возможности мобильных фитнес-приложений для активизации самостоятельной работы студентов. В связи с тенденцией повышения объема и значимости самостоятельной работы при освоении программы элективной физической культуры в образовательных организациях высшего образования появляется потребность в активизации самостоятельной физкультурной деятельности студентов. Мобильные фитнес-приложения могут быть использованы в качестве средства, способствующего более активному и качественному использованию физических упражнений в повседневной жизни студентов. В то же время для успешного решения образовательных задач требуется управление процессом их использования со стороны преподавателя.

В исследовании установлено, что большинство опрошенных студентов (84,4%) имеют опыт применения различных мобильных фитнес-приложений. Позитивно отзываются об их использовании, отмечают эффективность данного средства для регламентации своего образа жизни, систематизации занятий физическими упражнениями, указывают на удобство в отслеживании функциональных показателей, объема и интенсивности нагрузки (77,3%). Важно отметить, что количество студентов, пользующихся мобильными фитнес-приложениями, увеличилось от 1-го к 3-му курсу от 60,3 до 93,1% соответственно. Однако несмотря на явные достоинства, мобильные фитнес-приложения еще недостаточно широко представлены в образовательной практике.

Полагаем, что исследование будет способствовать преподавателей физической культуры и их внедрению в дальнейшей популяризации подобных средств среди практику физического воспитания студентов.

Список источников

1. Иванов В.Д. Организация самостоятельной работы студентов в условиях балльно-рейтинговой системы обучения физической культуре // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2017. № 4. С. 11–17.
2. Лукина Е.В., Житникова Н.Е. Способы оптимизации самостоятельной работы студентов по предмету физическая культура в вузе // Современный ученый. 2017. № 9. С. 21–24.
3. Кошкарёва Н.В., Соينوва Е.М. Организация внеаудиторной самостоятельной работы студентов по физической культуре // Образование. Карьера. Общество. 2017. № 1 (52). С. 66–68.
4. Нагорнов И.В., Сарайкин Д.А., Титов А.Н., Шкляев В.В. Домашнее задание по физической культуре как фактор повышения самостоятельной работы студентов вузов // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2020. № 1 (154). С. 153–163.
5. Рыбачук Н.А. Проблема содержания и организации самостоятельной работы по дисциплине «Физическая культура и спорт» в вузе // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2020. Т. 5, № 1. С. 13–18.
6. Григорьев В.И., Чистяков В.А., Обвинцев А.А. Роль интернет-ресурсов в построении элективной физической культуры // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 9 (175). С. 58–64.
7. Катренко М.В., Небытова Л.А., Щекин А.Ф., Журавлева Ю.И. Роль технологии дополненной реальности в организации самостоятельной работы по физической культуре в вузе // Педагогика и просвещение. 2019. № 2. С. 62–66.
8. Савельева О.В., Ляховская Ю.М. Спортивная сфера в условиях пандемии коронавируса: наиболее успешные решения дистанционной системы занятий спортом // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 5-1 (45). С. 301–307.
9. Смирнова Е.И., Сухостав О.А. Результаты дистанционного обучения физической культуре в вузе // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 3 (28). С. 137–141.
10. Кариаули А.С. Векторы использования социальных сетей и мобильных приложений в дисциплине «Физическая культура» // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2019. № 1. С. 51–54.
11. Солдовник Е.М., Киселев А.В. Применение мобильных приложений на занятиях физической культуры в условиях пандемии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-1. С. 137–139.
12. Шкирянков Д.Э., Сучков А.К., Гичевский А.В. Управляемая самостоятельная работа студентов по учебной дисциплине «Физическая культура» с использованием мобильного приложения ТАБАТА // Весник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Сер. С: Псіхалага-педагагічныя навукі. 2021. № 1 (57). С. 67–72.
13. Горин К.Ю., Нетбай С.Г., Гвоздков П.Ю., Каримулина А.А. Цифровые технологии в практике физической подготовки специалистов системы МВД Российской Федерации // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 6 (172). С. 44–48.
14. Ульянова Н.А., Семенякина Е.М., Алехин В.С. Оценка эффективности мобильных приложений для занятий физической культуры в студенческой среде // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 4 (15). С. 183–188.
15. Выприков Д.В., Титовский А.В., Егоров А.Б., Заппаров Р.И. Влияние современных электронных устройств и приложений на мотивацию студентов к занятиям физической культурой // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 1 (179). С. 63–67.

References

1. Ivanov, V. D. (2017) *Organizaciya samostoyatel'noj raboty studentov v usloviyah ball'no-rejtingovoj sistemy obucheniya fizicheskoy kul'ture* [The organization of independent work of students in conditions point-rating system of training in physical culture]. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreaciya*. 9. pp. 11-17.
2. Lukina, E. V., Zhitnikova, N. E. (2017) *Sposoby optimizacii samostoyatel'noj raboty studentov po predmetu fizicheskaya kul'tura v vuze* [The optimization methods of independent work of students on the subject of physical education in the university]. *Sovremennyy uchenyj*. 9. pp. 21-24.
3. Koshkareva, N. V., Sojnova, E. M. (2017) *Organizaciya vneauditornoj samostoyatel'noj raboty studentov po fizicheskoy kul'ture* [Organization of extracurricular independent work of students in physical culture]. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo*. 1 (52). pp. 66-68.
4. Nagornov, I. V., Saraykin, D. A., Titov, A. N., Shklyayev, V. V. (2020) *Domashnee zadanie po fizicheskoy kul'ture kak faktor povysheniya samostoyatel'noj raboty studentov vuzov* [Physical education homework as a factor for improving the independent work of students of higher educational institutions]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 1 (154). pp. 153-163.
5. Rybachuk, N.A. (2020) *Problema sodержaniya i organizacii samostoyatel'noj raboty po discipline «Fizicheskaya kul'tura i sport» v vuze* [The issue of the content and organization of independent study on the university discipline "physical culture and sports"]. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreaciya*. vol. 5. 1. pp. 13-18.
6. Grigoriev, V. I., Chistyakov, V. A., Obvincev, A.A. (2019) *Rol' internet-resursov v postroenii elektivnoj fizicheskoy kul'tury* [Role of internet resources in building up elective physical culture]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 9 (175). pp. 58-64.
7. Katrenko, M. V., Nebytova, L. A., Shchekin, A. F., Zhuravleva, Yu. I. (2019) *Rol' tekhnologii dopolnenoj real'nosti v organizacii samostoyatel'noj raboty po fizicheskoy kul'ture v vuze* [The role of augmented reality technology in the organization of independent work on physical culture at the university]. *Pedagogika i prosveshchenie*. 2. pp. 62-66.
8. Savelyeva, O. V., Lyahovskaya, Yu. M. (2020) *Sportivnaya sfera v usloviyah pandemii koronavirusa: naibolee uspeshnye resheniya distancionnoj sistemy zanyatij sportom* [Sports in the face of the coronavirus pandemic: the most successful solutions to the remote system of sports]. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*. 5-1 (45). pp. 301-307.
9. Smirnova, E. I., Sukhostav, O. A. (2020) *Rezul'taty distancionnogo obucheniya fizicheskoy kul'ture v vuze* [Results of distance learning of physical culture at the university]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 3 (28). pp. 137-141.
10. Kariauli, A. S. (2019) *Vektory ispol'zovaniya social'nyh setej i mobil'nyh prilozhenij v discipline «Fizicheskaya kul'tura»* [Social networks and mobile applications for physical education: usage options]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 1. pp. 51-54.
11. Solodovnik, E. M., Kiselev, A. V. (2020) *Primenenie mobil'nyh prilozhenij na zanyatiyah fizicheskoy kul'tury v usloviyah pandemii* [Use of mobile apps in physical education classes in the context of the pandemic]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 10-1. pp. 137-139.
12. Shkiranov D.E., Suchkov A.K., Gichevsky A.V. (2021) *Upravlyaemaya samostoyatel'naya rabota studentov po uchebnoj discipline «Fizicheskaya kul'tura» s ispol'zovaniem mobil'nogo prilozheniya TABATA* [OF students with the mobile application of TABATA in the course "physical culture"]. *Vesnik Magilyoyskaga dzyarzhaynaga jniversiteta imya A. A. Kulyashova. Ser. C, Psiholaga-pedagagichnyya navuki*. 1 (57). pp. 67-72.
13. Gorin, K. Y., Netbay, S. G., Gvozdokov, P. Y., Karimulina, A. A. (2019) *Cifrovye tekhnologii v praktike fizicheskoy podgotovki specialistov sistemy MVD Rossijskoj Federacii* [Digital technologies in practice of physical training of specialists of system of the MIA of the Russian Federation]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 6 (172). pp. 44-48.

14. Ulyanova, N.A., Semenyakina, E.M., Alekhin, V. S. (2019) *Ocenka effektivnosti mobil'nyh prilozhenij dlya zanyatij fizicheskoj kul'tury v studentcheskoj srede* [Assessment of the effectiveness of mobile applications for physical education in a student environment]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoj kul'tury i sporta*. 4 (15). pp. 183-188.
15. Vyprikov D. V., Titovsky A. V., Egorov A. B., Zapparov R. I. (2020) Vliyanie sovremennyh elektronnyh ustrojstv i prilozhenij na motivaciyu studentov k zanyatiyam fizicheskoj kul'turoj [Influence of modern electronic devices and applications on students' motivation for physical education]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 1 (179) pp. 63-67.

Информация об авторах:

Смирнова Е.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия). E-mail: s_elena7@mail.ru

Сухостав О.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия). E-mail: os-66@mail.ru

МАТЮНИНА Наталья Васильевна – канд. пед. наук, зав. кафедрой физического воспитания Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия). E-mail: matyunina@omgpu.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Smirnova E.I., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: s_elena7@mail.ru

Sukhostav O.A., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: os-66@mail.ru

Matyunina N.V., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: matyunina@omgpu.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.09.2021;
одобрена после рецензирования 19.12.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 16.09.2021;
approved after reviewing 19.12.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/474/4

Особенности профессионально-прикладной физической подготовки студентов педагогических специальностей

Татьяна Ивановна Эпп¹, Екатерина Анатольевна Сафронова²

^{1,2} Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

¹ eppti@mail.ru
² sekatova@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ содержания профессионально-прикладной физической подготовки студентов педагогических специальностей. Определены специфические особенности профессиональной деятельности педагогических кадров, которые необходимо учитывать при планировании содержания профессионально-прикладной физической подготовки. Авторами представлен подход к планированию профессионально-прикладной физической подготовки в учебном процессе педагогического университета.

Ключевые слова: физическая культура, профессионально-прикладная физическая подготовка, педагогическое образование, специфические особенности, студенты

Для цитирования: Эпп Т.И., Сафронова Е.А. Особенности профессионально-прикладной физической подготовки студентов педагогических специальностей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 29–34. doi: 10.17223/15617793/474/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/4

Features of professional and applied physical training of students of pedagogical specialties

Tatyana I. Epp¹, Ekaterina A. Safronova²

^{1,2} Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

¹ eppti@mail.ru
² sekatova@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to determine the features of the professional activity of pedagogical personnel, which must be taken into account when planning the content of professionally applied physical training of students of pedagogical specialties. Professional-applied physical training is one of the forms of physical culture of students, the content of such classes should be planned taking into account the specifics of the educational process and the characteristics of future professional activities. Factors such as the conditions and nature of the labor process, the alternation of the work and rest regime, the specific features of the change in a person's working capacity during the working day, determine the choice of appropriate methods, means and forms of professionally applied physical training and ensure its effectiveness. The research was carried out using theoretical methods: the study of scientific and pedagogical literature data, analysis and generalization. According to scientific literature, during the training, professionally applied physical training forms for each student not only applied knowledge in the studied area, but also professional skills, skills specific to a particular profession. The effectiveness of the formation of a high professional level of a future teacher determines, among other things, the content of professional physical training, in the process of which educational tasks are solved taking into account the requirements of labor activity. As a result of the analysis of scientific literature, the specific features of the professional activity of pedagogical personnel from the point of view of professionally applied physical training have been determined. The article presents an approach to planning the content of professionally applied physical training, taking into account the specific features of the professional activity of teaching staff, in the educational process of Omsk State Pedagogical University. The program of the educational institution involves the implementation of professionally applied physical training in educational (theoretical and practical) and extracurricular activities (sectional classes in applied sports, independent physical exercises in the daily routine, mass sports and physical culture and recreation activities). During the training, the young specialist develops not only the necessary level of physical education, psychophysical readiness, contributing to the achievement of high performance and adherence to the principles of a healthy lifestyle, but also professional knowledge, skills specific to pedagogical activity. This approach plays a significant role not only in obtaining students of special professional knowledge, skills and abilities in the field of physical culture and sports, but also ensures the adaptation of a young specialist to professional activity.

Keywords: physical culture, professionally applied physical training, pedagogical education, specific features, students

For citation: Epp, T.I. & Safronova, E.A. (2022) Features of professional and applied physical training of students of pedagogical specialties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 29–34. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/4

Введение

Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов является составной частью образовательных программ по физической культуре в высших учебных заведениях. Основное направление таких занятий – освоение молодыми специалистами профессионально-прикладных умений и навыков, развитие готовности к будущей трудовой деятельности, используя средства физической культуры. Исследования, посвященные разработке содержания различных аспектов профессионально-прикладной физической подготовки студентов, указывают на необходимость учитывать специфические особенности каждой профессии [1–4]. Такие факторы, как условия и характер трудового процесса, чередование режима труда и отдыха, специфические особенности изменения работоспособности человека в течение трудового дня, определяют выбор соответствующих методов, средств и форм профессионально-прикладной физической подготовки и обеспечивают ее эффективность.

В настоящее время многие специалисты, в том числе в области педагогического образования, указывают на важность формирования и развития у студентов высшей школы профессиональных компетенций. Согласно ФГОС ВО 3++ (приказ Минобрнауки России от 27.03.2018 № 219) выпускник по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование должен освоить в числе универсальных компетенций следующее: «УК-7 – способен поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности» [5]. По мнению многих авторов, важным условием формирования указанной компетенции является психофизическая готовность выпускников педагогических специальностей к преодолению профессиональной нагрузки, которая характерна для их трудовой деятельности [6–8]. В этой связи изучение специфических особенностей содержания профессионально-прикладной физической подготовки студентов педагогического вуза, которые необходимо реализовывать для формирования высокого профессионального уровня будущего специалиста, представляется актуальным.

Цель исследования – определить подходы к планированию содержания профессионально-прикладной физической подготовки в педагогическом вузе с учетом специфических особенностей профессиональной деятельности педагогических кадров.

Задачи исследования:

1. Определить, используя данные научной литературы, особенности профессиональной деятельности педагогических кадров, которые необходимо учитывать при планировании содержания профессионально-прикладной физической подготовки студентов педагогических специальностей.

2. Раскрыть подходы планирования профессионально-прикладной физической подготовки в педагогическом вузе.

Исследование проведено с использованием теоретических *методов*: изучение данных научно-педагогической литературы, анализ и обобщение.

Обзор научной литературы по вопросу специфических особенностей содержания профессионально-прикладной физической подготовки студентов педагогических специальностей

Согласно определению, профессионально-прикладная физическая подготовка (ППФП) – «это специально направленное и избирательное использование средств физической культуры и спорта для подготовки человека к определенной профессиональной деятельности» [9].

С точки зрения подготовки студентов к избранной специальности В.И. Ильинич [9] определяет следующие конкретные задачи ППФП: формировать необходимые прикладные знания, осваивать прикладные умения и навыки, воспитывать необходимые психофизические, а также необходимые специальные качества.

В соответствии с вышеизложенными задачами прикладная физическая подготовка в вузах представляет собой самостоятельный раздел в программе физического воспитания студентов, содержание которого планируется с учетом специфических особенностей будущей трудовой деятельности. Например, по мнению некоторых авторов, такие особенности при подготовке специалистов в области педагогики заключаются в том, что преподаватель в процессе учебной деятельности ответствен не только за поддержание высокого уровня своего здоровья и работоспособности, но и за физическое и психологическое состояние своих учеников [8, 10]. В такой ситуации для учителя необходимо уметь использовать различные средства физической культуры для профилактики физического напряжения учащихся во время учебного процесса, а также иметь сформированные навыки организации в учебное и внеучебное время оздоровительной работы с учащимися. Учитывая вышеизложенное, в педагогических вузах содержание теоретических и практических занятий ППФП следует дополнить следующими темами:

- формы и методы физического воспитания в школе и дошкольных образовательных учреждениях;
- использование средств физической культуры для профилактики физического напряжения учащихся во время учебного процесса;
- основы организации и проведения познавательных туристских походов;
- техника безопасности и подготовка мест для проведения уроков по физической культуре;

– организация и проведение массовых спортивных мероприятий.

Такие знания и навыки особенно актуальны при подготовке педагогов начального, дошкольного и специального образования.

С учетом специфики профессиональной деятельности педагогов С.В. Сергеева и О.В. Терехина предлагают следующее уточняющее определение ППФП: «...это процесс, включающий комплекс целенаправленно организуемых мероприятий по физической подготовке будущих учителей, направленных на формирование устойчивого положительного представления о здоровом образе жизни, необходимых и достаточных знаний основ профессионально-прикладной физической подготовки, умений и навыков ее осуществления в ходе реализации полноценной социальной и профессионально-педагогической деятельности» [10]. Как видно из определения, авторы выводят на первое место именно формирование устойчивого положительного представления о здоровом образе жизни, ведь только здоровый человек может полноценно реализовать себя в профессиональной деятельности.

Профессиональная деятельность педагога характеризуется напряженной умственной нагрузкой, в том числе необходимостью обработки больших объемов информации, требует длительной концентрации внимания, предполагает психологическую и физическую выносливость. Эффективность и качество работы преподавателя во многом определяет готовность организма справляться с такими нагрузками, т.е. его функциональная и физическая подготовленность, следование принципам здорового образа жизни. Для поддержания высокого уровня здоровья и работоспособности важным является не только соблюдение рационального режима дня и гигиены, полноценный сон и закаливающие процедуры, но и регулярная двигательная активность, соответствующая полу, возрасту и состоянию здоровья человека [11].

В студенческом возрасте человек не придает значения отрицательному влиянию малоподвижного образа жизни на его здоровье, потому что в данный момент для него на первом месте образовательная деятельность, а молодой организм, полный сил и энергии, вполне справляется с возникающими проблемами. По данным научной литературы, в этот же период жизни молодые люди не выделяют как первостепенно значимые для жизненного успеха факторы здоровья и физического совершенства [11, 12]. Более приоритетными факторами для абитуриентов и выпускников старших классов, являются: поддержка друзей и родных, личная активность, интеллектуальные способности и др.

Именно в период обучения в вузе физическое воспитание и его составная часть ППФП формируют у студентов знания о важной роли регулярной двигательной активности, которая способствует сохранению и укреплению здоровья человека, продлевает профессиональное долголетие, особенно в сфере умственного труда.

Для студентов педагогических специальностей учебный процесс представляет собой деятельность с

минимальной физической и интенсивной умственной нагрузкой, которая не ограничивается аудиторными занятиями. Обработка большого объема информации продолжается учащимися и во время самостоятельных занятий. Такой напряженный график учебы предполагает обратить особое внимание на необходимость сохранения и поддержания здоровья учащейся молодежи посредством четкого планирования трудового дня. Организация оптимального режима дня, с учетом научных принципов планирования, объема учебной деятельности, индивидуальных особенностей, возможностей и интересов студента, способствует повышению качества жизни учащейся молодежи в целом. Среди основных составляющих режима дня особое место занимают сон и регулярные занятия физической культурой и спортом. В соответствии с научно обоснованными данными для молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет продолжительность ночного сна в норме составляет от 7,5 до 8 ч в сутки, а рекомендуемое время физической активности – 6–8 ч в неделю [9].

Однако по результатам исследований рациональности распределения времени в режиме дня студентов ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» получены данные, указывающие, что время, затраченное на сон и физическую активность, у большинства респондентов не соответствует нормам [13]. По результатам опроса 50% учащихся тратят на сон 5–6 ч, 20% тратят меньше 5 ч, и только 30% тратят на сон физиологически необходимое количество часов. Регулярно занимаются спортом и оздоровительными видами физической культуры помимо учебных занятий 20% учащихся, 24% студентов имеют не регулярную физическую активность, 56% ограничиваются посещением учебной дисциплины «Элективные курсы по физической культуре и спорту» в университете (2 академических часа в неделю), а самостоятельно спортом и физической культурой вообще не занимаются.

Темы теоретических и практических занятий по ППФП раскрывают вопросы рационального распределения времени в режиме дня педагога, ориентируют студентов на соблюдение принципов здорового образа жизни, в том числе на формирование необходимости в регулярной двигательной активности, обучают применять на практике разнообразные формы занятий физическими упражнениями. Учитывая специфику учебной деятельности студентов педагогических специальностей, которая выражается в интенсивной умственной нагрузке с низким уровнем двигательной активности в течение учебного процесса, такие знания и навыки являются важными и актуальными.

По данным научной литературы, за время обучения ППФП формирует у каждого студента не только прикладные знания в изучаемой области, но и профессиональные умения и навыки, специфические для конкретной профессии. Эффективность формирования высокого профессионального уровня будущего педагога определяет, в том числе, содержание профессиональной физической подготовки, в процессе которой образовательные задачи решаются с учетом

особенностей будущей трудовой деятельности. В соответствии с первой задачей нашего исследования выявлены следующие специфические особенности профессиональной деятельности педагогических кадров, которые необходимо учитывать при планировании содержания ППФП:

- в течение учебного процесса для педагога характерен низкий уровень двигательной активности, большая умственная и психоэмоциональная нагрузка;
- для сохранения высокой работоспособности специалиста необходимо умение рационального распределения времени в течение дня в соответствии с научно обоснованными нормами;
- требуется осознание личного примера в сохранении и поддержании высокого уровня здоровья, в соблюдении принципов здорового образа жизни;
- для профилактики физического напряжения учащихся во время учебного процесса преподавателю необходимо уметь использовать различные средства физической культуры;
- от педагога требуется знание теории, методики и техники безопасности для проведения уроков физической культуры;
- преподаватель должен владеть навыками организации в учебное и внеучебное время оздоровительной работы с учащимися.

Подходы к планированию ППФП в педагогическом вузе

В системе высшего образования организация ППФП определяется рабочей программой, содержание которой разрабатывается кафедрой физического воспитания. В этой программе учитываются как материально-технические возможности конкретного вуза, так и особенности будущей профессии студентов. Основные формы реализации ППФП в образовательном процессе:

- учебные занятия (теоретические и практические),
- внеучебные занятия (секционные занятия по различным видам спорта, самостоятельные занятия физическими упражнениями в режиме дня, массовые спортивные и физкультурно-оздоровительные мероприятия) [9].

В учебном процессе ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» (ОмГПУ) используются вышеуказанные формы ППФП. Теоретическая форма осуществляется в дисциплине «Физическая культура и спорт» и практическая форма – в дисциплине «Элективные курсы по физической культуре и спорту».

На теоретических занятиях студенты получают профессионально-прикладные знания для методически правильного и самостоятельного применения средств физической культуры и спорта как в профессиональной деятельности педагога, так и в повседневной жизни. Содержание лекционных и семинарских занятий включают следующие темы ППФП: принципы здорового образа жизни, теория «активного» отдыха, влияние условий труда на динамику рабо-

тоспособности специалиста, основы методики построения самостоятельных занятий физическими упражнениями и спортом, применение средств физической культуры и спорта для предупреждения утомления на рабочем месте и профилактики профессиональных заболеваний и др.

На практических занятиях, наряду с комплексным физическим развитием учащейся молодежи, решаются и специфические задачи ППФП педагогических кадров. В разделе «Профессионально-прикладная физическая подготовка» рабочей программы по дисциплине «Элективные курсы по физической культуре и спорту» представлены специальные практические задания, при выполнении которых студенты применяют на практике полученные теоретические знания по следующим темам [14]:

- методические основы составления и проведения комплекса общеразвивающих упражнений;
- методика организации и проведения подвижной игры;
- методика использования средств физической культуры для развития психофизических качеств;
- методика организации физкультурно-оздоровительных мероприятий;
- методика проведения самостоятельных занятий оздоровительной (тренировочной) направленности;
- методика профилактики профессиональных заболеваний.

Полученные в процессе ППФП теоретические знания и практические навыки в области физической культуры и спорта являются актуальными при организации и планировании студентами индивидуальной двигательной активности в режиме дня. Самостоятельная работа студентов во внеучебное время и в процессе самоподготовки предусматривает приобретение личного опыта физкультурной деятельности и выполнение рекомендуемого объема двигательной активности:

- 1) утренняя гигиеническая гимнастика – 140 мин в неделю;
- 2) виды двигательной деятельности в процессе учебного дня – 90 мин в неделю;
- 3) организованные занятия в спортивных секциях, клубах спортивно-оздоровительной направленности, в группах здоровья и общей физической подготовки, участие в спортивных соревнованиях – 120 мин в неделю;
- 4) самостоятельные занятия физической культурой, в том числе спортивными играми, другими видами двигательной деятельности – 120 мин в неделю.

В основе содержания как самостоятельных занятий физической культурой, так и комплексов упражнений утренней гигиенической гимнастики применяются знания о том, что в движениях вовлекаются те мышечные группы и части тела, которые не принимают активного участия в трудовом процессе. С учетом минимальной физической и интенсивной умственной нагрузки в учебном процессе студентов педагогических специальностей наиболее рационально использование видов физической активности для развития общей выносливости и силовых упражнений,

направленных на укрепление мышц нижних конечностей, спины и брюшного пресса. Целесообразно также уделять внимание состоянию позвоночного столба и регулярно выполнять комплексы упражнений на поддержание правильной осанки, применять дыхательные упражнения для увеличения жизненной емкости легких и как средство профилактики психических и эмоциональных нагрузок.

Самостоятельный контроль объема и интенсивности двигательной активности в течение дня осуществляется студентами при ежедневном заполнении дневника самоконтроля, где также отражаются наблюдения за самочувствием и функциональным состоянием организма. Изменение этих параметров позволяет студентам самостоятельно контролировать реакцию своего организма на выполняемую физическую нагрузку. Дневник самоконтроля еженедельно предоставляется на проверку, что позволяет преподавателю анализировать самостоятельную работу студентов и, при необходимости, своевременно вносить коррективы в режим, объем и интенсивность двигательной активности учащихся.

Во внеучебное время студентам ОмГПУ предлагается посещение спортивных секций (волейбол, баскетбол, плавание, лыжный спорт, легкая атлетика, чирлидинг, шахматы, бадминтон) и участие в различных массовых спортивных и физкультурно-оздоровительных мероприятиях университета, города и области. Систематическое посещение студентами тренировок по представленным видам спорта способствует адаптации организма к физическим и эмоционально-волевым напряжениям, формированию необходимости в регулярной двигательной активности, обучению применять на практике разнообразные формы занятий физическими упражнениями. Мониторинг физической подготовленности студентов ежегодно осуществляется по итогам проведения «Студенческого фестиваля ГТО в ОмГПУ», который проходит в конце учебного года.

Заключение

Таким образом, ППФП является одной из форм физической культуры учащейся молодежи, содержание таких занятий должно планироваться с учетом специфики образовательного процесса и особенностей будущей трудовой деятельности. В ходе нашего исследования определены следующие специфические

особенности в формировании высокого профессионального уровня специалистов педагогических специальностей:

- в течение учебного процесса для педагога характерен низкий уровень двигательной активности и большая умственная и психоэмоциональная нагрузка;
- для сохранения высокой работоспособности специалиста необходимо умение рационального распределения времени в течение дня в соответствии с научно обоснованными нормами;
- важно осознание личного примера в сохранении и поддержании высокого уровня здоровья, в соблюдении принципов здорового образа жизни;
- для профилактики физического напряжения учащихся во время учебного процесса преподавателю необходимо уметь использовать различные средства физической культуры;
- педагог должен обладать знаниями по теории, методике и технике безопасности для проведения уроков по физической культуре;
- необходимо владеть навыками организации в учебное и внеучебное время оздоровительной работы с учащимися.

Эти специфические особенности, по нашему мнению, следует учитывать при планировании содержания рабочей программы в разделе «Профессионально-прикладная физическая подготовка» в образовательном процессе студентов педагогических специальностей. Значимая роль такого подхода состоит не только в получении студентами специальных профессиональных знаний, умений и навыков в области физической культуры и спорта, но и в создании условий для адаптации молодого специалиста к профессиональной деятельности. Важными качествами выпускника высшей школы являются не только умения применять, обогащать и совершенствовать свои профессиональные знания, но понимание важной роли регулярной двигательной активности, которая способствует сохранению и укреплению здоровья, продлевает профессиональное долголетие специалиста, особенно в сфере умственного труда. В условиях постоянно развивающегося процесса образования планирование содержания ППФП в учебном процессе студентов педагогических специальностей, с учетом специфических особенностей профессиональной деятельности, является актуальной темой, что позволяет развить дальнейшее исследование в этом направлении.

Список источников

1. Раевский Р.Т. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов технических вузов. М. : Высшая школа, 2005. 289 с.
2. Тигунцев С.А., Матюнина Н.В., Верхотуров В.В. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов специальности 33.05.01 фармация // Инновационные технологии в фармации : сб. науч. тр. 2019. С. 78–82.
3. Ковачева И.А. Профессионально-прикладная физическая подготовка в вузе, как необходимая подготовка к плодотворной трудовой деятельности // Современные здоровьесберегающие технологии. 2017. № 4. С. 93–99.
4. Раевский Р.Т., Канишевский С.М. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов высших учебных заведений : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. проф. Р.Т. Раевского. Одесса : Наука и техника, 2010. 380 с.
5. Приказ от 22.02.2018 г. «Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование» // Министерство образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России). URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/94> (дата обращения: 07.07.2021).
6. Загrevская А.И. Физкультурное образование студентов педагогических вузов на основе интегральной технологии / науч. ред. В.Г. Шилько. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. 144 с.
7. Симонян А.А. Перспективы профессионально-прикладной физической подготовки педагогов // KANT. 2018. № 1 (26). С. 86–89.

8. Ковачева И.А., Юдина Н.Н. Профессионально-педагогическая подготовка студентов гуманитарных педагогических профессий // Человек, здоровье, физическая культура и спорт в изменяющемся мире : материалы XXV междунар. науч.-практ. конф. (Коломна, 2015). С. 271–273.
9. Физическая культура студента : учебник / под ред. В.И. Ильинича. М. : Гардарики, 2000. 448 с
10. Сергеева С.В., Терехина О.В. Понятие профессионально-прикладной физической подготовка студентов в спектре категориально-понятийного аппарата педагогики // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 11-1. С. 196–200.
11. Губанищева А.А. Профессионально-прикладная физическая подготовка как один из видов подготовки конкурентоспособного специалиста // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2014. № 2 (8). С. 77–80.
12. Валяева Е.В. Представления учащихся старших классов о факторах, обеспечивающих жизненный успех // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2001. № 4 (18). С. 11–18.
13. Эпп Т.И. Некоторые аспекты режима дня студентов педагогического вуза // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 6-6 (52). С. 388–389.
14. Рабочая программа дисциплины «Элективные курсы по физической культуре и спорту» // Омский государственный педагогический университет. URL: https://omgpu.ru/sites/default/files/obr_modules/op_fgov_vo/2019-2020/oo/3623/Б1.О_Элективные_курсы_po_fizicheskoy_kulture_i_sportu.pdf (дата обращения: 07.07.2021).

References

1. Raevskiy R.T. Professionalno-prikladnaya fizicheskaya podgotovka studentov tekhnicheskikh vuzov. M. : Vysshaya shkola, 2005. 289 s.
 2. Tignucev S.A., Matyunina N.V., Verhoturov V.V. Professionalno-prikladnaya fizicheskaya podgotovka studentov specialnosti 33.05.01 farmatsiya // Innovacionnye tekhnologii v farmatsii : sbornik nauchnykh trudov. 2019. S. 78–82.
 3. Kovacheva I.A. Professionalno-prikladnaya fizicheskaya podgotovka v vuze, kak neobhodimaya podgotovka k plodotvornoy trudovoy deyatel'nosti // Sovremennye zdorovesberegayushchie tekhnologii. 2017. № 4. S. 93–99.
 4. Professionalno-prikladnaya fizicheskaya podgotovka studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy: ucheb.-metod. posobie / R.T. Raevskiy, S.M. Kanishevskiy ; pod obshch. red. prof. R.T. Raevskogo. Odessa : Nauka i tekhnika, 2010. 380 s., il.
 5. Prikaz ot 22.02.2018 g. «Ob utverzhenii federal'nogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 44.03.01 Pedagogicheskoe obrazovanie» // Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii (Minobrnauki Rossii). URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/94> (data obrashcheniya: 07.07.2021).
 6. Zagrevskaya A.I. Fizkulturnoe obrazovanie studentov pedagogicheskikh vuzov na osnove integralnoy tekhnologii : [monografiya] / A.I. Zagrevskaya ; Tomskiy gos. un-t ; nauch. red. V.G. Shilko. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. 144 s.
 7. Simonyan A.A. Perspektivy professionalno-prikladnoy fizicheskoy podgotovki pedagogov // KANT. 2018. № 1 (26). S. 86–89.
 8. Kovacheva I.A., Yudina N.N. Professionalno-pedagogicheskaya podgotovka studentov gumanitarnykh pedagogicheskikh professiy // Chelovek, zdorove, fizicheskaya kultura i sport v izmenyayushchemsya mire. Materialy XHV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kolomna, 2015. S. 271–273.
 9. Fizicheskaya kultura studenta: Uchebnik / Pod red. V.I. Ilinicha. M. : Gardariki, 2000. 448 s
 10. Sergeeva S.V., Terekhina O.V. Ponyatie professionalno-prikladnaya fizicheskaya podgotovka studentov v spektre kategorialno-ponyatiynogo apparata pedagogiki // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2020. № 11-1. S. 196–200.
 11. Gubanishcheva A.A. Professionalno-prikladnaya fizicheskaya podgotovka kak odin iz vidov podgotovki konkurentosposobnogo specialista // Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka. 2014. № 2 (8). S. 77–80.
 12. Valyaeva E.V. Predstavleniya uchashchihsya starshih klassov o faktorah, obespechivayushchih zhiznenny uspekhn // Vestnik KGPU im. V.P. Astafeva. 2001. № 4 (18). S. 11–18.
 13. Epp T.I. Nekotorye aspekty rezhima dnya studentov pedagogicheskogo vuzav // Evraziyskoe Nauchnoe Obedinenie. 2019. № 6-6 (52). S. 388–389.
- Rabochaya programma discipliny «Elektivnye kursy po fizicheskoy kulture i sportu» // Omskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. URL: https://omgpu.ru/sites/default/files/obr_modules/op_fgov_vo/2019-2020/oo/3623/Б1.О_Элективnye_kursy_po_fizicheskoy_kulture_i_sportu.pdf (data obrashcheniya: 07.07.2021).

Информация об авторах:

Эпп Т.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия). E-mail: eppt@mail.ru

Сафронова Е.А. – старший преподаватель кафедры физического воспитания Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия). E-mail: sekatova@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Epp T.I., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: eppt@mail.ru

Safronova E.A., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: sekatova@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.11.2021;
одобрена после рецензирования 19.12.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 04.11.2021;
approved after reviewing 19.12.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Original article
UDC 378.147.34
doi: 10.17223/15617793/474/5

CLIL and ESP at Tertiary Education: perspectives of Russia and Lithuania

Tatyana V. Sidorenko¹, Yanah V. Rosanova², Olga Medvedeva³, Vaiva Eimulienė⁴

^{1,2} Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

^{3,4} Vilnius University, Vilnius, Lithuania

¹ sidorenkot@tpu.ru

² ioannastar@list.ru

³ medolga0707@gmail.com

⁴ vaiva.eimulienė@flf.vu.lt

Abstract. Nowadays, ESP and CLIL are the two main players in the language teaching arena in global tertiary education. The aim of this paper is to evaluate the ‘strengths’ and ‘weaknesses’ of these two approaches and their methodologies. The data have been collected through interviews to trace: a) factors cause a university to adopt one language teaching methodology over the other; b) advantages and disadvantages of each one; c) level of teachers’ professional satisfaction in using CLIL or ESP, and d) availability of didactic tools and materials.

Keywords: English for specific purposes (ESP); content-language integrated learning (CLIL); multidisciplinary language learning; language awareness; teachers’ job satisfaction

Financial Support: The project is being implemented by the winner of the Master’s program faculty grant competition of the Vladimir Potanin fellowship program within 2020/2021.

For citation: Sidorenko, T.V., Rosanova, Y.V., Medvedeva, O. & Eimulienė, V. (2022) CLIL and ESP at Tertiary Education: perspectives of Russia and Lithuania. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 474. pp. 35–45. (In English) hdoi: 10.17223/15617793/474/5

Introduction

Numerous reforms in the field of higher education (HE), emerging in response to social change, make its participants face and deal with various challenges, which require quick and effective solutions. One of such challenges is integration to international educational, scientific and business communities ensuring the high level of technological and social development of a country. Integration is meant the knowledge status transformation from national to international. This transformation, in its turn, requires good command in English as “a lingua franca” and as a tool for communication. Therefore one of the priority tasks for universities is to strengthen the language policy and improve language teaching technologies as the main instrument to the global goals implementation.

Currently, the situation with the language awareness among all university stakeholders, inter alia students, is not very optimistic because the language competence is still low. This could be attributed to the fact that the traditional foreign language learning classroom is barely related to real communication, and mainly, it is explained that learning input is extremely predictable because the learning context is embedded (Cummins 2000; Cummins 2008). In this regard the idea pronounced by T. Ting seems very relative to the issue ... “if input is predictable and output not spontaneous, how can we expect learners to be effective communicators if real-life communication is, just that, real” [1. P. 5]. The aim of this research is to

sum up and analyze the authors’ experience of teaching English at the tertiary level where a special accent is done on ESP (English for Specific Purposes) and CLIL (Content and Language Integrated Learning), the two main methodologies which are now considered by some teachers as rivals and as collaborators by others.

ESP is viewed as being single-focused on the language (subject content), whereas CLIL is meant to teach both language and subject-content simultaneously. The central message of this paper is to evaluate ‘strengths’ and ‘weaknesses’ of ESP and CLIL as viewed by the teachers. The data is collected through surveys and interviews in the context of two countries – Russia and Lithuania, who 40 years ago shared a common vision of how to teach foreign languages, but since then, have developed their education policies separately. The main points are to be examined: a) the strengths and weaknesses of the methodologies, b) advantages and disadvantages of each one, c) a level of teachers’ professional satisfaction evaluated via professional motivation and aspiration to professional development, c) availability of didactic tools and materials.

The preliminary data have shown that due to the third-force factors (political, economic, geographical, cultural and social) the tendencies in these two countries in the language policies are different – Russia placed a bet on CLIL as quick and more effective for professional language development whereas Lithuania remained traditional and opted for ESP. Thus, the research data cannot be called comparable from the point of statistical

science but they might be interesting for pedagogical communities and university teachers (both subject and language) from the point of the real “classroom data”.

The practical significance can be in the authors' conclusion that ESP principles should be interacted with CLIL ones but with some amendments, taking into consideration the specificity of each methodology. The work supports the belief that there are more areas of convergence than divergence between ESP and CLIL. In doing so, the authors do not claim to overview all the aspects of university language teaching and all possible technologies and methodologies that are currently in use, they only offer the reflections based on the personal teaching experience and relate them to some theoretical and practical issues of ESP and CLIL application.

Theoretical background

There is little left UNSAID about the applications of ESP, as one of the methodology used in teaching a foreign language for professional purposes. Although, much is still “behind the curtains” regarding a CLIL approach to be used at the tertiary level. For a long time, ESP has been recognized as the most popular approach to language teaching and learning at all levels of education. ESP terminologically is described as teaching English to students whose first language is not English but who need it for a particular job, activity, or purpose.

ESP is preceded by general English. As it has been argued, ESP is associated with mature learners by and large, because it is bridged with professional field. Although ESP is a controversial issue, consequently, there is much misinterpretation concerning the exact definition of ESP. As an example, there is much talk whether or not English for Academic Purposes (EAP) could be considered as ESP. And some scholars (Mackay and Mountford (1978), Hutchinson and Waters (1987), Strevens (1988), Dudley-Evans and St John (1998) said – yes, because “specific purposes” are defined as specific needs of learners and learners as a target group are becoming the peculiarity of ESP methodology. Primarily, the ESP target group is adult learners who are usually “highly conscious” of the reasons to achieve English proficiency in a field of their specialization. The likewise (Hutchinson et al. (1987) state that, “ESP is an approach to language teaching in which all decisions as to content and method are based on the learner's reason for learning” [2. P. 19].

Based on the ESP characteristics we can conclude that ESP as methodology combines three things – teaching specific English (*specialized discourse*) to learners (*adults*) who will use it in a particular setting (*business, engineering, medical field, science, etc.*) in order to achieve a **practical purpose**. Accordingly, ESP teachers should not concentrate on teaching general English, they have to satisfy the students' needs for the language used in different professional fields in order to apply the language linguistically correct verbally and on paper [3].

CLIL methodology has appeared later, approximately in 1990th as the methodology of bilingual education. The first country hosted this approach was Canada. The CLIL focus is learning a language whilst simultaneously

teaching content from a subject area such as humanistic or scientific area [4]. CLIL methodology seems to be aimed at building bridges: between language and content; a learner and a new subject knowledge; if possible, a language teacher and a subject teacher. Among the main CLIL frameworks scholars use D. Coyle's 4 Cs and language triptych.

The 4Cs are the following: Content (the topic to study), Communication (the language in use to express the content, thoughts, intentions), Culture (background for all types of communication inter alia interpersonal one), Cognition (cognitive skills activated according to the Bloom taxonomy such as LOTs or HOTs) (<https://skyteach.ru/2019/10/10/lower-and-higher-order-thinking-skills-lots-and-hots/>).

The language triptych is usually described as the language for three purposes:

a) *Language of Learning* (content) – essential vocabulary and grammar associated with the topic for a communicative approach. The language is used in authentic interactive contexts in order to develop communicative skills, rather than focusing exclusively on grammar;

b) *Language for Learning* – (meta-cognition and grammar system) the kind of language needed to operate in a foreign language environment. Learners need skills for pair or team work, cooperative work in groups that requires the ability to ask questions, debate, evaluate, analyse, etc.

c) *Language through Learning* (cognition) – new meanings will require new language. It needs to be captured during the learning process, then recycled and developed.

CLIL has substantially increased across Europe last years and it is also reflected in research. The earliest studies primarily examined the impact of CLIL on foreign-language performance and later, the focus was shifted to the content learning impact and different aspects that may influence the results of CLIL application on language and content learning. To identify the relevant studies, four databases from the Web of Science Core Collection were used as a source of high-quality peer-reviewed studies, namely (1) Science Citation Index Expanded, (2) Social Sciences Citation Index, (3) Arts & Humanities Citation Index and (4) Emerging Sources Citation Index. The time was limited to the studies published in the period from 2010 till 2020. The basic search (looking for “CLIL research” studies) resulted in 395 studies [5].

As said above – CLIL is debated much but it has not been well-termed yet and had the lack of practice base. All this is compounded by differences in cultural backgrounds and social-educational patterns, established in each country. Since 2000, the European Union gives to CLIL a status of one of the leading effective tool for multilingualism and international language policy development. This is evidenced by the following documents: "Promoting Language Learning and Linguistic Diversity" (European Commission) [6], "A Guide to Languages in EU" [7]. Despite the extensive geography and popularity of the approach, there are different points of view on the frequency and prospects of its use, due to the national

characteristics of the educational systems and the level of academic mobility of the countries. The study of works on CLIL allowed us to conclude that the approach is highly popular in the university environment. However, the presence of fragmented and national context-driven knowledge that gives an insight into the specificity of the approach, based mostly on practice, remains evident. In this context the words of As D. Marsh seem particularly sensible – “There is no single blueprint of content and language integration that could be applied in the same way in different countries – no model is for export” (D.Marsh, 2008). Further we consider how ESP and CLIL are developing at tertiary level in different countries and cultural and educational backgrounds [8].

CLIL and ESP at tertiary education: rivals or collaborators?

At the outset it should be noted that in the part describing the relations between ESP and CLIL we will not provide any strict conclusions towards which approach is better. However, we believe the topic of ESP and CLIL and their interaction is worth studying, especially through practice, because only by using classroom data is one able to draw the true picture of the real situation.

After considering the essence of ESP and CLIL, as methodological approaches, and conducting the comparative analysis of their didactics and application peculiarities (presented briefly in this research), the paper will analyse the practice observed in two different countries and universities; this will be underpinned with the discussion of the reasons for choosing this or that approach. Both ESP and CLIL practitioners have to find a balance between the target language and professional subject matter in their instruction [9. P. 32]. Likewise, Liew and Khor [10] argue that CLIL and ESP are indeed two separate approaches, but university learners expect language courses to facilitate the learning of subject content, which moves ESP a step closer to CLIL.

At present, all ESP courses at universities are instructed by language teachers, including both native and non-native speakers. However, CLIL courses are mostly delivered by content teachers with the exception of a few language teachers who have sufficient content knowledge which they are certified to teach. Many universities define CLIL as an integrated ESP model. They believe that CLIL has the potential to overcome some shortcomings of traditional ESP. At the same time, numerous discussions end with the conclusion that a good CLIL is possible provided there is fruitful collaboration between subject and language teachers [11–13].

In addition, Cenoz, Genesee and Gorter [14] argue that due to a broader concept of CLIL, many different language learning approaches dealing with English as the medium of instruction, such as ESP, turn CLIL into a rather narrow vision. Thus, they argue that any attempt to distinguish CLIL from other language teaching approaches is often misleading. Jendrych [15] mainly discusses the complexity of ESP teaching today and attributes the emergence of CLIL to the development of

ESP. She underlines the fact that CLIL is the evolution of ESP that requires teachers’ higher qualifications, such as content knowledge and transferable skills. These demands can cause difficulties, constraints and negative attitudes on the part of ESP teachers, which may prevent them from agreeing to teach CLIL courses [15. P. 48].

However, many researchers have a relatively more positive attitude towards the similarities between the two approaches. First of all, Fernández [16. P. 17] claims that CLIL can be a generic term, covering many similar notions, even including ESP. The interpretation of different tracks of CLIL mainly lies in the ontological and epistemological beliefs. Some researchers argue that ESP and CLIL share similar theoretical principles. As claimed by Tarnopolsky [17. P. 3], the most common feature of the two approaches is integrating language learning with content matter of non-linguistic disciplines, where CLIL has a broader scope and ESP is usually posited as a language course. Also, Jendrych [15] considers that in some cases teaching ESP is similar to teaching CLIL, as both approaches emphasize teaching language and professional skills.

Coyle [18. P. 544] specifies some aspects to distinguish CLIL from other approaches to foreign language teaching through content: ‘the distinctiveness lies in an integrated approach, where both language and content are conceptualized on a continuum without an implied preference for either’. Therefore, in pure ‘unadulterated’ CLIL, language and content have an equal status regarding learning objectives. Although CLIL is a most widely used term at various educational levels, the practice at higher education institutions lacks the dual focus of a truly integrated approach [19, 20] and the term English Medium Instruction (EMI) is preferred. A different denomination is the distinction between ‘soft’ CLIL (with more focus on language learning) and ‘hard’ CLIL (with focus on content, where language is seen as a vehicle).

The redesigned curricula within the Bologna Process show an increase in CLIL programs to the detriment of ESP courses [21. P. 44]. Content subjects in English are being offered instead of ESP subjects, causing what Gonzalez Aredo describes as the ‘vulnerability of ESP in CLIL contexts’. This, in consequence, produces an underestimation of the role of language instructors at university [22. P. 69]. Although, ESP and CLIL currently coexist in courses at higher education, an increasing tendency towards CLIL is observed.

Given the ‘Englishization’ of higher education [23, 24], it could be ventured that institutional decisions will continue to support CLIL in preference to ESP in the short and long term. However, in most cases CLIL at university lacks a true integration of content and language, and consequently EMI (English as Medium of Instruction) is a more suitable term for these contexts. This rapidly increasing trend has been described in a British Council report [25] which states explicitly that EMI is different from CLIL and from ESP. In EMI, students are expected to develop language proficiency by mere exposure to the English language. In this context ESP courses would be of major assistance.

The collaboration between content and ESP lecturers, to address the language needs of both lecturers and students, would provide coherence and robustness to a CLIL program [26, 27]. That is why we would like to affirm our belief that it seems useless to debate on the rivalry for supremacy of CLIL over ESP or vice versa. Opting for the common and shared aspects in both approaches may be a more viable alternative.

CLIL and ESP approaches converge in terms of the common goal, i.e. improving language fluency, but they diverge in focus. Table 1 recaps the attributes of both approaches through several descriptions, which attempt to demonstrate the differences between them [28–31]. The presented specific features of each approach can facilitate choosing a proper methodology [9. P. 31].

Table 1
ESP and CLIL Components

	ESP	CLIL
Aim	Focus on language: to meet specific linguistic needs of a particular discipline.	Dual focus: learning subject-matter content through the medium of foreign language or learning a foreign language by studying subject-matter content.
Content	Content comes from the students' field of study. Content is used to develop linguistic competences. Students are familiar with content.	Specific content and the needed linguistic competence to communicate in a foreign language. Content determines the language to be learnt.
Language	Vocabulary, grammar, register, genres, pragmatic and discursive features. Usage of the language in a specific context. Content is often adapted to the learners' proficiency level.	Language is a tool for learning and communicating content. Content led modalities; Language needed to convey content.
Teacher	Language expert teachers.	Content experts with an appropriate level of language proficiency.
Students	Want to improve their English in a certain professional field of study; they may know content better than a teacher.	Want to learn content and improve foreign language competence.
Lesson	Foreign language classes.	Not a language class in the traditional understanding; not a typical subject class (level of language fluency may have an impact on the scope of the content).

To sum up, the relations between ESP and CLIL require more research. We have provided just a brief overview as a tool for analyzing the reasons how and why these approaches gained ground in the current practices of universities, the success of their application and what needs to be overhauled. Being strong proponents of the synergy in didactics that implies the collaboration between ESP and CLIL teachers, we advocate the intensive incorporation with a view to using ESP principles in CLIL pedagogy, moving towards what Dalton-Puffer [12. P. 203] called 'English for knowledge acquisition'.

Languages at tertiary level: the Russian case

The major aim of the European Higher Education Area, created within the framework of the Bologna Process, has been to encourage internationalization of higher education. This global aim has spurred Russia to overhaul the language policy at the university level, particularly in terms of raising language awareness among engineering (non-linguistic) students, who will play a leading role in the future technological progress. ESP has held the leading position in university practice for a long time and proved to be a successful approach. But in the context of recent global changes in universities the language policy at the tertiary level also needed to be reconstructed, with the timeframe being one of the issues to consider. The university needed 'quick steps up' towards the internationalization status. It included some radical changes in the educational offer regarding the language of instruction. The challenge was to offer a greater number of programmes in English. The ambition to create a multilingual environment forced the authorities to transform ESP courses into CLIL courses. Thus, ESP as the leading approach gave way to the new methodology which had not been sufficiently documented and researched in the Russian context.

CLIL was viewed as an effective tool enabling to 'kill two birds with one stone', namely: a) to increase language awareness among students by extending the borders in professional knowledge fields and including more cognition-based activities into learning; b) to improve language proficiency of subject teachers and thus to improve lecturing in English. In that way, CLIL emergence at Tomsk Polytechnic University (TPU) can be vividly illustrated with Charles Darwin's quotation: *'It is not the strongest of the species that survives, nor the most intelligent, but rather the most responsive to change'*. Let us analyse the CLIL case at TPU in detail.

Having the ambition to strengthen language competences among students and teachers, in 2008 Tomsk Polytechnic University administration took the decision to reorganize language teaching, mainly based on ESP, into tandem courses or courses of double-agent. The main purpose of such tandems was the collaboration between subject teachers and language teachers within one course. These tandems were unique by nature and, virtually, had no analogues in the Russian higher education system.

Responsibility was distributed in accordance with the competence of teachers so that language teachers were responsible for the language component, while subject teachers were in charge of the delivering of subject knowledge and skills development. Such training was specified by narrow professional themes of the courses, namely, a specific purpose was determined by a definite knowledge area, for example, not just Information Technology and Biomedicine, but "Databases" and "Nanocomposite Polymer Materials", etc.

Such a tandem arrangement lies within ESP and fully follows its methodology, but at the same time it has a more precise content, based on "special purpose". However, a question arises: 'What prompted the

university to move on to a new level of interpreting this approach? The answer is rather simple. The university was triggered to make such a decision because of dissatisfaction with the learning outcomes. According to a preliminary hypothesis, the low learning outcomes were caused by certain limitations of the proposed learning context and context-based language forms that were chosen by language teachers, who lacked engineering education. Moreover, the suggested content was confined to the formation of common professionally oriented skills and knowledge. In other words, the discussion what to study was reduced to a list of some job-related topics, without a focus on the skills needed to communicate in a language in order to solve professional tasks.

Although the effectiveness of the tandem courses was obvious, the introduction of such courses in the educational process required significant time for the development of training materials. In addition, this practice failed to provide the desired degree of sustainability as its effectiveness depended on a certain level (B2) of language proficiency of subject teachers.

Thus, the university had to abandon the “expensive” approach of tandem courses and to make another attempt to optimize the resources and maximally improve performance by integrating subject and linguistic competencies. It was the start of CLIL history at the university. As one can see, by the time CLIL courses were introduced, the subject teachers of the university had already gained sufficient experience in delivering subjects in a foreign language. Besides, there was also a toolkit of methodological practices, including those suggested by linguists (language teachers).

Interdisciplinary tandems existed from 2008 to 2011. In 2011, CLIL methodology, at that time popular in many European countries, came into the limelight. However, the implementation of the approach encountered some problems in Russia, due to a lack of a practice base. The process was going precisely as described by Wiesemes (2009) ‘the political support for CLIL teaching is generally strong, concrete guidance and support for teachers implementing it are largely absent’ [32. P. 54]. The process raised numerous questions, among them: a) What language level should teachers have for CLIL courses? b) Can this course repeat some content previously learned in the Russian language? c) What sort of cooperation between language and content departments is needed? d) What are the selection criteria for teaching learning materials; how to compensate for the low level of students’ language proficiency? Unfortunately, many of these questions still remain open. [33. P. 170]

The eight-year experience allows us to make some interim conclusions, to review the process retrospectively and more importantly, to present the opinions and insights of the teachers who are dealing or have dealt with CLIL courses in practice.

Research Data (Russia)

In 2018-2019 a team of researchers conducted a survey to investigate the situation with foreign languages at TPU. The survey comprised 35 subject teachers of

TPU (CLIL teachers only, because there were no more ESP courses). The participants were lecturers of different academic rank and experience teaching different subjects: mechanical engineering, material science, computer science, and electrical engineering. All of them had teaching experience in a CLIL context: 50% of the respondents have been teaching CLIL for less than 2 years and 50% – for a period of 3 – 10 years.

The questions were divided into the following thematic sections:

a) THREE things teachers enjoy in teaching CLIL and THREE biggest challenges they see in it;

b) How teachers understand CLIL methodology, its goals and objectives;

c) THREE most important professional qualities needed for teaching CLIL and what THREE qualities they lack;

d) CLIL teaching materials, their accessibility and availability, their validity to CLIL goals.

The collected data have shown a wide range of responses regarding the overall attitude of the teachers towards CLIL in general and their practice in it. We will present the answers in the order of frequency:

– things the teachers enjoy in CLIL – *good support through constant practice of English language skills, acquiring new professional knowledge through original sources, easy to teach and learn terminology; control absence from part of administration to CLIL teaching that gives more academic freedom to experiment; no restrictions in tools and materials; flexible teaching, we can change the content adjusting it to the needs of students today;*

– biggest challenges for the teachers in CLIL – *level of students English proficiency is varies greatly which complicates the process of preparation for teachers and can negatively influence students’ motivation due to the extent of their involvement into exercising practical tasks; how to combine different teaching methods and approaches – ‘should I teach the language and if yes, how? What is the balance between the language and content and should I assess the language progress at the end of a course? The need to improve English for teaching and lecturing.*

The figures describing the level of CLIL methodology were not very optimistic: 50% of the respondents were more or less familiar with the concept of CLIL, 50% of them knew practically nothing about CLIL, viewing it simply as subject-teaching in English. As to the specific features of CLIL methodology, particularly how teachers view their roles in it, the majority responded that they see their role as helping to prepare students for professional communication in English and making them aware of basic professional vocabulary and terminology.

As for addressing professional teaching skills to work with CLIL methodology, the teachers pointed out high skills in English, wide professional outlook, and communication skills. The abilities the teachers need are: awareness of CLIL methodology, and motivating students to study a subject-course in English.

In the section on teaching materials in CLIL, almost 100% of the respondents answered that they do not have

any special CLIL textbooks: they use ESP (developed by language teachers) or authentic materials, including video and audio, from the Internet or other sources. The cooperation between subject and language teachers in terms of developing teaching materials was assessed as very low: 25% of the respondents evaluated it positively and 75% were not satisfied with it.

The survey findings have indicated that the current CLIL practice is ambiguous with regard to understanding what CLIL methodology is and its place in the holistic educational process. All the suggested CLIL courses focused on the language. The teachers highlighted the language skills first, as can be seen in the following quotes: *I need to improve my English, students' English is not good or sufficient to use it as the language of instruction. I need refreshment courses to improve my English...*

At first glance there is nothing wrong that the teachers are motivated to raise their language proficiency. On the other hand, whether it is reasonable to have a CLIL course, if in fact, it is an ESP course instructed by a subject teacher? In this case, the replacement of a language teacher by a subject specialist does not seem to be justified. Another question that might arise concerns the importance of studying terminology. Most respondents view terminology as number one in CLIL courses, the majority of them pointed out the acquiring terms as the CLIL goal.

Factually, learning terminology cannot be a goal. The terminology is just the vehicle through which the subject is learnt. In the same regard, *technical translation* was ranked by the teachers as the second or third among the most important things in CLIL methodology. This rating raises certain doubts because *technical translation* is a special field of knowledge and its teaching requires certain competences, different from the set of skills of subject teachers.

The fact that the teachers pointed out the heterogeneous level of students as a problem shows the low awareness of CLIL methodology, where the focus is dual, the language is not the only purpose; and CLIL is not a lecturing format because it is not EMI (English as Medium of Instructions).

Additionally, in the framework of a special training workshop conducted for CLIL teachers we offered to write a free style essay 'My CLIL philosophy' and 'My CLIL story'. This was done with the aim to increase our understanding of teachers' CLIL experience, reflections and competence. Here are some quotes from the essays:

'I understand the CLIL methodology as an extended way to professional knowledge and the format to learn terminology of study field'. 'I understand the CLIL methodology as teaching academic concepts in English, including the academic language itself (style, discourse and vocabulary).'

'The CLIL advantages I see is learning in parallel the professional concepts that involves cognitive process of thinking, strengthening understanding of complex professional concepts'. 'The difficulties I encounter in teaching a CLIL course is the low level of language awareness among students, and that the level is not

homogenous, and the lack of special teaching resources engaged CLIL principles'.

'The difficulties beyond my influence are the low amount of hours for preparation (a very time-consuming activity), no time being given to check students' work', the absence in motivation among teachers and students to use a foreign language, no direct way of application and practice, the absence of a documented pool (statutory framework) of how to work with CLIL methodology, and having no opportunities to improve one's own language skills'. 'CLIL courses are an unsustainable practice when all students are of the same nationality. It can be classified as unnatural setting when a lecturer and students belong to the same language, but the lecturing is held in English. This can bring about a fall in study motivation.

'The potential solution of problems that I have I see in increasing hours for preparation, not changing the 'game rules' very often', collaboration work with language teachers, providing the opportunities for teachers to improve their language proficiency and skills'.

'The ideal CLIL scenario I see in upholding continuity in language teaching along the entire period of university study.

Thus, on the basis of the research we can conclude the following:

- 1) CLIL courses at the university are organized according to the principle 'I am involved in CLIL training because I know a foreign language';
- 2) CLIL methodology is not properly used in practice;
- 3) CLIL teaching materials are developed with no regard to the principles of the approach, they are actually subject lectures, translated into English.

Consequently, we became concerned with the requirements and conditions necessary for successful implementation of CLIL courses. In this paper we have attempted to systematize the preliminary study outcomes determining the effectiveness of the approach for the tertiary education. We assume that CLIL pedagogy requires the following:

- a) motivated teaching staff who would apply new teaching methods and tools without fear;
- b) CLIL-teachers in the staff;
- c) availability to get CLIL-competences through special training programs;
- d) motivated students who understand the importance of a foreign language for their future career;
- e) peer-professional communities that will discuss current challenges and practices relating to CLIL-teaching;
- f) availability of the university-wide CLIL-teaching conception with the introduction of the regulatory function of these processes.

It is becoming evident that more conceptual and empirical work, including the analysis of CLIL classrooms, is needed to be done across different contexts before CLIL concepts can be considered fully implemented. We suppose that the blind belief in CLIL efficacy is not enough to ensure desirable outcomes. The methodology as well as the pedagogical concept should

be well reviewed; the process should be organized seeking to achieve the envisaged goals, both local and global, reasonably evaluating the resources that the university has.

Languages at tertiary level: the Lithuanian case

Over the past two decades ESP teaching in Lithuanian tertiary institutions has witnessed a shift from more EAP (English for Academic Purposes), with specific focus on social sciences, business, law, natural sciences or other special fields based on the students' academic needs to seeing the language as a means of communication in a particular professional setting in order to fulfill a practical purpose. ESP is recognized as a medium, a tool of access to knowledge in different subject areas, studied at tertiary level in a specific context with the specific aims.

On leaving high school in Lithuania, pupils are supposed to reach B2 level in their first foreign language (for the overwhelming majority of them it is English). According to the statistics, provided by the National Examination Centre (NEC), which is responsible for the organization of state-level examinations, **20252** pupils completed the secondary education curriculum and took English for their first foreign language examination in 2017. The statistics show that 98.64% of them passed the B2 level exam successfully. Thus, at universities and other tertiary education institutions, students have sufficient language proficiency to take an ESP course, in accordance with their major subject. Moreover, the school foreign language programmes include the development of certain academic writing and reading skills, therefore, many school leavers, especially those who choose to study at universities abroad, feel quite confident in functioning within an academic context.

A brief look at 'study programmes', published on the websites of several Lithuanian universities, reveals the presence of various degrees of language learning. A deeper search allows one to see some similarities and differences of the offered language courses and the university language policy per se. At present, language courses are offered by all Lithuanian universities, but the situation may change. The current revision of study programmes and cutting language programme hours for the sake of more professionally oriented subjects shows that languages are often becoming optional subjects. For these reasons Lithuanian universities do not transfer the educational process en masse to CLIL format, leaving the preference to ESP. CLIL has acquired a recognized position in Lithuanian schools, but its application is fragmentary. CLIL proves to be more easily introduced and carried out in the school setting than in universities [34. P. 137]. As to the tertiary level, CLIL is used more consistently in the universities where most or all subjects are taught in the target language [35].

This trend may be justified in several ways, financial considerations being a most decisive factor. The accessibility of ICT-assisted, budget saving methods of language learning as well as their enormous potential for meeting learner's individual needs add to the success of autonomous mobile customized language learning, which

seems to be in full compliance with the profile of today's students and their learning preferences. This process is not restricted to a particular university policy, the similar situation with curricula revision has been observed in other European universities.

The Lithuanian case section deals with one type of language courses, namely those offered to students with majors either in precise sciences or humanities. The length of the offered ESP courses varies from 5 credits to 24 credits; the ratio between class work and self-studies is, in most cases, 1 to 2. For example, at Vilnius University law students get 96 hours of class work and 174 hours of self-study.

Research Data (Lithuania)

The research data were collected through the on-line questionnaire, which was addressed to the language teachers (ESP), particularly those who teach students who are not philology students. The questionnaire was anonymous.

The participants were lecturers of differing academic rank with different experiences teaching at various tertiary education institutions in Lithuania. The total number of respondents was **89**; all of them were language teachers (ESP) with a teaching experience of 2 and more years. 13.79 % of the respondents had been teaching ESP for less than 10 years, 86.21% – had been teaching for a period over 10 years. Most of them (82.76%) had had experience in teaching general English as well.

The questions were divided into the same sections as described in the Russian case presented above, with some modifications. We will limit ourselves to focusing on several issues: a) How the ESP teachers interpret ESP methodology and understand "specific purpose"? b) What strong and weak points (THREE challenges) teachers can name in their ESP practice at Lithuanian universities? c) Whether the ESP teachers are equipped with good-quality, updated teaching materials?

Although the term ESP has been used for decades, scholars still differ in understanding the specificity of a language to be learnt [36], competences to master [37], and primacy of the language over the content [38. p. 320]. Collected data have shown a wide variety of responses. Approximately 40% of the respondents expressed their understanding of *purpose* using the words *professional* or *profession* as in *professional needs*, *professional life*, and *profession community*. The responses with the words *specific and specified*, as in *specific subject*, *specified area*, *specific discipline* could be viewed as a possible variation of the same idea.

Approximately 30% of the respondents associate the ESP *purpose* with the actions that learners will be able to perform: *to communicate (with colleagues, partners, and clients)*, *to work in a language environment: to talk to customers, to participate in business negotiations, and to write a formal letter etc.* A relatively smaller part of the respondents (about 15%) specified *the ESP purpose* as developing some general language skills (reading, speaking, listening and writing), in some cases adding direct objects. e.g. *to write reports, to read scientific*

articles etc. Among other purposes mentioned by the respondents were: *increasing knowledge, versatility, a tool for communication.*

As to the ESP methodology, the collected responses suggested that the main focus should be placed on some *target skills* (writing, reading, and speaking) and the *target language aspects*: vocabulary, terminology, and grammar. About 30 % of the skills and language aspects are specified as related to *profession or professional environment.*

Commenting on the factors contributing to the professional satisfaction and success of ESP teachers, *lifelong learning was underlined.* This tendency could be traced in more than 30% of the responses (31.2 %). In 20.8 % of the answers, *student satisfaction* and *student motivation* are named as a key to the teachers' current successful teaching practice. The replies – *ability to motivate the learners or satisfy their needs, to reach mutual understanding, get student recognition* – are treated as an expression of satisfaction.

When asked about what they like in ESP, 13% of the teachers responded that they enjoy the diversity of the topics and materials. One of the most rewarding aspects mentioned by the respondents was *team work.* This aspect was implied in 10% of the answers and was expressed by words such as: *sharing with colleagues, cooperation with subject teachers, ability to involve students in shaping the programme* and etc.

In 6.5% of the answers, *applicability* of the subject is implicitly stated as one of the ways to reach professional satisfaction. This is also reflected in such answers as *satisfaction in teaching practical English, work efficiency, students can use their linguistic competence in their studies* etc.

The ESP teachers also indicated that they enjoy *freedom in choosing teaching methods, designing tasks* and similar advantages that come under the umbrella of *creativity.* This was implied in 5.6% of the answers. A relatively small number (3.1%) of the respondents indicated: *clearly defined teaching subject, clearly formulated students' needs and purposes, precise goals* etc.

As for THREE biggest challenges, the respondents named:

- lack of competence in the study discipline (29.7%);
- low motivation of students (21.2%);
- different levels of students' foreign language proficiency within a group; big numbers of students within a group (12.7%);
- students' insufficient knowledge in their study discipline (10.6%);
- lack of training in teaching ESP (8.48%);
- insufficient or lack of cooperation with content teachers (6.36%);
- others: Lack of ready-to-use ESP materials, lack of single-field dictionaries; lack of ESP textbooks for some courses (10.6%).

Although 68.97% of the teachers consider themselves to be '*sufficiently qualified*' in the teaching area, 29.7% of the responses acknowledge the lack of expertise and confidence to teach subject specific conventions. *Various*

levels of the students' proficiency within one group and a *big number of students within one group* are often viewed as interrelated challenges, recurring in the teachers' responses. Lithuania is not unique in this aspect. Knezovic (2016) comments on the similar situation stating that ESP classes, especially at the tertiary level, are not necessarily homogeneous ... 'since most students do not have the same level of foreign language proficiency, owing to their diverse secondary education background and foreign language exposure, which may result in students' lack of motivation or interest in learning' [29. P. 130].

Although the average number of students in groups usually does not exceed 20, some faculties tend to form groups of up to 30 students in order to cut spending on ESP teaching and encourage students' individual work. Moreover, for the same reasons some faculties reduce the number of contact hours or the ESP course length to one term, leaving the syllabus unchanged. Such changes hamper students' efforts to achieve their aims in ESP.

Summarizing the Lithuanian research data regarding foreign language teaching at tertiary level, we can say the following:

a) although CLIL method is practiced at Lithuanian universities and colleges, language teachers readily respond to being addressed as ESP teachers. The opposite may not be true, i.e. not all language teachers would present themselves as CLIL specialists. That allows us to say that currently ESP approach is dominant in the Lithuanian tertiary education;

b) the primary purpose of ESP is viewed as an ability to use the language for professional needs, which reflects the observed tendency of tertiary education towards applicability of the gained skills and knowledge;

c) compared with the situation 15–20 years ago, there seems to be less demand for developing academic skills within ESP context, as neither teachers nor students view them as a key component of ESP courses;

d) although the respondents feel satisfied and sufficiently qualified in teaching a language for specific purposes, one third of them admit their lack of subject-related knowledge.

Results and Discussion

As stated at the beginning, the purpose of this study is to analyze to what extent the real CLIL and/or ESP classroom situation (data) correlates with the methodologies goals and objectives in the context of two countries, and what should be done to achieve better results.

Having analyzed the collected research data, we can point out common challenges faced by the teachers practicing CLIL or ESP:

- 1) low motivation of students;
- 2) non-homogenous groups;
- 3) not advanced training of teachers to work with ESP and CLIL methodologies;
- 4) low level of cooperation between subject and language teachers (CLIL teachers need to improve English, language teachers need additional content knowledge).

Comparing the results of the surveys, three factors contributing to the teachers' satisfaction in their activities can be distinguished:

1) lifelong learning, discoveries in the students' professional field, personal development (ESP); new professional knowledge acquisition from original sources (CLIL);

2) creativity; freedom in choosing teaching methods; more academic freedom to experiment (CLIL); flexible teaching, no restrictions on teaching tools, administrative support (CLIL);

3) diversity of topics, variety of the topics covered (ESP); no restrictions on materials used (CLIL).

The data presented in the research can be summarized in two tables (2a) and (2b) according to the questions categories.

As a discussion we would like to draw attention to the fact that no matter what methodology is used, it should be used in line with its settings (variables) and university goals and ambitions. There is no single established model to import and use and hardly we can speak about copying this or that methodology without prior adaptation to the realities of a country (cultural, social, geographical). Each university develops its own educational trajectory, again based on its own resources, settings, and ambitions. In order to streamline CLIL or ESP didactic settings, it is necessary to conduct the needs' analysis and the analysis of the conditions inter alia resources in which the methodology is going to be implemented and primarily, for what. To use the methodology for the sake of the methodology itself is the utopia leading to nowhere and expecting good results is a time waste.

Table 2a

CLIL and ESP strong points and challenges In Russia and Lithuania

	CLIL	ESP	CLIL	ESP
	Strong points		Challenges	
Russia	Professional knowledge from original sources; academic freedom in teaching – no restrictions in teaching tools and methods; quick progress in language.		Different levels of students' language proficiency; low motivation among students to study a subject in English; poor knowledge in CLIL methodology and language to lecture; lack of materials.	
Lithuania		Lifelong learning and professional development; applicability; creativity / variety of teaching methods.		Lack of teachers' competence in subject fields; low motivation of students to study; large number of students in groups; lack of textbooks and inertia cooperation with subject teachers.

Table 2b

CLIL and ESP teaching materials

	CLIL	ESP	CLIL	ESP
	Teaching materials		Factors to professional satisfaction of teachers	
Russia	Lack of special (CLIL) textbooks and teaching materials		Support from administration, extended hours for lecture preparation, flexible teaching	
Lithuania		Lack of specialised textbooks, covering the current state of developments in the subject field		Lifelong learning, ability to motivate the learners and satisfy their needs, students' recognition

Each methodology has its own rules of the game and only following these rules will facilitate us to achieve the success. And if ESP is language-led approach (with the focus on the language needed for professional purposes), it should not go deeply to subject concepts, but if CLIL is dual-focused one, it should make language learning dominant, particularly in case when it is provided by subject teachers. Cooperation will be a good factor to the both methodologies, as many respondents noted, at least, in terms of learning and teaching materials design, but it is a very complicated process requiring coordination from part of the university authority. However, as the respondents say, teaching material in fact is not so big problem, this task is quite solvable due to the modern Internet-world, the methods teachers choose matter much more. Student-centered methods have clear advantages

over teacher-focused ones. The methods are to be active, implying students' involvement with the focus on cognitive and conscious studying through solving practical tasks. In order to make tasks interesting, they are to be solvable with clear input and only in this case we can expect to get the reasonable output.

Conclusion

The research conducted by the two universities has revealed that, while pursuing similar goals, the two countries face similar problems. In this paper we attempted to analyse the teaching practice involving two different methodologies – CLIL and ESP. We have not set as goal to compare which one is better or what country has better practices and results. The choice is an

individual thing. The methodology will be “right” if it is in line with university goals and resources, as well as students’ needs and ambitions. There is no need to start CLIL without a good reason and without well-developed

facilities for it. Thus, if a well established practice of ESP proves to be effective and satisfies all the parties, there is little sense in trying to replace it with something more innovative.

References

1. Ting T. (2010). In Focus: *CLIL Appeals to How the Brain Likes its Information: Examples from CLIL-(Neuro) Science*. International CLIL Research Journal. Vol. 1(3). Retrieved from <http://www.icrj.eu/13/article1.html>
 2. Hutchinson, T. & Waters, A. (1987). *English for Specific Purposes: A learner-centered approach*. Cambridge University Press.
 3. Gatehouse, K. (2001). Key Issues in English for Specific Purposes (ESP) Curriculum Development. The Internet TESL Journal, Vol.VII, No.10. <http://iteslj.org/>
 4. Coyle, D., Hood, P., Marsh, D. (2010). *CLIL: Content and Language Integrated Learning*. Cambridge University Press. 173 p.
 5. Cimermanova, I. (2021). A Review of European Research on Content and Language Integrated Learning. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. 2021; 25(2):192-213. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.103.025.202102.192-213>
 6. Report on the implementation of the Action Plan «Promoting language learning and linguistic diversity» // COM (2004-2006) 449 final. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2003:0449:FIN:en:PDF>
 7. EURIDICE. Retrieved from: <http://www.eurydice.org>.
 8. Marsh, D. (2008). Language awareness and CLIL. *Encyclopedia of language and education*. 6, pp. 233-246.
 9. Martín Del Pozo. (2017). CLIL and ESP: Synergies and mutual inspiration. *International Journal of Language Studies*. Vol. 11(4):29-48.
 10. Liew, K.L., & Khor, C.P. (2014). ESP at tertiary level: Traditional ESP or integrated ESP? Retrieved from <http://dspace.unimap.edu.my/xmlui/handle/123456789/34587>
 11. Dalton-Puffer, C. (2007). *Discourse in Content and Language Integrated Learning (CLIL)*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
 12. Dalton-Puffer, C. (2011). Content and language integrated learning: From practice to principles. *Annual Review of Applied Linguistics*. Vol. 31:182–204.
 13. Grabe, W., & Stoller, F. L. (1997). Content-based instruction: Research foundations. In M. A. Snow & D. M. Brinton (Eds.). *The content-based classroom: Perspectives on integrating language and content* (pp. 1–21). New York: Longman.
 14. Cenoz, J., Genesee, F., & Gorter, D. (2014). Critical analysis of CLIL: Taking stock and looking forward. *Applied Linguistics*. Vol. 35(3):243-262.
 15. Jendrych, E. (2013). Developments in ESP Teaching. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. Vol. 34(1), 43-58.
 16. Fernández, D. J. (2009). CLIL at the university level: Relating language teaching with and through content teaching. *Latin American Journal of Content & Language Integrated Learning*. Vol. 2(2):10-26.
 17. Tarnopolsky, O. (2013). Content-based instruction, CLIL, and immersion in teaching ESP at tertiary schools in non-English-speaking countries. *Journal of ELT and Applied Linguistics (JELTAL)*. Vol. 1(1):1-11.
 18. Coyle, D. (2007). Content and Language Integrated Learning: Towards a connected research agenda for CLIL pedagogies. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. Vol. 10(5):543–562.
 19. Dafouz, E. (2011). English as the medium of instruction in Spanish contexts: A look at teacher discourse. In Y. Ruiz de Zarobe, J. M. Sierra & F. Gallardo del Puerto (Eds.), *Content and Foreign Language Integrated Learning: Contributions to Multilingualism in European Contexts* (pp. 89–110). Bern: Peter Lang.
 20. Dearden, J. (2014). *English as a medium of instruction – A growing global phenomenon*. British Council.
 21. Gonzalez Ardeo, J. M. (2013). (In)compatibility of CLIL and ESP courses at 30 university. *Language Value*. Vol. 5(1):24–47. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.6035/LanguageV.2013.5.3>
 22. Arno-Macia, E., & Mancho-Bares, G. (2015). The role of content and language in content and language integrated learning (CLIL) at university: Challenges and implications for ESP. *English for Specific Purposes*. Vol. 37(1):63–73.
 23. Coleman, N. (2006). Critical incidents in multicultural training: an examination of student experience. *Journal of Multicultural counseling and development*. Vol. 34(3):168-182.
 24. Marsh, D., & Laitinen, J. (2005). Medium of instruction in European higher education: Summary of research outcomes of European Network for Language Learning Amongst Undergraduates (ENLU) Task Group 4. Jyväskylä: UniCOM, University of Jyväskylä.
 25. Foran, D., & Sancho, C. (2009). CLIL approaches in university Applied Science environments. In E. Dafouz & M. Guerrini (Eds.), *CLIL across education levels: Experiences from Primary, Secondary and Tertiary Contexts* (pp. 113–123). Madrid: Richmond Publishing.
 26. Riley, C. (2013). A long hard climb – getting from the bottom to the top of the CLIL incline. *Recherche et pratiques pédagogiques en langues de spécialité. Cahiers de l'Apluit*, 32(3):30-56.
 27. Widdowson, H. G. (1983). *Learning Purpose and Language Use*. Oxford/New York: Oxford University Press.
 28. Wiesemes, R. (2009) “*Developing theories of practices in CLIL: CLIL as post-method pedagogies?*” In Y. Zarobe, and R. Ratalan (Eds.), *Content and Language Integrated Learning: Evidence from research in Europe*. Bristol, UK: Multilingual Matters (pp. 41 – 59).
 29. Sidorenko, T., Rybushkina, S., Rosanova, Ya. (2018). CLIL practices in Tomsk Polytechnic University: successes and failures. *The Education and science journal*. Vol. 20(8):164-187. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-56392018-8-164-187>.
 30. Räisänen, C. The promise and challenge of CLIL (Content and Language Integrated Learning) as a mediator for internationalization. Paper presented at the Conference of multilingual competence for professional and social success in Europe, Warsaw: Poland. Retrieved from: <http://konferencje.frse.org.pl/img/default/Mfile/319/file.pdf>
 31. Valiukinė, R. (2013). Avenues for peer Development in Cross-subject Teams. *Verbum. Research in Linguistics and Education Science*. Vol. 4:134-143. Vilnius University.
 32. Taillefer, G. (2013). CLIL in higher education: the (perfect?) crossroads of ESP and didactic reflection, *Asp*. #63:31-53.
 33. Hyland, K. (2002). Specificity revisited: how far should we go now? // *English For Specific Purposes*. Vol. 21:385–395. Retrieved from: <https://www.journals.elsevier.com/english-for-specific-purposes>.
 34. Flowerdew, J., & Peacock, M. (Eds.) (2001). *Research Perspectives on English for Academic Purposes*. Cambridge: Cambridge University Press.
 35. Snow, M. (1991). *Teaching language through content // Teaching English as a second or foreign language*. Heine & Hciner Publishers (pp. 315-328).
- Knezovic, A. (2016). Rethinking the Languages for Specific Purposes Syllabus in the 21st Century: Topic-Centered or Skills-Centered. *World Academy of Science, Engineering and Technology*. Vol. 10(1):117-132.

Information about the authors:

Sidorenko T.V., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sidorenkot@tpu.ru

Rosanova Ya.V., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ioannastar@list.ru

Medvedeva O., Vilnius University (Vilnius, Lithuania). E-mail: medolga0707@gmail.com

Eimulienė V., Vilnius University (Vilnius, Lithuania). E-mail: E-mail: vaiva.eimuliene@flf.vu.lt

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Сидоренко Татьяна Валерьевна – канд. пед. наук, доцент отделения иностранных языков Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: sidorenkot@tpu.ru

Розанова Яна Викторовна – старший преподаватель отделения иностранных языков Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: ioannastar@list.ru

Медведева Ольга – канд. филол. наук, доцент кафедры филологии Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва). E-mail: medolga0707@gmail.com

Эймулине Вайва – преподаватель английского языка кафедры филологии Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва). E-mail: vaiva.eimuliene@flf.vu.lt

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 23.09.2021;
approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

*Статья поступила в редакцию 23.09.2021;
одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/474/6

Прагматические функции дискурсивных слов в интернет-коммуникации

Валентина Михайловна Белова¹, Вадим Алексеевич Белов²

¹ Первичная профсоюзная организация ПАО «Северсталь», Череповец, Россия, belova.valentina.m@gmail.com
² Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, belov.vadim.a@gmail.com

Аннотация. Анализируются прагматические функции дискурсивных слов, оценивающих сообщаемое по шкале достоверности/недостоверности, в субжанрах социальной сети: комментариях, новостных записях официального сообщества, персональной странице публичного лица. Устанавливается, что дискурсивные слова эксплицируют конститутивные признаки перечисленных субжанров, а также способствуют дискурсивизации письменного текста, уменьшению эмоционального дефицита, выполняют фатическую функцию.

Ключевые слова: дискурсивные слова, лингвистика интернета, интернет-комментарий, дискурсивизация, жанр

Для цитирования: Белова В.М., Белов В.А. Прагматические функции дискурсивных слов в интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 46–57. doi: 10.17223/15617793/474/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/6

Pragmatic functions of discourse markers in Internet communication

Valentina M. Belova¹, Vadim A. Belov²

¹ Public organization trade union organization PAO “Severstal”, Cherepovets, Russian Federation, belova.valentina.m@gmail.com
² Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, belov.vadim.a@gmail.com

Abstract. This work is devoted to the discourse markers (DM), which assess the reported on a scale of reliability / uncertainty, in various subgenres of the social network VKontakte.

We analyzed more than 370 statements with DM in the messages and user comments in the official public of Cherepovets (https://vk.com/cherinfo_ru) and news messages on the personal page of the mayor of Cherepovets V.E. Germanov (<https://vk.com/germanovve>). The purpose of the work is to highlight the features of the functioning of DM in various subgenres of a social network. The hypothesis of the research is that DM, as units devoid of denotative meaning, implement various pragmatic functions in Internet communication, including explicating the constitutive features of Internet genres, contributing to self-presentation of personality, discourse of written text, reducing emotional deficit and switching micro themes.

To identify the functions of the DM, a technique is used that includes four stages:

1. Determination and comparison of the frequency of DM in the analyzed subgenres and RNC.
2. Isolation based on the frequency of nuclear and peripheral units in the group.
3. Analysis of the context semantics of DM in comparison with the data of dictionaries.
4. Revealing the specifics of the use of DM in different subgenres of the social network.

The analysis performed confirmed the hypothesis put forward. DM implement pragmatic functions in various subgenres of a social network. The subgenre of the commentary is closest to oral discourse, emotional and subjective. DM words fully explicate these constitutive features of the genre of commentary. In the hybrid subgenre of news messages on the personal page of the mayor, which bears the features of a personal blog, DM are used to make the text dialogic, to interact with the reader, and to have a casual conversational style. In the subgenre of news in the official community of Cherepovets, DM are used less often. This is due to the striving of the journalistic text for objectivity and emotionlessness. Although the scope of their use is limited to use in the transmission of direct speech, DM also appear in creolized news and in the section from readers #cherinfo_proposal, reposts from other sources.

As polyfunctional units, the main task of which is to build interaction between the addressee and the addressee., DM are used in contexts in various functions.

Firstly, in addition to expressing confidence / uncertainty, they help to eliminate emotional deficit, realizing irony and aggression. Secondly, DM allow the addressee to control the addressee's attention, including new micro themes in the reported, focusing on what the communicant seems to be important or significant. Finally, DM also help

communicants to give written speech features of a conversational style, emotionality, and dialogization. We call this phenomenon the discursivization of the text, by which we mean an unconscious or conscious attempt by the author to give the text an internal dialogization, to bring the written mode of discourse closer to the oral one.

Keywords: discourse markers, linguistics of the Internet, comment, discursivization, genre

For citation: Belova, V.M. & Belov, V.A. (2022) Pragmatic functions of discourse markers in Internet communication. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 474. pp. 46–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/6

Постановка проблемы

В последние годы значительная часть человеческого общения происходит онлайн, а носители языка не просто пассивно воспринимают информацию из интернет-ресурсов, но и активно участвуют в коммуникации: «The web was no longer a place where you went predominantly to consume content and information. It became a place where you participated; a dynamic space that was shaped (both intentionally and inadvertently) by your own actions and contributions» [1. P. 2]. Лингвистика Интернета – одно из быстро развивающихся сегодня научных направлений. Среди ее центральных вопросов – жанровое своеобразие интернет-текстов, влияние Интернета на развитие языка, речевое поведение коммуниканта в Сети, формирование новой гибридной устно-письменной формы существования языка.

Настоящая работа посвящена функционированию дискурсивных слов (ДС) в субжанрах социальной сети. Объектом исследования выступила группа ДС, оцениваемых по шкале достоверности/недостоверности. Это лексемы с общим значением ‘уверенность’ (*конечно, естественно, вероятнее всего, воистину, скорее всего, разумеется, безусловно, несомненно, ясное дело, очевидно, наверняка*) и ‘неуверенность’ (*видимо, наверное (наверно), возможно, может быть (может), кажется, по всей видимости, пожалуй, вроде*).

Материалом исследования выступают новостные сообщения и комментарии пользователей в официальном паблике Череповца (https://vk.com/cherinfo_ru) и новостные сообщения (новости) на стене персональной страницы мэра Череповца В.Е. Германова (<https://vk.com/germanovve>). Всего рассмотрено более 400 высказываний с ДС. Для анализа также привлекаются данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<https://ruscorpora.ru>) и словарей.

Цель работы – выделить особенности функционирования ДС в различных субжанрах социальной сети (на примере социальной сети «ВКонтакте»). Гипотеза исследования заключается в том, что ДС как единицы, лишённые денотативного значения, реализуют в интернет-коммуникации различные прагматические функции, в том числе эксплицируют конститутивные признаки интернет-жанров, способствуют самопрезентации личности, дискурсивизации письменного текста, уменьшению эмоционального дефицита и переключению микротем.

Для изучения функций ДС в субжанрах мы будем использовать методику, включающую четыре этапа:

1) определение и сопоставление частотности ДС в анализируемых субжанрах и НКРЯ;

2) выделение на основании частотности ядерных и периферийных единиц;

3) анализ контекстной семантики ДС в сопоставлении с данными словарей;

4) выявление специфики употребления ДС в разных субжанрах социальной сети.

Конститутивные признаки субжанров социальной сети

Вслед за Е.И. Горошко и Т.Л. Поляковой мы понимаем под интернет-жанром «устойчивые типы текста, назначение которых определяет его форму и которые обслуживают типическую ситуацию коммуникации в сети Интернет» [2. С. 120].

Особенности жанрообразования в Интернете обусловлены спецификой коммуникации в этом пространстве; Интернет представляет собой динамичную жанровую среду, где появляются новые платформы для коммуникации с большим количеством пользователей. Представленные характеристики ведут к появлению новых жанров, взаимодействию между ними, проницаемости жанровых границ и возникновению гибридных жанровых форм; на это указывается в работах [3–6].

С помощью социальных сетей «широкая группа людей получает возможность непрерывно создавать, редактировать, распространять и потреблять информационный контент, постоянно меняя свою коммуникативную роль и взаимодействуя друг с другом» [7. С. 8]. Благодаря легкости перехода из пассивной коммуникативной позиции в активную пользователь социальной сети осуществляет персональную и имперсональную коммуникацию на своей странице, в сообществах и личной переписке. С точки зрения современной лингвистики, социальная сеть является синтетическим жанром [8] или форматом (полижанровым образованием, гипержанром) [9]: социальная сеть объединяет разветвленную структуру жанров и субжанров, включающих персональную страницу, новостные посты, комментарии, переписку пользователей и т.п.

В настоящей работе мы ограничимся анализом ДС в субжанрах комментария, новостей на персональной странице публичного лица, новостных сообщений в официальном сообществе.

Место комментария пользователей в системе интернет-жанров является дискуссионным. Его предлагают рассматривать как комплексный жанр [10], жанр и коммуникативную ситуацию [11], диалогический жанр [12], речевой жанр [13–15]. Мы рассматриваем интернет-комментарий как самостоятельный субжанр

в рамках гипержанра социальной сети. Среди конститутивных признаков комментария можно выделить: спонтанность, лаконичность, эмоциональность, асинхронность, приближенность к разговорному жанру (в том числе невысокую нормированность, использование упрощенных синтаксических структур), сочетание вербального и невербального компонентов, субъективность [16–19]. Важной чертой также является вторичность субжанра комментария: комментарий всегда зависит от предыдущего текста или другого комментария и может быть адресован как одному конкретному участнику обсуждения, так и всем пользователям.

Субжанр новостей на личной странице мэра Череповца представляет собой гибридное образование. С одной стороны, эти записи обладают такими признаками персонального блога, как обратная хронология, внутренняя диалогичность текстов, регулярный выход новостей, в которых сочетаются информационное сообщение и личное отношение к событию: «Most commentators define blogs on the basis of their reverse chronology, frequent updating, and combination of links with personal commentary» [4]. Формат блога в данном случае подстраивается под коммуникативную цель адресанта [20] – информирование адресатов о деятельности городских властей, формирование положительного имиджа мэра, выражение его позиции по ключевым общественным вопросам. С другой стороны, личная страница мэра не отвечает важному качеству блога, для которого «характерно общение одного со всеми (автор отвечает на комментарии к собственной записи)» [6. С. 129]. Мэр не вступает в коммуникацию с комментаторами. Подача материала (изложение новостей на странице мэра близко к медиа-жанру новостной заметки), авторство материалов, публикуемых на странице (материалы пишутся представителями пресс-службы мэра, а не самим мэром), низкая степень спонтанности не позволяют отнести данный субжанр к блогу. Опираясь на выделенные признаки, предлагаем определить данный субжанр персонального блога с признаками жанра новостной заметки.

Третий субжанр, анализируемый в работе, – новостные сообщения в официальной группе Череповца. Его аналогом в традиционной журналистике является медиа-жанр новостной заметки. У субжанра также присутствуют признаки гибридности за счет репостов (т.е. повторной публикации чужих сообщений в группе), публикации рекламных записей, записей из других источников, записей пользователей в рубрике под хештегом #предложка_cherinfo. Кроме того, в новостной ленте размещаются спонтанные креолизованные посты, состоящие преимущественно из фото- или видеоконтента и содержащие короткие подписи. Таким образом, собственно традиционный жанр, появившийся из новостной заметки, трансформируется под влиянием интернет-коммуникации.

Выбор данных субжанров для анализа функционирования в них ДС обусловлен, во-первых, различиями между их конститутивными признаками (степень субъективности, спонтанности, интерактивности), которые позволяют наиболее полно проанализировать

особенности употребления ДС в социальных сетях; во-вторых, различием в коммуникативных установках субжанров (комментарии в большей степени ориентированы на самопрезентацию и коммуникацию; новости на персональной странице и новостные сообщения выполняют информативную функцию).

ДС как полифункциональные единицы

Одна из важнейших особенностей интернет-коммуникации – взаимовлияние устного и письменного модусов дискурса. Отметим, что письменный и устный модусы различаются характером употребления ДС, которые являются единицами, свойственными в первую очередь устной речи, а в письменных текстах используются с целью дискурсивизации, т.е. неосознанной или осознанной автором попытки приблизить письменный дискурс к устному.

ДС представляет собой класс полифункциональных единиц, обладающий рядом признаков: установление отношений между отрезками дискурса [21], факультативность, мультикатегориальность (они объединяют слова, восходящие к разным частям речи) [22], отсутствие денотативного значения, преобладание коммуникативной составляющей над денотативной [23, 24].

Неоднократные попытки описать единицы, которые в современной лингвистике относят к ДС, привели к появлению классификаций, основанных на различных принципах: морфологическом статусе единиц [25]; наличии/отсутствии эксплицитного субъекта [26]; функциональных особенностях [27, 28]. Опираясь на эти классификации и исходя из семантико-функционального принципа, мы на основе главной прагматической функции выделяем группы ДС, которые помогают оценивать сообщение с точки зрения степени важности, правдоподобности и т.д. (см. подробнее: [29]). Одной из наиболее обширных является группа ДС, маркирующая достоверность / недостоверность сообщаемого.

Анализируемые ДС могут быть рассмотрены как средства экспликации персуазивности в рамках теории семантического синтаксиса. Разделение высказывания на диктум и модус, введенное в научный обиход Ш. Балли, подразумевает выделение двух компонентов в семантике предложения и «заключается в осознании существенного различия между тем, о чем говорится в предложении, и тем, что именно и каким образом говорится по этому поводу» [30. С. 89]. Модус понимается как комплекс «субъективных смыслов, который может и должен выразить говорящий, вступая в тот или той вид общения и становясь автором высказываний, построенных по законам данного языка» [31. С. 80].

Для модуса, как правило, характерно имплицитное присутствие в семантике предложения. Однако при эксплицитном выражении он обладает более широким перечнем средств выражения, среди которых оказывается и рассматриваемая группа ДС: «Персуазивность отвечает за квалификацию информации со стороны ее достоверности, но не объективную, а с точки зрения

говорящего, иначе говоря, персуазивность есть уверенность или неуверенность автора в достоверности излагаемой им информации» [32. С 37].

В концепции Т.В. Шмелевой персуазивность относится к квалификативным категориям модуса, которые «позволяют говорящему проявить свое отношение к событиям и информации о них» [31. С. 85]. Роль категории персуазивности достаточно точно определяет О.А. Кобринна: «В плане коммуникативной значимости эта категория жизненно необходима человеку в процессе общения для достижения поставленных им целей: убедить, переубедить, поддержать или найти поддержку, выразить уверенность в сказанном, направить в нужное русло, доказать свою правоту» [33. С. 98].

Представленность ДС в анализируемых субжанрах различна. Наиболее низкочастотны ДС в записях на персональной странице мэра и новостных сообщениях в группе «Череповец». Нами был проанализированы записи на персональной странице мэра с ноября 2019 г. (время появления страницы) по сентябрь 2020 г. включительно (всего 701 запись), в новостных сообщениях в сообществе «Череповец» – с апреля по сентябрь включительно (более 2 000 записей). В субжанре комментария анализируемая группа ДС встречается наиболее часто. В связи с этим для сравнения их частотности в данном субжанре был выбран короткий временной отрезок – с 1 по 7 сентября 2020 г. За этот период в сообществе «Череповец» было опубликовано 102 записи, а пользователи оставили к ним 2 199 комментариев.

Подробное количественное соотношение ДС в разных субжанрах в сравнении с общеязыковой частотностью, по данным Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/>), представлено в табл. 1.

В целом мы видим количественное преобладание ДС с общим значением ‘неуверенность в сообщаемом’ причины этой особенности будут проанализированы ниже.

ДС *конечно* является самым частотным и по данным НКРЯ, оказывается ядерным в группе единиц, выражающих уверенность в сообщаемом. Далее наиболее частотной в анализируемом материале оказывается единица *скорее всего*, чья частотность в НКРЯ, наоборот, низкая. Все остальные единицы подгруппы можно отнести к периферии (рис. 1).

Среди единиц, выражающих неуверенность в сообщаемом, в анализируемом материале лидируют слова *видимо*, *наверное*, *возможно* и *может быть*. На ближней периферии находится лексема *вроде*. Данные НКРЯ в этом случае демонстрируют расхождение с анализируемым материалом.

Так, в НКРЯ наиболее частотными оказываются единицы *кажется* и *может быть/может*, что возможно объяснить случаями омонимии, которые не всегда сняты в корпусе. Остальные лексемы (*наверное*, *видимо*, *возможно*, *вроде*, *вероятно*, *пожалуй*) имеют в НКРЯ схожую частотность, однако в анализируемом материале различаются по числу употреблений. Ядерные и периферийные лексемы визуализированы на рис. 2.

Таблица 1

ДС, оценивающие достоверность/недостоверность сообщаемого в субжанрах новостей на персональной странице мэра и новостных сообщениях в сообществе «Череповец»

Дискурсивное слово	Субжанр новостных сообщений в сообществе «Череповец»				Субжанр новостей на персональной странице мэра	Субжанр комментария	Всего во всех субжанрах	НКРЯ
	Всего	В прямой речи в новостных заметках	В репостах, рекламе	В рубрике #предложка_cherinfo				
Конечно	49	35	8	6	7	34	90	185 436
Естественно	10	10	0	0	0	1	11	24 259
Вероятнее всего	0	0	0	0	0	1	1	743
Воистину	0	0	0	0	0	1	1	2 756
Скорее всего	23	20+(2)	0	1	0	12	35	9 625
Очевидно	1	0	1	0	2	2	5	36 173
Ясное дело	1	0	0	1	0	1	2	930
Разумеется	0	0	0	0	0	0	0	36 295
Безусловно	9	8	1	0	0	0	9	10 918
Несомненно	2	0	1	1	0	0	2	17 354
Наверняка	3	2	0	1	7	2	12	9 564
Видимо	21	19+(1)	0	1	0	23	44	34 765
Наверное/наверно	15	9	0	6	2	13/3	33	42 258 / 14 396
Может быть/может	22	16	1	5	1	13	36	151 577 / 425 679
Возможно	42	39	0	3	4	6	52	50 214
Вроде	8	6	0	2	2	9	19	46 766
Кажется	4	3	0	1	1	4	9	110 955
По всей видимости	2	2	0	0	0	1	3	1 385
Пожалуй	1	(1)	0	0	3	0	4	34 322
Вероятно	3	3	0	0	1	0	4	42 070

Примечание.¹ В скобках указано количество употреблений дискурсивных слов в тексте новости, без скобок – количество употреблений при передаче прямой речи в тексте новости.

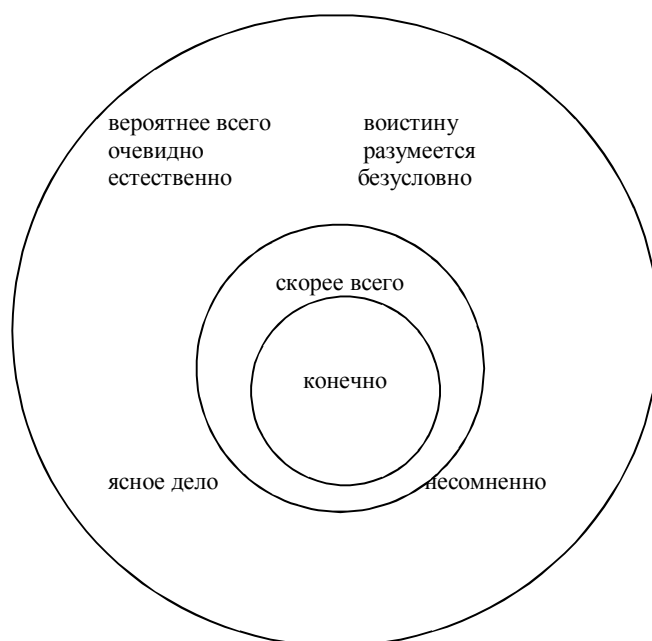

Рис. 1. Частотность ДС, выражающих уверенность, в анализируемом материале

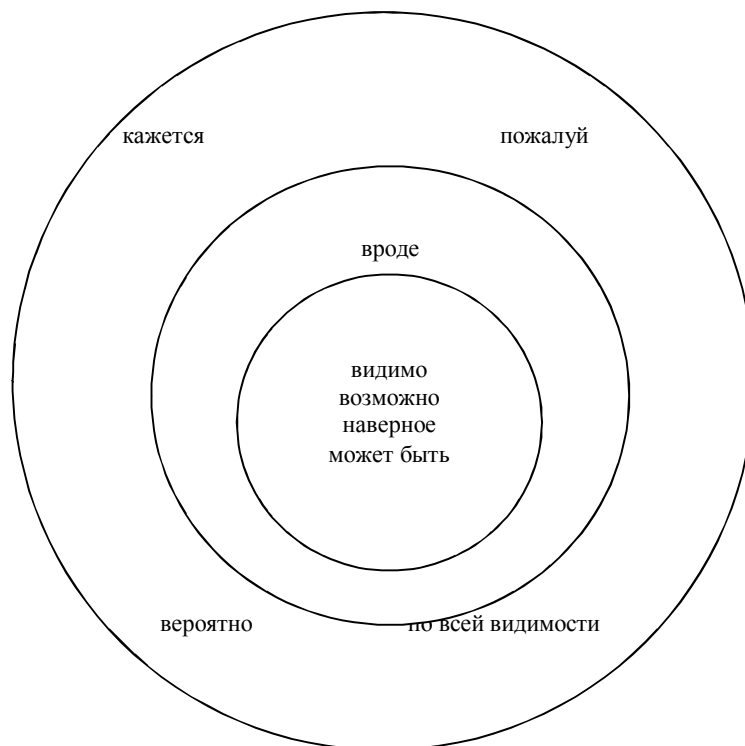

Рис. 2. Частотность ДС, выражающих неуверенность, в анализируемом материале

Анализ контекстного употребления ДС

В ходе анализа контекстного употребления ДС были выделены несколько наиболее характерных для них прагматических функций. Рассмотрим их подробнее.

Употребление для выражения уверенности, придания категоричности сообщаемому. Наиболее употребляемыми для выражения уверенности в сообщаемом во всех трех субжанрах становятся ДС *конечно* (наиболее частотная лексема, по данным НКРЯ) и

естественно. В словаре Т.Ф. Ефремовой (далее – сл. Ефремовой) значение ДС *конечно*, грамматический статус которого определяется как вводное слово, трактуется следующим образом: «1. Употребляется при выражении согласия, утверждения, соответствуя по значению следующее: да, разумеется. 2. Употребляется как вводное слово, соответствующее по значению следующее: без сомнения, само собою разумеется» (С. 248). ДС *естественно* также часто используется в основном словарном значении, которое в Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (да-

лее – МАС) сформулировано так: «Естественно – разумеется, по вполне понятным причинам» (Т. I. С. 467).

В этих значениях ДС употребляются в комментариях, когда адресант хочет усилить уверенность собеседника в сообщаемом (см. примеры (1–2)); в записях на персональной странице мэра, когда адресант хочет воздействовать на адресатов, убедить их в чем-то (см. пример (3)), а также при передаче прямой речи в новостях в сообществе «Череповец» (см. пример (4)). Все эти примеры можно отнести к персуазивной коммуникации, которая, как отмечает А.В. Голоднов, реализует попытку «вербального воздействия одного из коммуникантов (адресанта) на установку своего коммуникативного партнера/партнеров (реципиента / аудитории) с целью ненасильственным путем (посредством коммуникативных стратегий убеждения и «обольщения») добиться от него принятия решения о необходимости совершения/отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия» [34. С. 4–5].

(1) *Владимир* * (здесь и далее в примерах сохранена авторская пунктуация и орфография, фамилии пользователей заменены на *. – В.Б., В.Б.)

*А забор смогут починить украденный у 21 школы? Вера **

Владимир, добрый вечер! Конечно смогут, заявка-ходатайство подано (комментарий к записи, опубликованной 31.08.2020 в 10.49).

(2) *Дмитрий* *

Наталья, тоже по работе пользуюсь этим отделением. И тк же после 19 часов прихожу и максимум 1..2 человека. А чаще сразу обслуживаюсь. Просто все приходят в час пик, и естественно скапливается очередь (комментарии к записи, опубликованной 17.08.2020 в 14.17).

(3) *Губернатор области Олег Кувшинников подписал постановление, согласно которому с 1 по 11 мая занятий у школьников не будет. Конечно, это не значит, что можно сутки напролет гулять и встречаться с друзьями. Это шанс и детям, и родителям отдохнуть от учебы и онлайн-уроков* (запись от 30.04.2020 в 10.59 на персональной странице мэра).

(4) *«Теперь у нас красота! Мы живем здесь уже 33 года. Двор, конечно, не был рассчитан на столько машин. Мы довольны: двор в два раза расширили, грязи стало меньше. Раньше машины заезжали на газон», – поделилась жительница дома № 48 по Октябрьскому проспекту Татьяна Смирнова* (запись в сообществе «Череповец» от 17.07.2020 в 13.43).

Низкочастотные ДС также позволяют адресанту выразить уверенность в сообщаемом. Среди них выделим лексему *безусловно*, которую отличает безапелляционность. Словарное значение данного ДС формулируется в сл. Ефремовой следующим образом: «Употребляется как вводное слово, выражающее уверенное утверждение и соответствующее по значению следующее: без сомнения, бесспорно, разумеется, конечно, очевидно» (с. 54). Отметим, что в новостных сообщениях на персональной странице мэра *безусловно* не употребляется, скорее всего, чтобы избежать категоричности. В новостных сообщениях в сообществе

«Череповец» оно используется достаточно редко и только при передаче прямой речи (см. пример (5)).

(5) *«Коронавирусная инфекция – это болезнь взрослых. Дети не входят в группу риска, поскольку легче переносят заболевание и случаев заражения среди них мало. У детей пока нет рецепторов, которые зацепляют этот вирус. Если бы было наоборот, то, безусловно, вакцину бы и для детей разработали и прививали бы уже сейчас. Сегодня нужно сделать акцент на защиту пожилых людей – реальную группу риска», – пояснила начальник отдела организации медицинской помощи и профилактики департамента здравоохранения области Людмила Дубовенко* (запись в сообществе «Череповец» от 06.08.2020 в 08.35).

Смягчение сообщаемого (фатическая функция). ДС данной группы часто используются в фатической функции: смягчение категоричности сообщаемого позволяет коммуникантам установить контакт с собеседником, избежать конфликта, недопонимания и соблюсти этикет интернет-общения [38. С. 70]. Эту функцию реализуют как лексемы с общим значением ‘уверенность в сообщаемом’ (*скорее всего* и *вероятнее всего*), так и практически все единицы с общим значением ‘неуверенность в сообщаемом’. Последние встречаются в данной функции чаще, что соответствует их лексическому значению.

Смягчение своей позиции, выражение неуверенности, предположения или сомнения характерно для всех анализируемых субжанров. В новостных сообщениях в данной функции лексемы употребляются при передаче прямой речи, что характерно для медийного жанра, где выражение оценки, проявление субъективности – сфера комментаторов, а не автора. Именно совокупность субъективных мнений позволяет сформировать в конечном итоге объективный журналистский текст.

Рассмотрим эту особенность на примере употребления в новостных сообщениях одного из частотных ДС – *видимо*, значение которого толкуется в сл. Ефремовой следующим образом: «Высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении, впечатлении говорящего» (С. 55):

(6) *«Мужчине 66 лет. Он в состоянии алкогольного опьянения решил переплыть Ягорбу. Видимо, силы свои не рассчитал, нахлебался воды, до берега еле догреб. Спасатели его там подхватили, он совсем был плох, вызвали скорую. Медики предложили ему госпитализацию, но он отказался, с него даже взяли заявление об отказе», – рассказал директор спасательной службы Череповца Дмитрий Санаков* (запись в сообществе «Череповец» от 22.06.2020 в 12.21).

Интересно, что в сообществе «Череповец» лексема *видимо* чаще всего появляется именно в сообщениях с прямой речью директора спасательной службы Дмитрия Санакова. Каждый раз высказываясь о событиях, он не может быть до конца уверен в их причине, представляет субъективный взгляд на историю и употребляет *видимо*, чтобы исключить категоричность своей версии.

Использование ДС *возможно* (в МАС значение – «Возможно – может быть, вероятно» (Т. I. С. 201)) также позволяет представить факты, в которых адресант не уверен до конца:

(7) *Первых вылечившихся от коронавируса череповчан, возможно, выпишут на следующей неделе. Об этом cheginfo сообщил главный врач больницы Андрей Погодин* (запись в сообществе «Череповец» от 10.04.2020 в 18.10).

В аналогичных контекстах используются данные ДС и на персональной странице мэра. Так, в примере (8) с ДС *кажется* (значение в «Объяснительном словаре русского языка: структурные слова» под редакцией В.В. Морковкина сформулировано так: «Употребляется для выражения того, что говорящий не уверен или сомневается в достоверности, полной точности высказывания» (С. 153)) адресант не уверен в верности своей интерпретации ощущений другого человека.

(8) *Сейчас череповчанин ездит на «десятке», которую давно собирался поменять. В выигрыш поверил не сразу и, кажется, еще до сих пор не до конца осознал, что это не сон* (запись на персональной странице мэра от 27.06.2020 в 14.35).

Используя ДС *может быть / может* (словарное значение из сл. Ефремовой: «1. Оценочная характеристика чего-л. как возможного, вероятного. // Употребляется как вводное словосочетание, выражающее неуверенность или предположительность <...> 2. Употребляется как вводное словосочетание, смягчающее категоричность вопроса или побуждения» (С. 87)), адресант делится соображениями, как бы приглашая к диалогу:

(9) *Может, кто-то готов поделиться кустарниками или многолетниками, будем благодарны. Территория у нас большая, хочется, чтобы здесь было уютно, красиво, приятно прийти», – рассказала председатель общественной организации «Будущее есть!» Юлия Мажарова* (запись в сообществе «Череповец» от 23.09.2020 в 10.07).

В субжанре комментария смягчение сообщаемого становится еще более актуальным. С помощью данных ДС коммуниканты стараются сохранить объективность сообщаемого, подчеркнуть, что их точка зрения лишь одна из возможных, и они не настаивают на ее правильности, что позволяет избежать конфликтов и агрессии со стороны других собеседников (примеры (10–11)):

(10) *Надя **

Надежда, почему вообще они сидят в тюрьмах? Это же 100% проблема с головой. Это пожизненное лечение скорее всего (комментарий к записи, опубликованной 18.09.2020 в 13.23).

(11) *Светлана **

Иван, да, да. Мы видели в Рыбинске. Это так здорово. Эстетично. У нас бы тоже наверное прижилось бы (комментарий к записи, опубликованной 30.09.2020 в 14.47).

Уменьшение эмоционального дефицита интернет-текста через реализацию коммуникативных тактик иронии, агрессии, осуждения, издевки. Отсутствие прямого контакта между коммуникантами и, как следствие, ограниченность невербальных средств, эмоциональный дефицит коммуникации являются важными особенностями интернет-общения [35]. Так,

субжанр комментария по своим конститутивным признакам предельно субъективный и эмоциональный. ДС в этом субжанре помогают адресанту придать общению экспрессивность, снизив тем самым эмоциональный дефицит. При этом, как правило, в интернет-общении преобладают отрицательные эмоции, связанные с желанием выразить различные формы агрессии (иронию, издевку и пр.).

ДС, выражающие уверенность/неуверенность в сообщаемом, в субжанре комментария часто используются для иронии над собеседником или исходным новостным сообщением, что характерно для интернет-комментария: «Среди стилистических способов выражения иронии нами были отмечены такие приемы, как гиперболизация, ложное одобрение, антитеза, доведение до абсурда, пародия, нарушение лексической сочетаемости, риторический вопрос, смешение стилей, аллюзии к прецедентным текстам и событиям» [36. С. 33]. Например, адресант в этом случае с помощью ДС может показывать абсурдность ситуации, используя его для планируемой непрямой коммуникации, «как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта» [37. С. 926] (см. примеры (12–13)).

(12) *Людмила * ответила Антону*

Антон, за руки за ноги, за рога – мужиков, машин много (и все глазают) и в лесополосу. Или на самом деле котлет из лося захотелось?

*Антон * ответил Людмиле*

Людмила, мужики у нас, конечно, могучие) можно сразу паре мужиков его за рога раскрутить и в Шексну прямо с Комсомольской выкинуть. Но тащить вручную за ноги раненое неснящее животное в лес – оно, конечно, гуманнее) (комментарий к записи об отлове лося в городе и последующей погрузке животного за ноги в автомобиль, опубликованной 03.09.2020 в 11.39).

(13) *Валерий **

Куда нам до капремонта, если внутриквартально-го проезда с улицы Ленинградской к домам 50-58 просто нет... Дорога как после бомбежки после каждого дождя. Мэр, вероятно, не знает, что в городе остались такие «внутриквартальные проезды»? (комментарий к записи, опубликованной 18.08.2020 в 16.21).

Низкочастотные ДС – безусловно, наверняка и несомненно – могут употребляться для выражения различной степени иронии (от мягкой до агрессивной), осуждения и издевки. В примере (14) ироничное отношение к исходному сообщению подкрепляется невербальными средствами – «смайликами». В высказывании (15) адресант использует лексему *безусловно* в агрессивном контексте осуждения, чтобы подчеркнуть абсурдность точки зрения собеседника. Высказывание (16) с ДС *несомненно* (словарное значение в МАС – ‘Несомненно, разумеется’ (Т. II. С. 481) – это пример мягкой самоиронии. Лексемы *видимо, наверное, вероятно* также встречаются в ироничных контекстах. Предположение говорящего (см. пример (17)) носит заведомо абсурдный характер, его интенция – дать понять адресату, что он издевается над ситуацией и не принимает ее:

(14) Александра * ответила Владу
Влад, мне кажется посетители сразу определили что это был амфетамин □
Дмитрий * ответил Александре
Александра, и сколько грамм 😊
Александра * ответила Дмитрию
Роман, **безусловно** вот это глазомер 🐼 (комментарий к записи, опубликованной 17.06.2020 в 10.05).

(15) Юлия *
Алена, глупо. Вы медик? Или лишь бы сказать? Смерть человека, **безусловно**, отличный повод поерничать и высказать свое экспертное мнение о том, в чем экспертом не являетесь (комментарий к записи, опубликованной 26.05.2020 в 12.15).

(16) Андрей * ответил Олеся
Олеся, я не упущу такого случая: стобалльником с двумя Л пишется □

Олеся * ответила Андрею

Андрей, ой 😊😊😊😊 исправлюсь 🐼🐼🐼

Олеся *

Андрей, это внезапно нагрянувшая старость, потеря чутья и ... эээ ну что-то **несомненно** уважительно)))) (комментарий к записи, опубликованной 24.07.2020 в 14.09).

(17) Олег * ответил Анне

Анна, ..А вы **по всей видимости** живете не в 2020 ..а в 1937..и за оборотней в погонах не когда не слышали.. Да? (комментарий к записи, опубликованной 17.06.2020 в 18.22).

Примеры ироничного употребления встречаются и в субжанре новостных сообщений в паблике Череповца в креолозванных текстах, которые состоят из фотографии или любительского видео и короткого комментария на стене группы (см. примеры (18–19)). Однако подобные записи и употребление ДС не являются типичным для данного субжанра, который восходит к новостной заметке, нацеленной на объективность и безэмоциональность:

(18) Дружище на «Газели», эти четверо парней **наверняка** благодарны за перерыв, но ты мешаешь класть асфальт! (запись в сообществе «Череповец» от 17.07.2020 в 14.53).

(19) На Боршодской после ремонта стал такой ровный асфальт, что здесь, **кажется**, стали собираться последователи Илона Маска с этими своими штуками (запись в сообществе «Череповец» от 07.07.2020 в 22.47).

Анализируемые единицы также используются в субжанре комментария для реализации агрессии (см. пример (21)). Отметим, что коммуниканты в социальной сети «Вконтакте», как правило, ограничены в выражении агрессии правилами сообщества. Это часто порождает непрямую форму коммуникации, которая заставляет коммуникантов использовать скрытые формы агрессии, выражающиеся в колкостях, издевках.

(21) Сергей *

Не желец уже слишком большой процент ожога (Михаил *

Сергей, ты то всё у нас знаешь.

Сергей * ответил Михаилу

Михаил, **естественно** знаю!!! (комментарий к записи, опубликованной 07.09.2020 в 08.48).

ДС употребляются и для создания специфической формы речевой агрессии – троллинга (форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении); см. пример (22)).

(22) Жанна *

Даже не пытайтесь оправдываться в своей компетентности и наличия знаний, Ольга !!!

Оля *

Жанна, не буду оправдываться. Традиционно есть т 9!

Оля *

Жанна, а ваша агрессия, **наверняка** вызвана приливкой от барновируса (комментарий к записи, опубликованной 27.08.2020 в 18.00).

Рассмотрим еще один пример употребления ДС конечно с эрративным написанием *канешна* в субжанре комментария. Коммуникативная цель таких искажений – выражение иронии над предыдущим сообщением (см. пример (23)):

(23) Тая *

Сергей, из Маасквы, **канешна**, виднее... (комментарий к записи, опубликованной 13.07.2018 в 15.30).

Кроме того, ДС, выражающие уверенность в сообщаемом, нередко употребляются для эмоционального воздействия на адресата в восклицательных конструкциях для обозначения утвердительного ответа, согласия с предыдущим комментатором или исходным новостным сообщением и положительной оценки (см. примеры (24–25)). При этом большая часть таких употреблений также приходится на субжанр комментария:

(24) Татьяна *

Конечно нужен садик! Зачем переделывать?! Ну, это же Россия. Строим, переделываем, ломаем, восстанавливаем (комментарий к записи, опубликованной 17.09.2020 в 07.20).

(25) Для некоторых их питомцы – это полноправные члены семьи, часто, они как дети 😊

И тут возникает вопрос: можно ли прийти на голосование с собакой?

Конечно! Весь период голосования за вашим питомцем будут присматривать волонтеры на специально оборудованной площадке возле участка для голосования. Источник: https://vk.com/look_to_piter (запись в сообществе «Череповец» от 25.06.2020 в 13.30).

Любопытно, что в отдельных контекстах адресант не может быть уверен в достоверности сообщаемого: так в примере (26) коммуникант не знает, течет ли крыша в доме, однако с помощью ДС и восклицательной конструкции он пытается убедить собеседника в достоверности сообщаемого, добавляя эмоциональный компонент, приближая письменную речь к разговорному стилю, свойственному интернет-комментарии как жанру. В подобных контекстах «Важным становится не обмен информацией, а обмен мнениями и отстаивание точек зрения, что приводит к снижению объективности и достоверности информации, которая превращается в субъективное восприятие фактов» [38. С. 107]:

(26) Света *

Антон, у вас что, крыша у дома течет?

Антон *

Света, наверняка!! Лазают со стропами люди который день. Но не ограждения ничего (комментарий к записи, опубликованной 03.09.2020 в 16.12).

Управление вниманием адресата. Анализируемые ДС помогают адресанту управлять восприятием адресанта, расставляя необходимые акценты в сообщаемом. Например, лексемы *конечно, безусловно, несомненно, вроде бы* в сочетании с союзом *но* используются для переключения на другую микротему: адресант уверен в сообщаемом, но он хочет сказать о другом аспекте проблемы, выразить противоположную точку зрения, управляя вниманием адресатов. Наибольшее число таких употреблений приходится на субжанр комментария (см. пример (27)), но также встречаются и в субжанре новостей на персональной странице мэра (пример (28)):

(27) Вера *

Девочке, конечно, здоровья, но все вопросы к родителям. Подростки в 23 часа находятся на улице, а утром в школу. Это время суток очень темное (комментарий к записи, опубликованной 17.09.2020 в 10.37).

(28) *В Комсомольском парке отреставрировали фонтан. Все вроде бы прекрасно, но вот чащу не покрасили. Управлению культуры дано поручение исправить этот недочет за два дня. Планируем, что к вечеру вторника фонтан вновь начнет работать* (запись на персональной странице мэра от 08.06.2020 в 15.16).

Внутренняя диалогизация текста. Рассмотрим еще одну функцию ДС – создание внутренней диалогизации текста, которая проявляется в записях на персональной странице мэра. Их близость к жанру блога заставляет адресанта использовать ДС для имитации разговорного стиля и придания тексту диалогичности. Так, ДС *наверняка*, которое имеет словарную помету ‘разговорное’, сравнительно малоупотребительно в новостных сообщениях на персональной странице мэра (см. пример (29)):

(29) *Мы еще немного подкорректировали график отключения горячей воды. Планировалось, что в Индустриальном районе время тазиков и кастрюль стартует 23 июня, но 24 июня будет выходным днем. Наверняка, многие горожане захотят остаться дома и заняться уборкой* (запись на персональной странице мэра от 10.06.2020 в 14.50).

Аналогичным образом для придания речи разговорного эффекта используется лексема *пожалуй* (словарное значение в МАС: «выражает допущение, возможность чего-л., означает возможно, может быть, вероятно») (Т. Ш. С. 234). В примере (30) описывается ситуация, когда решение о бесплатном проезде уже принято, и ДС используется для придания речи непринужденной устной манеры.

(30) *В Череповце есть такая традиция: в день выборов устраивать кондукторам выходной. Пожалуй, не будем ломать привычный ход вещей. Завтра, 1 июля, кондукторы отдыхают, а горожане ездят в*

автобусах и трамваях бесплатно (запись на персональной странице мэра от 30.06.2020 в 10.29).

В следующих примерах адресант использует ДС, чтобы вызвать отклик адресатов, придать тексту дискуссионность, свойственную блогу. С помощью лексемы *возможно* в высказывании (31) исключается категоричность, что характерно для политического дискурса, пользователя призывают к диалогу.

(31) *Самому большому скверу Зашекнинского района очень не хватает цветочного оформления, поэтому фигуру поставим именно там. Планируем, что Тобик будет радовать гостей парка и зимой. Возможно, согреем его шапкой, шарфом и добавим светодиодную подсветку. Поделитесь в комментариях, как вам такая идея? Кстати, имя этому красавцу еще не выбрали, «Тобик» – один из вариантов. Предлагайте свои!* (запись на персональной странице мэра от 19.08.2020 в 15.06).

Выводы

Проведенный анализ подтвердил выдвинутую гипотезу. Основная задача ДС как полифункциональных единиц – выстроить взаимодействие между адресатом и адресантом. Анализируемая группа ДС, выражая уверенность / неуверенность в сообщаемом, одновременно с этим реализует широкий круг прагматических функций в рассматриваемых субжанрах. Они помогают устранить эмоциональный дефицит, реализуя коммуникативные тактики иронии и агрессии, являясь средством выражения персуазивной коммуникации, данные единицы позволяют адресанту управлять вниманием адресата, влияя на его точку зрения. ДС также помогают коммуникантам придать письменной речи черты разговорного стиля, диалогичность, т.е. формируют дискурсивизацию текста (попытку автора придать тексту внутреннюю диалогичность, приблизить письменный модус дискурса к устному).

При этом реализация конкретных прагматических функций частично определяется конститутивными признаками субжанров. Субжанр комментария наиболее близок к устному дискурсу, эмоционален и субъективен. ДС в полной мере реализуют эти конститутивные признаки, помогая самопрезентации личности.

В гибридном субжанре новостных сообщений на персональной странице мэра, который несет черты персонального блога, ДС используются с целью придания тексту диалогичности, осуществления взаимодействия с читателем, непринужденного разговорного стиля. В субжанре новостей в официальном сообществе «Череповец» ДС употребляются реже всего. Это объясняется стремлением журналистского текста к объективности. Одновременно интернет-коммуникации преобразуют традиционную модель медийного жанра новостной заметки, дополняя ее креолизованными новостями, рубрикой от читателей #предложка_cherinfo, в которых ДС используются чаще. Таким образом, субжанр новостей в сообществе «Череповец» оказывается наиболее близок к письменному модусу, а интернет-комментарии – к устному, что отражено на рис. 3.

Новости в сообществе «Череповец»

Персональная страница мэра

Комментарии

Письменный модуль

Устный модуль

Рис. 3. Место субжанров в письменном/устном модулях

Словари

1. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2004, 814 с.
2. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова / под ред. В.В. Морковкина. М., 2002. 421 с.
3. МАС: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1986.

Список источников

1. The language of social media: Identity and community on the internet / ed. by P. Seargeant, C. Tagg. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2014. 260 p.
2. Горошко Е.И., Полякова Т.Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 119–127.
3. Nielsen A.E., Askehave I. Digital genres: A challenge to traditional genre theory // Information Technology & People. 2005. Vol. 18 (2) P. 120–141.
4. Miller C.R., Shepherd D. Blogging as social action: A genre analysis of the weblog // Gurak L., Antonijevic S., Johnson L., Ratcliff C., Reymann J. (Eds.). Into the Blogosphere. Rhetoric, Community and Culture of Weblogs. 2004. URL: <http://blog.lib.umn.edu/blogosphere/> (дата обращения: 20.07.2020).
5. Lomborg S. Social media as communicative genres // MedieKultur Journal of media and communication research. 2011. Vol. 27 (51) P. 55–71.
6. Баженова Е.А., Иванова И.А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 125–131
7. Круглов А.С. Специфика коммуникативного взаимодействия в российском сегменте социальных медиа: на материале социальной сети «ВКонтакте» и видеохостинга «You Tube»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2017. 23 с.
8. Казнова Н.Н., Овчинникова И.Г. Специфика коммуникации в социальных сетях по сравнению с блогосферой // Вопросы психолингвистики. 2014. № 21. С. 86–97.
9. Усачева О.Ю. Дискурсивный анализ текстов диалогической интернет-коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2013. 52 с.
10. Данкова Н.С., Дубровская Т.В. Жанры профессиональных интернет-сообществ в аксиологическом аспекте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 551–561.
11. Карпоян С.М. INSTAGRAM как особый жанр виртуальной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 4 ч. Ч. III. Тамбов : Грамота, 2015. № 12 (54) : в 4 ч. Ч. III. С. 84–88.
12. Баоянь У. Коммуникативные стратегии и тактики и языковые средства их реализации в русскоязычной неформальной межличностной дискурсии : на материале Интернет-дневников : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.
13. Иванова С.В., Зубарева В.М. Жанровые особенности коммента как интернет-текста // Вестник Башкирского университета. 2013. № 4. С. 1147–1151.
14. Стеклова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 77–81.
15. Abdullina L.R., Ageeva A.V., Smirnova E.A. The Evolution of the ‘Comment’ Genre: Theoretical Aspect // World Applied Sciences Journal. 2014. Vol. 29 (3). P. 354–358.
16. Агапова С.Г., Полоян А.В. Интернет-дискурс: основные жанры и особенности их исследования // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 4. С. 52–58.
17. Танабаева И.Р. Комментарий как особый жанр в интернет-общении // Молодой ученый. 2017. № 51 (185). С. 207–210.
18. Холодковская Е.В. Особенности синтаксиса англоязычного интернет-комментария социальной сети Facebook // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 1. С. 79–83.
19. Дахалаева Е.Ч. Интернет-комментарий и интернет-отзыв: параметры жанрового разграничения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=16222> (дата обращения: 26.07.2020).
20. Herring S. Computer-Mediated Conversation: Introduction and Overview URL: <https://www.languageatinternet.org/articles/2010/2801/herring.intro.pdf> (дата обращения: 10.09.2020)
21. Fraser B. What are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. № 31. P. 931–952.
22. Shourup L. Discourse Markers // Lingua. 1999. № 107. P. 227–265.
23. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайра. М., 1998. 447 с.
24. Lewis D.M. Discourse Markers in English: a Discourse-Pragmatic View // Approaches to Discours Particles / ed. by K. Fischer. Amsterdam, 2006. P. 43–60.
25. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947. 640 с.
26. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996. 480 с.
27. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М., 1978. С. 402–421.
28. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутренних отношений. М., 1986. 200 с.
29. Белова В.М. Дискурсивные слова в мемуарах монтажного типа: семантика, функции, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2011. 23 с.
30. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. М., 2010. 216 с.
31. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 78–100.
32. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис : текст лекций. Красноярск, 1988. 54 с.
33. Кобрин О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 90–100.
34. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 23 с.
35. Иванова Т.С. Речевое поведение Интернет-общения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 3. С. 132–136.
36. Фенина В.В. Ирония в обыденном политическом дискурсе (на материале интернет-комментариев пользователей сайта «Эхо Москвы») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 29–34.
37. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. № 4. С. 919–944.

38. Алтухова Т.В., Лебедева Н.Б. Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. С. 105–111.

References

1. *The language of social media: Identity and community on the internet* / Ed. P. Seargeant, C. Tagg. New York: Palgrave Macmillan. 2014. 260 p.
2. Goroshko, Ye.I. & Polyakova, T.L. (2015) K postroyeniyu tipologii zhanrov sotsial'nykh mediy [Towards the construction of a typology of social media genres]. *Zhanny rech'i - Speech Genres*. 2 (12). pp. 119-127.
3. Nielsen, A.E. & Askehave, I. Digital genres: A challenge to traditional genre theory. *Information Technology & People*. 2005. 18(2) pp. 120-141.
4. Miller, C.R. & Shepherd, D. (2004) Blogging as social action: A genre analysis of the weblog. In Gurak, L., Antonijevic, S., Johnson, L., Ratcliff, C. & Reyman, J. (Eds.). *Into the Blogosphere. Rhetoric, Community and Culture of Weblogs*. [Online] Available from: <http://blog.lib.umn.edu/blogosphere>.
5. Lomborg, S. (2011) Social media as communicative genres. *MedieKultur Journal of media and communication research*. 27(51) pp. 55-71.
6. Bazhenova, Ye.A. & Ivanova, I.A. (2012) Blog kak internet-zhanr [Blog as an Internet genre]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya - Bulletin Perm University. Russian and foreign philology*. 4(20). pp. 125-131
7. Kruglov, A.S. (2017) *Spetsifika kommunikativnogo vzaimodeystviya v rossiyskom segmente sotsial'noy seti "VKontakte" i videokhostinga "You Tube"* [Specificity of communicative interaction in the Russian segment of social media: on the material of the social network "VKontakte" and the video hosting "You Tube"]. Abstract of Ph. D. thesis. Kaliningrad. 23 p.
8. Kaznova, N.N. & Ovchinnikova I.G. (2014) Spetsifika komunikatsii v sotsial'nykh setyakh po sravneniyu s blogosferoy [Specificity of communication in social networks in comparison with the blogosphere]. *Voprosy psikholingvistiki - Questions of psycholinguistics*. 21. pp. 86-97.
9. Usacheva, O.Yu. (2013) *Diskursnyy analiz tekstov dialogicheskoy internet-kommunikatsii* [Discourse analysis of texts of dialogical Internet communication]: Abstract of Doctor's degree dissertation. Yelets, 52 p.
10. Dankova, N.S. & Dubrovskaya T.V. (2019) Zhanry professional'nykh internet-soobshchestv v aksiologicheskom aspekte [Genres of professional Internet communities in the axiological aspect]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki - Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*. 4. pp. 551-561.
11. Karpoyan, S.M. (2015) INSTAGRAM kak osoby zhanr virtual'noy komunikatsii [INSTAGRAM as a special genre of virtual communication]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki - Philological sciences. Questions of theory and practice*. Tambov. 12(54). pp. 84-88.
12. Baoyan', U. (2008) *Kommunikativnyye strategii i taktiki i yazykovyye sredstva ikh realizatsii v russkoyazychnoy neformal'noy mezhlchnostnoy diskursii: na materiale Internet-dnevnikov* [Communicative strategies and tactics and linguistic means of their implementation in the Russian-speaking informal interpersonal discourse: on the material of Internet diaries]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 24 p.
13. Ivanova, S.V. & Zubareva V.M. (2013) Zhanrovyye osobennosti kommenta kak internet-teksta [Genre features of commentary as an Internet text]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta - Bulletin of the Bashkir University*. 4. pp. 1147-1151.
14. Steksova, T.I. (2013) Rechevaya agressiya v internet-kommentariyakh kak proyavleniye sotsial'noy napryazhennosti [Speech aggression in Internet commentary as a manifestation of social tension]. *Politicheskaya lingvistika - Political linguistics*. pp. 77-81.
15. Abdullina, L.R., Ageeva, A.V. & Smirnova, E.A. (2014) The Evolution of the 'Comment' Genre: Theoretical Aspect. *World Applied Sciences Journal*. 29 (3). pp. 354-358.
16. Agapova, S.G. & Poloyan, A.V. (2016) Internet-diskurs: osnovnyye zhanry i osobennosti ikh issledovaniya [Internet discourse: main genres and features of their research]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki - Izvestia of the Southern Federal University. Philological sciences*. 4. pp. 52-58.
17. Tanabayeva, I.R. (2017) Kommentariy kak osoby zhanr v internet-obshchenii [Commentary as a special genre in Internet communication]. *Molodoy uchenyy - Young Scientist*. 51 (185). pp. 207-210.
18. Kholodkovskaya, Ye.V. (2014) Osobennosti sintaksisa angloyazychnogo internet-kommentariya sotsial'noy seti Facebook [Features of the syntax of the English-language Internet commentary of the social network Facebook]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie - Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 1. pp. 79-83.
19. Dakhalayeva, Ye.CH. (2014) Internet-kommentariy i internet-otzyv: parametry zhanrovogo razgranicheniya [Internet commentary and Internet review: parameters of genre differentiation]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya - Modern problems of science and education*. 6. [Online] Available from: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=16222>. (In Russian).
20. Herring, S. *Computer-Mediated Conversation: Introduction and Overview*. [Online] Available from: <https://www.languageatinternet.org/articles/2010/2801/herring.intro.pdf>
21. Fraser, B. (1999) What are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*. 31. pp. 931-952.
22. Shourup, L. (1999) Discourse Markers. *Lingua*. 107. pp. 227-265.
23. *Diskursivnyye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of the Russian language: experience of context-semantic description] (1998). Ed. K. Kiseleva & D. Payr. Moscow, 1998. 447 p.
24. Lewis, D.M. (2006) *Discourse Markers in English: a Discourse-Pragmatic View In Approaches to Discours Particles/* Ed. Kerstin Fischer. Amsterdam pp. 43-60.
25. Vinogradov, V.V. (1947) *Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian language (grammatical teaching about the word)]. Moscow. 640 p.
26. Paducheva, Ye.V. (1996) *Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic research (Semantics of time and type in Russian; Semantics of narrative)]. Moscow. 480 p.
27. Vezhbitska, A. (1978) Metatekst v tekste [Metatext in the text]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Issue VIII. Lingvistika teksta - New in foreign linguistics Iss. VIII. Linguistics of the text*. Moscow. pp. 402-421.
28. Lyapon, M.V. (1986) *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutrennikh otnosheniy* [The semantic structure of a complex sentence and text. On the typology of internal relations]. Moscow. 200 p.
29. Belova, V.M. (2011) *Diskursivnyye slova v memuarakh montazhnogo tipa: semantika, funktsii, pragmatika* [Discursive markers in montage type memoirs: semantics, functions, pragmatics]. Abstract of Ph. D. thesis. Cherepovets. 23 p.
30. Zelenshchikov A.V. *Propozitsiya i modal'nost'* [Proposition and modality]. Moscow, 2010. 216 s.
31. Shmeleva T.V. *Smyslovaya organizatsiya predlozheniya i problema modal'nosti* [Semantic organization of the sentence and the problem of modality]. *Aktual'nyye problemy russkogo sintaksisa - Actual problems of Russian syntax*. Moscow, 1984. P. 78-100.
32. Shmeleva T.V. *Semanticheskyy sintaksis: Tekst lektsiy* [Semantic syntax: Lecture text]. Krasnoyarsk, 1988. 54 p.
33. Kobrina O.A. *Modusnyye kategorii kak sposoby vyrazheniya sub'yektivnogo otnosheniya cheloveka k vyskazyvaniyu* [Modus categories as ways of expressing a person's subjective attitude to a statement]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki - Questions of cognitive linguistics*. 2006. №2. P. 90-100.
34. Golodnov A.V. *Lingvopragmaticheskiye osobennosti persuazivnoy komunikatsii (na primere sovremennoy nemetskoyazychnoy reklamy)* [Linguo-pragmatic features of persuasive communication (on the example of modern German-language advertising)]: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. St-Petersburg, 2003. 23 p.

35. Ivanova T.S. (2011) Rechevoye povedeniye Internet-obshcheniya [Speech behavior of Internet communication]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye - Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and art history.* 3. pp. 132-136.
36. Fenina, V.V. (2015) Ironiya v obydennom politicheskom diskurse (na materiale internet-komentariyev pol'zovateley sayta «Ekho Moskvу») [Irony in everyday political discourse (based on the Internet comments of users of the site "Echo of Moscow")]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya - Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 1. pp. 29-34.
37. Dementyev, V.V. (2018) Nepryamaya kommunikatsiya v russkoy natsional'no-rechevoy kul'ture [Indirect communication in Russian national speech culture]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika - Bulletin of RUDN. Series: Linguistics.* 4. pp. 919-944.
38. Altukhova, T.V. & Lebedeva, N.B. (2012) Virtual'noye obshcheniye: novyy etap razvitiya pis'mennoy kommunikatsii [Virtual communication: a new stage in the development of written communication]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta - Bulletin of the Kemerovo State University.* 1. pp. 105-111.

Dictionaries

1. Yefremova, T.F. (2004) *Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of service parts of speech of the Russian language]. Moscow. 814 p.
2. *Ob'ясnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: strukturnyye slova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: Structural Words]. (2002). Ed. V.V. Morkovkin. Moscow, 421 p.
3. *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* (1986) Ed. A.P. Yevgen'yeva. Moscow.

Информация об авторах:

Белов В.А. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник кафедры германской филологии и межкультурных коммуникаций Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия). E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Белова В.М. – канд. филол. наук, зав. организационным отделом Общественной организации – первичная профсоюзная организация ПАО «Северсталь» (Череповец, Россия). E-mail: belova.valentina.m@gmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Belov V.A. – Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Belova V.M. – Public organization trade union organization PAO “Severstal” (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: belova.valentina.m@gmail.com

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.09.2021;
одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 28.09.2021;
approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья
УДК 81.1
doi: 10.17223/15617793/474/7

Речь современного судебного оратора: от замысла к воплощению

Татьяна Фёдоровна Волкова

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия, tatyana-volkova@bk.ru

Аннотация. С опорой на методологию судебной риторики и лингвоперсонологии проанализированы этапы подготовки судебного оратора к выступлению и самого выступления: сначала как вариантов письменного текста, а затем – его устной реализации. Эффективные и неэффективные стратегии речевого поведения адвоката в ходе работы над речью выявлены на уровнях расположения, редактирования и произнесения текста. Сформулированы рекомендации по улучшению риторической компетенции оратора.

Ключевые слова: эффективность профессиональной речевой деятельности, риторическая компетенция, языковая личность судебного оратора, подготовка судебной речи

Для цитирования: Волкова Т.Ф. Речь современного судебного оратора: от замысла к воплощению // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 58–66. doi: 10.17223/15617793/474/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/7

Speech of the modern forensic public speaker: from vision to fulfillment

Tatyana F. Volkova

Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, tatyana-volkova@bk.ru

Abstract. Based on the material of a separate speech of a particular court speaker in the aspect of communicative effectiveness, the process of preparing for the speech (working on written versions of the text) and the speech itself (oral implementation of the text) is analyzed. The effective and ineffective strategies of the lawyer's speech behavior during the work on the speech at the levels of placement, editing and pronouncing of the text are revealed.

Basically, the speaker follows the rhetorical canons. He attaches great importance to his speeches, persuasion with the help of facts, preliminary preparation, but limits the involvement of various language resources. At the same time, the oral form of speech is more expressively colored, includes many conversational elements, words that contribute to strengthening the logic and coherence of the text, attracting the attention of the audience. There are no unnecessary words, abbreviations, colloquialisms, slang. This is due both to the current trend of conducting trials, which does not imply the involvement of emotional means, and is determined by the personal qualities of a judicial speaker. When making a speech, the speaker found a balance between non-standard, according to typical rhetorical rules, the pace and volume of speech.

As a result, it can be argued that the speech behavior of a particular person can become a model for such language personalities and even influence the formation of general rhetorical rules. Recommendations for improving the rhetorical competence of the speaker are formulated. It is necessary for this speaker and similar professionals to rely on their own individuality, develop strengths, for example, self-confidence, reliance on logic, facts, pedantry, but compensate, if possible, for weaknesses. For example, excessive focus on individual advantages leads to monotony of texts, predictability of perception. Therefore, it is necessary to expand the set of language tools for any speaker, including the person being studied, because this increases the communicative and professional competence.

The general impression of the speaker's speech is a confident, calm, reserved, pedantic, delicate person, who speaks competently, counting on the understanding of intelligent adequate people. The image of this modern court speaker is evaluated as harmonious, because the idea is implemented consistently and effectively, but there are a number of positions in the direction of which you can improve yourself: eliminating speech errors, expanding the set of figurative words and figures of speech, more active use of gestures and facial expressions in the process of making speeches.

Keywords: the effectiveness of professional speech activity, rhetorical competence, the linguistic personality of a judicial speaker, the preparation of a judicial speech

For citation: Volkova, T.F. (2022) Speech of the modern forensic public speaker: from vision to fulfillment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 58–66. (In Russian) doi: 10.17223/15617793/474/7

Статья выполнена на стыке двух активно разрабатывающихся в настоящее время направлений современной лингвистики: судебной риторики и лингвоперсонологии. Совмещение методологических установок двух подходов позволяет реализовать цель исследования – на материале речи конкретного судебного оратора проанализировать этапы процесса трансформации письменных вариантов выступления в итоговый устный, выявить критерии эффективности «перевода» письменного текста в произносимый в зале суда и, наконец, сформулировать рекомендации по оптимизации данного вида профессиональной речевой деятельности судебного юриста. Под эффективностью подразумевается максимально полное осуществление интенций адресанта в максимально адекватной данной коммуникативной ситуации языковой форме.

Общие правила судебной риторики изучены глубоко и всесторонне. Достаточно много внимания уделяется базовым принципам судебного красноречия [1–3], теории и практике аргументации, поскольку целью речевой деятельности судебного оратора всегда является убеждение аудитории [4–6], а также квалификации стиля и жанра судебной речи с учетом её позиции на стыке книжной и разговорной форм литературного языка, что отражает общую тенденцию к жанрово-стилистической гибридизации современной публичной речи [7, 8].

Параметры эффективной современной судебной речи описаны во многих работах, но в отдельных специализированных аспектах. Активно разрабатывается коммуникативно-деятельностный подход, в рамках которого эффективность судебной речи приравнивается к адекватному пониманию аудитории, а адекватность понимания подразумевает «адекватную замыслу интерпретацию смыслового содержания коммуникации» [9. С. 120]. Ученые, работающие в русле ортологического подхода, выдвигают на первый план соблюдение языковых и стилистических норм [10, 11], а признаками сформированной ораторской культуры юриста считают отсутствие профессионального жаргона, узкоспециальных терминов, сокращений, просторечий, сленга, слов-паразитов, длинных предложений, страдательного залога [12]. Также критерии хорошей судебной речи выделяются с опорой на паралингвистические характеристики: технико-речевые (интонация, тембр, сила, эмоциональность голоса, темп и четкость произношения и т.д.), невербальные (поза, жесты, мимика, передвижение по аудитории, зрительный контакт со слушателями), коммуникативно-психологические (настроенность на аудиторию) [13–15].

Однако нет работ, в которых проводился бы комплексный анализ, позволяющий всесторонне оценить профессиональную речевую компетентность судебного оратора, а выступления в суде изучаются исключительно «в снятом виде», как состоявшийся и законченный текст. Исследований процесса порождения сначала нескольких вариантов письменного текста выступления в период его подготовки, а затем – его итоговой реализации в устной форме в зале суда, процесса в его этапности и динамике, также не проводилось.

Наиболее эффективно осуществить такое исследование можно с опорой на методологический инструментарий лингвоперсонологии, сосредоточенной на конкретной языковой личности (понятие *языковая личность* определяется с позиций Томской лингвистической школы как «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [16. С. 11]) и ее речевой деятельности, в том числе профессиональной языковой личности юриста [17–20]. Индивидуальная судебная речь отдельного специалиста, изученная в динамике, позволяет выявить как эффективные стратегии речевого поведения, так и неэффективные, скорректировать речевой имидж публичной языковой личности.

Субъект данного исследования – компетентный и состоявшийся в профессии адвокат из г. Томска как профессиональная языковая личность. Материалом исследования стали пять письменных вариантов и аудиозапись одной и той же речи. Тексты написаны адвокатом в разное время (от написания первого письменного варианта текста выступления до самого выступления прошло два года): первый – задолго до выступления (2 800 слов), второй (3 000 слов) и третий (2 900 слов) – примерно через шесть месяцев, четвертый (3 100 слов) – за два месяца до выступления, пятый закончен непосредственно перед выступлением (2 700 слов). Объем устной речи – 4 400 слов.

Методология анализа включала рассмотрение произведенных судебным оратором в ходе подготовки к выступлению и самого выступления изменений, произведенных сначала в разных вариантах письменного текста, а затем – в его устной реализации на трех этапах: этапе расположения текста (композиция), этапе редактирования текста (выбор словоупотребления и грамматическое оформление) и этапе произнесения (оценка эмоциональности интонации, темпа речи, силы голоса, уместности жестов и поз). В процессе анализа мы ставили следующие вопросы: каковы эффективные и малоэффективные стратегии работы адвоката над речью, стремится ли улучшить текст информант, следует ли риторическим канонам, если нет, то связано ли это с современной тенденцией ведения судебных процессов к уменьшению эмоциональных средств или же определяется личными качествами судебного оратора.

Проанализируем, каким образом изменялся письменный текст на этапе его расположения. Объем текстов постоянно менялся, но не очень значительно. Изменения были обусловлены спецификой уголовного дела и отношением защитника к доверителю. Суть дела заключалась в том, что одного из сотрудников начальник обвинил в крупной краже. Было понятно, что нет явных доказательств как невиновности, так и виновности подзащитной, поэтому адвокат сосредоточил внимание на недостатках поведения самой потерпевшей и многочисленных ошибках, допущенных за долгий период следствия. В течение двух лет оказались допрошенными большое количество свидетелей, экспертов, проведено много судебных проверок и экспертиз, следовательно, защитник имел возможность выбирать между различными фактами. Воз-

можно, адвокат постоянно переоценивал отдельные мелкие детали, принимая решения о включении их в конечный, по его мнению, эффективный текст. Основные факты присутствовали уже в первом письменном варианте речи и повторялись всегда, включая устный текст. Вставки возникали только при появлении новых обстоятельств дела, будь то показания новых свидетелей или результаты новых экспертиз. Это относится к композиционным изменениям первого черновика (2 800 слов) при переделке во второй вариант (3 000 слов). Только в третьем черновике (объем 2 900 слов) появляется информация, которую адвокат оценил как наиболее важную, потом подав в качестве самого сильного аргумента. Зато из третьего текста исчезли некоторые детали из первых двух, потом появившись в конечном устном варианте. Четвертый текст (3 100 слов) наиболее видоизменен по сравнению с другими, части переставлены местами, есть два новых абзаца, информация из предыдущих текстов то убирается, то появляется. Объяснить трансформацию четвертого варианта можно стремлением языковой личности оставить в тексте наиболее важные факты и добавить ряд новых значимых деталей. Новая информация включается автором в разные части предыдущего черновика, дополняя важные тезисы.

Пятый вариант является самым коротким, всего 2 700 слов, так как отсутствует ряд блоков, содержащих мелкие детали дела, повторяющуюся информацию. Информация, не отмеченная ранее, также имеется, всего один абзац. Оратор, в отличие от предыдущих, в последнем варианте тщательно продумывал вступительную часть, добавив образные средства, фигуры речи и разговорную лексику. Устный вариант текста (4 400 слов) – самый объёмный, так как включает всю информацию из всех черновиков. При этом часть, включенная в пятый черновик в последнюю очередь, не вошла в устное выступление. Вероятно, информация была оценена как второстепенная: *Свидетель Б. в своих показаниях (том 2, л.д. 225) показал, что в процессе работы никаких конфликтов у него с В. не было. В то же время свидетель П. в своих показаниях (том 2, л.д. 231) указывает, что между Б. и В. были конфликты.* В итоге анализа пяти черновиков и текста устного выступления можно утверждать, что композиция, а следовательно, и замысел речи не претерпели кардинальных изменений. Смысл текста, который оратор планировал донести до слушателей, был ясен ему с самого начала. Обилие информации, получаемой за два года предварительного следствия, вынуждало создавать новые тексты, не упуская мелких деталей. Эмоционально нагруженные фрагменты были включены только в последний черновик. Это характеризует личность адвоката как внимательного, скрупулезного, рационального человека.

Отдельные изменения с письменным текстом произошли на этапе его редактирования, включая словопотребление и грамматическое оформление. Отметим, что нет возможности в динамике проследить трансформацию текстов от черновика к черновику, так как у информанта не отмечено стремление исправлять ошибки. В итоге проделан анализ особенно-

стей словопотребления при сравнении устного и письменного вариантов. Найдена лексическая ошибка, которая повторяется почти во всех текстах: *1 или как минимум 2 квитанции (вместо максимум).* Также выявлены лексические повторы и тавтология как погрешность речи: *К. получила доход 70000 рублей, ни перед кем за него не отчитавшись, за этот доход; В. обязуется принимать прием и выдачу денежных средств по документам, подписанным Руководителем, то есть К.* В устной речи оратора выражение «принимать прием» прозвучало в неизменном виде.

На лексическом уровне оратор делает синонимичные замены, предпочитая более короткие слова: *Однако поскольку П. нужны были документы – Но поскольку П. нужны были документы; Таким образом, не понятно, каким образом, заключения бухгалтерских экспертиз доказывают вину В. – Таким образом, не понятно, как, Ваша честь, заключения бухгалтерских экспертиз доказывают вину В.* Имеются лексические повторы указательных местоимений как средство повышения экспрессивности высказывания: *Можно было установить, эта ли цифра была написана В., имелись ли исправления этой цифры, другим ли красителем выполнена эта надпись, или одинаковыми; Вот такой был бухгалтерский учёт. И такое отношение к документам строгой отчетности.* Слов-заполнителей пауз очень мало, по два раза отмечены *ну, ммм*, есть выражение *скажем так*, очевидно, использованное для введения эвфемизма *несоответствие* вместо слова *подлог*: *Также Ваша честь о своих, скажем так, несоответствиях в подписях показал свидетель К.* В другом примере это выражение применяется для примерного обозначения объекта: *Необходимо было вести журнал, где работник расписывался бы в той или иной, скажем так, квитанционной книжке.*

Отмечено сочетание в одном контексте книжной и разговорной лексики. Письменный вариант: *...говорит о том, что у предпринимателя К. был ненадлежащий (книж.) бухгалтерский учет, поскольку при нормальном (разг.) ведении бухгалтерии сумма причиненного материального ущерба, как правило, устанавливается сразу, без проведения тем более каких-либо экспертных исследований; ...получать достаточно приличный (разг.) доход ...; ... ни слова (разг.) не пишет про наличие актов приема передачи денежных средств...* В устном варианте количество подобных примеров увеличивается. Добавляются разговорные слова: *Налоговой проверки параллельно со следствием никто не удосужился провести;* разговорное слово *пенянь* в одном контексте с книжным словом *некорректно*: *Поэтому пенянь на это, по крайней мере, некорректно с учётом позиции, избранной гражданином (если говорящий оценивает действие прокурора как неправильное, то это книжное значение, а если как невежливое, то это общеупотребительное значение); слово с уменьшительно-ласкательным значением *годик*: *Кроме того, я поправлю здесь уважаемого гособвинителя, у моей подзащитной трое детей, трое детей: первому 17 лет, второму 4 годика, третьему 2. Да.* Вероятно, таким*

способом адвокат хотел вызвать сочувствие к своей подзащитной. Интересно использование разговорного союза **то бишь**: *В соответствии с ч.3 ст. 14 УПК РФ все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу последнего, то бишь обвиняемого.* В устной речи адвокат добавил два слова **последнего, то бишь**. Разговорное устойчивое выражение можно расценить как способ привлечь внимание путем изменения стандартной протокольной фразы.

Экспрессивные слова и выражения в подавляющем большинстве случаев содержат сему «усиление», реализованную посредством отрицательных местоимений, усилительных и отрицательных частиц, а также наречий, прилагательных. В письменном варианте: *Таким образом, мне совершенно не понятно, откуда взята сумма причиненного ущерба на сумму более 1 000 000 рублей; Можно констатировать, что К. это с успехом удалось, так как следственные органы полностью встали на позицию последней, не обращая внимание на вопиющие нарушения бухгалтерского учета.* Выражение *с успехом* имеет значение **удачно**, в контексте приобретает ироническую оценку, часто используемую языковой личностью. Прилагательное **вопиющее** содержит сему «неодобрение».

В устном варианте именно подобные слова и выражения наиболее частотны: *...К. категорически отрицала; Сколько мы их провели за год во время следствия, Вы, Ваша честь, можете видеть в материалах уголовного дела. Все эти экспертизы мы ознакомили, и даже допросили эксперта; не были назначены ни в одном из этих случаев; то она не должна приносить никаких извинений потерпевшей К., ни тем более возмещать ей ущерб до того момента, пока она не будет признана...*

В устной речи оратора в качестве экспрессивной единицы зафиксирован разговорный фразеологизм **каждая копейка на счету**: *... следовательно не понятно, как при такой постановке контроля, могло произойти хищение на протяжении более года у индивидуального предпринимателя, где каждая копейка должна быть на счету.* В письменном тексте имеется устойчивое выражение *с успехом*, оно общеупотребительное. Использование фразеологизмов добавляет речи оратора точности и выразительности. Исследуемая личность, хотя и нечасто, но способна употреблять такие единицы как в устной, так и в письменной речи. Экспрессивные и разговорные лексические средства – один из главных способов повышения эффективности ораторской судебной речи для изучаемой личности.

Особенно активно устный вариант речи адвоката дополняется средствами персонализации речи. Так, вводные слова **на мой взгляд** высокочастотны, встречаются в выступлении 14 раз, 7 раз – в черновике выступления: *Такая проверка реально помогла бы нам, на мой взгляд, раскрыть истинное лицо нашей потерпевшей; по мнению защиты, с моей точки зрения, как я понимаю, подчеркиваю* – 3 раза в устной

речи и 1 раз в письменной: *вопиющие нарушения, с моей точки зрения, бухгалтерского учета; я согласен* по одному разу использовано в обоих вариантах: *Я согласен с гособвинителем относительно процессуальных издержек.* Стандартное обращение **Ваша честь** 11 раз включено в устную речь, 6 раз – в письменную: *... квитанция номер 301 серии А выдавалась, Ваша честь, 16 раз подряд в разные даты, разным гражданам.*

Текст при использовании подобных средств звучит как уверенное мнение защитника, в наибольшей степени заботящегося, чтобы его позицию понял судья. Такой подход вполне оправдан и целесообразен в современном судопроизводстве, так как присяжные заседатели не включены в состав суда, а решение по делу полностью зависит от судьбы.

Выражения, служащие как для демонстрации цепочечной связи слов в предложении и высказывании в целом, так и для усиления смысла, в основном присутствуют в устной речи. Указательная частица **вот** 7 раз появляется в устном варианте: *вот именно этих квитанций; указательное местоимение это* – 41 раз в устной речи, 24 раза в письменной речи: *Их невозможно идентифицировать, за что эти деньги поступили потерпевшей К.; Так и называется этот документ, «Образец квитанции»; Когда знакомились мы с делом с уголовным, это подтвердилось; Только уже это обстоятельство по крайней мере, подвело меня к тому, чтобы посоветовать моему доверителю не давать никаких показаний.* Указательное местоимение **такой** использовано только в устной речи 5 раз: *Вот такой был бухгалтерский учёт. И такое отношение к документам строгой отчетности.* Данные средства довольно однообразны и частотны, что говорит об ограниченности выбора и необходимости контролировать устную и письменную речь для говорящего с целью усиления воздействующего эффекта.

Для поддержания логических связей и выделения важной информации языковая личность часто использует вводные слова. **В принципе** отмечено 6 раз, в том числе 3 раза в письменной речи: *Такого поручения старший следователь Ш., в принципе, не отдала. По крайней мере* – 3 раза, в том числе 1 раз в письменной речи: *Поэтому пенять на это, по крайней мере, некорректно.* Следующие вводные слова отмечены только в устной речи: **прежде всего** (2 раза): *опровергается прежде всего материалами дела; самое главное* (2 раза): *И вот об этом, самое главное, уважаемый гособвинитель, мы хотели узнать у Р.* Имеются и другие логические связи, например, выражающие причину. Слово **поскольку** найдено 9 раз, 5 раз – в письменной речи: *...поскольку она освобождалась от обязательных отчислений...* Также есть противопоставление: **всё-таки** (по одному разу в обоих вариантах): *что же всё таки преступление совершила В.* Остальные вводные слова появляются только в устном варианте: они используются: при объяснении: **иначе, другими словами, скажем так**; оценке: **«с сожалением»** (1 раз): *Можно констатировать, с сожалением, что К. это с успехом удалось. Как Вы правильно заметили* – подобное выражение в пер-

вый раз зафиксировано в текстах говорящего, ранее у него не было отмечено стремления соглашаться с мнением оппонента в лице прокурора. Стоит отметить, что средств для поддержания связности текста достаточно много, они разнообразны. Логичность текста языковая личность расценивает как его ведущее качество и довольно умело пользуется языковыми ресурсами.

Можно выделить ряд причин появления элементов речи, незапланированных говорящим. Их немного, чаще всего ими стали реплики в адрес прокурора и других участников процесса, которые по правилам организации судебных прений выступают первыми: *С учётом выступления гособвинителя, потерпевшей К., коллеги-адвоката, я хотел бы ещё маленькую ремарку вставить, по поводу их выступлений* (далее следует реплика объемом в 161 слово). Другие причины дополнения письменного текста в процессе выступления можно объединить в несколько групп:

– уточнение: *Объявления, которые мы часто видим в маршрутных автобусах, на остановках общественного транспорта; Как практикующий юрист более 20 лет; которую пригласили мы по нашему ходатайству; Реальные поступления, я подчёркиваю;*

– пояснение: *Именно такая цифра звучала в заявлении К.; ну так дословно я процитировал этот пункт; Это о чём я говорю? Если похитила В., то всё равно потерпевшая должна отчитываться за этот доход перед налоговыми органами, если нормально ведётся бухгалтерский учёт;*

– констатация нового факта: *Все наши ходатайства были отклонены, жалобы с моей стороны районному и областному прокурору отставлены без удовлетворения. Об этом я ещё скажу ниже;*

– апелляция к мнению судьи: *Сколько мы их провели за год во время следствия, Вы, Ваша честь, можете видеть в материалах уголовного дела. Все эти экспертизы мы оглашали, и даже допросили эксперта; Теперь вот Вас убеждает гособвинение потерпевшая и её представитель мой коллега адвокат;*

– обращение в ходе речи к прокурору: *вот об этом, самое главное, уважаемый гособвинитель, мы хотели узнать у П.*

Можно увидеть, что все причины сугубо прагматические, что соотносится с задачами современного судебного оратора, а также с особенностями личности говорящего.

Обратимся к анализу грамматического оформления текстов черновики и выступления. Грамматико-синтаксические ошибки не отмечены. Языковая личность способна строить достаточно длинные сложно-сочиненные и сложноподчиненные предложения, осложненные причастными и деепричастными оборотами, однородными членами, вводными конструкциями, обособленными обстоятельствами и дополнениями, присоединительными конструкциями.

Грамматико-морфологические ошибки эпизодически присутствуют. Так, предлог *согласно* употреблен как с дательным, так и с родительным падежами. При личном опросе адвокат заявил, что правильно говорить *согласно чего* именно в оборотах типа *согласно*

пункта договора: Согласно пункта один указанного Договора...; «согласно заключения»:... согласно обвинительного заключения... При этом в его текстах есть примеры ...согласно сведениям из Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей (том 1, л.д. 79–82). Можно сделать вывод, что варианты с родительным падежом функционируют как устойчивые обороты официально-делового стиля или канцеляризм. Немногочисленны ошибки, отражающие неверное употребление родительного падежа при согласовании существительного с прилагательными и причастиями: ...10 незаполненных квитанций, выполненные не типографским способом; родительного падежа в сочетании с деепричастием: не обращая внимание; лишнего дефиса: проверить хотя бы выборочно; мягкого знака в личной форме глагола: ... что-то нехорошее твориться с бухгалтерским учетом; слитного и раздельного написания частицы «не»: следовательно не понятно, как могло произойти... Как видим, оратор обладает грамотной речью, при этом есть элементы, которые он мог бы самостоятельно заметить как ошибочные и устранить.

Можно отметить как положительную тенденцию, что информант стремится в ряде случаев упростить грамматические модели, что меняет стилистическую окраску текста и помогает улучшить восприятие выступления слушателями. Приведем примеры трансформации грамматических конструкций письменного текста, производимые языковой личностью в ходе устного выступления. Автор заменяет пассивные конструкции на активные: *ей лично выписано – она лично выписала; Почерковедческие экспертизы подписи указанных лиц не были назначены и проведены – Никто почерковедческие экспертизы подписи указанных лиц не провёл; проведено не было – никто не удосужился провести; использует я-конструкции: было минимум три печати – минимум четыре я насчитал; трансформирует деепричастные обороты в глаголы: эксперт, получив от следователя квитанции... – эксперт получил от следователя квитанции...; меняет прямой порядок слов: сделать было не сложно – было сделать не сложно. Добавление сочинительных союзов в структуру простого предложения делает восприятие текста более легким: Квитанции имели разные логотипы как фирмы «Алимп» так и «Программы поддержки заемщиков банка». При условии более активного осуществления вышеуказанных процессов оратор добился бы значительного упрощения текстов в ходе выступления, однако большая часть сложных оборотов осталась без изменений.*

Эффективным способом улучшения устного текста является добавление, хотя и в небольшом количестве, оборотов экспрессивного синтаксиса в устный текст. Они есть и в письменном тексте, поэтому можно сделать вывод, что языковая личность хорошо владеет узким кругом фигур речи, особенно не стремясь расширять его. Отмечены параллельные конструкции: *Эти деньги нигде проведены не были, нигде учтены не были; Вот такой был бухгалтерский учёт. И такое отношение к документам строгой отчетности; риторические вопросы: Эксперт по сути что сделал?*

Эксперт получил от следователя квитанции, сложил все обозначенные в них суммы; Это о чём я говорю? Если похитила В., то всё равно потерпевшая должна отчитываться за этот доход перед налоговыми органами; предложения с однородными членами: *Потерпевшая сумела убедить следствие, теперь вот Вас убеждает гособвинение, потерпевшая и её представитель, мой коллега адвокат.*

Охарактеризуем произносительный стиль языковой личности – особенности интонации, громкости голоса, темпа речи, произношение, мимику и жесты – и оценим, усилили ли указанные факторы воздействие оратора на слушателей.

Характеристика интонации включала описание эмоциональных вариантов окраски голоса разных фрагментов устного текста. При описании интонации мы опирались на принципы, сформулированные С.В. Коздасовым и О.Ф. Кривновой в монографии «Общая фонетика» [21], поэтому представляли интерес только «маркированные интегральные огласовки», выражающие «эмоциональные состояния говорящего и его попытки воздействовать на эмоции слушающего», являющиеся средством реализации экспрессивной функции интонации [21. С. 385]. Интегральные интонационные средства реализуются через темп высказывания и фонационные просодии: реплики восхищения произносятся на придыхательном голосе, скрипучий голос передает отрицательную оценку, приказы произносятся напряженным голосом [21. С. 396]. В формальной речи интегральные характеристики обычно имеют нейтральные значения. Дополняются принципы описания интонации сведениями об эмоциональных стилях речи [22]. «Радость выражается путем восходящей мелодии, “расширения” звучности ударных гласных в важных по смыслу слова», горе – использованием «более высокого уровня диапазона голоса в рамках всего высказывания», гнев реализуется через «повышенную четкость артикуляционных движений, уменьшение ударных слогов, усиление признаков согласных фонем, «сужение» звучности гласных в ударных слогах важных по смыслу слов» [22. С. 26]. Для спокойной речи характерно «равномерное распределение ударных слогов с дистанцией в 2–3 слога. При нарастании напряжения увеличивается темп речи» [22. С. 26].

В речи адвоката эмоционально окрашенные фразы составляют около 25% от общего объема звучащей речи. Остальные высказывания воспринимаются как нейтральные. Чаще всего фиксируются неодобрительные эмоциональные варианты, так как отмечены скрипучий голос, четкая артикуляция, уменьшение звучности гласных и усиление признаков согласных (51 фраза): *Не проверено следственным путем наличие расчетных счетов на имя К. в «Газпромбанке», «Сберегательном банке» и «Банке ВТБ 24 и других; Не понятно, мне, как защитнику, так как иных доказательств, кроме показаний самой К., прямо заинтересованной в исходе дела, следствием не добыто; За целый год следствия, сотрудники полиции так и не смогли установить, какое же все-таки преступление совершила В., присвоение либо растрату.* Затем сле-

дует уверенный тон повествования, напоминающий тон приказа, с наличием напряженного голоса, понижением тона в конце фразы (19 фраз): *Я считаю, что если человек изначально не признавал своей вины, а такую позицию избрала В., то она не должна приносить никаких извинений потерпевшей К., ни тем более возмещать ей ущерб до того момента, пока она не будет признана виновной в установленном законом порядке.* Ирония в сочетании с неодобрением достаточно частотна, тон повышается на значимых словах (14 фраз): *Информация о фальсификации доказательств по гражданским делам не проверена вообще, что в принципе, на мой взгляд, было сделать не сложно, так как все дела в суде у потерпевшей вели Б. и П.; Трудового договора при этом с В., К. заключено не было, со ссылкой последней на то, что это было удобно В.* Присутствует удивление, тон повышается к середине фразы, затем падает (12 фраз): *Согласно заключения бухгалтерской экспертизы № 8334 (том 4, л.д. 176) квитанция номер 3 серии А была выдана сразу трем гражданам! Сожаление имеется в двух случаях, с более высоким уровнем диапазона голоса в рамках всего высказывания: Все наши ходатайства были отклонены, жалобы с моей стороны районному и областному прокурору отставлены без удовлетворения.*

Основной индивидуальной особенностью интонации языковой личности является то, что экспрессивные слова часто произносятся нейтрально: **чудесным образом, вопиющие нарушения, раскрыть истинное лицо потерпевшей.** Так, в письменном тексте во вступительной части автор даже заключил слово «*потерпевшая К.*» в кавычки. При личном опросе он подтвердил, что это ирония, потому что считал потерпевшую преступницей, однако в речи такая эмоция не прозвучала. Преобладание неодобрительных эмоций весьма типично для судебной речи. Но в целом речь эмоционально достаточно однообразна, велика доля нейтральных частей в тексте, оратор явно не использует данный ресурс в полной мере. Это связано, в первую очередь, с особенностями личности говорящего, сдержанного и педантичного человека.

Голос оратора воспринимается как негромкий, как будто он разговаривает один на один с собеседником, прежде всего, с судьей, а не находится в зале суда. Это заставляет вслушиваться в его слова, привлекает внимание. Темп речи составляет в среднем 158 слов в минуту. Это весьма быстрая речь. Ускоренный темп создает дополнительное эмоциональное напряжение. Несколько раз темп замедляется, обычно при произнесении отдельных, наиболее значимых фраз, логические ударения в этом случае могут делаться почти на каждом слове: *Я не нашёл /документов в /материалах дела, // где потерпевшая К. /заявила /о /доходе.*

Произношение характеризуется как хорошо артикулированное, речь внятная, несколько монотонная, но оратору удается держать баланс между темпом и громкостью. Если бы произношение было менее четким, восприятие при условии быстрого темпа и нейтральности эмоциональной окраски значительно ухудшилось бы.

Паузы имеются, они удерживают внимание, часто соответствуют знакам препинания. Специфические паузы возникают часто после союза «что»: *Я согласен с гособвинителем относительно /процессуальных издержек/, которые понесла потерпевшая, не согласен только с тем, // что мы должны представлять ещё и /то соглашение с доверителем, /которое мы заключаем, /поскольку эти сведения являются адвокатской тайной/* Логические ударения говорящий делает регулярно, но не часто, в основном на указательных словах, вводных словах, значимых словах во фразе. При довольно высоком темпе речи паузы помогают поддерживать интерес аудитории. Выразительной мимикой оратор не обладает, поэтому этот ресурс почти не используется. Практически всегда сохраняется серьезное выражение лица, иногда появляется легкая усмешка. При обращении к судье всегда слегка поворачивает в её сторону голову. Жесты у него отсутствуют вообще. В процессе выступления говорящий почти 30 минут стоит, опершись кулаками на стол. Он слегка покачивается в такт речи, что не раздражает и не отвлекает внимания от быстрого, негромкого и уверенного звучания голоса.

Таким образом, на материале отдельной речи конкретного судебного оратора в аспекте коммуникативной эффективности проанализирован процесс подготовки к выступлению (работа над письменными вариантами текста) и самого выступления (устная реализация текста).

Укажем на эффективные способы на этапе расположения текста. Адвокат работал над композицией текста очень скрупулезно, на протяжении значительного времени. Каждый из вариантов имел отличия, касающиеся включения дополнительной фактической информации, обусловленной необходимостью уточнить, дополнить, оценить, отреагировать на реплики других участников процесса. Основная идея текста при этом оставалась неизменной. Имеются включения эмоциональных блоков в последнем черновике, адвокат позаботился об эффекте психологического воздействия на слушателей. Эта работа с расположением материала в тексте речи характеризует личность адвоката как внимательного и рационального человека.

На этапе редактирования текста эффективные способы также присутствуют. Информант, исходя из прагматических установок дополнения информации, привлечения внимания и т.д., активно использует синонимические замены, ряд экспрессивных и разговорных лексических единиц, причем, как индивидуальную особенность, следует отметить преобладание усилительного компонента в значении экспрессивных слов и выражений. Использование данных средств добавляет речи оратора эмоциональности, точности и выразительности. Излюбленным способом привлечения внимания являлось средства персонализации речи, в результате возникает эффект уверенности защитника в своем мнении, специфика оратора видится в стремлении убедить именно судью. Но самыми разнообразными и широко распространенными стали средства для поддержания связности текста, эффект логичной подачи информации достигается автором

текста в полной мере. Как положительную, можно отметить тенденцию упрощения информантом сложных грамматических конструкций, что эффективно меняет стилистическую окраску текста, улучшает восприятие выступления слушателями. Несомненно, эффективным способом оптимизации письменного и, в особенности, устного текста является включение фигур речи (параллелизмов, риторических повторов), придающих эмоциональность высказыванию, позволяющих сделать логические акценты.

На этапе произнесения реализуются в наибольшей степени индивидуальные особенности оратора. Быстрый темп речи, хорошо артикулированное произношение, небольшая громкость голоса хорошо сочетаются друг с другом, ускоренный темп создает дополнительное эмоциональное напряжение, негромкий голос заставляет прислушиваться, логические паузы поддерживают интерес аудитории. Возникает эффект личного доверительного разговора с судьей. Эмоциональные неодобрительные оттенки интонации преобладают, что типично для судебной речи. Основной индивидуальной особенностью интонации языковой личности является то, что экспрессивные слова часто произносятся нейтрально, а специфические длинные паузы возникают после союза «что».

Неэффективные стратегии на этапе расположения не отмечены. На этапе редактирования текста стоит подчеркнуть, прежде всего, отсутствие стремления исправлять ошибки в черновиках. Основным недостатком можно считать сравнительно небольшой набор разговорных и экспрессивных элементов, образных средств (метафор, эпитетов, сравнений и т.д.) и фигур речи, а также выражений, служащих для демонстрации логической связи слов. Это снижает эффективность речевого продукта. Расширение круга подобных средств и, напротив, уменьшение количества сложных грамматических конструкций, присущих научному стилю речи, способствовали бы повышению риторической компетентности оратора.

На этапе произнесения интонационные и невербальные способы привлечения внимания с точки зрения классических риторических канонов используются неэффективно. Речь эмоционально достаточно однообразна, велика доля нейтральных частей в тексте. Оратор не обладает выразительной мимикой, жесты практически отсутствуют. Это связано, в первую очередь, с особенностями личности оратора, сдержанного и педантичного человека, ему сложно использовать разнообразные интонации и многочисленные логические ударения, но в его силах немного изменить невербальное поведение, например, производить руками жестикуляцию на уровне груди, в такт логическим ударениям.

Можно утверждать, что в целом говорящий следует риторическим канонам. Он способен создавать несколько черновиков, значит, придает большое значение своим выступлениям, планированию, убеждению при помощи фактов, предварительной подготовке. В плане привлечения разнообразных языковых ресурсов и улучшения стиля он ограничивает их использование, при этом устная форма речи более экспрессивно

окрашена, включает много разговорных элементов, обогащена словами, способствующими усилению логичности и связности текста и привлечению внимания аудитории. Не появляются слова-паразиты, сокращения, просторечие, сленг. Это связано как с современной тенденцией ведения судебных процессов, не подразумевающей привлечение эмоциональных средств, так и определяется личными качествами судебного оратора. В плане произнесения наблюдается наиболее интересная ситуация: оратор нашел баланс между нестандартными, по типичным риторическим правилам, темпом и громкостью речи.

В итоге можно утверждать, что речевое поведение конкретной личности может стать образцом для подобных языковых личностей и даже повлиять на формирование общих риторических правил. Рекомендуем данному оратору и подобным ему профессионалам опираться на собственную индивидуальность, развивать сильные стороны, например, уверенность в себе,

опору на логичность, факты, педантичность, «въедливость», но компенсировать, по возможности, слабые. Так, излишняя ориентированность на одно-два достоинства порождает однообразие текстов, монотонность восприятия, односторонность подачи материала, предсказуемость. Следовательно, расширять палитру языковых средств следует любому оратору, в том числе изучаемой личности, это повышает коммуникативную и профессиональную компетенцию.

Общее впечатление от речи говорящего – уверенный, спокойный, сдержанный, педантичный, деликатный человек, грамотно говорящий, рассчитывающий на понимание умных адекватных людей. Образ данного современного судебного оратора оценивается как гармоничный, так как замысел воплощается последовательно и эффективно, но при этом имеется ряд позиций, в направлении которых можно самосовершенствоваться.

Список источников

1. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия. М. : Юрист, 2007. 464 с.
2. Отургашева Н.В. Судебная риторика: учеб. пособие для дистанц. обучения и самост. работы студ. Новосибирск : СибАГС, 2006. 152 с.
3. Мельников И.И., Мельников И.И. Судебная речь: Для участников судебных прений по уголовным делам. М. : ИКФ «ЭКМОС», 2003. 160 с.
4. Землякова Н.В., Гарбовская Н.Б. Аргументация в судебной риторике // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 101–105.
5. Пригарина Н.П. Риторический аспект изучения стратегий и тактик аргументативной деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (36). С. 165–169.
6. Начёрная С.В. Судебная защитительная речь – аргументированная речь в аспекте юридической риторики // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2009. № 12. С. 255–264.
7. Хабарин М.О. Особенности публичного выступления – основного компонента лингво-коммуникативной составляющей культуры общения // Вестник экономической безопасности. Педагогические науки. 2016. № 4. С. 342–345.
8. Маркова С.С. Языковые проявления гибридизации жанра современной публичной речи // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 131–137.
9. Виноградова Т.Ю. Моделирование речевой деятельности судебного оратора в стадии судебных прений // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 117–120.
10. Ваничкина А.С. Жанровые особенности судебного выступления адвоката (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 17 (815). С. 9–15.
11. Кенжеева К.Т. Язык публичного выступления. Отличия устного и письменного языка // Вестник Казахского национального университета. 2011. № 4 (134). С. 263–266.
12. Федудова М.А. Судебная риторика как составная часть ораторского искусства // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 4. С. 81–85.
13. Ледньва О. Техника речи судебного оратора. URL: <https://blog.oratorskoekisusstvo.com/ritorika/iskusstvo-rechi-na-sude.html> (дата обращения: 02.02.2021).
14. Катышев П.А. Коммуникативное консультирование как направление прикладной лингвистики // Вестник КемГУ. 2013. Т. 2. № 2 (54). С. 64–67.
15. Далецкий Ч.Б. Риторико-коммуникативная культура личности юриста // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 4. С. 94–101.
16. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
17. Ипатова И.С. Языковая личность юриста: вчера, сегодня, завтра // Государство и право в изменяющемся мире : материалы науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 5 марта 2016 г.). Н. Новгород : РГУП, 2016. С. 952–962.
18. Кубиц Г.В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 19 с.
19. Леонтьева А.В. Когнитивно-прагматический анализ употребления жестов в судебном аргументативном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 113–125.
20. Волкова Т.Ф. Речевая деятельность судебного оратора (на материале выступлений в прениях) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 38–45. doi: 10.17223/15617793/444/4
21. Обзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 591 с.
22. Величкова Л.В. Психолингвистическая основа исследования эмоциональности звучащей речи // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 20–26.

References

1. Ivakina N.N. Osnovy sudebnogo krasnorechiya [Foundations of forensic eloquence]. M: «Yurist». 2007. 464 p.
2. Oturgasheva N.V. Sudebnaya ritorika: uchebnoe posobie dlya distantsionnogo obucheniya i samostoyatel'noy raboty studentov [Judicial rhetoric: a textbook for distance learning and independent work of students] Novosibirsk: SibAGS. 2006. 152 p.
3. Mel'nikov I.I., Mel'nikov I.I. Sudebnaya rech': Dlya uchastnikov sudebnyh prenyih po ugovol'nym delam [Court speech: For participants in court debates on criminal cases]. M.: IKF «EKMOС». 2003. 160 p.
4. Zemlyakova N.V. Argumentatsiya v sudebnoy ritorike [The reasoning in the judicial rhetoric]. N.V. Zemlyakova, N.B. Garbovskaya Theory and practice of social development. 2017. No. 6. pp. 101 - 105.

5. Prigarina N.P. Ritoricheskiy aspekt izucheniya strategiy i taktik argumentativnoj deyatel'nosti [Rhetorical aspects of the study of strategies and tactics of argumentation activities] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 2 (36). pp. 165–169.
6. Nachyornaya S.V. Sudebnaya zashchititel'naya rech' – argumentirovannaya rech' v aspekte yuridicheskoy ritoriki [Judicial defense speech-reasoned speech in the aspect of legal rhetoric] // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 12. pp. 255–264.
7. Khabarin M.O. Osobennosti publichnogo vystupleniya – osnovnogo komponenta lingvo-kommunikativnoy sostavlyayushchey kul'tury obshcheniya [Features of public speaking – the main component of the linguistic and communicative component of the communication culture] // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. Pedagogicheskie nauki. 2016. № 4. pp. 342–345.
8. Markova S.S. Yazykovye proyavleniya gibridizatsii zhanra sovremennoy publichnoy rechi [Linguistic manifestations of hybridization of the genre of modern public speech] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. № 6. pp. 131–137.
9. Vinogradova T.YU. Modelirovaniye rechevoj deyatel'nosti sudebnogo oratora v stadii sudebnykh prenij [Modeling of the speech activity of a court speaker at the stage of judicial debates] // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2012. № 2. pp. 117–120.
10. Vanichkina A.S. Zhanrovye osobennosti sudebnogo vystupleniya advokata (na materiale anglijskogo yazyka) [Genre features of the lawyer's court speech (based on the material of the English language)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. № 17 (815). pp. 9–15.
11. Kenzheeva K.T. YAzyk publichnogo vystupleniya. Otlichiya ustnogo i pis'mennogo yazyka [The language of public speech. Differences between oral and written languages] // Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta. 2011. № 4 (134). pp. 263–266.
12. Fedulova M.A. Sudebnaya ritorika kak sostavnaya chast' oratorskogo iskusstva [Judicial rhetoric as an integral part of oratory] // Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Gornogo Universitetaim. M.A. Sholoxova. Philological science. 2009. № 4. pp. 81–85.
13. Ledn'va O. Tekhnika rechi sudebnogo oratora [The technique of speech of a court speaker] – <https://blog.oratorskoeiskusstvo.com/ritorika/iskusstvo-rechi-na-sude.html> (data obrashcheniya – 02.02.2021)
14. Katyshev P.A. Kommunikativnoye konsul'tirovaniye kak napravleniye prikladnoy lingvistiki [Communicative consulting as a direction of applied linguistics] // Vestnik KemGU. 2013. № 2 (54). V. 2. pp. 64–67.
15. Daletskiy Ch.B. Ritoriko-kommunikativnaya kul'tura lichnosti yurista [Rhetorical and communicative culture of a lawyer's personality] // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2016. №4. pp. 94–101.
16. Ivantsova E.V. Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti [The phenomenon of dialect language personality]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 2002. 312 p.
17. Ipatova I.S. Yazykovyalichnost' yurista: vchera, segodnya, zavtra [Linguistic personality of a lawyer: yesterday, today, tomorrow]. Gosudarstvoipravo v izmenyayushchemsya mire: materialnauchno-prakticheskoykonferentsii, N. Novgorod, 5 marta 2016. [State and law in a changing world: materials of scientific-practical conference, N. Novgorod, on March 5]. N. Novgorod: PF FGBOUVO «RGUP». 2016. pp. 952–962.
18. Kubits G.V. Professionalizatsiyazykovoylichnosti (naprimeryuridicheskogodiskursa) [The professionalization of language personality (on the example of legal discourse)]: Abstract of Philol. Cand. Diss. Chelyabinsk. 2005. 19 p.
19. Leont'eva A.V. Kognitivno-pragmaticheskij analiz upotrebleniya zhestov v sudebnom argumentativnom diskurse [Cognitive-pragmatic analysis of the use of gestures in judicial argumentative discourse] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. V. 9 (801). pp. 113–125.
20. Volkova T.F. Rechevaya deyatel'nost' sudebnogo oratora (na materiale vystuplenij v prenyah) [Speech activity of the court speaker (based on the material of speeches in the debate)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 444. pp. 38–45.
21. Kozdasov S.V., Krivnova O.F. Obshchaya fonetika [General phonetics]. M.: Ros. gos. gumanit. un-t. 2001. 591 p.
22. Velichkova L.V. Psikholingvisticheskaya osnova issledovaniya emotsional'nosti zvuchashchey rechi [Psycholinguistic basis for the study of the emotionality of sounding speech] // Voprosy psikhologii. 2007. №5. pp. 20–26.

Информация об авторе:

Волкова Т.Ф. – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: tatyana-volkova@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Volkova T.F., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana-volkova@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.10.2021;
одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 23.10.2021;
approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 02.03.2022.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/474/8

Сотериология Г.И. Успенского: от «свиньи» к «ангелу»

Татьяна Владимировна Дячук

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
dia4uk.tanya@yandex.ru

Аннотация. Впервые анализируется магистральный в творчестве Г.И. Успенского сюжет о борьбе «со свиньей», т.е. с бестиарной ипостасью человека. Утверждается, что в произведениях Успенского бестиарная образность, восходящая к покаянным канонам, осложнена народническими идеями. На материале художественных текстов Успенского и документов, связанных с болезнью писателя, делается вывод о единстве жизненных и творческих устремлений писателя, искавшего путь к воскресению павшего человека.

Ключевые слова: Глеб Иванович Успенский, народничество, покаянный канон, Борис Наумович Синани, воскресение из мертвых

Для цитирования: Дячук Т.В. Сотериология Г.И. Успенского: от «свиньи» к «ангелу» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 67–72. doi: 10.17223/15617793/474/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/8

Soteriology of G.I. Uspensky: from "pig" to "angel"

Tatiana V. Dyachuk

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation,
dia4uk.tanya@yandex.ru

Abstract. In modern science, interest in the pathological in the creative personality of G. I. Uspensky prevails, namely in the history of his mental illness. The content of the hallucinations of the patient Uspensky is explained exclusively by his suppressed and deformed sexuality. The article offers a different look at the creative personality of Uspensky. The purpose of the article is to identify the religious and ethical dominant in the creative personality of Uspensky. The research material includes literary texts of Uspensky, as well as documents related to the history of his illness (letters, memoirs of contemporaries, autobiography of the writer). The methodological basis of this study amounted to a combination of methods of biographic, textual and comparative historical analysis.

The article proves that in the work of Uspensky, long before his fatal illness, the plot about the struggle of man with his animal nature was realized. The animal image in Uspensky essays goes back to the penitential canons, in which a sinner, calling to Christ, compares himself to "a pig lying in feces". The Christian understanding of sin was complicated by a complex of populist ideas about the social guilt of the privileged classes. Only those heroes of Uspensky who are not engaged in physical labor and don't help the people have a resemblance to a pig.

The article discusses the specificity of the writer's religious views. In the presentation of the Uspensky, Christ is a hidden God. Invisible and unnamed, he is present with the heroes of Uspensky's works in an act of repentance. Images of the Savior and the resurrection from the dead dominate in Uspensky's late works and form the plot outline of his hallucinations in illness.

As a result of the analysis of documentary evidence related to the writer's illness, it is concluded that the experience of spiritual weakness in the struggle with the "pig" was assessed by the sick Uspensky as a path to resurrection, that is, to the restoration of the image and likeness of God in himself. Comparison of the letters of Uspensky, as well as the memoirs of his contemporaries, allows us to conclude that the sick writer perceived himself and those around him as direct participants in the Gospel events - the mystery of the Resurrection. The writer experienced his bodily suffering in the projection of Christ's torment on the cross. Thus, Uspensky's soteriological experience testifies to the unity of his life and creative efforts aimed at fighting sin and gaining holiness.

Keywords: Gleb Uspensky; populism; the penitential canon; Boris Sinani; resurrection from the dead

For citation: Dyachuk, T.V. (2022) Soteriology of G.I. Uspensky: from "pig" to "angel". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 67–72. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/8

Литературная судьба Глеба Успенского уникальна тем, что душевная болезнь, прервавшая его писательство, была воспринята современниками и потомками

как высшая точка его творческого пути. Документально зафиксированный бред больного Успенского явился своего рода «подстрочником» к его творче-

ству; текстом, разъясняющим духовные основы его личности. Поэтому после периодов забвения интерес к Успенскому инициировался перечитыванием истории его болезни [1–4].

В настоящее время внимание исследователей вновь обращено к трагической истории раздвоения Успенского. В ее истолковании современные филологи следуют за Р.О. Якобсоном, который в работе «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений» (1956) сопоставил бред раздвоения с реалистическим методом писателя и оба явления объяснил действием метонимического закона [5]. В интерпретации Якобсона творческая личность Успенского оказывалась в тени ущербности. Спустя столетия в этой оптике было осуществлено новаторское исследование Генриетты Мондри «Pure, strong and sexless: the peasant woman's body and Gleb Uspensky» (2006). Используя метод Мишеля Фуко, исследовательница обнаружила, как идеологические и культурные догмы 1860–1880-х гг. деформировали и подавляли сексуальность Успенского. В фантамах его помраченного сознания Мондри прочитывала историю сексуальной патологии [6]. Развивая мысль Мондри, современному исследователю П.Ф. Успенскому оставалось лишь признать, что «сексуальность – ключевая проблема мировоззрения Успенского» [7. С. 51].

Между тем творческое наследие писателя, в большей части непрочитанное и неисследованное, заставляет усомниться в объективациях подобного рода и обратить внимание на другие контексты понимания Успенского. Цель настоящей статьи – на материале творчества Успенского и документальных свидетельств о его болезни доказать единство и жизненных и творческих устремлений писателя, искавшего путь к воскресению человека.

Как известно, душевная болезнь писателя протекала в форме шизофренического раздвоения личности. Личность писателя расщеплялась на ангела, названного именем святого Глеба, и свинью, обозначаемую отчеством Иваныч, с которым были связаны негативные воспоминания о родительской семье Успенского. Пребывание в облике свиньи сопровождалось физиологическими отправлениями тела, сексуальным возбуждением и проявлениями агрессии. Выход за пределы телесного «я» приводил к обретению ангельского облика Глеба. Бестелесный Глеб был свободен от мучительных требований пола и обладал способностью летать. «Задача» больного Успенского состояла в том, чтобы расподобиться со свиньей и быть святым Глебом.

Между тем борьбу со «свинством» Успенский вел не только в годы болезни, но и на протяжении всей своей сознательной жизни. Так, в 1870-е гг. Успенский приходит к твердому убеждению в духовной поврежденности человека, для которой писатель придумывает метафору «больная совесть». Семантика болезни сопровождается названиями его очерков тех лет: «Больная совесть» (1873), «Не воскрес» (1877), «Три письма» (1878) (в первой публикации с подзаголовком «Из рассказов безнадежного»), «Неизлечимый» (1875), «Голодная смерть» (1877). «Болезнь» совести

связана с осознанием своей греховности, которая обозначается Успенским как «свинство», «свиной человек» или «свиной элемент». Писатель разделял христианское толкование свиньи как животного, обладающего inferнальными чертами. Этот ближайший зооморфный «родственник» человека, как известно, занимает центр бестиария дьявола [8. С. 28]. «Свинством» отмечены представители сословий, не занятых физическим трудом. В терминологии Успенского они «неплательщики» (см. очерк «Неплательщики» (1876)), паразитирующие на народном теле. Таким образом, в творческом сознании писателя христианские представления о духовной поврежденности человека были синтезированы с идеями радикального народничества.

Так, в рассказе «Неизлечимый» речь идет о дьяконе Аркадии, у которого заболела совесть. Причиной «болезни» совести стала встреча с госпожой Абрикосовой – богатой купчихой, отказавшейся от своего привилегированного положения и ставшей учительницей в школе для бедных. По словам дьякона, «нежданно, негаданно в освинелую мою душу вдруг влетело что-то божеское, – и стала мне чистая смерть от этого...» [9. Т. 4. С. 214]. Болезнь совести связывается Успенским с острым зрением своей греховности: похоти, алчности, равнодушия к ближнему. Бремя своих грехов герой сравнивает с испражнениями: «Совесть проснулась в душе и, как ключ под навозной кучей, развезла эту кучу по всему двору, стало все распозаться – грязь! Умирай!» [9. Т. 4. С. 192]. Жажущий одолеть в себе «свинью», дьякон Аркадий подобен грешнику из «Канона покаянного Господу нашему Иисусу Христу», восклицающему: «Ктѡ тво-риттаковѡя, якоже аз? Якожебосвиниѡ лежитв калѹ, тако и аз грехѹ служѹ. Но Ты, Гѡсподи, истѡргни мѡ от гнѹса сегѡ и даждь мѡ сѡрдцетворитизѡповѡди Твоѡ» [10]. (Успенский, в юности отличавшийся, по словам его сестры, «чрезвычайной религиозностью», хорошо знал покаянные каноны [11. С. 155]). «Свиньями» оказываются в той или иной степени все герои «Неизлечимого», а время, в которое им доводится жить, определяется Успенским как «судебное» [9. Т. 4. С. 214]. Дьякон Аркадий заявляет: «Не понимаете, что вы свиньи, я-то знаю!.. Вот уж именно животные... Да помилуйте... Я и болен от свинства; от чего ж это я лечусь-то, как не от свинова элементу. – Да душу-то хочу свою из свиной в человечью обратить... вот для чего!» [9. Т. 4. С. 191].

В поисках исцеления дьякон читает статью П.Л. Лаврова «До человека» (1870) и с тоской спрашивает окружающих, кто такие «хилиасты» [9. Т. 4. С. 185]. Состояние своих современников Успенский оценивает как состояние «до человека», но проникнутое надеждой на водворение Тысячелетнего царства Христа (в этом контексте имя дьякона прочитывается как нереализованная возможность устроения рая на земле). Герой раскаяния – дьякон Аркадий – начинает «лечить» больную совесть известным средством, т.е. пить горькую: «...совесть стала кричать все громче и громче, да и свиной человек, тот стал наравне с совестью неистовствовать... Совесть-то меня вон куда

вознесет, а свиной человек – низвергнет... Больно мне, мучительно, несказанно было больно!...» [9. Т. 4. С. 216].

Герои Успенского, как впоследствии и сам писатель, это люди, говоря словами святителя Игнатия Брянчанинова, «болезнующие грехом», жаждущие, но не обретающие исцеления. По Успенскому, можно осознать в себе свинью, но невозможно перестать ею быть. Не случайно первоначальное название рассказа – «Больной» – Успенский заменяет на «Неизлечимый». В цикле «Скучающая публика» (1884) Успенский представил купца Тараканова. Портрет героя, «человека пухлого, раздутого, точно налитого» со «щетиистой шеей» [9. Т. 9. С. 28] и с усами, которыми он пользуется в качестве закуски, а также его «хриплая» речь, в которой поминутно поминаются «рыло», «морда», «хрюкать», «хлев», «чавканье», «пойло» и т.п. – говорят сами за себя. Это человек-свинья. Герой рассказывает долгую историю своей «свинской» жизни. Тараканов принадлежит к сословию купцов, которые (в представлении Успенского) являются социальными паразитами. Поэтому условием победы над «свиньей», по Успенскому, является отречение от родового «греха» тунеядства. В «Автобиографии» писатель поведал о собственном отречении от родового «гнезда». Счеты с чиновничьим прошлым своего рода Успенский свел в произведениях с «говорящими» названиями: «Разорение» (1869) и «На старом пепелище» (1876).

В 1870-е гг. перед русской интеллигенцией открылся путь к возрождению в деятельной любви к ближнему. Интеллигенция отправилась «в народ», чтобы искупить свой исторический «грех» – пользование плодами наук и культуры за счет трудящихся масс. Как заявлял идеолог народничества и ближайший друг Успенского Н.К. Михайловский в статье о романе Достоевского «Бесы», «долг лежит на нашей совести, и мы его отдать желаем» [12. С. 79], в этом состоит «подвиг искупительного страдания» [12. С. 79]. Цитата из Евангелия о бесах, вошедших в стадо свиней (Евангелие от Луки. Глава VIII, 32–36), ставшая эпиграфом к роману, показалась Михайловскому неуместной. Критик писал: «Бес служения народу – пусть он будет действительно бес, изгнанный из больного тела России, – жаждет в той или другой форме искупления, в этом именно вся его суть» [12. С. 83]. Репликой Успенского в этой полемике о свиньях и бесах стал цикл «Крестьянин и крестьянский труд» (1880), где писатель отождествил себя и народническую интеллигенцию с «беспорядочной, безобразной массой, со свистом и шумом» летящей «в бездонную пропасть» [9. Т. 7. С. 55]. В интерпретации Успенского драма «бесов»-«свиней»-интеллигентов состояла в том, что их жажда искупления осталась неудовлетворенной. Из «пропасти» греха герои Успенского зовут к Христу.

Образ Спасителя в прозе Успенского всегда присутствует как знак потаенного, и поэтому он трудно уловим для комментаторов. Писатель часто вспоминает о Христе. В личном богообщении Успенский видит главное утешение своей жизни. В «Автобио-

графии» об этом сказано: «Лицо, которого я мог не видеть никогда, но облик и сущность которого я чувствовал всем сердцем – мой родной, родственник, друг. Что бы ни случилось, я знаю, что “он” есть, а стало быть, не надо и робеть» [9. Т. 14. С. 576–577].

Верой в то, что незримо «“он” есть», проникнуты очерки «Крестьянин и крестьянский труд», герой которых крестьянин Иван Ермолаевич ощущал Бога «до осаяния» [9. Т. 7. С. 27]. Еще один крестьянин в очерке «Избушка на курьих ножках» (1887) рассуждает о боге: «Он тут близко. Теперь твердо знал, что я не один на свете. Около меня есть попечитель, он меня сбережет, не даст погибнуть... И я вот всю жизнь мою живу по его повелению... Что ни случись, куда меня ни кинь, мучай меня, а я уж твердо знаю, что есть надо мной око и, стало быть, надо только слушаться повеления божия...» [9. Т. 10, кн. 2. С. 157]. В очерках «Мы на словах, в мечтаниях и на деле» рассказывается о константинопольском храме святой Софии, в куполе которого замазан облик Распятого, но: «...он есть несомненно, и несомненно руки распростерты в благословении... Лики ангелов также затерты и запачканы, – но ангельские крылья целы и невредимы, – стало быть, есть и подлинные ангельские лики. Всё это тонуло во тьме, в пыли, было запачкано, “не в своем виде”... но несомненно там есть свой светлый облик...» [9. Т. 10, кн. 2. С. 19].

В шестом очерке из того же цикла Успенский вспоминает о картине В.Д. Поленова «Христос и грешница» (1888), на которой его восхитила «немного сложно написанная» фигура Христа, представленного не в центре композиции, а на ее периферии, как будто в тени. По словам Успенского, Поленова обвиняли в том, что «не разберешь», где Христос. А ведь: «Не будь Христа и его нежного сердца – ведь эти темные люди, с глупого разума, убили бы ни в чем не повинного человека» [9. Т. 10, кн. 2. С. 62]. Восклицание «Жутко, жутко в толпе “без Христа!”» [9. Т. 10, кн. 2. С. 65] несколько раз повторяется в очерке.

Не лишено основания предположение Г. Мондри, что экфрасис Венеры Милосской в «Выпрямила» содержит аллюзии на иконописное изображение Христа [6. С. 75–81].

Образ Христа в позднем творчестве Успенского всегда связан с темой воскресения. Впервые о воскресении заявлено в повести «Тише воды, ниже травы» (1870), где дана пронзительная сцена детского безумия: юродивая девочка взывает к Христу, умоляя воскресить ее мать [9. Т. 3. С. 219]. В 1880-х гг. писатель охвачен пасхальным мироощущением. Так, в очерке «Взбрело в башку» 5 раз повторяется словосочетание «воскрес из мертвых» и 7 раз в разных грамматических формах глагол «воскреснуть». В очерке «Избушка на курьих ножках» (1887), где речь также идет о воскресении из мертвых, весенний пейзаж дан в тонах пасхального праздника: «Для художника этот момент весны не дает никаких ярких и радующих красок: рыжая мертвая трава, кое-где еще придавленная почерневшими, отверделыми пластами снега; голые и притом кажущиеся как бы голодными и холодными деревья, истощенная, вялая, пролежавшая себе бока

до голого тела скотина, вся запачканная, неряшливая, и такие же смятые, скомканные, побледневшие, отощавшие за зиму люди – всё это не возбуждает художественного волнения; но на всё это нищенство природы, людей и животных ярким полымем палит развеселое солнце, а среди холодной и голодной растительности берегов разыгралась река, с каждой минутой поднимающая всё выше и выше свои воды, всегда в эту пору года отливающая самым нежным лазуревым цветом. Начинается воскресенье из мертвых, мертвец начинает теплеть, и счастье жить на белом свете ощущается всем живым и веет от всего не живо-го...» [9. Т. 10, кн. 2. С. 144–145]. Успенский повторяет: «удовольствие чувствовать начинающееся воскресение», «удовольствие чувствовать воскресение из мертвых» [9. Т. 10, кн. 2. С. 146]. В очерке «Недописанная глава» (1885) о весне сказано: «Нужно только внимательно смотреть на эту смерть, чтобы потом своими глазами увидеть “воскресение Лазаря”, увидеть, как он выходит из гроба живым, обрадоваться созная, что и нет, и не было смерти, и не будет» [9. Т. 10, кн. 1. С. 474].

Путь к воскресению, по мысли народника Успенского, нужно искать в крестьянском труде («Крестьянин и крестьянский труд», «Трудами рук своих» и др.) и в деятельной любви к ближнему (очерки «Народная интеллигенция» из цикла «Власть земли», очерки «Радетели о народной совести», «Невидимки», «О том, что натворила акушерка Анна Петровна» из цикла «Грехи тяжкие»).

Прежде чем обратиться к болезни Успенского, обобщим мотивы его творчества, составившие канву последующих болезненных фантазий писателя. Человек, ведущий паразитический образ жизни (в понимании Успенского не занятый физическим трудом или практической помощью ближнему), неизбежно проявляет бестиарные свойства свиньи: похоть, алчность, злобу. Совесть человека-свиньи больна. Без Христа борьба «со свиньей» обречена на поражение.

В 1880-х гг. в творчестве Успенского появляется тема гниения и запаха нечистот. Приведем фрагмент из некролога, посвященному журналисту Н.А. Демерту («Н.А. Демерт») (1876) «Далеко не всё, что он знал об этой действительности, он печатал, но <не> думать обо всем, <не> чувствовать всё, именно всё, чем дышала на него -эта масса материала, он не мог.., И вот с каждым днем, с каждым годом всё больше и больше, всё выше и выше росли вокруг него эти стога полугнилого, удушливо пахнувшего сена, накошенного в широких и пустынных полях русской жизни... Удушливый запах их, запах, которым дышал он много лет изо дня в день, дурно действовал и на мозг и на сердце. От него кружилась голова, слабли руки, слабо сердце, не отбиться от него не было возможности. Он преследовал везде: на улице, в гостях, в театре; запах обезнадёженной действительности всосался во все поры тела, мозга, сердца... А стога росли выше и выше... и конца им не видно было. Что тут делать, что тут предпринять?» [9. Т. 6. С. 75]. В очерке «Буржуй» (1885) дан обобщенный образ капиталиста Хрюшкина – «больной и дряблой, несчастной свиньи» [9. Т. 9.

С. 479]. Хрюшкин распространяет «в живом людском обществе запах холодного трупа» [9. Т. 9. С. 468]. Миазмы трактуются Успенским в контексте народнической критики капитализма – так «пахнет» новый общественный порядок. Однако с конца 1880-х гг. Успенскому становится очевидно, что запах испражнений относится к сфере его собственных обонятельных галлюцинаций. Писатель осознает этот запах как «гниение» своей души.

Чем глубже Успенский погружается в болезнь, тем сильнее в нем жажда воскресения, о которой он взывает в письмах тех лет: «Дайте мне возможность воскреснуть из мертвых» (в письме к В.М. Соболевскому от 4 июня 1890 г.) [9. Т. 14. С. 418]; «Если бы Вы знали, как я неминуемо иду к гибели и что я с утра до ночи испытываю на душе, то не думали бы, что совесть забывчива, – она мертва, недвижима. Вот что происходит, ангелочек мой. <...> Что бы Вам, отцы мои, хоть строчку написать болящему и умирающему. Напишите мне, страннички божи, осияйте мне мою душу мертвую!..» (в письме к В.Г. Короленко от 17 октября 1890 г.) [9. Т. 14. С. 446].

С 1892 по 1902 г. писатель содержался в нескольких лечебницах для душевнобольных. Самое длительное пребывание было в Колмовской больнице под Новгородом. Лечащим врачом Успенского был известный психиатр Б.Н. Синани. Он оставил подробный дневник, в котором фиксировал состояние больного, содержание его бреда и лекарственные назначения. Успенскому был ошибочно поставлен диагноз паранойя (заболевание, которое подвергалось лечению в конце XIX в.), хотя Синани колебался, замечая у пациента клинические проявления паралича.

«Дневник» Синани – это не только история врачебной ошибки, но и личный документ, изображающий сложную гамму чувств, испытываемых врачом по отношению к пациенту. Трудно представить более несхожих людей, чем Синани – атеист, рационалист и скептик (см. воспоминания О.Э. Мандельштама в «Шуме времени») и Успенский – человек верующий и экспансивный. Здесь столкнулись несостоявшиеся амбиции врача и религиозная драма, переживаемая пациентом. В конце «Дневника» прочитывается враждебность Синани к своему пациенту, ирония над его молитвами, над его исступленной жаждой покаяния. Об отношении пациента к врачу говорят следующие слова из «Дневника» Синани: «Источником зла в моей деятельности он (Глеб Успенский. – Т.Д.) считает, главным образом, то, что я не христианин» [13. С. 591].

Психиатр подробно описал мучивший писателя бред превращения в свинью. Подобно уже упомянутому купцу Тараканову, Успенский ощущал себя в бестиарном теле свиньи. Обращению в зверя предшествовало отречение от Христа, в результате которого писатель «стал чувствовать постепенное превращение своего организма из человеческого в свиной. Сперва стал окостеневать его хребет и принимать форму свиного хребта, потом изменились и ребра. Словом, теперь он свинья совсем, не фигурально, а буквально имеет образ свиньи. Превращение это бесповоротно, непоправимо» [13. С. 518]. Больной пытался вернуть

себе человеческий образ, стараясь путем увечий победить «свинью». В личине свиньи больного преследовали сцены разврата и насилия.

Периодические обращения в свинью приносят страдания Успенскому. Он раскаивается, плачет и молит о спасении. В отличие от героев, побежденных «свиным человеком», их автору удается испытать на себе чудо Воскресения, погрузиться в атмосферу евангельских событий. В этом отношении ценнейшим источником сведений о больном Успенском являются воспоминания ординатора Колмовской больницы О.В. Аптекмана. Свидетельство этого мемуариста особенно ценно тем, что он не ставил целью продемонстрировать религиозный характер бреда Успенского. Его задача была иной – доказать непреходящее значение народнических идей, верность которым Успенский сохранил, по мнению Аптекмана, даже в болезни.

Мемуарист рассказывал о том, что ко всему живому больной Успенский испытывал христианскую любовь-сострадание. Его вселенская любовь-жалость распространялась на людей, животных и даже траву, которой больно, когда ее косят [14. С. 107–110]. Все окружавшие Успенского люди представлялись ему святыми, женщины – богородицами, а самого Осипа Аптекмана писатель принимал за Иосифа Аримафейского – влиятельного члена синедриона и тайного ученика Христа. Согласно преданию, тот «испросил у римского префекта Иудеи Пилата тело распятого Иисуса Христа и, получив разрешение, снял его с креста <...> и похоронил в гробнице, принадлежавшей ему самому» [15. С. 239]. «Иосифу Аримафейскому» Успенский твердил о том, что находится «в бесконечном гробу», «Иуда-предатель держит его в этом гробу...» [14. С. 103].

Свои страдания больной Успенский переживал в проекции крестных мук Спасителя. Подобно Христу, больной Успенский, испытав тяжелые муки, получает обетованное Воскресение. Об этом Синани пишет: «Но вот ночью он стал испытывать удивительное явление превращения во всем теле. По всему телу шло удивительное превращение, по всему телу стало разливаться, начиная с ног, как электрический ток, что-то хорошее, теплое. Он весь преобразился, он чувствовал себя счастливым, он воскрес, он чувствовал себя так, как никогда за все свои 50 лет... Он воскрес, он был совершенно чист, без пятнышка, чист, совсем святой» [13. С. 566].

О себе, воскресшем, Успенский рассказывает в письмах к жене и сыну. В письме к жене от 1 августа

1893 г.: «...я глубоко раскаялся и <...> положительно воскрес: бог меня спас – я весь мгновенно переродился, воскрес, – событие в моей жизни, в жизни твоей, всех наших детей, и всех, кто знает меня на Руси, необыкновенное. <...> Воскресение это во мне! Каждую минуту я воскресаю в счастья жить и в любви к богу! Верь мне, верьте мне все. – приду домой неизнаваемым. Радость и счастье принесу я с собой!» (цит. по: [16. С. 163–164]). В письме к сыну (осень 1893 г.): «Глубокая любовь к богу обрадует и всех, кто знает меня на Руси, а того моего воскресенья в любви господу богу, не описать... Я приду с глубокой любовью и я люблю всех и вся, что сотворено богом» (цит. по: [16. С. 183]).

Все процитированные письма подписаны «Ангел Господен Глеб». Больной Успенский достигает состояния Воскресения, которое, согласно христианскому учению, есть преображение в ангела («Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах» (Марк. 12, 25), «ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения» (Лук. 20, 35–36).

Испытанная больным Успенским радость Воскресения была лишь эпизодом в его неизлечимой болезни. Писатель всё глубже погружался в молчаливые глубины безумия. Советские психиатры, изучившие «Дневник» Синани, отметили затяжное течение болезни Успенского, которая обычно заканчивается смертью в течение 4–5 лет. Этот удивительный факт был объяснен «значительной сопротивляемостью» пациента, ведь ему было что терять [17. С. 512].

Напряженная духовная работа Успенского по преодолению «свиного человека» спасала, насколько возможно, его личность от окончательного распада и небытия. Когда-то на вопрос Михайловского, почему только он, Успенский, видит ангелов, а прочие не видят, писатель отвечал, что ему это «дано» за испытанные им страдания [18. С. 146]. Вероятно, суть сотериологического опыта Успенского состоит в том, что воскреснуть можно лишь до конца осознав себя «свиной, лежащей в кале», пройдя мучительную болезнь совести, бьющейся, если вспомнить метафору из «Неизлечимого», под «навозной кучей» совершенных грехов.

Жизнетворческие усилия Успенского были сосредоточены на идее воскресения павшего человека. Сотериологический опыт писателя оказался востребован русской культурой, о чем свидетельствует традиция создания биографий-житий Глеба Успенского [2–4].

Список источников

1. Мережковский Д.С. Иваныч и Глеб // Мережковский Д.С. Акрополь : Избранные литературно-критические статьи. М. : Книжная палата, 1991. С. 227–247.
2. Давыдов Ю.В. Вечера в Колмове : Повесть о Г. Успенском. М. : Книга, 1989. 332 с.
3. Шаврыгин С.М., Старостина Г.В. «Нельзя же быть вечно писателем...» О личности и творчестве Г.И. Успенского // Литература в школе. 1997. № 2. С. 26–34.
4. Смирнов В.Б. Житие святого Глеба : роман-воспоминание. Волгоград : Издатель, 2008. 411 с.
5. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 110–132.
6. Mondry H. Pure, strong and sexless : the peasant woman's body and Gleb Uspensky. Amsterdam ; New York, 2006. 283 с.
7. Успенский П. Гипотеза Якобсона, Глеб / Иванович и перверсия : безумие Г. Успенского и его рассказ «Выпрямила» // Новое литературное обозрение. 2020. № 5 (165). С. 44–62.
8. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб. : Александрия, 2012. 448 с.

9. Успенский Г.И. Полное собрание сочинений : в 14 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М. : Изд-во АН СССР, 1941–1954.
10. Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу. URL: <https://pravoslavie.ru/104903.html> (дата обращения: 19.06.2021).
11. Добровольский П.М. Материалы для биографии Г.И. Успенского // Труды Черниговской губернской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. 6.
12. Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М. : Искусство, 1995. 588 с.
13. Синани Б.Н. Дневник // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 4. М. : Издание ГЛМ, 1939. С. 515–597.
14. Аптекман О.В. Страница из «скорбного листка» Г.И. Успенского (По личным воспоминаниям и наблюдениям) // Русское богатство. 1909. № 7. С. 92–124.
15. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы / отв. ред. : И.В. Силантьев, Е.В. Капинос, Е.Н. Проскурина. Ч. 1: Мортальные сюжеты и мотивы в русской литературе XI–XVII веков / авт.-сост. С.К. Севастьянова, Е.Э. Худницкая. Новосибирск : Гео, 2018.
16. Летописи Государственного литературного музея. Кн. 4 : Глеб Успенский. М. : Издание ГЛМ, 1939.
17. Зиновьев П.М. Больной Успенский // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 4: Глеб Успенский. М. : Издание ГЛМ, 1939. С. 481–515.
18. Михайловский Н.К. Литература и жизнь. Еще материалы для биографии Г.И. Успенского // Русское богатство. 1902. № 4. С. 132–156.

References

1. Merezkovskiy D.S. Ivanych i Gleb // Merezkovskiy D.S. Akropol : Izbrannye literaturno-kriticheskie statii. M. : Knizhnaya palata, 1991. S. 227–247.
2. Davydov Yu.V. Vechera v Kolmove : Povest o G. Uspenskom. M. : Kniga, 1989. 332 s.
3. Shavrygin S.M., Starostina G.V. «Nelzya zhe byt vechno pisatelem...» O lichnosti i tvorchestve G.I. Uspenskogo // Literatura v shkole. 1997. № 2. S. 26–34.
4. Smirnov V.B. Zhitie svyatogo Gleba : roman-vospominanie. Volgograd : Izdatel, 2008. 411 s.
5. Yakobson R.O. Dva aspekta yazyka i dva tipa afaticheskikh narusheniy // Teoriya metafory / vstup. st. i sost. N.D. Arutyunovoy. M. : Progress, 1990. S. 110–132.
6. Mondry H. Pure, strong and sexless : the peasant woman's body and Gleb Uspensky. Amsterdam, New York, 2006. 283 s.
7. Uspenskiy P. Gipoteza Yakobsona, Gleb / Ivanovich i perversiya : bezumie G. Uspenskogo i ego rasskaz «Vypryamila» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 5 (165). S. 44–62.
8. Pasturo M. Simvolicheskaya istoriya evropeyskogo srednevekovya / per. s fr. E. Reshetnikovoy. SPb. : Aleksandriya, 2012. 448 s.
9. Uspenskiy G.I. Polnoe sobranie sochineniy : v 14 t. / AN SSSR, Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom). M. : Izd-vo AN SSSR, 1941–1954.
10. Kanon pokayannyy ko Gospodu nashemu Iisusu Hristu. URL: <https://pravoslavie.ru/104903.html> (data obrashcheniya 19.06.2021)
11. Dobrovolskiy P.M. Materialy dlya biografii G.I. Uspenskogo // Trudy Chernigovskoy gubernskoy uchenoy arhivnoy komissii. 1905. Vyp. 6.
12. Mihaylovskiy N.K. Literaturnaya kritika i vospominaniya. M. : Iskusstvo, 1995. 588 s.
13. Sinani B.N. Dnevnik // Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya. Kn. 4. M. : Izdanie GLM, 1939. S. 515–597.
14. Aptekman O.V. Stranica iz «skorbnoy listka» G.I. Uspenskogo (Po lichnym vospominaniyam i nablyudeniyam) // Russkoe bogatstvo. 1909. № 7. С. 92–124.
15. Slovar-ukazatel syuzhetov i motivov russkoy literatury / отв. red. : I.V. Silantev, E.V. Kapinos, E.N. Proskurina. Ch. 1. Mortalnye syuzhety i motivy v russkoy literature XI–XVII vekov / avtory-sostaviteli S.K. Sevastyanova, E.E. Hudnickaya. Novosibirsk, Akademicheskoe izdatelstvo «Geo», 2018.
16. Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya. Kn. 4 : Gleb Uspenskiy. M. : Izdanie GLM, 1939.
17. Zinovev P.M. Bolnoy Uspenskiy // Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya. Kn. 4 : Gleb Uspenskiy. M. : Izdanie GLM, 1939. S. 481–515.
18. Mihaylovskiy N.K. Literatura i zhizn. Eshche materialy dlya biografii G.I. Uspenskogo // Russkoe bogatstvo. 1902. № 4. С. 132–156.

Информация об авторе:

ДЯЧУК Т.В. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dia4uk.tanya@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dyachuk T.V., The Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: dia4uk.tanya@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.08.2021;
одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 10.08.2021;
approved after reviewing 12.09.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 821.091+821.111Yeats.04+821.161.1Толстой
doi: 10.17223/15617793/474/9

Пьеса У.Б. Йейтса «Там, где ничего нет» и ее толстовское измерение

Екатерина Александровна Маркова^{1, 2}

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, glazkova1992@gmail.com
² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается вопрос влияния произведений Л.Н. Толстого на творчество У.Б. Йейтса в общем контексте восприятия русского писателя в России и Великобритании на рубеже XIX и XX вв. Выявлен целостный образ Толстого-писателя в корреспонденции и нехудожественных работах Йейтса. Показано, как в пьесе «Там, где ничего нет» толстовство, нищезанятство и собственно йейтсовский символизм составляют синтетический образ визионера, разрушителя старого миропорядка и одновременно проповедника ненасилия.

Ключевые слова: У.Б. Йейтс, Л.Н. Толстой, толстовство, рецепция, взаимовлияние русской и ирландской литератур

Для цитирования: Маркова Е.А. Пьеса У.Б. Йейтса «Там, где ничего нет» и ее толстовское измерение // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 73–87. doi: 10.17223/15617793/474/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/9

W.B. Yeats's play *Where There is Nothing* and its Tolstoyan dimension

Ekaterina A. Markova^{1, 2}

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, glazkova1992@gmail.com

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract. The article discusses the issue of the influence of L.N. Tolstoy, his fiction and non-fiction, on W.B. Yeats's drama in the broader context of Tolstoy's reception in the late XIXth – early XXth century both in Russia and the United Kingdom. Tolstoy's image as a writer in the correspondence and non-fiction of the Irish playwright is analysed. It is demonstrated that his attitude towards the Russian writer, though initially favourable, was gradually becoming more and more irreverent and complex. Similar attitudes towards Tolstoy are detected in Russian writers of the period. Yeats criticises Tolstoy for his didactic tendencies. Nevertheless, Yeats acknowledges Tolstoy's genius and puts him on a par with greatest ancient and modern authors (Shakespeare, Goethe, English romantic poets, Balzac, Flaubert, Ibsen, etc.). Yeats's absolute favourite is his idea of non-resistance and non-violence, which is interpreted in Yeats's own way in his play *Where There is Nothing*. Yeats's reading of this concept is set in the context of the early XXth century discussion around Tolstoyism, since at the time Tolstoy was mostly perceived as a thinker in Britain. Yeats's position in this discussion is thoroughly analysed. It is most probable that Yeats read one of very short pamphlets compiled by English editors of Tolstoy. It is argued that Tolstoy's ideas and images in Yeats's play were immediately grasped and attacked by its critics. A comparative analysis of the play and Tolstoy's manifest *What I believe* reveals that in the play the Russian author's teaching interacts with Nietzschean philosophy and Yeats's own symbolism, as well as various occult practices he was deeply interested in. This amalgam is concentrated in the paradoxical image of a prophet, visionary, destroyer of the old world order (in fact any order — secular and ecclesiastical) and at the same time a preacher of non-violence, Paul Ruttledge. As it has been argued before us, the episode of a mock trial echoes Tolstoy's interpretation of the Sermon on the Mount. In-depth analysis shows that not only this episode is related to Tolstoy but the whole play is somewhat reminiscent of his vision of Christian life (rejection of people's law as opposed to God's law, and of urban living; criticism of civilization; necessity for manual labour and simple life in harmony with nature; call for unity and equality of all people). Despite these similarities, there are still a lot of disagreement with Tolstoy in the play, mainly due to the Nietzschean influence (desire to destroy the old world, Dionysian motifs), who Yeats considered to be the exact opposite of Tolstoy. A similar juxtaposition of Tolstoy and Nietzsche is found both in English and Russian literature. A parallel is revealed between Paul and Tolstoy, who, according to Yeats, were mad prophets unable to change the world. This parallel is both mocking and tragic, and Paul is in line with other Yeats's images of jesters and madmen.

Keywords: W.B. Yeats, L.N. Tolstoy, Tolstoyism, reception, reciprocal influence of Russian and Irish literature

For citation: Markova, E.A. (2022) W.B. Yeats's play *Where There is Nothing* and its Tolstoyan dimension. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 474. pp. 73–87. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/9

Хотя имя Уильяма Батлера Йейтса (William Butler Yeats, 1865–1939) стало известно в России еще в 1896 г. благодаря Зинаиде Венгеровой [1], ее статьи и переводы не вызвали большого интереса в среде символистов (несмотря на то, что творчество Йейтса типологически подобно поэзии русских символистов и некоторых модернистов, что наглядно демонстрирует Г.М. Кружков в своих исследованиях [2]) и тем более – у Льва Николаевича Толстого, писателя старшего поколения, к исходу XIX в. получившего мировое признание. Поэтому есть смысл говорить об одностороннем влиянии Толстого на Йейтса. Среди заявивших о себе в Европе русских писателей Йейтс выделял именно Толстого, что может показаться удивительным, – настолько не схоже творчество ирландского поэта-символиста, автора «Кельтских сумерек» (*The Celtic Twilight*, 1893), провозгласившего себя «последним романтиком» [3. Р. 276], и русского писателя, создателя крупной, монументальной реалистической прозы, а также оригинальной интерпретации христианства. Вероятно, в Толстом Йейтс выявил близкое ему стремление испытать и выразить жизненно-творческий миропорядок через письмо, в том числе через формулирование особой философской системы. Оба писателя были увлечены теологией, теософией, разнообразными религиозно-мистическими учениями и интегрировали их в свои собственные модели, разумеется, совершенно разные.

Думается, интерес Йейтса к русской литературе обусловлен не только модой на Толстого и Достоевского, но и вниманием к некоторым оккультным практикам, в том числе теософскому учению Блаватской, с которой Йейтс познакомился в 1887 г., за несколько лет до ее смерти. Йейтс вспоминал ее слова о себе: «Я – старый русский варвар» [4. Р. 125] (здесь и далее перевод наш, если не указано иное. – *Е.М.*). Погружение в современную социально-политическую мысль также неизбежно привело Йейтса к России. В своей библиотеке он хранил «Материализм и эмпириокритицизм» (1927) Ленина, книгу Минского «Ленин» (1931) и «Октябрьскую революцию» (1934) Сталина [5]. Вполне возможно, что русская революция, наряду с другими великими потрясениями начала XX в., повлияла на становление йейтсовской эстетической системы¹.

Иными словами, Йейтса привлекал не только Толстой-романист, но и шире – Толстой-философ, религиозный и социальный. К концу 1880-х – началу 1890-х гг., когда Йейтс вошел в творческую силу, были переведены на английский язык все основные произведения Толстого, написанные к тому моменту. Йейтс прочел и «Войну и мир», и «Анну Каренину», и вместе с тем именно философские труды Толстого оказали прямое влияние на его творчество. Одна из главных задач статьи – охарактеризовать это влияние и, опираясь на собранные высказывания Йейтса о Толстом, представить его портрет, выписанный Йейтсом в его книгах, эссе и письмах. Вопрос о значении фигуры Толстого для Йейтса практически не ставился ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении. Имя русского писателя уже возникало в работах о Йейтсе в

связи с пьесой «Там, где ничего нет» (*Where There is Nothing*, 1902), и ее толстовский контекст был обнаружен только в сценах псевдосуда и проповеди из четвертого акта и не проанализирован должным образом [6. Р. 146; 7. Р. 23–24]. Потому наша цель – всесторонне рассмотреть «присутствие» Толстого в пьесе Йейтса, учитывая другие авторитетные для ирландского писателя учения и веяния, а также его собственные художественные принципы. Другая важная задача данной статьи – поместить йейтсовскую рецепцию Толстого в более широкий контекст английской и ирландской традиции восприятия творчества русского мыслителя, формировавшейся на рубеже XIX и XX вв. Для этого сначала кратко охарактеризуем основные черты этого процесса, а затем определим особенности понимания Толстого Йейтсом.

Рецепция Толстого в Великобритании и Ирландии в конце XIX и начале XX в. не была ни однозначной, ни однородной. Поздние викторианцы считали, что он «заново сформулировал религиозные и философские идеи прошлого» [8. Р. 143], увидели в его творчестве приметы близкой, хорошо знакомой им традиции. Это прежде всего традиция романтическая (У. Вордсворт) и руссоистская, противопоставляющая разуму в рационалистическом, естественно-научном понимании разум ребенка или крестьянина, которому открывается истинная гармония бытия. Взгляды русского писателя на мироустройство и жизнетворчество оказались созвучны представлениям некоторых современных ему английских и ирландских писателей, в частности Дж. Рескина, У. Морриса, М. Арнольда, Г. Дж. Уэллса, Дж.Б. Шоу, Р. Дж. Гиссинга, Дж. Мура. Любопытно, что и английские модернисты усмотрели в Толстом нечто для них интересное. Они обратились к нему в поисках чего-то нового, отличного от исчерпанного себя викторианства. К примеру, для В. Вульф он оказался представителем «чужого, совсем иного» (“alien”) [9. Р. 253] народа («более страстного, чем англичане» [10. С. 17]), открывшего новые горизонты для творческого осмысления действительности. Во многом именно благодаря модернистам в Великобритании сложился миф о таинственной русской душе и удивительном искусстве, ею порождаемом [10. С. 16]. Общее место в английской рецепции Толстого – внимание к «жизни» как лейтмотиву его творчества. На особую его «жизненность», данную в нем «поразительную массу жизни» (Г. Джеймс) обращают внимание М. Арнольд, Дж. Мур, Э. Мюир, М. Бэринг, Дж. Голсуорси, Б. Шоу – это качество произведений Толстого одними оценивалось положительно, другими – отрицательно [10. С. 17–19].

Толстой был воспринят в Великобритании в первую очередь как мыслитель [8. Р. 138], поэтому отдельно следует отметить близость его философии английскому социализму (в том числе «эстетическому»): «Утопическая составляющая, характерная для русской литературы вообще и для Толстого особенно, находит отклик у английских интеллектуалов, которым близок специфически английский, немарксистский социализм, идущий из глубин истории, еще от утопий Томаса Мора и Роберта Оуэна. Религиозно-

философские идеи Толстого воспринимались в основном как своеобразная параллель различным течениям английского христианского социализма, взглядам Джона Рёскина, Уильяма Морриса» [10. С. 15]. Внимательными и благожелательными читателями (и даже переводчиками) Толстого были фабианцы – чета Гарнеттов, Б. Шоу, Г. Уэллс. Повлияли на распространение и специфическую интерпретацию нехудожественных произведений русского писателя идеологи анархизма – П. Кропоткин и С. Степняк-Кравчинский. Наследие Толстого-мыслителя дало толчок развитию английского «романа идей», а также религиозной и философской прозе (У.Д. Хоуэллс). Широкое распространение идеи Толстого получили и в народе, и доказательство тому – его многочисленные последователи среди англичан, образовавшие целые колонии толстовцев [11]. С готовностью были подхвачены его пацифистские идеи. 28 июня 1904 г. английский писатель Томас Харди направил в «Таймс» (*The Times*) письмо, в котором поддержал толстовскую идею о неприятии войны. Соглашался с антивоенными взглядами Толстого и Шоу и даже сделал их частью своей философии («Common Sense about the War» / «Со здравым смыслом – о войне», 1914). Среди писателей-пацифистов, на которых повлиял Толстой, можно назвать также О. Хаксли [12. Р. 363].

Между тем в Великобритании и Ирландии не только следовали за Толстым, но и спорили с ним, и критиковали его. Некоторые, как Дж. Конрад, явно невзлюбили его [8. Р. 125]. Иные, разделяя Толстого-писателя и Толстого-мыслителя (что в определенный период было достаточно характерно для Великобритании в целом [13. Р. 13]), восторженно отзывались о его художественных произведениях и критически – о его философских трактатах. Подобным образом относились к русскому писателю Д.Г. Лоуренс [14. Р. 65, 81] и Дж. Джойс. В одном из своих стихотворений Лоуренс называет Толстого «предателем» России, который сулит ей спасение не через «Святого Духа», а с помощью христианского социализма [14. Р. 65–66]. Джойс, давая Толстому-художнику самую высокую оценку («Толстой – великолепный писатель! Они никогда не скучен, не глуп, не надоедлив, не театрален!» [15. Р. 106]), скептически относится к его религиозной философии («Я не могу отнестись к нему серьезно как к христианскому святому. Я думаю, он действительно высокодуховный человек, но говорит он на самом прекрасном русском языке с петербургским акцентом и помнит имя своего прапрадедушки <...>. Он написал письмо на тринадцать колонок в лондонский «Таймс», где критикует власть. Даже английские «либеральные» газеты отреагировали возмущением. Он не только порицает армию, но и намекает на царя, называя его «слабоумным гусаром, уступающим в уме большинству своих подданных, к тому же чрезвычайно суеверным и пошлым»» [15. Р. 106–107]).

Отнюдь не редко английских и ирландских читателей рубежа веков отталкивали от Толстого его дидактизм и категоричность суждений. Примером тому может служить не только выше процитированное письмо Джойса, но и высказывания, и некоторые об-

разы из романов Конрада [16. Р. 97], и показательное сравнение Толстого и Достоевского, представленное в предисловии к первому английскому изданию «Записок из подполья» (Хогарт, 1913): «Достоевский – не проповедник, как Толстой <...>. Толстой снимает свои картины с мольберта, поднимает высоко и указкой выделяет те детали, из которых следует извлечь определенную мораль. Достоевский, напротив, рисует картину, оставляет ее на мольберте и молча покидает комнату. Вы можете рассматривать картину, если того желаете, и можете думать о ней что угодно; она не нуждается в указке и настойчивом объяснении, как именно она должна быть понята» [17. Р. VIII].

Чтобы уяснить, какое место в этой панораме мнений и суждений о Толстом занимает Йейтс, обратимся к его произведениям, художественным (пьеса «Там, где ничего нет») и нехудожественным (письма и эссеистика).

Одно из первых упоминаний Толстого и его творчества встречается у Йейтса в письме 1888 г. В нем Йейтс называет произведения Толстого «великими и безрадостными». Толстой, в понимании ирландского поэта и драматурга, «описывает все сущее, будь оно прекрасно или уродливо, мучительно или сладостно, с одинаковой беспристрастной, безразличной безрадостностью»² [4. Р. 93]. Любопытно, что об этой особой черте Толстого Йейтс больше никогда не вспоминает.

Годом позже в письме Мод Гонн Йейтс снова возвращается к Толстому, в том контексте, который затем отзовется в пьесе «Там, где ничего нет». Говоря о второй англо-бурской войне, Йейтс заявляет, что присоединяется к взглядам Толстого на вопрос войны: «Я не англичанин и не подданный Англии, но если бы им был, то все равно держался бы позиции Толстого – преданность отечеству не должна заставлять человека желать ничего кроме победы правого дела» [18. Р. 477]. Один из редакторов издания писем Йейтса в примечании к этому письму указывает на «ошибку» писателя, который якобы неверно толкует точку зрения Толстого на войну, потому что Толстой «не делил войны на справедливые и несправедливые, но воспринимал любую войну как противоречащую христианству» [18. Р. 477]. Позволим себе уточнить этот комментарий. Действительно, в зрелые годы Толстой развил своеобразную интерпретацию христианства, основанную на пацифизме, ненасилии, непротивлении злу. Между тем до конца 1870-х гг., т.е. в то время, когда были написаны «Война и мир» и «Анна Каренина», произведения, которые Йейтс точно читал, убеждения Толстого носили несколько иной характер. Хотя русский писатель уже тогда отрицал войну как способ разрешения конфликта, не принимал гибель на войне как нечто естественное, он видел в освободительной войне проявление народной силы, «грозной и величественной» [19. С. 120; 20. С. 88; 21. С. 123]. Не исключено, что Йейтс усвоил рефлексию Толстого о войне, его апологию освободительной войны из более ранних работ писателя, чем его программная публицистика начала XX в. В скобках отметим, что схожая

трактовка дана Йейтсом и в 1900 г.: «Никакая земная власть не может оправдать тех, кто участвует в несправедливой войне» – учение, которое Толстой проповедовал снова и снова» [18. Р. 548].

Вместе с тем еще в конце века Йейтс критикует Толстого за назидательный тон его произведений. В эссе «Уильям Блейк и воображение» (*William Blake and Imagination*, 1897) Блейк рассматривается как поэт, не нашедший ориентиров в современном ему мире и потому создавший оригинальную религию искусства, которая опередила свой век. Во времена Блейка, пишет Йейтс, «образованные люди считали, что литература призвана развлекать их, а “душа творится” благодаря проповедям и совершению конкретных поступков» [22. Р. 117]. Во времена Йейтса же «сотворение души» возможно через чтение великих поэтов и писателей. Среди них – античные авторы, Шелли, Вордсворт, Гете, Бальзак, Флобер, а также Толстой, но только в тех его книгах, которые он написал, до того как «стал пророком, и разум его ослаб» [22. Р. 118].

В письме издателю газеты «Юнайтед Айришмэн» (*United Irishman*) 1901 г. Йейтс отвечает на критику «одной фразы» из его письма в «Фримэнс Джорнал» (*Freeman's Journal*): литература – это «самый громкий голос совести»³ [23. Р. 132]. В центре любого произведения, замечает Йейтс, сосредоточены моральные вопросы, постижению которых писатель уделяет «лучшие годы своей жизни» [23. Р. 132]. По Йейтсу, любые пьеса или роман неизбежно посвящены человеческим взаимоотношениям и, следовательно, проблемам нравственности. Даже лирика становится «голосом того, что метафизики называют врожденным знанием, то есть представлениями о добре и зле, ведь именно они выражают союз души и вечной красоты и истины» [23. Р. 132]. «Война и мир» и «Анна Каренина» оказываются в одном ряду с «Дон Кихотом», «Гамлетом», «Фаустом», «практически любым романом Бальзака или Флобера и любой пьесой Ибсена» [23. Р. 132], которые Йейтс предлагает перечитать оппонентам, чтобы они убедились в правдивости его тезиса об основном свойстве литературы.

С этим письмом отчасти переключается небольшая заметка «Хвалебное слово небылицам» (*The Praise of Old Wives' Tales*, 1907). В этой заметке выведена критика «обезличенной» литературы, герои которой «не следуют за нами, когда мы выходим из театра» или закрываем книгу. Йейтс указывает на причину этого явления. Героями и их поступками управляют «общество, судьба, “склонности”» [24. Р. 15], т.е. силы имперсональные. Эти же силы определяют человечность героев и ту меру, в которой она дана в произведении, и ограничивают звучание «голоса совести». По Йейтсу, гораздо более притягательны истории, напоминающие старинные поверья, «бабкины сказки»⁴ [24. Р. 15]. Для писателя привлекательность героев этих «баек» состоит в объемности, многомерности образов, их индивидуальности и достоверности. В современной драматургии к ним приближаются герои тех пьес, в которых действие направляют простые, ничем иным не подкрепленные мотивы или аффекты. Герои «обез-

личенной» литературы бледны и не запоминаются, могут существовать только в конкретном контексте. Именно таковы герои романа «Война и мир», который назван Йейтсом самым великим произведением, которое он когда-либо читал. Вместе с тем роман как бы ускользнул, растворился в его памяти, остался в ней в виде размытого пятна [24. Р. 16]. Для Йейтса, вдохновленного фольклором и героической мифологией Ирландии, герои Толстого оказались слишком «современными», ведомыми обществом или судьбой, лишены самобытности, индивидуальности.

Очевидное охлаждение Йейтса к Толстому продолжается и дальше. В статье «Луи Ламбер» (*Louis Lambert*, 1933), относящейся к заключительному периоду творческого пути ирландского писателя, Йейтс отторгает книги Достоевского, Толстого и Флобера, которыми зачитывался в юности и которые более никогда не открывал. В трактовке Йейтса «русские заставляют <...> занимать позицию в отношении той или иной точки зрения автора» [25. С. 276] (перевод Н. Бавиной, А. Нестерова. – *Е.М.*), наряду с Флобером «призывают себе в поддержку ученых и еретиков», и «читатели оказываются над их смыслами или вне их», вынуждены «судить и отвергать» [25. С. 277]. Другое дело – Бальзак, которым Йейтс восхищался до конца жизни. Он, в отличие от русских писателей и Флобера, чьи образы рассеялись в памяти после того, как книга была прочитана и помещена на полку, «оставляет нас в пестрой толпе, что заполняет ложи и галерку оперь», «которая всегда права, поскольку в ее жилах так много истории, [возвращает] к тем королям, генералам, дипломатам, прекрасным дамам, к тому юному Бианшону и к тому юному Деллену, ко всем тем обносившимся молодым художникам, что сидят на галерке» [25. С. 277]. Глубочайшее погружение в мир Бальзака и тот эффект, который он производит на сознание читателя, обусловлены вовсе не развитой системой образов (в «Войне и мире» героев не меньше, по замечанию Йейтса), но тем, что «у Бальзака тот первый набросок, который дает единство, – это та самая матрица, приспособленная им к своей надобности и к своему времени, которая определила облик Европы» [25. С. 277].

Прямо Бальзак и Толстой сопоставлены в письме, адресованном Оливии Шекспир в 1933 г. Йейтс сообщает ей об окончании работы над эссе «Луи Ламбер» и сравнивает читателей Бальзака и Толстого. Почитатели таланта французского писателя – лучшие из лучших в высшем свете, любители большой оперы и сам Йейтс. Ценители Толстого – «все зануды, ни одного грешника среди них» [4. Р. 807].

В книге «Видение» (*A Vision*, 1925, 1937), где вся история литературы и культуры нанесена на «колесо превращений», соответствует определенным фазам и «вихрям», Йейтс относит Толстого к тем писателям, которые «все еще грезят, что мир может быть преобразен, стоит им лишь категорически высказаться» [26. С. 521] (перевод К. Голубович. – *Е.М.*). Здесь звучит и критика Толстого, и критика эпохи девятого «вихря» (1650–1875), просветительского оптимизма и веры в прогресс. В противовес Толстому названы

Ницше и его учение о вечном возвращении, который «осознает, что преобразить ничего нельзя» [26. С. 521]. По Йейтсу, в конце XIX в. мир входит в новый «вихрь», новую эпоху. Если Толстой в «Войне и мире» «все еще имел предпочтения, мог спорить о той или другой вещи, верил в Провидение и не верил в Наполеона», то Флобер в «Искушении святого Антония» «не имеет уже ни веры, ни предпочтений» [26. С. 522]. Толстой становится для Йейтса выразителем художественных ориентиров ускользающих времен, для которого мир конечен, объективен, предметен и должен быть преобразован в согласии с определенным идеалом.

По творчески осмысленным воспоминаниям современников можно заключить, что Йейтс был знаком не только с религиозно-философскими работами Толстого, но и с эстетическими, в частности с эссе «Что такое искусство?» [27. Р. 73–74]. Произведения Толстого были также предметом обсуждения и, пожалуй, полемики для Йейтса и его отца, художника Джона Батлера Йейтса, явно осведомленного в эстетической программе русского писателя. В письме 1913 г. Джон Йейтс пишет сыну: «Ты заметил, что Толстой, хотя пишет прозу, все же представляется человеком поэтического склада, не стремится к обобщениям и сознательно избегает безукоризненных фраз? Он совершенно наивен в своих измышлениях и выражает их, как крестьянин, как будто крестьянин каким-то чудесным образом заговорил языком Гомера <...> Думаю, что Толстой отвернулся от образованного и культурного мира и обратился к крестьянству, потому что обнаружил в нем стремление к истине, то есть сущность поэзии. Культурным людям нет дела до нее» [28. Р. 22–23]⁵. Сама идея сопредельности простого человека и высшего знания вовсе не чужда Йейтсу: «Всякий раз, беседуя с каким-нибудь деревенским стариком, я слышал истории и поговорки, которые могло породить только воображение, способное понять Гомера <...> потому что это – древнее воображение, в котором было время улечься осадку; и я полагаю, что профессиональные литераторы и теперь могли бы позаимствовать страсть и тему, хотя вряд ли мысль, у таких рассказчиков» [29. С. 237] (перевод Е. Лавут. – Е.М.).

Неоднозначное отношение к Толстому просматривается не только в переписке и публицистике Йейтса, но и в его художественном творчестве, а именно в пьесе «Там, где ничего нет», в дальнейшем отвергнутой автором и потому не попавшей в собрания сочинений 1908 и 1934 гг.⁶ После первого издания 1903 г. она была снова напечатана лишь в 1966 г. В 1907 г. пьеса была значительно переработана Йейтсом совместно с его покровительницей и драматургом леди Августой Грегори и получила иное название – «Звездный единорог» (*Unicorn from the Stars*).

Наиболее интересно для нашего исследования издание, подготовленное К. Ворт (1987), в особенности ее вступительная статья, освещающая историю создания этой пьесы и предлагающая ее общий анализ.

Ворт прослеживает несколько линий влияния, выстраивающих интертекстуальное своеобразие пьесы. Среди них – Блейк и Спенсер, Ницше, Ибсен и, что более всего нас занимает, Толстой. В комментарии к собранию пьес 1922 г. Йейтс объясняет одну из ключевых сцен пьесы – «суд», устроенный Полом Ратледжом над членами городского магистрата, – влиянием «памфлета Толстого о Нагорной проповеди» [30. Р. 426]. Предполагая, какое именно произведение Толстого мог читать Йейтс, комментаторы чаще всего называют книгу «В чем моя вера?» (1884). Ворт справедливо замечает, что по содержанию это могла бы быть и другая книга, «Царство Божие внутри вас» (1893), во многом дублирующая и поясняющая более ранний трактат. Однако есть сомнения в том, что какая-либо из этих двух достаточно объемных книг в их полных вариантах могла бы быть названа памфлетом. Гораздо более правдоподобно, с точки зрения Ворта, что ирландский писатель читал одно из эссе Толстого, которые были переведены и изданы в 1901–1902 гг. Комментарий Ворт краток и не охватывает конкретные тексты или издания, но упоминает журнал «Толстолец» (*The Tolstoyan*), выпускавшийся с ноября 1902 г. по июнь 1903 г. Между тем журнал кажется источником невозможным, так как его первый выпуск пришелся на 30 ноября 1902 г., а пьеса Йейтса была впервые опубликована 1 ноября 1902 г. Более вероятным источником, на наш взгляд, может быть один из памфлетов (буклетов), распространяемых толстовцами в Лондоне через издательство «Фри Эйдж Пресс» (*Free Age Press*). Памфлеты представляли собой малого формата брошюры с текстами Толстого небольшого объема. Некоторые из них были позже собраны в книгу [31]. Иногда это были короткие переводные эссе, но чаще – компиляции из высказываний Толстого на ту или иную злободневную тему, взятых из его книг и писем. Многие из этих компиляций были составлены и переведены с ведома Толстого его другом, издателем и редактором В.Г. Чертковым. Поскольку известно, что в памфлете, который читал Йейтс, речь шла именно о Нагорной проповеди, поиск среди работ Толстого сузился до двух книг, которые и упоминаются исследователями. Остается, впрочем, только гадать, в полном варианте прочитал какую-либо из этих книг Йейтс или в виде листовки или памфлета.

Дискуссия вокруг религиозных взглядов Толстого и его интерпретации Нагорной проповеди развернулась в Великобритании и Ирландии в начале XX в. достаточно широко. В уже упомянутом письме Томаса Харди выражено согласие не только с толстовской идеей ненасилия, но и с трактовкой Нагорной проповеди, предложенной русским писателем. Есть в письме Харди и критические замечания – толстовство, в его понимании, «бессистемно», «бессвязно» [32]. В спор с Харди вступает Джеймс Гарвин (псевдоним – «Х.»), редактор журнала «Аутлук» (*The Outlook*), позже ставший главным редактором газеты «Обсервер» (*The Observer*). Гарвин называет толстовство «простой и связной», «бескомпромиссной» системой [33. Р. 8]. Известно также о нескольких сериях лекций священнослужителей, выбравших предметом

своего слова Нагорную проповедь в толковании Толстого [34. Р. 8; 35. Р. 9]. Несомненно, здесь упомянута лишь малая часть свидетельств полемики вокруг толстовского прочтения Нагорной проповеди. Йейтс вполне мог участвовать в этих обсуждениях или, по крайней мере, стать их очевидцем.

Так или иначе для интерпретации пьесы Йейтса в ее связи с Толстым надлежит обратиться к заинтересовавшей ирландского писателя толстовской трактовке Нагорной проповеди. В книге «В чем моя вера?» Толстой рассказывает о своем пути к вере. Христианство молодому Толстому казалось «известным настроением – очень неопределенным, из которого не вытекали ясные и обязательные правила жизни» [36. С. 307]. Такие правила Толстой отыскивал в церкви, и вместе с тем они «не приближали» к этому «христианскому настроению и, скорее, удаляли от него», потому что они не соответствовали «христианским истинам» [36. С. 308]. По Толстому, между учением Христа и учением церкви существовала непреодолимая пропасть: церковь осуждала человека и целые народы, одобряла войны и казни, что не соотносилось в учением Христа о смирении и всепрощении. Именно в Нагорной проповеди Толстой обнаружил ядро христианства, нечто такое, что смогло снять возникшее противоречие и показать, что церковь понимает учение Христа ошибочно. Именно Нагорная проповедь стала фундаментом толстовского идеала непротivления злу, ненасилия, высказанного Христом: «А я говорю: не противься злему» (Матф. 5:39). Особое столкновение у Толстого получает и тема страдания. Непротивление злу необходимо не ради страдания (Христос не призывает страдать), страдание есть лишь возможное следствие непротivления злу и любви к учению Христа.

Христианской концепции непротivления злу у Толстого протivостоит все устройство социума: государство, суды, армия – все построено на «законе, отвергнутом Христом, на законе: зуб за зуб» [36. С. 314]. Все личное и общественное благополучие и безопасность основаны на этом антихристианском принципе. По Толстому, грех оправдывается тем, что «здешний мир есть мир падший» [36. С. 443].

Созвучия пьесы Йейтса «Там, где ничего нет» и книги Толстого очевидны уже на фабульном уровне. Главный герой пьесы Пол Ратледж бежит от прежней безбедной и все же затхлои и пустой жизни, в которой он чувствует себя чужаком, ради жизни новой – простой и опасной, полной странствий и скитаний, духовных смыслов и религиозных прозрений. Духовные поиски Пола смыкаются и с поисками Толстого, о которых он говорит в своей книге, и с поисками самого Йейтса. «...но я даже не уверен в том, что я христианин» [37. Р. 28], – заявляет Пол. То же мог бы повторить и Йейтс, безусловно, теист, стремившийся синтезировать близкие ему религии (в том числе христианскую), учения и практики. «35 лет я прожил нигилистом <...> в смысле отсутствия всякой веры. Пять лет тому назад я поверил в учение Христа...» [36. С. 304], – читаем у Толстого. Многие в пьесе перекликается с толстовской идеей непротivления злу,

носителем которой становится Пол Ратледж. Он – чужак среди, выражаясь словами Толстого, «мучеников мира» [36. С. 423]. Гости брата Пола, члены городского магистрата, рассуждают о том, что Полу неплохо было бы примкнуть к какой-нибудь группе людей, объединенных одним делом, одной целью. Например, к масонской ложе, армии (в которой, как мы узнаем, он никогда не служил) или садоводческому обществу. Эта рекомендация воплощена иронически: Пол присоединяется к барахольщикам.

Свой поступок он объясняет так: «<...> они не подчиняются закону. Именно это привлекает меня. Я собираюсь стать безответственным» [37. Р. 44]. Умозаключения Пола сближаются с мыслью Толстого, который в своей книге различает «закон Божий» и «закон человеческий» [36. С. 318]. «Закон Христа, с его учением любви, смирения, самоотвержения» [36. С. 318] оказывается гонимым, потому что вступает в противоречие с законом человеческим, одобряющим принцип «око за око». Пол отказывается, таким образом, от закона человеческого и отправляется на поиски нового, божественного, закона.

Эта пьеса Йейтса, как и многие его другие произведения, представляет собой интерпретацию древнего сюжета о Вечном жиде, вечном страннике, ожидающем Второго пришествия Христа. Пол, сомневающийся в своей вере, ищет встречи с Богом и мечтает сотворить мир новый, преображенный. Пол напрямую сообщает о странствии как духовном перерождении: «Дороги – то единственное, что бесконечно. Всем им нет конца. <...> Я встал на путь обновления души» [37. Р. 46].

Не только от закона человеческого бежит Пол, но и от своего несчастья в прежней жизни. Он говорит, обращаясь к жене брата: «Поймешь ли ты когда-нибудь, Джорджина, что человек устаёт от всех этих прелестных вещей?» [37. Р. 47–48]. Эти слова Пола – отзвук идей Толстого о «мучениках мира», о несчастных, стянувшихся в город, чтобы обрести богатство, т.е. ложное счастье, проповедуемое учением мира. Между тем честолюбие, главную благодетель, согласно учению мира, невозможно насытить, оно истощает личность, не отпускает ее до самой смерти.

По Толстому, необходима другая жизнь, «при которой не нарушена связь человека с природой, то есть жизнь под открытым небом, при свете солнца, при свежем воздухе; общение с землей, растениями, животными» [36. С. 418]. Важнейшее условие этой иной жизни – «любимый и свободный» [36. С. 419] труд, труд физический. Именно о такой жизни мечтает Пол: «Я надеюсь скоро жить трудами рук своих, но любое дело требует выучки, и я должен с чего-то начать» [37. Р. 50].

Пол переодевается в лохмотья, отдав бедняку свой богатый костюм. Это действие – символ единения с простым народом, знак эволюции в «человека мира». Переодевание Пола словно смыкает пространственно-темпоральную принадлежность героя: он претворяется в «попрошайку всех времен», и кажется, что о нем «Гомер что-то писал» [37. Р. 48]. Пол как бы возвращается в первозданное состояние, к нулевой отметке,

с которой начнется новый отсчет жизни. Примкнув к барахольщикам, Пол спрашивает одного из них, почему их все ненавидят, и получает ответ: «Мы не такие, как они. Они нас мало заботят, как и мы их» [37. Р. 63]. В сущности, здесь речь идет о той же разобщенности народа, на которую указывает Толстой в своей книге. Пол становится связующим звеном между двумя противоположностями, попадает в сердцевину неразрешимого дуализма.

Пола обвиняют в том, что он хочет вернуться в «темные века» [37. Р. 50]. Пол соглашается с этим обвинением и заявляет, что наука принесла миру лишь горести и страдания. Самое главное – цивилизация греховна: «Я среди тех, кто думает, что грех и смерть пришли в мир в тот день, когда Ньютон съел яблоко» [37. Р. 51]. Слова Пола перекликаются с толстовской критикой цивилизации и прогресса. Цивилизация и наука ставятся русским писателем в один ряд с государством, церковью и культурой – всем тем, что требуется перестроить в соответствии с законом Бога [36. С. 441]. Таков и Пол, сын грешного мира, отказывающийся от него ради абсолютного обновления души, правда, что принципиально важно, не христианского или не вполне христианского.

Когда Пол намеревается жениться на одной из барахольщиц, священник, отец Джером, от лица церкви порицает этот союз. Пол же не собирается венчаться, потому что «существует не менее древняя церемония» [37. Р. 83–84], чем венчание. В день свадьбы Пол велит напоить всю округу на все оставшиеся у него деньги, превращая свадебный обряд в вакханалию. Здесь совершенно очевидно влияние Ницше с его культом дионисийства, вольной жизни, противоположной аполлоническому началу, олициетворяемому церковью. В этой пьесе удивительным образом соприкасаются нищестанство и толстовство – в воссоединении человека с человеком и природой, в свободе от оков общественного устройства и в важности проживания нынешнего момента, жизни здесь и сейчас.

Наиболее тесное сближение с Толстым возникает в полемике Пола и членов городского магистрата, которые явились, чтобы устыдить героя, требовать прекращения пира и возвращения закона и порядка. Устами Пола высказаны идеи русского писателя: «...разве церковь не утверждает, разве она не описывает царствие небесное как место, где святые и ангелы лишь поют песни и бродят, держась за руки. Это должно измениться. Мы должны научить бедных мысли о том, что работа священна и необходима для жизни в раю <...> показать царствие небесное таким, каким оно должно быть, святых с лопатами и молотками, всех в труде» [37. Р. 108–109]. В речах Пола слышен отзвук толстовской критики богословской концепции о неизбывной греховности человека, неисполнимости учения Христа, невозможности истинной жизни на земле. По Толстому, действительная земная жизнь совершенно не справедливо противопоставлена традиционным богословием некоему идеальному состоянию личности, ее состоянию до изгнания из рая: «То, что, по этому учению, называется истинною жизнью, есть жизнь личная, блаженная, безгрешная и

вечная, то есть такая, какую никто никогда не знал и которой нет. Жизнь же та, которая есть <...> по этому учению, жизнь падшая, дурная, есть только образчик той хорошей жизни, которая нам следует» [36. С. 375]. Критика сущности этого образчика, этой идеальной жизни оказывается связанной в том числе с трудом: «Блаженство человека состояло в пользовании благом жизни без труда» [36. С. 374].

Полушутливое-полусерьезное предложение Пола вызывает бурную реакцию членов городского магистрата. Они обвиняют его в том, что он «порвал отношения и с церковью, и с обществом» [37. Р. 109]. Здесь можно усмотреть отсылку к Толстому, который был отлучен от церкви за свои религиозные убеждения решением Святейшего правительствующего синода в 1901 г. К моменту написания пьесы «Там, где ничего нет» весть об этом событии успела разлететься по всему миру, и интересовавшийся Толстым Йейтс наверняка знал о постановлении синода.

Полемика героев пьесы Йейтса трансформируется в псевдосуд, который устраивают барахольщики из «древнего царства странников» [37. Р. 111] во главе с Полом Ратледжом. Предметом «судебного» разбирательства выступает «христианская жизнь» [37. Р. 114] членов городского магистрата. Полковник с «говорящей» фамилией Лоули (Lawley) обнаруживает себя первым «подсудимым». Пол цитирует Нагорную проповедь, упоминая «старое изречение – подставь другую щеку, изречение настолько невероятное, что ни у кого не выходит из головы» [37. Р. 115]. Очевидна и здесь аллюзия на Толстого, а именно на его слова о мнимой невыполнимости завета Христа о ненасилии и непротавлении злу, данного в Нагорной проповеди. В своем обращении к полковнику Пол заявляет о несоотнесенности профессии Лоули с учением Христа. Между тем очевидны в эпизоде «шутовского» суда и современный Йейтсу социально-исторический контекст, и критика королевы Виктории и католической церкви, которым подчиняется полковник Лоули, отправлявший солдат на «несправедливую войну» [37. Р. 116].

Когда члены городского магистрата отказываются отвечать на вопросы Пола, он велит барахольщикам забрать пальто «подсудимых». Они возмущаются, и Пол напоминает им об изречении Христа из Нагорной проповеди: «<...> и если кто хочет отсудить у тебя рубаху, отдай ему и плащ <...>» [37. Р. 119]. Пол выносит «подсудимым» «приговор»: все они виновны в нарушении закона Божьего, потому что они не возлюбили врагов своих, не отдают все, что у них попросят, «копят себе сокровища на земле» [37. Р. 120]. Вместе с тем наиболее тяжелая вина лежит на мистере Грине, судье, который нарушает закон Христа не ради удовольствия, как остальные, но ради приумножения собственного богатства. Завершая речь, Пол сообщает, что в Нагорной проповеди «больше брожения, чем в его пивных бочонках», и Христос «задумал ее в легкомыслии своего всеислия» [37. Р. 122], снова сближая Христа и Диониса.

Хотя членам магистрата вынесен «приговор», наказания не следует – Пол заявляет, что может нака-

зять лишь себя самого. Этот псевдосуд оказывается точкой, в которой Пол окончательно порывает все связи со старой жизнью. Вынуждены покинуть Пола и барахольщики – больного, его оставляют у дверей монастыря. Символически этот эпизод знаменует переход на новый этап духовного перерождения героя, отказ от мира вещей и погружение в трансцендентное. Об этом сообщает он сам: «Матушке-земле я не достанусь, я отправляюсь на поиски отца небесного» [37. Р. 130].

Любопытно, что между первой и второй сценами четвертого акта, между тем, как барахольщики оставляют Пола на ступенях монастыря, и тем, как монахи наблюдают его в состоянии транса, проходит довольно много времени, и путь героя от больного нищего до «брата Пола» в пьесе не показан. Пол будто бы сразу попадает наверх монастырской иерархии, как до этого он моментально стал вожаком в группе барахольщиков. Он проходит путь от мира, где правит человеческий закон (город), через промежуточный мир барахольщиков, беззаконный и свободный от вековых устоев, к миру, который живет по закону Христа (монастырь). Во всех этих мирах Пол способен снискать всеобщее уважение и почитание, и вместе с тем, подобно Бранду или Заратустре, стремится все выше и выше, к неведомым вершинам.

В монастыре Пол продвигается дальше по стезе духовного совершенствования. В результате метаморфоз, переживаемых Полом, он отклоняется от конвенционального христианства и устава монастыря. Пол, словно шаман, впадает в транс, сосредоточиваясь на одной мысли или идее, что должно позволить ему достичь истины. После пробуждения он возвещает о своих видениях – о зверях, тварях, которые топтали и терзали его, о белых ангелах верхом на единорогах, разогнавших тьму. Ангелы призывали Пола к проповеди. Видения и проповеди Пола восприняты отцом Джеромом, старым другом Пола, и настоятелем как явление опасное, «противоестественное» [37. Р. 150]. На критику отца Джерома Пол отвечает, что «необходима религия настолько сверхъестественная, противопоставленная естественному порядку вещей, что мир никогда не овладеет ею» [37. Р. 150]. Здесь Йейтс расходится с Толстым и обнажает символистское видение глубинного кризиса христианской цивилизации и стремление его преодолеть, открыть новые горизонты бытия.

В очередной раз вокруг Пола собираются монахи, чтобы услышать его проповедь. Пол повествует о грехопадении человека. В своем первоначальном, природном состоянии он горевал, смеялся и ненавидел тогда, когда ему приказывало сердце. Порой он все же вредил другому, живя по «радостной воле божьей» [37. Р. 156], и потому человек решил, что лучше жить в безопасности, чем в благодати, и создал законы. Создание законов и стало первым грехом человечества. В момент, когда были написаны законы, человек стал смертным. Когда он решил, что лучше жить в удобстве, а не в благодати, были построены города. Когда он перестал считать всю землю священной и заложил стены вокруг маленького кусочка земли и

сказал, что лишь он священен, и назвал его церковью, он пошел против воли Бога. Пол декларирует необходимость отмены законов, упразднения городов и церкви ради воцарения закона Божьего на земле.

Во многом проповедь Пола созвучна толстовству: и в различении закона человеческого и закона божественного, и в отношении к городу («гнилому» городу, по Толстому [36. С. 422]), в котором человек чуждается «простой» жизни и закона Христа и живет по «учению мира». Особенно явная параллель – в восприятии церкви как явления, отделяющего и отдаляющего человека от Бога. И у Толстого, и у Йейтса само существование церкви делает мир, находящийся за ее пределами, не божественным, безблагодатным.

Вместе с тем проповедь Пола завершается словами, совсем с текстами Толстого не схожими. Пол призывает отказаться от всего, что не соответствует «неизмеримой жизни вечной» [37. Р. 162], стать глухими, слепыми и пьяными, избавиться от надежды, памяти, «света солнца и луны» [37. Р. 162–163] и от самого мира – то есть всего того, что исчислимо и подчиняется закону человеческому. Когда мир будет разрушен до основания, когда он будет превращен в ничто, тогда явится Бог («Там, где ничего нет, есть Бог» [37. Р. 163]).

Когда настоятель монастыря объявляет Пола еретиком и изгоняет его, Пол отвечает ему: «Делай что угодно со мной, но ты не можешь заглушить мои мысли. Они вложены в уста мои Иисусом Христом, создателем грозной отрады, от которой падут государства и весь установленный миропорядок» [37. Р. 163–164]. Образ «грозной отрады» («terrible joy») – предвестник «грозной красоты» («terrible beauty» [38]) из знаменитого стихотворения «Пасха, 1916» («Easter, 1916») и веселого трагика из стихотворения «Ляпислазурь» («Lapis Lazuli», 1938). Все эти образы – образы идеала, дуального, двойственного по своей природе. Они – символы мира, в котором «все разрушается и создается вновь, / И те, кто создает, веселы» [39. Р. 566]. Творцом вечно умирающего и рождающегося мира в пьесе Йейтса оборачивается Бог, созидатель и уничтожающий, влекущий «обреченное сгореть дотла сердце» Пола «ледяными руками» [37. Р. 166] по особому пути. В стихотворениях Йейтса таким творцом оказывается некая неизвестная сила, ассоциирующаяся и с религиозным началом, и с поэтическим.

Пол Ратледж переходит на следующий этап обновления души. Он покидает монастырь и вместе с ним – несколько братьев, несмотря на то что Пол просит их остаться, ведь они не готовы жить, как он, отказавшись от человеческого закона. Действительно, в их сознании существует лишь картина старого мира, основанного на деньгах, собственности, законах, армии и церкви. Пол заявляет, что ему нечего предложить своей пастве, его сума пуста. В этой пустоте и есть Бог. Пол готов к финальной фазе метаморфоз – смерти, которую он называет «совершенной радостью» [37. Р. 203]. Смерть для Пола – момент, когда «душа обретает себя и возвращается к радости, которая ее породила» [37. Р. 203]. Так завершается круг превращений, перевоплощений героя, и он возвращается в точку отсчета бытия преображенным.

История Пола соотносится с йейтсовскими идеями борьбы противоположностей, а также цикличности бытия, выведенными в книге «Видение». От одной противоположности (противостоящий идеалу мир действительности / закон человеческий) Пол переходит к другой (мир данного в откровении идеала / закон Божий), сама же трансформация представляет собой цикл. На цикличность процесса указывает отсылка к мифу а умирающем и воскресающем боге Дионисе в ницшеанской трактовке. Кроме смерти Пола на этот миф намекает множество деталей и эпизодов в пьесе (опьянение как бунт против закона и порядка и путь к откровению, особая роль растений и природного мира в видениях Пола, горящее сердце, дионисийский смех).

Здесь же можно вспомнить и об Орфее и орфизме и обнаружить у пьесы Йейтса еще одно измерение. Допустимо воспринимать историю Пола Ратледжа как своеобразную интерпретацию темы поэта и толпы. В таком толковании Пол – поэт, стремящийся свести разрозненные элементы бытия воедино (отсюда способ медитации Пола – сосредоточение на одной мысли), достичь идеала через освобождение от оков действительности, вещественного мира, и выразить абсолют в своем слове (проповеди). Утверждают нас в этом мнении и «откровения», и «видения» Йейтса, которые, по его собственным свидетельствам, являлись для него значимым источником вдохновения. Для Йейтса был важен опыт обращения к миру «по ту сторону», «общения» с ним. Этот опыт был достаточно эклектичным, включал в себя и христианство, и многочисленные оккультные практики, и восточные религии.

Образы «темных времен», тьмы, пустоты приобретают важную символическую функцию в пьесе и поясняют ее название. Пол декларирует стремление к «тьме» и называет его причину: «Тьма, где ничего нет, что было бы чем-то, и нет никого, кто был бы кем-то; там можно быть свободным, где ничего нет» [37. Р. 65]. С одной стороны, тьма здесь – традиционный образ отвержения христианского Бога, сомнения, незнания. В Библии тьма связана с Сатаной, воспринимается как место мук и страданий человека, покинувшего царство света. Вместе с тем тьма, накрывшая мир во время распятия Иисуса Христа, олицетворяет страдания во искупление греха. Во тьме одиночества происходит искупление греха, метаморфоза души, некое качественное изменение. Думается, Йейтса привлекала многогранность этого образа в его христианской трактовке. Его противоречивый символизм синтезируется в йейтсовской тьме, «где ничего нет», ни богов старых, ни богов молодых.

В споре со священником Джеромом Пол напоминает ему, что «напал на след дикого зверя» [37. Р. 84], и потому ему нет смысла читать проповедь, нести слово Христа, ведь оно не для него, он ему не внемлет. «Дикий зверь» («wild beast») – предвестник «грубого зверя» («rough beast» [40. Р. 402]) из знаменитого стихотворения Йейтса «Второе пришествие» («The Second Coming», 1919). Мир, ожидающий второго пришествия Христа, обманут. Вместо него на берег

жизни выбирается кошмарное чудовище – Антихрист, лик перевернутого миропорядка. Целостность бытия, основанная на христианском миропонимании, распадается («the center cannot hold» [40. Р. 402]). Этот образ – откровение (данное не Богом, но поэтическим космосом), вестник тех тектонических исторических и социокультурных сдвигов, которые потрясли мир в первой половине XX в.

Этот же поэтический текст позволяет уяснить значение тьмы, влекущей Пола Ратледжа. Тьма в этом стихотворении – состояние особой пустоты, которое делает возможным пророческое озарение. Пред внутренним взором поэта предстает «грубый зверь», и тьма снова застилает зрение («the darkness drops again» [40. Р. 402]). В тьму, «каменный сон» («stony sleep» [40. Р. 402]) погружается и христианство. Из тьмы выходит нечто, завершающее цикл истории, ассоциированный с христианством, и знаменующее зарево новой эпохи, рождение новых богов.

Прозрачным в пьесе кажется намек на противопоставление «аскета и зверя» [26. С. 512], верха и низа, святого и падшего, составляющее главную антитезу эпохи первого тысячелетия христианства, согласно йейтсовскому «Видению». Между тем это противопоставление иронически переинтерпретируется Йейтсом: Пол Ратледж – вовсе не христианский пророк и мученик, как может показаться на первый взгляд, но провозвестник некой новой, «перевернутой» религии.

Мир внимает его проповедям, но не способен их понять и воспринять, и в связи с этим в финале пьесы возникает еще одна отсылка к Толстому. Пола убивают крестьяне, т.е. те, кто для Толстого является опорой его учения, основой его идеала простой жизни, согласной с природой, облагораживающей силы физического труда. Именно они отвергают учение Пола, в котором немало от толстовства, хотя и осмысленного свойственным Йейтсу образом – через синтез множества идей и верований.

Толстовство и христианство (с ницшеанским «оттенком») сопрягаются у Йейтса со многими другими его интересами. Ко времени написания «Там, где ничего нет» Йейтс стал заметным членом герметического ордена «Золотой зари». Его опыт участия в закрытой оккультной организации несомненно преломился в пьесе. Ворт отмечает, что в начале 1900-х гг. Йейтс оказался в сердцевине идеологического конфликта внутри Ордена, что привело к его распаду в 1903 г. [7. Р. 13]. Схожий эпизод разворачивается в четвертом акте пьесы, когда Пола изгоняют из монастыря.

Монастырь и Орден – прибежище души, ищущей «мистической истины» [7. Р. 13]. Медитация, транс, видения, подобные переживаемым Полом, были частью йейтсовских эстетико-эзотерических практик. Писатель воспринимал путь к истине как индивидуальный, подразумевающий личностное прозрение: «Если мудрость и существует, то только в чьем-то одиноком сознании, ничем нам не обязанным, беседующим лишь с Богом, не уступающем ни страху, ни милости» [41. Р. 173]. Между тем Йейтсу было внутренне присуще желание делиться своими озарениями с миром и мечтать о его преображении – через твор-

чество и сообщество единомышленников. Таков и Пол Ратледж, в устремлении к абсолюту не забывающий о своей миссии – распространении нового слова.

Многомерно и литературное воздействие, оказанное на пьесу «Там, где ничего нет». Исследователи усматривают влияние Эдмунда Спенсера и его «Королевы фей» (*The Faerie Queene*, 1590) в образе «зверя», на которого «ведет охоту» Пол. Сходство – и в визуальной составляющей, и в сюжетной (правда, для Пола победа над зверем остается не более чем мечтой). Отмечаются в критических работах об этой пьесе Йейтса и переключки с Уильямом Блейком – в апокалиптических мотивах (которые напоминают и о современных Йейтсу анархических идеях, в частности П.А. Кропоткина, которому Йейтс отправил приглашение на премьеру спектакля [42. С. 100]) и «революционном мистицизме» [7. Р. 19]). Неоспоримо и, пожалуй, особенно очевидно влияние Ницше и Ибсена на эту пьесу, о котором также было сказано немало [7; 43. Р. 154]. Были обнаружены в тексте Йейтса и дантовские мотивы – в самом названии пьесы содержится отсылка к представлению Данте о том, что Бог находится в некой пустоте за девятой, и последней, из небесных сфер, составляющих вселенную [44. Р. 329–330]. Эта аллюзия более примечательна в рассказе Йейтса «Там, где ничего нет, есть Бог» (*Where There is Nothing, There is God*, 1896), чьи сюжет и образы предвосхищают практически одноименную пьесу. В скитальце Энгусе угадывается Пол Ратледж, в общине, куда скиталец попадает, – монастырь из пьесы.

Почти все эти созвучия, в том числе с Толстым, были замечены первыми критиками пьесы. 28 июня 1904 г. в «Вестминстер Газет» (*The Westminster Gazette*) вышла заметка театрального критика Эдварда Спенса, писавшего под псевдонимом «E.F.S.», о «новой пьесе мистера Йейтса» (*Mr. Yeats's New Play*) [45. Р. 4]. Любопытно, что критик видит самое неудачное место именно в третьем акте, то есть в сцене псевдосуда, где толстовские мотивы заявляют о себе наиболее громко. Решение «оставить» этот акт объясняется в заметке желанием Йейтса «эпатировать буржуа», потому что в ином случае этот эпизод можно было бы и вовсе опустить без всяких потерь. Спенс определяет параллель с Толстым в пьесе: «Он [Йейтс] перетолстовил Толстого в его взглядах и <...> проповедует что-то вроде нигилизма в религии» [45. Р. 4]. Нигилизм этот заключен в отвержении всего того, что «отличает нас от зверей» [45. Р. 4]. В интерпретации Спенса Йейтс напрасно не вводит в действие «умного собеседника», способного обсуждать «теории Толстого» [45. Р. 4] с Полом Ратледжем. Так автор пьесы мог бы показать, как следует воспринимать героя – как человека разумного или же одержимого манией. Отзыв Спенса трудно назвать лестным: отчасти он отдает должное стилю Йейтса, чем-то напоминающему Метерлинка, считает занятной «карикатуру» на Ибсена в первом акте, но в целом полагает пьесу «странной», «непонятной», «нудной», «раздражающей», а третий акт – «банальностью» [45. Р. 4].

Вторая рецензия того же автора появилась в журнале «Скетч» (*The Sketch*) 6 июля 1904 г. Интересна

она очень кратким пересказом речи, произнесенной Йейтсом после завершения первого поставленного по пьесе спектакля. На вопрос из зрительного зала об основной морали пьесы Йейтс ответил, что «Ирландия богата на святых покровителей, но нет такого, какой покровительствовал бы духу озорства» [46. Р. 412]. Высказывание писателя заставляет автора заметки подумывать, что «чуждачество» [46. Р. 412] главного героя вызвано его манией разрушения социальных и религиозных устоев.

Рассуждение Йейтса о «духе озорства», эпизоды псевдосуда и смерти героя от рук крестьян позволяют нам увидеть в Поле Ратледже очередной вариант йейтсовского образа шута⁷. Следует заметить, что образ главного героя пьесы – не просто пародия на Толстого или некий собирательный образ безумного пророка. Этот образ – не только способ дать критическую оценку какому-либо явлению. Шуты и безумцы у Йейтса – носители особого, профетического, мировосприятия. Их шутовство и безумие оборачиваются тайным знанием, визионерской мудростью. Например, Безумная Джейн (*Crazy Jane*) встречается на своем пути различных выразителей конвенциональной мудрости и противопоставляет ей свой собственный идеал, синтезирующий высокое и низкое, душу и тело, силу и слабость. Подобен Джейн и Пол Ратледж, чья фигура соединяет в себе комическое и трагическое, истинное и ложное, христианское и антихристианское, созидательное и разрушительное начала.

Шут у Йейтса – это темная, тайная сторона вещей, тень, которую они отбрасывают. С шутком неизбежно ассоциируется смех – этот образ пробуждается в пьесе в связи с «диким зверем» и приравнивается ему: «Мой дикий зверь – Смех, самый могущественный из противников Бога» [37. Р. 82]. Именно смех становится тем, то требуется «поймать и приручить» [37. Р. 82]. По-нищешански смех воспринимается как сила, разрушающая основы старого миропорядка – закон, церковь и город.

Рецепция творчества Толстого обращает на себя внимание как в критике Йейтса, так и в его драматургии. Замечания ирландского писателя демонстрируют изменения, произошедшие в его рецепции произведений Толстого. Поначалу отзывы Йейтса в основном положительны или нейтральны. Особенно он выделяет отношение Толстого к войне и соглашается с недопустимостью «несправедливой» войны. Пацифизм русского писателя наложил на националистские взгляды Йейтса, полагавшего себя сторонником движения за автономию Ирландии – так называемого гомруля (англ. Home Rule), и в то же время далекого от радикальных, революционных воззрений. Ирландия, в его представлении, должна прийти к государственной самостоятельности мирным путем, а не в результате гражданской войны. Эти взгляды нашли выражение в стихотворении «Пасха, 1916», где зачинщикам восстания, с которыми Йейтс был знаком лично, дана очень неоднозначная характеристика – поэт сочувствует их целям, но не методам⁸.

В начале XX в. Йейтс начинает оценивать русского писателя все более скептически, указывая на дидактизм его позднего творчества. Если в 1901 г. Йейтс еще причисляет Толстого к сонму великих, ставит его в один ряд с Бальзаком, то в 1907 г. роман «Война и мир» оказывается отнесенным к «обезличенной литературе», не задерживающейся в памяти. К 1933 г. мнение Йейтса не поменялось: он сравнивает эффект от чтения Бальзака и Толстого не в пользу последнего. В этой же статье, «Луи Ламбер», Йейтс снова отмечает дидактизм Толстого, его категоричность, стремление навязать определенное суждение. Это представление он экстраполирует и на читателей Толстого, «зануд» и «святош». Иными словами, Йейтс не видит замеченной многими его современниками особой «жизненности» произведений Толстого, его особого таланта писателя-реалиста. Бальзак как великий реалист ставится ирландцем выше Толстого. Возможно, дело здесь в том, что считавший себя «последним романтиком» Йейтс настроенно относился ко всему новому – слово «современный» довольно долго оставалось для него едва ли не ругательным. Над его консервативными литературными вкусами (и в какой-то мере поэтическими практиками) посмеивались его младшие современники, Э. Паунд и Т.С. Элиот [48]. Творчество Толстого казалось в Великобритании начала XX в. явлением новым, уникальным и ни на что не похожим [10. С. 11], его репутация находилась в процессе формирования, в то время как Бальзак давно получил повсеместное признание. В конце концов французская культура была значительно ближе и понятнее ирландскому поэту, чем далекая Россия, о литературе которой до рубежа XIX–XX вв. в Европе было мало что известно.

Между тем критика Йейтса обычно направлена не столько конкретно на Толстого, сколько на Толстого в числе многих других писателей, которым присуще то или иное качество, которое Йейтсу претит. В 1920–1930-е гг. он парадоксальным образом распознает в Толстом, современном писателе, зачинателе нового христианства, принадлежность уходящему времени, эпохе, которая верила в лучший мир, в его целостность, закрепленную в творческом слове. Неслучайно Толстой сопоставлен с Флобером и Ницше и противопоставлен им, творцам переходной поры, отказавшимся от повествовательного всеведения, декларировавшим созвучные Йейтсу ощущения изменчивости бытия, «конца века», отживания старых богов и предвосхищения рождения богов новых.

Пьеса «Там, где ничего нет» была написана, по всей видимости, в период критического осмысления Йейтсом творчества Толстого. В этой пьесе заявила о себе йейтсовская рецепция пацифистских идей русского писателя. Вопрос о том, насколько точно Йейтс их интерпретировал, остается открытым. Нельзя исключать, что Йейтс, намеренно или нет, присоединился к взглядам «раннего» Толстого, допускавшим «благородную» освободительную войну, и в сознании ирландского писателя они наслоились на более позднюю публицистику Толстого.

Толстовство как учение, вошедшее в резонанс с творческой философией Йейтса, сомкнулось в его пьесе с иными мировоззренческими системами, в том числе оккультными. Наиболее значимая и приметная из них – ницшеанство. Христос, которому служит Пол Ратледж, больше схож с Дионисом, чем с конвенциональным образом Христа. Видения, данные Полу, требующие от него разрушить мир церкви, закона и порядка, перекликаются с мыслями, высказанными Ницше в «Веселой науке» (*Die fröhliche Wissenschaft*, 1881). По Ницше, христианство как живительный источник веры и бытия иссякло, и виной тому – институт церкви. Иссякнув, христианство обернулось системой власти, бесосновательно указывающей и запрещающей. Именно поэтому власть и церковь должны быть уничтожены. В какой-то мере сопредельна деструктивным идеям Ницше и философия Толстого – в критике церкви и власти.

Сопоставление Толстого и Ницше еще не стало общим местом к началу XX в. в Великобритании, хотя попытки их сближения предпринимались исследователями в 1900 г. [49]. Вопрос одномоментного влияния Толстого и Ницше на произведения английских писателей никогда не ставился, хотя, безусловно, такое влияние имело место (например, в романе Д.Г. Лоуренса «Влюбленные женщины»⁹). В.С. Соловьев называет ницшеанство и толстовство (наряду с марксизмом) главными идеологиями начала XX в. в России [53. С. 627], поэтому неудивительно их пересечение и сплавление у символистов. Как и Йейтс, русские символисты почувствовали, что идеи Толстого близки протесту Ницше против христианства как «религии смерти».

В 1900–1902 гг. выходит книга Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», в которой главной точкой соприкосновения между Толстым и Ницше названо «понимание учения Христова как буддийского нигилизма, как воли к уничтожению, к небытию», а сами мыслители охарактеризованы как «поразительно противоположные в своем подобии и согласии» [54. С. 353]. Схожая интерпретация заявляет о себе и в пьесе Йейтса в образе аскета Пола Ратледжа, отрицающего христианство в традиционном понимании и земную жизнь как прелесть. Общность и противоположность Толстого и Ницше, подмеченная Мережковским, очевидна и у Йейтса. Вполне возможно, что ирландский писатель синтезировал идеи и образы, идущие от Толстого и Ницше, осознанно – в стремлении воплотить в своей пьесе воспринятый от Блейка идеал «единства противоположностей» – диалектического единства мировоззрений двух философов, в понимании Йейтса принципиально антагонистичных («Видение»).

Неприятие определенных аспектов творчества Толстого – не прерогатива иностранцев, полемизировали с ним и русские модернисты, его младшие современники. Часто характер этой полемики схож с тем, за что Толстого критиковали в Великобритании и Ирландии. Многие русские символисты отвергали Толстого-проповедника. Вяч. Иванов осторожно критиковал толстовскую доктрину: «...едва ли одно из

его учительных положений принимается в наши дни или будет принято впоследствии значительным числом людей. <...> Толстой не был переоценщиком ценностей, – его попытки переоценок были бесплодны, и не действенны его правила» [55. С. 90]. А Белый начинает свою знаменитую статью о Толстом с рассуждения об общепринятом в России противопоставлении Толстого-художника и Толстого-проповедника: «Одни утверждают, что Лев Толстой – гениальный художник; по их мнению, проповедь его последних десятилетий принесла одни только печальные плоды. А другие утверждают как раз обратное: в умении жертвовать своим художественным гением во имя религиозной правды – всемирно-историческое значение личности Льва Толстого» [56. С. 142]. Как и за рубежом, соотечественники русского писателя опознавали в его учении нечто чуждое христианству, а образ самого Толстого конструировался как остро противоречивый: «...или антихрист он, или он новый герой» [56. С. 144]; «<...> одни Толстого формируют, делая из него чуть не ангела-хранителя России, потеряв которого она пала; другие, напротив, считают его предшественником большевиков (!), у третьих же, старающихся говорить о нем вне времени и пространства, просто не выходит ничего» [57. С. 422]. Даже те из символистов, кто относился к Толстому в целом с большим почтением, как, например, З. Гиппиус и В. Брюсов (очерк «На похоронах Толстого»), критикуют некоторые стороны его деятельности, в частности его «фрондерство», и даже оценивают его творчество как «второй сорт» [58. С. 11]. Н.А. Богомолов, анализируя дневниковые записи и письма Вяч. Иванова, обнаруживает противоречивые отзывы о Толстом – с одной стороны, он восхваляется как «выразитель русского духа», с другой – порицается как сам себя обманувший проповедник ложной религии и именуется «великим самодуром земли Русской» [58. С. 11–18]. Здесь обращает на себя внимание та же непоследовательность оценок, которую мы наблюдаем у Йейтса.

Крайне любопытен и, как кажется, приложим не только к русским символистам, но и к ирландскому символисту Йейтсу, и к ранней европейской рецепции Толстого в целом вывод, к которому приходит исследователь: «Для многих символистов Лев Толстой существует в двух планах: с одной стороны – общепризнанный классик, а с другой – современник, к которому можно и должно предъявить довольно жесткие претензии» [58. С. 21]. Толстой говорил о насущном, актуальном, злободневном – и при этом был категоричен, радикален в своих взглядах и суждениях, что не могло не провоцировать противодействие. Йейтс, как и многие критики Толстого на рубеже веков, разделяет Толстого-писателя и Толстого-мыслителя. Гений первого он признает, хотя и ставит его ниже Бальзака, а тон философских и религиозных трудов русского писателя кажется ему слишком дидактиче-

ским, навязчивым, что вполне понятно – сам Йейтс никогда не был ярким христианином или последовательным приверженцем какого-либо верования. В своих духовных поисках он стремился объединить самые разные мировые религии и оккультные практики и через их синтез – создать новую философскую систему (см. книгу «Видение»).

Очевидна в пьесе ирландского писателя и насмешка над Толстым: пророк, который должен приблизить человечество к земле, жизни крестьян, простых людей, оказывается ими совсем не понят и в итоге убит. Между тем это и «высокий» образ – образ Орфея/Диониса, растерзанного за его прекрасное пение. Здесь – свойственное Йейтсу (и «концу века» в принципе) представление о «варварстве» современного человека, не способного уяснить ценность искусства, данного через откровение, и оценить особое видение писателя или поэта, которого «в миру» воспринимают как шута или безумца. Йейтсом утверждается элитарность искусства, его профетизм, оборачивающиеся отверженностью и обреченностью писателя на вечные скитания или мученическую смерть. «Программа» Пола символизирует отказ от прежних ориентиров и границ творчества и миропонимания. В виде «озорства» Пола, «смеха», пьянства, деструктивных идей, парадоксально сочетающихся с «непротивлением злу насилеи», в пьесе явлен протест против отжившего, обветшалого, затхлого мироустройства, более не имеющего под собой никаких опор.

Этот протест, облеченный в толстовские и ницшеанские одежды, маркирует переход от романтического увлечения ирландским фольклором, мистической «розой алхимии», романтизмом и ренессансной культурой к осмыслению современности – кризиса христианства, надвигающихся войн, социально-политических катастроф и вместе с тем поисков новых оснований бытия, «молодых» богов. Иными словами, обращение к Толстому и Ницше – современным Йейтсу искателям истины, борцам со старым укладом и конвенциональным христианством – связано с поисками ирландского поэта, ощутившего неизбежную необходимость самообновления. В этом смысле его рецепция Толстого укладывается в модернистскую (невикторианскую) парадигму восприятия русского писателя. О переходе на новый этап, о преодолении поэтом самого себя (о своеобразном антиромантизме или романтизме на новых основаниях – в условиях «конца века» и наступающего модерна) говорят образы «звья», «тьмы», «смеха», ассоциирующиеся с более поздними стихотворениями Йейтса – второй половины 1910-х гг. История Пола Ратледжа и есть история самообновления, и Толстой, чья доктрина десятилетия спустя после написания пьесы «Там, где ничего нет» кажется Йейтсу отжившей свое, лишенной актуальности, в этой пьесе становится прообразом нового человека, «сверхчеловека».

Примечания

¹ Подробнее см. книгу «Видение» (A Vision, 1925, 1937).

² Можно только предполагать, какие произведения Толстого оставили подобное впечатление. К уже упомянутым романам можно добавить повесть «Смерть Ивана Ильича» (1886), которая была впервые опубликована на английском языке в 1887 г.

³ Здесь следует заметить, что Йейтс использует слово «conscience», которое чаще всего переводится на русский язык как «совесть». Между тем, думается, в письме под этим словом не всегда подразумевается именно «совесть», поэтому мы переводим это английское слово по-разному, в зависимости от тех оттенков смысла, которое оно несет в каждом конкретном предложении из письма Йейтса.

⁴ Для Йейтса ирландский фольклор играл значительную роль. В начале своего творческого пути он по-романтически обращается к фольклору как источнику истины, принципиально мистической, тайной, не познаваемой рационально. В ирландском народном творчестве Йейтс увидел особый вариант универсализма, реализовавший важный для писателя принцип «единства бытия» (Unity of Being).

⁵ Ответ на это письмо неизвестен.

⁶ Именно сцена псевдосуда, которая была вдохновлена Толстым, впоследствии оказалась Йейтсу неудачной: «Сцена выглядела забавной в театре, но ее трюизмы раздосадовали меня, так что я отказался от идеи переиздания пьесы» [30. P. 426].

⁷ См., например, стихотворения «Шутовской колпак» («The Cap and Bells», 1893), «Плащ» («A Coat», 1914), «Две песни дурака» («Two Songs of a Fool», 1919), «Дурак у дороги» («The Fool by the Roadside», 1928).

⁸ См. подробнее о взглядах Йейтса на войну и революцию в [47].

⁹ См. о влиянии Ницше [50], и Толстого [51, 52], на этот роман.

Список источников

1. Венгерова З.А. Родоначальник английского символизма // Северный вестник. 1896. № 9. С. 81–99.
2. Кружков Г.М. У.Б. Йейтс. Исследования и переводы. М.: Изд-во РГГУ, 2008. 670 с.
3. Yeats W.B. Coole Park and Ballylee // The Collected Poems of W.B. Yeats. London: Macmillan, 1934. P. 275–277.
4. Yeats W.B. The Letters of W.B. Yeats / ed. by A. Wade. London: Rupert Hart-Davis, 1954. 938 p.
5. O'Shea E. A Descriptive Catalog of W.B. Yeats's Library. New York: Garland, 1985. 390 p.
6. Bloom H. Yeats. Oxford: OUP, 1970. 500 p.
7. Worth K. Introduction // Where There is Nothing. Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 1987. P. 1–45.
8. Phelps G. The Russian Novel in English Fiction. London: Hutchinson's University Library, 1956. 206 p.
9. Woolf V. A Russian Point of View // A Common Reader. New York: Harcourt, Brace and Co., 1925. P. 243–256.
10. Красавченко Т.Н. Лев Толстой в пространстве британской культуры // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 3 (38). С. 9–42.
11. Воробьев И.А. Толстовские колонии в Англии во второй половине 1890-х годов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 6. С. 141–146.
12. Huxley A. Letters of Aldous Huxley / ed. by G. Smith. London: Chatto & Windus, 1969. 992 p.
13. Pégon-Davison C. Tangents in a Telescope: Virginia Woolf's Georgian Tolstoy // Études britanniques contemporaines. 2008. Vol. 33. P. 1–22.
14. Zytaruk G.J. D.H. Lawrence's Response to Russian Literature. Hague: Mouton, 1971. 193 p.
15. Joyce J. Letters of James Joyce. Vol. II / ed. by R. Ellmann. London: Faber & Faber, 1966. 472 p.
16. Kaplan C.M. Conrad's Narrative Occupation of/by Russia in Under Western Eyes // Conradiana. 1995. Vol. 27, № 2. P. 97–114.
17. Hogarth C.J. Introduction // Dostoevsky F. Letters from the Underworld / tr. and intro. by C.J. Hogarth. London; New York: J.M. Dent & Sons Ltd.; E.P. Dutton & Co., 1913. P. VII–IX.
18. Yeats W.B. The Collected Letters of W.B. Yeats / ed. by J. Kelly. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1997. 790 p.
19. Толстой Л.Н. Война и мир // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 12. М.: Гос. изд-во худ. лит.-ры, 1940. С. 1–342.
20. Андреева В.Г. Война в изображении и оценке Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2012. № 3. С. 85–88.
21. Токарев Г.В. Особенности языкового воплощения представлений о войне в художественном и публицистическом творчестве Л.Н. Толстого // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 4. С. 121–128.
22. Yeats W.B. William Blake and Imagination // Ideas of Good and Evil. London: A.H. Bullen, 1914. P. 117–120.
23. Yeats W.B. The Collected Letters of W.B. Yeats / ed. by J. Kelly and R. Schuchard. Oxford: Clarendon Press, 1994. Vol. 3. 790 p.
24. Yeats W.B. The Praise of Old Wives' Tales // Discoveries: A Volume of Essays. Dundrum: Dun Emer Press, 1907. P. 15–16.
25. Йейтс У.Б. Луи Ламбер // Видение: поэтическое, драматическое, магическое / пер. с англ. Т. Азаркович и др.; под ред. Н. Бавиной, К. Голубович; сост. и предисл. К. Голубович. М.: Логос, 2000. С. 272–278.
26. Йейтс У.Б. Видение // Видение: поэтическое, драматическое, магическое / пер. с англ. Т. Азаркович и др.; под ред. Н. Бавиной, К. Голубович; сост. и предисл. К. Голубович. М.: Логос, 2000. С. 309–522.
27. Gibson W.W. The Three Poets // 'Solway Ford' and Other Poems. London: Faber and Faber, 1945. P. 73–74.
28. Yeats J.B. Passages from the Letters of John Butler Yeats / selected and ed. by E. Pound. Churchtown: The Cuala Press, 1917. 60 p.
29. Йейтс У.Б. Поэзия и традиция // Видение: поэтическое, драматическое, магическое / пер. с англ.; под ред. Н. Бавиной, К. Голубович; сост. и предисл. К. Голубович. М.: Логос, 2000. С. 234–242.
30. Yeats W.B. Plays in Prose and Verse. London: Macmillan, 1922. 447 p.
31. Tolstoy L. Letters to Friends on the Personal Christian Life. London: The Free Age Press, 1900. 267 p.
32. Hardy T. Tolstoy on War // The Times. 1904. 28 June.
33. Garvin J. (X.) A Reflection on Tolstoy // The Westminster Gazette. 1904. 2 July. P. 8.
34. The Sermon on the Mount // Kirkintilloch Herald. 1898. 2 March. P. 8.
35. Count Tolstoy and the Sermon on the Mount // The Scotsman. 1898. 14 March. P. 9.
36. Толстой Л.Н. В чем моя вера? // Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. Т. 23. С. 304–465.
37. Yeats W.B. Where There is Nothing. London: Macmillan, 1903. 212 p.
38. Yeats W.B. Easter, 1916 // The Collected Poems. London: Macmillan, 1934. P. 202–205.
39. Yeats W.B. Lapis Lazuli // The Variorum Edition of the Poems of W.B. Yeats. New York: Macmillan, 1957. P. 565–567.
40. Yeats W.B. The Second Coming // The Variorum Edition of the Poems of W.B. Yeats. New York: Macmillan, 1957. P. 401–402.
41. Yeats W.B. Autobiographies. London: Macmillan, 1955. 592 p.
42. Кружков Г.М. Гумилев, Йейтс и «А.Е.» (Лондон 1917) // Ностальгия обелисков: Литературные мечтания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 100–103.
43. Doherty W.E., McFate P.A. W.B. Yeats's Where There is Nothing. Theme and Symbolism // Irish University Review. 1972. № 2. P. 149–163.
44. Mythologies by W.B. Yeats / Ed. by W. Gould, D. Toomey. London: Palgrave Macmillan UK, 2005. 545 p.
45. Spence E. (E.F.S.) Mr. Yeats's New Play // The Westminster Gazette. 1904. 28 June. P. 4.
46. Spence E. (E.F.S.) The Stage from the Stalls // The Sketch. 1904. 06 July. P. 412.
47. Foster R.F. Yeats at War: Poetic Strategies and Political Reconstruction from the Easter Rising to the Free State: The Prothero Lecture // Transactions of the Royal Historical Society. 2001. Vol. 11. P. 125–145.
48. Reez T. Ezra Pound and the Modernization of W. B. Yeats // Journal of Modern Literature. 1975. Vol. 4. № 3. P. 574–592.
49. Adams M. The Ethics of Tolstoy and Nietzsche // International Journal of Ethics. 1900. Vol. 11, № 1. P. 82–105.
50. Acheson J. Schopenhauer, Nietzsche and D. H. Lawrence's Women in Love // Journal of European Studies. Vol. 50. № 1. P. 7–16.

51. Brown C. The Art of Comparison. How Novels and Critics Compare. Oxford : Legenda, 2010. 192 p.
52. Brown C. The Unconscious Good Life in 'Anna Karenina' and 'Women in Love' // *Comparative Literature*. 2011. Vol. 63:1. P. 25–46.
53. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // *Собрание сочинений* : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 2. С. 626–534.
54. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М. : Наука, 2000. 587 с.
55. Иванов В.В. Лев Толстой и культура // *Борозды и межи. Опыт эстетические и критические*. М. : Мусагет, 1916. С. 73–93.
56. Белый А. Лев Толстой и культура // *О религии Льва Толстого*. М. : Путь, 1912. С. 142–171.
57. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 13: У нас в Париже : Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. М. : Дмитрий Сечин, 2012. 656 с.
58. Богомолов Н.А. Другой Толстой. Писатель глазами русских символистов // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 40. С. 7–22.

References

1. Vengerova Z.A. Rodonachalnik angliyskogo simvolizma // *Severnyy vestnik*. 1896. № 9. S. 81–99.
2. Kruzhkov G.M. U.B. Yeets. Issledovaniya i perevody. M. : Izd-vo RGGU, 2008. 670 s.
3. Yeats W.B. Coole Park and Ballylee // *The Collected Poems of W.B. Yeats*. London : Macmillan, 1934. P. 275–277.
4. Yeats W.B. The Letters of W.B. Yeats / ed. by A. Wade. London : Rupert Hart-Davis, 1954. 938 p.
5. O'Shea E. A Descriptive Catalog of W.B. Yeats's Library. New York : Garland, 1985. 390 p.
6. Bloom H. Yeats. Oxford : OUP, 1970. 500 p.
7. Worth K. Introduction // *Where There is Nothing*. Washington D.C. : The Catholic University of America Press, 1987. P. 1–45.
8. Phelps G. The Russian Novel in English Fiction. London : Hutchinson's University Library, 1956. 206 p.
9. Woolf V. A Russian Point of View // *A Common Reader*. New York : Harcourt, Brace and Co., 1925. P. 243–256.
10. Krasavchenko T.N. Lev Tolstoy v prostranstve britanskoy kultury // *Chelovek : obraz i sushchnost. Gumanitarnye aspekty*. 2019. № 3(38). S. 9–42.
11. Vorobev I.A. Tolstovskie kolonii v Anglii vo vtoroy polovine 1890-h godov // *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2011. № 6. S. 141–146.
12. Huxley A. Letters of Aldous Huxley / Ed. by G. Smith. London : Chatto & Windus, 992 p.
13. Pégon-Davison C. Tangents in a Telescope: Virginia Woolf's Georgian Tolstoy // *Études britanniques contemporaines*. 2008. Vol. 33. P. 1–22.
14. Zytaruk G.J. D. H. Lawrence's Response to Russian Literature. Hague : Mouton, 1971. 193 p.
15. Joyce J. Letters of James Joyce. Vol. II / Ed. by R. Ellmann. London : Faber & Faber, 1966. 472 p.
16. Kaplan C.M. Conrad's Narrative Occupation of/by Russia in *Under Western Eyes* // *Conradiana*. 1995. Vol. 27. No. 2. P. 97–114.
17. Hogarth C.J. Introduction // *Dostoevsky F. Letters from the Underworld* / Tr. and intro. by C.J. Hogarth. London / New York : J.M. Dent & Sons Ltd. / E.P. Dutton & Co., 1913. P. VII–IX.
18. Yeats W.B. The Collected Letters of W.B. Yeats / ed. by J. Kelly. Vol. 2. Oxford : Clarendon Press, 1997. 790 p.
19. Tolstoy L.N. Voyna i mir // *Polnoe sobranie sochineniy v 90 tomah*. T. 12. M. : Gos. izd-vo hud. lit-ry, 1940. S. 1–342.
20. Andreeva V.G. Voyna v izobrazhenii i ocenke L.N. Tolstogo i F.M. Dostoevskogo // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 3. S. 85–88.
21. Tokarev G.V. Osobennosti yazykovogo voploshcheniya predstavleniy o voyne v hudozhestvennom i publicisticheskom tvorchestve L.N. Tolstogo // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 2017. T. 16. № 4. S. 121–128.
22. Yeats W.B. William Blake and Imagination // *Ideas of Good and Evil*. London : A.H. Bullen, 1914. P. 117–120.
23. Yeats W.B. The Collected Letters of W. B. Yeats / ed. by J. Kelly and R. Schuchard. Vol. 3. Oxford : Clarendon Press, 1994. 790 p.
24. Yeats W.B. The Praise of Old Wives' Tales // *Discoveries: A Volume of Essays*. Dundrum : Dun Emer Press, 1907. P. 15–16.
25. Yeets U.B. Lui Lamber // *Videnie: poeticheskoe, dramaticheskoe, magicheskoe*. Per. s angl. / Pod red. N. Bavinoy, K. Golubovich ; sost. i predisl. K Golubovich. M. : Logos, 2000. S. 272–278.
26. Yeets U.B. Videnie // *Videnie: poeticheskoe, dramaticheskoe, magicheskoe*. Per. s angl. / Pod red. N. Bavinoy, K. Golubovich ; sost. i predisl. K Golubovich. M. : Logos, 2000. S. 309–522.
27. Gibson W.W. The Three Poets // 'Solway Ford' and Other Poems. London : Faber and Faber, 1945. P. 73–74.
28. Yeats J.B. Passages from the Letters of John Butler Yeats / Selected and ed. by E. Pound. Churchtown : The Cuala Press, 1917. 60 p.
29. Йейтс У.Б. Поэзия и традиция // *Видение: поэтическое, драматическое, магическое*. Пер. с англ. / Под ред. Н. Бавиной, К. Голубович ; сост. и предисл. К Голубович. М. : Логос, 2000. С. 234–242.
30. Yeats W.B. Plays in Prose and Verse. London : Macmillan, 1922. 447 p.
31. Tolstoy L. Letters to Friends on the Personal Christian Life. London : The Free Age Press, 1900. 267 p.
32. Hardy T. Tolstoy on War // *The Times*. 28 June 1904.
33. Garvin J. (X.) A Reflection on Tolstoy // *The Westminster Gazette*. 02 July 1904. P. 8.
34. The Sermon on the Mount // *Kirkintilloch Herald*. 02 March 1898. P. 8.
35. Count Tolstoi and the Sermon on the Mount // *The Scotsman*. 14 March 1898. P. 9.
36. Tolstoy L.N. V chem moya vera? // *Polnoe sobranie sochineniy v 90 tomah*. T. 23. M. : Gos. izd-vo hud. lit-ry, 1957. S. 304–465.
37. Yeats W.B. Where There is Nothing. London : Macmillan, 1903. 212 p.
38. Yeats W.B. Easter, 1916 // *The Collected Poems*. London : Macmillan, 1934. P. 202–205.
39. Yeats W.B. Lapis Lazuli // *The Variorum Edition of the Poems of W.B. Yeats*. New York : Macmillan, 1957. P. 565–567.
40. Yeats W.B. The Second Coming // *The Variorum Edition of the Poems of W.B. Yeats*. New York : Macmillan, 1957. P. 401–402.
41. Yeats W.B. Autobiographies. London : Macmillan, 1955. 592 p.
42. Kruzhkov G.M. Gumilev, Yeets i «A.E.» (London 1917) // *Nostalgiya obeliskov: Literaturnye mechtaniya*. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. S. 100–103.
43. Doherty W.E., McFate P.A. W.B. Yeats's Where There is Nothing. Theme and Symbolism // *Irish University Review*. 1972. № 2. P. 149–163.
44. Mythologies by W.B. Yeats / Ed. by W. Gould, D. Toomey. London : Palgrave Macmillan UK, 2005. 545 p.
45. Spence E. (E.F.S.) Mr. Yeats's New Play // *The Westminster Gazette*. 28 June 1904. P. 4.
46. Spence E. (E.F.S.) The Stage from the Stalls // *The Sketch*. 06 July 1904. P. 412.
47. Foster R.F. Yeats at War: Poetic Strategies and Political Reconstruction from the Easter Rising to the Free State: The Prothero Lecture // *Transactions of the Royal Historical Society*. 2001. Vol. 11. P. 125–145.
48. Reez T. Ezra Pound and the Modernization of W. B. Yeats // *Journal of Modern Literature*. 1975. Vol. 4. № 3. P. 574–592.
49. Adams M. The Ethics of Tolstoy and Nietzsche // *International Journal of Ethics*. 1900. Vol. 11. № 1. P. 82–105.
50. Acheson J. Schopenhauer, Nietzsche and D. H. Lawrence's Women in Love // *Journal of European Studies*. Vol. 50. № 1. P. 7–16.
51. Brown C. The Art of Comparison. How Novels and Critics Compare. Oxford : Legenda, 2010. 192 p.
52. Brown C. The Unconscious Good Life in 'Anna Karenina' and 'Women in Love' // *Comparative Literature*. 2011. Vol. 63:1. P. 25–46.
53. Solovev V.S. Ideya sverhcheloveka // *Solovev V.S. Sbranie sochineniy v 2-h t*. M. : Mysl, 1988. T. 2. S. 626–534.
54. Merezkovskiy D.S. L. Tolstoy i Dostoevskiy. M. : Nauka, 2000. 587 s.

55. Ivanov V.V. Lev Tolstoy i kultura // Borozdy i mezhi. Opyty esteticheskie i kriticheskie. M. : Musaget, 1916. S. 73–93.
56. Belyy A. Lev Tolstoy i kultura // O religii Lva Tolstogo. M. : Put, 1912. S. 142–171.
57. Gippius Z.N. Sobranie sochineniy. T. 13. U nas v Parizhe : Literaturnaya i politicheskaya publicistika 1928—1939 gg. Vospominaniya. Portrety. M. : Izd-vo «Dmitriy Sechin», 2012. 656 s.
58. Bogomolov N.A. Drugoy Tolstoy. Pisatel glazami russkih simvolistov // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 40. S. 7–22.

Информация об авторе:

Маркова Е.А. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Rossica: Русская литература в мировом культурном контексте» Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия); ассистент кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: glazkova1992@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Markova E.A., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: glazkova1992@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.08.2021;
одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 23.10.2021;
approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 81-13
doi: 10.17223/15617793/474/10

Атрибутивные дефисные композиты в электоральном речетворчестве американских СМИ: соотношение объективной и прагматической причинности

Ольга Васильевна Николаева

Дальневосточный федеральный университета, Владивосток, Россия, onikolaeva2009@yandex.ru / nikolaeva.ov@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена двухуровневому причинному анализу атрибутивного дефисного композитообразования в электоральном речетворчестве США. Установлено соотношение факторов объективной и прагматической причинности. Объективная причинность кроется в диахронических типологических константах английского языка, онтологической обусловленности номинации дефисным комплексом и в особенностях современной коммуникации. Прагматические факторы выражаются в прагматически выгодном использовании компрессионных техник.

Ключевые слова: атрибутивный дефисный композит, электоральный дискурс, речетворчество, персуазивность, лингвокреативность, объективная причинность, прагматическая причинность

Для цитирования: Николаева О.В. Атрибутивные дефисные композиты в электоральном речетворчестве американских СМИ: соотношение объективной и прагматической причинности // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 88–96. doi: 10.17223/15617793/474/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/10

Attributive Hyphenated Composites in the Electoral Speech Creativity of American Media: Objective and Pragmatic Causality

Olga V. Nikolaeva

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, nikolaeva.ov@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to a two-level causal analysis of the attributive composite formation in the US electoral speech creativity. The research material included attributed hyphenated composites from American mass media sources that covered the US election campaigns of 2016 and 2020. The research methodology integrates the approaches of the functional word formation and morphopragmatics, which focus on the problems of word-production in real communication, in live speech, in context, and in discourse.

It was proved that the occurrence of attributive hyphenated composites in the electoral discourse of American media could be the result of both objective and pragmatic factors. Objective causality lies in the diachronic typological constants of the English language, the ontological conditionality of the nomination by the hyphen complex, and in the features of modern communication. The reasons for the “contraction” of the polylexemic construction into a functional and structural-semantic whole should be sought in the spiral (bidirectional) model of analytic development of the English language, which was associated with semantic compression, “contraction” and inter-level rearrangement at each new turn. The continuous formation of hyphenated composites is the result of a typologically relevant dialectical interaction between analytic discreteness and a new analogical synthesis. Objective factors include as well the properties of modern verbal communication with its tendency to spatial-temporal compression, the tendency to thicken and condense information. Pragmatic factors are realized on the basis of objective ones and are expressed in the pragmatically-appropriate compression techniques. Different types of compressive linguistic experimentation are in demand, including “continuum” units that border between different language levels. Attribute hyphenated composites represent the transition “lexeme – syntactic construction” in the structural aspect, and “lexeme – text” in the content aspect, being the content “staplers” of the entire US electoral macrodiscourse.

An attributive hyphenated composite with a “language creativity charge” is a technique for realizing the persuasive potential of electoral discourse. The conciseness of hyphenated composites and their ability to convey many pragmatic meanings in a “condensed” form is considered as a manifestation of linguistic creative activity and increasing information capacity.

Keywords: attributive hyphenated composite, electoral discourse, speech creation, persuasiveness, linguistic creativity, objective causality, pragmatic causality

For citation: Nikolaeva, O.V. (2022) Attributive Hyphenated Composites in the Electoral Speech Creativity of American Media: Objective and Pragmatic Causality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 88–96. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/10

Постановка проблемы

Электоральный дискурс представляет собой особую разновидность персуазивного дискурса, в котором выбор композиционно-речевых средств подчинен задаче убеждения и агитации избирателей. Аппелируя к рациональным, эмоциональным и волевым мотивам гражданского сознания электората, автор материала применяет речевые приемы воздействия и делает это тем искуснее, чем естественнее и «самостоятельнее» выглядит решение избирателя в пользу транслируемой политической позиции. Немалая роль в персуазивной коммуникации отводится таким речетворческим техникам, как языковая игра, метафора, сленг, трансформация или деформация паремий и другим приемам, основанным на речевом экспериментировании языковыми формами и смыслами, креативном преобразовании языковых структур или изобретении новых нетривиальных языковых средств [1. С. 349].

Политический дискурс американских СМИ в избирательных кампаниях США 2016 и 2020 гг. формирует широкое проблемное поле для многоаспектного лингвистического и междисциплинарного анализа, предоставляя возможность проследить динамику электорального речетворчества. В широком смысле речетворчество охватывает как саму речевую деятельность, так и речедеятельностную креативность языковой личности [2. С. 73]. В электоральном дискурсе американских печатных СМИ одним из приемов речедеятельностной креативности являются оформленные через дефис атрибутивные комплексы, которые в наших более ранних работах и в настоящем исследовании мы именуем *атрибутивными дефисными композитами* [3. С. 146; 4].

Атрибутивные дефисные композиты могут создаваться как по продуктивным моделям путем преобразования синтаксической структуры в компактное, цельно-оформленное, содержательно-насыщенное единство, так и по непродуктивным моделям, основанным на преобразовании в атрибутивный комплекс известных цитат и устойчивых выражений. Их непрерывное порождение обусловлено общими закономерностями развития английского языка и спецификой дискурса.

Функциональное назначение композитов как средств речетворчества в рамках электорального дискурса диктуется авторским замыслом. Употребляемые в позиции препозитивного определения к последующему имени существительному дефисные композиты реализуют функцию прагматически заданной атрибуции, приписывают референту определенные характеристики и качества. Как правило, такие атрибутивные дефисные композиты – это «свернутая» характеристика, лаконичный ярлык, гипертекст с отсылкой к фоновой информации или прецедентным феноменам.

Таким образом, если формально атрибутивный дефисный композит может быть расценен как «свернутая» синтаксическая структура, то содержательно – как «свернутый» текст. Так, во время избирательной кампании США 2016 г. участники предвыборной гонки характеризовались посредством дефисных композитов следующим образом: Трамп – а *blunt-spoken*

political outsider; too-rich-to-care; Клинтон – *Washington insider-career politician; pressure-tested / battle-tested personality*; кандидаты-соперники – *back-stabbing rivals* [3, 4]. За каждой дефисной конструкцией стоит предшествующий фрагмент политического макродискурса, в котором отмеченные дефисными композитами черты уже были представлены развернуто. Например, в свернутой дефисной конструкции *too-rich-to-care* лаконично выразилась политически релевантная и широко обсуждаемая «оценка» (в прямом и переносном смысле) финансового состояния Д. Трампа.

Наибольший интерес вызывают атрибутивные дефисные композиты, которые являются композитными эпитетами, образными и экспрессивными средствами. Например, в предвыборной кампании 2016 г. успехи республиканцев в глазах демократов ассоциировались с образом несущегося поезда: *out-of-control Republican train* [3, 4]. Нередко такие композитные эпитеты представляют авторскую инновацию и предназначены для выделения подмеченного автором какого-либо свойства избирательной кампании. Оригинальность создает экспрессию, привлекает внимание читателя и наделяет атрибутивные дефисные композиты прагматическим потенциалом воздействия и убеждения.

Все вышеприведенные дефисные композиты выполняют еще и оценочную функцию и описывают кандидатов в президенты и саму предвыборную кампанию в определенном оценочном ракурсе.

В американском предвыборном речетворчестве 2016 и 2020 гг. атрибутивные дефисные композиты показали свою востребованность, лаконично передавая детали и оттенки объекта или явления, уточняя их разнообразные нюансы. Лингвистическая креативность авторов материалов создавала небанальное отражение электоральной кампании, обогащающее воображение и информационно-содержательное восприятие предвыборной ситуации [3, 4]. Целью настоящего исследования является выявление объективной и прагматической причинности атрибутивного дефисного композитообразования в электоральном речетворчестве США.

Задачи исследования включают:

- определение диахронических начал и синхронических факторов речевой активности атрибутивных дефисных композитов в английском языке;
- выделение дискурсивно обусловленных особенностей атрибутивных дефисных композитов электорального речетворчества США на фоне общеязыковых закономерностей;
- выявление рекуррентных смысловых, образных, аксиологических и эмоциональных моделей атрибутивных дефисных композитов в рамках электорального речетворчества в США в 2016 и 2020 гг.;
- определение динамики информационно-содержательных доменов, порождающих атрибутивные дефисные композиты в электоральном речетворчестве избирательных кампаний 2016 и 2020 гг.

Материал

Для исследования привлечены атрибутивные дефисные композиты из материалов американских

СМИ, посвященных избирательным кампаниям США 2016 и 2020 гг.: *New York Times*; *Washington Post*; *Los Angeles Times*; *Wall Street Journal*; *Houston Chronicle*; *Washington Times*; *Boston Herald*, *Newsweek*, *Chicago Tribune*, *USA Today* и др. Методом специальной выборки сформирована совокупность из 456 единиц, отвечающих следующим критериям:

- композитная структура с дефисным оформлением;
- атрибутивная функция дефисного композита и позиция препозитивного определения к имени существительному;
- реализация речедейательностной креативности, формирующей экспрессивную образность, эмоциональность, оценку.

Методология и методика

Методологически важным для настоящего исследования является признание типологической, системной предрасположенности английского языка к образованию композитов. Общегерманские типологические константы аналитизма, корнеизоляции, агглютинации и их конкретная реализация в процессе исторического развития английского языка [5, 6] сформировали объективные диахронические начала композитообразования в английском языке.

Однако речевая активность атрибутивных композитов отмечается не только в английском, но и во многих других языках, в том числе разноструктурных, что позволяет считать атрибутивные композиты типологической языковой и речевой фреквенталией, причины которой видятся не только в языковом строе, но и в типологических чертах современной коммуникации в целом. Вследствие этого, объективная причинность речевой активности атрибутивных дефисных композитов формируется на пересечении диахронических и синхронических факторов.

Для определения атрибутивных дефисных единиц разных типов в лингвистике существует разнообразная терминология. Так, известны цитатные речения/определения (*quotation adjuncts*), которые описывал еще О. Есперсен, фразовые определения (*phrasal adjective*), дефисные определения (*hyphenated adjective*), сложные, композитные определения (*adjectival compound*) [7], свернутые конструкции [8] и другие термины.

Говоря о состоянии изученности атрибутивных дефисных композитов, следует иметь в виду современную многоаспектную исследовательскую повестку, которая сформировалась за счет значительного расширения эмпирического материала и доступности корпусных данных разных языков. Атрибутивные дефисные композиты в разных языках дифференцируют по многим основаниям: по структурным моделям и степени их продуктивности, по тематическому критерию (цветовые), по степени идиоматичности, по экспрессивности и оценочности, по статусу кодификации (окказиональный / рекуррентный / узуальный) и др. [4].

Традиционно изучают структурные особенности и продуктивность атрибутивных композитных моделей в языках разных структурных типов: английском,

немецком, румынском, турецком, сербском, русском и других [7, 9–12]. Там не менее открытыми для дискуссии остаются важные теоретические вопросы: языковой статус композитов в разных языках и критерии разграничения композитов с лексическими и синтаксическими единицами [13–19].

Специальному анализу подвергаются конкретные типы атрибутивных композитов. Так, на примере фразовых композитов (*phrasal lexemes*) исследуют стратегии языковой компрессии [17]. Различия между цитатной атрибутивной группой и атрибутивной группой, созданной по модели свободных сочетаний, показаны в турецком языке, выявлена разница их внутренней структуры и функционирования [11].

Исследовательская повестка значительно расширилась благодаря включению вопросов о когнитивно-семантических особенностях композитов и психолингвистических аспектах их восприятия [20–22], вопросов перевода композитов на другой язык [4].

Контекстуально-прагматический анализ композитов является новым поворотом современных исследований в сфере современного направления морфопрагматики [23–25].

Настоящее исследование атрибутивных дефисных композитов основано на интеграции подходов функционального словообразования и морфопрагматики. В центре обоих направлений – проблемы словопроизводства в реальной коммуникации, в живой речи, в контексте, в дискурсе. В речедейательностном аспекте словопроизводство рассматривается как процесс формирования производных слов (их форм и смыслов), а значит как обусловленная языковыми нормами деятельность субъекта при речепорождении.

Морфопрагматика имеет более конкретную специализацию по сравнению с функциональным словообразованием, поскольку выдвигает на первый план причинно-следственные отношения, мотивную связь между деривационным процессом и коммуникативной ситуацией, иными словами поднимает проблематику коммуникативной целесообразности и коммуникативной обусловленности словопроизводства, которое всегда осуществляется в целях реализации коммуникативного замысла и имеет прагматическую детерминацию. Специфика дискурса определяет весь набор композиционно-речевых средств, в том числе и словообразовательных моделей.

Атрибутивные дефисные композиты способны выступать средствами персузивного речетворчества, что проявляется как в структурном плане, так и в их содержательном аспекте. Среди атрибутивных дефисных композитов могут быть единицы с оригинальной лексической комбинацией (*dark-buck spending*), идиоматические или цитатные определения (*eat-the-rich populist uprising*; a *tough-love speech*; *once-in-a-lifetime crisis*), лексикализованные свободные сочетания (*dead-but-registered voters*) и целые предложения (*an oops-I-almost-missed-you hug / former chief of staff-turned-special envoy*).

Таким образом, настоящее исследование построено на презумпции как объективной, так и прагматической причинности композитообразования, реализа-

цию которых в электоральном речетворчестве США нам и предстоит выяснить.

Методика исследования включает: структурно-системный метод для анализа факторов объективной причинности, контекстологический метод в целях изучения дефисных композитов в непосредственной связи с окружающим контекстом; дискурсивный анализ для исследования коммуникативно-прагматических аспектов и сопоставительный метод для анализа электорального речетворчества двух избирательных кампаний 2016 и 2020 гг.

Результаты и дискуссия

Объективная причинность. Формирование дефисных композитов в английском языке реализует соотношение факторов объективной причинности и факторов дискурсивно-прагматических. Нарастание черт аналитизма в процессе исторического развития английского языка обусловило синтагматическую дискретность и формирование раздельнооформленных полилексемных аналитических конструкций, не только на грамматическом, но и на лексическом уровне [6, 26]. Активное композитообразование является следствием аналитизма и дискретности на уровне словообразования, при этом, согласно Д.Б. Никуличевой, дискретность реализуется в относительной автономности компонентов целого [26. С. 43].

Признавая развитие аналитизма фактором объективной причинности композитообразования в английском языке, мы при исследовании атрибутивных дефисных композитов ставим акцент не на автономности компонентов, а на функциональном и структурно-смысловом единстве всей дефисной единицы по сравнению с соответствующей синтаксической конструкцией. Вследствие этого, мы полагаем, что дефисное композитообразование являет собой процесс противоположной направленности (по отношению к дискретности) и демонстрирует тенденцию к достижению синтагматической целостности. Причины «стягивания» полилексемной конструкции в функциональное и структурно-смысловое целое следует искать в спиралевидном (двунаправленном) развитии аналитизма, а не в линейном. Аналитизм и синтагматическая дискретность порождают стратегию новой слитности, которая лишь в самом общем механизме аналогична «старой», синтетической слитности, но совсем ей не тождественна в силу эволюционирующего языкового строя. Развитие грамматического аналитизма на каждом новом витке было сопряжено со смысловым компрессионным «стягиванием» и межуровневым перестроением.

Компрессионное «стягивание» затрагивало все языковые уровни и межуровневое пространство языка. Исконный лексический состав моносиллабов общегерманского происхождения сформировал устойчивую модель и диктовал на протяжении истории английского языка стратегию «стягивания» полисиллабов в более компактные единства. Фонетические изменения заимствованных многосложных слов затрагивали как сегментный, так и супraseгментный

уровень. Механизм компрессионного «стягивания» действовал и действует на лексическом уровне. В межуровневом пространстве (лексика–словообразование–морфология–синтаксис) компрессионное стягивание приводит к преобразованию разных полилексемных конструкций в функциональное и структурно-смысловое целое: *Donald Trump is ... a has-been / The made-to-order political outsider*.

Такое компрессионное стягивание имеет не только языковую, но и онтологическую природу, что также относится к факторам объективной причинности. В ономазиологическом аспекте дефисный композит имеет более конкретную онтологическую базу, номинирует онтологически выделенное (социумом) событие. Онтологическая целостность ситуации обуславливает целостность ее восприятия и языкового выражения. Дефисный композит актуализирует узнаваемую ситуацию и типизирует социально значимое событие.

Дефисный композит можно считать «контитуумной», межуровневой единицей по нескольким причинам. В структурно-языковом отношении цельнооформленные комплексы граничат, с одной стороны, со словом, а с другой – с синтаксической единицей: подчинительным или сочинительным словосочетанием (*mom-and-pop investors / well-heeled Wall Streeters*) или разными типами предложений (*get-rich-quick hype*).

В словообразовательном плане дефисные композиты могут рассматриваться как компромисс между морфемной деривацией и развитием сложных информативных имен (в широком смысле), таких как полилексемные наименования предметов / признаков / действий: *to vote by mail / to vote-by-mail*.

Немаловажным является и аспект содержательной «континуумности» дефисного композита, «сворачивающего» предшествующий дискурс и скрепляющего части макродискурса. Так, сквозной «скрепой» предвыборного макродискурса 2016 и 2020 гг. в отношении кандидатов от демократической партии стал дефисный композит *battle-tested*, употреблявшийся о Хилари Клинтон и Джо Байдене (подробнее в следующей части работы).

Таким образом, представляется, что непрерывное образование дефисных композитов является результатом типологически релевантного диалектического взаимодействия между аналитической дискретностью и новым аналогическим синтезом. Межуровневый характер такой единицы порождает ее большую смысловую емкость.

Объективная причинность кроется не только в типологических константах самого языка, онтологической обусловленности номинации, но и в типологических константах коммуникации. Дефисный композит следует объективно и системно рассматривать как некую естественную реакцию «человека говорящего» на усложнившиеся реалии стремительного развития общества. В когнитивном аспекте дефисные композиты представляют противоборство и единство двух тенденций: к расширению знания и одновременно к его компрессии в целях оперативного применения. Тенденция к пространственно-временной компрессии

современной коммуникации диктует необходимость передачи большего объема информации в единицу времени.

В случае «опривычивания» нового феномена и «утряски» знаний о нем в дальнейшем выбор единицы повышенной содержательной емкости приводит к использованию еще более компактного знака, и место дефисного композита может занять вновь монолексемная единица с новым добавленным смыслом или, например, аббревиатура, в том числе акроним. Приведем пример монолексемной единицы с новым добавленным значением: *a rally-around-the-flag effect = rally effect*: «Ever since Mueller (1970, 1973) introduced the phrase “*rally-round-the-flag*” to the political science lexicon, it has remained a fixture in the literature on public opinion and foreign policy» [27. P. 264] / *Anatomy of a rally effect: George W. Bush and the war on terrorism* [28. P. 37]. Монолексемная единица *rally* приобретает новый добавленный смысл через стадию дефисного композита *a rally-around-the-flag*.

Дефисный композит получает большую устойчивость в случаях прагматически-стойкого, не стертого экспрессивного заряда.

Прагматическая причинность. Электоральное речетворчество рассматривается в данном исследовании как процесс намеренного ситуационно-обусловленного лингвистического экспериментирования с формами и смыслами, процесс интенциональной креативности, что расширяет границы дозволенного языковой системой и вносит лингвокреатемы в список допустимых моделей. Атрибутивный дефисный композит определяется как прагматически обусловленная функциональная, структурная и содержательная целостность оформленных через дефис двух и более лексем, употребленных в функции препозитивного определения к существительному [3]. Атрибутивный дефисный композит с «речетворческим зарядом» является приемом реализации персуазивного потенциала электорального дискурса. Основу прагматического воздействия на целевую аудиторию составляют передаваемые атрибутивными дефисными композитами информационно-содержательные аспекты, образные, аксиологические и эмоциональные послылы [3, 4].

В ходе исследования электорального дискурса избирательных кампаний 2016 и 2020 гг. выявлена динамика информационно-содержательных доменов, порождающих речетворчество вообще и атрибутивные дефисные композиты в частности. Такой домен представляет собой концептуализацию нового явления в избирательной кампании – явления, которое начинает доминировать над другими, его больше всего обсуждают, оно вызывает множество мнений, споров и прогнозов и, следовательно, активно генерирует речетворчество.

Так, в 2016 г. новым феноменом стало появление среди кандидатов политического «аутсайдера», а в электоральном дискурсе эксплицитно доминировала дихотомия *outsider / insider politician*. Избирательная кампания кандидата-аутсайдера Д. Трампа характеризовалась как самопальная, непрофессиональная, топорная, шиворот-навыворот, оскорбительная, комиче-

ская, игра без правил: *seat-of-the-pants organization; smash-mouth politics; topsy-turvy campaign; rough-and-tumble campaign; insult-comic campaign*. Примеры показывают, что на время электоральной кампании смысловая модель «аутсайдер-непрофессионал» стала весьма активной, с избытком порождающей разнообразные атрибутивные дефисные композиты с экспрессивно-негативной оценкой.

Персуазивный прием заключался в имплицитной аналогии: какая предвыборная кампания, такая и будущая деятельность президента.

В избирательной кампании 2020 г. концепт «аутсайдер-непрофессионал» подвергся дальнейшему развитию, хотя и утратил статус домена. Наследие черт аутсайдера в образе Д. Трампа-президента выразилось в рекуррентной атрибуции признака «*norm-shattering* – нарушающий/разрушающий нормы»: *a norm-busting political outsider / norm-shattering leader / norm-shattering presidency / norm-shattering actions / norm-breaking behavior / Trump's norm-shattering words and deeds*.

Рекуррентность атрибутивных дефисных композитов в рамках электорального речетворчества в США в 2016 и 2020 гг. проявляется не только в формальном структурно-языковом аспекте, но и в концептуальном. Рекуррентность формируется воспроизводимыми смысловыми, образными, аксиологическими и эмоционально-заряженными компонентами, которые облекаются в прагматически подобранную форму дефисного композита.

Вследствие этого в электоральном дискурсе разнообразия в структурном отношении дефисные новообразования формируют смысловые кластеры с аксиологическими постоянными. Так, гротескно-ироничные композиты *attacker-in-chief* [29] и *fear-monger-in-chief* [30] основаны на образах угрозы и вражды, апеллируют к эмоциям страха и неприятия, воспроизводя отмеченную выше аксиологическую постоянную – *разрушение ценностных норм в действиях президента-непрофессионала* (*он – главный паникер и главный злоумышленник).

При норме, заданной американским истеблишментом, напротив, кандидат-инсайдер в обеих предвыборных кампаниях характеризовался положительно как *проверенный в бою (battle-tested)*. Дефисный композит *battle-tested (personality)* стал аксиологической «скрепой» и проходил через весь макрокурс о кандидате в президенты 2016 г. Хилари Клинтон. Дефисный композит *battle-tested* в свернутом виде отразил вполне конкретную онтологическую ситуацию – «военное прошлое» Хилари Клинтон и одобрительное высказывание американского актёра, сценариста и колумниста Б. Уитфорда: «*She's battle tested, she's got a dirty uniform, and that's who you want fighting for your kids' future*» [31].

Данный композит содержательно (и аксиологически) «скрепил» макрокурс избирательных кампаний 2016 и 2020 гг. о кандидатах-демократах и кандидатах-инсайдерах и использовался в отношении Хилари Клинтон и Джо Байдена: «*Hillary Clinton, the battle-tested political warrior*» или «*She had the thick skin and pressure-tested personality to be commander in*

chief» [32]; «There was House Speaker Nancy Pelosi gushing about how Biden’s “heart is full of love for America” and how he is “battle-tested, forward-looking, honest and authentic» [33].

Таким образом, заданная в атрибутивных дефисных композитах электорального речетворчества 2016 и 2020 гг. аксиология воспроизводит и интенсифицирует ценности институционализма и конформизма (это есть благо и это есть норма), а выходящее за эти рамки постулируется как нарушение нормы.

Общую динамику информационно-содержательных доменов электоральных кампаний 2016 и 2020 гг. можно в целом охарактеризовать в категориях «фигуры» и «фона». В отличие от избирательной кампании 2016 г., где эксплицитно доминировала «фигура» политического аутсайдера Трампа, в 2020 г. информационно-содержательным доменом стала не «фигура», а имплицитный «фон» – пандемия. Выборы 2020 войдут в историю как выборы в эпоху пандемии: *COVID-era election / COVID-era election reforms / COVID-era voting / pandemic-era voting rules*.

Пандемия стала фоновым «триггером» многих событий в избирательной кампании 2020 г.: *pandemic-related election issues / pandemic-related concerns / pandemic-related delays / pandemic-related mail voting / pandemic-related changes / pandemic-fueled election disasters / a Covid-era battle*.

На фоне пандемии шло восприятие итогов президентства Трампа и на этом же фоне прошло голосование по почте, а также подсчет бюллетеней и оценка результатов выборов. Так, хотя голосование по почте не является новым явлением в США, но – вследствие пандемии – оно впервые приобрело широкий масштаб (*all-mail voting / all-mail elections*) (All-mail voting).

В новом социально-политическом контексте выборов 2020 г. частая атрибуция признака *vote-by-mail* переросла в активную модель: *a vote-by-mail ballot; vote-by-mail envelopes; a vote-by-mail option; vote-by-mail list; vote-by-mail fraud, vote-by-mail system*. Активность атрибутивной модели возрастает на фоне деривации композитов (*a vote-by-mail – to vote-by-mail*), дальнейшего развития композитной парадигмы за счет формирования синонимических рядов (*a ballot-by-mail / mail-in-ballots*), оппозитивных пар (*vote-by-mail ballot* ⊥ *straight-ticket voting*) и дальнейшей диверсификации синтагматических отношений (*late-arriving mail-in votes; 1,000+mail-in-ballots*).

Актуальные феномены выдвигают во время избирательной кампании активные, воспроизводимые модели, которые затем могут закрепиться в языке и обрести свойство прецедентности. Именно в этом смысле такие атрибутивные дефисные композиты становятся «свернутым» текстом, за которым стоит целая история, не только выборов, но и страны.

В целом рекуррентные композиты в речетворчестве выборного и пост-выборного дискурса обнаруживают причинную или следственную связь с информационно-содержательными доменами. Так, пост-выборный дискурс в кампании 2016 г. сосредоточился на причинах победы аутсайдера – российском вмешательстве, что актуализировало атрибутивную модель с

ядерными компонентами *Russia(n), Kremlin, Moscow: Russian-produced; Russia-linked; Russian-directed* [34]. *Kremlin-led; Kremlin-linked; Kremlin-created; Kremlin-affiliated* [35]; *Moscow-linked hackers* [36].

В кампании 2020 г. поствыборный дискурс сфокусировался на недоверии к результатам голосования по почте. Например, мотив пересмотра итогов является источником образования композитных эпитетов: «*doomed-to-fail last-ditch effort to overturn President-elect Joe Biden's victory*» [37]; «*a last-ditch bid to overturn the results of the 2020 election*» [38]; «*last-ditch hope*» [39]; «*last-ditch attempt to subvert President-elect Joe Biden's victory*» [40]. Эта модель рекуррентно представлена в разных комбинациях: *Trump's last-ditch attempts to interfere in the state's presidential election results / The last-ditch legal effort, filed Sunday / Trump's last-ditch pressure campaign*.

Рекуррентными в смысловом и структурном отношении атрибутивные дефисные композиты становятся в результате повторения структурных моделей и воспроизведения их смыслов в разных изданиях, в речах и цитатах политиков. Они прагматически нацелены на трансляцию конформистской линии массовой медиа на электоральные процессы. И напротив, *окациональными* (не перерастающими в рекуррентные) остаются атрибутивные дефисные композиты в электоральном речетворчестве изданий, транслирующих независимую, отличную от американского истеблишмента, позицию.

И рекуррентные, и окациональные дефисные композиты подчиняются принципу дискурсивной темпоральности [41], соотносятся с областью «уже сказанного» и сворачивают ее в компактную единицу. Рекуррентные композиты соотносятся с предшествующими высказываниями в национальном политическом *макродискурсе* [42. С. 187], а окациональные – с предшествующими высказываниями в рамках одной статьи. Дефисные композиты формируют содержательное «сгущение» дискурса и создают его пространственно-временную компрессию [43. С. 227].

Интегрированный эффект объективной и прагматической причинности можно продемонстрировать на материале электорального дискурса 2020 г. новостной кампании *Breitbart* (основанной американцами еврейского происхождения). Данный фрагмент показывает высокую насыщенность композитными новообразованиями: «There’s a reason for the Democrats *hide-the-agenda campaign*. They know it’s too out of the mainstream for most Americans to stomach. They know that proposing massive tax hikes, *a job-destroying \$15 minimum wage*, “universal” health care, *pie-in-the-sky “clean energy” schemes*, and fantastically expensive employer mandates, while *coddling defund-the-police Marxists*, won’t help Biden’s cause» [33].

Все данные композиты являются содержательными «*скрепами*» электорального макродискурса США 2020 г., при этом каждый из них прагматически отражает критически-ироничную позицию автора/издания по отношению к предвыборной программе демократов 2020 года. Так, композит *hide-the-agenda campaign* образно «сворачивает» основную идею и всю первую

часть статьи *Dems Keep Joe Biden's Agenda Hidden In The Basement*, которая характеризует программу Байдена как непрозрачную и очень сомнительную в условиях пандемического кризиса.

Дефисный композит *a job-destroying \$15 minimum wage* оценочно «сворачивает» дискуссию о предлагаемом демократами повышении минимальной заработной платы, приводящей к потере работы для многих американцев. Композит *pie-in-the-sky "clean energy" schemes* иронично «сворачивает» пустые предвыборные обещания демократов в отношении экологических проблем. Композит *defund-the-police Marxists* экспрессивно и лаконично отсылает к расовым проблемам движения *Black Lives Matter*.

Во всех атрибутивных дефисных композитах данного фрагмента следует подчеркнуть интеграцию общезыковых закономерностей и прагматически обусловленных факторов.

Заключение

Атрибутивные дефисные композиты в электоральном речетворчестве демонстрируют соотношение факторов объективной и прагматической причинности. Непрерывное порождение подобных единиц формируется в результате комплексного взаимодействия внутриязыковых, онтологических и коммуникативных условий. Дефисный композит номинирует и типизирует онтологически выделенное социально значимое событие. Рекуррентные дефисные композиты

демонстрируют стремление к устойчивости и становятся содержательными «скрепами» всего электорального макродискурса США.

Прагматическая причинность формируется на основе факторов объективной причинности и создает их рельефную интенсификацию. Посредством дефисных композитов пространственно-временная компрессия осуществляется не только без содержательных потерь, но, напротив, с прагматически выгодным использованием экспериментальных компрессионных техник. В условиях информационного уплотнения востребованы новые виды лингвистической креативности, среди которых – «континуумные» единицы, пограничные между разными языковыми уровнями, к их числу относятся и атрибутивные дефисные композиты. Лаконичность дефисных композитов и их способность к передаче многих прагматических смыслов в «свернутой» форме рассматриваются как проявление лингвокреативной деятельности при повышении информационной емкости. Атрибутивные дефисные композиты характеризуются как «континуумные» единицы, поскольку представляют переход в структурном плане «лексема – синтаксическая конструкция», а в содержательном аспекте – «лексема – текст».

Образность, оценочность, идиоматичность атрибутивных дефисных композитов в рамках электорального дискурса создают визуализирующую и воздействующую на воображение электората фасцинацию и реализуют персуазивность всего электорального дискурса.

Список источников

1. Ремчукова Е.Н., Соколова Т.П. Лингвокреативные тенденции в сфере городской номинации // Русский язык в поликультурном мире. 2019. С. 348–353.
2. Горбань В.В. Лингвокреативность на службе коммуникативной интенции // Лингвистика креатива / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург : УрГПУ, 2012. С. 73–82.
3. Николаева О.В. Прагматический потенциал атрибутивных композитов в американском масс-медийном дискурсе по предвыборной тематике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-3 (63). С. 146–149.
4. Николаева О.В., Терехова Е.В. Прагматика перевода на русский язык дефисных композитов из британского и американского политического дискурса // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 2. С. 129–142.
5. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М. : Наука, 1981. 250 с.
6. Шапошникова И.В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 1999. 366 с.
7. Jovanovic V. Morphological aspects of English adjectival compounds: corpus analysis // Facta universitatis. Series: Linguistics and Literature. 2005. Vol. 3 (2). P. 209–226.
8. Петрова Т.А. Свёрнутые конструкции как тип сложных номинативных единиц в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. 2004. 145 с.
9. Горбов А.А. Атрибутивные компоненты сочетаний типа бизнес-план: аналитические прилагательные? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 3. С. 36–48.
10. Каганцева О.С. Структурные особенности атрибутивного дефисного композита в американском и британском персуазивном дискурсе // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 9. С. 189–194.
11. Göksel Å. Phrasal compounds in Turkish: Distinguishing citations from quotations // STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung. 2015. Vol. 68 (3). P. 359–394. doi: 10.1515/stuf-2015-0017
12. Grossmann M. Romanian compounds // Probus. 2012. Vol. 24(1). P. 147–173. doi: 10.1515/probus-2012-0007
13. Хашимов Р.И. Билексема как особая единица языка // Вопросы филологии. 2008. № 4. С. 30–38.
14. Черкасова А.А. О некоторых грамматических признаках билексемы как особой единицы языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 3 (1). С. 347–350.
15. Bernal E. Catalan compounds // Probus. 2012. Vol. 24(1). P. 5–27. doi: 10.1515/probus-2012-0002
16. Bisetto A. Do Romance languages have phrasal compounds? A look at Italian // STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung. 2015. Vol. 68 (3). P. 395–419. doi: 10.1515/stuf-2015-0018
17. Masini F., Benigni V. Phrasal lexemes and shortening strategies in Russian: The case for constructions // Morphology. 2012. Vol. 22 (3). P. 417–451. doi: 10.1007/s11525-011-9200-y
18. Masini F. Italian compounds // Probus. 2012. Vol. 24 (1). P. 61–91. doi: 10.1515/probus-2012-0004
19. Pafel J. Phrasal compounds and the morphology-syntax relation // Further Investigations into the Nature of Phrasal Compounding / eds. by C. Trips, J. Kornfilt. Berlin : Language Science Press, 2017. P. 233–259. doi: 10.5281/zenodo.896369
20. The Oxford Handbook of Compounding / eds. by R. Lieber, P. Stekauer. Oxford University Press, 2011. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199695720.001.0001
21. The Semantics of Compounding / ed. by Hacken P. Ten. Cambridge : Cambridge University Press, 2016.

22. Trips C. How to account for the expressive nature of phrasal compounds in a conceptual-semantic framework // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. 2014. Vol. 11 (1). P. 33–61.
23. Meibauer J. On «R» in phrasal compounds. A contextualist approach // STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung. 2015. Vol. 68 (3). P. 241–261. doi: 10.1515/stuf-2015-0013
24. Meibauer J. Word-Formation and contextualism // International Review of Pragmatics. 2014. Vol. 6 (1). P. 103–106. doi: 10.1163/18773109-00601006
25. Charitonidis C. The morphology-pragmatics interface in Modern Greek compounding // Poznan Studies in Contemporary Linguistics. 2015. Vol. 51 (1). P. 27–73. doi: 10.1515/psic-2015-0002
26. Никуличева Д.Б. О функциональном и структурном понимании аналитического строя и о синтагматике дискретности как структурной доминанте аналитизма // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, вып. 2. С. 39–47.
27. Baum A. The constituent foundations of the rally-round-the-flag phenomenon // International Studies Quarterly. 2002. Vol. 46. P. 263–298.
28. Hetherington M., Nelson M. Anatomy of a rally effect: George W. Bush and the war on terrorism // Political Science and Politics. 2003. Vol. 36 (1). P. 37–42. doi: 10.1017/S1049096503001665
29. Conway M. Republican senators shouldn't flub this chance to show Trump his actions have consequences // NBCNews. January 15, 2021. URL: <https://www.nbcnews.com/think/opinion/republican-senators-shouldn-t-flub-chance-show-trump-his-actions-ncna1254339> (дата обращения: 15.12.2021).
30. Levitz E. 5 Ways a Coronavirus Pandemic Could Change the 2020 Election // New York Magazine. February 26, 2020. URL: <https://nymag.com/intelligencer/2020/02/how-a-coronavirus-pandemic-could-impact-the-2020-election-economy.html> (дата обращения: 26.02.2021).
31. Peterson L. Why Bradley Whitford is doing everything he can to send Hillary Clinton to the West Wing // The Office of Hillary Rodham Clinton. April 29, 2016. URL: <https://www.hillaryclinton.com/feed/why-bradley-whit-ford-doing-everything-he-can-send-hillary-clinton-west-wing> (дата обращения: 25.11.2016).
32. Barbaro M. Hillary Clinton asks not for trust, but for faith in her competence // New York Times. July 28, 2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/07/29/us/politics/hillary-clinton-demo-cratic-nominee.html> (дата обращения: 12.10.2016).
33. Convention wrap up: Dems keep Joe Biden's agenda hidden in the basement // Issues & Insights. August 21, 2020. URL: <https://issuesinsights.com/2020/08/21/convention-wrap-up-dems-keep-joe-bidens-agenda-locked-in-the-basement> (дата обращения: 15.12.2021).
34. Yaffa J. Is Russian meddling as dangerous as we think? // New Yorker. September 14, 2020. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2020/09/14/is-russian-meddling-as-dangerous-as-we-think> (дата обращения: 01.01.2021).
35. Hanlon B. It's not just Facebook: Countering Russia's social media offensive // Alliance for Securing Democracy. April 11, 2018. URL: <https://securingdemocracy.gmfus.org/its-not-just-facebook-countering-russias-social-media-offensive> (дата обращения: 01.01.2021).
36. Ward A. A GOP-led Senate intel committee report states the obvious: Russia favored Trump in 2016 // Vox: American news website. October 8, 2019. URL: <https://www.vox.com/2019/10/8/20905160/senate-intelligence-russia-2016-election> (дата обращения: 01.01.2021).
37. Niedzwiedek N., Cheney K. Trump pressures Pence to throw out election results even though he can't // Politico. January 05, 2021. URL: <https://www.politico.com/news/2021/01/05/trump-pressure-pence-election-results-455069> (дата обращения: 05.01.2021).
38. Cheney K., Gerstein J. Pence may choose 2020 election winner 'as he sees fit,' Gohmert says in court filing // Politico. January 01, 2021. URL: <https://www.politico.com/news/2021/01/01/pence-2020-election-winner-gohmert-453259> (дата обращения: 01.01.2021).
39. Gerstein J., Cheney K. Supreme Court rejects Texas-led effort to overturn Biden's victory // Politico. December 11, 2020. URL: <https://www.politico.com/news/2020/12/11/supreme-court-rejects-texas-led-effort-to-overturn-bidens-victory-444638> (дата обращения: 01.01.2021).
40. Gerstein J., Cheney K. Federal appeals court tosses Gohmert suit aimed at overturning 2020 election results // Politico. January 01, 2021. URL: <https://www.politico.com/news/2021/01/01/louie-gohmert-lawsuit-pence-453387> (дата обращения: 01.01.2021).
41. Новик И. Понятия как «рекуррентные элементы» дискурса: подход к истории концептуального в «Археологии знания» Мишеля Фуко // Логос. 2019. Т. 29, № 2. С. 126–148.
42. Клюев Ю.В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 263 с.
43. Кирьянова Л.Г. Дихотомия «глобальное/локальное»: к вопросу постановки проблемы // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, № 2. С. 225–230.

References

1. Remchukova E.N., Sokolova T.P. Lingvokreativnye tendencii v sfere gorodskoy nominacii // Russkiy yazyk v polikulturnom mire. 2019. S. 348–353.
2. Gorban V.V. Lingvokreativnost na sluzhbe kommunikativnoy intencii // Lingvistika kreativa. Kollektivnaya monogr. / pod obschey red. prof. T.A. Gridinoy. 2-e izd. Ekaterinburg : UrGPU, 2012. S. 73–82.
3. Nikolaeva O.V. Pragmaticheskiy potencial atributivnykh kompozitov v amerikanskom mass-mediynom diskurse po predvybornoy tematike // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 9-3 (63). S. 146–149.
4. Nikolaeva O.V., Terekhova E.V. Pragmatika perevoda na russkiy yazyk defisnykh kompozitov iz britanskogo i amerikanskogo politicheskogo diskursa // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. Т. 7. № 2. S. 129–142.
5. Guhman M.M. Istoricheskaya tipologiya i problema diahronicheskikh konstant. M. : Nauka, 1981. 250 s.
6. Shaposhnikova I.V. Sistemnye diahronicheskie izmeneniya leksiko-semanticheskogo koda angliyskogo yazyka v lingvo-etnicheskom aspekte : dis. ... d-ra filol. nauk. Irkutsk, 1999. 366 s.
7. Jovanovic V. Morphological aspects of English adjectival compounds: corpus analysis // Facta universitatis. Series: Linguistics and Literature. 2005. Vol. 3(2). P. 209–226.
8. Petrova T.A. Svernutye konstrukcii kak tip slozhnykh nominativnykh edinic v sovremennom angliyskom yazyke : dis. ... kand. filol. nauk. 2004. 145 s.
9. Gorbov A.A. Atributivnye komponenty sochetaniy tipa biznes-plan: analiticheskie prilagatelnye? // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2015. № 3. S. 36–48.
10. Kaganceva O.S. Strukturnye osobennosti atributivnogo defisnogo kompozita v amerikanskom i britanskom persuazivnom diskurse // Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2020. № 9. S. 189–194.
11. Göksel Å. Phrasal compounds in Turkish: Distinguishing citations from quotations // STUF -Sprachtypologie und Universalienforschung. 2015. Vol. 68(3). P. 359–394. DOI: 10.1515/stuf-2015-0017.
12. Grossmann M. Romanian compounds // Probus. 2012. Vol. 24(1). P. 147–173. DOI: 10.1515/probus-2012-0007.
13. Hashimov R.I. Bileksema kak osobaya edinica yazyka // Voprosy filologii. 2008. № 4. S. 30–38.
14. Cherkasova A.A. O nekotorykh grammaticheskikh priznakah bileksemy kak osoboy edinicy yazyka // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 3 (1). S. 347–350.

15. Bernal E. Catalan compounds // *Probus*. 2012. Vol. 24(1). P. 5–27. DOI: 10.1515/probus-2012-0002
16. Bisetto A. Do Romance languages have phrasal compounds? A look at Italian // *STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2015. Vol. 68(3). P. 395–419. DOI: 10.1515/stuf-2015-0018
17. Masini F., Benigni V. Phrasal lexemes and shortening strategies in Russian: The case for constructions // *Morphology*. 2012. Vol. 22(3). P. 417–451. DOI: 10.1007/s11525-011-9200-y
18. Masini F. Italian compounds // *Probus*. 2012. Vol. 24(1). P. 61–91. DOI: 10.1515/probus-2012-0004
19. Pafel J. Phrasal compounds and the morphology-syntax relation // C. Trips, J. Kornfilt (eds.) *Further Investigations into the Nature of Phrasal Compounding*. Berlin : Language Science Press, 2017. P. 233–259. DOI:10.5281/zenodo.896369.
20. Lieber R., Stekauer P. (Eds.) *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford University Press, 2011. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199695720.001.0001
21. Hacken P. Ten (Ed.) *The Semantics of Compounding*. Cambridge : Cambridge University Press, 2016.
22. Trips C. How to account for the expressive nature of phrasal compounds in a conceptual-semantic framework // *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. 2014. Vol. 11(1). P. 33–61.
23. Meibauer J. On "R" in phrasal compounds. A contextualist approach // *STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2015. Vol. 68(3). P. 241–261. DOI: 10.1515/stuf-2015-0013
24. Meibauer J. Word-Formation and contextualism // *International Review of Pragmatics*. 2014. Vol. 6(1). P. 103–106. DOI: 10.1163/18773109-00601006
25. Charitonidis C. The morphology-pragmatics interface in Modern Greek compounding // *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*. 2015. Vol. 51(1). P. 27–73. DOI: 10.1515/psicl-2015-0002
26. Nikulicheva D.B. O funkcionalnom i strukturnom ponimanii analiticheskogo stroya i o sintagmatike diskretnosti kak strukturnoy dominante analitizma // *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya*. T.4. Vyp. 2. 2006. S. 39–47.
27. Baum M. The constituent foundations of the rally-round-the-flag phenomenon // *International Studies Quarterly*. 2002. Vol. 46. P. 263–298.
28. Hetherington M., Nelson M. Anatomy of a rally effect: George W. Bush and the war on terrorism // *Political Science and Politics*. 2003. Vol. 36(1). P. 37–42. DOI: 10.1017/S1049096503001665
29. Conway M. Republican senators shouldn't flub this chance to show Trump his actions have consequences // *NBCNews*. January 15, 2021. URL: <https://www.nbcnews.com/think/opinion/republican-senators-shouldn-t-flub-chance-show-trump-his-actions-ncna1254339> (data obrashcheniya 15.12.2021).
30. Levitz E. 5 Ways a Coronavirus Pandemic Could Change the 2020 Election // *New York Magazine*. February 26, 2020. URL: <https://nymag.com/intelligencer/2020/02/how-a-coronavirus-pandemic-could-impact-the-2020-election-economy.html> (data obrashcheniya 26.02.2021).
31. Peterson L. Why Bradley Whitford is doing everything he can to send Hillary Clinton to the West Wing // *The Office of Hillary Rodham Clinton*. April 29, 2016. URL: <https://www.hillaryclinton.com/feed/why-bradley-whit-ford-doing-everything-he-can-send-hillary-clinton-west-wing> (data obrashcheniya 25.11.2016).
32. Barbaro M. Hillary Clinton asks not for trust, but for faith in her competence // *New York Times*. July 28, 2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/07/29/us/politics/hillary-clinton-demo-cratice-nominee.html> (data obrashcheniya 12.10.2016).
33. Convention wrap up: Dems keep Joe Biden's agenda hidden in the basement // *Issues & Insights*. August 21, 2020. URL: <https://issuesinsights.com/2020/08/21/convention-wrap-up-dems-keep-joe-bidens-agenda-locked-in-the-basement> (data obrashcheniya 15.12.2021).
34. Yaffa J. Is Russian meddling as dangerous as we think? // *New Yorker*. September 14, 2020. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2020/09/14/is-russian-meddling-as-dangerous-as-we-think> (data obrashcheniya 01.01.2021).
35. Hanlon B. It's not just Facebook: Countering Russia's social media offensive // *Alliance for Securing Democracy*. April 11, 2018. URL: <https://securingdemocracy.gmfus.org/its-not-just-facebook-countering-russias-social-media-offensive> (data obrashcheniya 01.01.2021).
36. Ward A. A GOP-led Senate intel committee report states the obvious: Russia favored Trump in 2016 // *Vox: American news website*. October 8, 2019. URL: <https://www.vox.com/2019/10/8/20905160/senate-intelligence-russia-2016-election> (data obrashcheniya 01.01.2021).
37. Niedzwiadek N., Cheney K. Trump pressures Pence to throw out election results even though he can't // *Politico*. January 05, 2021. URL: <https://www.politico.com/news/2021/01/05/trump-pressure-pence-election-results-455069> (data obrashcheniya 05.01.2021).
38. Cheney K., Gerstein J. Pence may choose 2020 election winner 'as he sees fit,' Gohmert says in court filing // *Politico*. January 01, 2021. URL: <https://www.politico.com/news/2021/01/01/pence-2020-election-winner-gohmert-453259> (data obrashcheniya 01.01.2021).
39. Gerstein J., Cheney K. Supreme Court rejects Texas-led effort to overturn Biden's victory // *Politico*. December 11, 2020. URL: <https://www.politico.com/news/2020/12/11/supreme-court-rejects-texas-led-effort-to-overturn-bidens-victory-444638> (data obrashcheniya 01.01.2021).
40. Gerstein J., Cheney K. Federal appeals court tosses Gohmert suit aimed at overturning 2020 election results // *Politico*. January 01, 2021. URL: <https://www.politico.com/news/2021/01/01/louie-gohmert-lawsuit-pence-453387> (data obrashcheniya 01.01.2021).
41. Novik I. Ponyatiya kak «rekurrentnye elementy» diskursa: podhod k istorii konceptualnogo v «Arheologii znaniya» *Mishelya Fuko* // *Logos*. 2019. T. 29. № 2. S. 126–148.
42. Klyuev Yu.V. Politicheskij diskurs v massovoy kommunikacii: analiz publicnogo politicheskogo vzaimodeystviya. Moskva-Berlin : Direkt-Mediya, 2016. 263 s.
43. Kiryanova L.G. Dihotomiya «globalnoe/lokalnoe»: k voprosu postanovki problemy // *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 2007. T. 310. № 2. S. 225–230.

Информация об авторе:

Николаева О.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: onikolaeva2009@yandex.ru / nikolaeva.ov@dvfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nikolaeva O.V., Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: nikolaeva.ov@dvfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.01.2022;
одобрена после рецензирования 22.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 13.01.2022;
approved after reviewing 22.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 811.161.1'367.626'42
doi: 10.17223/15617793/474/11

Местоименная репрезентация экспериенцера при выражении безразличного и небезразличного отношения в русскоязычном дискурсе

Елена Владимировна Ничипорчик

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Республика Беларусь, evnich@gmail.com

Аннотация. Анализируется функционирование конструкций «кого-либо не волнует / не волновало /...», «кого-либо волнует / волновало /...» в русскоязычном дискурсе. Устанавливается преимущественно местоименная репрезентация экспериенцера в таких конструкциях. Выявляются закономерности продуцирования сообщений о безразличном и небезразличном отношении в разных типах дискурсов, проявляющиеся в количественном преобладании одних местоименных словоформ над другими, порядке следования прономинативного и глагольного компонентов, временной локализации обозначаемого отношения.

Ключевые слова: местоимение, глагол, сочетание, экспериенцер, безразличное отношение, небезразличное отношение

Для цитирования: Ничипорчик Е.В. Местоименная репрезентация экспериенцера при выражении безразличного и небезразличного отношения в русскоязычном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 97–109. doi: 10.17223/15617793/474/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/11

Pronominal representation of the experiencer when expressing an indifferent and not indifferent attitude in the Russian-language discourse

Elena V. Nichiporchik

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus, evnich@gmail.com

Abstract. The author of the article aims to test the assumption that the representation of the subject of an indifferent attitude in the phraseological units of the Russian language by the first-person pronoun is not accidental. Finding the regularities of the experiencer's representation in messages about an indifferent and not indifferent attitude is carried out on the material of contexts with a stylistically neutral verb *volnovat*. The source of the material is the resources of the National Corpus of the Russian Language and Google Books Ngram Viewer. The corpus tools for extracting and processing information, methods of quantitative analysis and generalization of the obtained data were used.

In the messages about an indifferent and not indifferent attitude, constructed using the verb *volnovat*, the predominantly pronominal representation of the experiencer is found. The representations of the experiencer by the first-person pronoun *menya* quantitatively prevail over other pronominal representations.

Participants of the Russian-language discourse are more inclined to inform about the state of concern, not indifferent attitude to something, than about an indifferent attitude towards that what constitutes a personal or social being of man.

Messages with the representation of the experiencer by pronouns of the first and the third person, which statistically outperforming messages with the representation of the experiencer by pronouns of the second person, differ in the spheres and, accordingly, in the genres of their predominant use.

Publicistic writing is more focused on communication in the “here and now” format, an open dialogue about what excites or should excite each and many, therefore the experiencer in messages about an not indifferent attitude is more often represented by pronouns *menya, nas, ikh*, in messages about an indifferent attitude – pronouns *nikogo, menya, ikh*. In the artistic discourse, the narrator focuses on the inner world of the character, hence the most frequent representations of the experiencer are *ego, eyo*.

The pronominal representations of the experiencer are fixed in combinations with the verb *volnovat* mainly in messages about an indifferent and not indifferent attitude, localized in the present tense. The exception constitutes the representations of the experiencer by pronouns *ego* and *eyo* with the verb *volnovat* in literary texts: combinations of these pronouns with the verb *volnovat* in the past tense outperform by frequency the combinations with the verb forms in the present tense.

The pronominal representations of the experiencer in combinations with the verb *volnovat* are predominantly contact and prepositive, that indicates on the action of speech stereotypes, leading ultimately to the formation of speech patterns – the preservation of form and content in the form of combinations which blur the borderline between free word combinations and reproducible units.

Keywords: pronoun, verb, combination, experiencer, indifferent attitude, not indifferent attitude

For citation: Nichiporchik, E.V. (2022) Pronominal representation of the experiencer when expressing an indifferent and not indifferent attitude in the Russian-language discourse. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 474. pp. 97–109. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/11

Введение

Электронные ресурсы, и особенно корпуса национальных языков с различными инструментами извлечения и обработки информации, в настоящее время дают широкие возможности для решения разного рода лингвистических задач. При достаточной репрезентативности корпуса с опорой на статистические методы анализа можно выявлять разного рода шаблонные формы выражения смысла. По отношению ко многим шаблонным формам выражения смысла, стабильность связи между компонентами которых не может быть объяснена грамматическим правилом либо не может быть объяснена только грамматическим правилом, применим термин «конструкция», используемый в русскоязычном научном дискурсе вслед за представителями одного из ведущих направлений зарубежной лингвистики СxG, у истоков которого стоит Ч. Филлмор. Учитывая то, что природа ограничений на переменные в сочетаниях слов различна, лингвисты стремятся установить место каждого повторяющегося в речи соединения слов на шкале, крайними точками которой считаются идиомы и свободные сочетания. Строгая дифференциация устойчивого и изменчивого в вербальном воплощении мысли направлена на решение задачи, связанной, по сути, с определением демаркационной линии между лексикой и грамматикой, языком и речью. Фиксация в корпусах национальных языков множества свободных сочетаний, выделяющихся высокой частотностью употребления на фоне менее частотных, образованных по тем же моделям соединений слов, заставляет вновь и вновь задуматься над вопросом о соотношении воспроизводимого и творимого при продуцировании речи, о причинах предпочтения одних форм выражения смысла другим, а также о том, насколько четка граница между языком и речью.

Глагольные сочетания давно находятся в поле зрения лингвистов. Обширна литература, в которой отражаются результаты изучения «синтаксических потенциалов» глаголов, определяются внутренние связи свободных и несвободных глагольных сочетаний, описываются внешние грамматические связи несвободных глагольных сочетаний (Б.А. Абрамов, Ю.Д. Апресян, Г.В. Бажутина, В.М. Дерибас, В.Г. Дидковская, Р.М. Гайсина, Т.М. Дорофеева, Г.А. Золотова, Т.Я. Зотова, И.Г. Казачук, М.А. Кормилицына, Е.Л. Кривченко, Н.В. Ламзикова, Р. Мразек, Е.В. Рахилина, Н.А. Прокуденко, Г.Г. Сильницкий и мн. др.). Несмотря на то что многие задачи в изучении синтактики русских глаголов уже решены, в настоящее время наблюдается новый виток научного интереса к глагольной сочетаемости, как, впрочем, и сочетаемости вообще. Вызван он развитием корпусной лингвистики, возможностью выявления с опорой на статистические методы исследования высокочастотных

сочетаний, возможностью установления меры тяготения слов друг к другу (коэффициента совместной встречаемости) и, что оказалось не менее важным, направления «притяжения» слов в сочетаниях (Е.Г. Борисова, В.П. Захаров, М.В. Хохлова, О.А. Митрофанова, В.В. Кадина, Е.В. Еникеева, А. Стефанович, С. Грис, Ф. Чермак и мн. др.). Возрастание научного интереса к синтаксическим соединениям слов стимулировано также признанием плодотворности подходов к изучению словаря в неразрывной связи с грамматикой (Ю.Д. Апресян, Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук, Е. В. Рахилина и мн. др.), результативностью принятых в теории СxG методов анализа конструкций, поставивших под сомнение абсолютность примата глагола (А. Горберг, А. Стефанович, С. Грис и др.). И если ранее, как отмечает Д.О. Добровольский, СxG занималась изучением образований, представляющих, скорее, отклонение от правил синтаксических построений, то в настоящее время и базовые структуры, такие как «субъект–предикат–объект», объявляются конструкциями, т.е. структурами, которые могут быть описаны при помощи инструментария теории, изучающей преимущественно некомпозиционные сочетания [1. С. 9]. Перспективность изучения высокочастотных композиционных сочетаний, т.е. сочетаний, представляющих случаи «консервации» взаимодействия формы и содержания, связывается с привлекательностью гипотезы, согласно которой такие сочетания, подобно воспроизводимым единицам лексикона, «хранятся в памяти носителя языка как единые блоки, а не порождаются по правилам синтаксиса и соположения смыслов» [1. С. 9]. Словари нового типа – словари коллокаций, созданные на основе Национального корпуса русского языка (см.: [2, 3]), подтверждают верность этого предположения и подвигают к принятию тезиса современных лексикографов об ограниченных пределах действительно свободной сочетаемости слов [2].

Корпусная лингвистика достигла значительных успехов в исследованиях языка, направленных на выявление алгоритмов, отражающих взаимодействие лексики и грамматики в процессе порождения речи, выявление укорененных в сознании носителей языка неэлементарных «одежд», в которые облакаются бесконечно новые мысли. В то же время многие вопросы, по мнению исследователей, еще ждут своего решения: недостаточно изученными являются количественные критерии для выявления устойчивых сочетаний [4], словари устойчивых сочетаний отражают далеко не полный перечень такого рода языковых единиц [5], не получили системного описания коллигации – статистические модели, проливающие свет на поведение грамматических групп в тексте [6. С. 302–303].

Толчком к анализу конструкций со значением безразличного и безразличного отношения в русско-

язычном дискурсе, и в частности к анализу способов репрезентации экспериенцера (в данном случае субъекта, воспринимающего индифферентно или неиндифферентно нечто стороннее, реагирующего на некоторый стимул) в такого рода конструкциях, послужил тот факт, что в словарях устойчивых выражений русского языка отмечается целый ряд закрепившихся в узусе выражений с семантикой безразличного отношения к чему-, кому-либо, которые подаются с включением в их состав личного местоимения первого лица или притяжательного местоимения, указывающего на принадлежность первому лицу: *меня не колышет; меня не касается; мне без разницы; оно мне надо; мне фиолетово; имел я в виду; мое дело сторона; моя хата с краю; не мое дело; не моя забота; не моя печаль* [7]; *начхать мне на тебя (на него); по мне хоть пёс; лишь бы яйца пёс; мне с ним детей не крестить; мне от твоих слов ни холодно, ни жарко; больно (очень) мне нужно* [8]. Как известно, в академической традиции грамматическая связь фразеологизма передается посредством использования «обезличенных» и «обеспредмеченных» местоимений *кто* и *что*: «*по барабану кому что*» [9. С. 29], «*какое дело кому*» [9. С. 181], «*ни холодно ни жарко кому*» [10. С. 680–681]. При вхождении местоименного компонента в состав устойчивого выражения словарь, как правило, отражает возможную вариативность местоименного компонента, например: *не мое (твое, его... и т.п.) дело* [9. С. 181], хотя и непоследовательно. Так, выражение *моя хата с краю* в «Большом словаре русских поговорок» подается без указания на вариативность дейктического средства [9. С. 707], в то время как, по наблюдениям И.Г. Гомоновой, поговорка *моя хата с краю* в текстах Национального корпуса русского языка фиксируется не только с местоименным компонентом *моя* (75% от всех фиксаций), но и с иными местоименными компонентами (*наша / его / их хата с краю*) [11. С. 174]. Возникает вопрос, случайно или закономерно в составе фразеологизмов со значением безразличного отношения «приживаются» именно перволичные местоимения, а в словарях указывается преимущественно перволичная репрезентация экспериенцера при отражении грамматических связей фразеологизмов с таким значением.

Для проверки предположения о неслучайности такого рода фактов были привлечены контексты с нейтральным в плане функционально-стилевой окрашенности глаголом *волновать*, функционирующим в составе грамматических структур со значением безразличного и небезразличного отношения *кого-либо не волнует / не волновало /... , кого-либо волнует / волновало /... .* В качестве источника фактического материала использовались ресурсы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [12], а также поисковые ресурсы Google Books Ngram Viewer¹ [13]. Был намечен следующий перечень задач:

1) определить состав местоимений, наиболее регулярно используемых носителями языка для обозначения экспериенцера в сочетаниях с глаголом *волновать*;

2) установить, есть ли связь между способом обозначения экспериенцера, «выбором» местоимения в качестве дейктического средства в сочетаниях с глаголом *волновать* и типом дискурса;

3) выяснить, к чему чаще склоняются говорящие и пишущие: к выражению безразличного или небезразличного отношения;

4) определить, какой временной локализацией характеризуются действия, обозначенные глаголом *волновать*, в сообщениях о безразличном и небезразличном отношении;

5) определить, какие соединения местоимений, обозначающих экспериенцера, с глаголом *волновать* в наибольшей степени соответствуют укорененным в сознании говорящих на русском языке моделям развертывания мысли: дистантное или контактное, препозитивное или постпозитивное употребление местоимений.

Выборка фактического материала (с учетом основной цели и частных задач) осуществлялась по нескольким запросам: с различными местоимениями, на разном расстоянии от глагола, с отрицательной частицей *не* при глаголе и без нее, с препозицией и постпозицией местоимений при формах настоящего и прошедшего времени глагола. В качестве основного метода был использован метод количественного анализа. С учетом того, что подсчеты употреблений в речи тех или иных единиц не являются информативными, пока не включаются в ту или иную оппозицию, статистика употреблений местоимений в роли экспериенцера при глаголе *волновать* была сопоставлена со статистикой употребления существительных в той же семантической роли.

Статистика препозитивной местоименной репрезентации экспериенцера

Статистика, отражающая результаты анализа контекстов с препозитивными (с расстоянием в три слова) по отношению к глаголу *волновать* местоимениями (см. рис. 1), весьма красноречиво говорит о том, что, во-первых, наиболее частотными в текстах и Основного, и Газетного корпусов НКРЯ (далее ОСН и ГЗТ) являются сочетания со значением безразличного отношения, включающие местоимение *меня*, т.е. чаще всего адресант сообщает о своем, а не о чужом небезразличном отношении к чему-либо, о своем, а не чужом состоянии обеспокоенности чем-либо. Эта закономерность последовательно проявляется как в текстах ОСН, так и в текстах ГЗТ, причем по количеству фиксаций лидирует сочетание местоимения *меня* с глаголом *волновать* в форме единственного числа настоящего времени: *С раннего утра зашел ко мне Гурко, которого, как и других интересных личностей, Боткин ко мне не пускал, зная, до какой степени меня волнует нынешнее безотрадное положение дел* (Игнатев Н. Походные письма 1877 года); *Ну и хорошо, что он ко мне не заходит, очень хорошо, что не заходит. Но всё-таки это меня волнует* (Аксенов В. Звездный билет // Юность); *Меня волнует участь бедных людей в бедных странах, и мне хочется, что-*

бы они хотя бы не умирали с голоду (Хабаров Г. Красота может все испортить // Совершенно секретно. 2003.07.04); Гораздо больше **меня волнует тот факт, что у него вообще есть время это делать** (Леброн Джеймс снова раскритиковал Трампа // gazeta.ru. 2018.09.21). Во-вторых, перволичная репрезентация экспериенцера оказывается наиболее частотной и при выражении безразличного отношения. И в этом случае количественно преобладают сочетания с глаголом *волновать* в форме единственного числа настоящего времени. Сочетание *меня не волнует* лидирует, правда, только в текстах, представленных в ОСН: *Говорит, мне нравится жить в этой квартире с молодой женой, а где ты обитаешь – **меня не волнует*** (Никулин А., Шапошникова Е. Полет парикмахерши // Отечественные записки); *Я простая женщина, не хожу на светские вечеринки, я здорова, **меня не волнует, что будет с моей фигурой после родов, мы уже много лет вместе, мы сто раз успели пожить для себя*** (Тренина Т. Русалка для интимных встреч); *Я не искренен, **меня не волнует** его судьба, и ему начихать на то, что в душе у меня* (Ариткулова Г. Контур, выжженный на асфальте // Бельские просторы). В ГЗТ наиболее частотным является другое сочетание – *никого не волнует*. Сочетание *никого не волнует* используется для обозначения референтных ситуаций, в которых наблюдается равнодушие к тому, что с точки зрения говорящего/пишущего обязательно должно вызвать резонанс у всех, многих или по крайней мере у ответственных лиц: *«Вот я» – роман о зыбкости современного мира и его устоев: национальная и религиозная идентичность больше **никого не волнует, браки рушатся, опереться не на что, частное победило коллективное*** (Жочеткова Н. Моя семья и продажные твари // lenta.ru. 2017.11.29); *А то, что похожие проблемы еще в полусотне стран мира есть, особо **никого не волнует*** (Форум: Иранская ядерная

программа); *И **никого не волнует, сколько времени водителям пришлось простоять на границе и по каким причинам*** (Антидзе А. «Нас не считают за людей» // lenta.ru. 2019.02.24).

Обратим внимание на тот факт, что в «Активном словаре русского языка», отражающем лексико-семантическую сочетаемость слов и специфические для слов синтаксические конструкции, первыми контекстами в вокабуле *волновать* являются контексты с местоимениями *меня* и *никого* (*Меня волнует, что обо мне подумают, Это никого не волнует* [14. С. 231]). В словаре говорится также о маркированном принадлежностью к разговорной речи сочетании глагола *волновать* в форме настоящего времени с отрицательной частицей (*не волнует*), характеризующемся сдвигом к значению ‘не интересует’, и тоже приводятся иллюстрации с местоимениями (*Меня это вообще не волнует! Тебя, я вижу, это совсем не волнует!*), однако акцент на сочетаемость глагола *волновать* именно с местоимениями не делается, в качестве примеров типичной сочетаемости глагола приводятся сочетания с наречиями меры и степени [14. С. 231].

Статистика свидетельствует, что состояние беспокойности, проявление повышенного интереса человека к чему-либо становятся предметом речи чаще, чем выражение безразличного отношения (эта закономерность проявилась и в конструкциях с именами существительными в семантической роли экспериенцера). Кроме того, человеку в большей степени свойственно говорить о том, что волнует его в настоящем, чем о том, что волновало в прошлом, особенно это характерно для текстов публицистического стиля, в текстах же художественного стиля свои особенности. Эпизодичны контексты с местоименной репрезентацией экспериенцера при глаголе *волновать*, употребленном в составе аналитической формы будущего времени, по этой причине соответствующие данные не отражены в табл. 1.

Таблица 1

Статистика препозитивных местоименных репрезентаций экспериенцера в базе данных НКРЯ

Местоимение	Основной корпус безразличное отношение			Газетный корпус безразличное отношение			Основной корпус безразличное отношение			Газетный корпус безразличное отношение		
	наст.	прош.	всего	наст.	прош.	всего	наст.	прош.	всего	наст.	прош.	всего
Меня	428	194	622	452	88	540	120	65	185	174	31	205
Никого	–	–	–	–	–	–	87	47	134	244	50	294
Его	174	266	440	137	45	182	41	66	107	76	21	97
Их	90	60	150	194	40	234	37	11	48	86	16	102
Нас	79	43	122	202	17	219	16	7	23	46	4	50
Вас	103	3	106	123	4	127	27	2	29	33	2	35
Ее	68	88	156	47	10	57	20	24	44	19	4	23
Тебя	74	5	79	11	1	12	23	1	24	3	–	3
Кого	59	13	72	125	21	146	2	–	2	2	–	2
Всех	29	33	62	88	28	116	–	–	–	–	–	–
Многих	9	7	16	44	10	54	1	–	1	2	–	2
Кого-то	5	–	5	7	3	10	1	–	1	–	–	–
Каждого	–	3	3	5	–	5	–	–	–	–	–	–

Как видим, наименее частотным в семантической роли экспериенцера в сочетаниях с глаголом *волновать* среди личных местоимений является местоименная форма *тебя*. Местоименные формы *его* и *ее*, в отличие от всех других местоименных форм, в текстах ОСН чаще фиксируются в сочетании с формой глагола прошедшего времени, в ГЗТ, напротив, с

формой глагола настоящего времени. Местоименные формы *их* и *нас*, используемые для обозначения множества субъектов безразличного/небезразличного отношения, в ГЗТ фиксируются чаще, чем местоимения, указывающие на отдельных субъектов, – *его* и *ее*. Сочетания *кого волнует* и *всех волнует* в ГЗТ более частотны, чем сочетания *ее волнует* и *тебя волнует*.

Синтаксические структуры со значением безразличного отношения показывают в основном ту же последовательность по убыванию частотности использования того или иного местоимения, что и синтаксические структуры, в которых выражается значение обеспокоенности, однако с меньшими цифровыми значениями. Эта корреляция является подтверждением наличия определенного рода речевых стереотипов, усвоенных коллективным сознанием.

Выявленные на материале Национального корпуса русского языка статистические закономерности под-

тверждаются и графиками, полученными по соответствующим запросам в значительно более объемной поисковой базе Google Books Ngram Viewer.

Графики (рис. 1, 2) отражают преобладание сочетаний глагола *волновать* с местоимениями *меня*, *его*, *их* при выражении небезразличного отношения и сочетаний глагола *волновать* с местоимениями *никого*, *меня*, *его* – при выражения безразличного отношения. Подтвердилась и закономерность, касающаяся временных значений, – настоящее в переживаниях человека более важно, чем прошлое.

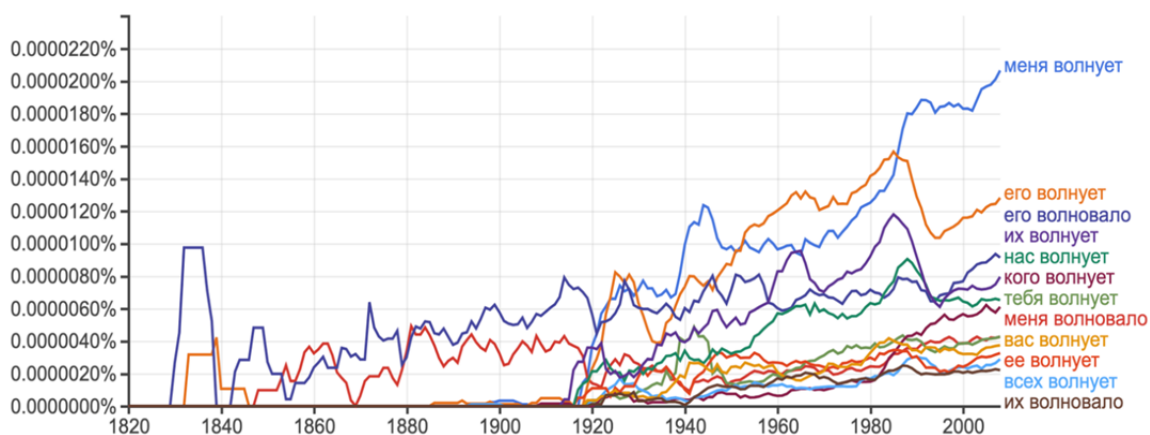

Рис. 1. Статистика препозитивных местоименных репрезентаций экспериенцера в структурах со значением небезразличного отношения в базе данных Google Books Ngram Viewer

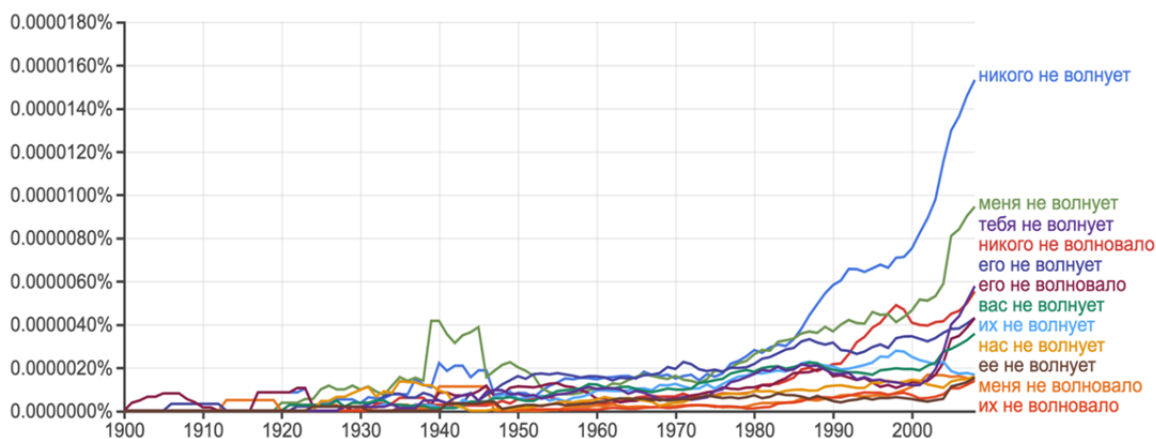

Рис. 2. Статистика препозитивных местоименных репрезентаций экспериенцера в структурах со значением безразличного отношения в базе данных Google Books Ngram Viewer

Таблица 2

Статистика препозитивных местоименных репрезентаций экспериенцера с учетом удаленности от глагола *волновать* в базе данных НКРЯ

Кол-во слов	Основной корпус небезразличное отношение	Газетный корпус небезразличное отношение	Основной корпус безразличное отношение	Газетный корпус безразличное отношение
До одного	1 055	1 166	372	541
До трех	1 833	1 702	598	813

Таблица 3

Соотношение местоименных и субстантивных репрезентаций экспериенцера в препозиции к глаголу *волновать* в базе данных НКРЯ

	Основной корпус небезразличное отношение	Газетный корпус небезразличное отношение	Основной корпус безразличное отношение	Газетный корпус безразличное отношение
Местоимение	1 833	1 702	598	813
Существительное	315	731	89	142

Если сравнить количество сочетаний, полученных по запросу с расстоянием до трех слов между местоимением и глаголом, с количеством препозитивных контактных репрезентаций экспериенцера при глаголе *волновать* (см. табл. 2) и учесть, что в диапазоне до трех слов в НКРЯ автоматически подсчитываются и все контактные сочетания с препозицией местоимения, то напрашивается вывод о преобладании контактных препозитивных соединений местоимений с глаголом *волновать* над дистантными.

Субстантивно-глагольные сочетания с заданными параметрами (т.е. с препозицией существительного на расстоянии до трех слов от спрягаемых форм глагола *волновать*) представлены в значительно меньшем количестве, чем местоименно-глагольные (см. табл. 3).

Как видим, в ОСН местоименно-глагольные сочетания и со значением безразличного отношения, и со значением безразличного отношения превосходят по численности субстантивно-глагольные сочетания примерно в шесть раз. В ГЗТ местоименно-глагольных сочетаний со значением безразличного отношения тоже практически в шесть раз больше, чем субстантивно-глагольных. При сопоставлении структур со значением безразличного отношения в ГЗТ различие в данных иное: местоименно-глагольных сочетаний со значением безразличного отношения больше всего лишь в два раза, чем субстантивно-глагольных.

Итак, подсчеты показывают, что в русской речи репрезентации экспериенцера в препозиции к глаголу *волновать* преимущественно местоименные, а не субстантивные. Наиболее частотной среди репрезентаций экспериенцера личными местоимениями является репрезентация экспериенцера местоимением *меня*, причем в текстах как Основного, так и Газетного корпуса. Эта закономерность проявляется в сообщениях о безразличном и безразличном отношении. В то же время в текстах Газетного корпуса сочетания глагола *волновать* с местоимением *никого* превосходят по количеству фиксаций сочетания глагола *волновать* с местоимением *меня*. Репрезентация экспериенцера местоимением *его* в препозиции к глаголу в сообщениях о безразличном отношении также относится к числу частотных, однако только в текстах Основного корпуса, в Газетном корпусе – уступает по численности репрезентациям экспериенцера местоимениями *их* и *нас*.

Объяснить выявленные закономерности достаточно сложно. Возможно, сообщение о том, что волнует или не волнует, есть определенного рода «откровение», которое в соответствии с традициями, сложившимися в русскоязычном дискурсе, должно исходить от самого говорящего. В художественном нарративе с устранным типом нарратора (опосредованная интеракция с читателем), как правило, предполагается предварительное (предшествующее сообщению) «знакомство» с субъектом отношения/состояния, отсюда частотность третьеличной местоименной репрезентации экспериенцера. Если это диалогическая речь, то в ней использование местоимений для репрезентации экспериенцера – естественное явление: диа-

логическая речь – разговорная речь в своей основе, а для разговорной речи вообще характерно частотное обращение к местоименным дейктическим средствам [15. С. 271]. Кроме того, диалогу как жанру всегда в той или иной мере свойственна тенденция к «интимизации» общения – сближению адресанта и адресата, а следовательно, и к «откровению» – рассказу о том, что волнует, прежде всего, самих партнеров по общению.

Статистика постпозитивной местоименной репрезентации экспериенцера

Статистические характеристики употребления глагола *волновать* с постпозитивными местоимениями, выявленные на основе базы данных НКРЯ и Google Books Ngram Viewer, свидетельствуют о стойком проявлении общей закономерности в русскоязычном дискурсе: сообщения о состоянии обеспокоенности чем-либо, заинтересованном отношении к чему-либо превосходят по численности сообщения об индифферентном отношении к чему-либо (эпизодичность фиксации сообщений о безразличном отношении с постглагольным местоимением в семантической роли экспериенцера обусловила отказ от приведения соответствующих количественных данных в таблице и графике (табл. 4 и рис. 3)). В то же время зафиксированные в базах данных структуры с постглагольным местоимением отличаются от структур с препозитивной по отношению к глаголу репрезентацией экспериенцера в количественном отношении и в плане общего рейтинга по частотности. В ОСН лидеры – *волнует меня*, *волновало его*; правда, по общему количеству фиксаций (в расчет принималась сумма сочетаний с формами и настоящего, и прошедшего времени глагола) сочетания с местоимением *его* преобладают над сочетаниями с местоимением *меня*, в ГЗТ – сочетания с местоимением *меня* уступили в лидерстве сочетаниям с местоимениями *его*, *их*, *всех* (см. рис. 6, сравн. с рис. 1).

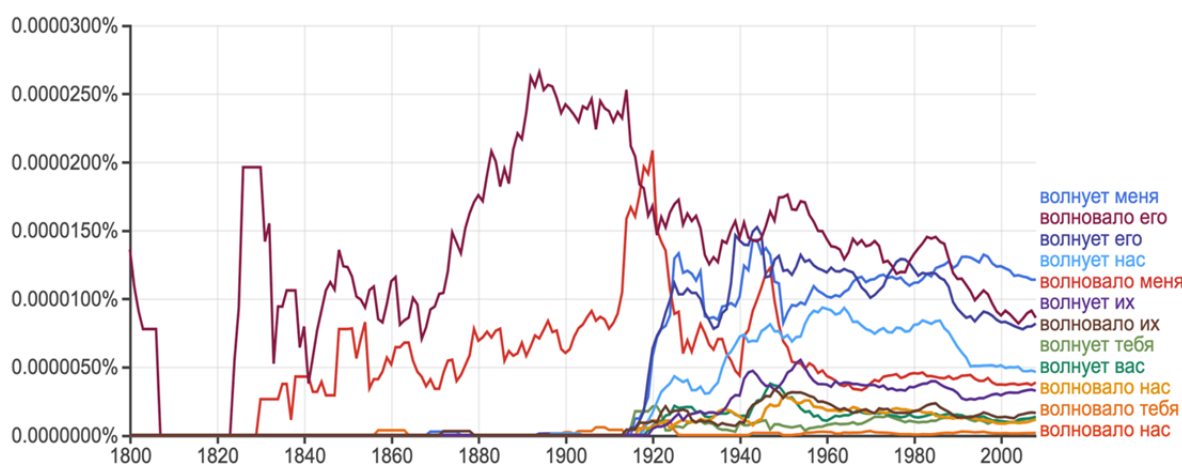
Google Books Ngram Viewer подтвердил преобладание сочетаний *волнует меня* и *волновало его* над иными местоименными сочетаниями в сообщениях о безразличном отношении с постглагольной местоименной репрезентацией экспериенцера.

Если сопоставить местоименные репрезентации экспериенцера в постпозиции к глаголу *волновать* с субстантивными, то в ОСН число местоименных репрезентаций экспериенцера и в сообщениях о безразличном отношении, и в сообщениях о безразличном отношении значительно выше числа субстантивных репрезентаций. В ГЗТ пропорция обратная: местоименные репрезентации экспериенцера уступают субстантивным (табл. 5), причем обозначение экспериенцера существительным во множественном числе, так же как и в препозиции к глаголу, встречается значительно чаще, чем обозначение экспериенцера существительным в единственном числе.

Обратим внимание на то, что местоименная репрезентация экспериенцера в препозиции к глаголу *волновать* предпочитается коммуникантами чаще, чем постпозитивная (табл. 6).

Статистика постпозитивных употреблений местоимений в сочетании с глаголом *волновать* в базе данных НКРЯ

Местоимение	Основной корпус небезразличное отношение			Газетный корпус небезразличное отношение		
	наст.	прош.	всего	наст.	прош.	всего
Его	152	375	527	71	26	97
Меня	202	189	391	35	13	48
Ее	78	116	194	19	7	26
Их	67	43	110	81	7	88
Нас	87	53	140	39	6	45
Вас	29	4	33	39	2	41
Тебя	17	3	20	3	–	3
Всех	15	30	45	65	9	74
Многих	14	3	17	34	3	37
Каждого	4	2	6	16	–	16

Рис. 3. Статистика постпозитивных употреблений личных местоимений в сочетании с глаголом *волновать* в базе данных Google Books Ngram ViewerСоотношение местоименных и субстантивных репрезентаций экспериенцера в постпозиции к глаголу *волновать* в базе данных НКРЯ

Часть речи	Основной корпус небезразличное отношение	Газетный корпус небезразличное отношение	Основной корпус безразличное отношение	Газетный корпус безразличное отношение
Местоимение	1 483	475	72	11
Существительное	708	800	27	28

Соотношение препозитивных и постпозитивных местоименных репрезентаций экспериенцера в сочетаниях с глаголом *волновать* в базе данных НКРЯ

Местоименная репрезентация	Основной корпус небезразличное отношение	Газетный корпус небезразличное отношение	Основной корпус безразличное отношение	Газетный корпус безразличное отношение
Препозитивная репрезентация	1 833	1 702	598	813
Постпозитивная репрезентация	1 483	475	72	11

Причины выбора коммуникантами препозитивной или постпозитивной местоименной репрезентации экспериенцера в сочетаниях с глаголом *волновать*, на наш взгляд, требуют отдельного изучения. И значимость порядка следования местоименного и глагольного компонентов может быть определена, по всей вероятности, с учетом общего порядка слов в предложении-высказывании. Интересны в этом отношении, к примеру, предложения-высказывания с постглагольными местоимениями *всех* и *никого* в финальной позиции: *Значит, судьба местного самоуправления города должна бы волновать всех* (Калиниченко А.

Иммигрантка // Общая газета); *Деньги стали синонимом свободы. Это волновало всех. Самые сильные и агрессивные занялись бизнесом* (Алексиевич С. *Время second-hand* // Дружба народов); *Но вот откуда возьмутся деньги на демонтаж – этот вопрос волнует всех* (Савельева Т. *Про Петра* // Столица); *Причем качество оwoцей и фруктов не волнует никого* (Дорого и сердито. Почему в Москве всё за большие деньги // Комсомольская правда). Прагматический пик такого рода высказываний представляет репрезентация экспериенцера, то есть внимание акцентируется на субъекте отношения. В то же время финальная

позиция личных местоимений в сочетании с глаголом *волновать* такой коммуникативной нагрузкой обычно не характеризуется: *Много еще прекрасных тем нашей современной действительности волнует меня* (Советское искусство); *В общем, работа в Антарктике глубоко вошла в мою жизнь, и до сегодняшнего дня она волнует меня* (Губарев В., Котляков В. Когда от любви тают льды... // Наука и жизнь); *Всё света свет. Но света свет радовала и волновала его* (Гроссман В. Жизнь и судьба); *Он ушел, чтобы успокоить свое тело, но остался с нами, ибо душа его, его мысль открыты и юны, и они волнуют нас* (Ангаладян Р. Параджанов: коллаж тени и цвета в диапазоне одного человеческого сердца // Звезда).

Характеристика дискурсов с местоименной репрезентацией экспериенцера

Как было уже отмечено выше, сочетания местоимений в роли экспериенцера с глаголом *волновать* отмечаются в разных стилях и жанрах русской речи. Интересно выяснить, каковы пропорции употреблений таких сочетаний в разных сферах коммуникации и проявляется ли закрепление сочетаний с теми или иными местоимениями в роли экспериенцера за определенными жанрами речевых сообщений.

По автоматически исчисленным данным НКРЯ, в рамках ОСН местоименно-глагольные сочетания со значением безразличного отношения *меня волнует / волновало / ...* отмечаются чаще в публицистике, чем в художественной речи, сравн.: 47,35% (публицистика) и 39,71% (художественная литература). Невысок процент употреблений таких сочетаний в электронной коммуникации (4,71%) и в обыденной речи (3,24%); по-видимому, это объясняется пропорциями представленности этих видов коммуникации в НКРЯ. Что касается жанровых характеристик текстов, включающих сочетания *меня волнует / волновало / ...*, то здесь наблюдается следующее процентное соотношение: мемуары – 24,41%, далее по убыванию романы – 20,00%, повести – 9,71%, статьи – 7,35%, дневники, записные книжки – 5,88%, интервью – 5,78% и др.

В публицистике сочетания глагола *волновать* с местоимением первого лица единственного числа отмечаются, как правило, в жанре интервью: – *Вы уже задумывались об участии в следующих выборах губернатора? – Сегодня меня волнуют другие проблемы. Нужно достойно завершить 2016 год, в том числе сформировать такой бюджет области, чтобы он стимулировал развитие экономики и обеспечил все социальные обязательства государства* (Аваков А. Губернатор Рязанской области рассказал о правилах импортозамещения // Московский комсомолец. 2016.11.11); *В жизни меня волнует кое-что другое, большее, чем профессия. Поэтому и на сцене я рассуждаю вслух, а не механически повторяю заученный монолог. Всякий раз поражаюсь: сколько народу собралось, и все меня слушают! – От скромности вы явно не умрете* (Чехова В. Михалкову отказать невозможно // Семья). Закономерна фиксация такого рода сочетаний в мемуарах, дневниках, письмах: *Бы-*

ло чрезвычайно скучно, а дохода очень, очень мало, отвлечение же от науки меня волновало, я готовил новый научный доклад (Дьяконов И. Книга воспоминаний); *Ты, конечно, понимаешь, как все это меня волнует, тем более что неизвестно ничего относительно дальнейших намерений начальства* (Короленко В. Письма 1904 г.). В художественных текстах сочетания глагола *волновать* с местоимением первого лица отмечаются как в диалогах персонажей, так и в перволичном нарративе: – *Вы хотите знать, – начал он тихо, торжественно, – что меня теперь волнует, бесит?* (Гончаров И. Обыкновенная история); *То есть было понятно, что он выстрелил и попал женщине в грудь. И я думал, что она ранена или убита, что ей больно, что она испугалась. И я встречал это испуганное лицо везде в городе: на остановках, на стенах – везде. Меня оно волновало, мне нужно было её спасти, мне было всё это непонятно* (Гришковец Е. Одновременно).

По данным ресурсов ОСН в НКРЯ, местоименно-глагольные сочетания со значением безразличного отношения *меня не волнует / волновало / ...*, напротив, встречаются чаще в художественной речи (63,74%), чем в публицистике (29,67%). Фиксируются такие сочетания в романах (26,37%), повестях (19,78%), мемуарах (14,29%), рассказах (7,69%), дневниках (5,49%), интервью (4,4%): – *Я слишком рано получил то, к чему надо стремиться всю жизнь, а остальное меня не волнует* (Хруцкий Э. Осень в Сокольниках); *Кто этот Мурад, меня не волнует, у меня другая забота – я хочу перебить память своего поражения* (Сульчинская О. От мира до кругозора // Октябрь); *А роли... эти... меня не волнуют и не устраивают, значит, не из-за чего ломать копья и портить планы Гастрольбюро!* (Вергинская Л. Синяя птица любви).

Безразличное отношение к чему-либо, как показывает обращение не только к НКРЯ, но и к иным ресурсам в сети Интернет, зачастую находит выражение в формуле, включающей, кроме личного местоимения первого лица, предназначенного для идентификации экспериенцера, указательное местоимение *это*, функция которого должна заключаться в отсылке к объекту, оставляющему экспериенцера равнодушным: *меня это не волнует*. Выражение отмечается в названиях разного рода семиотических феноменов: песен, фильмов, видеопродукции и пр., например, в названии фильма К. Гарина – «Шамбала, или Меня это не волнует», анимационного клипа «Но меня это не волнует», а также в названиях ряда видеороликов, размещенных на видеохостинговом сайте YouTube. В такого рода употреблениях дейктические функции местоимений оказываются нереализованными, так как погашаются иной – номинативной – функцией, свойственной всему выражению в целом. Степень фразеологизации – укорененности² в сознании носителей языка данного выражения как целостного коммуникативного комплекса – определить трудно. Часто данное выражение употребляется как отдельное высказывание, нередко отмечается в структуре сложного предложения после союза *но*, реже в парцелирован-

ной конструкции и др.: *Фактически вас отдали даром. – Меня это не волнует. Этот вопрос уже к руководству «сенаторов»* (Лысенков П. Этот день рождения я запомню навсегда // Советский спорт); *Для этого в памяти Жени есть несколько трюков: например, если он не знает ответа на вопрос, то может обронить: «Меня это не волнует» или «Да я вообще не хочу это слышать, мне это неинтересно», а потом перевести разговор на тему, которая есть в его базе данных* (Коллективный. Вы робот?! // Огонек); *А потом из-за вас все летит к чертям собачьим!!.. Меня это не волнует! Это я знал уже в прошлом году!!*. (Букша К. Завод «Свобода» // Новый мир); *Умственно это может быть приемлемо, но меня это не волнует* (митрополит Антоний (Блум). О свободе и о подвиге); *Да, он много «ест», но меня это не волнует* (Новости // Автопилот). Зафиксирован даже такой контекст, в котором содержится указание на расхожесть анализируемого выражения, правда, в расширенном варианте: *«Обнуление» имело хождение в советском лексиконе с дней механических арифмометров «Феликс». И наоборот, модная фраза меня это не волнует ни разу только кажется старым одесским жаргонизмом. Несмотря на неудобнопроизносимость некоторых перлов, в них все прозрачно. Цель создания выражения – экспрессия и экономия языковых средств через деформацию привычных форм. Строгий, прилизанный русский язык нормативных словарей, был, видимо, результатом искусственного припудривания и укладки* (Иваницкий В. Креативить, обнулить, нолею ноля и прочее // Знание – сила).

Местоимение первого лица множественного числа *нас* в сочетании с глаголом *волновать* значительно уступает по частотности фиксации в НКРЯ местоимению первого лица единственного лица *меня*. Личные интересы и беспокойства, судя по текстам ОСН, являются предметом сообщения чаще, чем коллективные. И если частотность употребления анализируемых нами структур с местоимением *мне* возрастает с начала XX в., то частотность употребления такого же рода структур с местоимением *нас* – с середины 1960-х гг. Заключение о влиянии социальных факторов, в частности изменений в общественной жизни, вызванных «оттепелью», на характер адресантности сообщений в данном случае можно делать с большой осторожностью, тем не менее дополнительным аргументом, подкрепляющим правомерность такого рода выводов, можно считать то, что основной сферой использования сообщений о небезразличном отношении в формуле *нас волнует / волновало /...* является публицистика – 71,01%. В художественных текстах сочетания *нас волнует / волновало /...* фиксируются значительно реже – 21,74%; невелик процент употребления таких сочетаний в текстах церковно-богословских – 2,90%. Следует обратить внимание и на то, что в жанровом отношении по количеству фиксаций сочетаний глагола *волновать* с местоимением *нас*, так же как и с местоимением *меня*, лидируют мемуары – 33,33%; им уступают статьи – 17,39%, романы – 14,49%, заметки – 5,80%, эссе – 4,35%. Сообщения о

безразличном отношении, в составе которых отмечаются сочетания *нас волнует / волновало /...*, немногочисленны.

По автоматически исчисленным данным НКРЯ, сочетания *его волнует / волновало /...* в большей степени свойственны художественной речи (56,49%), чем публицистической (35,79%). То же можно сказать и о сочетаниях, используемых для выражения безразличного отношения: художественная речь – 61,97%, публицистика – 28,17%. В художественных текстах местоимение *его* встречается чаще в сочетании с формой прошедшего времени глагола *волновать*, чем с формой настоящего времени, это означает, что повествователю важно информировать читателя не только о том, что волнует персонажа в тот или иной момент развития сюжета, но и о том, какие чувства испытывал персонаж в ретроспективном изложении событий. Если сравнить процентное распределение по жанрам сочетаний с местоимением *его*, реализующих значение небезразличного отношения, с процентным распределением по жанрам сочетаний с местоимением *его*, используемых для выражения безразличного отношения, то мы не обнаружим существенных различий. Фиксации сочетаний со значением небезразличного отношения в романах составляют 38,25%, статьях – 11,18%, мемуарах – 11,18%, повестях – 10,53%, рассказах – 4,7%, монографиях – 4,54%, очерках – 2,11%, дневниках и записных книжках – 2,11%, на форуме – 1,46%; сравн. с процентным распределением по жанрам сочетаний со значением безразличного отношения: в романах – 36,62%, повестях – 15,49%, статьях – 12,68%, рассказах – 5,63%, на форуме – 4,23% и др.

Общее количество сочетаний *ее волнует / волновало /...* в ОСН значительно меньше, чем количество сочетаний глагола *волновать* с местоимением *его*. Сочетания *ее волнует / волновало /...* фиксируются чаще в художественных текстах (69,9%), реже в публицистике (27,39%). Степень употребительности сочетаний *ее волнует / волновало /...* в текстах того или иного жанра такова: преобладают романы (41,75%) и повести (24,27%), средний показатель употребительности сочетания в мемуарах – 9,71%, невысока частотность употребления в статьях – 5,83%, рассказах – 4,85% и иных жанрах. Сообщения о безразличном отношении с репрезентацией экспериенцера местоимением *ее* малочисленны.

Сочетания с местоименной формой *их*, реализующие значение небезразличного отношения, более активно используются со второй половины XX в. Статистика фиксации сочетаний с местоименной формой *их* в ОСН такова: в публицистике – 57,78%, художественной речи – 24,44%, учебно-научной речи – 6,67%, электронной коммуникации – 1,45%, бытовой коммуникации – 2,22%. Жанры, в которых фиксируются сочетания с местоимением *их*, – это статьи (28,89%), мемуары (12,22%), романы (12,22%), очерки (6,67%), повести (6,67%), монографии (5,56%), рассказы (4,44%), дневники и записные книжки (4,44%).

Местоименные формы *вас, тебя, кого, кого-то, каждого, всех, многих* в сочетании с глаголом *волно-*

вать не характеризуются высокой частотностью. В то же время отмечается тенденция закрепления в узусе выражений *тебя это волнует*, *кого это волнует*, реализующих экспрессивную функцию в форме мнимого вопроса.

Цель использования мнимовопросительного выражения *тебя это волнует?* заключается в блокировании контакта, демонстрации намерения дистанцироваться от навязчивого собеседника, в адресованном партнеру по общению призыве отстраниться от «чужих» проблем: *Женька вскинул на него хитрые и почти не пьяные глаза, прищурился: – Ну, допустим. Тебя это волнует? – Нет, просто интересует. И откуда же? – Оттуда* (Маринина А. Тот, кто знает); *Ты чего не ней не женишься? – Тебя это волнует, – спросил он* (Черных В. Женская собственность); *Плохая критика? Тебя это волнует? Это должно волновать меня – я импресарио. Я его продаю. Его больше сюда не пригласят?* (Спивакова С. Не всё). При употреблении в констативном ключе сочетание *тебя это волнует* является свободным, реализуется с вариативными модальными рамками, не обусловленными предзнанием о закреплённости соответствующих интенций за данной конкретной формой их выражения. Сравн.: (1) – *Мэя говорила, что здесь, в окрестностях монастыря, драконы водятся, – сказал Фома с блаженной улыбкой. – Во всяком случае, водились. – Ну и что? – не понял Доктор. – Ты не понимаешь! Если услышать первого дракона, то вшей не будет... – Фома дернул подбородком уважительно. – Никогда – примета такая! – Не знал, что тебя это волнует. Что мне тебя – еще на вшивость проверять? – Не надо, Доктор! – хохотнул Фома* (Осипов С. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парес) и (2) *Куда я еду, к кому – тебе это все равно. И не делай вида, что тебя это волнует. Тебя давно уже ничего не волнует. Тебе все безразлично. Все на свете* (Вампилов А. Утиная охота); в первом случае сочетание используется в контексте выражения удивления по поводу небезразличного отношения адресата, во втором – в контексте отрицания небезразличного отношения.

Риторический вопрос, риторическое восклицание *кого это волнует?/кого это волнует!* используется для подчеркивания общего нигилистического отношения ко всякого рода условностям, для экспликации горькой досады, вызванной чужим равнодушием, а также в качестве аргумента в призыве отказаться от каких-либо беспокойств: *Что же касается устоев, то их веками подрывают десятки экстремистских газет. Кого это волнует? Если газета легальная, то все остальное не имеет значения* (Довлатов С. Ремесло); – *Не только я. Думаю, вы тоже бисексуальны. Все бисексуальны. Но кого это волнует! Людям следует свободнее относиться к сексу»* (Парамонов О. С кем я сплю – никого не должно беспокоить // lenta.ru); *Все равно разведут. «Ваша машина, – говорят, – на 20 см выступала за другие» – и грузят в эвакуатор. Но наша машина на 25 см длиннее других! А кого это волнует?* (От эвакуаторов больше вреда или пользы? // Комсомольская правда); – *Слушай,*

Тимур, мне нечего сказать, у меня нет никаких особенных мыслей. И стихов я уже давно не пишу, завязал с этим делом... Одни переводы... – Брось, кого это волнует, пишешь, не пишешь... В Коштырбастане ты великий поэт – и точка (Чижов Е. Перевод с подстрочника), *Ты проследишь, чтобы я не растратил деньги. – Но у меня разбита физиономия. – Подумаешь! Кого это волнует?! Я привезу тебе солнечные очки. – Сейчас февраль. – Неважно* (Довлатов С. Чемодан). Выражение *кого это волнует* стало названием нового спектакля известной Московской импровизационной команды центра имени Вс. Мейерхольда («Кого это волнует?»). Трудно сейчас найти ответ на вопрос, какова история закрепления на устах выражения *кого это волнует*, особенно если учесть прецедентность иноязычных аналогов: *Who Cares?* – название песни Джорджа и Айры Гершвинов (1931), *Who Cares?* – название одноактного балета Джорджа Баланчина (1970), *A chi importa* (2018) – название музыкального альбома Сандро Саккочи и Эдоардо Галло, *Wen kümmert's?* (1960) и *Quem se importa* (2013) – названия фильмов и мн. др.

Высокой частотностью в русской речи характеризуется, как уже отмечалось выше, и сочетание *никого не волнует*. Это сочетание используется, как правило, для выражения досады по поводу чьего-либо или всеобщего равнодушия. Неслучайно наиболее частотные фиксации данного сочетания в НКРЯ отмечаются в публицистике (55,77%), реже сочетание фиксируется в художественных текстах (32,69%) и в электронной коммуникации (6,73%). Выражение отмечается в статьях (27,88%), романах (24,04%), мемуарах (17,31%), на форумах (5,77%) и др.: *Молчаливо предполагается, что эти граждане потребляют как раз социальный норматив. Никого не волнует, больше или меньше на самом деле человек вылил водички. Может, он уезжал в отпуск и вообще водой не пользовался. Платить все равно придется* (Арсюхин Е. Корреспондент «КП» попытался прожить на социальный норматив потребления воды // Комсомольская правда); *Курс подготовки автошкол рассчитан не на обучение водителя, а на подготовку к сдаче экзамена в ГИБДД. На «теоршо» отводится всего 106 часов. То есть запрограммированный максимум – получение «корочек». Остальное никого не волнует. Более того, сам процесс обучения – это издержки* (Гречанник А. Можно ли научиться хорошо водить машину в автошколе? // Комсомольская правда); *Но ведь если директор театра в обход закона потратил 90% на зарплату и только 10% на постановку, а зал ломится от публики – это результат! У нас же результат никого не волнует* (Тимофеев Я. Культурные организации приравняли к прачечным // Известия).

Востребованным в русскоязычном дискурсе является выражение *это никого не волнует* (реже *никого это не волнует*). Это выражение, так же как и синонимичное ему выражение *кого это волнует*, закрепляется в узусе как устойчивый словесный комплекс, реализующий экспрессивную функцию: *Но я же не готова! А это никого не волнует... – Почему?! – В Киеве одним великим человеком была брошена фраза,*

убившая меня наповал: «Твой поезд ушел» (Рассказова И. Наталья Бочина: Я мотылек, сгоревший в олимпийском огне 30 лет назад // Советский спорт); Я привык выступать на американских аренах, но что делать. **Это никого не волнует.** У нас есть время адаптироваться (Ганеев Т. Сергей Бобровский: «Я приму любое решение Билялетдинова» // Известия); Вокруг нас богатые люди, источник богатства которых – во многих случаях – неблагоприятен. **И никого это не волнует.** Желтая

пресса с удовольствием смакует меню «уважаемого человека N», экзотическое хобби – собирание самолетов – NN (Последние герои. Не жить по законам джунглей // Известия. 2002.02.01).

На диаграмме, приведенной ниже (рис. 4), прослеживается явная тенденция к росту количества употреблений местоименно-глагольных выражений со значением безразличного отношения, включающих в свою структуру местоимение *это*.

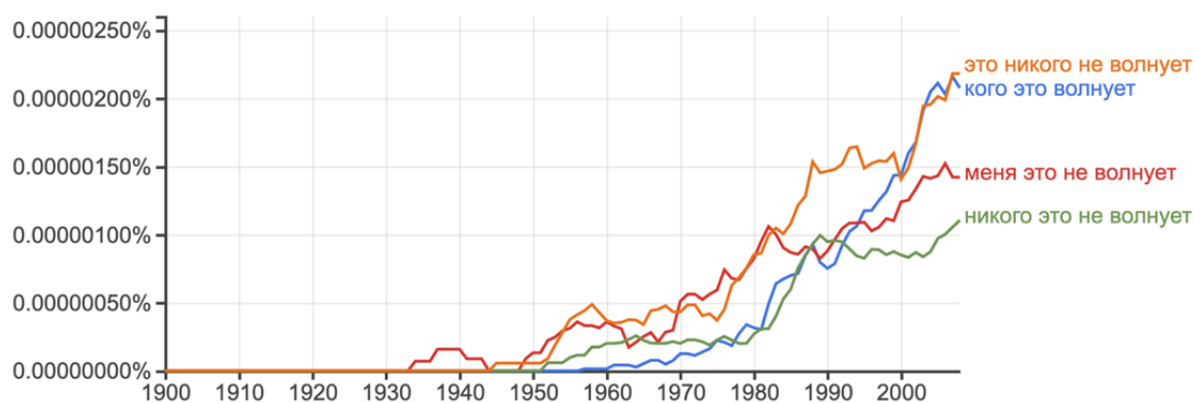

Рис. 4. Статистика употреблений местоименно-глагольных выражений с компонентом *это* в базе данных Google Books Ngram Viewer

Таким образом, можно прийти к выводу, что включение в состав местоименно-глагольного сочетания со значением безразличного отношения указательного местоимения *это*, максимально лаконизирующее сообщение, способствует «консервации» взаимодействия формы и содержания, «отрыву» выражения от контекста и закреплению его в узусе как устойчивого словесного комплекса.

Резюмируем в заключение сделанные нами наблюдения и полученные цифровые данные о дискурсивных реализациях местоименно-глагольных сочетаний со значением безразличного и небезразличного отношения.

Выводы

1. Безразличное и небезразличное отношение к чему-либо характеризуется множественными способами выражения в русском языке. Одним из таких способов является использование конструкций *кого-либо не волнует / не волновало / ... , кого-либо волнует / волновало / ...*. Для обозначения экспериенцера в таких конструкциях употребительны как субстантивные, так и местоименные словоформы, при этом местоименные репрезентации экспериенцера в общей своей массе превосходят субстантивные.

Сообщения о безразличном и небезразличном отношении к чему-либо, о том, что вызывает или, напротив, не вызывает беспокойство/интерес, с прономинативной репрезентацией экспериенцера при глаголе *волновать* в русскоязычном дискурсе наиболее частотно исходят от первого лица. Отмеченная закономерность согласуется с данными фразеологических словарей: в ряде словарей устойчивые выражения со значением безразличного отношения фиксируются с включением в их состав местоимения *меня*.

Кроме местоименной формы *меня*, в сочетании с глаголом *волновать* высокой частотностью при выражении безразличного отношения и преимущественно в публицистике характеризуется местоимение *никого*. Обращение к сочетанию *никого не волнует* (сочетания местоимения *никого* с иными формами глагола *волновать* встречаются значительно реже) объясняется стремлением говорящего/пишущего небеспристрастно отреагировать на безразличное отношение определенных лиц или общества в целом к каким-либо фактам, выразить свою обеспокоенность, возмущение или другие эмоции и тем самым воздействовать на ценностное сознание адресанта/адресантов.

2. Местоименная репрезентация экспериенцера при глаголе *волновать* отмечается в разных жанрах художественной, публицистической, электронной коммуникации, представленных в НКРЯ. Сообщения с перволичной и третьеличной репрезентацией экспериенцера, значительно превосходящие в численном отношении сообщения с репрезентацией экспериенцера местоимениями второго лица, различаются сферами и, соответственно, жанрами своего преимущественного употребления.

Публицистика в большей степени ориентирована на общение в формате «здесь и сейчас», открытый диалог о том, что волнует или должно волновать каждого и многих, поэтому в семантической роли экспериенцера при выражении небезразличного отношения чаще наблюдаются местоименные формы *меня, нас, их*; при выражении безразличного отношения – *никого, меня, их*. В художественном дискурсе в центре внимания нарратора внутренний мир персонажа, отсюда наиболее частотные репрезентации экспериенцера *его, ее*.

3. Участники русскоязычного дискурса в большей мере склонны информировать о состоянии обеспоко-

енности, равнодушно отношении к чему-либо, чем об индифферентном отношении к тому, что составляет личное или социальное бытие человека.

4. Местоименные репрезентации экспериенцера при глаголе *волновать* отмечаются главным образом в сообщениях об отношении/состоянии обеспокоенности воспринимающего субъекта, локализованном в настоящем времени. Исключение составляют репрезентации экспериенцера местоимениями *его* и *ее* при глаголе *волновать* в художественных текстах: сочетания этих местоимений с глаголом *волновать* в форме прошедшего времени превосходят по частотности сочетания с формами глагола в настоящем времени.

5. Контактные местоименные репрезентации экспериенцера в сочетаниях с глаголом *волновать* превосходят по численности дистантные. Наблюдается также преобладание препозитивных по отношению к глаголу употреблений местоимений над постпозитивными. Предпочтение одних моделей развертывания сообщения другим свидетельствует о действии речевых стереотипов, которые и ложатся в основу формирования речевых шаблонов, в данном случае – консервации формы и содержания в виде местоименно-глагольных сочетаний.

Публицистический дискурс, ориентированный в большей степени, чем иные типы дискурсов, на отражение того, что находится в зоне актуального коллективного интереса, характеризуется своими статистическими особенностями; в частности, постпозитивная репрезентация экспериенцера при глаголе *волновать* в публицистике, по данным НКРЯ, чаще субстантивная, чем прономинативная, и речь идет по большей части об отношении к тем или иным фактам множества лиц, а не отдельных индивидов.

Отмечается тенденция к закреплению в узусе местоименно-глагольных сочетаний со значением безразличного отношения, включающих в свою структуру местоимение *это*. К таким сочетаниям относятся частотные в публицистике и в разговорной речи сочетания *это никого не волнует*, *никого это не волнует*; употребительные в разных типах дискурсов (нередко в качестве автономных высказываний и даже в заглавиях разного рода феноменов культуры) сочетания *меня это не волнует* и производимые с вопросительной или вопросительно-восклицательной интонацией сочетания *тебя это волнует*, *кого это волнует*.

Примечания

¹ Все статистические данные, представленные в статье, получены по состоянию НКРЯ и Google Books Ngram Viewer на конец 2020 г.

² Понятие когнитивной укоренности (cognitive entrenchment) пришло в русскоязычный научный дискурс из англоязычной научной среды (см.: [16–18]).

Список источников

1. Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
2. Бирюк О.Л., Гусев В.Ю., Калинина Е.Ю. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка. М., 2008. URL: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (дата обращения: 05.11.2020).
3. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. М., 2008. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 05.11.2020).
4. Митрофанова О.А., Белик В.В., Кадина В.В. Корпусное исследование сочетаемостных предпочтений частотных лексем русского языка. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/56.htm> (дата обращения: 05.11.2020).
5. Захаров В.П., Хохлова М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/22.htm> (дата обращения: 05.11.2020).
6. Кочеткова Н.А. Статистические языковые методы. Коллокации и колликации // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2013. № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-yazykovyemetody-kollokatsii-i-kolligatsii> (дата обращения: 03.05.2021).
7. Тришин В.Н. Словарь синонимов ASIS. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 21.10.2020).
8. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Ростов н/Д : Феникс ; М. : Цитадель-трейд, 2005. 544 с.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
10. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878 с.
11. Гомонова И.Г. Паремия в корпусе текстов // Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. ст. Вып. 1 / редкол.: В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. С. 174–177.
12. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>
13. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams>
14. Активный словарь русского языка / В.Ю. Апресян [и др.]; отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 2. 736 с.
15. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М. : Рольф; Айрис-пресс, 1997. 448 с.
16. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Theoretical prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 280 p.
17. Schmid H.-J. Entrenchment, salience, and basic levels // D. Geeraerts, H. Cuyckens (Eds.) The Oxford handbook of cognitive linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 117–138.
18. Blumenthal-Dramè A. Entrenchment in usage-based theories. What corpus data do and do not reveal about the mind. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2012. 282 p.

References

1. Dobrovolskiy D.O. Grammatika konstrukcij i frazeologija // Voprosy yazykoznanija. 2016. № 3. S. 7–21.
2. Slovar glagolnoj sochetaemosti nepredmetnyh imen russkogo yazyka / Biryuk O.L., Gusev V.Yu., Kalinina E.Yu. M., 2008. URL: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (data obrashcheniya: 05.11.2020).
3. Kustova G.I. Slovar russkoy idiomatiki. Sochetaniya slov so znacheniem vysokoy stepeni. M., 2008. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (data obrashcheniya: 05.11.2020).

4. Mitrofanova O.A., Belik V.V., Kadina V.V. Korpusnoe issledovanie sochetaemostnykh predpochteniy chastotnykh leksem russkogo yazyka. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/56.htm> (data obrashcheniya: 05.11.2020).
5. Zaharov V.P., Hohlova M.V. Analiz effektivnosti statisticheskikh metodov vyyavleniya kollokatsiy v tekstah na russkom yazyke. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/22.htm> (data obrashcheniya: 05.11.2020).
6. Kochetkova N.A. Statisticheskie yazykovye metody. Kollokatsii i kolligatsii // Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemah. 2013. № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-yazykovyemetody-kollokatsii-i-kolligatsii> (data obrashcheniya: 03.05.2021).
7. Trishin V.N. Slovar sinonimov ASIS. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/ (data obrashcheniya: 21.10.2020).
8. Zimin V.I., Spirin, A.S. Posloviцы i pogovorki russkogo naroda. Bolshoy tolkovyy slovar. Rostov-na-Donu : Feniks ; M. : Citadel-treyd, 2005. 544 s.
9. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bolshoy slovar russkikh pogovorok. M. : OLMA Media Grupp, 2007. 784 s.
10. Fedorov A.I. Frazeologicheskii slovar russkogo literaturnogo yazyka : ok. 13000 frazeologicheskikh edinic ; 3-e izd., ispr. M. : Astrel : ACT, 2008. 878 s.
11. Gomonova I.G. Paremiya v korpuse tekstov // Slavyanskaya frazeologiya v sinhnorii i diahnorii: sb. nauch. statey. Vyp. 1 / M-vo obrazovaniya RB, Gomelskiy gos. un-t im. F. Skoriny / redkol. : V.I. Koval (otv. red.) [i dr.]. Gomel : GGU im. F. Skoriny, 2011. S.174–177.
12. Nacionalnyy korpus russkogo yazyka. URL: <https://ruscorpora.ru>
13. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams>
14. Aktivnyy slovar russkogo yazyka / V.Yu. Apresyan [i dr.] ; otv. red. Yu.D. Apresyan. M. : Yazyki slavyanskoy kultury, 2014. T. 2. 736 s.
15. Golub I.B. Stilistika russkogo yazyka. M. : Rolf; Ayris-press, 1997. 448 s.
16. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Theoretical prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 280 p.
17. Schmid H.-J. Entrenchment, salience, and basic levels // D. Geeraerts, H. Cuyckens (Eds.) The Oxford handbook of cognitive linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 117–138.
18. Blumenthal-Dramé A. Entrenchment in usage-based theories. What corpus data do and do not reveal about the mind. Berlin, New York : De Gruyter Mouton, 2012. 282 p.

Информация об авторе:

Ничипорчик Е.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины (Гомель, Республика Беларусь). E-mail: evnich@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nichiporchik E.V., Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus). E-mail: evnich@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.09.2021;
одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 13.09.2021;
approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 930:01, 930:02
doi: 10.17223/15617793/474/12

Стратегии концептуализации исторической ответственности в контексте современных медиарепрезентаций

Даниил Александрович Аникин^{1,2}, Андрей Александрович Линченко^{3,4}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

³ Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия

⁴ Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Липецк, Россия

^{1,2} dandee@list.ru
^{3,4} AALinchenko@fa.ru

Аннотация. Анализируются теоретические модели исторической ответственности, а также исследуются особенности их применения в условиях современных медиарепрезентаций. На основе интерпретации исторической ответственности как социальной практики, складывающейся в рамках определенного сообщества и ориентированной на присвоение символического капитала, выявлены и проанализированы наиболее значимые стратегии концептуализации исторической ответственности в медиасреде, их конфликтогенные факторы и социальные риски.

Ключевые слова: историческая ответственность, медиасреда, историческая культура, медиарепрезентации, историческое сознание, практики исторической ответственности

Для цитирования: Аникин Д.А., Линченко А.А. Стратегии концептуализации исторической ответственности в контексте современных медиарепрезентаций // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 110–118. doi: 10.17223/15617793/474/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/12

Strategies for conceptualizing historical responsibility in the context of modern media representations

Daniil A. Anikin^{1,2}, Andrei A. Linchenko^{3,4}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation

³ Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

⁴ Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk, Russian Federation

^{1,2} dandee@list.ru
^{3,4} AALinchenko@fa.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of theoretical models of historical responsibility, as well as to the study of the peculiarities of their application in the context of modern media presentations. A comparative analysis of the models of historical responsibility in modern foreign philosophy and social and humanitarian knowledge clearly indicates the dominance of the universalist and constructivist approaches in understanding historical responsibility. In the latter case, it is viewed as a social practice that develops within a certain community and is focused on appropriation or participation in the distribution of symbolic capital. Historical responsibility is a “tense” relationship of the emerging socio-cultural situation, where the discursive practices of historical responsibility (imparting guilt, identifying victims, criminals, participants, observers) turn out to be a kind of mechanism of symbolic dominance in the political space. It was shown that this state of affairs cannot escape the influence, first of all, of the media, which turn out to be an environment for the actualization and transformation of discourses of historical responsibility, the specificity of which begins to obey the logic, goals and objectives of the media. Based on the methodological ideas of P. Bourdieu's theory of symbolic struggle, as well as socio-philosophical analysis, the scientist, instrumentalist and pluralistic media strategies in relation to the discourse of historical responsibility were identified and analyzed. The main criterion for highlighting these media strategies was the role of the professional community of history researchers. Each of them was presented in the context of opportunities and risks. It was revealed that in the modern symbolic space there is a contamination of these strategies, as a result of which various subjects of historical

responsibility not only contribute to the fragmentation of space, but create potentially conflict-prone clusters. In the context of the works of A. Rigney, A. Erll, M. Rothberg, L. Bond, R. Crownshaw, it was shown that the situation of contamination of media strategies is especially noticeable in the context of new transcultural and cross-border ways of collective memory dynamics, when the familiar images of the victim, the criminal, the participant and observer find themselves in new interpretative contexts of the host culture, the historical politics of the host society and the dynamics of its transgenerational values.

Keywords: historical responsibility, media environment, historical culture, media presentations, historical consciousness, practices of historical responsibility

For citation: Anikin, D.A. & Linchenko, A.A. (2022) Strategies for conceptualizing historical responsibility in the context of modern media representations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 110–118. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/12

Споры о прошлом давно уже перестали быть прерогативой только исторической науки. В процессы переосмысления и переоценки событий прошлого сегодня активно вмешиваются политики, корпорации, институты культуры и искусства, рядовые граждане. Однако не будет преувеличением утверждать, что наибольшее воздействие на дискурс исторической ответственности оказывает именно медиасреда. Более того, медиасреда сегодня является не только одним из посредников дискурсивного пространства переосмысления исторических событий, но и выступает своеобразной рамкой для всех остальных акторов культурной памяти и субъектов исторического сознания. В условиях складывающегося сегодня агонического типа коллективных воспоминаний [1] функция медиа в отношении дискурса исторической ответственности еще более будет усиливаться. И эта функция будет связана не только с познавательными, сколько с ценностными аспектами обращения к прошлому.

Отмеченная выше сложность складывающегося нового дискурса исторической ответственности связана с подвижностью самих ценностных сред и их носителей – сообществ памяти. Медиа в такой ситуации как раз оказываются важным инструментом демаркации данных динамических ценностных сред. Как известно, обращение к любой форме социальной ответственности предполагает субъекта ответственности, объект ответственности и определенную инстанцию, которая организует иерархию форм и способов ответственного поведения. Со времени окончания Второй мировой войны в научном дискурсе предлагались различные теоретические модели исторической ответственности, каждая из которых предполагала свое понимание субъекта, объекта и соответствующей инстанции. Насколько актуальными являются эти модели в современной ситуации, когда медиасреда оказывается способной изменять не только формы, но и содержание дискурсивных практик исторической ответственности? Какие стратегии концептуализации исторической ответственности в контексте современных медиарепрезентаций могут быть выделены сегодня? Насколько высоким является их конфликтогенный потенциал и каковы базовые риски их реализации? Этим вопросам будет посвящена данная статья.

Не будет преувеличением утверждать, что медиафилософия до сих пор не разобралась с вопросом о

том, «что есть медиа?». Ответы специалистов на этот вопрос разнятся и даже радикально отличаются друг от друга. В зарубежных и отечественных работах подчеркивается, что в современных *memory studies* термин «медиа» используется в узком (технология коммуникации) и широком (жанр) смыслах [2. Р. 26–27; 3. С. 178]. Узкий смысл отсылает исследователей к проблемам специфики конструирования образов в прошлом в различных средствах массовой информации (книги, фотографии, телевидение, интернет), в то время как широкий смысл указывает на специфику самих медиумов обращения к прошлому, несводимых к аббревиатуре СМИ (биографические рассказы, литература, учебники, мемуары, семейная память). Вместе с тем современная медиафилософия склонна не только различать данные смыслы, но и рассматривать медиальность как любые формы существования социального посредничества в культуре. В нашей статье мы также вслед за представителями медиафилософии будем учитывать оба аспекта медиа.

Одним из наиболее распространенных в современных исследованиях продолжает оставаться универсалистский подход к пониманию исторической ответственности. Наиболее ярко подход был выражен в теоретической позиции немецкого философа Карла Ясперса, опубликовавшего после окончания Второй мировой войны нашумевшую книгу об исторической вине немцев за преступления нацизма. Ясперс задавал вопрос о том, обязан ли каждый немец чувствовать себя виновным за эти преступления. На этот вопрос немецкий мыслитель отвечал утвердительно. Каждый немец несет прямую ответственность за то, что происходит или произошло на немецкой земле. Более того, «мы чувствуем себя соучастниками не только того, что происходит сейчас, т.е. соучастниками деяний наших современников, но мы чувствуем себя ответственными и за взаимосвязь того исторического наследия, которое мы переняли от прошлых поколений. Поэтому мы должны перенять вину отцов» [4. С. 70–71]. Тем более, что речь в этом случае идет не о преступлении, а о моральной вине. Вина немецкого народа стоит вне всяких сомнений. Но поддается ли вина очищению? Может ли человек очистить себя от вины? – спрашивает Ясперс. «Мы немцы, – говорит Ясперс, – обязаны ясно осознать свою вину и сделать выводы. К этому обязывает нас человеческое достоинство. Мы не можем быть равнодушны к тому, что

думает о нас мир, ибо мы принадлежим человечеству – мы прежде всего люди, а потому уже немцы» [4. S. 29]. Таким образом Ясперс указывает на необходимость общечеловеческой ответственности, которая, в свою очередь, предполагает и общечеловеческую память. Свою национальную вину мы можем осознать только в рамках общечеловеческой памяти и общечеловеческой ответственности. Как известно, в дальнейшем данный подход получил развитие в работах Ханны Арентс, которая указывала на идею гуманности как субстантивный базис нашей общей ответственности за все человеческие преступления как в прошлом, так и в настоящем [5]. Вина в таком случае оборачивается одним из важнейших свойств человеческого бытия, преодолевая узкие политические рамки обвинения со стороны прошлого и настоящего. Человечество может показывать себя как со стороны гуманности, так и антигуманности. В таком случае вопрос об ответственности вообще и исторической в частности оказывается проблемой для человеческой субъективности как таковой, ставя во главу угла персональное отношение к ответственности, когда человек признает себя последней инстанцией ответственности. Историческая ответственность оборачивается в таком случае онтологической заданностью, проявляемой в отдельных поступках личности.

Универсалистский подход к пониманию исторической ответственности сохраняет свое влияние и в наши дни. Это демонстрируют нам рассуждения Бернварда Грюневальда, который замечает: «Причина нашей ответственности лежит не в объектах, а в том, что мы можем сами контролировать наше сознание ответственности и сами должны определять наши убеждения. Здесь лежит причина нашей (внутренней) свободы. Причина ответственности лежит в нашей свободе» [6. S. 100]. Это означает, что причину ответственности необходимо искать не во внешних объектах, а в человеке. Но если это так, то тогда вопрос об объекте ответственности должен быть сформулирован по-другому: за «что» или «кого» ответствен историк, человек, гражданин? Он, как, впрочем, и любой другой человек, несёт ответственность, прежде всего, за других людей, а также за сохранение жизни на земле и за ту среду, в которой он существует. Человек ответствен за всё, к чему он прикасается и за все, что его окружает. К этому можно было бы добавить, что в отличие от других людей историк ответствен также не только за настоящее и будущее, но и за прошлое, к которому он непосредственно прикасается и, о котором он повествует. Другими словами, научное познание и интерпретация прошлого являются не только когнитивной, но и аксиологической ответственностью.

По мысли Б. Грюневальда, ответственность означает, во-первых, умение человека отвечать как за свои действия, так и за своё бездействие перед тем, кого моё действие/бездействие непосредственно коснулось [6. S. 96]. А во-вторых, продолжает Грюневальд, быть ответственным означает признать тот факт, что другой имеет основания от меня что-то требовать и чего-то от меня ожидать [6. S. 100]. Этот момент в отличие

от первого имеет прямое отношение к исторической ответственности. Немецкий теоретик Б. Грюневальд, следуя И. Канту, говорит о моральном законе как фундаменте исторической ответственности: «Только через сознание этого универсального и действующего для всех закона, на который некто, кто должен проявить ответственность, в состоянии ответить, вопрос об ответственности приобретает свой смысл» [6. S. 100].

Еще более интересной выглядит аргументация канадского исследователя Ричарда Вернона, который в своей книге задается вопросом о том должны ли сегодняшние поколения платить за прошлое [7]. Контекстом его размышлений оказывается не только Холокост, но и вопросы возвращения утраченных историко-культурных ценностей, материальные компенсации коренным жителям Северной и Южной Америки и Австралии, придание особого социального статуса аборигенам и афроамериканцам в Канаде. Возможность исторической ответственности в его понимании обусловлена пятью основными аспектами: 1) права жертв исторической несправедливости продолжают существовать и за пределами их смерти, а несправедливость по отношению к ним может рассматриваться не только в персональном, но и в правовом поле, включая их потомков как правопреемников; 2) историческая несправедливость сохраняется если виновные личности (преемники), институты или государство в целом продолжают получать выгоду из совершенной несправедливости, следовательно справедливость восторжествует, если само получение выгоды будет переориентировано или прекращено; 3) национальное сообщество допустившее в свое время существование несправедливости и преступлений является протяженным во времени и таким образом наследует историческую ответственность как составной элемент идентичности; 4) обязательства исторической ответственности возникают у современников как граждан государства, виновного в тех или иных преступлениях; 5) исторические несправедливости оказываются воплощенными в современных формах социального неравенства и депривации, а люди страдают сегодня, так как нечто было сделано давно в прошлом [7. P. 13–14].

Признавая актуальность универсалистской традиции в понимании исторической ответственности, мы, тем не менее, должны задать вопрос о том, насколько сам человек как субъект деятельности и даже как личность может выступать своеобразным «венцом» практики исторической ответственности? Другими словами, можно ли наделять отдельного человека качеством инстанции в отношении культурного прошлого? И здесь мы обнаруживаем, что проанализированный нами ход мысли является не единственным способом концептуализации исторической ответственности. Например, по мысли Йорна Рюзена – известного немецкого теоретика истории, понятие историческая ответственность также предполагает обращение к сфере должного, однако основной инстанцией в данном случае оказывается сама историческая культура. Другими словами, история в современной культуре сама выполняет роль инстанции ответствен-

ности для оправдания или осуждения текущих событий. Рассматривая эпистемологический ракурс проблемы, Йорн Рюзен различает теоретическую историческую истину (историческая объективность) и практическую историческую истину (историческая ответственность). Последняя указывает на культурную функцию исторического знания, на его роль в социальной жизни [8. S. 150]. Именно поэтому ответственности историка или отдельного человека (ответственность как чувство) или иного «производителя» текстов о прошлом перед «самим собой» недостаточно. В этом смысле интересна аналогия с критикой герменевтического проекта Х.-Г. Гадамера в работах Ю. Хабермаса. По мысли Ю. Хабермаса, феноменология и герменевтика лишены критической рефлексии, они слишком доверчивы к социальному бытию. Исследователь истории в теории Гадамера, анализируя свои предубеждения, вряд ли может полностью преуспеть в данном процессе. Поле диалога всегда искажено невротическими разрывами, коллективным бессознательным, историческими мифами и идеологемами. Одному историку преодолеть все это явно не под силу, а герменевтика, уводя проблему в сторону эмпатии и жизненного мира предпонимания, оказывается не критичной и не может служить реальным основанием для саморефлексии.

Возвращаясь к идеям Й. Рюзена, отметим, что источником для исторической ответственности, по мнению немецкого теоретика, является темпоральная интерсубъективность, под которой он понимает взаимосвязь систем ценностей прошлого и настоящего. Однако реализовываться данная взаимосвязь может по-разному. Сам Й. Рюзен указывает на три наиболее значимых способа: непрерывность действия одной и той же системы ценностей, вечная актуальность универсальных этических принципов и эволюцию ценностей в аспектах дифференциации и универсализации. Принципиально важно, что говоря о темпоральной интерсубъективности, Й. Рюзен имеет в виду, в том числе, и антропологический аспект, связь между поколениями как субъектами исторической культуры.

Отталкиваясь от идей Йорна Рюзена, свою попытку концептуализации исторической ответственности предлагает Дженни Тиллманнс, которая не только сохраняет приоритет транспоколенческой динамики исторической ответственности, но и систематизирует ее первоначально в рамках шести моделей [9. P. 128]. Д. Тиллманнс особо подчеркивает философско-исторический характер ее теоретизирования об исторической ответственности. Ее основной тезис состоит в том, что мы обращаемся к идее исторической ответственности не для определения проступков наших предков, а для потребности нашей исторической идентичности (кем мы являемся) и в качестве определенной социальной практики, ориентированной, в том числе, и на реконструкцию будущих контуров конкретного сообщества (что нам делать) [10. S. 15]. Соответственно, историческая ответственность имеет прямое отношение не к прошлому, а к настоящему в контексте прошлого. И здесь акцент переносится на сами стратегии подобного отношения. Данные страте-

гии анализируются ей в контексте всех известных на сегодняшний день моделей исторической ответственности.

Первая модель исторической ответственности (*remembering the past*) фокусируется на жертвах и их страданиях. Она представлена работами В. Беньямина, М. Хоркхаймера. Призыв к мемориальной культуре в данном случае звучит как «Не забудь!». Вторая модель связывает ответственность с исторической принадлежностью и гражданством, принимая которое, человек автоматически принимает и прошлое своей новой страны. Эту позицию можно проследить по работам К. Ясперса, Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля. Данная модель делает акцент на преступниках (*handing down the past*), указывая на особый режим ценностей для потомков преступников или тех, кто принимает гражданство этой страны. Третья модель исторической ответственности (*recounting the past*) ориентирована на ученых, стремящихся понять прошлое, когда историческая истина рассматривается как ценность исторической ответственности. Данная модель стремится рассматривать вопросы исторической ответственности как вопросы ее значимости для актуальной практики. Вопрос в таком случае оказывается за пределами простого обвинения или оправдания, поскольку задачей исторической ответственности оказывается придание прошлому актуальности с целью актуальной повестки настоящего (П. Рикёр, Й. Рюзен, В. Моммзен, С. Фридлэндер). Четвертая модель (*questioning the question about the past*) связывается с именем Жака Дерриды и трактует историческую ответственность как осознание нашей неспособности понять историчность как тотальность, равно как и совокупность исторических фрагментов и отдельных деталей. Ограниченность нашего исторического знания в таком случае и есть наша историческая ответственность. Пятая модель исторической ответственности (*unifying the past*) является следствием идеи гуманизма, что превращает историческую ответственность, по мнению Х. Арндт, в ответственность за все совершенные человечеством преступления в прошлом и в будущем. Историческая этика в таком случае оказывается этикой универсального исторического соучастия. Шестая модель (*contextualizing the past*) направлена на тех, кто в силу разных причин игнорирует историческую справедливость. Подчеркивая факт исторической со-ответственности, отмечается, что акты несправедливости в прошлом не осуществлялись в вакууме. Соответственно, объектом исторической ответственности является не столько вина, сколько вовлеченность в сам процесс и ситуацию несправедливости, а также отрицание самой исторической несправедливости. Не случайно Д. Тиллманнс говорит здесь о контекстуализации прошлого [9. P. 139].

В дальнейшем в своей книге она сократила их число до четырех [10]. Она постаралась развернуть исследование различных моделей исходя из четырех основных перспектив: перспективы жертвы (вспоминать о прошлом), перспективы участника (передавать прошлое), перспективы наблюдателя (рассказывать прошлое) и внутренней перспективы (задавать вопро-

сы после вопросов о прошлом) [10]. Близкими к данной трактовке являются взгляды других зарубежных исследователей – Кристофа Кюбергера и Кристофа Седмака. По их мысли, понятие «ответственность» позволяет рассматривать себя как из эпистемологической, так и моральной перспективы. При этом моральная перспектива ответственности открывается человеку лишь тогда, когда он осознает её эпистемологический контекст. Этим контекстом является человеческое самосознание, а также способность человека воспринимать как своё социальное окружение, так и оценивать свою актуальную ситуацию [11]. Возможность исторической ответственности, по мысли авторов, связана как минимум с тремя факторами – (1) автономным субъектом, который в состоянии проявить ответственность; (2) объектом, на который направлена его ответственность; (3) инстанцией, перед которой человек проявляет ответственность.

Ход мысли, представленный в работах Д. Тиллманнс, К. Кюбергера и К. Седмака, показывает, что историческая ответственность оказывается не столько прерогативой отдельного человека, сколько является продуктом социальных практик, складывающихся в рамках определенного сообщества и ориентированных на присвоение или участие в распределении символического капитала. Историческая ответственность в таком случае – это всегда «напряженное» отношение складывающейся социокультурной ситуации, где дискурсивные практики исторической ответственности (придание вины, определение жертв, преступников, участников, наблюдателей) оказываются своеобразным механизмом символического доминирования в политическом пространстве. Прошлое в таком случае вообще может выступать одним из ресурсов символической борьбы за получение привилегированных позиций в данном пространстве, точнее говоря, формирование эмоционального насыщенного отношения к определенным событиям прошлого делает возможным символическое доминирование определенного сообщества над своими конкурентами в символическом пространстве. И здесь мы обнаруживаем доминирующее влияние именно медиасреды, которая оказывается средой актуализации и трансформации дискурсов исторической ответственности, чья специфика начинает подчиняться ее логике, целям и задачам. Какие же стратегии концептуализации исторической ответственности в зависимости от медиасреды и ее репрезентаций мы могли бы выделить?

Для выделения данных стратегий принципиально важным является расширительное толкование медиа как специфических социальных акторов, реализующих в символическом пространстве собственные интересы и, в силу этого, напрямую участвующих в конкуренции за использование тех или иных образов прошлого. С точки зрения П. Бурдьё, медиасреда представляет собой одно из важнейших полей социального пространства, формирующее и участвующее в трансляции символического капитала, поскольку именно средства массовой информации позволяют придать тому или иному событию известность, которая, в свою очередь, может быть конвертирована в

другие формы социального капитала, например в политический статус или экономическую выгоду [12].

С социально-философской точки зрения также необходимо подчеркнуть, что само участие медиа в репрезентации исторической ответственности знаменует собой определенную «символическую лакуну», требующую использования медиации в качестве способа преодоления временного разрыва. В этом смысле медиатизация исторической ответственности означает превращение конкретного исторического события в определенную символическую конструкцию, используемую конкурирующими между собой сообществами в борьбе за легитимацию собственного положения или делегитимацию позиции в социальном пространстве, занимаемой оппонентами. Само формирование дискурса исторической ответственности оказывается невозможным без медиасреды, которая определяет как аудиторию данного дискурса, так и диахроническую связь между событиями прошлого и актуальными социально-политическими процессами, вызывающими к жизни эмоциональную сопричастность к травматическим образам прошлого.

Однако было бы неверным заявлять об «абсолютной» роли медиасреды в формировании дискурса исторической ответственности. Это связано с тем, что при всех своих возможностях медиасреда вряд ли может полностью игнорировать позицию государства, а также профессиональных сообществ и их ценностных сред (в первую очередь представителей исторической науки). Это означает, что при более пристальном взгляде мы имеем дело с известной дифференцированностью самой позиции медиасреды, что требует от нас обращения к основным стратегиям медиа в отношении дискурса исторической ответственности. Соответственно, отношение медиа к дискурсу исторической ответственности можно выразить в трех основных стратегиях, в качестве критерия выделения которых как раз и выступает роль профессионального сообщества:

1. Сциентистская стратегия. Медиа выступают в качестве беспристрастного транслятора дискурса исторической ответственности, предоставляя возможность определенным сообществам, позиционирующим себя в качестве субъектов подобной ответственности, публично озвучить собственную историческую повестку. В данной ситуации медиа выступают, скорее, не как участники, а как сторонние наблюдатели формирования определенного дискурса, определяя свою функцию как невмешательство в процесс прагматического оформления исторической ответственности. С точки зрения внешних признаков, подобная формулировка будет означать наличие вербальных и визуальных маркеров дистанцирования от транслируемого дискурса, что отчетливо проявляется в самом способе подачи информации, когда представители медиа стремятся лишь к репрезентации определенного феномена. Стоит отметить, что подобная стратегия, которую условно можно было назвать сциентистской, демонстрирует взвешенный подход к репрезентации исторической культуры, но ее использование обычно связано с передачей эмоционально нейтральных исторических событий, которые не яв-

ляются предметом символической конкуренции. Именно поэтому голос ученых при подобной позиции медиасреды оказывается особенно влиятельным, а их экспертные мнения в медийном пространстве выступают одними из решающих.

С теоретической точки зрения, подобная рационализация исторической ответственности может способствовать формированию широкого символического консенсуса, включающего в себя целый ряд заинтересованных акторов, готовых к диалогу с целью формирования непротиворечивых оснований для устойчивого взаимодействия, но на практике ее реализация, как правило, связано с устранением самого понятия «историческая ответственность». Сциентистская стратегия стремится отбросить эмоционально-консолидирующую роль общих воспоминаний по отношению к современному сообществу, поэтому побочным результатом ее применения является утрата исторической ответственностью ее роли в качестве основополагающего элемента коллективной идентичности. На практике такая стратегия оказывается возможной только при условии нейтралитета как своеобразной миссии и основной коммуникативной цели медиа.

Ярким примером в данном случае выступает деятельность в России телеканала «Культура», который являясь государственным телеканалом, по сути, заявляет о своей нейтральности в дискуссиях относительно прошлого, опираясь на оценки представителей профессионального исторического сообщества и деятелей культуры. В этих условиях фигуры жертвы, преступника, наблюдателей оказываются помещенными в пространство рефлексивной позиции относительно прошлого, где наибольшие права получает наблюдатель, функции которого сознательно передаются медиа представителям профессиональной среды обращения с прошлым. Однако подобную ценностную «нейтральность» вряд ли можно считать широко распространенной в современных медиа. Причиной этому является не только позиция самих медиа, но и позиция стоящего за государственными медиа государства. А это значит, что вопрос о реализации сциентистской стратегии оказывается взаимосвязан с приоритетами исторической политики.

2. Инструментальная стратегия. Медиа усиливают эмоциональный эффект от репрезентации травматического прошлого, выполняя несколько взаимосвязанных социально-политических функций – от скрепления коллективной идентичности вокруг конкретного исторического образа до обоснования символических претензий определенного политического сообщества на историческую преемственность. В рамках данной стратегии медиасреда выступает в качестве своеобразного «рупора», усиливающего эффект фиксации современного общества на отдельных аспектах прошлого, в то время как субъектами формирования дискурса исторической ответственности выступают сообщества. В данном случае следует оговориться, что сам по себе дискурс ответственности проявляется и кристаллизуется как раз в результате обработки медийной средой исходного символического сигнала.

Тем не менее медиа выступают лишь в качестве инструмента трансляции эмоционального посыла, что не исключает, однако, привлечения представителей профессионального сообщества к процессу конфигурирования коллективного прошлого. Профессиональные историки выступают в качестве важного элемента легитимации формируемого дискурса, придавая ему убедительность и правдоподобие.

В рамках инструментальной стратегии историческая ответственность может выступать в двух ипостасях – принятие или предписывание. Но, в отличие от коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, где принятие ответственности означает готовность признать экстраполировать на современное сообщество репрезентацию вины за совершенное в прошлом преступление, инструментальная стратегия предусматривает предписывание вины другому сообществу, которое выступает в качестве виновника произошедшей трагедии. По сути, вместо попытки настраивания диалога реализуется антагонистический сценарий взаимодействия социальных акторов, в ходе которого выстраиваются отношения символического неравенства между жертвой, медийно эксплуатирующей свой статус, и «преступником», который вынужден заниматься оправданием или отрицанием исторического деяния.

Разумеется, реализация данной стратегии на практике влечет за собой риск инструментализации исторической ответственности, которая превращается исключительно в способ осуществления символической конкуренции в медиaprостранстве. Отказ от профессиональных критериев при определении оснований установления исторической ответственности приводит к девальвации прошлого как такового, точнее говоря, превращает взаимодействие по поводу него в перманентный конфликт конкурирующих акторов, уподобляющийся «дурной бесконечности», если воспользоваться терминологией Г.В.Ф. Гегеля. Хорошим примером реализации этой стратегии становится «экспорт вины», осуществлявшийся в странах Восточной Европы в 1990-е гг. и явившийся результатом заимствования модели «виновник – жертва», при которой, однако, статус жертвы стал переходящим «красным знаменем», определяющим возможность аргументированно претендовать на экономические, юридические и символические блага. Показательно, что медиа в этой связи как раз выступили проводниками разворачивания нарративов жертвенности в восточноевропейских государствах.

3. Плюралистическая стратегия. Такая стратегия взаимодействия дискурса исторической ответственности и медиа подразумевает, что акторы медиа сами выступают инициаторами формулировки вопросов об ответственности, но не стоит абсолютизировать их автономность и независимость в высказываемых суждениях. Более точно было бы утверждать, что медиа включаются в существующие символические противостояния, пытаясь сыграть на них в целях собственной выгоды, например, увеличения количества просмотров (если речь идет о медиатизации в цифровой среде).

Медиаальный поворот в современной науке заключается в том, что медиа становится активными субъектами продуцирования культурных продуктов, в том числе, и воспоминаний. Подобная трансформация становится продуктом изменения самой системы создания и распределения знаний, которая приходит на смену классическому модернистскому принципу закрепления права на производство знаний за специализированной группой – учеными. Плурализация и демократизация социального порядка приводят к тому, что в социально-гуманитарных науках (в естественных – в меньшей степени) проявляется стремление к децентрализации субъектов и механизмов порождения новых эпистемологических продуктов. В сфере исторического знания данное изменение проявляется в отказе от презумпции обладания истиной сообществом профессиональных историков. Разумеется, это сообщество продолжает участвовать в производстве знаний о прошлом, но теперь оно находится в состоянии перманентной символической конкуренции с другими эпистемологическими акторами, которые участвуют в создании разнообразного исторического контента, причем нередко профессиональные историки оказываются отодвинуты на периферию общественного интереса. Оставляя в стороне многочисленные государственные и негосударственные организации, берущие на себя функцию производства и распространения исторического контента, сосредоточимся исключительно на медиа.

Медиа, особенно цифровые медиа, можно рассматривать как авторов, а не только как ретрансляторов дискурса исторической ответственности, прежде всего, потому что они переформируют исторический нарратив, придавая ему эмоциональное значение, создавая иммерсивный акт соприкосновения современного человека с его предшественником или предшественниками. Однако именно при плуралистической модели, как ни парадоксально, происходит окончательный отрыв дискурса исторической ответственности от вопросов установления объективности/необъективности исторического знания, поскольку задачей акта установления ответственности становится производство эмоционально насыщенного контента, определяющего готовность потребителя переключиться на предлагаемый ему канал коммуникации. Ярким примером в данном случае оказывается создание в социальной сети Facebook личной страницы шестилетнего Геньо Житомирского, трагически погибшего в концлагере Майданек в 1942 г. Несмотря на то, что вскоре после ее появления страница была удалена, она стала важным маркером, свидетельствующим о новых качествах цифровых медиа [2. Р. 72].

Существенным риском реализации данной модели является резкое увеличение количества акторов, участвующих в производстве и распределении дискурса ответственности, причем релятивизация самого представления о соотношении дискурса ответственности с конкретным образом прошлого приводит к увеличению количества символических конфликтов. Эти конфликты оказываются связаны с тем обстоятельством, что множественность акторов и предлага-

емых ими допустимых критериев обращения к прошлому могут не соответствовать ожиданиям других акторов, провоцируя резкий медийный резонанс, который, впрочем, достаточно быстро затухает. Фигуры жертвы, преступника, участника и даже наблюдателя событий в данном случае тривиализируются, нивелируются и превращаются в информационные ресурсы обоснования собственной персональной позиции конкретного участника медийной коммуникации. Например, можно вспомнить, как осенью 2020 г. разгорелся скандал вокруг организации гламурных фотосессий на фоне музея Зои Космодемьянской в подмосковной деревне Петрищево. Выкладываемые в сети фотографии вызвали быстрый информационный резонанс, в частности обвинения в оскорблении памяти героини Великой Отечественной войны [13]. Впрочем, отсутствие фактов использования образа самой партизанки в данных фотосессиях достаточно быстро выявило невозможность правовой перспективы раскручивания данного сюжета, а логика медиасферы привела к быстрому уходу события из информационной повестки.

Можно заметить, что каждая из предложенных стратегий обладает определенными рисками, которые связаны как с механизмами формирования дискурса исторической ответственности, так и особенностями его символического присвоения. Ошибочным было бы представлять взаимодействие указанных стратегий в хронологической проекции, связанной с постепенным размыванием границ профессионального сообщества, выступающего в качестве субъекта рационализации дискурса исторической ответственности. На самом деле мы можем наблюдать в современном символическом пространстве контаминацию указанных стратегий, в результате чего разнообразные субъекты исторической ответственности не просто способствуют фрагментации пространства, а создают потенциально конфликтные кластеры, в которых сталкиваются сциентистские отсылки к «достоверному» прошлому, инструментальное стремление превращения исторической ответственности в моральный примат политической борьбы, а также плуралистическая логика цифровой медиасреды, нацеленная на умножение и размывание бинарных оппозиций «виновник – жертва».

Особенно заметной данная контаминация стратегий оказывается в условиях новых форм динамики коллективной памяти, очень точно подмечаемой сторонниками транскультурного подхода, ориентированного на преодоление методологического национализма и рассматривающего коллективную память за пределами любых культурных и социальных границ. В случае транскультурного подхода память оказывалась подвижной, а ее элементы способны перемещаться через границы и воспроизводиться в новых контекстах. Усилиями А. Эрл, Л. Бонд, Р. Кроншоу, М. Ротберга, А. Ригни транскультурный поворот начал рассматриваться как исследовательская перспектива, как «фокус внимания, направленный на мнемонические процессы, происходящие в культурах и за их пределами» [14. Р. 12–13]. Однако явление

миграций памяти на данный момент все еще не получило однозначной теоретической интерпретации, что хорошо видно в большом числе концептов, фиксирующих данные процессы: «путешествующая память» (travelling memory), «непривязанная память» (memory unbound), «транскультурная память» (transcultural memory), «память в движении» (memory on the move), «коннективная память» (connective memory), «транснациональная память» (transnational memory), «разнонаправленная память» (multidirectional memory). Характерно, что, намечая теоретические подходы к изучению понятия «путешествующая память», А. Эрл указывает на необходимость подробного анализа носителей, медиа, содержания, практик и форм, оказывающих влияние на специфику миграций памяти. В отношении транскультурной памяти упомянутая выше немецкая исследовательница указывает следующее: «...транскультурная память относится не только к (1) таким осозанным и продуктивным связям воспоминаний, которые раньше считались отдельными, и принадлежали разным группам; в более общем плане ее можно представить как (2) перемещение мнемонических архивов через пространственные, временные и социальные, но также лингвистические и медийные границы, а также (3) смешение воспоминаний в контекстах высокой культурной сложности» [15. P. 178].

Трансграничная и транскультурная динамика коллективных воспоминаний создает принципиально новую ситуацию для понимания сложности дискурса исторической ответственности в современном мире. Это связано с тем, что локальные и национальные образы памяти интернационализируются и получают неожиданно новое прочтение в иных культурных контекстах, где фигуры жертвы, преступника, свидетеля, наблюдателя и их потомков оказываются втянуты в дискурсы исторических политик принимающих культур. В таком случае фактор времени, который являлся до настоящего времени одним из важнейших в любых рассуждениях об исторической ответственности, в данном случае нивелируется за счет нового культурного контекста, в котором и субъект, и объект, и даже инстанция исторической ответственности могут радикально измениться. Ярким примером является использование темы Холокоста как общемировоззренческой рамки для понимания инокультурных образов исторической ответственности в музейных практиках Канады. В этой связи любопытно, что канадский музей прав человека (Виннипег) практически не уделяет внимания преступлениям англо- и франкоговорящих колонистов в отношении коренного населения Америки, зато предлагает широкий выбор экспозиций, посвященных Холокосту, геноцидам в Армении, Руанде и Сребренице, а также Голо-

домору на Украине в 1932–1933 гг. Последняя экспозиция объясняется большой ролью украинского сообщества мигрантов, активно лоббирующих свою культуру памяти в современной Канаде [16. P. 576]. Не случайно в этой связи, что один из виднейших теоретиков транскультурного поворота на Западе, американский мыслитель М. Ротберг особо подчеркивает, что ситуация миграции коллективных воспоминаний, трансформации памяти миграционных обществ, соотношение различных традиций памяти о геноцидах с памятью о Холокосте в конечном счете ставят вопрос именно о новой этике памяти [17. P. 142].

Таким образом, анализ основополагающих моделей исторической ответственности в современной зарубежной философии и социально-гуманитарном знании явно свидетельствует о доминировании универсалистского и конструктивистского подходов в понимании исторической ответственности. В последнем случае она рассматривается как социальная практика, складывающаяся в рамках определенного сообщества и ориентированная на присвоение или участие в распределении символического капитала. Историческая ответственность в таком случае – это всегда «напряженное» отношение складывающейся социокультурной ситуации, где дискурсивные практики исторической ответственности (придание вины, определение жертв, преступников, участников, наблюдателей) оказываются своеобразным механизмом символического доминирования в политическом пространстве. Подобное положение дел не может избежать влияния прежде всего медиа, которые оказываются средой актуализации и трансформации дискурсов исторической ответственности, специфика которых начинает подчиняться логике, целям и задачам медиа.

Социально-философский анализ проблемы позволил нам выделить сциентистскую, инструменталистскую и плюралистическую стратегии медиа в отношении дискурса исторической ответственности. Каждая из них была представлена в контексте возможностей и рисков. Было выявлено, что в современном символическом пространстве имеет место контаминация указанных стратегий, в результате чего разнообразные субъекты исторической ответственности не просто способствуют фрагментации пространства, а создают потенциально конфликтогенные кластеры. Особенно заметной данная контаминация стратегий оказывается в условиях новых транскультурных и трансграничных способов динамики коллективной памяти, когда привычные образы жертвы, преступника, участника и наблюдателя оказываются в новых интерпретативных контекстах принимающей культуры, исторической политики принимающего общества и динамики его транспоколенческих ценностей.

Список источников

1. Bull A., Hansen H.L. On Agonistic Memory // *Memory Studies*. 2016. № 9 (4). P. 390–404.
2. Garde-Hansen J. *Media and Memory*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011. 174 p.
3. Сафронова Ю.А. Историческая память. Введение. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
4. Jaspers K. *Die Schuldfrage*. Heidelberg : Lambert Schneider, 1946. 106 S.
5. Арндт Х. Ответственность и суждение. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. 352 с.
6. Grünewald B. *Gesinnung oder Verantwortung? Über den Widerspruch der Entgegensetzung von Gesinnungs- und Verantwortungsethik // Kant als Bezugspunkt philosophischen Denkens / hrsg. Busche u. A. Schmitt*. Würzburg : Königshausen u. Neumann, 2010. S. 85–100.

7. Vernon R. Historical Redress. Must we pay for the past? London : Continuum, 2012. 177 p.
8. Rüsen J. Kann gestern besser werden? Essays zum Bedenken der Geschichte. Berlin : Kulturverlag Kadmos, 2003. 160 S.
9. Tillmanns J. Can Historical Responsibility Strengthen Contemporary Political Culture? // The American Journal of Economics and Sociology. 2009. Vol. 68, № 1. P. 127–151.
10. Tillmanns J. Was heißt historische Verantwortung? Historisches Unrecht und seine Folgen für die Gegenwart. Bielefeld : Transcript-Verlag, 2012. 354 S.
11. Kühberger C., Sedmak C. Ethik der Geschichtswissenschaft. Zur Einführung. Wien : Verlag Turia + Kant, 2008. 272 S.
12. Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т.В. Анисимовой, Ю.В. Марковой ; отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 150 с.
13. Лабутина Д. «Мы не для этого строили»: почему фото на фоне музея вызвали скандал // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/11/a_13360027.shtml?updated
14. Erll A. Travelling Memory // Parallax. 2011. № 17 (4). P. 4–18.
15. Erll A. Transcultural Memory // Témoigner. Ente histoire et mémoire. 2014. 119. P. 178.
16. Luciuk L.Y. Searching for Place. Ukrainian Displaced Persons, Canada, and the Migration of Memory. Toronto : University of Toronto Press, 2000. 578 p.
17. Rothberg M. Multidirectional Memory in Migratory Settings: The Case of Post-Holocaust Germany // The Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales / eds. by Ch. De Cesari, A. Rigney. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. P. 123–147.

References

1. Bull A., Hansen H.L. On Agonistic Memory // Memory Studies. 2016. № 9(4). P. 390–404.
2. Garde-Hansen J. Media and Memory. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011. 174 p.
3. Safronova Yu.A. Istoricheskaya pamyat. Vvedenie. SPb. : Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 220 p.
4. Jaspers K. Die Schuldfrage. Heidelberg : Lambert Schneider, 1946. 106 s.
5. Arendt H. Otvetstvennost i suzhdenie. M. : Izdatelstvo instituta Gaydara, 2013. 352 s.
6. Grünewald B. Gesinnung oder Verantwortung? Über den Widersinn der Entgegensetzung von Gesinnungs- und Verantwortungsethik. // Busche u. A. Schmitt (Hrsg.). Kant als Bezugspunkt philosophischen Denkens. Würzburg : Königshausen u. Neumann, 2010. S. 85–100.
7. Vernon R. Historical Redress. Must we pay for the past? London : Continuum, 2012. 177 p.
8. Rüsen J. Kann gestern besser werden? Essays zum Bedenken der Geschichte. Berlin : Kulturverlag Kadmos, 2003. 160 S.
9. Tillmanns J. Can Historical Responsibility Strengthen Contemporary Political Culture? // The American Journal of Economics and Sociology. 2009. Vol. 68, № 1. P. 127–151.
10. Tillmanns J. Was heißt historische Verantwortung? Historisches Unrecht und seine Folgen für die Gegenwart. Bielefeld : Transcript-Verlag, 2012. 354 s.
11. Kühberger C., Sedmak C. Ethik der Geschichtswissenschaft. Zur Einführung. Wien : Verlag Turia + Kant, 2008. 272 S.
12. Burde P. O televidenii i zhurnalistike / Per. s fr. T.V. Anisimovoy i Yu.V. Markovoy ; отв. red. i predisl. N.A. Shmatko. M. : Fond nauchnyh issledovaniy «Pragmatika kultury», Institut eksperimentalnoy sociologii, 2002. 150 s.
13. Labutina D. «Мы не для этого строили»: почему фото на фоне музея вызвали скандал // Gazeta.ru. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/11/a_13360027.shtml?updated
14. Erll A. Travelling Memory // Parallax. 2011. № 17 (4). P. 4–18.
15. Erll A. Transcultural Memory // Témoigner. Ente histoire et mémoire. 2014. 119. P. 178.
16. Luciuk L.Y. Searching for Place. Ukrainian Displaced Persons, Canada, and the Migration of Memory. Toronto : University of Toronto Press, 2000. 578 p.
17. Rothberg M. Multidirectional Memory in Migratory Settings: The Case of Post-Holocaust Germany // De Cesari Ch., Rigney A. (Eds.). The Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales. Berlin-Boston : De Gruyter, 2014. P. 123–147.

Информация об авторах:

Аникин Д.А. – канд. филос. наук, старший научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: dandee@list.ru

Линченко А.А. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия); доцент кафедры менеджмента и общегуманитарных дисциплин Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Anikin D.A., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation). E-mail: dandee@list.ru

Linchenko A.A., Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation); Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.09.2021;
одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 28.09.2021;
approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 28.01.2022.

Научная статья
УДК 130.2 (043.3)
doi: 10.17223/15617793/474/13

Инструмент для культивации культуры. Об общем методе культурологической науки

Павел Вадимович Волков

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, Киев, Украина, pvolkov84@yahoo.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы методологии культурологических исследований, дается критика абсолютизации эпистемологического плюрализма как способа выбора научного метода. Автор утверждает, что для любого научного исследования адекватен именно тот метод, который совпадает с содержанием изучаемого предмета, метод, организующий тождество мышления и мыслимого, совпадение движения мысли ученого с движением развития самой науки. Таким универсальным методом культурологической науки автору видится диалектический монизм, диалектика Г.Ф.В. Гегеля, которая как некий логический «компас» позволяет сохранять верное направление – тождественность мышления ученого развитию изучаемого им предмета.

Ключевые слова: культурология, метод, плюрализм, монизм, диалектика, деятельность, культурная практика, культурная среда

Для цитирования: Волков П.В. Инструмент для культивации культуры. Об общем методе культурологической науки // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 119–124. doi: 10.17223/15617793/474/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/13

A tool for the cultivation of culture. On the general method of cultural science

Pavel V. Volkov

National Pedagogical Dragomanov University, Kiev, Ukraine, pvolkov84@yahoo.com

Abstract. As a result of many years of discussions about what exactly culturology studies and whether it is a separate science at all, it has become, by and large, the conventional agreement of scientists to consider, following the post-positivist Popper, that there are as many sciences as there are scientists. In a sense, this is convenient, since it allows any available methods to be used for the study of culture with an equal degree of acceptability. The problem is not that they cannot be applied at all, but in their equivalence, lack of causal subordination, hierarchy. It is this position that follows from the impossibility (or unwillingness) to strictly limit the subject of cultural studies. Because if culturology studies, as A. Flier says, "... any types and forms of human life", then any method for studying them can be chosen.

After Hegel, attempts to comprehend the general laws of the development of culture (and this is the task of culturology as a science) become increasingly rare, and the work of a culturologist is reduced to a phenomenological description of individual cultural phenomena, which are essentially unknowable without their generalization. The substance of culture has dissolved in all the infinite variety of its accidents.

Human activities depend on living conditions. But it also creates new conditions, a new "context", which in turn mediates new forms of activity, and these create a new culture, a new social experience materialized in artifacts, norms of behavior and language and so on ad infinitum. A person constantly creates culture and a new oneself with it, he himself becomes the result of his creation. "The circle of culture", its development from person to person, i.e. from oneself to oneself, with each circle at an ever-higher level of social progress - conceptually, such a movement can be comprehended only with the help of Hegelian dialectics.

Logic reflects the movement of the world in the movement of concepts, thereby becoming a theoretical reflection of scientific thinking. The principle of the dialectical method lies in the identity of thinking and the thinkable, i.e. in that the movement of the scientist's thought coincides with the movement of the development of science. This conclusion does not imply that other methods are inapplicable in cultural studies.

On the contrary, the diversity of different approaches to the study of culture is also objectively necessary, as is the objective existence of the diversity of cultural phenomena. But as the individual presupposes the universal, so the manifold presupposes the one. This connection is cognized with the help of Hegelian dialectics, dialectical monism, a universal method for social sciences, including cultural studies; universal, not in the sense of the only one, but in the sense of a single, systemically uniting various particular methods, a kind of logical "compass" that does not allow one to stray from the right direction of movement of any science - movement to truth.

Keywords: cultural studies, method, pluralism, monism, dialectics, activities, cultural practice, cultural environment, circle of culture

For citation: Volkov, P.V. (2022) A tool for the cultivation of culture. On the general method of cultural science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 119–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/13

Как рыбам воду, нам не удастся «увидеть» культуру, поскольку она является средой, в которой мы существуем.

Майкл Коул

Результатом многолетних дискуссий о том, что именно изучает культурология и является ли она вообще отдельной наукой, стало, по большому счету, конвенциональное соглашение ученых считать вслед за постпозитивистом Поппером, что сколько ученых, столько и наук. В каком-то смысле это удобно, поскольку позволяет с равной степенью приемлемости использовать для изучения культуры любые доступные методы: структурный (К. Леви-Стросс), социологический (П. Сорокин), игровой (Й. Хейзинг), герменевтический (П. Рикер), семиотический (Ю. Лотман), аксиологический (Э. Кассирер), диалоговый (С. Библер), цивилизационный (О. Шпенглер), феноменологический (Э. Левинас), психоаналитический (К. Юнг) и несть им числа. Проблема состоит не в том, что вышеперечисленные методы нельзя применять совсем, а в их равнозначности, отсутствии причинно-следственного соподчинения, иерархии. Именно такая позиция вытекает из невозможности (или нежелания) строго ограничить предмет культурологии. Потому что если культурология изучает, как говорит А.Я. Флиер, «...любые виды и формы человеческой жизнедеятельности» [1], то и метод для их изучения можно выбрать любой. Если же следовать, как это сегодня делают многие, постулату М. Хайдеггера о том, что «философия ценности оказывается истинной научной философией культуры» [2. С. 38], и редуцировать культуру до ценностно-нормативной системы [3], то выбор метода становится столь же субъективен, сколь субъективны морально-нравственные и политические ценности каждого ученого.

В этом месте мы сталкиваемся с популярной сегодня философской доктриной плюрализма, которая в развитии мира постулирует абсолютное равенство многих независимых начал, что тут же ставит вопрос о системности как таковой. А возможна ли наука без системности? Вряд ли кто-то станет отрицать многообразие мира, равно как и разнообразие взглядов и мнений. Но одно дело «плюрализм мнений», а другое – неприемлемый для науки «плюрализм знаний». Вопрос не в многообразии, которое очевидно, а в отрицании системного единства мира, поскольку несистемное и незакономерное непознаваемо [4]. Если для разнообразных единичных феноменов нет ничего всеобщего и устойчивого, то ни у одной вещи, ни у одного организма вплоть до человека нет истории. Каждое мгновение вещь – это уже другая вещь, каждое мгновение, казалось бы, тот же самый человек – уже другой, лишь появившееся из ниоткуда и тут же ушедшее в никуда бытие-для-иного. «Абсолютно единичное, уникальное – принципиально непознаваемо, ибо знание, как и мысль, имеет своей исходной формой понятие, а понятие и есть мысль, отражающая и фиксирующая существенно-общие характеристики опреде-

ленного класса моментов (вещей, явлений, отношений и свойств) объективной реальности. Не было бы общего, воспроизводящегося, нечего было бы отражать и фиксировать» [5. С. 148]. Ну а если все детерминанты того или иного явления качественно однотипны, то невозможно определить истинную причину явления.

Так, профессор В.П. Огородников выделяет три мировоззренческо-методологических оснований плюрализма [6]:

- 1) номинализм как абсолютизацию единичного;
- 2) аномализм как отрицание закономерного начала в мире;
- 3) индетерминизм как абсолютизацию случайности, отрицание определенностей, зависимостей и связей.

Случайный выбор научного метода напоминает гениальный диалог Алисы с Чеширским Котом [7. С. 105]:

– Не знаете ли вы, как мне выйти отсюда?

– Это зависит от того, куда ты хочешь попасть, – ответил Кот.

– Мне, в общем-то, все равно... – начала Алиса.

– Значит, тебе все равно, в какую сторону идти, – перебил ее Кот.

Алисе все равно куда идти, но не все равно науке. Ее цель – не демократически примирить ценности и взгляды разных ученых, а найти истину. «Враг» постпозитивиста Поппера, великий Платон, еще в древней Античности понимал, что «тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину...» [8. С. 615]. Однако целая плеяда популярных сегодня философов, от неокантианцев до разного рода постмодернистов, отрицает возможность познания объективной истины, оставаясь лишь на поверхности явлений, на уровне личностных ощущений и набора фактов, которые невозможно и не нужно обобщать. Чем дальше, тем больше понятие истины вытесняется из философии науки, лишая науку своей сущностной цели.

«Если мы отказываемся от понятия истины, – пишет А.Л. Никифоров, – то мы теряем способность отличать правильные выводы и рассуждения от неправильных. Правила вывода, не опирающиеся на понятие логического следования, становятся тогда правилами игры с символами, или со словами, которые можно принимать по соглашению, можно произвольно изменять, и ничто не ограничивает наш произвол. Тогда наши рассуждения действительно становятся не более чем языковой игрой, подобной любой другой игре» [9]. Если суждения ученого и сектанта, верящего, что земля плоская, дипломированного специалиста и дилетанта, впервые услышавшего об обсуждаемом вопросе, психически здорового человека и душевнобольного равноценны, а судья не выясняет, виновен или невиновен подсудимый в действительности, но воспринимает доводы обвинения и защиты лишь как лучшую или худшую риторику (в соответствии со своими ценностями), рухнет вся цивилиза-

ция. Рушится, превращая общество, как писал Жак Аттали, в «новых кочевников» [10] без семьи, родины, национальной и культурной принадлежности.

«Знание говорит мне, что если я посажу в землю клубень картофеля, то вырастет картофель, а не свекла или морковь» [11]. Если было бы иначе и философский плюрализм действительно позволял из семени пшеницы получить виноградную лозу, кокосовую пальму или баобаб (согласно воле недетерминированного логическими причинно-следственными связями сознания обрабатывающего поле крестьянина), научная деятельность лишилась бы всякого смысла. Но «...разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершается разумно» [12. С. 10], а значит, подчинен логическим законам.

Именно поэтому научный метод – не просто какой-то более или менее «нравящийся» тому или иному ученому способ изучения предмета. Метод Г.В.Ф. Гегель определил как осознание формы внутреннего самодвижения содержания изучаемого предмета [4]. Это значит, что метод науки не может быть оторван от предмета науки, не может быть выбран волюнтаристски, по фейерабендовскому принципу «все сойдет» [13].

Если культурология изучает все на свете («...любые виды и формы человеческой жизнедеятельности»), т.е. не ограничивает свой предмет, является беспредметной, то и метод ее безграничен, а значит, неопределен. Но неопределенность – это вещь-в-себе, чистая абстракция и чистое ничто [4], то, чего нет. Поэтому вслед за чеховским героем мы вынуждены заметить, что «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» [14], а вслед за героем Гашека добавить: «Никогда так не было, чтоб никак не было. Всегда так было, чтобы как-нибудь да было» [15].

Конечно, всегда что-нибудь да есть. И, конечно, наука культурология как, пусть на сегодняшний день лишь в потенции, но все же система знаний о культуре содержит внутри себя и свой предмет, и соответствующий этому предмету метод. Содержит в себе, т.е. не в отрыве от своего содержания. Предмет и метод связаны как сталь и кузнечный молот, как мишень и ружье, как платье и швейная машина. Причем насколько бы сложны они ни были, сложное всегда – сложенное из простых. Таким образом, выбор метода для того или иного научного исследования в конечном итоге сводится к простому вопросу: какой инструмент адекватен для работы с заявленным предметом? Как для забивания гвоздя молоток подходит лучше, чем микроскоп, так и для научного исследования адекватен именно тот метод, который совпадает с содержанием изучаемого предмета.

Предмет науки – ключевое именно для этой науки свойство многообразного объекта. Культура и материальна, и духовна. В этом заключается единство противоположностей основных форм человеческой деятельности, и именно отсюда проистекает противоречивое взаимодействие между отражающим природу идеальным в человеческом разуме и материальным миром создаваемых человеком вещей. Природа оче-

ловечивается людьми в духовные и материальные формы культуры, очеловечивается посредством орудий труда, становящихся между человеком и природой как в ее первоначальном, так и в окультуренном виде. В своей классической работе американский философ и педагог Джон Дьюи писал, что орудия труда первоначально были непосредственно данными продуктами природы, а затем человек придавал им иную форму с целью эффективного осуществления какого-либо типа поведения [16]. Так и создавалась культура.

Поэтому предмет культурологии (свойство общества, которое и изучает наука культурология) – человеческая способность накапливать и передавать духовный и материальный опыт с целью выживания и развития человечества. Это предметно-чувственная деятельность, в результате которой человек осваивает природу и самого себя.

Какой инструмент адекватен изучению человеческой деятельности по постижению и преобразованию мира? Теория эволюции, которую сегодня не осмелится оспорить ни один антрополог, однозначно говорит, что человеческое естество не неизменно. Человек культивирует природу и вместе с этим создает сам себя. «Культура – это “история в настоящем”. Способность развиваться в этой (культурной. – прим. авт.) среде и обеспечивать ее воспроизводство в последующих поколениях составляет отличительную черту нашего вида», – писал представитель американской культурно-исторической психологии М. Коул [17. С. 133]. Человек – активный субъект своего развития, но его предметно-чувственная деятельность вместе со своими результатами детерминирована его волевой интенцией лишь относительно. А вот фактор среды абсолютен. При всем желании невозможно построить каменный дом, если поблизости нет камня или нет транспорта для его подвоза. Да и сама идея каменного дома не может родиться в голове человека, не знающего, что такое камень и что такое дом. Жители леса будут охотиться на оленя, а жители морского побережья – ловить рыбу, и это определит их образ жизни, обычаи, традиции, всю культуру. Культурные формы различаются как вследствие разных условий жизни различных обществ, так и вследствие исторического развития одного и того же общества, перехода его к иным способам производства и воспроизводства жизни. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами» [18. С. 19].

Опыт, который и есть культура, не возникает сам по себе в сознании индивида. Он не предустановлен генетически, не дан свыше и не случаен. «...мы живем от рождения до смерти в мире людей и вещей, который в большой мере таков, каков он есть, благодаря тому что было порождено и передано нам предшествовавшей человеческой деятельностью. Когда этот факт игнорируют, опыт трактуют как нечто, происходящее внутри тела или души отдельного человека. Нет необходимости говорить, что опыт не возникает в вакууме, вне индивида существуют источники, порождающие развитие опыта» [19. Р. 39]. Источники вне индивида – это то, что Уильям Вентворт называл контекстом как «единицей культуры» [20. Р. 92], си-

туацией и временной ареной для человеческой деятельности.

Итак, базисом культуры являются объективные условия жизни того или иного сообщества, а инструментом создания культуры – опосредованная условиями жизни и опосредствованная имеющимися в наличии орудиями труда деятельность.

«В начале было дело», – говорил Фаусту Мефистофель [21]. И хоть дух, сказавший это, представлял силы ада, но мысль его оказалась райски светлой. Новая культура возникает вместе с новыми формами поведения, с появлением способности создавать новые материальные объекты и использовать их для взаимодействия с природой и самими собой. Аккумулированная в настоящем деятельность предыдущих поколений создает новую среду, в которой в свою очередь возникают новые формы поведения. Такая привычно повторяющаяся деятельность, в отношении которой существуют нормативные ожидания, есть «культурная практика» [17]. И она, как утверждает Э.В. Ильенков, складывается в ходе истории «...независимо от воли и сознания отдельных лиц... Отдельный индивид всеобщие формы человеческой деятельности в одиночку не вырабатывает и не может выработать, какой бы силой абстракции он ни обладал, а усваивает их готовыми в ходе своего приобщения к культуре вместе с языком и выраженными в нем знаниями» [22. С. 227].

Таким образом, чтобы иметь возможность изучать не единичные культурные практики (а их, в общем-то, и нельзя изучать, но лишь феноменологически описывать), а культурную практику как таковую, нужно обобщение, выведение всеобщих форм человеческой деятельности. А это не позволяет сделать методы, связанные с философией позитивизма, неокантианства и других течений, абсолютизирующих единичное. Мир не познается в единичных ощущениях, каковые даны и животным. Это на практике в ходе знаменитого Загорского эксперимента доказал Э. Ильенков, который смог социализировать и научить коммуникации от рождения лишенных почти всех ощущений слепоглухонемых детей. Мир познается в понятиях, в результате «деятельности мышления, наука о котором и есть логика» [23. С. 35]. Но законы мышления не оторваны от законов природы. Мало того, «всеобщие законы изменения природы человеком – это и есть всеобщие законы природы, в согласии с которыми человек только и может успешно ее изменять. Будучи осознанными, они и выступают как законы разума, как логические законы» [22. С. 228].

Только формальной, аристотелевской, логики недостаточно для понимания процессов в живом, противоречивом обществе. Даже в самом базовом, разделяемом всеми культурологами постулировании культуры как одновременно и духовного и материального явления уже заложено противоречие, требующее своего разрешения. Метод же синтетического разрешения противоречий есть диалектика Гегеля, единственная обобщающая философская система.

Научное обобщение категорически необходимо, чтобы выделить то, что некоторые называют универсалиями культуры, общими установками жизни раз-

ных народов, наличие которых подтверждают бесчисленные эмпирические данные. Не могут не подтверждать, поскольку хоть мы все и разные люди, но мы прежде всего люди. Такова связь единичного со всеобщим.

«В каждой культуре, – пишет Т.И. Ойзерман, – мы обнаруживаем почтительное, иногда даже благоговейное отношение к материнству. Любовь матери к своему ребенку, любовь бескорыстная, самоотверженная, есть культурно-исторический факт и вместе с тем норма, долженствование. То обстоятельство, что не все матери соответствуют этому культурному стереотипу, насколько не лишает его всеобщего значения, присущего универсалии» [24]. Универсалией культуры сначала становится объективная необходимость для выживания, которая затем трансформируется в морально-нравственный императив, а затем – в культурную практику. Культурная практика превращает необходимость в свободу, утилитарная функция вошедшего в стереотип поведения исчезает, оно больше не требуется для выживания, но сама практика тем не менее остается. Ключевой вопрос для теоретической культурологии – каковы законы этих трансформаций?

Мы полностью согласны с М.С. Каганом в том, что после Гегеля попытки постичь общие законы развития культуры (а ведь это и есть задача культурологии как науки) становятся все более редкими, а «...работа культуролога сводится либо к изучению того или иного исторического типа культуры... либо к характеристике нескольких различных исторических и этнических типов культуры...» [25. С. 30], т.е. к тому самому феноменологическому описанию единичных явлений, которые без их обобщения сущностно непознаваемы. Субстанция культуры как бы растворилась во всем бесконечном многообразии ее акциденций. Безусловно, данные о том, в каких богов верили ацтеки или чем отличаются способы охоты алеутов и эскимосов, крайне важны и сами по себе. Но лишь выведение из этих частных данных общих закономерностей культурогенеза, общих законов возникновения и развития культуры, приведет к созданию системы в культурологии, превратит ее в науку в полном смысле слова.

Человеческая деятельность зависит от условий жизни. Но она же создает новые условия, новый «контекст», который в свою очередь опосредует новые формы деятельности, а те создают новую культуру, новый общественный опыт, материализованный в артефактах, нормах поведения и языке. И так до бесконечности, ведь, как говорил Сократ, по крайней мере, ему приписываются эти слова, – нет предела совершенству. Человек постоянно творит культуру и нового себя вместе с ней, сам становится результатом своего творения. «Так замыкается, – как говорит М.С. Каган, – “круг культуры” – ее движение от человека к человеку, опосредованное создаваемой им предметностью» [25. С. 30]. Развитие культуры от человека к человеку, т.е. от себя к себе, с каждым кругом на все более и более высокой ступени общественного прогресса – понятийно постичь такое движение можно только с помощью гегелевской диалектики.

По словам Э.В. Ильенкова, логика показывает развитие научного мышления, такого мышления, которое воспроизводит в понятиях объективно существующий вне и независимо от сознания предмет. Движение же понятий воспроизводится в логике лишь с одной целью – затем воссоздать его на практике. «Диалектическая логика есть поэтому не только всеобщая схема деятельности, творчески преобразующей природу, но одновременно и всеобщая схема изменения любого естественно-природного и социально-исторического материала, в котором эта деятельность выполняется и объективными требованиями которого она всегда связана» [26. С. 3]. Таким образом, логика отражает движение мира в движении понятий, тем самым становясь теоретическим отображением научного мышления. Принцип диалектического метода заключается в тождестве мышления и мыслимого, т.е. в том, чтобы

движение мысли ученого совпадало с движением развития науки.

Данный вывод не предполагает, что иные методы в культурологических исследованиях неприменимы. Наоборот, многообразие различных подходов к изучению культуры также объективно необходимо, как объективно существование многообразия явлений культуры. Но как единичное предполагает всеобщее, так многообразное предполагает единое. Эта связь познается с помощью гегелевской диалектики, диалектического монизма, универсального метода для общественных наук, в том числе культурологии; универсального не в смысле единственного, а в смысле единого, системно объединяющего различные частные методы, некоего логического «компас», не дающего сбиться с верного направления движения любой науки – движения к истине.

Список источников

1. Флиер А.Я. Современная культурология: объект, предмет, структура // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 124–145.
2. Хайдеггер М. Феноменология и трансцендентальная философия ценности. Киев : Cartel, 1996.
3. Риккерт Г. О системе ценностей // *Науки о природе и науки о культуре*. М., 1998. С. 363–391.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М. : АСТ, 2019. 912 с.
5. Огородников В.П. История и философия науки : учеб. пособие для аспирантов. СПб. : Питер, 2011. 352 с.
6. Огородников В.П. Монизм или плюрализм? // *Российский гуманитарный журнал*. 2015. Т. 4, № 1. С. 50–56.
7. Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. М. : Эксмо, 2018. 207 с.
8. Платон. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 860 с.
9. Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания // *Эпистемология и философия науки*. 2008. Т. 16, № 2. С. 50–65.
10. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. Международные отношения. М., 1993. 70 с.
11. Филатов В.И., Касавин И.Т., Никифоров А.Л. Обсуждаем статью «Знание» // *Эпистемология и философия науки*. 2004. Т. 1, № 1. С. 131–140.
12. Гегель Г.В.Ф. Сочинения : в 14 т. Т. 8: Философия истории. М. ; Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. 468 с.
13. Фейерабенд П.К. Наука в свободном обществе / пер. на рус. яз. А.Л. Никифорова // *Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий*. 05.09.2012. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6634>
14. Чехов А.П. Письмо к учёному соседу // *Собрание сочинений* : в 12 т. Т. 1. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1954. С. 70–73.
15. Гашек Я. Похождения храброго солдата Швейка. М. : Азбука, 2015. 800 с.
16. Dewey J. *Human Nature and Experience*. New York : Holt, 1916.
17. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М. : Когито-Центр ; Институт психологии РАН, 1997. 432 с.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. 650 с.
19. Dewey J. *Experience and Education*. New York : Macmillan, 1963.
20. Wentworth W. *Context and Understanding: An Inquiry into Socialization Theory*. New York : Elsevier, 1980.
21. Геге И.В. Фауст. М. : Азбука, 2012. 480 с.
22. Ильенков Э.В. Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. 464 с.
23. Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: (Размышления над книгой В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М. : Политиздат, 1980. 175 с.
24. Ойзерман Т.И. Существуют ли универсалии в сфере культуры? // *Вопросы философии*. 1989. № 2.
25. Каган М.С. Философия культуры : учеб. пособие. СПб., 1996. 310 с.
26. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1984. 192 с.

References

1. Flier A.Ya. *Sovremennaya kulturologiya: obekt, predmet, struktura* // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. 1997. № 2. S. 124–145.
2. Haydegger M. *Fenomenologiya i transcendentnaya filosofiya cennosti*. Kiev : Izdatelstvo «Cartel», 1996.
3. Rikkert, G. *O sisteme cennostey* // Rikkert G. *Nauki o prirode i nauki o kulture*. M., 1998. S. 363–391.
4. Gegel G.V.F. *Nauka logiki*. M. : AST, 2019. 912 s.
5. Ogorodnikov V.P. *Istoriya i filosofiya nauki. Uchebnoe posobie dlya aspirantov*. SPb. : Piter, 2011. 352 s.
6. Ogorodnikov V.P. *Monizm ili plyuralizm?* // *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 2015. T. 4. № 1. S. 50–56.
7. Kerroll L. *Alisa v Strane chudes*. M. : Eksmo, 2018. 207 s.
8. Platon. *Sobr. soch.*: V 4-h t. T. 1. M. : Mysl, 1990. 860 s.
9. Nikiforov A.L. *Ponyatie istiny v teorii poznaniya* // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2008. T. 16, № 2. S. 50–65.
10. Attali Zh. *Na poroge novogo tysyacheletiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. M., 1993. 70 s.
11. Filatov V.I., Kasavin I.T., Nikiforov A.L. *Obsuzhdaem statyu «Znanie»* // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2004. T. 1. № 1. S. 131–140.
12. Gegel G.V.F. *Sochineniya: v 14-t t. M. ; L. : Gosudarstvennoe socialno-ekonomicheskoe izdatelstvo*, 1935. T. 8. *Filosofiya istorii*. 468 s.
13. Feyerabend P.K. *Nauka v svobodnom obschestve* / Per. na russkiy yazyk A.L. Nikiforova // *Elektronnaya publikaciya: Centr gumanitarnyy tekhnologiy*. 05.09.2012. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6634>
14. Chekhov A.P. *Pismo k uchenomu sosedu* // *Sobranie sochineniy v 12-ti tomah*. T. 1. M. : Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoy literatury, 1954 g. S. 70–73.
15. Gashek Ya. *Pohozhdeniya bravogo soldata Shveyka*. Azbuka, 2015. 800 s.
16. Dewey J. *Human Nature and Experience*. New York : Holt, 1916.
17. Koul M. *Kulturno-istoricheskaya psihologiya: nauka budushchego*. M. : «Kogito-Centr», Izdatelstvo «Institut psihologii RAN», 1997. 432 s.
18. Marks K., Engels F. *Sochineniya*. T. 3. M. : Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1955. 650 s.

19. Dewey J. Experience and Education. New York : Macmillan, 1963.
20. Wentworth W. Context and Understanding: An Inquiry into Socialization Theory. New York : Elsevier, 1980
21. Gete I.V. Faust. Azbuka, 2012. 480 c.
22. Ilenkov E.V. Filosofiya i kultura. M. : Politizdat, 1991. 464 s.
23. Ilenkov E.V. Leninskaya dialektika i metafizika pozitivizma: (Razmyshleniya nad knigoy V. I. Lenina «Materializm i empiriokriticizm»). M. : Politizdat, 1980. 175 s.
24. Oyzerman T.I. Sushchestvuyut li universalii v sfere kultury? // Voprosy filosofii. 1989. № 2.
25. Kagan M.S. Filosofiya kultury. Uchebnoe posobie. SPb., 1996. 310 s.
26. Ilenkov E.V. Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii. Vtoroe izdanie, dopolnennoe. M. : Politizdat, 1984. 192 s.

Информация об авторе:

Волков П.В. – аспирант кафедры культурологии и философской антропологии Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (Киев, Украина). E-mail: pvolkov84@yahoo.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Volkov P.V., National Pedagogical Dragomanov University (Kiev, Ukraine). E-mail: pvolkov84@yahoo.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 28.09.2021;
approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 502.313
doi: 10.17223/15617793/474/14

Биологическая недостаточность человека как лимит и как стимул: онтологическое и антропологическое измерение

Антон Игоревич Желнин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, antonzhelnin@gmail.com

Аннотация. Исследуется биологическая недостаточность человека. Несмотря на свои онтологические основы, она имеет только относительный характер ввиду универсальной адаптивности и высокой пластичности его биологии. Утверждается, что коренная биотрансформация человека избыточна, а также антропологически опасна, так как витальные и социокультурные измерения его бытия пребывают в едином континууме. Преодоление недостаточности предполагает путь сознательного аутопоэзиса, так что она выступает не только как лимит, но и как стимул.

Ключевые слова: человек, недостаточность человека, биологическая недостаточность, биоонтология, биомедицина, медиализация, трансгуманизм, улучшение человека, управляемая эволюция, аутопоэзис

Для цитирования: Желнин А.И. Биологическая недостаточность человека как лимит и как стимул: онтологическое и антропологическое измерение // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 125–134. doi: 10.17223/15617793/474/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/14

Human biological insufficiency as limit and as stimulus: ontological and anthropological dimension

Anton I. Zhelnin

Perm State University, Perm, Russian Federation, antonzhelnin@gmail.com

Abstract. The article deals with the phenomenon of human biological insufficiency, its essence, consequences and ways of overcoming. Research includes its ontological analysis (concept of bio-ontology is used because it is important to take into account a qualitative specificity of this phenomenon, its connection with biological reality). In modern situation it is represented primarily by a large-scale epidemic of «diseases of civilization» and a global aging of human population. Due to their multifactorial complex nature, biological insufficiency, indicating the presence of limitations in human organic life, is a challenge for the entire building of biomedicine and, in a broader sense, of whole technoscience. At the same time, the biological insufficiency of human is a relative phenomenon in its nature, since it does not imply any fatal flaw in his biology: on the contrary, the latter is optimally developed and representative of the biological as such, and the insufficiency is balanced by its adaptive universality and extreme plasticity. Within the framework of biomedical progress and the broad medicalization of society, there is a gradual convergence of the meanings of «therapy» and «enhancement», but due to the relative nature of the insufficiency, the therapeutic vector should prevail, the core of which is both normalization and a gradual «evolutionary» expansion of the potential naturally laid down in human biology. The radical morphological transformation of human, advocated by transhumanism, is bio-ontologically not only redundant (due to the relative nature of insufficiency), but also unacceptable, since the biological remains in indissoluble unity with the highest, properly human and social qualities, so that a significant modification of the organic basis would lead to a deformation of the entire essence of human as a holistic being. The alternative is a gradual, evolutionary improvement of the quality of human biological functioning, the transition of biomedicine to predictive and preventive forms, the rationalization of human lifestyle, the introduction of systems for predicting and planning of biological processes in society. The main conclusion is that the phenomenon of biological insufficiency, being the limit, is relative in its essence. It has along with the negative also the positive side appearing a stimulus for further progress. In the course of this, humanity will sooner or later move to a rational autopoietic management of its vital foundation without a radical transformation of the latter due to the bio-ontological redundancy and the anthropological danger of this scenario. However, even in the relative format, controlled evolution can create serious risks which will require strong regulators, complex both anthropological and ontological (including bio-ontological) expertise.

Keywords: human, human insufficiency, biological insufficiency, bio-ontology, biomedicine, medicalization, transhumanism, human enhancement, controlled evolution, autopoiesis

For citation: Zhelnin, A.I. (2022) Human biological insufficiency as limit and as stimulus: ontological and anthropological dimension. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 125–134. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/14

Введение

Одной из важных проблем современных наук о человеке является проблема фундаментального статуса его биологии. Уже А. Гелен и Х. Плеснер указывали на необходимый учёт витальных аспектов жизни человека для построения его целостной концепции [1, 2]. Другой значимой антропологической проблемой (во многом поднятой тем же А. Геленом) является феномен недостаточности человека в различных аспектах [1, 3]. Е.В. Захарова полагает, что проблема недостаточности человека актуальна как в сугубо антропологическом, так и в онтологическом ракурсе: «Недостаточность актуальна не только для построения философской системы понимания человеческой ситуации, но и для осознания того, как человек чувствует и переживает эту недостаточность... реальная “задетость”, неудовлетворённость, незавершённость конечного человеческого существа – страдание, которое первично и неизбежно, – которое даёт повод говорить об онтологической недостаточности человека» [4. С. 50].

Пересечение данных проблем в свою очередь порождает вопрос о наличии у человека специфической биологической недостаточности, её статусе и степени выраженности. Имеется узкоспециализированное понимание недостаточности как нарушения нормальной работы отдельных органов или их систем, когда они перестают справляться со своей функцией. *На наш взгляд, недостаточность человека в данном аспекте может быть понята существенно шире как целый комплекс лимитов, принципиально ограничивающих его биологию в функционировании и возможностях. Они представлены неизбежными инволюционными процессами старения и дегенерации человеческого организма, лимитированностью его сенсорных, когнитивных и регенеративных способностей, неизбежностью появления на протяжении жизни различных болезней и других патологических состояний.* Целью статьи является комплексный анализ данного феномена в онтологическом и антропологическом аспектах.

Современные проявления биологической недостаточности человека

За последнее столетие человечество проделало значительный прогресс, одержав победу над рядом заболеваний и улучшив общее качество жизни. Вместе с тем на сегодняшний момент разворачивается кризис, порождённый архитектурными сдвигами в развитии и коэволюции различных измерений жизнедеятельности человека, как чисто социальных, так и биоорганических. Он проявляется в том числе в массовом распространении ряда патологических, морбидных состояний. Недаром сама болезнь эссенциально может быть понята как обострение противоре-

чия между социальным и биологическим в жизни конкретного человека, их рассогласование и взаимное отчуждение [5]. Так, для обозначения комплекса массовых болезней современности, подчёркивания их взаимной связанности и детерминированности используется термин «синдемия»: «Такая биосоциальная концепция, как синдемия, предлагает целостный подход к решению синергических заболеваний и контекстных взаимодействий. Синдемическая теория стремится привлечь внимание и обеспечить основу для анализа этих видов биосоциальных связей, включая их причины и последствия для жизни и благополучия человека, а также для реагирования с помощью соответствующего вмешательства» [6. Р. 942].

Речь идёт о наиболее эпидемиологически распространённых (как соматических, так и психических) неинфекционных заболеваний современности, часто определяющихся как «болезни цивилизации». Неинфекционные заболевания являются более сложными, чем инфекционные. Они детерминированы целым комплексом причинных факторов и обладают широкой вариабельностью и спектром проявлений, существенно зависят в своём течении от индивидуальных особенностей организма: «Именно хронические заболевания внутренних органов являются камнем преткновения в современной общей патологии человека; в борьбе с ними практическая медицина испытывает наибольшие трудности. Там, где центр тяжести переносится на эндогенные механизмы развития болезни, резко возрастает число степеней свободы возникновения внутренних связей и зависимостей, которые и определяют неповторимую индивидуальность болезни, её клинический полиморфизм, отражающие сложный и многосторонний характер причинно-следственных закономерностей целостного организма» [7. С. 120]. Они также легко приобретают хронический характер и по сути остаются на сегодняшний день неизлечимыми, имея преимущественно симптоматическое (в каком-то смысле «паллиативное») лечение. Эпидемия неинфекционных заболеваний справедливо характеризуется как «глобальный кризис здоровья в новом мировом порядке» [8]. На наш взгляд, именно она, а также общеизвестное глобальное старение населения составляют своеобразное ядро современной биологической недостаточности человека.

В то же время в современном обществе протекают интенсивные процессы медиализации: влияние биомедицины на жизнь человека становится всё более многосторонним и «диффузным». Утверждается, что современное общество и, соответственно, науки, которые его исследуют, переживают своеобразный «поворот к биологии»: «О каких новых вопросах, проблемах и темах идёт речь, когда мы говорим о “повороте к биологии”? Прежде всего – о тех вызовах, с которыми столкнулись современные социогуманитарные науки в результате прогресса медицинского знания и беспрецедентного развития новых ме-

дицинских технологий и биотехнологий... Под биотехнологиями понимают процессы и продукты, предлагающие возможности изменения и, до определённой степени, контроля феноменов жизни в растениях, животных и, всё более, в людях. XXI в. по праву называют “веком биологии”, или “молекулярным веком”, поскольку именно человеческое тело и здоровье становятся главными объектами технологического вмешательства» [9. С. 36].

Одним из эффектов данной экспансии является постепенное размывание границ между чисто терапевтическим применением биомедицинских технологий и их применением с целью «улучшения», направленного на «преодоление свойственных человеческому организму природных ограничений» [10. С. 24]. Отмечается, что данная конвергенция приводит к размыванию границ фундаментального понятия «норма» [11]. Однако в случае хронической неинфекционной патологии два этих смысла кажутся вполне совместимы: данные заболевания возникают не только ввиду неправильного образа жизни и плохой экологической ситуации, но и как следствие общего «изнашивания» организма (часто преждевременного), постепенных процессов дегенерации и накопления в его работе ошибок и поломок. Тем самым они указывают на принципиальные пределы телесного существования человека. Следовательно, их лечение само по себе предполагает поиск способов продления активного его существования, более долгого поддержания характеристик его организма на более или менее оптимальном уровне, корректировки процессов старения и износа, что неизбежно подпадает под понятие «улучшение». Полагается, что наряду с процессом закономерной биологической инволюции организма существует «другой процесс, направленный на стабилизацию жизнеспособности организма, повышению его надёжности, долгосрочности существования» [12. С. 28]. Для полной реализации данного процесса, подразумевающего в частности увеличение восстановительных способностей, необходимо торможение того же старения. Последнее является чрезвычайно комплексным процессом, в котором задействовано множество механизмов разного уровня (накопление мутаций и снижение регенеративных возможностей, оксидантный стресс и повреждение свободными радикалами, массовый апоптоз, ослабление иммунитета и уменьшение продукции гормонов, метаболические дисфункции) [13].

По-видимому, старение представляет собой инвариантный комплексный фон, *per se* предрасполагающий с течением времени к накоплению патологий. В соответствии с принципом наименьшего действия часто полагается, что должен существовать один интегральный «ключ» сразу и от многих патологических состояний, и от старения, однако ввиду их комплексной природы скорее всего данная задача предполагает задействование целого ряда механизмов, поэтому её решение должно стать общим для медицины и шире всей технауки в целом. *Повторимся, в случае противостояния современным формам биологической недостаточности так или иначе происходит своеоб-*

разная конвергенция смыслов «терапии» и «улучшения».

Наличие у современного человека проявлений биологической недостаточности является стимулом для дальнейшего научного и технологического прогресса. Однако последний всегда оставляет за собой опасность перерастания в процесс по радикальной трансформации человеческой биологии, «конструированию» человека, когда он окажется «полигоном для самых разнообразных манипуляций и модификаций» [14. С. 17]. Именно на этом пути настаивают трансгуманисты, вслед за А. Геленом имплицитно гипертрофируя недостаточность биологии человека [15]. Большинство из них возлагает надежды на геномные и постгеномные технологии [16], а также на синтетическую биологию, которая предполагает «сращивание» организма с бионическими устройствами посредством системы технических интерфейсов [17].

Критики же трансгуманизма во многом справедливо опасаются того, что он способен привести к инструментальному обесцениванию человека и «размыванию» границ его природы. Отмечается, что внимание общественности сконцентрировано на трансгуманизме не только потому, что он «возвышается как политическая и культурная сила», но и ввиду «неизбежности крупных прорывов в технологиях, на которых он сосредоточен» [18]. Вместе с тем трансгуманистическая идеология сильна и потому, что она закономерно вытекает из реальных процессов широкой медиализации современного социума. Последняя проявляется не столько в экспансии соответствующих технологий, сколько в том, что всё большее количество проблем и практик признается находящимися в сфере юрисдикции именно медицины [19]. Так, например, прогресс психофармакологии позволил перевести многие проблемы душевной жизни человека в медицинскую плоскость: «*Управление повседневной жизнью с помощью нейробиологии больше не ассоциировалось с научной фантастикой. Нейромолекулярное видение мозга было фундаментальным для становления “психофармакологических обществ” в последние десятилетия двадцатого века*» [20. Р. 47]. Вместе с тем медиализацию не стоит гипертрофировать: имеют место и обратные процессы демедиализации (когда та или иная сугубо медицинская проблема переходит в более широкий социальный контекст), так что даже в случае развитого западного общества некорректно признавать всеохватывающую гегемонию медицинского контроля [21]. Можно констатировать, что *современная биологическая недостаточность имеет не только многообразие своих проявлений, но и многообразие вариантов своего теоретического осмысления, вплоть до самых крайних.*

Онтологическое измерение биологической недостаточности человека

Критический анализ вмешательств в биологию человека должен иметь не только морально-аксиологический, но и онтологический базис. Более

того, он должен учитывать онтологическую специфику изучаемой предметной области (реальности живого), поэтому мы используем в данном контексте понятие «биоонтология». С биоонтологической точки зрения данная недостаточность (представленная старением и дегенерацией, различными заболеваниями, феноменом стресса и т.д.), несмотря на своё феноменологическое многообразие, имеет только относительный, релятивный характер, так как не указывает на наличие какого-то фатального изъяна в биологии человека, её эссенциальную «ущербность». Напротив, человеческая биология сама по себе является оптимально развитой. Оптимальность здесь означает довольно высокий уровень сложности и многосторонний, универсальный характер. Организм человека является высшим продуктом эволюции и поэтому репрезентирует все основные биологические закономерности, является «квинтэссенцией» живого как такового. Эта универсальность прежде всего проявляется в его высокой адаптивной пластичности, широчайшем диапазоне для выживания и приспособления.

Более того, отмечается, что наряду с феноменом недостаточности присутствует уравнивающий его феномен избыточности сложных биоструктур (генома, мозга и пр.) [22], и, по всей видимости, у человека данная избыточность представлена наиболее явно. Это заметно прежде всего на примере работы его мозга, сложных нейросинергетических и нейропластических процессов в нём: так, полагается, что именно развитая нейропластичность является залогом высокой обучаемости и социокультурной лабильности человека [23]. Наконец, надприродные социальные свойства человека (прежде всего его разумная преобразующая деятельность) со своей «теневой» стороны также могут быть поняты как чрезвычайно успешные адаптации. В их контексте недостаточность имеет только служебную роль, будучи встроенной в бытие человека и как своеобразный *perpetuum mobile* служа мотивом для его деятельности, развития им своих сил и способностей: «Онтологическая недостаточность человека преодолевается в действии, однако, будучи структурой бытия человека, не может быть устранена и восстанавливается с новой потребностью и возобновляемым разрывом» [4. С. 54].

Конечно, данная недостаточность имеет и более широкие онтологические корни и, по-видимому, связана с общеиерархической тенденцией нижележащих уровней организации накладывать ограничения на вышележащие: так, физическое накладывает лимиты на химическое, химическое – на биологическое биологическое – на антропологическое и социальное. В этом смысле биологическая недостаточность детерминирована не только самим биологическим, но и более фундаментальными пластами реальности, во многом являясь следствием действия на живое инвариантных законов физики и химии [24, 25]. Но, повторимся, *человеческая биология не является ущербной, будучи репрезентативным продуктом развития живого в целом и, более того, позволив человеку закономерно перейти к принципиально более сложному социальному способу существования.*

Антропологическое измерение биологической недостаточности человека

Коренная трансформация человеческой биологии кажется поэтому избыточной и, более того, может привести к её деформации, что фатальным образом отразится на всей сущности человека как холистического существа. Поэтому терапевтический смысл так или иначе должен превалировать над смыслом улучшения. В этом заключается гуманистическая альтернатива трансгуманизму: дальнейший прогресс понимается не как коренная трансформация человека, а как постепенное повышение качества его витального существования, увеличение продолжительности его нормальной жизнедеятельности, последовательное искоренение тех заболеваний, которые остаются трудно- или неизлечимыми. Морфологические манипуляции должны всегда оставаться только средством, не превращаясь в самоцель. В.А. Рыбин полагает, что нужно последовательно удерживать границу морфологической неприкосновенности человека: «Если так, то граница между “можно” и “нельзя” во всех манипуляциях по отношению к человеку должна определяться ориентацией на сохранение его морфологической неизменности, причём, вне зависимости от того, идёт ли речь о физических или генетических параметрах человеческого организма» [26. С. 56]. Отмечается, что трансгуманизму в каком-то смысле присущ платонистический взгляд на человека: последний всецело отождествляется с разумом, тело же рассматривается как нечто акцидентальное и поэтому потенциально изымаемое из человеческой природы [27].

Напротив, современная наука убедительно показывает, что органический субстрат является неотчуждаемым от человека и пребывает с его высшими, собственно человеческими качествами в нерасторжимом единстве как их внутренняя имманентная основа: «Если не игнорировать множество совпадающих по выводам исследований, созданных в самых разных дисциплинах на протяжении нескольких поколений, то нет больше никаких сомнений, что человек – не самофундирующий субъект, а биологическое и социальное существо. И что социальное и культурное бытие вовсе не исторгают его из его биологического бытия, а служат особыми параметрами или аспектами его биологического бытия... То, что человек – существо социальное не только не противоречит его биологической специфике, но и, напротив, является её выражением» [28. С. 11, 13]. Так что, несмотря на социокультурную сущность человека, можно отчасти согласиться с максимой «человек не имеет тело, он сам есть тело». Следовательно, *морфологическая неприкосновенность является неотъемлемой частью бытия антропологической неприкосновенности.*

Прогресс должен способствовать реализации того потенциала, который заложен в человеке и биологии человека, а не создавать что-то абсолютно искусственное *ab ovo*. В противном случае биомедицина и технаука начнут, пусть и косвенно, вносить вклад в процесс, который может быть определён как *деантропологизация* [29]. Отмечается, что сама медицина

в настоящее время переживает своего рода антропологический кризис: «Каким же образом антропологический кризис проявляет себя в медицине? Проблемное поле медицины, объектом изучения которой является человек, а не нозологическая единица, вбирает в себя широкий спектр проблем естественных и гуманитарных наук. Между тем сосредоточение современной медицины на биологизаторском подходе, патцентризм, анализ патологии организма человека преимущественно в контексте естественных наук привели к рассогласованию естественно-научной и философско-гуманитарной составляющих медицинского знания» [30. С. 68]. Справедливо полагается, что развитие биомедицины – это осцилляция между полюсами холизма и редукционизма [31. С. 77], и современная экспансия естественнонаучных открытий и методов закономерно приводит к преобладанию редукционистических тенденций. Однако широкие социальные причины всё же первичны: концептуальное сведение человека к пусть и чрезвычайно сложному, но всё же механизму является не причиной, а следствием реального его обесценивания в ситуации кризиса современного общества. Деантропологизация человеческой биологии – это обратная, «теневая» сторона деантропологизации человека как такового. Повторимся, собственно человеческое и биологическое в нём не есть две рядоположенные подсистемы, они тесно переплетены за счёт плотной сети реципрокных связей и в конечном итоге существуют друг в друге и друг через друга, так что можно говорить о едином континууме биосоциальности в его жизни [26]. Поэтому позиция, в соответствии с которой дебиологизация человека не будет тождественна его деантропологизации [32], кажется ошибочной.

Конечно, преодоление биологической недостаточности невозможно мыслить в чисто физиологическом ключе, так как во многих случаях изменение функционирования живой системы по принципу обратной связи затрагивает её строение. Поэтому нельзя впадать и в другую крайность, полностью отрицающую изменение человеческой биологии и выраженную известным афоризмом З. Фрейда «анатомия – это судьба». Сам Фрейд писал про способ уменьшения страданий, связанный с попытками преодоления ограниченности и брэнности человеческого тела: «Конечно, есть иной и лучший путь: в качестве члена человеческого общества с помощью науки и техники перейти в наступление на природу и подчинить её человеческой воле... Самыми интересными методами предотвращения страданий являются, однако, методы воздействия на собственный организм. В конечном счёте любое страдание есть лишь наше ощущение, оно существует только потому, что мы его испытываем вследствие определённого устройства нашего организма» [33. С. 209–210]. Те же старение и патологии – это прежде всего морфологические процессы. Всё большее количество теоретиков и простых людей настаивают на более масштабной «войне против старения», далеко не обязательно ассоциируя победу над ним с трансгуманистическим переходом к постчеловеку или с буквальным достижением бессмертия [34].

Но морфологические изменения всё же должны играть подчинённую роль в том смысле, что их целью должно быть улучшение функционального и процессуального аспектов жизни человека. Относительно характеру биологической недостаточности по принципу «вызов-ответ» должен соответствовать такой же ограниченный потенциал трансформации человеческой биологии, которая не должна идти в ущерб остальным измерениям его бытия.

Перспективы и пути преодоления биологической недостаточности

Таким образом, биологическая недостаточность работает как стимул, причём не только для ускорения научно-технического и медицинского прогресса, но и для активного поиска путей восстановления общей коэволюции между социальным и биологическим измерениями в жизни человека. По нашему мнению, это возможно, если воздействие последнего (причём не только со стороны отдельных индивидов, но и общества в целом) на свой органический фундамент перейдёт из стихийного в сознательный формат, предполагающий рациональное управление его параметрами и в каком-то смысле дальнейшей эволюцией. Биологическая эволюция идёт методом «проб и ошибок», так как в его основе лежит «слепая» сила естественного отбора. Последний, пусть и в ослабленном виде, де-факто продолжает действовать на современного человека. Полагается, что анатомические, физиологические и психологические предрасположенности к болезням и сами они порождены им (а отнюдь не его отсутствием), так как естественный отбор создаёт «компромиссы», а не «совершенства» [35]. Болезни, являясь воплощением недостаточности, предстают в эволюционном, дарвиновском ключе как факторы отбора и(или) «дефектные» варианты адаптации [36]. Наличие данных дефектов является стимулом для сознательного и по возможности «точечного» вмешательства с целью их исправления.

Говоря более широко, включение фактора разума и его активное влияние на биологическую жизнедеятельность человека, планомерное её совершенствование позволят приобрести дальнейшей эволюции управляемый характер. Чаще говорят об управляемой эволюции внешней природы, биосферы [37], однако описанные проблемы и онтологически, и антропологически ближе человеку, так как касаются его собственной внутренней природы. Д.И. Дубровский констатирует фундаментальную асимметрию, в соответствии с которой большая часть познавательной и преобразующей активности человека направлена вовне: «Бросается в глаза разрыв, вопиющая несоразмерность познавательной и преобразующей деятельности, направленной во внешний мир, с одной стороны, и самопознания и самопреобразования – с другой. Я называю это фундаментальной асимметрией в познавательной и преобразующей деятельности человека» [38. С. 52]. И хотя речь идёт про дефицит прежде всего в социально-антропологическом контексте (отсутствии слаженных механизмов прогнозирования и пла-

нирования развития общества и человека как его части), в витальном аспекте он также заметен. Описанная управляемая эволюция могла бы стать одним из аспектов саморазвития человека. Переход человека к разумному управлению своей биологией также будет означать, что он по-своему продолжит реализовывать такую общеприродную тенденцию, как *аутопоэзис* [39], который понимается как автономное «самотворение» живого, делающее его «всё более живым». Вместе с тем эволюция не должна пониматься здесь в полном смысле как трансформация *homo sapiens* с последующим образованием нового вида. Напротив, сама эволюция может быть истолкована в эволюционном (а не революционном) ключе: «Механизмы эволюции сами являются объектом отбора и эволюционируют: способность эволюционировать тоже эволюционирует» [40. С. 329]. *В случае человека речь идёт о постепенном, плавном улучшении качества человеческой биологии, «мягком» управлении её параметрами без необходимости видообразования или ещё более радикальных сдвигов.*

Наиболее вероятным сценарием данного процесса будет являться последовательное распространение систем прогнозирования и планирования на сферу биологии человека, в том числе в аспекте медицины. Так, широко известна модель 4-«П» медицины, объединяющая идеи «предиктивности», «превентивности», «персонализированности» и «партисипаторности» [41]. *Ввиду сложности лечения неинфекционной патологии и борьбы со старением центральным компонентом должна стать «ранняя» диагностика, профилактика и упреждающая терапия, приобретшие массовый характер.* Человеческий организм индивидуален во многих аспектах, далеко не только генетических, так что персонализированный подход будет комплексным. Также отмечается, что в случае преобладания профилактики и превентивных вмешательств над «апостериорным» лечением проблема их отграничения от улучшения будет ещё более сложной, так как в условиях актуального отсутствия болезни будет отсутствовать и центральный терапевтический признак возвратного приведения к норме [42]. Вместе с тем персонализация медицины не является отказом от старых стандартных практик, а скорее есть их своеобразный апгрейд: «Даже активные сторонники индивидуализирующего подхода к диагностике и лечению не кладут в основу уникальность каждого индивида в границах медицинских практик... Стандартизирующие и индивидуализирующие практики не приводят ни к популяционной гомогенности пациентов, ни к рассмотрению уникальности каждого из них. Обе практики пересекаются на уровне стратифицирующей стандартизации» [43. С. 124–125]. Однако прогнозирование и планирование могут быть поняты и в рефлексивном ключе: *рациональность биополитического управления предполагала бы и его собственный контроль через систему сильных обратных связей, «управление управлением», выражающееся в селекции и выборе более приемлемых сочетаний технологий и практик с конечной целью реализации более оптимальных траекторий дальнейшего развития биологии человека.*

Другим трендом является дальнейшее диффузное проникновение биомедицины и новых технологий в образ жизни, который как интегральное образование определяет качество жизни и здоровье человека на 56–57% [44. С. 4]. Можно констатировать, что и болезнью находится в тесной реципрокной связи с образом жизни, так что вследствие их ко-детерминации формируется «редуцированный образ жизни, т.е. ограниченный в биологическом и социальном пространстве» [45. С. 17]. Поэтому *последовательное внедрение биомедицинских технологий в повседневную жизнь будет эффективным только при повышении сознательности людей в витальных аспектах своего modus vivendi.* Это наталкивается на диверсификацию образов жизни, когда повседневность «образует достаточно автономные пласты обыденной жизни, конгломерат или систему, определённое сочетание “жизненных миров”» [46. С. 60]. *Применение тех или иных достижений медицинского прогресса всё больше зависит от свободной воли и выбора самого индивида, что, однако, не противоречит общей тенденции к росту информированности и сознательности.* Идея «жизненного мира», вбирающая в себя и образ жизни, ещё раз указывает на неприемлемость коренного преобразования человеческой телесности.

Так, Э. Гуссерль считал тело первопорядковой данностью, облигатной «точкой отсчёта» для построения жизненного мира: «Живое тело постоянно присутствует в поле восприятия совершенно уникальным способом, совершенно непосредственно, в совершенно уникальном бытийном смысле, а именно в том смысле, который очерчивается словом “орган”: то, в чем я совершенно уникальным способом и совершенно непосредственно существую как Я, испытывающее аффекты и производящее действия, в чем я совершенно непосредственно властвую кинестетически» [47. С. 148]. Отмечается актуальность вписывания в феномен жизненного мира природно-телесных детерминант, в частности раскрытие специфического жизненного мира здоровья: «Примером может служить небезынтесная операционализация понятия “жизненный мир” как “мир здоровья” (Healthworld). По мнению исследователей, данное понятие можно считать основным аналитическим инструментом, позволяющим соединить как ментальные категории, так и практическое поведение. “Мир здоровья” выступает компонентом жизненного мира, обеспечивающим деятельность, направленную на поддержание всестороннего благополучия человека» [48. С. 12–13]. И если в настоящее время в науке под влиянием фундаментальных молекулярных, генетических и даже микробиологических открытий имеет место кризисная проблематизация тела и его границ, то обычные люди в большинстве своём продолжают руководствоваться простой максимой «моё тело – моя крепость» [49]. *Человеческая телесность как основа жизненного мира должна оставаться константой в своих фундаментальных параметрах, и, повторимся, её радикальное видоизменение не было бы оправданным ввиду относительной природы биологической недостаточности.*

Однако деантропологизация не всегда предполагает радикальное трансгуманистическое воплощение. Указывается, например, что процесс дальнейшей медиализации социума способен привести к появлению уже не «постчеловека», а своеобразного «*homo medicus*», тотального зависимого от системы биомедицины [50]. Однако и первый, и второй пребывали бы в отчуждённом состоянии, в том числе ввиду дефектов в своей биоонтологии. Наконец, указывается и на то, что и сама биомедицина имеет свои внутренние пределы: её бурный прогресс отнюдь не означает, что она объективно способна стать центральным социальным институтом, разрешим все проблемы и удовлетворив все потребности человека [51]. Данная лимитированность носит не только практико-технологический, но и мировоззренческий характер: медицина до сих пор балансирует между «Сциллой и Харибдой» биологического редукционизма и социального конструктивизма, ценностно-нейтральной научной доказательностью и расширением своего общественного контроля [52. Р. 10–11]. Соответственно, даже при интенции на сценарий трансформации биологии человека биомедицина объективно не способна была его реализовать ввиду собственных лимитов и противоречий.

Особняком стоят моральные аспекты преодоления биологической недостаточности, понятой даже в относительном ключе. К первоочерёдным из них относится проблема неравенства. Биомедицинский прогресс, выступая в качестве средства преодоления не столько самой биологической недостаточности, сколько природного неравенства людей в её аспекте (очевидно, что у различных людей она выражена в разной степени), сам парадоксальным образом оказывается фактором нового типа неравенства, дифференциации доступа людей, социальных групп и общностей к его плодам. Данное неравенство, по-видимому, имеет два аспекта: *синхронический* (неравенство доступа в рамках одного временного периода) и *диахронический* (неравенство доступа в разные временные периоды, между разными поколениями). Синхронический аспект воплощает структурное неравенство: оно выливается в стратификацию людей по степени ограниченности/возможностям самореализации с биологической стороны. Пользуясь терминологией А. Маслоу, положение в ней создаёт условия либо для «во-человечности» биологии человека, либо для её «недочеловечности» [53]. Синхронический аспект

имеет свои широкие общественные основания: данное неравенство достоверно детерминировано общеэкономическим неравенством [54], что выражается в феномене «статус-синдрома» (зависимости комплекса патологий человека от его места в системе социоэкономической стратификации) [55]). Но если его хотя бы частично возможно преодолеть, в том числе путём создания и поддержания социального контракта между биомедициной, государством и населением [56], то диахронический аспект почти непреодолим ввиду экспоненциального ускорения биотехнологического прогресса и широких онтологических оснований в лице необратимости времени и конечности человеческой жизни.

Заключение

Основным выводом исследования является то, что биологическая недостаточность человека онтологически обладает только относительным характером. Конвергенция смыслов «терапии» и «улучшения» неизбежна, но при определяющей роли первого компонента. Радикальная трансформация биологии человека не только онтологически избыточна, но и антропологически опасна, так как ставит под угрозу целостность человеческой сущности. Поэтому преодолению недостаточности будет соответствовать эволюционный путь, предполагающий постепенное улучшение качества биологии человека без её коренной морфологической перестройки. Процессы дальнейшего проникновения биомедицины в жизнь человека и общества станут сознательно контролируруемыми и оптимизируемыми, так что дальнейшая «управляемая эволюция» человеческой биологии (понятая также относительно) станет новым, более совершенным выражением её аутопоэзиса. Тем самым феномен биологической недостаточности оказывается диалектичным по своей сущности, выступая с негативной стороны как ограничение, лимит человеческой жизни, а с позитивной – как вызов, стимул для дальнейшего развития. Рациональное биополитическое управление, расширение области его приложения будут в соответствии с принципом обратной связи требовать более сильных биоэтических и биоправовых регуляторов [57], предполагать комплексную, не только антропологическую, но и онтологическую (в том числе специфическую биоонтологическую) экспертизу.

Список источников

1. Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии / пер. с нем. А.Н. Портнова // *Личность. Культура. Общество*. 2007. Т. IX, № 3 (37). С. 37–51.
2. Плеснер Х. Ступени органического и человек / пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2004. 367 с.
3. Захарова Е.В. Человек на границе недостаточности. Самара: Самарский гос. ун-т, 2009. 218 с.
4. Захарова Е.В. Недостаточность человека: антропологический разворот проблемы // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 342. С. 50–56.
5. Изуткин Д.А. Болезнь как форма отчуждения биологической природы индивида от его социальной сущности // *Гуманитарный вектор*. 2017. Т. 12, № 1. С. 62–66.
6. Singer M. et al. Syndemics and the biosocial conception of health // *The Lancet*. 2017. Vol. 389, № 10072. P. 941–950.
7. Карпин В.А., Еськов В.М., Филатов М.А., Филатова О. Е. Философские основания теории патологии: проблема причинности в медицине // *Философия науки*. 2012. № 1 (52). С. 118–128.
8. Marrero S.L., Bloom D.E., Adashi E.Y. Noncommunicable diseases: a global health crisis in a new world order // *JAMA*. 2012. Vol. 307, № 19. P. 2037–2038.

9. Богомягкова Е.С. Поворот к биологии: перспективы развития социологического знания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11, № 1. С. 35–50.
10. Юдин Б.Г. Технонаука и «улучшение» человека // Эпистемология и философия науки. 2016. № 2 (48). С. 18–27.
11. Daniels N. Normal functioning and the treatment-enhancement distinction // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2000. Vol. 9, № 3. P. 309–322.
12. Фролькис В.В. Старение и увеличение продолжительности жизни. Л. : Наука, 1988. 239 с.
13. Анисимов В.Н. Молекулярные и физиологические механизмы старения. СПб. : Наука, 2003. 468 с.
14. Юдин Б.Г. Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 12–20.
15. Желнин А.И. Идея «биологической недостаточности» человека как фундамент трансгуманизма и ее критический анализ // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (250). С. 86–92.
16. Bostrom N. Human genetic enhancements: a transhumanist perspective // The Journal of Value Inquiry. 2003. Vol. 37, № 4. P. 493–506.
17. Church G.M., Regis E. Regenesi: how synthetic biology will reinvent nature and ourselves. Basic Books, 2014. 304 p.
18. Porter A. Bioethics and Transhumanism // The Journal of Medicine and Philosophy. 2017. Vol. 42, № 3. P. 237–260.
19. Conrad P. The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders. New York : JHU Press, 2007. 224 p.
20. Rose N., Abi-Rached J.M. Neuro: The new brain sciences and the management of the mind. Princeton : Princeton University Press, 2013. 352 p.
21. Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 3. С. 295–312.
22. Хайтун С.Д. Феномен «избыточности» мозга, генома и других развитых органических и социальных структур // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 85–96.
23. Wexler В.Е. Brain and culture: Neurobiology, ideology, and social change. Cambridge : MIT Press, 2008. 320 p.
24. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? / пер. с англ. А.А. Малиновского. М. : РИМИС, 2009. 176 с.
25. Pross A. What is life?: how chemistry becomes biology. Oxford : Oxford University Press, 2012. 224 p.
26. Рыбин В.А. Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности // Человек. 2020. Т. 31, № 1. С. 45–60.
27. Долин В.А. Трансгуманистические представления о человеке в современном антропологическом дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 133–144.
28. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
29. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 19–31.
30. Камалиева И.Р. Антропологический кризис в современной медицине // Философия и культура. 2018. № 5. С. 65–70.
31. Бекарев А.М., Пак Г.С. Гуманистическое измерение биорациональности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 72–82.
32. Дёмин И.В. «Кибернетическое бессмертие» и трансформация природы человека: дебиологизация или деантропологизация? // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 66–71.
33. Фрейд З. Вопросы общества и происхождение религии / пер. с нем. А.М. Боковой. М. : СТД, 2008. 608 с.
34. De Grey A., Rae M. Ending aging: The rejuvenation breakthroughs that could reverse human aging in our lifetime. New York : St. Martin's Press, 2007. 400 p.
35. Zampieri F. Medicine, evolution, and natural selection: An historical overview // The Quarterly Review of Biology. 2009. Vol. 84, № 4. P. 333–355.
36. Nesse R.M., Williams G.C. Why we get sick: The new science of Darwinian medicine. New York : Vintage, 2012. 304 p.
37. Яблоков А.В., Левченко В.Ф., Керженцев А.С. О концепции «управляемой эволюции» как альтернативе концепции «устойчивого развития» // Теоретическая и прикладная экология. 2017. № 2. С. 4–8.
38. Дубровский Д.И. Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // Человек. 2012. № 6. С. 51–54.
39. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and cognition: The realization of the living. Heidelberg : Springer Science+Business Media, 2012. 146 p.
40. Кунин Е.В. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции / пер. с англ. М. : Центр-Полиграф, 2014. 527 с.
41. Hood L. et al. Systems biology and new technologies enable predictive and preventative medicine // Science. 2004. Vol. 306, № 5696. P. 640–643.
42. Juengst E.T. Can enhancement be distinguished from prevention in genetic medicine? // The Journal of medicine and philosophy. 1997. Vol. 22, № 2. P. 125–142.
43. Шевченко С.Ю. Стандартизация и феномен персонализированной медицины // Человек. 2015. № 6. С. 118–128.
44. Лисицин Ю.П. О научных основах стратегии медицины и здравоохранения // Общественное здоровье и здравоохранение. 2008. № 3. С. 3–7.
45. Изуткин Д.А., Смирнова Н.Е. Философские концептуальные аспекты взаимосвязи образа жизни и болезни // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 1. С. 14–19.
46. Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа // Социологические исследования. 2009. № 8. P. 58–65.
47. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб. : Владимир Даль, 2004. 400 с.
48. Дивисенко К.С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 6–20.
49. Войнилов Ю.Л., Полякова В.В. Мое тело – моя крепость: общественное мнение о биомедицинских технологиях // Социология власти. 2016. Т. 28, № 1. С. 185–207.
50. Медведева Л.М. Homo medicus как возможный результат медиализации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 210–214.
51. Callahan D. What kind of life?: The limits of medical progress. Washington DC : Georgetown University Press, 1995. 320 p.
52. Williams S. Medicine and the Body. Thousand Oaks : Sage, 2003. 251 p.
53. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / пер. с англ. Г.А. Балла, А.П. Попогребского. М. : Альпина нон-фикшн : Смысл, 2011. 495 с.
54. Pickett K.E., Wilkinson R.G. Income inequality and health: a causal review // Social Science & Medicine. 2015. Vol. 128. P. 316–326.
55. Marmot M. Status syndrome: How Your Place on the Social Gradient Directly Affects Your Health. London: Bloomsbury, 2015. 320 p.
56. Horne R. et al. A new social contract for medical innovation // The Lancet. 2015. Vol. 385, № 9974. P. 1153–1154.
57. Barilan Y.M. Human dignity, human rights, and responsibility: The new language of global bioethics and biolaw. Cambridge : Mit Press, 2012. 368 p.

References

1. Gelen, A. (2007) Image of human in the light of modern anthropology. Translated from German by A.N. Portnov. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. IX (3). pp. 37-51. (In Russian).

2. Plesner, Kh. (2004) Stupeni organicheskogo i chelovek [Steps of the organic and human]. Translated from German by A.G. Gadzhikurbanov. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
3. Zakharova, E.V. (2009) Chelovek na granitse nedostatochnosti [Human on the border of insufficiency]. Samara: Samarskiy gos. un-t. (In Russian).
4. Zakharova, E.V. (2011) Human insufficiency: anthropological reversal of problem. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 342. pp. 50-56. (In Russian).
5. Izutkin, D.A. (2017) Disease as form of alienation of biological nature of individuum from his social essence]. Gumanitarnyy vektor – Humanitarian vector. 12 (1). pp. 62-66. (In Russian).
6. Singer, M. et al. (2017) Syndemics and the biosocial conception of health. The Lancet. 389 (10072). pp. 941-950. (In Russian).
7. Karpin, V.A., Es'kov, V.M., Filatov, M.A., Filatova, O. E. (2012) Philosophical foundations of theory of pathology: problem of causality in medicine. Filosofiya nauki – Philosophy of science. 1 (52). pp. 118-128. (In Russian).
8. Marrero, S.L., Bloom, D.E., Adashi, E.Y. (2012) Noncommunicable diseases: a global health crisis in a new world order. Jama. 307 (19). pp. 2037-2038.
9. Bogomyagkova, E.S. (2018) Turn to biology: perspectives of development of sociological knowledge. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya –Herald of Saint-Petersburg University. Sociology. 11 (1). pp. 35-50. (In Russian).
10. Yudin, B.G. (2016) Technoscience and human «enhancement». Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science. 2 (48). pp. 18-27. (In Russian).
11. Daniels, N. (2000) Normal functioning and the treatment-enhancement distinction. Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 9. (3). pp. 309-322.
12. Frol'kis, V.V. (1988) Starenie i uvelichenie prodolzhitel'nosti zhizni [Aging and extension of lifespan]. Leningrad: Nauka. (In Russian).
13. Anisimov, V.N. (2003) Molekulyarnye i fiziologicheskie mekhanizmy stareniya [Molecular and physiological mechanisms of aging]. Saint-Petersburg: Nauka. (In Russian).
14. Yudin, B.G. (2008) Medicine and constructon of human. Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill. 1. pp. 12-20. (In Russian).
15. Zhelnin, A.I. (2016) Idea of «biological insufficiency» of human as fundament of transhumanism and its critical analysis. Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 3 (250). pp. 86-92. (In Russian).
16. Bostrom, N. (2003) Human genetic enhancements: a transhumanist perspective. The Journal of Value Inquiry. 37. (4). pp. 493-506.
17. Church, G.M., Regis, E. (2014) Regensis: how synthetic biology will reinvent nature and ourselves. New York: Basic Books.
18. Porter, A. (2017) Bioethics and Transhumanism. The Journal of Medicine and Philosophy. 42 (3). pp. 237-260.
19. Conrad, P. (2007) The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders. New York: JHU Press.
20. Rose, N., Abi-Rached, J.M. (2013). Neuro: The new brain sciences and the management of the mind. Princeton: Princeton University Press.
21. Mikhel', D.V. (2009) Social history of medicine: genesis and problematics. Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies. 7 (3). pp. 295-312. (In Russian).
22. Khaytun, S.D. (2003) Phenomenon of «redundancy» of brain, genome and other developed organic and social structures. Voprosy filosofii. 3. pp. 85-96. (In Russian).
23. Wexler, B.E. (2008) Brain and culture: Neurobiology, ideology, and social change. Cambridge: Mit Press.
24. Shredinger, E. (2009) Chto takoe zhizn' s tochki zreniya fiziki? [What is life from the point of view of physics?] Translated from English by A.A. Malinovskiy. Moscow: RIMIS. (In Russian).
25. Pross, A. (2012) What is life?: how chemistry becomes biology. Oxford: Oxford University Press.
26. Rybin, V.A. (2020) Human biosociality: Experience of rethinking in the context of modernity. Chelovek. 31 (1). pp. 45-60. (In Russian).
27. Dolin, V.A. (2017) Transhumanistic views on human in modern anthropological discourse. Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill. 4. pp.133-144. (In Russian).
28. Sheffer, Zh.-M. (2010) Konets chelovecheskoy isklyuchitel'nosti [End of human exclusivity]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
29. Gurevich, P.S. (2009) Phenomenon of deanthropologization of human. Voprosy filosofii. 3. pp. 19-31. (In Russian).
30. Kamaliev, I.R. (2018) Anthropological crisis in modern medicine. Filosofiya i kul'tura. 5. pp. 65-70. (In Russian).
31. Bekarev, A.M., Pak, G.S. Humanistic dimension of biorationality. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2020. 2. pp. 72-82. (In Russian).
32. Demin, I.V. (2014) «Cybernetic immortality» and transformation of human nature: debiologization or deanthropologization? Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research. 2 (15). pp. 66-71. (In Russian).
33. Freyd, Z. (2008) Voprosy obshchestva i proiskhozhdenie religii [Questions of society and origin of religion]. Translated from German by A.M. Bokovikov. Moscow: STD. (In Russian).
34. De Grey, A., Rae, M. (2007) Ending aging: The rejuvenation breakthroughs that could reverse human aging in our lifetime. New York: St. Martin's Press.
35. Zampieri, F. (2009) Medicine, evolution, and natural selection: An historical overview. The Quarterly Review of Biology. 84 (4). pp. 333-355.
36. Nesse, R.M., Williams, G. C. (2012) Why we get sick: The new science of Darwinian medicine. New York: Vintage.
37. Yablokov, A.V., Levchenko, V.F., Kerzhentsev, A.S. (2017) On concept of «controlled evolution» as alternative to concept «sustainable development». Teoreticheskaya i prikladnaya ekologiya – Theoretical and Applied Ecology. 2. pp. 4-8. (In Russian).
38. Dubrovskiy, D.I. (2012). Biologicheskie korni antropologicheskogo krizisa. Chto dal'she? Biological roots of anthropological crisis. Chelovek. 6. pp. 51-54.
39. Maturana, H.R., Varela, F.J. (2012) Autopoiesis and cognition: The realization of the living. Heidelberg: Springer Science+Business Media.
40. Kunin, E.V. (2014) Logika sluchaya. O prirode i proiskhozhdenii biologicheskoy evolyutsii [Logic of Chance. The Nature and Origin of Biological Evolution]. Translated from English. Moscow: ZAO Izdatel'stvo Tsentr-Poligraf.
41. Hood, L. et al. (2004) Systems biology and new technologies enable predictive and preventative medicine. Science. 306 (5696). pp. 640-643.
42. Juengst, E.T. (1997) Can enhancement be distinguished from prevention in genetic medicine? The Journal of Medicine and Philosophy. 22 (2). pp. 125-142.
43. Shevchenko, S.Yu. (2015) Standartization and phenomenon of personalized medicine. Chelovek. 6. pp. 118-128. (In Russian).
44. Lisitsin, Yu.P. (2008) On scientific foundations of strategy of medicine and healthcare. Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhranenie [Social health and healthcare]. 3. pp. 3-7. (In Russian).
45. Izutkin, D.A., Smirnova, N.E. (2017) Philosophical conceptual aspects of connection between lifestyle and disease. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 1. pp. 14-19. (In Russian).
46. Voz'mitel', A.A., Osadchaya, G.I. (2009) Lifestyle: theoretical and methodological foundations of analysis. Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies. 8. pp. 58-65. (In Russian).
47. Gusserl', E. (2004) Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya [Crisis of phenomenological sciences and transcendental phenomenology]. Translated from German by D.V. Sklyadnev. Saint-Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian).
48. Divisenko, K.S. (2014) Social studies of life world. Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal. 1. pp. 6-20. (In Russian).

49. Voynilov, Yu.L., Polyakova, V.V. (2016) My body – my fortress: public opinion on biomedical technologies. *Sotsiologiya vlasti*. 28 (1). pp. 185-207. (In Russian).
50. Medvedeva, L.M. (2012) Homo medicus as possible result of medicalization. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* – Historical and Social-Educational Idea. 1. pp. 210-214. (In Russian).
51. Callahan, D. (1995) *What kind of life?: The limits of medical progress*. Washington DC: Georgetown University Press.
52. Williams, S. (2003) *Medicine and the Body*. Thousand Oaks: Sage.
53. Maslou, A. (2011) *Novye rubezhi chelovecheskoy prirody* [New frontiers of human nature]. Translated from English by G.A. Ball, A.P. Popogrebskiy. Moscow: Al'pina non-fikshn: Smysl.
54. Pickett, K.E., Wilkinson, R.G. (2015). Income inequality and health: a causal review. *Social science & medicine*. Vol. 128. pp. 316-326.
55. Marmot, M. (2015) Status syndrome: How Your Place on the Social Gradient Directly Affects Your Health. London: Bloomsbury.
56. Horne, R. et al. (2015) A new social contract for medical innovation. *The Lancet*. 385 (9974). pp. 1153-1154.
57. Barilan, Y.M. (2012) *Human dignity, human rights, and responsibility: The new language of global bioethics and biolaw*. Cambridge: Mit Press.

Информация об авторе:

Желнин А.И. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: antonzhelnin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zhelnin A.I., Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: antonzhelnin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.09.2021;
одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.09.2021;
approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.37
doi: 10.17223/15617793/474/15

Когнитивно-прагматическая программа «Закон совести» в кинотексте «Пацаны»: целевой вектор

Дмитрий Игоревич Иванов

Институт русского языка Сианьского университета иностранных языков, Сиань, КНР, Ivan610@yandex.ru

Аннотация. Проводится исследование целевых установок ключевой когнитивно-прагматической программы (КПП) – «Закон совести», фильма Д. Асановой «Пацаны». Установлено, что в аспекте целеполагания программа работает одновременно в двух режимах: «целеполагание для себя» и «целеполагание для объекта социализации (подростка)». КПП «Закон совести» ориентирована прежде всего не на «результат любой ценой», а на активизацию и поддержание внутренней активности процессов гармоничной когнитивно-ментальной реабилитации сознания подростка.

Ключевые слова: когнитивно-прагматическая программа, субъект-источник, персонифицированный субъект, круг отчуждения, целеполагание, агрессивно-имитационное состояние

Для цитирования: Иванов Д.И. Когнитивно-прагматическая программа «Закон совести» в кинотексте «Пацаны»: целевой вектор // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 135–143. doi: 10.17223/15617793/474/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/15

Cognitive-pragmatic program "Law of Conscience" in the film construct "Boys": target vector

Dmitry I. Ivanov

Xi'an International Studies University, Xi'an, PRC, Ivan610@yandex.ru

Abstract. This article considers the author's version of the film construct sociocognitive modeling based on the original theory of cognitive-pragmatic programs (CPP). The relevance of this kind of modeling is due to both the social significance of the studied conceptual film text, and the complexity of its analysis as a synthetic text of culture. The source of the research is the film construct of the famous Soviet film "Boys". To substantiate the author's methodology the traditions of psychology and modern sociocognitive ideas are used.

The goals of the leading CPP initial formula of the film construct ("The Law of Conscience") envisage the implementation of three main processes: a) transformation and adjustment of the basic cognitive-mental subsystems of consciousness of a "difficult" teenager who has fallen into the zone of influence of destructive CPPs; b) the formation in his mind of a constructive personal, social and civic identity; c) "withdrawal" of a teenager from the zone of activity of destructive-manipulative programs with their subsequent blocking. These processes determine the general target vector for the implementation of the "Law of Conscience" CPP. In the aspect of goal-setting the program works simultaneously in two modes: "goal-setting for oneself" and "goal-setting for the object of socialization (adolescent)."

At first the target setting is active and meaningful only for the program itself; the adolescent is aware of the formal presence of a goal, but does not identify it as his own, therefore, the degree of activity of the consciousness of the subject-personifier remains extremely low. To solve this problem the CPP bearer must find out how the consciousness of the object of socialization has changed as a result of destructive influence through observation (for the adolescent / the source of his desocialization - the parents) and analysis of behavior.

CPP "Law of Conscience", activating the second mode of goal-setting (for a teenager), seeks to personify the goal formed in its structure and create conditions under which the teenager begins to perceive it as his own. The "Law of Conscience" CPP is focused primarily not on "the result at any cost", but on the activation and maintenance of the internal activity of the processes of harmonious cognitive-mental rehabilitation of the adolescent's consciousness, which is realized in the scene of the trial of V. Kireev as a result of the speech by the head of the camp P.V. Antonov. The Law of Conscience program cannot make a choice for a teenager. He must start the movement, feeling support by himself. A simple rule works here: "the "other" believes in me – I must justify his belief in himself - I must accept his faith as my own - I must learn to believe myself".

Keywords: cognitive-pragmatic program, subject-source, subject-personifier, "Circle of alienation", target setting, aggressive-simulatory state

For citation: Ivanov, D.I. (2022) Cognitive-pragmatic program "Law of Conscience" in the film construct "Boys": target vector. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474, pp. 135–143. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/15

Введение

Известная советская кинокартина «Пацаны» (1983) – чрезвычайно интересный объект, демонстрирующий, как художественное произведение может воплощать актуальную общественно-идеологическую и нравственно-философскую проблематику во всей ее концептуальной, структурной и содержательной (социально-психологической) сложности. Фильм, с одной стороны, злободневен и имеет документальную основу: «...в качестве актеров <...> привлечены <...> настоящие “трудные” подростки. Зритель может наблюдать их лица, поведенческие манеры, характерные интонации, хотя и вписанные в рамки художественного сюжета, но максимально приближенные к реальной ситуации и достоверно ее передающие» [1. С. 82]; с другой – это высокохудожественное кино с великолепной актерской игрой, и, наконец, с третьей – это фильм (кинотекст с семиотической точки зрения), где проблемные ситуации и пути их решения сформулированы с концептуальной программностью и четкостью, что только усиливает художественную убедительность «социальной драмы».

Сюжет фильма содержит оригинальный переход от документально зафиксированной социальной проблемы (будущие герои картины, неблагополучные подростки, отвечают на вопросы этического характера) через сцену суда над несовершеннолетним воришкой (явной жертвой «семейной десоциализации») к собственно жизни летнего спортивно-трудового лагеря для «трудных», которым руководит Павел Антонов (актер Валерий Приемыхов). Концептуальное ядро фильма – природа сложного процесса социализации в условиях «палаточного» быта и нелегкого «общественно-полезного труда»: ведь десоциализированный, отчужденный подросток, сконцентрированный на своей иллюзорной «внутренней свободе» (иллюзорной, поскольку это деструктивная «свобода» отказа от общественных норм и правил вплоть до криминализации), не понимает, что общество выступает в качестве конструктивного регулятора его когнитивного роста. Отсюда возникают напряжение и разнообразные конфликтные ситуации.

Предлагаемый нами социокогнитивный анализ кинотекста базируется на авторской теории когнитивно-прагматических программ (КПП). КПП – это «своеобразная концептуальная матрица, опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных, оценочно-результативных), формирующихся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа» [2. С. 252]. Теория КПП позволяет системно представить развертывание внутренних

установок личности / социальных групп в целенаправленную социальную деятельность, в том числе на примере кинотекста [3].

В терминах теории КПП «концептуальная формула» фильма строится на столкновении двух основных вариантов КПП социализации личности подростка: дидактически-принудительного, требующего механического усвоения норм и подчинения им (говоря словами актера Валерия Приемыхова, это «закон закона» и связанные с ним «закон отчуждения» и криминальный «закон антизакона»), и гуманистического, суть которого в равноправии, равнодушии, любви, сопричастности (внутренний «закон совести»). В первом случае «директивное» воздействие общества воспринимается подростком как деструктивный акт подчинения, а сам «воспитатель» в его глазах ничем не лучше любых других «агрессоров», что ведет к еще большему отчуждению, озлоблению, десоциализации подростка, и без того лишённого нормального детства.

КПП «Закон совести» является ключевым компонентом авторской концепции. Смысл его в том, что подростка нужно избавить от страха и недоверия, пробудить его собственное чувство сопричастности, долга, ответственности, помочь прежде всего осознать: нормы, установки и модели поведения не должны приниматься автоматически, они проверяются совестью, которая позволяет человеку оценивать, «судить свои поступки как бы от своего имени» [4. С. 30]. Ответом на вопрос о возможности операции постепенного принятия подростком совести как основного нравственного качества своей личности и является весь сюжет фильма – мы же остановимся здесь на специфике целевых установок исходной формулы «Закон совести».

Данную формулу в самом кратком виде дает П.В. Антонов, который в беседе с журналистом поясняет, почему отказывается воздействовать на подростков силой: «**Антонов:** Я хочу их привести к самим себе, понимаешь... Вернуть людям <...> Надо уметь расшевелить их гражданское чувство... Разбудить сердце, понимаешь? <...> **Журналист:** Хорошо... А что ты будешь делать с такими, как Зайцев? **Антонов:** Зайцев подонок... Но, ты знаешь, его тоже надо будить...» [5].

Прежде чем вернуть подростка в социум, его нужно «вернуть» самому себе. Поэтому формула «*нужно разбудить сердце*» имеет двусоставную структуру («вернуть подростка самому себе»; «привести подростка к людям») и два субъектно-ролевых вектора реализации («разбудить сердца родителей»; «разбудить сердце подростка, попавшего в круг отчуждения»). Подросток в такой ситуации лишен возможности адекватно оценивать себя и окружающих. Научить его уважать себя и других, уважать свой и

чужой труд, отвечать за свои поступки перед собой и людьми – сложнейшая задача, в ее свете формируется четкая структура необходимых действий (система целевых установок КПП), включающих отказ от «репрессивного давления», равнодушие и сопричастность, стремление «достучаться до сердца», разорвать или трансформировать искаженные взаимоотношения с источниками десоциализации, пробудить гражданскую идентичность.

Логика моделирования подсистемы целевых установок

Феномен целеполагания, выступая в качестве базового основания моделирования КПП, рассматривается нами как сложный ментально-когнитивный процесс. На наш взгляд, совершенно прав В.Л. Гавеля, когда говорит о том, что цель является одним из «посредствующих звеньев между познанием и практикой потому, что, кроме идеального образа объекта, она включает в себе стремление создать его, имеет ярко выраженную практическую направленность, содержит в идеальном виде весь порядок действия...» [6. С. 4].

Ярко выраженная практическая направленность цели позволяет рассматривать ее как специфическую задачу, неразрывно связанную с действием (его целью) и операцией (ее условиями): «Задача – это цель, данная в определенных условиях. Задача, даже самая простая, включает в себя следующие моменты: *цель*, то есть требование, которое надо выполнить; *условия*, в которых действует субъект; *искомое* – неизвестное, которое надо найти, чтобы достигнуть цели» [7. С. 42].

Целеполагание предстает как один из ключевых механизмов перехода субъекта/программы (в лице ее носителя) от анализа к реальной практической деятельности. Это открывает новые ракурсы концептуально-смысловой формулы КПП «Закон совести» («разбудить сердце подростка» = «привести его к самому себе» + «вернуть его людям»). Цель – внутренний катализатор действия; соответственно, в структуре формулы КПП можно выделить три таких целевых катализатора действия: а) «разбудить»; б) «привести»; в) «вернуть». Каждый из них направлен на реализацию трех основных процессов: а) трансформация и корректировка базовых когнитивно-ментальных подсистем сознания подростка, попавшего в зону воздействия деструктивных КПП («Закон круга отчуждения», «Закон антизакона»); б) формирование в его сознании конструктивной личной, социальной и гражданской идентичности; в) «вывод» подростка из зоны активности деструктивно-манипулятивных программ с их последующей блокировкой. Данные процессы определяют общий целевой вектор реализации КПП «Закон совести».

В аспекте целеполагания программа работает одновременно в двух режимах. Первый режим – целеполагание «для себя» (КПП). Второй режим – целеполагание для объекта социализации (подростка). Ведь после того как та или иная целевая установка формируется (режим целеполагания КПП), она является активной и значимой только для самой программы. Це-

левая установка здесь выступает в качестве специфического инструмента, стабилизирующего функциональную направленность деятельности субъекта-персонификатора. Рассматривая эту особенность когнитивно-ментальных установок разных уровней и типов (в нашем изложении – целевых, самоидентификационных, операциональных, оценочно-результативных), А.А. Леонтьев отмечает: «Установки различных уровней стабилизируют движение деятельности, позволяя, несмотря на своеобразные сбивающие воздействия, сохранять ее направленность; и они же выступают как консервативные моменты деятельности, “барьеры внутри нас”, затрудняя приспособление к новым ситуациям...» [8. С. 130].

При этом цель остается дистанцированной, «чужой» для подростка. Он осознает ее формальное наличие, но не идентифицирует ее с собой. Возникает парадоксальная ситуация, когда подросток может ассоциировать себя с деятельностью, но не с ее целью: цель принадлежит самой программе, которая им управляет. В этих условиях личность (носитель КПП) перестает быть «условием действия» и превращается исключительно в функциональный, «необязательный придаток» действия, которое производится по воле доминирующей программы. Вот как об этом пишет Э.Г. Юдин: «Личность есть не только продукт, но и условие деятельности, а это значит, что, по крайней мере в известном смысле, мы должны и саму деятельность объяснять через личность. Если же от этого отказаться, то мы вместо деятельности получаем Деятельность, при которой личность выступает на правах чисто функционального, а следовательно, в каждом конкретном случае необязательного придатка» [9. С. 301].

Все это приводит к тому, что степень активности сознания субъекта-персонификатора остается предельно низкой, так как полностью контролируется деструктивными импульсами «круга отчуждения». КПП «Закон совести», активизируя второй режим целеполагания (для подростка), стремится персонифицировать сформированную в ее структуре цель и создать условия, при которых подросток начинает воспринимать ее как свою собственную. Рассмотрим специфику реализации каждого режима целеполагания более подробно.

Режим 1 «Целеполагание для программы»

Этот режим предусматривает последовательную реализацию двух взаимообусловленных этапов. На первом этапе КПП / ее носитель, который одновременно является и субъектом-источником (генерирует, транслирует и воспроизводит целевые установки в пространстве кинестетики), и субъектом-интерпретатором (проводит анализ психоэмоционального состояния подростка и фиксирует наличие деструктивных изменений в его сознании), пытается понять, что конкретно нужно трансформировать, корректировать. Так формируется общий вектор целеполагания КПП.

Для решения поставленной задачи носитель КПП (например, П.В. Антонов) должен путем наблюдения

(за подростком/источником его десоциализации – родителями) и анализа поведения выяснить, как изменилось сознание объекта социализации в результате деструктивного воздействия «круга отчуждения» и КПП «Закон антизакона». Ярким примером проведения такой операции является беседа родителей А. Зайцева, которые приехали к нему в лагерь на день посещения. Их сын вместе со своим другом Рублевым находится за пределами лагеря, на другой стороне реки. Из лагеря их выгнали за употребление спиртных напитков, но они не уехали в город. П.В. Антонов перевозит родителей в лодке к сыну.

«Мать Зайцева: А где они вообще? **Антонов:** Работают. **Мать Зайцева:** Ну как работают?.. В выходной день?.. **Отец Зайцева:** Помолчи! **Мать Зайцева:** Заткнись! **Отец Зайцева:** Помолчи! **Мать Зайцева:** Не ори на меня! **Отец Зайцева:** А я сказал, замолчи! *(Антонов молча, наклонив голову, идет за родителями Зайцева)* **Мать Зайцева:** А комары здесь... Дождь если... Я спрашиваю, а что если дождь?.. А вы вообще долго собираетесь их здесь держать? **Антонов:** А мы никого здесь не держим... Вы своего можете забрать хоть сегодня... **Отец Зайцева:** Ни в коем случае! **Мать Зайцева:** У нас отпуск, между прочим... *(Антонов презрительно усмехается)* **Антонов:** А, у вас отпуск... Вот возьмите его и воспитывайте... **Отец Зайцева:** Да не будет этого! *(Антонов отворачивается и медленно идет обратно к лодке)* **Антонов:** Когда лодку прислать? **Мать Зайцева:** Часа через два, пожалуйста... **Отец Зайцева:** Будьте добры – через час! **Мать Зайцева:** Да... *(Антонов презрительно смотрит на них, сплевывает, отворачивается и идет к лодке)*» [5].

Обратим внимание на два основных момента: а) как общаются между собой родители А. Зайцева; б) как они репрезентируют свое отношение к сыну во время диалога с П.В. Антоновым. Оба актуализированных носителя КПП аналитических ракурса имеют ярко выраженный деструктивный характер. Так, доминирующим компонентом модели общения родителей А. Зайцева является скрытое неприятие, раздражение, предельная напряженность и внутренняя агрессивность. Они практически не смотрят друг на друга, мимика их лиц статична, жесты отрывисты, взгляд напряжен и безэмоционален. Их речь превращается в систему автоматизированных, спонтанных, ответных реакций на импульс-раздражитель, исходящий от собеседника. Очевидно, что каждый из них пытается подавить в себе негативные эмоции, источником которых являются накопившиеся друг к другу претензии. Однако чем сильнее степень их внутреннего подавления, тем выше уровень внутренней агрессивности. На наш взгляд, ключевым концептуально-смысловым компонентом всей этой сцены является не сам диалог родителей А. Зайцева, а фиксация (визуализация) тотального обоюдного отрицания/ (само)отрицания, которое отождествляется с мнимым (внешним) благополучием их семьи (приехали на машине). Эмоции, которые они испытывают к своему сыну, являются всего лишь очередным подавлением внутреннего отрицания в себе. Это псевдоконструк-

тивное чувство можно условно назвать «отчуждающей любовью», отождествленной с подавленной в себе агрессией.

Способом подавления этого агрессивносимулятивного состояния становится формальное выполнение своих родительских обязательств. Антонов спрашивает родителей Зайцева, сколько им нужно времени – «любящим родителям», которые более двух недель не видели своего сына, достаточно одного часа... Ключевое значение здесь имеет не общение с сыном, а сам факт формального псевдоконструктивного действия, призванного подтвердить истинность симулятивного когнитивно-ментального статуса «хорошие родители».

Они не совсем понимают, для чего их сын находится в этом лагере («А вы вообще долго собираетесь их здесь держать?»). Мать воспринимает нахождение своего сына в этом лагере как некое запретительное, формальное действие системы профилактики, ограничивающее свободу своего сына. Она не осознает, что сын, благодаря ее «воспитанию», сам находится в опасности (может совершить преступление и попасть в места лишения свободы) и своим асоциальным поведением подвергает опасности тех, кто его окружает. Это еще одно проявление «отчужденной любви».

Наблюдая за поведением родителей Зайцева, П.В. Антонов (носитель КПП «Закон совести») понимает: А. Зайцев, находясь под постоянным воздействием разрушительного по своей природе чувства «отчужденной любви», осознанно/подсознательно копирует и полностью воспроизводит поведение своих родителей. Однако если взрослые люди (родители) могут хотя бы частично контролировать внутреннюю (само)агрессию, то подросток с ней справиться не в состоянии. Ярким примером является сцена, в которой А. Зайцев и его друг Рублев совершают нападение на молодую парочку, отдыхающую недалеко от лагеря.

«(Девушка заходит в воду и плавает. Ее парень делает несколько снимков. Девушка улыбается, показывает ему язык и обнимает его) **Девушка:** Костенька... *(В этот момент они слышат звон бутылок. Рублев и Зайцев сидят около палатки молодых людей. Зайцев пьет из банки сгущенное молоко, Рублев курит)* **Костя:** В чем дело, ребята? *(Зайцев молча поджигает ветку лапника и бросает ее в Костю)* **Костя:** Что, другого места не нашлось?.. *(Девушка стоит за спиной Кости. Зайцев и Рублев презрительно смотрят на ребят)* **Девушка** *(обращается к Косте):* Дай мне джинсы. *(Костя подходит к палатке и хочет взять джинсы. Рублев встает и отталкивает его ногой)* **Рублев:** Руки!.. **Девушка:** Костя, не надо! **Рублев:** Пошел вон!.. *(Зайцев, не сводя глаз с девушки, молча курит)* **Девушка:** Ребята... Ну, не надо!.. **Рублев:** Сейчас ты у меня наработаешься, фотограф... Чистюля! *(Рублев бьет Костю и заставляя его таскать бревна. Зайцев медленно встает, демонстрируя свое превосходство, и подходит к девушке).* **Зайцев:** Какая хорошенькая... Ну, погладь меня... Надо сказать, Андрюшенька... Ну... *(В это время Рублев продолжает бить Костю)* **Рублев:** Ну, давай быстрее... Тащи...

(Зайцев хватает девушку. Она начинает кричать) **Девушка:** Костя! Костя! (Костя бросает бревно и бросается ей на помощь) **Костя:** Ребята, ну я вас прошу... Не надо... Ну, пожалуйста... **Зайцев:** Да иди ты!.. (К Косте подбегает Рублев и бьет его в живот. Костя падает. Зайцев хватает девушку) **Девушка:** Пусти! Подонок!.. Пусти... Помогите!» [5]. Только приезд родителей Зайцева случайно спасает ситуацию.

В этой сцене внутренняя агрессия Зайцева имеет две формы выражения. Первая форма – это «глумление» («ментальное унижение» «другого» и демонстрация своего мнимого превосходства). В первой части сцены Зайцев формально «не агрессивен»: он молча наблюдает, как из-за действий Рублева в сознании молодых людей нарастает страх. Зайцев полностью воспроизводит «родительскую» модель поведения – только теперь в роли подавляемого («отчужденного») субъекта выступает не он сам, а незнакомая, испуганная девушка. Зайцев предельно остро ощущает, как знакомое чувство страха постепенно поглощает ее. Страх, укоренившийся в его сознании и отождествленный с процессом внутреннего самоотрицания, становится частью его «сущностного я».

Единственный доступный для А. Зайцева способ подавления страха-отрицания – фиксация и визуализация этого деструктивного психоэмоционального состояния в «другом». Ему кажется, что, став источником страха-отрицания для «другого», он сможет избавиться от него и принять себя. Причиной активизации этого процесса является желание компенсировать отсутствие родительской заботы, внимания и любви.

Однако «перенос» страха на «другого» и формально-симулятивная смена своего социокогнитивного статуса (базовый статус – «я»-объект подавления, отчуждения; обновленный статус – «я»-источник подавления, отчуждения) приводят к обратному результату. Формальное отстранение от страха (его визуализация в «других», чье кинетическое поведение в этот момент очень выразительно) заставляет Зайцева встретиться со своим страхом лицом к лицу. Убежать от себя невозможно. Любая внешняя форма воспроизведения своего страха только усиливает деструктивный эффект его переживания в себе; Зайцев внутренне продолжает оставаться агрессором для самого себя, причем контролировать это он не в состоянии. Он чувствует, как чувство страха начинает переполнять девушку, и это доставляет ему наслаждение (на лице Зайцева появляется самодовольная, ехидная улыбка). Однако чем выше степень этого наслаждения, тем острее он переживает его симулятивность в себе. Для преодоления чувства внутренней опустошенности ему нужно максимизировать степень наслаждения, поэтому он переходит к открытой агрессии и уже не может остановиться, растворяясь в симулятивно-деструктивном наслаждении, отождествленном с процессом самоотрицания.

Итак, на первом этапе носитель КПП «закон совести» должен, во-первых, определить качественные особенности деструктивных искажений сознания

подростка; во-вторых, соотнести их с концептуально-смысловыми зонами (частями) общей формулы КПП «Закон совести» («привести подростка к самому себе»; «вернуть подростка людям»). Реализация процесса «распределения» деструктивных искажений по концептуально-смысловым блокам формулы позволяет: а) структурировать эти искажения; б) определить когнитивно-ментальную зону их актуализации (личная, социальная, гражданская идентичность подростка); в) выявить степень деструктивной активности каждого искажения; г) установить, какие искажения могут выступить в качестве базовых оснований формирования целевых установок.

На втором этапе реализации процесса целеполагания КПП «Закон совести» / носитель КПП производит специфическую перекодировку когнитивно-ментальных искажений. В зону внимания КПП попадают прежде всего те искажения, которые обладают наиболее высокой степенью деструктивной активности. Целью этой перекодировки, которую условно можно назвать целевой трансформацией деструктивного искажения, является «перевод» последнего в целевой режим функционирования. Другими словами, то, что раньше было искажением, теперь становится целью для программы. Приведем пример.

В результате проведенного опроса воспитанников спортивно-трудового лагеря (этап наблюдения и анализа) журналист (носитель КПП «Закон совести») выясняет, что подростки утратили способность мечтать («Журн.: У тебя есть мечта? **Восп. 1:** Мечта? **Журн.:** Ну, ты о чем-то мечтаешь? **Восп. 1:** Нет. Я не мечтаю...»). Исходя из этого, он фиксирует факт наличия деструктивного искажения, реализующегося, прежде всего, в зоне когнитивно-ментальной активности «Я»-идентичности подростка. Назовем эти искажения. *Отсутствие способности мечтать:* а) существенно ограничивает возможности проективного свободного, творческого мышления; б) не позволяет конструктивно моделировать свое будущее (реализовать свой внутренний креативный потенциал); в) блокирует внутреннюю когнитивно-ментальную потребность к самопрезентации, самосовершенствованию и самореализации личности; г) значительно сужает зону функциональной социокогнитивной активности личности. Далее носитель КПП «Закон совести» производит перекодировку этих деструктивных искажений и превращает их в целевую установку программы: для формирования конструктивной личной идентичности подростка ему необходимо вернуть веру в мечту и актуализировать в его сознании «волно-к-мечте». Последовательность данных операций повторяется при формировании каждой новой целевой установки программы.

Режим 2 (Целеполагание для объекта социализации)

В рамках реализации этого режима программа через носителя КПП производит процесс последовательной экстраполяции «своих» целевых установок в зону когнитивно-ментальной активности сознания

подростка, для чего необходимо выполнить две взаимообусловленных операции. Во-первых, «перевести» выявленные в результате программного анализа деструктивные искажения в сознание подростка и создать условия для их полной субъектной персонификации. Во-вторых, произвести субъектную персонификацию «своей» системы целевых КПУ программы и внедрить ее в сознание объекта социализации.

Результатом обеих операций является ситуационно-аналитическая персонификация сначала деструктивного искажения, а потом и цели программы. Сам процесс персонификации в данном контексте рассматривается нами как специфический полисемиотический когнитивно-ментальный механизм моделирования ситуации, в рамках которого «самость» подростка становится объектом стимуляции. Попадая в эту ситуацию, субъект начинает воспринимать условно дистанцированную от него цель / систему деструктивных искажений своего сознания иначе: начинает переживать ее наличие «в себе». Если раньше целевые КПУ / деструктивные искажения рассматривались им как некий негативный «продукт» «чужой» воли, которая стремится ограничить его внутреннюю свободу, то теперь «чужое» переживается как «свое», т.е. персонифицируется. Так, программа проникает в сознание подростка и постепенно становится частью его «сущностного я».

Механизм стимуляции «самости» подростка в исследуемом кинотексте нередко реализуется через субъекта-посредника, который, как правило, тоже является носителем КПП. В максимально обобщенном виде субъектно-ролевою модель этого способа можно представить так: носитель КПП (источник импульса) – носитель КПП (резонатор импульса) – субъект, персонифицирующий деструктивное искажение/цель.

Особенность этого способа заключается в том, что субъект-персонификатор ощущает на себе двойственное давление стимулирующего импульса, исходящего как от первого, так и от второго носителя КПП «Закон совести». Импульс, исходящий от источника КПП, формально направлен не на субъекта-персонификатора, а на второго носителя программы. Однако это не играет решающего значения, так как объект социализации, несмотря на условную (формальную) дистанцированность от импульса, находится в зоне его конструктивно-функциональной активности. Более того, он получает возможность увидеть себя (деструктивные искажения своего сознания / своей цели) со стороны, причем «увидеть» их не как нечто тотально деструктивное, а как цепочку трагических жизненных ситуаций, заложником которой стал подросток. В этом случае исходящий от первого носителя КПП импульс становится инструментом когнитивно-ментальной реабилитации «самости» объекта социализации. В то же время этот же импульс корректирующе воздействует и на второго носителя КПП. В итоге второй носитель КПП ретранслирует (перенаправляет) его содержание, обогащенное собственным импульсом, и репрезентирует его субъекту-персонификатору, который попадает в круг конструктивной репрезентации деструктивных искажений / целевых

установок программы. Это позволяет ему не только «принять» (персонифицировать) эти искажения, но и осознать, что они являются чем-то противоестественным (губительным, разрушительным), для него и их нужно нейтрализовать. Именно здесь реализуется процесс персонификации целевых КПУ программы.

Ярким примером является сцена суда над Вовой Киреевым. Ее можно разделить на две части. Представим первую. **«Прокурор:** У меня есть вопросы к подсудимому. Киреев, скажите, вы же намеренно лезли по чужим карманам? (Вова Киреев неуверенно встает и робко смотрит в сторону прокурора) **Киреев В.:** А сколько вы мне карманов “шьете”? (Сестра Маргарита умоляюще смотрит на Вову и шепотом обращается к нему) **Маргарита:** Вова... замолчи, замолчи... **Прокурор:** Вы же понимаете, что залезли в чужой карман? **Киреев В.:** Я случайно... (В зал суда входит начальник лагеря П.В. Антонов) **Прокурор:** Так, Киреев, не бывает! Вас поймали за руку – с поличным! **Киреев В.:** Подумаешь, треха... трешка проклятая... **Первый член судебной коллегии:** Не трешка, а четыре рубля! Ведь пострадавший живет на эти деньги два дня! Ведь это все равно, что у голодного отнять кусок хлеба... **Киреев В.:** Я не знал... Простите меня... **Адвокат:** У меня вопрос. Скажите, Киреев, были ли у вас ранее приводы в милицию за воровство? **Киреев В.:** Нет. **Первый член судебной коллегии:** Зачем же вы врете, Киреев? **Киреев В.:** Я не лгу... **Первый член судебной коллегии:** А кто под видом сбора макулатуры унес из квартиры банку варенья и книжку? **Киреев В.:** Я почтять... **Первый член судебной коллегии:** А кто из кабинета биологии украл микроскоп? **Киреев В.:** Микроскоп я вернул... **Первый член судебной коллегии:** Он был найден у тебя, ты не успел его сбить... Иначе твоему отцу пришлось бы расплачиваться за украденный микроскоп! **Киреев В.:** А, разбежался... Заплатит он вам... Ждите... **Председатель суда:** Ты не хмыкай, Киреев!.. У тебя чувство, будто здесь родительское собрание – пожурят, отпустят... Дерзишь, врешь и ни в чем ты не раскаиваешься... А мы хотим понять, что тебя толкало на эти гнусные поступки...» [5].

Последняя фраза показывает, что судебская коллегия может рассматриваться как специфическая субъектно-ролевая инкарнация КПП «Закон совести». Репрезентация этой установки имеет принципиальное значение. Ее актуализация условно активизирует механизм персонификации деструктивных искажений сознания подростка. Он реализуется через операцию когнитивно-ментального перевода внутреннего импульса: 1) «Мы стремимся не осудить, а понять природу твоего деструктивного (асоциального) поведения»; 2) «Ты сам должен задуматься, что на самом деле толкнуло тебя на преступление».

Представим вторую часть, где слово берет пришедший начальник лагеря: **«Антонов:** Я знаю Киреева с прошлой зимы. Это наша новая практика. Зимой мы работали с ними в городе, а летом вывели их на природу. Работаем в одном из пригородных совхозов. Уважаемые судьи, Киреев заслуживает сурового наказания... Однако мне бы хотелось, чтобы вы знали

то, о чем молчит сам Киреев и его сестра Маргарита... А молчат они, потому что они стесняются некоторых подробностей своей жизни. Вот вы тут говорили про банку варенья, а мне все время вспоминался случай... В общем, это было на занятии секции. Я обратил внимание на то, что он не переодевается, как это делают остальные ребята. Как положено на занятиях спортивной секции. Я подошел, сделал ему замечание... Он очень обиделся и месяц не ходил в клуб... Потом я узнал, что у него нет трусов!.. Понимаете, у этого мальчишки нет элементарных трусов... Эти дети... Они никогда не знали, что такое родительская ласка или забота... У них нет матери. Они живут с отцом. Это спившийся, озверевший человек!.. Он пропивает свою получку, и эти двое живут на стипендию, которую Маргарита приносит из ПТУ... Вы посмотрите на него!.. Ему пятнадцать лет... Вы дадите ему пятнадцать лет?.. Он совершенно не развит физически... Ну, это дело поправимое... Еще хуже дело обстоит с его духовным развитием... Он не читает книг... Учится... Учится – еле-еле... Его не пускают в приличные дома, чтобы он не испортил хороших мальчиков... И поэтому единственное место, где он чувствует себя человеком – это подворотня... Много раз они ночевали у меня в клубе, потому что отец приводит домой собутыльников и случайных женщин... Что я могу сказать хорошего о своем воспитаннике Кирееве?.. Ему стыдно... Ему стыдно за себя... за сестру... и даже за отца! Это значит, у него есть совесть. Я ручаюсь, что в жизни он не выпил ни капли спиртного. Я прошу дать на Киреева на поруки. Я обещаю, он загладит свою вину... **Первый член судебной коллегии:** Вопросы? **Прокурор?** **Прокурор:** Нет, все ясно. **Председатель суда:** Вы уверены?.. **Антонов:** Нет. **Председатель суда:** Павел Васильевич, вы сказали – я ручаюсь... Вы представляете себе что, как поручитель, вы несете известную ответственность?.. **Антонов:** Важнее всего в этом случае, если я ошибусь... Мне будет по-человечески очень горько... Но я думаю, мне кажется, этого не случится. **Первый член судебной коллегии:** Вам предоставляется последнее слово, Киреев. Встаньте, пожалуйста! Встаньте, Киреев! Вам суд предоставляет последнее слово! Ясно? *(Вова медленно встает, голова его опущена вниз)* **Киреев В.:** Дайте поменьше... **Председатель судебной коллегии:** Вы раскаиваетесь? **Киреев В.:** Да!» [5].

Здесь действуют три субъектные единицы: а) судебная коллегия; б) П.В. Антонов; в) Вова Киреев (субъект-персонификатор). В первой части в роли основного носителя КПП «Закон совести» выступает коллегия судей. При этом Антонов, который присутствует в зале и наблюдает за процессом, является вторым носителем программы.

Формально он не является источником импульса, однако сам факт его присутствия в зале для В. Киреева – знак его потенциальной внутренней реабилитации. Значимость присутствия Антонова в зале подтверждается вопросом Вовы, который он задает своей сестре до начала судебного заседания: «**(Киреев В.):** А что – больше никого? **Маргарита:** Антонов обещал!.. *(Вова опускает голову вниз. Он верит, что*

Антонов сдержит ожидание и придет его поддержать)» [5]. Сам факт наличия этой надежды – знак того, что герой внутренне настроен на процесс персонификации деструктивных искажений / целевых установок программы.

Первая часть сцены, в которой источником КПП является судебная коллегия, обладает крайне низкой степенью результативности. Персонификации деструктивных искажений не происходит. Все апелляции суда к «самости» подсудимого отрицаются, блокируются им. На вопросы Вова отвечает отрывисто, раздраженно, явно пытаясь защититься от тех, кто, как ему кажется, хочет «подавить» его.

Ситуация кардинально меняется во второй части сцены, когда место основного носителя КПП занимает П.В. Антонов. Он рассказывает суду (теперь второму носителю КПП) о причинах асоциального поведения подростка, реабилитируя его в глазах суда. Именно в этот момент в сознании Вовы происходит важная метаморфоза. Защитный механизм, блокирующий процесс персонификации искажений его сознания / целевых КПУ программы, полностью нейтрализуется. Источником защиты для него становится не деструктивно-симулятивный механизм, сформированный под воздействием «круга отчуждения», а живой человек, который, несмотря ни на что, верит в него. Слушая слова П.В. Антонова, Вова видит себя со стороны. При этом в нем одновременно возникают два противоположных образа: а) «я» – источник деструктивного; б) «я» – источник отрицания этой деструктивности в себе.

Чем больше говорит Антонов (о том, о чем бы сам Вова никогда никому не сказал), тем ярче в сознании подростка становится второй образ его «сущностного я». Кульминацией процесса стимуляции «самости» подростка является тот фрагмент речи Антонова, где он просит суд дать Киреева на поруки. В структуре этого фрагмента можно выделить целый комплекс компонентов, стимулирующих сознание подростка к персонификации («переживанию») деструктивных искажений.

Первая фраза («Что я могу сказать хорошего о своем воспитаннике Кирееве?..») концентрирует в себе общую конструктивно-позитивную направленность образа В. Киреева. Начальник лагеря сознательно подчеркивает наличие в подростке «хорошего», т.е. того, на что субъект-персонификатор должен опираться при преодолении деструктивных искажений своего сознания. Далее Антонов раскрывает сущность позитивного начала воспитанника. Он утверждает наличие в нем чувства стыда, который является «центральным феноменом морального опыта» [10. С. 106]. Более того, П.В. Антонов пытается зафиксировать это наличие на разных уровнях функционирования «сущностного я» подростка: «Ему стыдно... Ему стыдно за себя... за сестру... и даже за отца!» Первый уровень – это зона внутреннего столкновения личной идентичности подростка с «кругом отчуждения», разрушающим целостность его сознания («стыдно за себя»). Второй уровень – это зона столкновения с «кругом отчуждения» через «другого» (единственного челове-

ка, который по-настоящему любит его) и попытка противостоять ему (стремление защитить сестру) («стыдно за сестру»). Третий уровень – это зона открытого противостояния с отцом (источником «круга отчуждения» для подростка) и внутренняя надежда на то, что он еще может исправиться («стыдно за отца»). Далее, опираясь на наличие стыда в сознании своего воспитанника, Антонов апеллирует к его совести («Ему стыдно <...> Это значит, у него есть совесть»). Финальная часть фрагмента является своеобразным катализатором для всех стимулирующих компонентов представленных выше: «Я ручаюсь, что в жизни он не выпил ни капли спиртного. Я прошу дать на Киреева поруки. Я обещаю, он загладит свою вину». Мы видим, что она состоит из трех позитивных установок, апеллирующих как к прошлому, так и к будущему Киреева. Важно, что «настоящее» своего воспитанника П.В. Антонов не оценивает. Он предоставляет это право коллегии судей (второй носитель КПП), которые должны провести анализ его импульса и определить статус подсудимого Киреева в «настоящем». Услышав П.В. Антонова, судьи решают дать Кирееву шанс на исправление.

Каждая установка содержит в своей структуре особый социокогнитивный код-катализатор, стабилизирующий и усиливающий стимулирующий эффект импульса. Первая установка – код-катализатор «я ручаюсь». Вторая установка – код-катализатор «я прошу». Третья установка – «я обещаю». «Я» в данном контексте – это не только сам источник конструктивного импульса персонификации деструктивного искажения / цели («я»-носитель КПП – П.В. Антонов), но и сама КПП («я»-программа «Закон совести»). «Я»-программа / «я»-источник программы отождествлены. В результате любой конструктивный социокогнитивный контакт В. Киреева и П.В. Антонова может рассматриваться как ментальное взаимодействие «трех я»: «я»-программа – «я»-носитель КПП – я-субъект-персонификатор (потенциальный носитель КПП).

После передачи импульса персонификации деструктивного искажения второму носителю КПП (коллегии суда) активизируется операция повторной проверки степени результативности этого импульса и уровня его функциональной стабильности. Не случайно председатель суда задает П.В. Антонову «контрольные» вопросы, на которые Антонов, следуя принципам программы, отвечает предельно честно: он сомневается только в окончательной результативности своих действий, но не в конструктивности самого программного импульса. Его сомнения обусловлены принципами работы программы, которую он представляет. КПП «Закон совести» ориентирована, прежде всего, не на «результат любой ценой» (ключевой принцип функционирования КПП «Закон закона»). Основная ее цель – это активизация и поддержание внутренней активности процессов гармоничной когнитивно-ментальной реабилитации сознания подростка, попавшего в зону деструктивной активности «круга отчуждения». Причем решающий выбор (принимать или не принимать) остается за объектом кор-

ректировки. Программа не может сделать этот выбор за него. Это неизбежно приведет к ее нейтрализации, смене ее статуса и общего режима функционирования. Другими словами, она «превратится» в КПП «Закон закона».

КПП «Закон совести» процессуальна по своей природе. В сущности, она и есть сам процесс реабилитации. Безусловно, она нацелена на результат, но качество этого результата определяется не его формальным наличием/отсутствием, а спецификой реализации процесса его достижения. Именно поэтому П.В. Антонов уверенно говорит суду о том, что он сомневается в конечном результате. Процесс «когнитивно-ментальной реабилитации» В. Киреева только начат.

Фраза П.В. Антонова о том, что «ему будет психологически очень больно, если он ошибется» становится для второго носителя КПП импульсом, позволяющим суду посмотреть на подростка иначе. Второй носитель программы реагирует на импульс Антонова конструктивно, так как они находятся в едином когнитивно-ментальном поле программы «Закон совести». Теперь в глазах суда В. Киреев – это не только малолетний преступник, но одинокий, «отчужденный» от себя человек, имеющий право на когнитивно-ментальную реабилитацию.

Важно, что на этапе подтверждения результативности функциональной стабильности импульса носители КПП работают синхронно. Импульс переходит от одного носителя КПП к другому. При этом каждый подобный переход сопровождается его корректировкой. В результате он становится все более понятен и доступен субъекту-персонификатору, что существенно повышает степень воздействия импульса на подростка. Ответ подростка («Вы раскаиваетесь? – Да!») говорит сам за себя: процесс персонификации деструктивных искажений / целевых установок программы набирает ход.

Заключение

Итак, целевые установки исходной формулы «Закон совести» предусматривают реализацию трех основных процессов: а) трансформация и корректировка базовых когнитивно-ментальных подсистем сознания подростка, попавшего в зону воздействия деструктивных КПП; б) формирование в его сознании конструктивной личной, социальной и гражданской идентичности; в) «вывод» подростка из зоны активности деструктивно-манипулятивных программ с их последующей блокировкой. Данные процессы определяют общий целевой вектор реализации КПП «Закон совести».

В аспекте целеполагания программа работает одновременно в двух режимах: «целеполагание для себя» и «целеполагание для объекта социализации (подростка)». В рамках первого целевая установка является активной и значимой только для самой программы; подросток осознает формальное наличие цели, но не идентифицирует ее как свою собственную, поэтому степень активности сознания субъекта-персонификатора остается предельно низкой. КПП

«Закон совести», активизируя второй режим целеполагания (для подростка), стремится персонифицировать сформированную в ее структуре цель и создать условия, при которых подросток начинает воспринимать ее как свою собственную. Только при успешной реализации «перевода» целевой установки из зоны КПП в зону сознания объекта социализации и ее персонификации сознание подростка начнет работать самостоятельно.

Как мы видим из сцены суда, сам факт актуализации «человеческой», а не абстрактной природы КПП является мощным стимулирующим импульсом для подсудимого. П.В. Антонов верит в него как в человека, переживает душой за него. Эта вера аккумулирует внутренний духовно-нравственный потенциал «самости» подростка. Здесь работает простая закономерность: в меня верит «другой» – я должен оправдать его веру в себя – я должен принять его веру как свою собственную – я должен научиться верить самому себе.

Безусловно, это только начало процесса когнитивно-ментальной реабилитации «сущностного я» подростка,

но она произойдет. Когнитивно-ментальный статус В. Киреева изменится, и он станет носителем КПП «Закон совести». Момент конструктивно-результативной реализации целевой / самоидентификационной персонификации подростка репрезентируется в следующей сцене кинотекста: «(Все ребята сидят в палатке и смотрят документальный фильм о судьбах таких же "трудных подростков", как они сами. После окончания фильма журналист обращается к В. Кирееву) «Журналист: Как-то я спросил Володю Киреева, кем он хочет стать? И он мне сказал... Володя, можешь повторить сейчас? (В. Киреев сидит рядом с П.В. Антоновым. На голове у него Пашина кепка) Киреев В.: Как Паша (имеется в виду П.В. Антонов)» [5]. В данном случае ответ подростка «как Паша» может интерпретироваться двояко: а) быть «как Паша» – значит помогать трудным подросткам; б) быть «как Паша» – значит быть носителем КПП «Закон совести». Обе эти интерпретации гармонизированы и взаимодополняют друг друга.

Список источников

1. Русина Ю.А. История советского кино. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019.
2. Иванов Д.И. Теория когнитивно-прагматических программ / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Иваново : ПресСто, 2019.
3. Иванов Д.И. «Долг» советского человека: опыт реконструкции понятия (на материале кинотекста) // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 105–114.
4. Ильин Е.П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб. : Питер, 2017.
5. Пацаны / реж. Д. Асанова. СССР, 1983.
6. Гавеля В.Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1998.
7. Кузнецов Ю.Ф. Деятельность как психолого-педагогическая категория // Специальное образование. 2005. № 5. С. 37–45.
8. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М. : Смысл, 2001.
9. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М. : Наука, 1978.
10. Прокофьев А.В. О моральном значении стыда // Этическая мысль. 2016. № 2. С. 106–122.

References

1. Rusina Yu.A. Istoriya sovetskogo kino. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2019.
2. Ivanov D.I. Teoriya kognitivno-pragmaticheskikh programm / Guandunskiy un-t mezhhdunar. issledovaniy (Kitay). Ivanovo : PresSto, 2019.
3. Ivanov D.I. «Dolg» sovetskogo cheloveka: opyt rekonstrukcii ponyatiya (na materiale kinoteksta) // Sociologicheskie issledovaniya. 2020. № 2. S. 105–114.
4. Ilin E.P. Psihologiya sovesti: vina, styd, raskayanie. SPb. : Piter; 2017.
5. «Pacany» / Rezh. D. Asanova. SSSR. 1983.
6. Gavelya V.L. Celepolaganie v strukture socialnoy deyatel'nosti cheloveka: avtoref. dis. ... kand. filoc. nauk. M., 1998.
7. Kuznecov Yu.F. Deyatel'nost kak psihologo-pedagogicheskaya kategoriya // Specialnoe obrazovanie. 2005. № 5. S. 37–45.
8. Leontev A.A. Deyatel'nyy um (Deyatel'nost, Znak, Lichnost) M. : Smysl, 2001.
9. Yudin E.G. Sistemnyy podhod i princip deyatel'nosti: Metodologicheskie problemy sovremennoy nauki. M. : Nauka, 1978.
10. Prokofev A.V. O moral'nom znachenii styda // Eticheskaya mysl. 2016. № 2. S. 106–122.

Информация об авторе:

Иванов Д.И. – канд. филол. наук, профессор Института русского языка Сианьского университета иностранных языков (Сиань, КНР). E-mail: Ivan610@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ivanov D.I., Ph.D. in Philology, associate professor, professor of the Institute of Russian studies, Xi'an International Studies University (Xi'an, PRC). E-mail: Ivan610@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 316-7
doi: 10.17223/15617793/474/16

Инклюзия против стресса: высшее образование для представителей коренных народов России

Мария Андреевна Козлова¹, Андрей Игоревич Козлов^{2, 3}, Дмитрий Сергеевич Корниенко⁴

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

³ Научно-исследовательский институт и музей антропологии Московского государственного университета, Москва, Россия

⁴ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

¹ makozlova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5516-2611>

^{2, 3} dr.kozlov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-6710-4862>

⁴ dscorney@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

Аннотация. Проблематизируется организация высшего образования для представителей коренных меньшинств. Исследование сфокусировано на коми-пермяках, обучающихся в вузе г. Перми. Формулируется вывод об адаптированности коми-пермяков к условиям обучения, на основе полуструктурированных интервью определяются факторы адаптации. Делается вывод об адаптивном потенциале мягких стратегий инклюзии, позволяющих индивиду самостоятельно варьировать степень культурной закрытости-открытости.

Ключевые слова: высшее образование, коренные этнокультурные меньшинства, образовательная инклюзия, адаптация

Источник финансирования: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году; статья подготовлена в рамках выполнения общественно значимых мероприятий Минпросвещения России (Приказ № 272 от 26.05.2021 о проведении VI Международной научно-практической конференции «Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы»).

Для цитирования: Козлова М.А., Козлов А.И., Корниенко Д.С. Инклюзия против стресса: высшее образование для представителей коренных народов России // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 144–152. doi: 10.17223/15617793/474/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/16

Inclusion against stress: higher education for representatives of the indigenous peoples of Russia

Maria A. Kozlova¹, Andrey I. Kozlov^{2, 3}, Dmitriy S. Kornienko⁴

^{1, 2} National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

³ Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

⁴ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

¹ makozlova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5516-2611>

^{2, 3} dr.kozlov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-6710-4862>

⁴ dscorney@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

Abstract. This article problematizes the organization of higher education for indigenous minorities, considering alternative strategies, namely segregation and inclusion, at the theoretical and empirical level. Based on the analysis of publications by Russian and foreign researchers, representatives of indigenous peoples are represented as one of the categories, along with students from remote regions and from families with low socio-economic status, whose opportunities for higher education are limited by a number of economic and social factors.

The empirical study focuses on a group of Komi-Permyak students which is one of the indigenous ethnic groups of the Russian North studying in a large industrial city, Perm. The Department of Komi-Permyak language and literature of the Faculty of Philology has been functioning at the Perm State University of Humanities and Pedagogy (PSUHP) provides professional training for teachers majoring in "Native (Komi-Permyak) language and literature and the Russian language". In addition to pedagogical disciplines, the curriculum includes a wide range of disciplines related to the linguistic aspects of the Komi-Permyak language, literature and regional studies.

In the course of an interdisciplinary study, indicators of cortisol and anxiety levels - markers of stress response - were obtained. Their comparison with the same indicators of Russian students of other faculties of the same universi-

ty (N=268) allowed us to conclude that Komi-Permyak students are adapted to the learning conditions. This fact distinguishes this group from students from other ethnic minorities of the Arctic and subarctic regions who study at other universities. The data provided by the department's management on the composition of students indicate a low dropout rate of Komi-Permyaks, which indicates that the main factor of educational inequality in relation to this category of students has been overcome.

The second stage of the study, carried out in a qualitative methodology (semi-structured interviews, N=9), analyzed aspects of the biographical situation, including migration experience, features of the organization of the educational process and individual strategies of educational/career formation and building social ties within and outside the ethno-cultural community. Based on the barriers identified in the narratives of informants and new opportunities for integration into a new socio-cultural environment, the key factors of successful adaptation of indigenous students to learning conditions are reconstructed.

On the basis of the obtained data, a conclusion is made about the adaptive and integrative potential of soft strategies of educational inclusion, which involve the creation of conditions that allow an individual to independently vary the degree of cultural closeness-openness and social inclusion-exclusion.

Keywords: higher education, indigenous ethnic and cultural minorities, educational inclusion, adaptation

Financial Support: The research was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program in 2021; the article was prepared as part of the implementation of socially significant events of the Ministry of Education of Russia (Order No. 272 of 26.05.2021 on the holding of the VI International Scientific and Practical Conference "Inclusive Education and Society: strategies, practices, resources").

For citation: Kozlova, M.A., Kozlov, A.I. & Kornienko, D.S. (2022) Inclusion against stress: higher education for representatives of the indigenous peoples of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 144–152. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/16

Введение. Высшее образование для представителей коренных народов в РФ и мире

Проблематика преодоления социального неравенства, оставаясь в фокусе академического, политического и общественного дискурсов на протяжении последних трех десятилетий, вносит в повестку всех социальных институтов и в первую очередь – образования, необходимость учета разнообразия и социальной инклюзии. Однако в отношении представителей коренных народов исследователи обращают внимание на высокую стрессовенность включения молодых людей в жизнь современного города, связанного с необходимостью получения высшего образования [1–3].

Тема высшего образования для представителей коренных народов проблематизируется в современной академической литературе в двух направлениях:

Во-первых, она рассматривается в контексте программ сохранения культурного наследия, языков меньшинств и идентичности [4].

Во-вторых, фокус интереса исследователей составляют вопросы доступности высшего образования для представителей коренных меньшинств.

В случае, если государственное законодательство обеспечивает возможность получения высшего образования на родном языке учащихся, указанные направления усиливают друг друга и сливаются в единый тренд, в соответствии с которым получение представителями коренных народов высшего образования становится инструментом возрождения этнических культур и языков. В случае же, если высшее образование доступно только на государственном языке, повышение адаптации коренных студентов в вузе реализуется за счет ассимиляции, предполагающей ориентацию на культуру большинства, за счет отказа от материнского языка и культуры. Применение западных показателей качества к образованию коренных

народов и ассимиляционистский подход к созданию академических программ без учета исторических, географических и других культурно детерминированных знаний становятся фактором, существенно снижающим шансы коренных студентов на академический успех [5–7].

Исследования высшего образования в Австралии указывают коренных австралийцев в числе трех наиболее ущемленных в этом отношении групп наряду со студентами из удаленных регионов и выходцами из семей с низким социально-экономическим статусом [8]. При этом происхождение из удаленных регионов и низкий социально-экономический статус, как и принадлежность к коренному меньшинству, выступают в качестве факторов, снижающих шансы на поступление в университет. Однако после зачисления студенты с низким социально-экономическим статусом и происходящие из удаленных районов демонстрируют почти такую же академическую успеваемость, как и студенты, не относящиеся к этим уязвимым группам, но для представителей коренных народов ситуация складывается иначе: они чаще, чем представители иных групп, не завершают обучение [9]. Из статистических данных об успеваемости студентов из числа коренных народов в высших учебных заведениях очевидно, что обеспечение доступа к образованию без эффективной поддержки коренных студентов в процессе обучения еще не гарантирует увеличения их присутствия в сфере высшего образования [10]. Так, в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 30.04.99 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [11], высшие учебные заведения предоставляют право на поступление в высшие учебные заведения без сдачи экзаменов или на льготных условиях. Однако к третьему году обучения в вузе большинство студентов – представителей коренных народов бросают учебу [12]. Это наблюдение

требует принятия специальных мер, направленных на обеспечение качественного образовательного опыта для студентов из числа коренных народов.

С опорой на опыт канадских, американских, скандинавских и российских вузов могут обсуждаться два альтернативных пути решения проблем адаптации представителей коренных народов и повышения их академической успешности. Один – создание отдельного специализированного высшего учебного заведения (или отдельных факультетов), ориентированного на предоставление высшего образования коренным народам. Противоположный – создание благоприятной среды в существующих высших учебных заведениях с целью обеспечения больших возможностей и более благоприятных условий для получения высшего образования коренными народами.

Создание специализированных высших учебных заведений для коренных малочисленных народов является достаточно распространенной и эффективной практикой, как показывает мировой (Sami University of Applied Sciences) и российский (Российский государственный педагогический университет им. Герцена (Институт народов Севера)) опыт. Основным преимуществом специализированного высшего учебного заведения является возможность осуществлять преподавание на родных языках по всем предметам образовательной программы, а также создавать специализированную адаптивную среду в кампусе, обеспечивая культурные потребности коренных народов, или расположить университет или исследовательский центр в местах традиционного проживания коренных народов (пример Финляндии). Однако создание специализированного высшего учебного заведения влечет ряд проблем, начиная от финансовых и кадровых и заканчивая концептуальным противоречием современной образовательной миссии по созданию инклюзивной среды, в соответствии с которой университет должен стать поликультурным и толерантным пространством, где каждому студенту гарантирована индивидуальная образовательная траектория, где молодой человек имеет возможность развивать не только профессиональные, но и коммуникативные компетенции, формировать навыки совместного проживания с различными представителями общества (одаренными студентами, студентами с ОВЗ, иностранными студентами, студентами, представляющими коренные народы, и др.). Таким образом, создание новых автономных специализированных учебных заведений для отдельных категорий граждан, в частности для представителей коренных народов, не соответствует современным образовательным тенденциям [5, 12, 13].

В итоге остается открытым вопрос: какой должна быть система мер в области организации профессионального и высшего образования, чтобы она могла обеспечить, с одной стороны, адаптированность и благополучие представителей коренных народов, а с другой – предоставить им всю широту возможностей для интеграции в единую социокультурную систему на паритетных основаниях? В попытке приблизиться к его разрешению обратимся к результатам серии исследований адаптации представителей коренных

народов к условиям обучения в вузе крупного российского города.

Эмпирическое исследование образовательной инклюзии представителей коренных народов: кейс Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Поэтапно представим следующие шаги: сравнительный анализ уровня адаптированности студентов – представителей разных этнокультурных групп, приехавших для получения высшего образования из небольших населенных пунктов в крупный город – Пермь; анализ представлений студентов-коми-пермяков об их потенциальных возможностях интеграции в современное общество, получающих образование, жизненных перспективах, роли этнокультурного компонента в выстраивании этих перспектив (профессиональных и частных).

Поскольку проблема социально-психологической адаптации студентов – представителей коренных народов к условиям урбанизированной среды является сложной и многогранной процесс, требующий вовлечения социальных и биологических резервов человека, реализованный дизайн эмпирического исследования также носит комплексный междисциплинарный характер.

Однако предваряя описание дизайна исследования и полученных результатов, представим краткую характеристику социокультурного контекста исследования.

Социокультурный контекст исследования – коренное население Урала.

Коми-пермяки – автохтонное население Приуралья, представляющее один из народов восточно-финской языковой группы, проживающих в Российской Федерации. До настоящего времени коми-пермяки относительно компактно проживают на территории, географически близкой к области формирования группы в V в. н. э.

Спорадические поначалу контакты между коми-пермяками и русскими стали интенсивными с XV в., когда регион вошел в состав Русского государства. Значительный приток русских в Уральский регион привел к тому, что коми-пермяки, по-прежнему занимавшие традиционные территории, быстро превратились в этническое меньшинство. Коми-пермяцкий округ (КПО) существенно отличается от Пермского края, в состав которого входит с 2005 г., показателями урбанизированности. Пермский край в целом – высокоурбанизированная территория: на долю городского населения приходится 75%, причем 39% (более миллиона) проживает в крупном промышленном центре – Перми. КПО, однако, остается сельским регионом с единственным городом – административным центром Кудымкар (29 807 жителей в 2021 г.).

Таким образом, коми-пермяки и русские Приуралья представляют собой группы, различные по языковым и отчасти культурным характеристикам и при этом существенно различающиеся по степени урбанизации. Эти группы населения являются хорошими кандидатами для изучения проблем и перспек-

тив интеграции, в частности инклюзии представителей коренных народов в современное образовательное пространство.

В Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете (ПГПУ) с 1955 г. функционирует коми-пермяцко-русское отделение филологического факультета, осуществляющее профессиональную подготовку педагогов по профилю «Родной (коми-пермяцкий) язык и литература и Русский язык». Подготовка реализуется на уровне бакалавриата (5 лет) с ежегодным набором на 1-й курс 10 студентов (всего одновременно обучается 46–50 человек). Учебный план, помимо общепедагогических дисциплин, включает широкий спектр дисциплин, связанных с лингвистическими аспектами коми-пермяцкого языка, коми-пермяцкой литературой и регионоведением. Именно обучающиеся в Перми студенты-коми-пермяки и стали целевой группой нашего исследования.

Организация и методы исследования

Выраженность реакции стресса. В качестве показателей уровня стресса использовались концентрация кортизола как наиболее информативный биомаркер реакции стресса [14], и психологические показатели тревожности, определявшиеся по шкале личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (State-Trait Anxiety Inventory – STAI) в адаптации Ю.Л. Ханина. В процессе адаптации теста Спилбергера были установлены средние для России значения уровней ситуационной (35–50 баллов) и личностной (30–45 баллов) тревожности [15. С. 44–49]. В выборку (N = 268) не включены индивиды, прошедшие обследование в день экзамена, а также в период двух дней до или после него. Предварительный многофакторный дисперсионный анализ уровня саливарного кортизола показал, что фактор гендерной принадлежности незначим. Соответственно, разделения по полу не проводилось. Группы, включенные в выборку, и их количественные характеристики, представлены в табл. 1.

Процедура прохождения психологического тестирования и забора образцов для последующего биохимического анализа производилась по унифицированной методике. Обследование проводилось с 11:30 до 13:00. Забор образцов слюны происходил в микропробирки “SaliCaps” (IBL International GmbH, Germany). Анализ проводился на базе коммерческой диагностической лаборатории иммуноферментным методом с использованием стандартных наборов фирмы Diagnostics Biochem Canada Inc.

Поскольку распределение значений концентрации саливарного кортизола отличается от статистически нормального, сравнение выборок осуществлялось непараметрическим методом (Mann-Whitney U Test).

Поскольку процесс социальной (образовательной) инклюзии предполагает не просто предоставление целевым группам (в нашем случае – представителям коренных народов) доступа к тем или иным благам (образовательным услугам), а осуществление этого доступа на паритетных основаниях, оценка инклю-

зивных процессов и результатов требует понимания тех смыслов, которые придают представители целевых групп происходящим в их жизни событиям, и собственного взгляда на открывающиеся для них перспективы. Это соображение обусловило необходимость включения в инструментарий исследования полуструктурированного интервью. Информантами стали 9 студентов (все учащиеся отделения – девушки) коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета ПГПУ (по 2 студентки 1, 2, 4, 5-го курсов, 1 студентка 3-го курса). Гайд интервью включал следующие блоки:

1. Биографическая ситуация. Блок реализуется в формате свободного нарратива информантки в ответ на общий вопрос: «Расскажите, пожалуйста, о Вашей сегодняшней жизни и учебе». В качестве дополнительных (вспомогательных) пунктов используются просьбы рассказать о характере получаемого образования, организации быта, круге общения.

2. Миграционный опыт. Также в формате свободного нарратива информантка повествует о том, как было принято решение о переезде в Пермь и получении высшего образования. Для «выспрашивания» используются вопросы об отношении семьи и близких к принятому информанткой решению, о трудностях, с которыми ей пришлось столкнуться в первый год проживания на новом месте и обучения в вузе.

3. Оценка возможных биографических траекторий и перспектив профессионального развития. В этот блок включены более детализированные вопросы относительно планов информантки, их связи с возвращением в КПО, перспектив применения профессиональных знаний и использования накопленного в процессе обучения культурного и социального капитала.

Продолжительность проведенных интервью – от 50 до 110 минут. Расшифровка записей интервью оформлялась в транскрипты в формате Ms. Word. На первом этапе использовалось открытое кодирование по предложениям по принципу «главная идея». На втором этапе применялось избирательное кодирование, выстраивались оси ключевых категорий. Первая раскрывала тему социокультурной и личной идентичности студентки. Вторая – тему представлений и эмоциональных оценок реальных социокультурных условий жизни и учебной деятельности. Третья ось раскрывала тему оптимальных, с точки зрения информанток, условий быта, учебной и профессиональной деятельности. По сути, друг на друга накладывались три матрицы кодов, условно обозначаемые как «идентичность», «отношение к условиям жизни», «ожидания и временная перспектива».

Полученные результаты

Мы сравнили показатели ситуативной и личностной тревожности и уровня саливарного кортизола у трех групп студентов: русских, проживавших в сельской местности и в городе до поступления в университет, и коми-пермяков, проживавших в сельской местности до поступления в университет (табл. 1).

Уровень слювенного кортизола и тревожность у коми-пермяков и русских, проживавших в разных типах поселений до поступления в университет

Этническая группа	Место жительства до поступления в вуз	n	Уровень слювенного кортизола, нмоль/л					Ситуативная тревожность		Личностная тревожность	
			Min	Q25	Me	Q75	Max	Mean	SD	Mean	SD
Коми-пермяки	Село	66	2,484	8,004	12,398	17,800	75,900	38,747	8,054	41,027	8,781
Русские	Село	62	5,100	13,550	18,750	32,150	67,600	42,190	9,818	44,885	8,801
	г. Пермь	140	6,300	14,400	18,800	25,300	61,700	40,365	8,516	43,604	8,591

Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют об отсутствии значимых различий в уровне кортизола между выборками русских студентов, проживавших до поступления в вуз в селах Пермского края ($n = 62$) и в г. Перми ($n = 140$; $p = 0,539$). При этом медианный уровень концентрации кортизола у коми-пермяков значимо ниже по сравнению и с бывшими «сельскими» русскими, и с русскими уроженцами г. Перми ($p < 0,0001$ в обоих случаях). Табл. 1 демонстрирует также различия в уровнях ситуативной (Mann-Whitney (195) = 3 497,5; $p < 0,01$) и личностной тревожности (Mann-Whitney (195) = 3 486; $p < 0,01$) между коми-пермяками и русскими, проживавшими в сельской местности до поступления в университет. При этом русские студенты, проживавшие до поступления в университет в разных типах поселений, не демонстрируют значимых различий в изучаемых переменных. Различия между студентами-коми-пермяками, проживавшими в сельской местности, и русскими, проживавшими в городе до поступления в университет, выявлены только в уровне личностной тревожности (Mann-Whitney (232) = 4 982,5; $p < 0,05$).

Проведенные полуструктурированные интервью продемонстрировали воспринимаемую коми-пермяками культурную дистанцию с населением г. Перми, обусловленную преимущественно социальными и биографическими особенностями информанток: миграционным опытом, происхождением из сельской местности. Однако в числе объяснительных факторов воспринимаемой дистанции сами информантки называют, прежде всего, фактор этнической культуры, «национальный характер и менталитет», обнаруживая тенденцию к этнизации социального: «это какая-то душевность, спокойно с ними (с коми-пермяками. – М.К.) очень, они добрые, отзывчивые, нет никакой дерзости в твой адрес <...>. Это культура, думаю, национальная, менталитет, потому что я знаю коми-пермяков, которые живут в городе изначально, и у них все равно присутствуют эти черты» (инф. 4).

Склонность к этнизации социального, культурализации социальных отношений, в целом характерная для общественных представлений, имплицитно основанных на примордиалистской концептуализации этничности, вероятно, закрепляется, в ходе получения высшего образования. Учебный план отделения, основанный на курсах по изучению коми-пермяцкого языка и культуры, формирует призму восприятия социальных отношений, центрированную на языке и культуре. Однако погружение в родную культуру и язык, их освоение на новом теоретически-фундированном уровне описывается информантками как открытие нового, захватывающее приключение, которое даже в случае, когда информантка не

ориентируется в будущем на преподавание родного языка и литературы, воспринимается как ценный культурный ресурс: «Это оказалось очень интересно! В коми-пермяцком языке еще очень много загадок» (инф. 9). Оценка информантками контактов со студентами других направлений подготовки и вузов также фокусируется на языке и культуре: «...когда мы познакомились, они думали, что я русская, и удивились, что рядом с ними человек другой национальности, и он знает другой язык и может на нем разговаривать. Коми-пермяцкий язык для них новое, непривычное звучание, которое не похоже на те языки, которые они знают» (инф. 5).

В процессе непосредственно учебной деятельности студентки коми-пермяцкого отделения преимущественно взаимодействуют, встречаясь со студентами другого отделения филологического факультета (отделение русского языка и литературы) только на «поточных» лекциях, в общежитии коми-пермячки тоже живут вместе. Ни в одном рассказе об условиях в общежитии не упоминалось совместное проживание в комнате с русскими студентками. Информантки рассказывали о двух типах расселения в общежитии: первый – они проживали совместно с одновременно с ними поступившими девушками из одной деревни, бывшими одноклассницами, второй – на первом-втором курсах они жили со студентками коми-пермяцкого отделения более старших курсов, которые становились для них «проводниками» в новых культурных и социальных условиях: «Я сначала, на 1–2 курсах, жила с соседками, они тоже с коми-пермяцкого отделения, учились на 4 курсе, знают коми-пермяцкий язык, мы с ними общались на коми-пермяцком языке полностью. Одна девочка была из моей деревни, и она мне помогла адаптироваться, она меня учила всему, показывала все по общежитию и по универу и по городу, мы дружили. На 3–4 курсе мы живем в комнате вдвоем с девочкой, которая в том году поступила, сейчас на 2 курсе учится» (инф. 5). После того как старшие студентки заканчивают вуз и покидают общежитие, в комнату заселяются вновь поступившие, и уже сама информантка становится «проводником» для первокурсниц. Такая система расселения, безусловно, вносит вклад в сегрегацию студенток-коми-пермячек, однако воспринимается ими как благо, как фактор, позволяющий совладать с эмоциональными и когнитивными перегрузками, обусловленными миграционным опытом (переездом из маленьких деревень в крупный индустриальный центр) и изменением социального статуса (поступлением в университет): «...когда приезжаешь в этот большой город, чувствуешь, что совсем одна. Мы привыкли к деревенской жизни, там со всеми ты зна-

ком, и нам, коми-пермякам, важно это дружеское плечо, чтобы мы друг друга знали, а здесь нет никого, здесь абсолютно чужие люди, трудно привыкать. До сих пор часто домой езжу, каждый месяц» (инф. 8).

Таким образом, студентки коми-пермяцкого отделения в повседневности действительно оказываются в своего рода культурной изоляции. Однако эта изоляция не носит принудительный характер, напротив, как давление студентки воспринимают попытки некоторых преподавателей «сломать» спонтанно устанавливаемые культурные рамки: «...допустим, перемена, понятно, наша группа вся коми-пермяцкая, мы между собой общаемся на нашем языке во время нашего отдыха, бывает, если преподаватель сидит с нами, бывало, что они просили говорить на русском» (инф. 7). Приведенный пример достаточно типичен, подобные истории звучали в нарративах пяти информанток, причем, отвечая на вопрос «сталкивались ли Вы со случаями дискриминации по культурному признаку?», единственное возможное пояснение заключалось в понимании значения слова «дискриминация» – ущемление прав. Таким образом, информантками побуждение к использованию государственного языка в частном пространстве (в свободное время, на перемене) воспринимается именно как дискриминация. В качестве объяснительного фактора самими информантками представляется принадлежность актора к культурному большинству или меньшинству: «они (русское население г. Перми. – М.К.) считают, что Россия – это для русских. Это может быть не агрессивно, но есть такое» (инф. 9), «у нас началась что-то вроде информатики, и преподавательница поняла, что мы к-п, и спрашивает: “вы хоть русский-то понимаете”, хотя мы сейчас говорим с ней на русском, что за странные вопросы! И говорит: “у меня была до этого группа тоже к-п, они очень медленно все делали, потому что они не понимают”» (инф. 4). Преподавательницы курсов коми-пермяцкого языка и культуры, сами коми-пермячки, когда-то выпускницы того же отделения, напротив, выступают своего рода стражами спокойствия и благополучия студенток: «наши преподаватели очень о нас пекутся» (инф. 9).

С другой стороны, описанные практики организации повседневности, безусловно, нельзя определить как геттизацию – «ворота» остаются открытыми. Информантки с удовольствием рассказывают о своем участии в общеуниверситетских культурных мероприятиях и волонтерском движении, которое имеет межвузовский характер. При этом особое внимание они уделяют случаям фиксации на культурных особенностях, которые в рамках межфакультетского и межвузовского взаимодействия студентов, безусловно, положительно эмоционально окрашены: «У нас проходят Студенческие весны, и некоторые студентки нашего отделения тоже принимают участие. У нас недавно открылся волонтерский центр, и с ребятами из этого центра я несколько раз ходила на мероприятия, и с ними очень подружилась, и мы много общаемся. Я помню, на каком-то фестивале мы в перерыв общались и тему перевели именно на языки, и я им, конечно же, сообщила, что знаю два языка сразу с детства – русский и коми-пермяцкий. Они, ко-

нечно же, были удивлены, они не знали, и думали, что я русская полностью. Они сразу же сказали: “Скажи нам какие-то фразы, переведи нам это предложение...”, т.е. им было интересно, они очень удивились, и они теперь, вот некоторые мои друзья из волонтерского центра знают несколько фраз на коми-пермяцком языке» (инф. 5). Отчасти положительный эмоциональный флер такого рода взаимодействия обусловлен, конечно, неповседневным – праздничным, торжественным – характером мероприятий, в рамках которых они происходят. Однако, повествуя о такого рода случаях, информантки, находясь вне этого праздничного контекста, оценивают их как поддерживающие собственную этнокультурную идентичность и поощряющие к межкультурному взаимодействию: «Им (русским. – М.К.) очень интересно! Они очень удивляются и спрашивают, и интересуются, где наш народ проживает, и культурой интересуются, некоторые просят переводить какие-то определенные фразы...» (инф. 9). Заметим, что все участницы интервью рассказывают подобные истории и представляют пережитый ими опыт привлечения позитивного внимания к себе и коми-пермяцкой культуре в ходе межкультурного взаимодействия как типичный, обсуждаемый с однокурсницами и соседками по комнате в общежитии, которые приводят свои примеры.

«Открытость» культурных границ дает студенткам, во-первых, возможность варьировать степень включения в доминирующую культуру, во-вторых, способствует их самоопределению в поле межкультурного взаимодействия в качестве субъекта принятия решения, способного к регуляции степени близости – отдаления в отношении как материнской, так и доминирующей культуры. Этот опыт сочетания и регулирования комфортности «своего» пространства и вызовов «большого мира» новых возможностей, поддержанный «kozyрем», имеющим безусловную (с точки зрения как самих информанток, так и их родительских семей) инструментальную ценность – высшим образованием, дает информанткам чувство самоэффективности в совладании со стрессогенными условиями поликультурной среды большого города, уверенность в успешной социальной мобильности в период обучения и после его завершения независимо от места проживания.

Представления о будущем месте проживания у информанток очень разные, и это, пожалуй, единственный блок интервью, где консистентность ответов заметно снижается: «Я, скорее всего, вернусь на родину и буду преподавать родной язык, но если что-то пойдет не так, то я все же ориентируюсь на колледжи и вузы, идти преподавать русский язык» (инф. 1), «скорее всего, это будет город, у меня будет какое-то интересное арт-пространство, которое будет связано с туризмом и творчеством и будет направлено на развитие КПО, это 100%. Это может быть любой город» (инф. 3). В любом случае перспективы трудоустройства как в КПО, так и в Перми (или в ином крупном городе) оптимистично оцениваются информантками.

Благодаря созданию комфортной среды обучения и высокой доле студенток-коми-пермячек, которые

успешно завершают учебу в университете: «Нас как было 10 человек, когда мы поступили, так мы все вместе и заканчиваем учебу» (инф. 8). По нашему запросу

деканат отделения предоставил информацию о количестве выпускников за разные годы и количестве студентов, обучающихся в настоящее время (табл. 2).

Таблица 2

Количество обучающихся по образовательной программе «Родной (коми-пермяцкий) язык и литература и Русский язык»

Год поступления	Число студентов	Год выпуска	Число выпускников
2012/2013	13	2016–2017	13
2013/2014	13	2017–2018	13
2014/2015	15	2018–2019	11
2015/2016	15	2019–2020	15
2016/2017	10	2020–2021	10
2017/2018	10	2021–2022	9
2018/2019	9	2022–2023	9
2019/2020	13	2023–2024	13
2020/2021	11	2024–2025	11

Данные, представленные в табл. 2, свидетельствуют об очень низком уровне отсева студенток отделения, т.е. о преодолении основного препятствия присутствию студентов из числа коренных народов в образовательной среде университета.

Заключение. Инклюзивный потенциал образовательной «сегрегации»

Итак, основываясь на результатах проведенного исследования постараемся ответить на ключевой вопрос об оптимальной организации учебного процесса в высшей школе для представителей коренных народов. Мы фиксируем относительно слабо выраженную реакцию стресса у студентов-коми-пермяков, содержание образования которых предполагает дополнительное погружение в родную лингвистическую и культурную среду, их аналитическое освоение в сочетании с низкой интенсивностью контактов с представителями иных этнокультурных групп, в том числе с доминирующим населением. Эти результаты согласуются с данными многочисленных исследований, выполненных в рамках теоретико-методологического подхода Дж. Берри [16, 17], которые выявили значимые связи между аспектами межкультурных установок и психологическим благополучием. Так, хоть в качестве надежного предиктора благополучия, безопасности и адаптированности представителей разных этнокультурных групп рассматривается предпочтение интеграции как стратегии межгруппового взаимодействия [18, 17], ряд исследований показал, что в определенных социокультурных и политических контекстах более выигрышной с точки зрения показателей благополучия может оказаться стратегия сепарации, а не интеграции [17, 19, 20]. Таким образом, можно утверждать, что сепарация является предиктором хорошей психологической адаптации представителей этнокультурных меньшинств [17]. Для студентов коми-пермяцкого отделения формируемая – отчасти спонтанно, отчасти намеренно – социальная среда обеспечивает необходимый и достаточный (по оценкам самих информанток) уровень принятия и поддержки. На первый взгляд, эта среда выглядит монокультурной, и, следовательно, встает вопрос об инклюзивности образовательного процесса при такой структурной его организации. Однако интервью со

студентками продемонстрировали видение ими широких возможностей разнообразных социальных контактов с представителями других социокультурных групп, а также сформированную временную перспективу в сочетании с уверенностью в собственных возможностях самореализации в разных социальных и культурных контекстах. Иными словами, культурная «закрытость» в процессе обучения фактически закрытостью не является, а представляет собой среду, податливую для индивидуальных манипуляций.

Таким образом создаются условия, позволяющие индивиду самостоятельно варьировать степень закрытости – открытости, инклюзии – эксклюзии. При успешной реализации этой возможности создаются условия для развития коммуникативной самоэффективности и устойчивых установок на интеграцию в доминирующее общество в сочетании с ощущением ресурсной поддержки со стороны материнской культуры. Таким образом, в ряду факторов поддержания социального и эмоционального благополучия студентов из числа представителей коренных народов мы можем выделить наличие специальных академических курсов, в частности по родной истории, языку и культуре, развитие института «внутригруппового наставничества», включение студентов из числа коренных народов как в культурно-однородные, так и в культурно-гетерогенные группы по интересам. В рассмотренном нами случае наличие кафедры коми-пермяцкого языка и литературы на филологическом факультете значительно расширяет возможности для интеграции культурно-чувствительных аспектов как в содержание профессиональной подготовки, так и в организацию учебного процесса. Однако подобные возможности используются и в подготовке специалистов совершенно иных профилей в университетах Австралии, США, Канады и Северной Европы: для подготовки управленцев, учитывающих в своей работе региональные и этнокультурные контексты, экономистов, рассматривающих традиционные формы природопользования, юристов, принимающих в расчет обычное право, врачей, осведомленных о традиционных медицинских практиках и экологических условиях регионов компактного проживания коренных народов, дизайнеров и инженеров, интегрирующих элементы культур коренных народов в современный технологический процесс [18].

Такого рода мягкие стратегии инклюзии снижают опасность «насиленного осчастливливания» пред-

ставителей этнокультурных меньшинств со стороны большинства, позволяют каждому студенту осознать желаемую для него степень интегрированности и выбрать релевантные коммуникативные стратегии, т.е., приняв роль субъекта взаимодействия, включиться в осознанный межкультурный диалог. Диалог в таком случае становится формой признания, ключом к избеганию непредвиденных негативных последствий для представителей меньшинств и механизмом участия, позволяя оценить и внедрить знания и практики представителей коренных народов в учебную программу [21]. Стратегия, ориентированная на диалог, также означает развитие лидерских компетенций у студентов из числа представителей коренных народов, а также вовлечение сотрудников из числа коренных народов в

управление и бизнес-планирование в масштабах всего университета [22]. Для большинства из них возможность такого диалога становится залогом успешного решения ключевых для современных образовательных учреждений задач «приобщения всех вовлеченных в образовательный процесс акторов к идее разнообразия, поощрения их к определению общих проблем, обучения педагогического состава работе в сложных условиях разнообразия, управления конфликтами норм и ценностей, реагирования на потребности в адаптации, демонстрации гибкости и креативности в работе и решении проблем, устранения и предупреждения любого риска дискриминации, поощрения сотрудничества, диалога и взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса» [23. P. 8].

Список источников

1. Пиковская Н.Б., Отева Э.А., Осипова Л.П., Штеренталь И.Ш. Особенности эндокринной регуляции у коренного и пришлого населения Севера // Физиология человека. 1997. № 23 (5). С. 93–96.
2. Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Stress under modernization in indigenous populations of Siberia // International Journal of Circumpolar Health. 2003. Vol. 62 (2). P. 158–166. doi: 10.3402/ijch.v62i2.17551
3. Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Indigenous peoples of Northern Russia: Anthropology and health // Circumpolar Health Supplements. 2007. Vol. 1. P. 1–184. doi: 10.1080/22423982.2007.11864604
4. Vančo I., Efremov D. Revitalizing Saami through education in Finland // Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2020. Vol. 4. P. 617–627.
5. Dreamson N., Thomas G., Hong A.L., Kim S. Policies on and practices of cultural inclusivity in learning management systems: perspectives of Indigenous holistic pedagogies // Higher Education Research & Development. 2017. Vol. 36 (5). P. 947–961. doi: 10.1080/07294360.2016.1263830
6. Gilbert S., Tillman G. Teaching Practise Utilising Embedded Indigenous Cultural Standards // Australian Journal of Indigenous Education. 2017. Vol. 46 (2). P. 173–181. doi: 10.1017/jie.2017.4
7. Weuffen S.L., Cahir F., Pickford A.M. The centrality of Aboriginal cultural workshops and experiential learning in a pre-service teacher education course: a regional Victorian University case study // Higher Education Research & Development. 2017. Vol. 36 (4). P. 838–851. doi: 10.1080/07294360.2016.1242557
8. Bradley D., Noonan P., Nugent H., Scales B. Review of Australian Higher Education: Final Report. Canberra : Australian Government, 2008.
9. CSHE Participation and equity. A review of the participation in higher education of people from low socioeconomic backgrounds and Indigenous people. University of Melbourne, Centre for the Study of Higher Education, 2008.
10. Tinto V. Access without support is not opportunity // 36th Annual Institute for Chief Academic Officers. The Council of Independent Colleges, 2008. URL: <http://www.insidehighered.com/views/2008/06/09/tinto>
11. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения: 23.09.2021).
12. Sitnikova A., Pimenova N., Filko A. Pedagogical approaches to teaching and adaptation of indigenous minority peoples of the North in higher educational institutions // Science for Education Today. 2018. Vol. 8 (4). P. 26–45. doi: 10.15293/2226-3365.1804.02
13. Tang H.H., Tsui C.G. Democratizing higher education through internationalization: the case of HKU SPACE // Asian Education and Development Studies. 2018. Vol. 7 (1). P. 26–41. doi: <http://dx.doi.org/10.1108/AEDS-12-2016-0095>
14. Hajat A., Diez-Roux A., Franklin T.G., Seeman T., Shrager S., Ranjit N., Castro C., Watson K., Sanchez B., Kirschbaum C. Socioeconomic and race/ethnic differences in daily salivary cortisol profiles: the multi-ethnic study of atherosclerosis // Psychoneuroendocrinology. 2010. Vol. 35 (6). P. 932–943. doi: 10.1016/j.psyneuen.2009.12.009
15. Батаршев А.В. Базовые психологические свойства и самоопределение личности: Практическое руководство по психологической диагностике. СПб. : Речь, 2005.
16. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology. 1997. Vol. 46 (1). P. 5–34. doi: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
17. Berry J.W., Hou F. Acculturation and wellbeing among immigrants to Canada // Canadian Psychology: Special Issue on Immigrants and Refugees in Canada. 2016. Vol. 57. P. 254–264. doi: 10.1037/cap0000064
18. Abu-Rayya H.M., Sam D.L. Is integration the best way to acculturate? A re-examination of the bicultural-adaptation relationship in the “ICSEY-data set” using the bilinear method // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2017. Vol. 48 (3). P. 287–293. doi: 10.1177/0022022116685846
19. Галяпина В.Н., Лепшокова З.Х. Межэтнические отношения в современном Дагестане // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / под ред.Н.М. Лебедева. М. : Менеджер, 2017. С. 212–239.
20. Коджа Е., Лебедева Н., Галяпина В., Лепшокова З., Рябиченко Т. Межкультурные отношения в российском Крыму: эмпирическая проверка трех гипотез // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Vol. 16 (2). С. 250–268.
21. Acton R., Salter P., Lenoy M., Stevenson R. Conversations on cultural sustainability: stimuli for embedding Indigenous knowledges and ways of being into curriculum // Higher Education Research & Development. 2017. Vol. 36 (7). P. 1311–1325. doi: 10.1080/07294360.2017.1325852
22. Pechenkina E., Anderson I. Background Paper on Indigenous Australian Higher Education: Trends, Initiatives and Policy Implications Prepared for The Review of Higher Education Access and Outcomes for Aboriginal and Torres Strait Islander People // Australian Government. 2011. COMMISSIONED RESEARCH PAPER #1.
23. Intercultural competencies in social services. Constructing an inclusive institutional culture: methodological guide. Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2011.

References

1. Pikovskaya N.B., Oteva E.A., Osipova L.P., Shterental I.Sh. Osobennosti endokrinnoy regulyacii u korennoego i prishlogo naseleniya Severa // Fiziologiya cheloveka. 1997. № 23 (5). S. 93–96.
2. Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Stress under modernization in indigenous populations of Siberia // International Journal of Circumpolar Health. 2003. Vol. 62 (2). P. 158–166. DOI: 10.3402/ijch.v62i2.17551
3. Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Indigenous peoples of Northern Russia: Anthropology and health // Circumpolar Health Supplements. 2007. Vol. 1. P. 1–184. DOI: 10.1080/22423982.2007.11864604

4. Vančo I., Efreimov D. Revitalizing Saami through education in Finland // Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2020. Vol. 4. P. 617–627.
5. Dreamson N., Thomas G., Hong A.L., Kim S. Policies on and practices of cultural inclusivity in learning management systems: perspectives of Indigenous holistic pedagogies // Higher Education Research & Development. 2017. Vol. 36(5). P. 947–961. DOI: 10.1080/07294360.2016.1263830
6. Gilbert S., Tillman G. Teaching Practise Utilising Embedded Indigenous Cultural Standards // Australian Journal of Indigenous Education. 2017. Vol. 46(2). P. 173–181. DOI: 10.1017/jie.2017.4
7. Weuffen S.L., Cahir F., Pickford A.M. The centrality of Aboriginal cultural workshops and experiential learning in a pre-service teacher education course: a regional Victorian University case study // Higher Education Research & Development. 2017. Vol. 36(4). P. 838–851. DOI: 10.1080/07294360.2016.1242557
8. Bradley D., Noonan P., Nugent H., Scales B. Review of Australian Higher Education: Final Report. Canberra : Australian Government, 2008.
9. CSHE Participation and equity. A review of the participation in higher education of people from low socioeconomic backgrounds and Indigenous people. University of Melbourne, Centre for the Study of Higher Education, 2008.
10. Tinto V. Access without support is not opportunity // 36th Annual Institute for Chief Academic Officers. The Council of Independent Colleges, 2008. URL: <http://www.insidehighered.com/views/2008/06/09/tinto>
11. Federalnyy zakon «O garantiyah prav korennyh malochislennyh narodov Rossiyskoy Federacii» ot 30.04.1999 N 82-FZ // SPS «Konsultant Plius». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (data obrashcheniya: 23.09.2021).
12. Sitnikova A., Pimenova N., Filko A. Pedagogical approaches to teaching and adaptation of indigenous minority peoples of the North in higher educational institutions // Science for Education Today. 2018. Vol. 8(4). P. 26–45. DOI: 10.15293/2226-3365.1804.02
13. Tang H.H., Tsui C.G. Democratizing higher education through internationalization: the case of HKU SPACE // Asian Education and Development Studies. 2018. Vol. 7(1). P. 26–41. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/AEDS-12-2016-0095>
14. Hajat A., Diez-Roux A., Franklin T.G., Seeman T., Shrager S., Ranjit N., Castro C., Watson K., Sanchez B., Kirschaum C. Socioeconomic and race/ethnic differences in daily salivary cortisol profiles: the multi-ethnic study of atherosclerosis // Psychoneuroendocrinology. 2010. Vol. 35(6). P. 932–943. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2009.12.009
15. Batarshv A.V. Bazovye psihologicheskie svoystva i samoopredelenie lichnosti: Prakticheskoe rukovodstvo po psihologicheskoy diagnostike. SPb. : Rech, 2005.
16. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology. 1997. Vol. 46(1). P. 5–34. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
17. Berry J.W., Hou F. Acculturation and wellbeing among immigrants to Canada // Canadian Psychology: Special Issue on Immigrants and Refugees in Canada. 2016. Vol. 57. P. 254–264. DOI: 10.1037/cap0000064
18. Abu-Rayya H.M., Sam D.L. Is integration the best way to acculturate? A re-examination of the bicultural-adaptation relationship in the “ICSEY-data set” using the bilinear method // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2017. Vol. 48(3). P. 287–293. DOI: 10.1177/0022022116685846
19. Galyapina V.N., Lepshokova Z.H. Mezhnicheskie otnosheniya v sovremennom Dagestane // Mezhkulturnye otnosheniya na postsovetskom prostranstve / N.M. Lebedeva (red.). M. : Menedzher, 2017. S. 212–239.
20. Kodzha E., Lebedeva N., Galyapina V., Lepshokova Z., Ryabichenko T. Mezhkulturnye otnosheniya v rossiyskom Krymu: empiricheskaya proverka trekh gipotez // Psihologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomikiyu 2019. Vol. 16 (2). P. 250–268.
21. Acton R., Salter P., Lenoy M., Stevenson R. Conversations on cultural sustainability: stimuli for embedding Indigenous knowledges and ways of being into curriculum // Higher Education Research & Development. 2017. Vol. 36(7). P. 1311–1325. DOI: 10.1080/07294360.2017.1325852
22. Pechenkina E., Anderson I. Background Paper on Indigenous Australian Higher Education: Trends, Initiatives and Policy Implications Prepared for The Review of Higher Education Access and Outcomes for Aboriginal and Torres Strait Islander People. Australian Government. COMMISSIONED RESEARCH PAPER #1. 2011.
23. Intercultural competencies in social services. Constructing an inclusive institutional culture: methodological guide. Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2011.

Информация об авторах:

Козлова М.А. – канд. ист. наук, главный научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: makozlova@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5516-2611>

Козлов А.И. – д-р биол. наук, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института и музея антропологии Московского государственного университета (Москва, Россия). E-mail: dr.kozlov@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6710-4862>

Корниенко Д.С. – д-р психол. наук, профессор кафедры общей психологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: dscorney@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kozlova M.A., International Laboratory for Social Integration Research, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: makozlova@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5516-2611>

Kozlov A.I., International Laboratory for Social Integration Research, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dr.kozlov@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6710-4862>

Kornienko D.S., Department of Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: dscorney@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 10.12.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 070.431.1; 327.8
doi: 10.17223/15617793/474/17

Электронные СМИ КНР в условиях торговой войны с США: положение внутри страны и предпосылки для экспансии

Артём Бэликтоевич Ринчинов

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, abri3103@gmail.com

Аннотация. Представлены китайские концепции функционирования медиакоммуникаций. Исследуются практика властей КНР по информационному противодействию внутри страны, а также способы экономического влияния на медиаполитику развивающихся стран. Делается вывод, что, несмотря на неудовлетворительную теоретическую базу, китайская практика информационного противодействия в условиях «торговой войны» продолжает склонять развивающиеся страны к сотрудничеству с КНР. Приведенные сведения говорят о снижении роли «мягкой силы» во внешней политике КНР в пользу прямого экономического проникновения.

Ключевые слова: КНР; теория СМИ; информационная политика; экономическая экспансия; телекоммуникационные технологии

Для цитирования: Ринчинов А.Б. Электронные СМИ КНР в условиях торговой войны с США: положение внутри страны и предпосылки для экспансии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 153–160. doi: 10.17223/15617793/474/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/17

PRC's digital media amid the trade war with the United States: conditions within the country and prospects for expansion

Artem B. Rinchinov

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, abri3103@gmail.com

Abstract. The goal of these article was to highlight some of the features of Chinese information policy and state regulation in order to survey current state of Chinese media theory within the country. In the sphere of China's foreign relations, the goal was to find an evidence that, under conditions of economic pressure, China is moving from a policy of "soft power" towards its partner countries to the practice of building direct economic and infrastructural dependence.

The theoretical part of these article is mainly based on the materials of the Chinese Tsinghua Institute. When studying the situation abroad, it based on data from the Australian Institute for Strategic Policy and similar think-tanks in North America. According to current Chinese media theory – all information sources inside the country consists of three major groups with more than six subdivisions inside each group. Another point of highlighted Chinese media theory, which includes "six forces" concept, brings much more controversy. According to it, "government" and "party force" are the different actors while "capital force" has only limited influence over media contents. This concept may be disputed by example of "Southern Model", when one of the Chinese provinces used a lot of autonomy in its broadcasting policy. Such autonomy comes to an end, when state-owned company SMC gained control over province broadcast in 2007, which is one of the examples how party, state and capital forces acts combined and merges into one. By using the correlation analysis, the interdependence between capital and state forces within the country becomes obvious.

With such notion, paper examines activity of Chinese media, government organized non-governmental organizations and communications corporations abroad. According to open-source data, the hugest economic intervention in media markets of developing countries made by China so far is united under "Digital Silk Road" initiative. During trade war, many Chinese companies, like Huawei, lost their western costumers and markets access. By maintaining Chinese media market shut for foreign capital and by expanding own communication network beyond borders through web of GONGO and favored contracts, Beijing gains an advantage in ongoing trade war.

Such impermanence shows incompleteness of media theory in China, while being recent, it struggles to describe objective reality without notion that in highly monopolized and regulated spheres, like Chinese media market, the forces of national capital and government may act in behalf of each other. China, despite lacking of sophisticated theoretical base, gains control over the media policy in developing countries. Chinese built communication infrastructure, which allows to control internet and mobile media, becomes initial for countries in Africa, South-East and Central Asia. Such situation may lead these countries to fall into the Chinese sphere of influence.

Keywords: PRC, media theory, information policy, economic expansion, telecommunications

For citation: Rinchinov, A.B. (2022) PRC's digital media amid the trade war with the United States: conditions within the country and prospects for expansion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 153–160. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/17

Введение

Инновационные электронные средства массовой информации в течение двух последних десятилетий практически полностью вытеснили традиционные. Государства – экономические лидеры современного мира столкнулись с новыми вызовами, которые создаёт этот виток технической революции в областях безопасности, культуры, общественной морали, коммуникации и формирования общественного мнения. Китайская народная Республика является весьма показательной, как пример государства, открыто декларирующего свои принципы контроля в области СМИ и государства, осуществляющего монополию на национальном информационном рынке, при этом одновременно являющегося крупнейшей экономической величиной мирового масштаба. Подобный статус заставляет государства – экономические партнёры КНР обращать внимание на принципы работы китайского государственного механизма, принимая во внимание или напрямую заимствуя элементы китайской теории и практики госуправления. Не является исключением в этом смысле и теория СМИ.

Теория СМИ и положение внутри КНР

Китайские академические источники [1] делят циркулирующие в стране медиа на три большие группы. Это традиционные, интернет и мобильные СМИ (рис. 1). В первую категорию входят газеты и журналы, радио и телевидение, книги и фильмы. В категорию «интернет-медиа» попадают сайты, включающие видеохостинги, микроблоги, поисковые сервисы и т.д. Наиболее противоречивым в этом контексте выглядит выделение мобильного сегмента. Теоретически к этому типу можно отнести любое интернет-медиа, способное воспроизводиться посредством смартфонов, которые уже на протяжении многих лет являются неотъемлемым атрибутом китайского социума. Фактически во всех трёх обозначенных областях монополия на информацию остаётся за китайскими властями, которые осуществляют надзор за редакторской политикой путём контроля через сеть госкорпораций в области СМИ, равно как и путём «классических» цензурных ограничений.

Три вышеобозначенных составляющих находятся под давлением шести векторов [2]. Первым вектором условно можно назвать контроль со стороны Отдела пропаганды ЦК КПК, в обязанности которого формально входит контроль над наполнением СМИ и осуществление партийного контроля. Вторым вектором считается правительственный контроль, заключающийся в исполнении инструкций и подчинения актам Национального управления по радио- и телевидению. Это вертикально интегрированный механизм, пронизывающий всю управленческую структуру КНР, начиная от государственного до самого низкого,

муниципального и окружных уровней. Третьим вектором считается появившийся в стране в эпоху «политики реформ и открытости» финансовый интерес. В случае, если тот или иной медиапродукт не аффилирован с государством, которое редко ставит окупаемость в приоритет своих задач, то он автоматически оказывается в ситуации поиска компромиссов, так как необходимость подчиняться требованиям первых двух акторов (партийный и государственный контроль) от этого не проходит. Одновременно с этим продукту следует существовать и быть конкурентноспособным на рынке. Принцип взаимодействия трёх этих векторов или «сил» регулярно становится предметом изучения и дискуссии. Однако стоит заметить, что в течение продолжительного периода, соответствующего первому десятилетию XXI в., государственный и особенно партийный контроль над национальными, коммерческими медиапродуктами находился на достаточно низком уровне. В особенности такая политика была характерна для провинций южного Китая, прилегающих к САР Гонконг и Макао. Четвертым вектором называется непосредственный персонал, работающий в СМИ или создающий медиапродукт. Главным фактором, отделяющим персонал от партийно-государственного влияния, равно как и от коммерческих обязательств, является подчиненный, зависимый статус занятых работников. Через своё особое видение, инициативу и навыки они, технически, находятся в антагонизме с остальными векторами, выполняя задачу по созданию нового контента, пребывающего в зоне компромисса с контролирующими векторами и отвечающего критериям финансовой эффективности [3]. Пятым вектором, влияющим на китайские медиапродукты, считается его потребитель. С развитием интернет-технологий степень взаимодействия с потребителями и «обратной связи» многократно увеличилась. Роль потребителей, как правило, наиболее ярко выражена в интернет-СМИ, так как комментарии пользователей становятся неотъемлемой частью работы интернет-изданий. Шестым вектором называются культура и традиция, сложившиеся на территории страны. При этом под последним понимается не только «складывающийся тысячелетиями» уникальный китайский культурный контекст, но и устоявшаяся за десятилетия практика неформальных связей и незадокументированных обязательств с сфере медиапроизводства и СМИ. Собственно, за исключением культурного вектора, их главной особенностью является то, что все они представлены конкретными людьми и группами людей, разделяющих свой статус и интересы (рис. 2).

Одним из наглядных примеров работы этих векторов является процесс, произошедший со СМИ провинции Гуандун в 1990–2000-х гг. Когда на протяжении 1990-х гг. ситуация с медиа-трансляцией развивалась хаотично и фактически в регионе осуществля-

лась трансляция гонконгских (т.е. де-факто «зарубежных» до 1997 г.) медиапродуктов без надзора со стороны Пекина [4]. С 2001 по 2007 г. велся поиск ком-

промисса в рамках так называемой Южной модели, когда Гуандун стал экспериментальной площадкой для иностранного вещания в КНР [5. Р. 464].

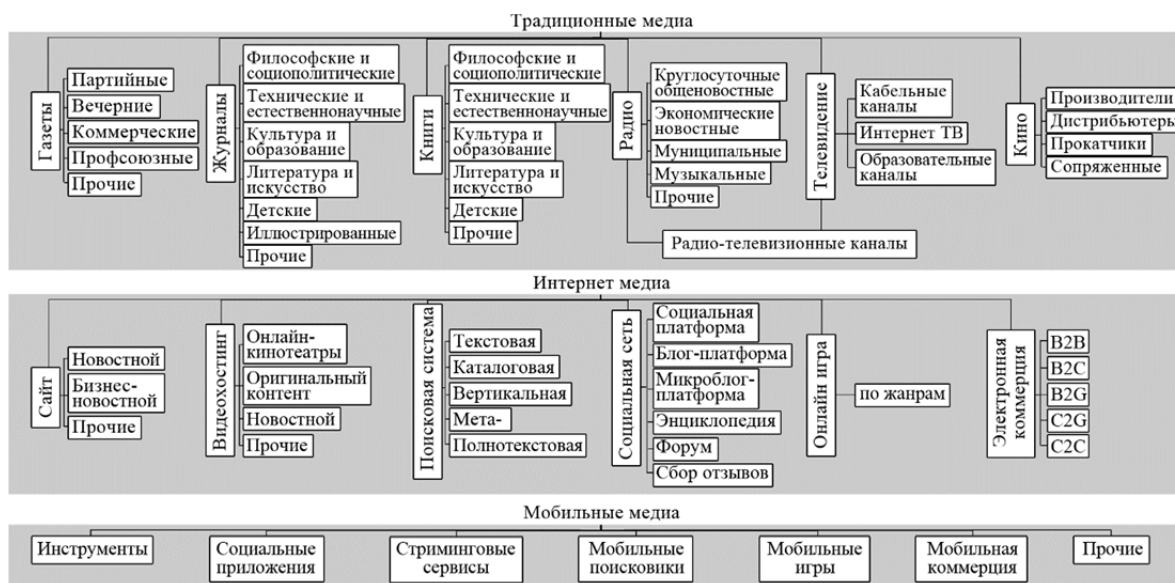

Рис. 1. Китайская структура категоризации медиа [1]

Рис. 2. Китайская структура взаимодействия акторов в процессе медиапроизводства [2]

Однако после 2007 г. под давлением провинциальных органов власти Пекин все же согласился на перераспределение рынков «в ручном режиме», фактически передав функции национального регулятора в регионе государственной корпорации SMC [6]. Если говорить о динамике развития ситуации в провинции Гуандун и её итогового разрешения, то мы можем увидеть, что партийный и государственный векторы являются фактически дублирующими друг друга. Этот факт вносит некритичное противоречие в выведенную институтами Цинхуа модель. Более того, в случае выделения «партийного контроля» из контроля государственного резко встаёт вопрос о его пассивности в одном случае и непоследовательности в иных.

Специфика сложившейся в КНР экономической модели отводит партийным институтам, ответственным за пропагандистскую работу, функцию «пожарной бригады». Постоянный надзор с их стороны ведётся исключительно в отношении небольшого списка чувствительных для правительства КНР тематик [4. Р. 199–200]. Причем отсутствие гибкости в вопросах, касающихся обозначенных тем и успевший сложиться в обществе за десятилетия статус-кво относительно неформальных запретов позволяют отнести такие ограничения уже в категорию культурного вектора влияния. В то же время стоит очень серьёзный вопрос о своевременности реагирования органов партийной пропаганды в случаях, связанных с «пограничными»

вопросами и темами. Здесь наиболее наглядными можно назвать примеры эксплуатации эротических образов и ролевых моделей антисоциального поведения в рекламных продуктах [4. Р. 200–201]. Ответственные за пропагандистскую работу партийные органы, как правило, слабо контролируют ситуацию в условиях рыночной экономики и вмешиваются в неё исключительно в случаях широкого общественного резонанса. Наоборот, в отличие от партийных органов контроля государственные контролирующие органы напрямую работают с представителями медиа фактически ежедневно. Темой для дальнейших исследований и дискуссии могут стать противоречия между разными уровнями государственных контролирующих органов и периодически возникающие между ними противоречия, как правило, связанные с китайской спецификой неформальных связей или прямой коррупцией.

Подобная непоследовательность в следовании собственной теоретической базе, наличие ширящегося корпуса исключений и дублирующих функции друг друга бюро (так, в стране, помимо как минимум пяти ведомств, отвечающих за ограничение в интернет-СМИ, носящих партийно-государственный характер, начиная с 2000-х гг. существуют также и «добровольные онлайн-дружины», призванные на общественных началах искать нежелательную к распространению на территории КНР информацию и сообщать о ней в соответствующие ведомства [7]) говорят нам о продолжающемся процессе выстраивания единого механизма контроля СМИ в онлайн-пространстве. Сказывается как фактор межведомственной конкуренции, так и необходимость постоянного поиска баланса и компромиссов в условиях переходной, командно-рыночной экономики с конечным упором на интересы развития национального капитала. В целом же сфера работы китайских СМИ в пределах КНР, равно как и китайского сегмента сети Интернет, остаётся слабодоступной для внешних наблюдателей. Выход крупных иностранных СМИ на китайский рынок в сегодняшних условиях практически исключен. Одновременно с этим китайские СМИ ведут активную экспансию как на рынки стран Юго-Восточной Азии, так и стран Африки. Китайские телекоммуникационные компании работали в этих регионах с начала политики «мирного возвышения» Ху Цзиньтао, однако в новом контексте: консолидации усилий китайских телекоммуникационных компании за рубежом в рамках проекта «Цифрового Шелкового пути» и компенсации китайским компаниям потери западных рынков в условиях инициированной США «торговой войны» – степень проникновения китайского капитала многократно усилилась.

Экспансия телекоммуникационной системы за пределы КНР

Пекин ежегодно наращивает свое присутствие в сети. Одним из наиболее простых и часто используемых приёмов информационной войны для китайского внутреннего сегмента сети Интернет является прямая

реклама. Алгоритмы китайской сети работают таким образом, что наиболее приоритетные новости доносятся до граждан КНР в навязчивой манере прямой политической рекламы, в то время как более узконаправленные политические темы – в виде таргетированной рекламы, направленной на конкретную целевую аудиторию. Опыт своей работы внутри страны китайские СМИ пытаются применить за пределами государства, часто подходя к задаче механически. Несмотря на то что внутри КНР аффилированные с государством источники информации фактически являются монополистом на рынке СМИ, предвзятое отношение к ним за пределами КНР не позволяет им в полной мере эффективно работать за границами страны. В данном случае фактор взаимодействия с китайскими властями и сам факт их участия в руководстве тем или иным средством массовой информации работает как маркер, позволяющий ангажированным спикерам оценивать поступающую из этих источников информацию как априори «недостовверную» [8]. Несмотря на этот факт, власти КНР продолжают активно спонсировать размещение ссылок на государственные источники информации за рубежом, делая при этом особую ставку на массивность и размах информационных кампаний. Зарубежные социальные сети, например Facebook, получают от пяти и более миллиардов долларов ежегодно от одного только размещения сообщений китайских рекламодателей, до четверти этой суммы может быть прямым государственным финансированием продвижения китайских СМИ [9]. При этом во многом не исследованным остаётся сегмент СМИ китайских диаспор за рубежом. За счет этого конечная сумма средств, выделяемых китайскими властями на прямое рекламирование пропекинских материалов, может оказаться гораздо выше рассчитываемой. Неформальный характер социальных связей затрудняет определение тех источников информации, которые можно было бы уличить в сотрудничестве с властями КНР, однако в среде китайской диаспоры нередки и ярко выраженные антипекинские настроения [10].

КНР широко использует НКО, их участие в международных инициативах и организациях. Конечной целью такого участия, как правило, является установление правовых и регулятивных норм, уже действующих в КНР в качестве универсальных. Так, КНР на правах наиболее бурно развивающегося телекоммуникационного рынка заняла ведущие позиции в Международном союзе электросвязи. Это положение позволяет китайским корпорациям и корпорациям с государственным участием в телекоммуникационной сфере контролировать международные стандарты и взаимодействие [11].

Ещё одним рычагом влияния КНР на международный статус-кво является инициация страной крупных международных проектов. В сфере телекоммуникаций крупнейшим таким проектом стал «Цифровой Шелковый путь», предложенный китайским правительством в 2015 г. и сопряженный с проектом «Экономический пояс Шёлкового пути» (ныне совмещенного с «Морским Шёлковым путём XXI века» в рам-

ках единого проекта «Один пояс – один путь») [12]. «Цифровой Шёлковый путь» стал средством взаимодействия стран-участников инициативы и китайских экспортёров, телекоммуникационных компаний КНР, в первую очередь пострадавшей от американских санкций Huawei. Официально КНР сотрудничает в рамках проекта с шестнадцатью государствами, однако взаимодействие ведётся и в иных форматах (рис. 3). Так, КНР уже спонсирует развитие телекоммуникационных сетей на африканском континенте больше, чем любая другая страна или международная организация вместе взятые. Параллельно с собственным развитием телекоммуникаций китайские корпорации предоставляют образовательные, исследовательские и иные сопряженные с развитием отрасли услуги. В условиях «торговой войны» с Соединенными Штатами и государствами, выразившими готовность поддержать американскую политику, КНР активно ищет новые рынки сбыта своей телекоммуникационной продукции. И если в начале десятилетия к инициативе «Экономического пояса Шёлкового пути» даже внутри КНР отношение было скептическим, то после обострения торговых конфликтов экономические и

интеграционные проекты КНР в развивающихся странах Африки и Азии стали неотъемлемой структурной частью китайской внешней политики. В условиях ограничений на рынках развитых стран, пока лишь в сфере электронной продукции и программного обеспечения, а также перспективы потери индийского рынка (из-за обострившихся трений на границе) КНР заинтересована в создании стабильной экспортной зоны для своей продукции. Такие проекты, как «Цифровой Шёлковый путь», параллельно с экономическими выгодами приносят используемые в Китае коммуникационные шаблоны и стандарты, что фактически фиксирует развивающиеся государства в их ориентации на китайские рынки [13]. В сфере законодательного регулирования встречаются прецеденты, когда экономическое влияние КНР приводит к формированию целых областей законодательства в государствах-партнёрах по проекту, фактически дублирующих аналогичные законодательные акты КНР. Так это произошло, например, в имеющей широкие экономические связи с КНР Танзании, обсуждается возможность применения подобных практик в Уганде и Кубе [14].

Рис. 3. Африканские страны – подписанты стратегического Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве по созданию телекоммуникационного коридора Азия–Европа в рамках программы «Цифровой Шёлковый путь» и степень вовлеченности китайских госкорпорации в развитие телекоммуникационной сети стран (Источник: Australian Strategic Policy Institute. URL: <https://chinatmap.aspi.org.au/>)

Особую роль во внешней политике КНР традиционно занимает Пакистан. Это государство имеет прочные связи с КНР ещё со второй половины XX в. Сейчас же вопрос о взаимопонимании и сотрудничестве между Пекином и Исламабадом вновь стал актуален по причине очередного обострения на китайско-индийской границе. Корпорация Huawei уже заключила с Пакистаном соглашение ценой более 60 млрд долларов на создание в этой стране сети 5G [15]. Однако роль Пакистана этим не ограничивается. В рамках инициативы «Цифрового Шёлкового пути»

страна должна стать транзитёром кабелей широкополосного интернета, связывающих восточное побережье Африки и Китай [16]. Прокладка такого кабеля сильно скажется на скорости соединения континентального Китая и стран восточного побережья Африки, в первую очередь Кении, Танзании, Уганды и Мозамбика, которые также являются участницами проекта. Помимо прочего, Пакистан получил доступ к китайской системе геопозиционирования, что даёт ему независимость от американских поставщиков аналогичных систем [17].

Помимо рынка вышеозначенных африканских стран корпорация Huawei за счет инициативы «Цифрового Шёлкового пути» получила монополию на развертывание сети 5G на территории Мьянмы, Лаоса, Замбии, Зимбабве [18]. Следующим за наращиванием коммуникационной сети шагом сотрудничества в рамках инициативы, как правило, становится выход на рынок стран – участниц китайских гигантов интернет-торговли [19]. После фактического занятия китайскими корпорациями сегмента интернет-торговли следует развитие в стране «интернета вещей» (как это уже произошло в Мьянме) с опорой на китайские комплектующие. Так, в Египте Китай вовлечен в строительство новой административной столицы [20], аналогичные проекты обсуждаются в прочих странах Африки и Мьянме. В странах – участницах инициативы Китая удалось фактически монополизировать рынки систем наружного наблюдения и систем распознавания лиц [21].

Вышеперечисленные инфраструктурные проекты выполняют одновременно две функции: вводят развивающиеся государства в китайскую сферу влияния, одновременно представляя для Пекина функцию как политического союзника в международных спорах, так и рынка сбыта для китайских корпораций, государственных или имеющих государственное участие. Участие КНР в строительстве коммуникационной инфраструктуры, которая для некоторых из государств – участниц проекта становится первоначальной базой, создаёт техническую зависимость этих стран от китайского экспорта, несмотря на то что экономические потери в случае потенциального конфликта с КНР для этих государств будут существенно ниже, чем если бы такая зависимость возникла в сфере энергетики или здравоохранения, но всё ещё весьма существенной, чтобы принимать её во внимание при выстраивании собственной внешней политики. На данном этапе сотрудничество с КНР, очевидно, видится этим государствам более выгодным решением. Объёмы китайской промышленности позволяют осуществлять демпинг в области поставок оборудования, а китайское правительство создаёт себе образ более последовательного и рационального актора в сравнении со своими соперниками по «торговой войне».

Выводы

КНР активно оберегает своё интернет-пространство. До сих пор одним из негласных критериев выхода транснациональных корпораций на китайский рынок остаётся готовность выполнять политические запросы Пекина. Наиболее явно это проявляется в политике «нулевой толерантности» в отношении упоминания государственного статуса Республики Китай (Тайвань), статуса Гонконга (Сянган), отличного от особого административного района КНР, политических акции внутри КНР. Сетевые отели, магазины и авиаперевозчики должны подчиняться требованиям китайских властей, если рассчитывают работать на китайском рынке [22]. Принципиальная позиция,

как, например, отказ работать с органами китайского правосудия по политически мотивированным делам, грозит компании запретом на деятельность в КНР. Столь принципиальная позиция, с одной стороны, соседствует с прагматичным подходом, в соответствии с которым, деятельность этих компаний на территории КНР оказывается всё-таки возможна, но исключительно в рамках «свободных экономических зон» [23], которые, в условиях общего замедления темпов роста китайской экономики, в соответствии с зарекомендовавшей себя «южной моделью» [24], по инерции видятся пекинским властям одним из средств, способных стимулировать китайскую экономику.

Одновременно с этим на международной арене КНР вынуждена бороться за перемену статус-кво, сложившегося в эпоху «конца истории» и «однополярного мира» начала нового тысячелетия. В связи с этим она вынуждена использовать все возможно допустимые рычаги влияния, к которым относятся как использование собственной диаспоры за рубежом и сети НКО, так и прямая политическая реклама, финансируемая по абсолютно прозрачным каналам. В условиях ломки типичной глобализационной модели именно КНР становится главным адвокатом этой модели, увеличивая своё влияние в крупнейших международных институтах и создавая вокруг себя «пояса безопасности» стран, готовых вести сугубо практическое торговое партнерство. Не стала исключением в этом аспекте сфера телекоммуникации и медиапродукции. В течение пяти лет КНР ведёт активную кампанию по вовлечению развивающихся государств в зависимость от китайского рынка комплектующих.

Полноценной реакции властей КНР на очередную смену вектора американской внешней политики, связанную с электоральными циклами США, ещё не последовало, однако вряд ли следует ожидать резких перемен в области стратегии и тактики китайских СМИ. Теория СМИ внутри страны нуждается в дальнейшем совершенствовании и осмыслении, что не мешает обилию конкурирующих между собой ведомств, отвечающих за информационный контроль, выполнять свои обязанности. Наибольшим минусом отсутствия должной базы в теории СМИ можно назвать лишь низкий качественный уровень пропагандистской и контрпропагандистской работы. Однако даже этот недочет на данном этапе компенсируется объективными успехами китайской экономики и её продолжающимся ростом. Одновременно с этим работа МИД КНР обеспечивает государству стабильную сферу сотрудничества среди развивающихся стран, что вновь возвращает китайские телекоммуникационные и медиа-корпорации, вошедшие на рынки этих стран, в условия фактической монополии, характерной для внутреннего китайского рынка.

Если в предыдущие десятилетия культурные успехи КНР на международной арене было принято связывать с феноменом «мягкой силы» Китая (в соответствии с введённым Д. Найем в международную политику в 2004 г. термином), то, наблюдая за тем, как ки-

тайские коммуникационные компании становятся монополистами на рынках развивающихся стран, можно заявить о наличии обратных процессов. Китайская информационная инфраструктура сама по себе фактически становится способом распространения пропа-

ганды собственной политико-экономической системы, равно как и потенциально репрессивным инструментом в руках текущих правительств, осуществляющих сотрудничество с КНР.

Список источников

1. Cui B. Report on Development of Chinas Media Industry in 2013. Beijing : Social Sciences Documentation Publishing House, 2013. 398 p.
2. Jun L. Media system in China: a Chinese perspective // International Communication of Chinese Culture. 2015. Vol. 2. P. 49–67.
3. Wu F., Wu F. Construction of the Ideas of Professional Journalism // Journal of Renmin University of China. 2004. № 6. P. 122–129.
4. Chin Y. Policy Process, Policy Learning, and the Role of Provincial Media in China // Media Culture & Society. 2011. Vol. 33, № 2. P. 193–210.
5. Wang K., Feng L. Systematic Reformation of China's Broadcasting Industry. Guangzhou: Guangdong Renmin Press, 2008. 565 p.
6. Chin Y. From the local to the global: China's TV policy in transition // The Internationalization of the Chinese TV Sector – Economic, Social and Legal Consequences after the WTO Entry. Berlin : LIT Verlag, 2007. P. 221–240.
7. Глазунов О.Н., Авдеенко В.В. Специфика правового регулирования сети Интернет в Китайской Народной Республике // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 93–96.
8. Nemr C., Gangware W. Weapons of Mass Distraction: Foreign State-Sponsored Disinformation in the Digital Age // Park Advisors. 2019. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/Weapons-of-Mass-Distraction-Foreign-State-Sponsored-Disinformation-in-the-Digital-Age.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).
9. Paresh D., Paul K. Facebook Defies China Headwinds With New Ad Sales Push // Reuters. 08.01.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/facebook-china-idUSL1N29C0CD> (дата обращения: 01.02.2021).
10. Levin D. Chinese-Canadians Fear China's Rising Clout Is Muzzling Them // The New York Times. 27.08.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/28/world/americas/chinese-canadians-china-speech.html> (дата обращения: 01.02.2021).
11. Cave D. et al. Mapping China's Tech Giants // The Australian Strategic Policy Institute. 2019. URL: <https://www.aspi.org.au/report/mapping-chinas-tech-giants> (дата обращения: 01.02.2021).
12. Ghiasy R., Krishnamurthy R. China's Digital Silk Road – Strategic Implications. The Leiden Asia Centre : Leiden University Press, 2020. 25 p.
13. Kurlantzick J. Assessing China's Digital Silk Road Initiative // Council on Foreign Relations. 2020. URL: <https://www.cfr.org/china-digital-silk-road/> (дата обращения: 01.02.2021).
14. Sullivan A., Lee K. People's Republic of the United Nations // Center for a New American Security. 05.2019. URL: <https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-China-IO-final-web-b.pdf?mtime=20190513092354&focal=none> (дата обращения: 01.02.2021).
15. Afzal M. «At all costs»: How Pakistan and China control the narrative on the China-Pakistan Economic Corridor // The Brookings Institution. 06.2020. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/06/FP_20200615_china_pakistan_afzal_v2.pdf (дата обращения: 01.02.2021).
16. Huawei Marine commences survey for PEACE submarine cable // Pakistan Today. 04.05.2018. URL: <https://profit.pakistantoday.com.pk/2018/05/04/huawei-marine-commences-survey-for-peace-submarine-cable/> (дата обращения: 01.02.2021).
17. China's 'full' BeiDou navigation system to boost accuracy of Pakistan's missiles? // The Week. 01.04.2020. URL: <https://www.theweek.in/news/world/2020/04/01/china-full-beidou-navigation-system-to-boost-accuracy-of-pakistan-missiles.html> (дата обращения: 01.02.2021).
18. Huawei's deep roots put Africa beyond reach of US crackdown // Nikkei Asia. 15.08.2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Huawei-crackdown/Huawei-s-deep-roots-put-Africa-beyond-reach-of-US-crackdown> (дата обращения: 01.02.2021).
19. Jiang Z. Belt and Road boosting Myanmar development // China Daily. 14.01.2020. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202001/14/WS5e1cf966a310128217270a0b.html> (дата обращения: 01.02.2021).
20. McManus A. Egypt and China's Telecoms: A Concerning Courtship // National Endowment for Democracy. 20.02.2020. URL: <https://www.power3point0.org/2020/02/20/egypt-and-chinas-telecoms-a-concerning-courtship/> (дата обращения: 01.02.2021).
21. Schrader M. Huawei's Smart Cities and CCP Influence, At Home and Abroad // The Jamestown Foundation. 19.06.2018. URL: <https://jamestown.org/wp-content/uploads/2018/06/Read-the-6-19-2018-CB-Issue-in-PDF.pdf?x90168> (дата обращения: 01.02.2021).
22. Fish S.I. How China gets American companies to parrot its propaganda // The Washington Post. 11.10.2019. URL: https://www.washingtonpost.com/outlook/how-china-gets-american-companies-to-parrot-its-propaganda/2019/10/11/512f7b8c-eb73-11e9-85c0-85a098e47b37_story.html (дата обращения: 01.02.2021).
23. Chen G. China to lift ban on Facebook – but only within Shanghai free-trade zone // South China Morning Post. 24.09.2013. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/1316598/exclusive-china-lift-ban-facebook-only-within-shanghai-free-trade-zone> (дата обращения: 01.02.2021).
24. Hong W. The economic and maritime impact of China's Free Trade Zone Strategy Promotion. Rotterdam : Erasmus University, 2018. 67 p.

References

1. Cui B. Report on Development of Chinas Media Industry in 2013. Chinese Academy of Social Sciences, Beijing: Social Sciences Documentation Publishing House, 2013. 398 p.
2. Jun L. Media system in China: a Chinese perspective // International Communication of Chinese Culture. 2015. Vol. 2. P. 49–67.
3. Wu F., Wu F. Construction of the Ideas of Professional Journalism // Journal of Renmin University of China. 2004. № 6. P. 122–129.
4. Chin Y. Policy Process, Policy Learning, and the Role of Provincial Media in China // Media Culture & Society. 2011. Vol. 33, № 2. P. 193–210.
5. Wang K., Feng L. Systematic Reformation of China's Broadcasting Industry. Guangzhou: Guangdong Renmin Press. 2008. 565 p.
6. Chin Y. From the local to the global: China's TV policy in transition // The Internationalization of the Chinese TV Sector – Economic, Social and Legal Consequences after the WTO Entry. Berlin: LIT Verlag, 2007. P. 221–240.
7. Glazunov O.N., Avdeenko V.V. Specificity of legal regulation of the Internet network in the People's Republic of China // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 93–96.
8. Nemr C., Gangware W. Weapons of Mass Distraction: Foreign State-Sponsored Disinformation in the Digital Age // Park Advisors. 2019. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/Weapons-of-Mass-Distraction-Foreign-State-Sponsored-Disinformation-in-the-Digital-Age.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).
9. Paresh D., Paul K. Facebook Defies China Headwinds With New Ad Sales Push // Reuters. 08.01.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/facebook-china-idUSL1N29C0CD> (дата обращения: 01.02.2021).
10. Levin D. Chinese-Canadians Fear China's Rising Clout Is Muzzling Them // The New York Times. 27.08.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/28/world/americas/chinese-canadians-china-speech.html> (дата обращения: 01.02.2021).

11. Cave D. [et al.]. Mapping China's Tech Giants // The Australian Strategic Policy Institute. 2019. URL: <https://www.aspi.org.au/report/mapping-chinas-tech-giants> (дата обращения: 01.02.2021).
12. Ghiasy R., Krishnamurthy R. China's Digital Silk Road – Strategic Implications. The Leiden Asia Centre: Leiden University Press, 2020. 25 p.
13. Kurlantzick J. Assessing China's Digital Silk Road Initiative // Council on Foreign Relations, 2020. URL: <https://www.cfr.org/china-digital-silk-road/> (дата обращения: 01.02.2021).
14. Sullivan A., Lee K. People's Republic of the United Nations // Center for a New American Security. 05.2019. URL: <https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-China-IO-final-web-b.pdf?mtime=20190513092354&focal=none> (дата обращения: 01.02.2021).
15. Afzal M. "At all costs": How Pakistan and China control the narrative on the China-Pakistan Economic Corridor // The Brookings Institution. 06.2020. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/06/FP_20200615_china_pakistan_afzal_v2.pdf (дата обращения: 01.02.2021).
16. Huawei Marine commences survey for PEACE submarine cable // Pakistan Today. 04.05.2018. URL: <https://profit.pakistantoday.com.pk/2018/05/04/huawei-marine-commences-survey-for-peace-submarine-cable/> (дата обращения: 01.02.2021).
17. China's 'full' BeiDou navigation system to boost accuracy of Pakistan's missiles? // The Week. 01.04.2020. URL: <https://www.theweek.in/news/world/2020/04/01/china-full-beidou-navigation-system-to-boost-accuracy-of-pakistan-missiles.html> (дата обращения: 01.02.2021).
18. Huawei's deep roots put Africa beyond reach of US crackdown // Nikkei Asia. 15.08.2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Huawei-crackdown/Huawei-s-deep-roots-put-Africa-beyond-reach-of-US-crackdown> (дата обращения: 01.02.2021).
19. Jiang Z. Belt and Road boosting Myanmar development // China Daily. 14.01.2020. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202001/14/WS5e1cf966a310128217270a0b.html> (дата обращения: 01.02.2021).
20. McManus A. Egypt and China's Telecoms: A Concerning Courtship // National Endowment for Democracy. 20.02.2020. URL: <https://www.power3point0.org/2020/02/20/egypt-and-chinas-telecoms-a-concerning-courtship/> (дата обращения: 01.02.2021).
21. Schrader M. Huawei's Smart Cities and CCP Influence, At Home and Abroad // The Jamestown Foundation. 19.06.2018. URL: <https://jamestown.org/wp-content/uploads/2018/06/Read-the-6-19-2018-CB-Issue-in-PDF.pdf?x90168> (дата обращения: 01.02.2021).
22. Fish S.I. How China gets American companies to parrot its propaganda // The Washington Post. 11.10.2019. URL: https://www.washingtonpost.com/outlook/how-china-gets-american-companies-to-parrot-its-propaganda/2019/10/11/512f7b8c-eb73-11e9-85c0-85a098e47b37_story.html (дата обращения: 01.02.2021).
23. Chen G. China to lift ban on Facebook – but only within Shanghai free-trade zone // South China Morning Post. 24.09.2013. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/1316598/exclusive-china-lift-ban-facebook-only-within-shanghai-free-trade-zone> (дата обращения: 01.02.2021).
24. Hong W. The economic and maritime impact of China's Free Trade Zone Strategy Promotion. Rotterdam : Erasmus University, 2018. 67 p.

Информация об авторе:

Ринчинов А.Б. – аспирант кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: abri3103@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rinchinov A.B., Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: abri3103@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 323.2
doi: 10.17223/15617793/474/18

Советская политологическая традиция в университетах: о политике и политической науке в работах А.М. Ковалёва

Владимир Андреевич Соболев¹, Кирилл Геннадьевич Филимонов²

^{1,2} *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

¹ *sobolev@polit.msu.ru*

² *kirill.filimonov@polit.msu.ru*

Аннотация. Осуществлена реконструкция некоторых положений политической теории А.М. Ковалёва, позволяющая проследить становление советской политологической традиции в университетах. Отмечается, что даже небольшой экскурс в идейно-теоретическое наследие Ковалёва демонстрирует важность обращения к локальным сюжетам в истории политологической науки России. Делается вывод, что в советский период политологическая традиция в целом и её университетская ветвь в частности не прерывалась, происходило приращение знания о политике, поэтому российскую политическую науку по праву можно считать составной частью мировой политологии.

Ключевые слова: политическая наука в СССР, история политической науки России, А.М. Ковалёв, политика

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых, проект № МК-4465.2021.2 «Советская политологическая традиция и ее роль в развитии современной политической науки в России».

Для цитирования: Соболев В.А., Филимонов К.Г. Советская политологическая традиция в университетах: о политике и политической науке в работах А.М. Ковалёва // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 161–168. doi: 10.17223/15617793/474/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/18

The Soviet Political Science Tradition in Universities: Politics and Political Science in the Works of A.M. Kovalev

Vladimir A. Sobolev¹, Kirill G. Filimonov²

^{1,2} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *sobolev@polit.msu.ru*

² *kirill.filimonov@polit.msu.ru*

Abstract. In the contemporary history of Russian political science, there is a common view that the formation of the Soviet political scientific tradition and Russian political science occurs in the late 1980s - early 1990s. That was the time when Russian political science began to gain its subjectivity, borrowing its tools and agenda of the West: from an understanding of "politics" and "power," to the fashion to research some popular issues as democratization and modernization. One of the tasks of this article is to present an alternative point of view and draw some attention not only to the duration of the history of the Soviet political-scientific tradition but also to the developments of domestic authors, demonstrating their intellectual connection with foreign colleagues even in conditions of ideological isolation. A literature review shows that the issue of the Soviet political scientific tradition developing, especially in universities, is given quite a little attention, especially against the background of the study of the institutional and organizational development of Soviet political science in academic institutes of the USSR Academy of Sciences, and, later, political science in Russian universities and analytical centers. The authors draw attention to this issue, following the formation of the Soviet political science tradition in universities with examples from the works of Professor of Moscow University Alexander Kovalev, considering his ideas on politics in the context of world political theory development, its history, and modern approaches. The intellectual legacy of Kovalev demonstrates the importance of such addressing to local subjects of the history of political science of Russia, where the gap between the Soviet and foreign research agenda is not as large as is generally believed. The Soviet political science tradition, including its university branch, reveals its connection with world research in many aspects related to raising the question of politics and political, in studies of the functions and tasks of politics and political theory, in attention to human nature. The special emphasis on the regulatory and clarifying nature of political, as shown in the article, brings the positions of Kovalev closer to the positions of modern constructivism and phenomenology in the sociology of knowledge, to

the positions of institutionalism, which emphasizes the problem of uncertainty of political behavior. Today we see interest in such phenomena in socio-cultural studies of human behavior and values that have a significant impact on public administration. However, it is also important to study how these research interests have historically developed, including within the framework of Soviet political science.

Keywords: political science in the Soviet Union; history of political science; A.M. Kovalev; politics

Financial Support: The research was carried out at the expense of a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists, project № МК-4465.2021.2 "The Soviet Political Science Tradition and its Role in the Development of Modern Political Science in Russia".

For citation: Sobolev, V.A. & Filimonov, K.G. (2022) The Soviet Political Science Tradition in Universities: Politics and Political Science in the Works of A.M. Kovalev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 161–168. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/18

Введение

История политической науки в России фрагментарна: одни её периоды представляются до мелочей объяснёнными и задокументированными, другие же, напротив, требуют подробного исследования. Кроме того, в ней сложно выделить более или менее устойчивые и связные линии описания доминирующих интеллектуальных традиций, проследив динамику взлётов одних методологических подходов и угасание других. Возможно, в некоторой степени это обусловлено самим характером политического процесса в России, его глубиной и скоростью происходящих в российской политике изменений. Такое положение дел, вероятно, побуждает историков политической науки в первую очередь обращать внимание на сюжеты, где наиболее явным образом представлены её конструкции и этапы развития, на институты и организационные системы, характеризующиеся наибольшей устойчивостью, на нарративы, которые отличаются большей связностью, и на степень публичности, активность присутствия ряда структур и персоналий в информационном поле.

За последние 30 лет немало внимания было уделено описанию постсоветского этапа развития политической науки: её распространению в российских университетах, научных институтах и аналитических центрах, становлению именно как науки, со всеми присущими данному институту атрибутами, включая развитие научных школ [1. С. 151–161; 2. С. 135–143; 3. С. 179–232; 4. С. 152–159; 5. С. 13–34; 6; 7. С. 6–10; 8. С. 5–20]. Внимание это, однако, распределено довольно неравномерно. Во-первых, сегодня становление российской политической науки в значительной мере представлено именно в виде университетской истории [9; 10; 11. С. 10–17] и истории профессиональных ассоциаций [12], но не собственно самого приращения политического знания. Во-вторых, на дальний план отходят популярные ранее сюжеты развития политической науки в советских академических институтах и аналитических центрах [13. С. 27–52]. И, в-третьих, ещё менее прояснёнными остаются сюжеты, связанные с эволюцией советской университетской традиции политической науки, и особенно с её включённостью в общую российскую политологическую традицию, в более широкий мировой контекст [14. С. 34–47; 15. С. 164–179; 16. С. 169–178; 17. С. 257–269; 18. С. 9–29; 19. С. 5–21; 20. С. 67–77;

21. С. 4–9; 22. С. 49–53; 23. С. 9–32; 24. С. 125–137; 25. С. 25–42; 26. С. 71–75; 27. С. 28–38; 28. Р. 317–344; 29–31; 32. Р. 519–529; 33. Р. 684–703].

Цель данной статьи состоит в попытке прояснения последнего сюжета и его иллюстрации на примере теоретических трудов Александра Митрофановича Ковалёва (1923–2010) – советского и российского учёного, специалиста по социальной и политической философии [34. С. 7–14; 35. С. 106–107; 36. С. 136–141].

Политическая наука в советской и постсоветской России: отечественный и зарубежный опыт теоретизирования

В истории политической науки в России широко распространена позиция, во многом базирующаяся на оценках западных политологов и некоторых отечественных исследователей, что становление советской политологической традиции и российской политической науки приходится на конец 1980-х – начало 1990-х гг. Среди отличительных черт этого периода, зафиксированных в публичном дискурсе, можно отметить активное стремление отечественных политологов к переводу трудов зарубежных авторов и активное заимствование элементов западной политической теории. В своё время отечественные специалисты стремились адаптировать понятия «политическая система», «политический процесс», «власть», «политическая культура», «политическое сознание и поведение» для исследований позднесоветской политической реальности, делали обзоры интерпретаций категорий «политического» и «политики». Активное заимствование теорий и концепций зарубежных коллег, как считается, придало новый импульс развития советской, а затем и российской политической науки. Параллельно с этим оно создало убеждения в «периферийном» качестве последней, в «догоняющем» характере советской политологической традиции [37. С. 7–16; 38. С. 8–20; 39. С. 144–163; 40. С. 23–39]. По некоторым оценкам, подобные убеждения актуальны в профессиональном сообществе и до сих пор существенным образом влияют на его самоидентификацию [41. С. 22–27].

Однако уже в первом приближении к анализу исторического развития отечественной политологической традиции эти убеждения демонстрируют некоторую несостоятельность. Сравнение западной и советской традиций показывает, что интересы к изуче-

нию политического у советских и западных коллег, хотя и в разных формах, имеют определённое сходство, вплоть до постановки ключевых вопросов. Неявно выраженным – особенно в случае университетов – здесь было лишь организационное оформление интеллектуальной активности советских политологов, тесно сотрудничавших с философами и юристам и работавших в академических институтах.

Сравнительный анализ западной и советской научной литературы прошлых лет демонстрирует, что в содержательном отношении, например, в начале 1980-х гг. можно увидеть обоюдный интерес к анализу социально-культурных оснований политики: советские учёные, равно как их западные коллеги, отмечали необходимость изучения поведенческих факторов в функционировании политических систем (позже можно увидеть развитие этого направления в современном институционализме), а также более детального анализа таких вещей, как «политическая власть», «политическое сознание» и «политическая культура». В 1970-е гг. западные учёные в очередной раз обратились к традиционному для политической теории вопросу о том, что есть политика и для чего она нужна, к содержанию понятий «власть», «свобода» и «равенство». Применительно к советскому случаю интересным представляется, что в тот же период в университетской политологической традиции (в среде университетских учёных) обсуждались схожие вопросы – проблемы конвенционального человеческого поведения или условий, в которых политическое действие становится возможным.

Данную тенденцию в развитии политологического знания в СССР замечали западные историки науки. А. Браун, например, пишет, что ещё в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в среде исследователей звучали призывы к более системному (или, как бы сказали сегодня, «полидисциплинарному») изучению политических процессов, а также к тому, чтобы уделять больше внимания концептам развивающейся политической науки [42. Р. 443–481]. Артикуляция внимания к этим актуальным проблемам политической науки, конечно, наиболее заметна была в научных институтах Академии наук СССР и в рамках профильных ассоциаций. Однако запрос на их разрешение формировался и в советских университетах.

Формирование советской политологической традиции в университетах: А.М. Ковалёв об исследовании политики

К числу учёных, обращающих внимание на необходимость более «системного» анализа политики, относится и А.М. Ковалёв. В те же 1960–1970-е гг. он начал развивать подход к исследованию политики, базировавшийся на его собственной философской концепции, в которой ученый предлагает расширительную трактовку предметных полей социологии и политологии [36. С. 138–139]. В конечном итоге А.М. Ковалёв, по некоторым оценкам, значительно опередил своих соотечественников в разработке подходов к исследованию политических процессов, и в немалой

степени этому способствовало стремление исследователя преодолеть идеологический подход, доминировавший в политологических исследованиях советских учёных вплоть до середины 1980-х гг. [34. С. 11].

Подобно ряду западных исследователей, в своё время вынужденных отстаивать и активно выступать за определение поля и предмета политической теории¹, А.М. Ковалёв с не меньшим энтузиазмом уделял внимание прояснению места и роли политики в обществе. Как и его зарубежные коллеги, он связывал задачи политической науки с вопросами морали и философии – с разработкой концепций и ценностных ориентиров, которые могут служить задачам управления социальными процессами [44. Р. 1–16].

Относительно последнего аспекта можно заметить, что стиль А.М. Ковалёва чаще всего варьируется от схематичных теоретических построений о природе политики и человеческого поведения к суждениям нормативного толка, или даже конкретным политическим рекомендациям. Обратим, например, внимание на пассаж, где есть суждение о характере, необходимости и целеполагании *политики как процесса* (politics) и о том, каким образом её следует проводить (policy) ответственным лицам: «...политика призвана определить основные направления действий субъекта в целях его оптимальной самореализации... [в]ерная политика не всегда отвечает воле большинства... [в] таком случае следует её разьяснять и отстаивать» [34. С. 115]. И далее: «...необходимость политики, как и свободы действий, заложена в многообразии окружающего нас мира, так и в самом человеке... [и]менно для поведения субъекта в соответствии с конкретной обстановкой и для реализации его потенциала в нужном направлении и существует политика» (здесь и далее курсив наш. – В.С., К.Ф.) [34. С. 115].

В работах А.М. Ковалёва отчётливо выражено стремление выстроить поведенческий и рациональный подход к организации политических идей, базирясь на которых специалисты могут давать практические рекомендации по общественно-политическим вопросам². При этом, подчёркивая необходимость практической ориентации знания о политике, сам А.М. Ковалёв считал себя больше философом, чем политологом [48. С. 459], который целенаправленно разрабатывает собственную теорию политического поведения или социального действия. У него нет, как, например, и у М. Оукшотта, одной комплексной работы, системно раскрывающей его политическую теорию – темы политики и определения понятия политического красной нитью пронизывают все их изыскания в области социальной философии и анализа человеческих отношений³. Политике, а также вопросам её категорий и предметной области политической науки посвящён ряд его заметок и статей, вышедших в разные годы в журналах и сборниках, начиная с 1990-х гг., но подготовленных задолго до распада СССР. Поэтому изложение политической теории А.М. Ковалёва в целостном виде также представляет собой актуальную исследовательскую задачу. В рамках же данной статьи остановим внимание лишь на

отдельных аспектах его теории, которые, во-первых, позволяют говорить о А.М. Ковалёве как о представителе советской университетской традиции и, во-вторых, о включённости этой традиции в контекст мировой политической науки.

В попытке ответить на традиционные для политологов вопросы о том, «что такое политика» и «что такое политическая теория» А.М. Ковалёв замечает, что в условиях современного плюрализма методологических подходов у нас, конечно же, всё ещё нет однозначных ответов. Поэтому отправной точкой в прояснении этой ситуации становится социальная философия автора, подразумевающая существование ряда законов социального бытия. Один из этих законов он приводит в качестве обоснования необходимости политики, проясняя её суть и задачи. Это «закон единства и качественного многообразия», описывающий ситуации, которые для многих из нас на сегодняшний день привычны как исследовательская практика – в анализе сетевой координации политического управления или гетерархической природы государства – но на момент формулирования (1970–1980-е гг.), да и в ранние 1990-е гг. не слишком привычные за пределами фукианской традиции исследований публичного управления. Однако и сегодня он позволял бы довольно удачно фиксировать сложность и многообразие социетальных связей, многоуровневый и диалектический характер развития государственности и политического: «*Мир, – пишет А.М. Ковалёв, – а тем более общество представляют некое связанное единое целое и в то же время состоят из качественно различных и относительно самостоятельных явлений и процессов, индивидов и групп, а стало быть закономерность и необходимость проявляются в них не непосредственно, а через стихийность, случайность, непредсказуемость и вероятность, что и создает основу для политики и политической деятельности*» [34. С. 114–115].

Сущность политики в данном случае определяется её функцией применительно к охарактеризованной сложности общества, она «даёт возможность избрать нужное направление развития субъекта, обеспечить достижение намеченной цели, создать наиболее адекватные условия для его функционирования, развития и самореализации и тем самым способствует ускорению функционирования и развития всего социального целого» [34. С. 115]. Описывая функционал политики, А.М. Ковалёв связывает её развёртывание с интенциональностью и человеческим мышлением, с тем, как мы, по его мнению, познаём окружающий мир: «...мышление человека не способно сразу охватывать всю структуру и сущность явлений и процессов... [оно] осваивает некие общие параметры вещей и явлений, а затем все явление в целом, [что] определяет необходимость политики как некоего общего феномена, [формирующего] основное направление и путь самореализации субъекта» [34. С. 119]. При этом А.М. Ковалёв подчёркивает одновременно конвенциональный и деятельный характер политики: с одной стороны, она зависит от способностей субъектов политического процесса действовать «в соот-

ветствии с объективными законами и тенденциями, действующими как в обществе, так и в природе»; с другой стороны, человек при этом, как существо деятельное по своей природе, обладает пусть относительной, но самостоятельностью, а вместе с ней и способностью «оказывать влияние на бытие» [34. С. 124]. Поэтому «политика не может сводиться лишь к пассивному следованию за условиями... [о]на должна носить активный характер и влиять на условия в интересах субъекта» [34. С. 124].

Как заключает А.М. Ковалёв, политика является искусством возможного, с помощью которого можно регулировать человеческие отношения [50. С. 67–87], и необходимость в этом искусстве возникает в случаях, когда нужно разобраться с описанным выше стихийным характером человеческой активности, с *неопределённостью*, «пронизывающей наше существование» [51. С. 14]. Политика призвана обеспечить «единство и соответствие законов, действующих вне человека с его собственными внутренними законами в обстановке случайности и непредсказуемости» [34. С. 116–117]. Неопределённость всегда присутствует в человеческих отношениях и в ряде случаев должна быть прояснена именно с помощью *искусства возможного*, «препятствующего умножению хаотического состояния по мере роста многообразия» [34. С. 117], устанавливающего определённые закономерности там, где это необходимо, где есть столкновения и борьба – ситуации, требующие упорядочивания отношений, выработки ориентиров, которые будут направлять человеческую деятельность, способствовать её рационализации.

Подобный акцент на регулирующем и проясняющем характере *политического* сближает А.М. Ковалёва с позициями, например, современного конструктивизма и феноменологии в социологии знания [52], или же с позициями институциональной теории, где также акцентируется неопределённость – как одна из ключевых проблем, которая может быть уменьшена за счёт регулирующей деятельности, накладываемых на человеческое поведение структур и ограничений. Один из ведущих теоретиков институционализма, Д. Норт, отмечает при этом, что полностью устранить неопределённость невозможно: накладываемые на деятельность и социальную реальность ограничения сами имеют неясные для нас последствия, отражая «несовершенное понимание окружающей действительности, равно как и несовершенную природу формальных правил и неформальных механизмов, которые мы используем для внедрения этих ограничений» [51. С. 14].

Социально-конструктивистская/феноменологическая перспективы дополняются яркой антропологической линией, акцентирующей роль субъекта политики, которым у А.М. Ковалёва чаще всего предстаёт именно человек в взаимосвязи с материальным миром, с обществом и его институтами. Политика на индивидуальном уровне выступает средством, обеспечивающим гармонизацию внутренних установок и убеждений человека (его «внутренних законов») с внешними социетальными установлениями, форми-

рующимися стихийно. А.М. Ковалёв подчёркивает, что сама по себе политика – порождение человеческого разума, которое в тех или иных материальных условиях принимает ту или иную форму проявления [34. С. 116–117].

Проясняя зависимость политики от человеческого разума и от материальных условий развёртывания политического действия, А.М. Ковалёв, как мы уже отмечали выше, стремится уйти от догматического представления о политике как «концентрированном выражении экономики», поскольку политические принципы, выработанные человеком для минимизации неопределённости и определения перспективных направлений деятельности, направляют последнюю в самых разных областях, как то экология, демография или внешнеполитические отношения. В каждой из этих сфер, равно как и во многих других, политика помогает (1) выявить объективные тенденции и закономерности, позволяющие субъектам (2) отразить своё положение и действовать в соответствии с этими закономерностями, (3) наиболее эффективным образом, в заданных институциональных рамках.

Что же касается «группового» измерения политического – а именно отношений управления и политики в рамках государственной системы – то здесь А.М. Ковалёв проводит различие между управленческой и политической деятельностью, подчёркивая относительный характер *государства*. Последнее, как и политика, *инструментально* по своей природе и призвано фиксировать определённый уровень целостности общества, его единства, согласованности функционирования его институтов, организаций и взаимодействия отдельных акторов, которые «в силу своей относительной самостоятельности и незапрограммированности в деталях могут поступать как в соответствии с интересами целостности, так и вопреки ей» [34. С. 119]. Управление в государстве ориентировано на сохранение и развитие того, что уже достигнуто, политика же реализуется в ситуациях и системах, характеризующихся неустойчивостью человеческих отношений: «...чем устойчивее та или иная социальная система, тем больше в ней возрастает роль управления... [в] неустойчивых же системах, подверженных конфликтности и другим катаклизмам, усиливается роль политики и политической деятельности» [50. С. 74].

Рассуждая в этой конструктивистской перспективе и обращаясь к вопросу об общих принципах, призванных упорядочить отношения между отдельными людьми, социальными группами или нациями,

А.М. Ковалёв предлагает в изучении данных вопросов отталкиваться от человеческой природы. Сегодня виден интерес к подобным феноменам в социокультурных исследованиях человеческого поведения и ценностей или в таких дисциплинах, как поведенческая экономика, оказывающих существенное влияние на публичное управление и формирование институционального дизайна современных государств.

Заключение

Обзор отечественной и зарубежной литературы, посвящённый истории политической науки в России, показал, что вопросу становления советской политологической традиции, в частности в университетах, уделяется достаточно мало внимания, особенно на фоне изучения институционального и организационного развития политологии в академических институтах АН СССР, а также в университетах и аналитических центрах после 1989 г. В данной статье предпринята попытка привлечь внимание к этой проблеме, проследив становление советской политологической традиции в университетах на примерах из работ А.М. Ковалёва, рассматривая его идеи о политике в контексте развития мировой политической теории, её истории и современных подходов.

Даже небольшой экскурс в идейно-теоретическое наследие А.М. Ковалёва демонстрирует важность обращения к подобным локальным сюжетам в истории политологической науки России, где разрыв между советской и зарубежной исследовательской повесткой оказывается не так велик, как это было принято считать. Обращение к работам советских исследователей, в том числе к работам А.М. Ковалёва, показывает, что сформулированные им идеи и положения нередко переключаются с теоретическими разработками западных политологов.

Конечно, здесь нельзя вести речь о прямой взаимосвязи, однако вопросы, волновавшие и зарубежных, и отечественных политических теоретиков, обнаруживают порой поразительное сходство, особенно когда и те и другие рассуждают о политике и её функциях, а также о том, что такое политическая теория и для чего она нужна. В этой связи можно заключить, что в советский период политологическая традиция – и её университетская ветвь в частности – не прерывались, происходило постепенное приращение знания о политике, дающее сегодня основания считать современную российскую политологию важной частью мировой науки о политике.

Примечания

¹ С основательной подборкой работ по данной проблематике можно ознакомиться, например, в сборнике: [43].

² Представляется интересным провести сравнение данного подхода с идеями и предложениями другого известного советского политолога Ф.М. Бурлацкого: [45. С. 152–158; 46; 47. Р. 12–17].

³ Отметим, что в 1996 г. вышла монография «Собственность, власть, политика» [49], где авторы исследуют социально-политические отношения в контексте проблем собственности и самореализации человека. Некоторые из глав данной монографии, написанные А.М. Ковалёвым, можно считать отправной точкой в формулировании его политической теории, в частности, он уделяет много внимания проблемам политики и власти.

Список источников

1. Воробьев Д.М. Развитие политологического сообщества в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2004. № 6. С. 151–161.
2. Ильин М.В. Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания // Полис. Политические исследования. 1999. № 6. С. 135–143.
3. Ильин М.В., Малинова О.Ю., Мелешкина Е.Ю. Развитие политической науки в современной России // Политическая наука. 2004. № 2. С. 179–232.
4. Патрушев С.В. К вопросу об адресате знаний о политике // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 152–159.
5. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Институциональные факторы состояния политической науки в России: общая характеристика и проблемы // Политическая наука. 2020. № 1. С. 13–34.
6. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М. : РОССПЭН, 2009. 446 с.
7. Пляйс Я.А. Современное политологическое пространство России: состояние и проблемы // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 6. С. 6–10.
8. Соловьев А.И. Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 5–20.
9. Очерки истории политической науки в Московском университете (1755–1835) / под ред. А.Ю. Шутова. М. : Аспект Пресс, 2009. 288 с.
10. Очерки истории политической науки в Московском университете (1835–1922) : материалы к спецкурсу / под ред. А.Ю. Шутова. М. : Альфа-М, 2011. 240 с.
11. Шестопал Е.Б. Становление факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в контексте развития российской и мировой политической науки // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 1. С. 10–17.
12. История Российской ассоциации политической науки / под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. М. : Аспект Пресс, 2015. 360 с.
13. Авдонин В.С. Политическая наука в институтах РАН: институциональное измерение и наукометрические показатели // Политическая наука. 2015. № 3. С. 27–52.
14. Баталов Э.Я. Восхождение к политической науке // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 34–47.
15. Буренко В.И. О началах и истоках современной российской политологии (30-лет российской политической науке) // PolitBook. 2019. № 3. С. 164–179.
16. Воробьев Д.М. Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 169–178.
17. Галкин А.А. У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 3–4. С. 257–269.
18. Гуроров В.А. Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 9–29.
19. Ильин М.В. Отечественная политология: осмысление традиции // Политическая наука. 2001. № 1. С. 5–21.
20. Капто А.С. К вопросу об институализации политической науки // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 67–77.
21. Коваленко В.И. Политическая наука и политологическое образование в России и в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 1. С. 4–9.
22. Пивоваров Ю.С. Политическая наука в системе информации // Политическая наука. 2001. № 1. С. 49–53.
23. Пляйс Я.А. О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2005. № 1. С. 9–32.
24. Сморгунюв Л.В. Региональные политологические сообщества в советское время // Политическая наука. 2015. № 3. С. 125–137.
25. Соболев В.А., Ширинянц А.А. Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № 5. С. 25–42.
26. Шестопал Е.Б. Российская политология в Европейском контексте // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 6. С. 71–75.
27. Шутов А.Ю., Соболев В.А. Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 28–38.
28. Brown A.H. Political Science in the Soviet Union: A new Stage of Development? // Soviet Studies. 1984. Vol. 36, № 3. P. 317–344.
29. Brown A.H. Soviet Politics and Political Science. London : Macmillan, 1974. 128 p.
30. Hill R.J. Soviet Politics, Political Science and Reform. New York : M.E. Sharpe, 1980. 221 p.
31. Malcolm N. Soviet Political Scientists & American Politics. New York : St. Martin's Press, 1984. 225 p.
32. Skilling G. In Search of Political Science in the USSR // The Canadian Journal of Economics and Political Science. 1963. Vol. 29, № 4. P. 519–529.
33. Theen R.H.W. Political Science in the USSR: "To Be, or not to Be" Some Reflections on the Implications of a recent Soviet Critique of American Political Science // World Politics. 1971. Vol. 23, № 4. P. 684–703.
34. Ковалёв А.М. Избранное. Воспоминания об А.М. Ковалёве. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. 552 с.
35. Памяти Александра Митрофановича Ковалёва // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 6. С. 106–107.
36. Соболев В.А. Значение идейно-теоретического наследия А.М. Ковалева для становления политологии в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2 (63). С. 136–141.
37. Ильин М.В. Что способно объединить нас? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 1. С. 7–16.
38. Карягин М.Е., Сунгуров А.Ю. Современное российское политологическое сообщество – первые шаги к анализу // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 8–20.
39. Пляйс Я.А. Творческий потенциал российского политологического сообщества. Основные направления исследований // Полис. Политические исследования. 1999. № 6. С. 144–163.
40. Шестопал Е.Б. Трансформация политологического сообщества в постсоветской России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 1999. № 1. С. 23–39.
41. Пивоваров Ю.С. Российская политология: между традицией и зарубежной политической наукой // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 5. С. 22–27.
42. Brown A.H. Political Science in the USSR // International Political Science Review. 1986. Vol. 7, № 4. P. 443–481.
43. Политическая теория в XX веке / под ред. А.В. Павлова. М. : Территория будущего, 2008. 416 с.
44. Greaves H.R. Political Theory Today // Political Science Quarterly. 1960. Vol. 75, № 1. P. 1–16.
45. Соболев В.А. Значение Ф.М. Бурлацкого для становления и развития политической науки в России // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 152–158.
46. Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий (1927–2014): Жизнь и труды. Становление политической науки в СССР. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2019. 224 с.
47. Sobolev V.A. F.M. Burlatsky about development of political science in the USSR // Russian Political Science. 2019. № 1 (10). P. 12–17.

48. Опережающая активность. Беседа с профессором кафедры мировой и российской политики философского факультета Александром Митрофановичем Ковалевым. 2005 г. // Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова: страницы истории / под ред. А.П. Козырева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 450–467.
49. Ахвледиани А.А., Ковалев А.М. Собственность, власть, политика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. 280 с.
50. Ковалёв А.М. Предмет, законы и категории политики как науки // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1998. № 5. С. 67–87.
51. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М. : Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 256 с.
52. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.

References

1. Vorobyev, D.M. (2004) Development of political science community in post-soviet Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 151–161. (In Russian)
2. Ilyin, M.V. (1999) Ten years of scholarly politics: new dimensions of scientific knowledge. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 135–143. (In Russian)
3. Ilyin, M.V., Malinova, O.Iu. & Meleshkina, E.Iu. (2004) Development of political science in modern Russia. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 2. pp. 179–232. (In Russian)
4. Patrushev, S.V. (2016) On the addressees of political knowledge. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 152–159. (In Russian)
5. Patrushev, S.V. & Filippova, L.E. (2020) Institutional factors of political science's condition in Russia: general characteristics and problems. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 13–34. (In Russian)
6. Plyais, Ya.A. *Politologiya v kontekste perekhodnoi epokhi v Rossii* [Political science in the context of the transition period in Russia]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 2009. 446 p. (In Russian)
7. Plyais, Ya.A. (2015) Contemporary political science field of Russia: condition and problems. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya – Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 6. pp. 6–10. (In Russian)
8. Soloviev, A.I. (1998) The patchy paradigmatics of Russian political science. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 5–20. (In Russian)
9. Shutov, A.Yu. (ed) (2009) *Ocherki istorii politicheskoi nauki v Moskovskom universitete (1755–1835)* [Essays on the history of political science at Moscow University (1755–1835)]. Moscow: Aspekt Press. 288 p. (In Russian)
10. Shutov, A.Yu. (ed) (2011) *Ocherki istorii politicheskoi nauki v Moskovskom universitete (1835–1922): Materialy k spetskursu* [Essays on the history of political science at Moscow University (1835–1922): Materials for a special course]. Moscow: Alf-M. 240 p. (In Russian)
11. Shestopal, E.B. (2009) Formation of the faculty of political science of Lomonosov Moscow State University in the context of the development of Russian and world political science. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki – Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*. 1. pp. 10–17. (In Russian)
12. Patrushev, S.V. & Filippova, L.E. (eds) (2015) *Istoriya Rossiiskoi assotsiatsii politicheskoi nauki* [History of the Russian political science association]. Moscow: Aspekt Press. 360 p. (In Russian)
13. Avdonin, V.S. (2015) Political science at the institutes of RAS: institutional dimension and scientometric indicators. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 3. pp. 27–52. (In Russian)
14. Batalov, E.Ya. (2005) The ascent to political science. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social sciences and contemporary world*. 3. pp. 34–47. (In Russian)
15. Burenko V.I. (2019) About the beginning and origins of modern Russian political science (30 years of Russian political science). *PolitBook – PolitBook*. 3. pp. 164–179. (In Russian)
16. Vorobyev, D.M. (2004) Political science in the USSR: formation and development of a scientific community. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 169–178. (In Russian)
17. Galkin, A.A. (2010) At outset of political science resurrection in Russia (1960–1985). Personal considerations. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz – The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 3–4. pp. 257–269. (In Russian)
18. Gutorov, V.A. (2015) Politics and education: historical tradition and modern transformations. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 9–29. (In Russian)
19. Ilyin, M.V. (2001) Russian political science: understanding of tradition. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 5–21. (In Russian)
20. Kapto, A.S. (2018) On the question of institutionalizing political science. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya – Social and humanitarian knowledge*. 2. pp. 67–77. (In Russian)
21. Kovalenko, V.I. (2009) Political science and political science education in Russia and in MSU. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki – Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*. 1. pp. 4–9. (In Russian)
22. Pivovarov, Yu.S. (2001) Political science in the information system. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 49–53. (In Russian)
23. Plyais, Ya.A. (2005) About genesis, subject and contemporary situation in Russian political science. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki – Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*. 1. pp. 9–32. (In Russian)
24. Smorgunov L.V. (2015) Regional political science communities in the Soviet era. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 3. pp. 125–137. (In Russian)
25. Sobolev, V.A. & Shiriniants, A.A. (2016) F.M. Burlatsky and formation of political science in the USSR. *Politicheskaya nauka – Political Science*. S. pp. 25–42. (In Russian)
26. Shestopal, E.B. (2008) Russian political science in a European context. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki – Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*. 6. pp. 71–75. (In Russian)
27. Shutov, A.Yu. & Sobolev, V.A. (2020) Formation of political science in the USSR: To the 30th anniversary of official recognition. *Dialog so Vremenem – Dialogue with Time*. 71. pp. 28–38. (In Russian)
28. Brown, A.H. (1984) Political Science in the Soviet Union: A New Stage of Development? *Soviet Studies*. Vol. 36. No. 3. pp. 317–344.
29. Brown, A.H. (1974) *Soviet Politics and Political Science*. London: Macmillan. 128 p.
30. Hill, R.J. (1980) *Soviet Politics, Political Science and Reform*. New-York: M.E. Sharpe. 221 p.
31. Malcolm, N. (1984) *Soviet Political Scientists & American Politics*. New-York: St. Martin's Press. 225 p.
32. Skilling, G. (1963) In Search of Political Science in the USSR. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*. Vol. 29. No. 4. pp. 519–529.
33. Theen, R.H.W. (1971) Political Science in the USSR: "To Be, or Not to Be" Some Reflections on the Implications of a Recent Soviet Critique of American Political Science. *World Politics*. Vol. 23. No. 4. pp. 684–703.
34. Kovalev, A.M. (2013) *Selected works. Memories of A.M. Kovalev*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 552 p. (In Russian)
35. In memory of Alexander Kovalev. (2010) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki – Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*. 6. pp. 106–107. (In Russian)

36. Sobolev, V.A. (2020) Significance of the ideological and theoretical heritage of A.M. Kovalev for the formation of political science in Russia. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura – The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2 (63). pp. 136–141. (In Russian)
 37. Ilyin, M.V. (2019) What can possibly integrate us? *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS – Political Expertise: POLITEX*. Vol. 15. No. 1. pp. 7–16. (In Russian)
 38. Kariagin, M.E. & Sungurov, A.Iu. (2016) Contemporary Russian political science community – the first steps to the analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 2. pp. 8–20. (In Russian)
 39. Plyais, Ya.A. (1999) Creative potential of Russia's political science community (The major domains of studies). *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 144–163. (In Russian)
 40. Shestopal, E.B. (1999) Transformation of the political science community in post-Soviet Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya – Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 1. pp. 23–39. (In Russian)
 41. Pivovarov, Yu.S. (2014) Russian political science: between tradition and foreign political science. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki – Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*. 5. pp. 22–27. (In Russian)
 42. Brown, A.H. (1986) Political Science in the USSR. *International Political Science Review*. Vol. 7. No. 4. pp. 443–481.
 43. Pavlova, A.V. (ed) (2008) *Politicheskaya teoriya v XX veke* [Political theory in the XX century]. Moscow: Publishing House "Territory of the Future". 416 p. (In Russian)
 44. Greaves, H.R. (1960) Political Theory Today. *Political Science Quarterly*. Vol. 75. No. 1. pp. 1–16.
 45. Sobolev, V.A. (2018) The significance of F.M. Burlatsky for the formation and development of political science in Russia. *Russkaya politologiya – Russian Political Science*. 1 (6). pp. 152–158. (In Russian)
 46. Sobolev, V.A. (2019) *F.M. Burlatsky (1927–2014). Life and works. The formation of political science in the USSR*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 224 p. (In Russian)
 47. Sobolev, V.A. (2019) F.M. Burlatsky about development of political science in the USSR. *Russian Political Science*. 1 (10). pp. 12–17.
 48. Kozyrev, A.P. (ed) (2011) *Operezhaiushchaya aktivnost'. Beseda s professorom kafedry mirovoi i rossiiskoi politiki filosofskogo fakul'teta Aleksandrom Mitrofanovichem Kovalevym. 2005. Filosofskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova: stranitsy istorii* [Advanced activity. Conversation with professor of the department of world and Russian politics of the faculty of philosophy Alexander Kovalev. Faculty of philosophy of Lomonosov Moscow State University. Pages of history]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. pp. 450–467. (In Russian)
 49. Ahvlediani, A.A. & Kovalev, A.M. (1996) *Sobstvennost', vlast', politika* [Property, power, politics]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 280 p. (In Russian)
 50. Kovalev, A.M. (1998) The subject, laws and categories of politics as a science. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki – Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*. 5. pp. 67–87. (In Russian)
 51. North, D. (2010) *Understanding the process of economic change*. Moscow: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta – Vyshei shkoly ekonomiki. 256 p. (In Russian)
- Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge*. Moscow: "Medium". 323 p. (In Russian)

Информация об авторах:

Соболев В.А. – канд. полит. наук, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: sobolev@polit.msu.ru

Филимонов К.Г. – специалист по УМР кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: kirill.filimonov@polit.msu.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sobolev V.A., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sobolev@polit.msu.ru

Filimonov K.G., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kirill.filimonov@polit.msu.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.

Научная статья
УДК 323.22/.28
doi: 10.17223/15617793/474/19

«Право на город»: политическое конструирование постпандемийного мироустройства

Алексей Игнатьевич Щербинин¹, Нина Гаррьевна Щербинина²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ shai52@mail.ru

² sapfir.19@mail.ru

Аннотация. Поднимается проблема актуальности «права на город» как инструмента борьбы с государством и корпорациями. Поставлена цель доказать, кто и как стремится овладеть этим правом в постиндустриальном мире и заложить основы будущего постпандемийного мироустройства. В оборот вводятся новые источники и зарубежная литература. За методологическую основу работы взят политико-конструктивистский подход, открывающий возможности для исследований в русле политической урбанистики.

Ключевые слова: Лефевр, право на город, производство пространств, неолиберальная теория, семиосфера, политический конструктивизм, политическая урбанистика, постпандемийный мир

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках гранта 21-011-31374 опп по проекту «Право на город»: политические пространства устойчивости, конфликта, диалога».

Для цитирования: Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Право на город»: политическое конструирование постпандемийного мироустройства // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 169–177. doi: 10.17223/15617793/474/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/19

“Right to the city”: political construction of post-pandemic world order

Aleksey I. Shcherbinin¹, Nina G. Shcherbinina²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ shai52@mail.ru

² sapfir.19@mail.ru

Abstract. Lefebvre’s statement, that with the advent of capitalism the state and the city turned into abstractions, and that the rules for the cities are written by those who do not live in them, namely administrative powers and corporations, is legitimate. Informatization, the so-called “information society”, does not solve the socio-economic problems of the disruption. The informatization of space does not solve the problem, but rather generates “cyberanthropes” (Lefebvre), creating an illusion of prompt solution of complex management tasks. Without denying the successes of the information revolution, even agreeing conditionally with the concept of the “fourth industrial revolution”, we are forced to support infoskeptics who wrote that information discourse and information strategies in general resemble the manipulations of illusionists.

Lefebvre’s original triad, described in “The Production of Space”, encompasses firstly *spatial practice*, including everyday reality. Secondly, it encompasses the *representation of space*, as a product of intention of scientists and planners, loaded with meanings and signs dominating a given society. Thirdly, it encompasses *representational space*, “lived through its associated images and symbols”, attempting to “appropriate the imagination”. Public spaces, including their projections on social networks, are necessary not only for the generation of conflicts, but also for the possibility of consolidation of spaces, which ensure the sustainability of the city in a rapidly changing world. Lefebvre, in his “Right to the City”, understood the latter as a creation, which gives a chance to reassemble the city on a new semantic basis, in fact, using political construction. And in this regard, the constructivist approach appears to the authors of the article to be the most productive one. In the conditions of the coronavirus crisis, the city is disenchanting, it ceases to feel like an abstraction controlled from the outside. It starts to understand, that abstract and anonymous space of administration is limited by the cubicles.

Having taken the position of political constructivism, we will see through which communication mechanisms such right is established, how the goals of factual city owners are proclaimed and masked. For this purpose, we set a framework that will allow us to consider from the perspective of the urban semiosphere various episodes and cases described by a number of researchers of the changing “urban world”. Finally, taking as a model the Report on Smart Sustainable Cities, presented by the United Nations Economic Commission for Europe in 2020, the authors conclude that it is difficult to solve global problems without the city as a subject of politics.

Keywords: Lefebvre, right to the city, production of space, neoliberal theory, semiotics, political constructivism, political urbanism, post-pandemic world

Financial Support: the article was prepared with the support of the RFBR and EISI within the framework of grant 21-011-31374 of the OPN on the project "The Right to the city": political spaces of sustainability, conflict, dialogue."

For citation: Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2022) "Right to the city": political construction of post-pandemic world order. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 169–177. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/19

Востребованность пространственной теории Анри Лефевра и его последователей продиктована не только эпистемологическими проблемами общественных наук и, в частности, пробивающей себе дорогу политической урбанистикой, но и мегадинамикой, изменившей мир. Пределов роста достиг не единственно индустриальный капитализм, но и обслуживающая его идеология неолиберализма, сравнительно недавно провозглашенная победившей альтернативой, обозначившей «конец истории». Согласно мнению З. Баумана, государство как «последняя тотальность» уходит в тень, освобождаясь от прямых регулятивных функций, уступая место рынку. Государство, освобождаясь от целого ряда социальных обязательств, остается активным игроком на рынке материальных ценностей и ресурсов, обеспечивая свою необходимость не только вмешательством в производственные отношения, но и выступает гарантом собственно ценностей и смыслов неолиберализма в качестве активного игрока на рынке [1].

Парадоксально то, что, уходя от политически рискованного прямого регулирования, государство не собирается предоставлять городу то исконное право на политическое, которое продиктовано его генезисом, онтологией и спросом в условиях актуальных вызовов, предпочитая оперировать воображаемыми институтами, сохраняя и обустроивая политику на каждом новом этапе технологических и социально-экономических изменений. То есть, явно или скрыто исповедуя неолиберализм, освобождающий государство от социальной ответственности перед обществом, оно (вне зависимости от идеологически навязываемого лейбла) остается в отношении последнего авторитарным институтом, заинтересованным в поддержании *status quo*. При таком раскладе, отмечает Уоррен Магнуссон, сформировалась «доминирующая онтология, согласно которой, "высокая" политика – наиболее серьезная политика или собственно политика – всегда находится в сфере владения государств и империй, а все остальное подчиняется им. И эта точка зрения постоянно подтверждается политической теорией, лежащей в основе государственной системы и современных социальных наук» [2. Р. 1565]. Новые обстоятельства, связанные с глобальными процессами, дают возможность расколдовать мир идей, опираясь на повседневность, и сформулировать право города на собственно политическое признание субъектности. И снова Магнуссон: «Увидеть политическое сквозь город – значит заметить, как близкое разнообразие стимулирует самоорганизацию и самоуправление, порождает политику внутри и между органами

власти в разных регистрах и откладывает претензии на суверенитет, которые оно порождает. С этой точки зрения, город не является ни высоким, ни низким, а, напротив, является самой формой политического, охватывающего государства и империи, как и все остальное» [2. Р. 1565]. Причем, как показывают последние события в условиях коронакризиса, город – наиболее чувствительный индикатор изменений, и им становится все труднее управлять с позиций традиционных политических институтов и технологий. В данном случае господствующий класс и обслуживающие его государственные структуры прибегают к широкомасштабной маскировке своей сущности. Налицо семиотический диссонанс. С одной стороны, господствующие концепты утрачивают «ядерный» смысл, манипулируя арсеналом из «оболочки», мало востребованной в повседневных практиках. С другой, обозначенные как «неполитическая политика» и «неполитика», обострившееся реалии пространства повседневности, текучие и нестабильные, активно ищут своей концептуализации. Возможно, в этом одна из причин популизма как политического феномена последних лет. Альтернативу ему государство видит либо в мимикрии, т.е. в буквальном смысле слова подражательстве и маскировке, в том числе реальности. Попробуем на ряде примеров показать, как это работает.

Свободное рыночное регулирование – одна из новаций эпохи модерна, освобождало политическую структуру от социальных обременений, завоеванных в классовой борьбе. Повод для избавления от них был самый удобный. Глобализация, как важнейшая черта постиндустриальной эпохи, фактически означала перемещение производств из Старого Света в новые регионы мира, не связанные социальными обязательствами между собственниками и трудящимися. Характерной чертой таких стран являются низкие уровни жизни, экологические стандарты и т.п., включая и нетребовательный к западным нормам политический режим. Деиндустриализация, как отмечает Арам Айзеншитц, прямо показала, что с экспортом промышленности утрачивается не только базовая национальная индустрия: «Капитализм потерял свое самое важное средство легитимации, а именно демократию» [3. Р. 22]. Так завершается постоянно тревожащая дилемма неолиберализма: обеспечение прибыли при сохранении классовых отношений и социальной демократии. Это было поражением и кейнсианской модели «мирного договора» как условия государства всеобщего благосостояния. Выведение производства за пределы страны фактически означало и выведение

средств из под контроля общественности, проживающей на ее территории.

Как данные обстоятельства отразились на городах вообще и городских пространствах в частности? Перестав быть воплощенной на земле пространственной моделью фордистского обслуживающего производства, фактическим продолжением заводов, фабрик, морских портов и железнодорожных узлов, город в условиях глобализации экономики и вывода производства за пределы экономически развитых стран стал «производственной мощью». Например, пространственные преобразования, связанные с брендингом городов, как средоточием туризма, местом деятельности «креативного класса», производства культуры и досуга. В новых условиях, когда общество представляет собой сконструированную окружающую среду, «брендинг мест имеет тенденцию маскировать политическую повестку дня неолитерализма, а это, в свою очередь, может способствовать укреплению классовых отношений без провоцирования политической реакции» [3. Р. 22].

На практике, вторгаясь в повседневное пространство, капитализм не собирается его просто улучшить через восстановление справедливого распределения, а, напротив, «зачищает» его от очагов недовольства и сопротивления. За последние десятилетия такой зачистке подверглись центры экономически привлекательных городов во всех уголках мира. Используя основные элементы пространственной модели А. Лефевра, обозначим устойчивую тенденцию вытеснения пространства повседневности с помощью административного пространства на периферию городского мира с целью продвижения пространства презентации. При этом символически нагруженное пространство презентации не просто маскирует обновленные конфликты труда и капитала, но открывает дорогу востребованным эпохой новым технологиям в области туризма, креативным разработкам в сфере дизайна и архитектуры, моды, шоу бизнеса, образования и т.п. Меняются классовая, образовательная, возрастная структуры горожан: К. Навратек пишет о классе но-

вых горожан – мигрантах, туристах, студентах [4], Р. Флорида на основе многолетнего исследования доказывает прямую зависимость городского процветания от образовательного уровня жителей города [5], Ч. Лэндри и Р. Флорида пишут о креативных городах и креативном классе [6, 7].

Креативная и интеллектуальная составляющие не могут не отразиться на пространственной структуре города. В числе доминирующих трендов новой эпохи одно из первых мест занимает теория и практика умных городов. Подобно случаю с брендингом это пример не только того, что старая по своей сути власть не чужда веяниям моды как повода для обновления повестки, но и того, как социальные проблемы, классовые конфликты маскируются под технологическую динамику, сулящую прибыль. Собственно теория умных городов включает пространственное измерение в качестве центрального компонента. Никос Комнинос начинает первую главу своей книги, посвященной эпохе интеллектуальных городов с того, что пишет: «Объединение концепции интеллектуальных городов с городской модернизацией открывает новый путь, который позволяет нам просматривать каждый город и городской округ с новой точки зрения и оценивать, как принципы и стратегии планирования интеллектуального города могут поддерживать возрождение городов с точки зрения конкурентоспособности, а также социальной и экологической устойчивости» [8. Р. 13].

Анализ литературы, предпринятый данным автором, показывает, как цифровое пространство от кибернадстройки превращается в основу смартконструирования города снизу, создания Живых лабораторий и до освоения и применения «навыков интеграции и умений, распространенных в пространстве в глобальном масштабе» [8. Р. 16]. До этого уровня пространственное видение киберсоставляющей прошло несколько этапов (и, соответственно, проходящих на смену друг другу концептов), как выделил Комнинос: *Кибергорода, Цифровые города, Интеллектуальные города, Умные города* (рис. 1) [8. Р. 20].

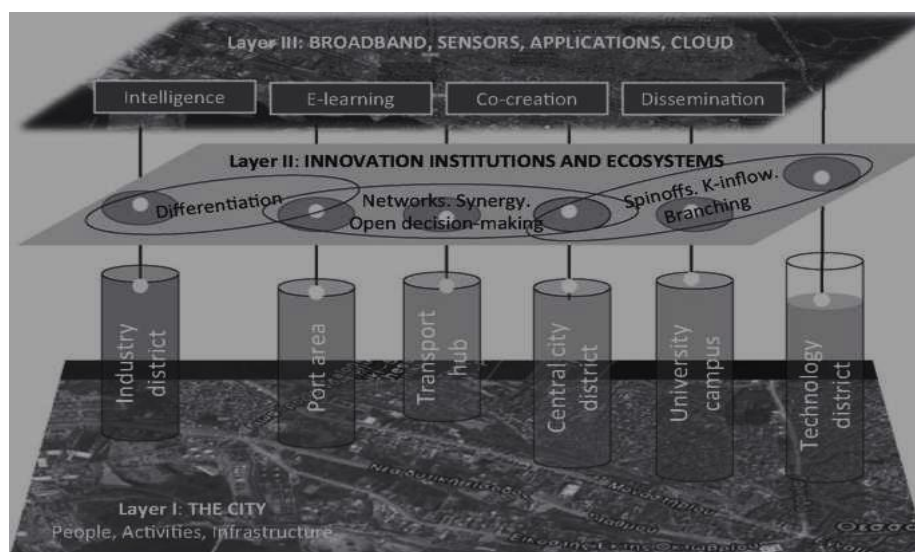

Рис. 1. Цифровое пространство умных городов по Н. Комниносу

«Цифровое пространство умных городов, – по Комнинусу, – можно представить в виде ряда концентрических окружностей инфраструктуры широкополосных сетей, обобщения и анализа данных, веб-приложений и электронных услуг». Далее автор добросовестно и логично описывает сферы и применимые к ним умные технологии (в интересах города, бизнеса, личной жизни горожанина). При всем уважении к идее и ее правомерному восприятию в условиях информационного общества, мы не можем не заметить очевидного маскирующего эффекта – попытки спрятать социальные проблемы и возможности за техническими. Аналогично считают и авторы работ, описывающие эффект изоляции ряда социальных слоев, стран и даже континентов от «благ» того, что называют «информационным обществом», распространяя данное определение на всю современную цивилизацию: «Это глубоко вводящий в заблуждение дискурс: пропасть не цифровая, а так называемая экономическая, но представляя пропасть в технических терминах, предполагаются технические решения» [9. Р. 11–12]. И тогда бизнес, связанный с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), навязывает модели развития. Подобно глашатаям предыдущей эпохи индустриализма, нынешние технократы приравнивают технологии к развитию. Из чего следует, что «во-первых, это повторяет традиционное модернизационное мышление, которое варьируется от позитивизма эпохи Просвещения до послевоенной теории модернизации. Во-вторых, для неолиберальных экономистов и предпринимателей развитие – это распространение рыночных сил» [9. Р. 11–12].

В связи с правом на город, непосредственно в формулировке А. Лефевра, Джо Шоу и Марк Грэм «сканируют» прямое влияние крупнейшего поискового сервиса Google на город: «По мере того, как городская среда становится все более многонаслоенной абстрактными цифровыми представлениями, общая теория Лефевра требует применения в цифровую эпоху» [10]. Рассматривая важнейший правовой аспект теории с позиций того, кому принадлежит право на город, а именно: что влечет за собой урбанизация информации, в данной статье исследуются проблемы и последствия любого «информационного права на город». Авторы убедительно доказывают, «что Google в настоящее время занимает доминирующую долю в любом информационном праве на город» [10]. Шоу и Грэм не прибегают к искусственному приращению «права на город» к классической формулировке Лефевра, поскольку последний рассматривал «право на информацию» в качестве дополнительного права, как одно из условий улучшения жизни городского сообщества (прежде всего, трудящихся), а в глобальном плане и отрицания государства. В реальности произошло, что информатизация городской жизни привела еще к большей несправедливости «и право на информацию теперь является более сложным аспектом политической борьбы, чем мог понять Лефевр в свое время. И что «право на город при лучшем понимании сегодняшней критической фазы урбанизации как периода, когда город все чаще воспроизводится с по-

мощью цифровой информации» теперь зависит от права на информацию [10]. Классический пример с производством одного из главных пространств, обозначенных А. Лефевром, «абстрактного» как традиционной вотчины властей (производимого и осваиваемого архитекторами и градостроителями): «Повсеместное развитие цифровых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в производстве и распространении этого абстрактного пространства теперь занимает центральное место в воспроизведении городского пространства» [10]. Более того, традиционные производители пространства, чья власть, «предоставленная традиционными акторами городских властей – девелоперами, планировщиками, арендодателями – теперь соперничают с появлением новых информационных монополий, такими как Google, Alphabet Inc. Если в предмодерне и модерне «город был концептуализирован как коррелят дороги», теперь он может быть презентован как коррелят оптоволоконка. «Городское общество теперь материально конструируется как функция сетевого информационного обмена – точка, определяемая входами и выходами» [10].

Таким образом, мы видим, что теории и практики информатизации перестраивают концепты, маскируя/отвергая социальные проблемы города, элиминируя само право на город в его онтологии. Разумеется, возврат к доинформационному городу невозможен, но «дополнительное» право на информацию теперь становится центральным применительно к городу. Это можно рассматривать как естественный процесс, подобно урбанизации воды, а также «других исторически возникшие инфраструктур и товаров», которыми живет город» и которые могли стать и становились источниками власти над городом, считают Шоу и Грэм с позиций теорий справедливости и права на город [10]. «Расширение» теории Лефевра, достройка пространств (и не только «абстрактного», на котором сосредоточились Шоу и Грэм) диктуются логикой новой реальности и отчуждением прав горожан с использованием новых технологий информации и коммуникации. Цифровые двойники городов для операторов абстрактного пространства более привлекательны и менее социально затратны, нежели их материальные «исходники». Итак, мы имеем дело с еще одной маской, где информационное право на город измеряется правом на доступ к сети, к источнику информации. Шоу и Грэму удалось, на наш взгляд, показать пределы информационного права на город, а также цену «бесплатного» пользования поисковиком монополистом. Через беспрецедентную долю пользователей в поисковом посредничестве в ЕС и в мире в целом, через «контроль над цифровой информацией, которую Google имеет право контролировать, воспроизводится городское пространство. Это, в конечном счете, превращается в способность выбирать, как город будет свертываться до информации, и контролировать то, как это переводится в знания и вновь вводится в материальную повседневную реальность. Следовательно, повседневная городская реальность все чаще воспроизводится как “пространство

Google” – пространство, которое все больше измеряется и поддается количественной оценке» [10]. Производитель цифрового пространства участвует, занимая все более и более господствующее положение, в создании городских материальных пространств и проектировании городских отношений.

Таким образом, в поле политической урбанистики попадают не только социальная дифференциация домохозяйств по принципу наличия/отсутствия точек входа в мировую сеть, но и стремление информационных монополистов вывести себя за пределы осязаемых и традиционных источников политики, в нашем случае городской политики. Непривязанность к актуальной городской политике подменяется привлекательной идеологией «изменения мира», «ослепительным будущим», стоящим выше повседневных забот. Практическим примером презентации такого “Google-будущего” представляется реализация проекта в прибрежной части Торонто, где речь идет не просто об умном городе, а построении города, за основу которого взята модель смартфона: «Если рассматривать город как платформу, а дизайн как способность людей быстро ее менять, точно так, как мы кастомизируем свои смартфоны, то можно сделать город более аутентичным, так как он не будет отражать лишь центральный план», а будет быстро трансформироваться в зависимости от нужд жителей» [11]. Торонто отреагировал на такое вторжение весьма скептически. Это не просто редукция живого социального организма до технологического продукта типа смартфона, но фактически подмена демократических процессов корпоративным управлением [11]. И, что принципиально, на наш взгляд, это тестирование возможности доводки управления большими базами данных, в избытке имеющихся у Google, до конкретного уровня управления всеми жизненными процессами с последующим серийным «производством пространственной триады» по дизайну и смыслу одной корпорации (от планирования и застройки до программирования повседневной жизни горожан и отдельной личности). Инцидент с Торонто показал, что практически мы стоим на пороге реализации тоталитарной киберутопии, возникающей на почве элиминации города как базового субъекта из сферы политического, превращения гражданина в пользователя (и функции кибергорода), подмены политического доминирующей идеологией, основанной на рефлексе наживы за счет города как обычного товара.

Коронакризис, хотя раскрыл декларативность лозунга и маскирующих практик «умных городов», но и высветил проблему устойчивого развития как все более насущную, в том числе и в таком важном сегменте выживания цивилизации, как города. В этой связи стоит обратиться к документу, позволяющему оценить взгляды ООН на стратегические направления гарантии устойчивости и ее обеспечения на практике. Доклад «Социально-умные устойчивые города» (People-Smart Sustainable Cities) послужит нам результирующим документом, позволяющим дать оценку описанным трендам. Он подготовлен и опубликован Европейской экономической комиссией Организации

Объединенных Наций в 2020 г. Данную попытку можно считать продуктивной уже потому, что поставлен вопрос о городе как ключевом звене устойчивого развития планеты. А это позволяет вывести цель и задачи политики в отношении городов с локального уровня на глобальный и цивилизационный, включив их в цели устойчивого развития мира (ЦУР) на период до 2030 г. В докладе провозглашается, что «ни одна нация не может претендовать на устойчивость, если многие ее города не являются таковыми» [12. С. XI].

При этом, как показывает анализ документа, механического соединения известных штампов в нем больше, чем социально ориентированного контекста: урбанизация, глобализация, цифровая революция, устойчивость, умный город, кризис. Актуализированная разгаром пандемии COVID-19 повестка должна была показать алгоритм противодействия рискам и угрозам – природным и рукотворным. Пандемия стала фактором, вновь вернувшим в «политическую повестку дня» проблему устойчивых и жизнестойких городов; что «жизнестойкость следует рассматривать как «метафору перемен, а не как сопротивление переменам» [12. С. 30]. И все же «умножение сущности без необходимости» уводит нас от понимания именно сути проблемы. Бесчисленные приращения не дают понимания этапа, особенностей новых вызовов. По тексту мы видим последовательные расшифровки: города видятся одновременно как экономически состоятельные (производительные города, конкурентоспособные города, креативные города), социально ответственные (открытые города, удобные для жизни города, справедливые города, комфортные для проживания людей пожилого возраста города) и экологически грамотные (ресурсосберегающие города, «зеленые» экогорода, жизнестойкие города) [12. С. 3]. Продолжающийся переход к цифровым технологиям и развитие «умных» технологий добавил к характеристикам «умное» измерение в качестве нового требования нормативности для технологического общества [12]. Авторы доклада считают, что для того чтобы быть умным, город нуждается не только в эффективных технологиях, но и в преобразовании систем управления, взаимодействия граждан и создания ценностей.

Здесь вновь уместно поставить вопросы, как вышеперечисленные параметры вписать в семиосферу города и кто фактически будет определять систему ценностей и наполнять город смыслом. Власть, но кому она принадлежит? Наш экскурс в хорошо замаскированную природу власти современного города показывает, что доступным индикатором для начала вопрошания является лефеврианский вопрос: кому принадлежит право на город? Вчитываясь в доклад как в своего рода «программу будущего», модель устойчивого постпандемийного мира и понимая, что этот доклад, скорее всего, останется очередным документом «по поводу», все больше осознаешь, что право на возвращение города горожанам кроется в реальной, а не бутафорской публичности действий всех причастных к проблеме (или проблемам) субъектов в отношении города.

Итак, «право на город» приобретает категориальный характер и включается в научный контекст политической урбанистики, исследующей и новые городские властные практики, а с точки зрения теоретической, оно интерпретируется нами в пределах концепта политического конструирования реальности. И речь далее пойдет о «праве на город», трактуемом как «право на производство городского пространства», что согласуется и с позицией А. Лефевра [13]. Но акцент в нашем случае надо сделать не на «уровнях» его производства, а на конституирующей роли пространства в отношении социальной жизни. Сам город, понимаемый как пространство, с семиотической точки зрения, представляет собой «текст», а именно законченное знаковое произведение, в котором все символы и их значения, ценности и идеи взаимоувязаны. Другими словами, для нас пространство города выступает в виде сформированной символической конструкции по типу текста. Семиотическое пространство, или семиосфера, согласно Ю.М. Лотману, заполнено языками, понимаемыми тоже семиотически. Контекстуально пространство вписано в культуру города и от самого наличия семиосферы зависит коммуникация [14. С. 251–252]. Политическое конструирование как действие производится с помощью символического моделирования, когда символический ряд модели воспроизводится в ментальной конструкции «город», но «конструктором» совсем не обязательно является городская власть. Потому модернистский постулат о «революционном творчестве классов», занимающий важное место в концепции А. Лефевра, мы замещаем постмодернистской по духу идеей *конструктивного творчества горожан*, способного на символический креатив в отношении города (создание ценностей, образа/имиджа/бренда, идентичности). Эта символически-проективная деятельность, создание конструкции «мыслимого» города, сущностно зависит от социальной коммуникации.

Итак, конституирующая роль семиотического пространства в отношении социальной жизни репрезентируется с помощью творческого действия моделирования. В результате складывается *новая коммуникативная практика*, не ориентированная на капиталистические ценности традиционного маркетинга, представленные официальной властью, о чем речь шла выше. По сути, в ситуации, если выявилась несостоятельность института власти в отношении производства смыслов, появляется новая ветвь символической власти, которую, по Бурдьё, можно идентифицировать как власть политическую [15]. И в случае, когда различные ветви символической власти в городе начинают претендовать на «миротворение», тогда-то и реализуется «право на город» в символическо-пространственной сфере. Теперь развернем выдвинутый тезис и дадим ему более подробное теоретическое обоснование.

Согласно теории политического конструирования реальности, возникает новое пространственное воплощение города, *не относящееся к повседневному миру, но увязанное с ним в смысловое единство*. Другими словами, конституируется отличная от офици-

альной картины мира область значений, и ее онтологический статус связан с востребованностью именно смыслового мира и необходимостью поддержания культурно-языкового развития на уровне города. Это способствует выстраиванию семиосферы, являющейся не только результатом, но и условием культурной жизнедеятельности, вот почему семиотическое пространство предпослано коммуникации как символическому обмену [14. С. 250]. Новый язык или код, на котором «проговаривается» идея «права на город», с точки зрения феноменологии, появляется лишь при формировании установки, выраженной в сосредоточении внимания на предмете. С позиции же актуализации самой концепции «права на город», происходит проблематизация предмета и, согласно особенностям современной сетевой коммуникации, начинается обсуждение актуализированного предмета, превращающегося в «тему». Возникает эффект «медиа», понимаемого в широком смысле посредничества как такового, что дает возможность переживать опыт проблематизации совместно с другими. Это коммуникативное пребывание в медийном пространстве, в свою очередь, сообщает знание и уверенность в «реальности» нового смыслового мира. Конечно, речь идет лишь о расширении субъективного, феноменов жизненного мира человека, существующих в виде ментальных образов, выстроенных согласно конструктивной (создающей смысл) символической модели.

Сегодня каждый человек, посылающий сообщения в сетевой коммуникации, сам становится медиа, а совокупность людей, обсуждающих одну тему, уже способна создать своего рода медиареальность. И если медиареальность конституируется и обретает смысловую структуру, то она становится «призмой», сквозь которую отдельный человек воспринимает медиаобразы. Тем самым в сети люди одновременно и конструируют «мыслимый» город и тут же интернализируют его образ-конструкцию. Все представленные к восприятию медиаобразы и медиатексты являются собой феномены креативного сознания, состоящие из *интерактивно сформированных субъективных фактов-конструктов*. И если этот образный комплекс получает название, перед нами уже результат действия символической власти, «сотворившей» новый мир. В контексте концепта политического конструирования реальности конструктором выступает политическая власть в широкой трактовке термина «власть». М. Фуко, в данной связи, понимал под властью воздействие любых дискурсов, производящих истину [16. С. 283, 286].

Представляется необходимым более подробно прояснить наше понимание власти по М. Фуко. Обычно под властью в обществе подразумеваются отношения господства, эту трактовку задал еще М. Вебер в четвертом томе «Хозяйства и общества». В концепте господства на первое место выходит институциональный и структурный взгляд, т.е. власть отождествляется с государством и его органами. В плане же организатора властного отношения как реализованной «возможности» выступает господствующая и легитимная официальная власть. Официальная

политическая власть при этом формирует большие дискурсивные стратегии и с помощью политической коммуникации навязывает их обществу. Однако М. Фуко определял власть во внеинституциональных и внеструктурных категориях, таких как «силы», «дискурс» и «тактики». В установленном социальном пространстве возникает множество точек силы и потому отсутствует центр власти, но в данных точках осуществляется малое силовое тактическое давление. Перед нами силы одновременно и власти, и знания. Таким образом, сформированное властное отношение в обществе не одно, а их множество и они реализуются как «микросражения». Государство же, согласно Фуко, опирается и должно опираться на эти малые тактики [16. С. 289–290].

Итак, политическая власть, согласно нашему пониманию, это любая (не обязательно официальная) власть, конструирующая субъективную реальность, номинирующая ее и репрезентирующая в качестве смыслового мира. Тем более, что сегодня все официальные власти подвержены феномену деконструкции в том смысле, что они либо добровольно отказываются от преимуществ именно символической власти, либо смысл их репрезентаций не получает коммуникативной поддержки. То есть официальная власть не производит смыслы, и властный дискурс как социально-коммуникативная практика ограничен позиционированием институционального статуса. И здесь во многом виноваты традиционные массмедиа, которые выступают своего рода «антимедиатором». По мнению Ж. Бодрийера, в такой «не-коммуникации» не происходит «обмена», если под коммуникацией понимать простой однонаправленный процесс передачи и приема информации. Другими словами, медиа блокируют обратную связь и, тем самым, порождают лишь симуляцию ответа. В итоге «речь» власти формируется таким образом, чтобы на нее как раз не был получен ответ [17. С. 238]. Официальная символическая власть и сегодня все еще тяготеет к приемам «старых медиа», пытаясь аналогично односторонне использовать и сетевую коммуникацию. Неудивительно, что именно значащей политической коммуникации и не получается, поскольку «пустая речь» власти не трансформируется во властный дискурс. Тогда «конструктивными», организующими смыслонесущую коммуникацию, часто выступают неофициальные ветви символической власти. В нашем случае *подлинно конструктивная власть производит конкретный концепт «право на город».*

Конструктивная ветвь символической власти по своему предназначению по-прежнему осуществляет легитимацию порядка или мироустройства. Политическая легитимация в виде символического процесса существует исключительно в коммуникативной форме и выражается в конструировании новых значений, согласно которым интегрируются уже имеющиеся институциональные значения. В любом случае политически конституированные смыслы объективно и медийно доступны лишь в новых коммуникативных социальных практиках, где сохраняются функции объяснения и обязательны когнитивный аспект обоснования

концепта. При этом «правильное прочтение» посланий конструктивной власти также зависит от наличия интерпретативной схемы, которую сама власть обычно и предлагает. Парадоксальность эффекта конструктивисткой деятельности любой ветви символической власти состоит в том, что мир медиаобразов выступает объективной реальностью для того, кто его воспринимает. В ходе самоорганизованной коммуникации индивид получает конкретный символический «материал» для самоконструирования интернализированного городского мира как значимой реальности и такую смысловую идентификацию, которую он может совместить с индивидуальной идентичностью. И, согласно семиотической трактовке политической коммуникации, подобное означивание происходит только в результате интернализации определенного языка и выстраивания особого нарратива. Эффективная политическая власть способна создавать целые медианарративы, чтобы в результате успешной политической коммуникации начало работать воображение некоей «общественности». И здесь активная «общественность» заменяет общество, а ее, в свою очередь, представляют и составляют различные «публики» [18. С. 259].

Публика сегодня – это совокупность тех, кто принимает участие в обсуждении в различных сетевых «узлах», группы медиаактивистов, создающие новые аудитории для тем. Политическая коммуникация в сети, в ходе которой поддерживаются медиафеномены, очевидно, утратила однонаправленный характер. «Пользователь» не просто выбирает текст, достойный «прочтения», но становится соавтором [19. С. 155]. Потому общение сегодня не равнозначно тому, что послано кем-то, а зависит от того, что отображено на стороне приема. Власть и влияние в сетевом пространстве сосредотачивается не «наверху» управляющей институциональной иерархии, а в звене сетевого отбора, поскольку «послание» и есть актуализированная информация [20. С. 98]. И если обсуждение идеи «права на город» актуализировалось, оно, по сути, аналогично обсуждению «некоммерческого» бренда в сети. Тем самым политический брендинг, осуществленный сегодня действующей символической властью посредством массмедиа, во многом состоит в присвоении темы.

Таким образом, конструктивная политическая власть, стремящаяся создать постпандемийный смысловой универсум, должна символически и коммуникативно оформить такое городское пространство, которое, в свою очередь, способно конституировать социальный порядок, включающий неотъемлемое «право на город». И в этом будет состоять подлинное политическое участие горожан в новом мироустройстве, не замкнутом исключительно на капиталистических ценностях, игнорирующих социальную справедливость.

Гегель, уделивший огромное внимание государству как воплощению *абсолютной идеи*, высказал при этом удивительно актуально звучащую мысль в отношении города: «Чувство своей значимости теснейшим образом связано с требованием правопорядка. Поэтому сознание свободы и порядка возникло главным образом в городах» [21. С. 243].

Список источников

1. Бауман З. Социологическая теория постсовременности // Социологические очерки. Ежегодник. Вып. 1. М. : Институт молодежи, 1991. С. 28–48.
2. Magnusson W. The symbiosis of the urban and the political // International Journal of Urban and Regional Research. 2014. Vol. 38.5. P. 1561–1575.
3. Aisenschitz A. Place branding and the neoliberal class settlement // A Research Agenda for Place Branding / ed. by D. Medway, G. Warnaby, J. Byron. Cheltenham, 2021. P. 19–32.
4. Hunter S. City as a political idea: An interview with Krzysztof Nawratek // The New Metropolitan. URL: <http://www.newmetropolitan.hss.ed.ac.uk/2015/02/19/899/> (дата обращения: 14.08.2021).
5. Florida R. Where do College Grads Live? The Top and Bottom US Cities // CityLab – Bloomberg. 23 August 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-23/ranking-america-s-most-educated-cities>
6. Лэндри Ч. Креативный город. М. : Классика-XXI, 2011. 399 с.
7. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2011. 432 с.
8. Komninos N. The age of intelligent cities: smart environments and innovation-for-all strategies. London ; New York : Routledge, 2015. 278 p.
9. Pieters Y.N. Digital Capitalism and Development: the Unbearable Lightness of ICT4D // Incommunicado reader / ed. by G. Lovink, S. Sehle. Amsterdam : Institute of Network Cultures, 2005. P. 11–29.
10. Shaw J., Graham M. An Informational Right to the City? Code, Content, Control and the Urbanization of Information // Antipode. 2017. Vol. 49, is. 4. P. 907–927. doi: 10.1111/anti.12312
11. Google строит города: высотки из дерева, умное ЖКХ и подогрев асфальта // Ведомости. URL: <https://kp.vedomosti.ru/technopark/article/2019/10/24/814619-vzyatsya-za-um> (дата обращения: 07.12.2021).
12. Социально-умные устойчивые города. Женева : Организация Объединенных Наций, 2020. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-04/ECE_INF_2020_3_RUS.pdf
13. Паченков О. «Право на город»: Калейдоскоп подходов в (пост)марксистской традиции. URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/REPUBLICA/Pravo_na_gorod_Pachenkov_13.02.pdf (дата обращения: 27.11.2021).
14. Лотман Ю.М. Семиотическое пространство // Лотман Ю.М. Семiosфера. СПб. : Искусство-СПб, 2001. С. 250–256.
15. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. 1993. Вып. 2. URL: https://igiti.hse.ru/data/157/314/1234/2_2_3Bourd.pdf (дата обращения: 30.11.2021).
16. Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Praxis, 2002. С. 278–302.
17. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М. : Академический проект, 2007. 335 с.
18. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М. : Институт психологии РАН; КСП+, 1998. С. 255–408.
19. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
20. Больц Н. Азбука медиа. М. : Европа, 2011. 136 с.
21. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.

References

1. Bauman Z. Sociologicheskaya teoriya postsovremennosti // Sociologicheskies ocherki. Ezhegodnik. Vyp. 1. M. : Institut molodezhi, 1991. S. 28–48. Magnusson W. The symbiosis of the urban and the political // International Journal of Urban and Regional Research. 2014. Vol. 38.5. P. 1561–1575.
2. Aisenschitz A. Place branding and the neoliberal class settlement // A Research Agenda for Place Branding / Ed. by D. Medway, G. Warnaby, J. Byron. Cheltenham, 2021. P. 19–32.
3. Hunter S. City as a political idea: An interview with Krzysztof Nawratek // The New Metropolitan. URL: <http://www.newmetropolitan.hss.ed.ac.uk/2015/02/19/899/> (дата обращения 14.08.2021).
4. Florida R. Where do College Grads Live? The Top and Bottom US Cities // CityLab – Bloomberg. 23 August 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-23/ranking-america-s-most-educated-cities>
5. Lendri Ch. Kreativnyy gorod. M. : Izdatelskiy dom «Klassika-XXI», 2011. 399 s.
6. Florida R. Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee. M. : Izdatelskiy dom «Klassika-XXI», 2011. 432 s.
7. Komninos N. The age of intelligent cities: smart environments and innovation-for-all strategies. London & New York : Routledge, 2015. 278 p.
8. Pieters Y.N. Digital Capitalism and Development: the Unbearable Lightness of ICT4D // Incommunicado reader / Ed. by G. Lovink, S. Sehle. Amsterdam : Institute of Network Cultures, 2005. P. 11–29.
9. Shaw J., Graham M. An Informational Right to the City? Code, Content, Control and the Urbanization of Information // Antipode. 2017. Vol. 49, Is. 4. P. 907–927. DOI: 10.1111/anti.12312
10. Google stroit goroda: vysotki iz dereva, umnoe ZhKH i podogrev asfalta // Vedomosti. URL: <https://kp.vedomosti.ru/technopark/article/2019/10/24/814619-vzyatsya-za-um> (data obrashcheniya 07.12.2021).
11. Socialno-umnye ustoychivye goroda. Zheneva : Organizaciya Obedinennyh Nacyi, 2020. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-04/ECE_INF_2020_3_RUS.pdf
12. Pachenkov O. «Pravo na gorod»: Kaleydoskop podhodov v (post)marksistskoy tradicii. URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/REPUBLICA/Pravo_na_gorod_Pachenkov_13.02.pdf (data obrashcheniya 27.11.2021).
13. Lotman Yu.M. Semioticheskoe prostranstvo // Lotman Yu.M. Semiosfera. SPb : «Iskusstvo SPB», 2001. S. 250–256.
14. Burde P. Socialnoe prostranstvo i simvolicheskaya vlast // THESIS. 1993. Vyp. 2. URL: https://igiti.hse.ru/data/157/314/1234/2_2_3Bourd.pdf (data obrashcheniya 30.11.2021).
15. Fuko M. Vlast i znanie // Fuko M. Intellektualy i vlast: Izbrannye politicheskie stati, vystupleniya i intervyyu. M. : Praxis, 2002. S. 278–302.
16. Bodriyyar Zh. K kritike politicheskoy ekonomii znaka. M. : Akademicheskii proekt, 2007. 335 s.
17. Tard G. Mnenie i tolpa // Psihologiya tolp. M. : Institut psihologii RAN, Izdatelstvo «KSP », 1998. S. 255–408.
18. Kastels M. Vlast kommunikacii. M. : Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2016. 564 s.
19. Bolc N. Azbuka media. M. : Izdatelstvo «Evropa», 2011. 136 s.
20. Gegel G.V.F. Filosofiya prava. M. : Izd-vo «Mysl», 1990. 524 s.

Информация об авторах:

Щербинин А.И. – д-р полит. наук, зав. кафедрой политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shai52@mail.ru

Щербинина Н.Г. – д-р полит. наук, профессор кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shcherbinin A.I., Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shai52@mail.ru

Shcherbinina N.G., Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94 (430) + 93 (5-012)
doi: 10.17223/15617793/474/20

Проблема ближневосточного урегулирования в политике ведущих стран – членов Европейского союза в контексте иракского и ливанского кризисов (2003–2008 гг.)

Альберт Константинович Дудайти

Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, adudaiti@mail.ru

Аннотация. Рассматривается ближневосточная политика ведущих западноевропейских стран – членов ЕС после войны в Ираке и в период ливанского кризиса. Анализируется позиция этих стран во Второй ливанской войне, выявлены разногласия между Францией и США в вопросах выхода из ливанского кризиса. Особое внимание уделено деятельности западноевропейской дипломатии, направленной на возобновление переговорного процесса между Израилем и Палестинской автономией с целью достижения ими взаимовыгодного, всеобъемлющего соглашения и установления прочного мира на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: ЕС, США, Ближний Восток, иракский кризис, «квартет», «Дорожная карта», ливанский кризис, палестино-израильский конфликт, переговорный процесс, стагнация

Для цитирования: Дудайти А.К. Проблема ближневосточного урегулирования в политике ведущих стран – членов Европейского союза в контексте иракского и ливанского кризисов (2003–2008 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 178–186. doi: 10.17223/15617793/474/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/20

The problem of middle East settlement in the policy of the leading member States of the European Union in the context of the Iraq and Lebanon crisis (2003–2008)

Albert K. Dudaiti

North-Ossetian state University named after C.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation, adudaiti@mail.ru

Abstract. The article analyzes the middle East policy of the leading EU member States in the period of the Iraqi and Lebanese crisis. It is noted that the war in Iraq caused disagreements between France and Germany and the United States, but in General it did not affect the high level of relations between these countries. The Iraqi crisis has contributed to increased tensions in the middle East. In order to resume Palestinian-Israeli negotiations, a Quartet of international mediators (the United States, the UN, the EU and Russia) was created, which put forward a "Road map" for settlement. But soon there were differences in the "Quartet" on its separate points. They have increased because of the actions of Israel on the implementation of the plan "unilateral disengagement".

During the war in Lebanon, EU member States called for the introduction of UN peacekeepers into the country. The us authorities did not agree with this and proposed to introduce a NATO peacekeeping contingent in Lebanon. In turn, France did not support the American plan, considering it unproductive. During the Lebanese crisis revealed differences between France and the United States, preserved since the beginning of the war in Iraq.

Within the framework of the EU middle East strategy, the principles of European policy were developed, among which priority was given to assistance in the establishment of a Palestinian state and assistance to Palestinians in the transition period. The EU launched a plan for the reconstruction and development of the Palestinian state "the future for Palestine", which provides financial assistance to the Palestinian government, educational and educational measures for Palestinian youth, psychological assistance to victims of the second Palestinian intifada, etc.

After the victory of the us administration in the presidential elections, the new administration appealed to the conflicting parties to resume the negotiations. New moments in the us approach to the middle East settlement were met with approval in the European Union. Aware at the same time that the initiative right to a middle East settlement still belongs to the United States, the leading EU member States had difficulty in putting forward their settlement plan, so they were limited to supporting the American program.

After the terrorist attacks of September 11, 2001 in New York and Washington, the influence of political Islam in the Arab world increased markedly, to which the us authorities did not react properly. On the contrary, they sought to thoroughly reconstruct the "Greater middle East" on the basis of Western democracy. The complex and contradictory nature of the processes developing in Iraq and Afghanistan, as well as the threat of US military force against Iran, tes-

tified to this. In this difficult situation, issues related to the promotion of the middle East peace process have become even more urgent. The article concludes that the Quartet of international mediators should have made efforts to reach a comprehensive agreement as soon as possible, opening the way to peace in the middle East.

Keywords: EU, USA, middle East, Iraq crisis, Quartet, Road map, Lebanese crisis, Palestinian-Israeli conflict, negotiation process, stagnation

For citation: Dudaiti, A.K. (2022) The problem of middle East settlement in the policy of the leading member States of the European Union in the context of the Iraq and Lebanon crisis (2003–2008). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 178–186. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/20

В начале XXI в. в регионе Ближнего Востока, перманентно пребывающего в состоянии политической нестабильности, резко осложнилась ситуация по причине обострившегося кризиса в зоне Персидского залива, связанного с Ираком. Тревожные события в этой стране, чреватые крайне негативными последствиями для международной и региональной безопасности, приковали внимание общественности многих стран мира. Сложная ситуация в ближневосточном регионе в связи с иракским кризисом наглядно продемонстрировала всему миру грубое нарушение международного права, кризис ООН и других международных институтов, всей системы международной безопасности. В результате одностороннего (в обход ООН) применения США и Великобританией военной силы против Ирака был свергнут режим С. Хусейна, однако установить мир в этой стране не удалось. Напротив, произошла серьезная дестабилизация обстановки как в зоне Персидского залива, так и в регионе Ближнего Востока в целом.

В период иракского кризиса выявилась неоднозначная позиция арабских стран, Европейского союза, России и США. Вторжение сухопутных сил США и Великобритании на иракскую территорию было осуждено со стороны России. Иракские события привели к серьезным разногласиям между некоторыми странами – членами ЕС (Франция, Германия) и США [1. С. 91–92]. Из 15 стран – членов Европейского союза только 6 стран (Великобритания, Италия, Нидерланды, Испания, Дания и Португалия) согласились принять участие в антииракской коалиции. С одной стороны, это говорило об отсутствии в Евросоюзе единой позиции в период иракского кризиса, а с другой – свидетельствовало о похолодании в отношениях отдельных его членов с США [2. С. 59].

Администрация США, серьезно подорвавшая своими односторонними действиями против Ирака авторитет ООН, после завершения военной операции решила обратиться к этому международному институту, чтобы легитимировать свержение режима С. Хусейна, а также привлечь ведущие страны к послевоенному восстановлению этой страны. Параллельно были приняты меры для преодоления трений с Россией, Францией и Германией в методах решения иракской проблемы. Руководители этих стран выступили в феврале 2003 г. с совместным заявлением и призвали Совет Безопасности ООН ускорить разоружение Ирака в соответствии с резолюцией № 687. При этом они подчеркнули, что проблему Ирака необходимо решать исключительно дипломатическими средствами [3]. В Москве последовательно выступали против силовых

методов решения иракской проблемы; в то же время власти Франции и Германии под давлением заокеанского союзника все больше склонялись к признанию «свершившихся фактов» в этой стране [3. С. 59–60].

В рассматриваемый период в Европейском союзе придавалось особое значение деятельности ООН в послевоенном восстановлении Ирака: об этом, в частности, было заявлено на саммите ЕС в Афинах в апреле 2003 г. [4]. В соответствии с решениями Мадридской международной конференции доноров Ирака (октябрь 2003 г.), в работе которой принимали участие делегации стран – членов Евросоюза, до конца 2007 г. предполагалось выделить Ираку в общей сложности 33 млрд долл. для налаживания государственной системы и реконструкции экономики страны. Из этой суммы 835 млн долл. согласилась предоставить Великобритания и 1,5 млрд долл. – другие страны – члены ЕС, за исключением Франции и Германии. Последние отказались от финансовой помощи Ираку, обосновывая это тем, что в Ираке, на их взгляд, отсутствовала легитимная власть [5]. Тем самым в Париже и Берлине пытались сохранить собственное видение выхода из иракского кризиса, не совпадающее с мнением американского союзника. Но в целом, как показало дальнейшее развитие событий, эта позиция не отразилась на высоком уровне отношений Франции и Германии с США: стороны по-прежнему являлись крупнейшими торгово-экономическими и финансовыми партнерами на Западе.

Центростремительные тенденции в Европейском союзе и союзнические отношения стран – членов этой организации с США в рамках атлантического альянса были гораздо сильнее, чем возникающие порой трения между ними. Из этого не следовало, что в ЕС была выработана единая оборонная и внешняя политика, устраивающая всех членов данной организации, а также США, несущих ответственность за безопасность в Западной Европе. Очевидно, эти тенденции усиливали надежды руководителей Евросоюза на укрепление военно-политических интеграционных связей, подтверждали необходимость дальнейшего продвижения в этом направлении и координации своих внешнеполитических действий с американским союзником. Иракские события показали, что в своем большинстве страны – члены ЕС выступали за развитие тесных связей с США и в этих условиях мало было надежд, что идея создания единой Европы, выдвинутая Францией, одержит верх над американским проектом трансатлантического блока. В период усиления кризиса вокруг Ирака ось Париж–Берлин–Москва в целом доказала свою эффективность, но она не смогла предложить программу продвижения мир-

ного процесса на Ближнем Востоке. В таких условиях нетрудно было предположить, что США приложат усилия, чтобы разрушить эту ось и изолировать Францию в Европейском союзе [3. С. 60].

Результатом войны в Ираке стала полная дезинтеграция страны: там заметно обострились проблемы как в межэтническом взаимодействии (курды на севере страны), так и в межконфессиональной сфере (шииты на юге Ирака). Эта война привела к активизации террористической деятельности разных радикальных и экстремистских группировок в Ираке и за его пределами: их лидеры обвиняли США и Израиль в заговоре против арабских народов и при этом подчеркивали свое неприятие права еврейского государства на существование. Военная интервенция в Ираке привела к новому витку напряженности между Палестинской автономией и Израилем, что, по существу, сводило на нет усилия по продвижению мирного процесса в регионе. Интифада Аль-Акса показала, что палестинский фактор чреват не только усилением радикальных форм сопротивления, но и грозит возобновлением военной конфронтации между арабскими странами и Израилем. Чтобы избежать развития событий в таком опасном направлении, по инициативе Евросоюза был сформирован четырехсторонний институт международных посредников по мирному урегулированию в составе США, ООН, ЕС и России («квартет») [6]. При этом последние участие в институте связывали с надеждами на усиление своей роли в ближневосточном мирном процессе: деятельность в рамках «квартета» давала шанс воспрепятствовать его развитию исключительно по американо-израильскому сценарию, приносила козыри в диалоге с арабами, для которых палестинская проблема всегда являлась объединяющим фактором.

После оформления международно-правового статуса «квартета» в резолюции №1397 Совета безопасности ООН началась его посредническая деятельность с целью возобновления палестино-израильского переговорного процесса. В феврале–марте 2003 г. по инициативе администрации США был подготовлен пакет предложений по урегулированию конфликтного противостояния между палестинцами и израильянами, получивший название «Дорожная карта». Процесс урегулирования должен был пройти три основных этапа, после чего предполагалось провозглашение нового Палестинского государства. В ходе первого этапа следовало прекратить насилие со стороны палестинцев, реформировать их политические институты, ликвидировать еврейские поселения на оккупированных территориях, созданные весной 2001 г., а также добиться постепенного ухода Израиля с этих территорий в рамках согласованных мер доверия. На втором этапе планировались прямые палестино-израильские переговоры в рамках созданной «квартетом» международной конференции с целью согласования сторонами комплекса мер по созданию Палестинского государства. В ходе третьего этапа предполагалось завершить освобождение Израилем всех оккупированных арабских территорий, а также созвать вторую международную конференцию с целью

заключения всеобъемлющего мирного соглашения и утверждения границ Палестинского государства. Наконец, была предусмотрена полная и окончательная нормализация отношений между Израилем и странами – членами Лиги арабских государств (ЛАГ) [7].

В Израиле и Палестинской автономии давались противоречивые оценки положениям «Дорожной карты»; кроме того, в ходе их разработки выявились разногласия между самими членами «квартета». Первое разногласие обнаружилось уже после заявления администрации Дж. Буша, что США не будут возражать по поводу создания палестинцами своего государства, если они выдвинут новых руководителей, а также будут созданы новые палестинские институты власти, способные предложить конкретные меры по организации безопасности с соседними государствами. По сути, это означало неприятие Белым домом Я. Арафата как руководителя Палестинской автономии и участника будущего переговорного процесса. Между тем другие члены «квартета» – Россия, Евросоюз и ООН – признавали Я. Арафата законно избранным руководителем Палестинской автономии и считали, что только палестинский народ вправе выбирать себе руководителей. Разногласия между членами «квартета» касались также полномочий этого института в вопросах контроля за соблюдением условий достигнутых договоренностей. В руководстве Евросоюза считали, что роль США как ведущего посредника в мирном урегулировании конфликта должна быть активизирована. Наконец, в «квартете» отсутствовала единая позиция в вопросе еврейских поселений: так, американская администрация считала, что их нужно строить до тех пор, пока палестинцы не откажутся от насилия и террористических актов; в то же время в Европейском союзе присутствовало единое мнение, что необходимо прекратить строительство новых поселений на оккупированных территориях. В конечном счете администрация Палестинской автономии приняла положения «Дорожной карты» без каких-либо изъятий, а руководство Израиля, согласившись взять их за основу в своей политике, в то же время заявило, что сохраняет претензии по отдельным пунктам этого документа [8. С. 597].

В январе 2003 г. прошли выборы в Кнессет Израиля, ставшие своего рода плебисцитом по политике премьер-министра А. Шарона. Он был вынужден принять участие в избирательной кампании в тяжелых условиях, когда проводились карательные операции против палестинских боевиков. Как показали итоги выборов, в израильском обществе не оказалось достойной замены часто критикуемому, но, тем не менее, твердому и решительному политику А. Шарону: никто из оппонентов не смог бросить ему вызов, предложив собственный вариант решения палестинской проблемы [8. С. 591–592]. В марте 2003 г. подразделения ЦАХАЛ были введены в Газу, чтобы нейтрализовать диверсии, проводимые палестинскими радикальными группировками, а также перекрыть каналы, по которым велась контрабанда оружием и наркотиками на приграничной территории между Газой и Египтом. Масштабная зачистка в секторе Газа

вызвала критику в Евросоюзе, но израильские власти привели доказательства того, что финансовая помощь из Европы часто используется в Палестинской автономии для создания ТВ-программ, разжигающих ненависть к Израилю. Кроме того, эти средства попадают в руки лидеров террористических группировок ХАМАС, действующих против еврейского государства. Исходя из этих сведений, руководство ЕС приняло решение заблокировать счета ХАМАС в европейских банках; это стало тяжелым ударом для палестинской администрации, так как Евросоюз являлся одним из основных спонсоров Палестинской автономии с суммой 378 млн евро [9. S. 271]. Параллельно в Брюсселе рассматривалась возможность расширения ассоциативного соглашения с Израилем (оно было подписано в ноябре 1995 г. и ратифицировано парламентами 15 стран – членов ЕС и Кнессетом Израиля в июне 2000 г.). В этот период в политических кругах Западной Европы живо обсуждалась тема вступления Израиля в Евросоюз: о желании своей страны стать полноправным членом этой организации сообщил глава МИД Израиля С. Шалом в ходе переговоров с членами делегации ЕС в Тель-Авиве в мае 2003 г.) [10].

В начале сентября 2003 г. посетивший с визитом Дамаск Верховный представитель Европейского союза по внешней политике и безопасности Х. Солана обратился с призывом к правительству Израиля и руководству Палестинской автономии возобновить мирный переговорный процесс. Он подчеркнул, что единственным путем к созданию палестинского государства является реализация положений «Дорожной карты». Обращаясь к руководителю Палестинской автономии Я. Арафату и премьер-министру М. Аббасу, европейский дипломат отметил, что необходимо решить все проблемы, связанные с борьбой за власть: осуществлять контроль над силами безопасности автономии должен один руководитель, указал он [11].

Сложная ситуация, сложившаяся на палестино-израильской границе, стала предметом подробного обсуждения на встрече глав МИД стран – членов Евросоюза в ирландском городе Тулламор в апреле 2004 г. Участники этой встречи выразили общее мнение по поводу границ будущего Палестинского государства: так, было заявлено, что они должны проходить по линии границы, существующей с июньской войны 1967 г. По мнению западноевропейских дипломатов, какие-либо изменения границ должны обсуждаться между палестинцами и израильтянами и в случае возникновения претензий быть компенсированы, в том числе за счет обмена территориями [12].

В июне 2004 г. началась реализация плана, разработанного А. Шароном и предусматривающего «одностороннее размежевание» с палестинцами. По этому плану следовало ликвидировать в секторе Газа все еврейские поселения, а также начать строительство «разделительной стены» протяженностью 790 км. Этот проект следовало реализовать исходя из интересов безопасности Израиля и, кроме того, необходимо было снизить зависимость страны от палестинской рабочей силы и привлечь рабочих из других регионов.

В стратегическом плане «разделительная стена» создавала новые реалии на палестинских территориях: прежде всего, они позволяли навязать палестинцам устраивающие Израиль условия урегулирования. В частности, по плану «одностороннего размежевания» предполагалась аннексия части земель Западного берега Иордана (заградительная стена охватывала эту зону с отторжением от него 10–12% территорий) и предотвращение создания нового Палестинского государства. План А. Шарона немедленно был поддержан администрацией США и в то же время подвергся резкой критике со стороны администрации Палестинской автономии. В этой ситуации становилось очевидным, что достижение прочного мира в регионе по плану «одностороннего размежевания» не имеет перспективы и вряд ли он осуществится в будущем.

Односторонние действия правительства Израиля в рамках реализации плана «одностороннего размежевания» были с критикой встречены в Брюсселе. Там считали, что в результате них возникнут новые препятствия на пути палестино-израильского переговорного процесса. Выражая обеспокоенность по этому поводу, канцлер ФРГ Г. Шрёдер в ходе официальной встречи с премьер-министром Ливана Р. Харири в Берлине в апреле 2004 г. указал, что ООН должна активнее включиться в мирный переговорный процесс на основе «Дорожной карты». Канцлер подчеркнул, что готовность Израиля покинуть территорию Газы, но оставить часть своих поселений на Западном берегу Иордана следует рассматривать, как односторонний подход к решению проблемы. Он высказался в поддержку созыва саммита «ближневосточной четверки» в Берлине, чтобы выработать новый механизм для возобновления мирного процесса на основе «Дорожной карты». В свою очередь ливанский премьер считал необходимым подчеркнуть, что участие палестинцев в переговорах должно стать обязательным условием продвижения мирного процесса. Без справедливого решения палестинской проблемы нельзя достичь мира на Ближнем Востоке, заявил он [13].

На переговорах в Берлине обсуждалась также проблема вывода Израилем своих войск из всех арабских территорий, оккупированных в ходе июньской войны 1967 г. Среди них Р. Харири назвал важный в стратегическом отношении участок площадью около 22 км² на границе между Сирией и Ливаном – район Ферм Шебаа, занятый израильскими войсками во время оккупации Голанских высот Сирии. Дамаск, утративший контроль над этим участком, вынужден был признать его частью территории Ливана. В этих условиях вооруженные отряды движения «Хизбалла» получили хороший шанс, чтобы установить контроль над всей территорией южного Ливана. В сентябре 2004 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1559, предусматривающую вывод из Ливана всех иностранных войск, разоружение всех военизированных группировок и распространение контроля правительства и ливанской армии на всей территории страны [14]. В соответствии с этой резолюцией в апреле 2005 г. сирийские военные подразделения покинули территорию Ливана, однако вооруженные формирования «Хизбалла» отказались разоружаться.

После прихода к власти в Палестинской автономии ХАМАС в январе 2006 г. переговорный процесс между палестинцами и израильянами стал еще более проблемным. Сформированное в марте 2006 г. правительство Израиля во главе с Э. Ольмертом заявило, что решительно отказывается от любых контактов с этой организацией, поскольку она является террористической (после трагических событий 11 сентября 2001 г. ХАМАС был включен в список террористических организаций, составленный администрацией США). В сложившейся ситуации западноевропейские лидеры призвали стороны возобновить контакты, а комиссар ЕС по внешней политике Б. Ферреро-Вальднер подтвердила, что в Брюсселе готовы содействовать «оживлению» палестино-израильских переговоров [15]. Выражая обеспокоенность членов ЕС, что смена власти в Палестинской автономии помешает возобновлению переговорного процесса, руководитель МИД Германии Ф.-В. Штайнмайер призвал лидеров ХАМАС отказаться от насилия и признать право Израиля на существование [15]. В руководстве Евросоюза допускали возможность прекращения финансовой помощи Палестинской автономии, если ХАМАС не прекратит насилие, хотя достижение этой цели не могло стать единственной реакцией Брюсселя на изменившуюся расстановку сил в Палестинской автономии: в перспективе следовало искать пути для налаживания переговоров с лидерами ХАМАС, чтобы содействовать возобновлению мирного процесса. Кроме того, отказ от финансовой помощи автономии мог подтолкнуть палестинцев к сближению с иранскими фундаменталистами, что представлялось делом крайне опасным. Исходя из этого, в Евросоюзе возобладало мнение, что в целях урегулирования палестино-израильского конфликта необходимо оказать воздействие на обе стороны и заставить их сесть за стол переговоров [16. Р. 128–129].

Между тем перспектива палестино-израильского диалога стала еще более туманной из-за резкого усиления напряженности в регионе вследствие вооруженного инцидента, произошедшего 12 июня 2006 г. на границе Израиля с Ливаном. В этот день боевики «Хизбалла» осуществили нападение на израильский пограничный военный патруль, в ходе которого 8 человек были убиты, 3 ранены, а 2 военнослужащих оказались захваченными в плен. Это нападение было осуществлено с расчетом, что пленных солдат затем удастся обменять на бойцов «Хизбалла», содержащихся в израильских тюрьмах. В ответ вооруженные силы Израиля подвергли массированному артобстрелу южные территории Ливана; одновременно израильская авиация нанесла ракетно-бомбовые удары по международному аэропорту Бейрута и южным пригородам столицы. В свою очередь «Хизбалла» стал обстреливать ракетами северные приграничные районы Израиля.

В самый разгар боев, 26 июля в Риме состоялась международная конференция по урегулированию кризиса в Ливане, в которой приняли участие постоянные члены Совета Безопасности ООН (кроме Китая), ведущие страны – члены ЕС, а также несколько

ближневосточных государств (Ливан, Египет, Иордания и Саудовская Аравия). На конференции предполагалось обсудить согласованный между госсекретарем США К. Райс, главой МИД Израиля Ц. Ливни и премьер-министром Ливана Ф. Сильора план урегулирования конфликта. Он предусматривал разоружение вооруженных формирований «Хизбалла» и ввод в южные районы страны ливанских войск, а также иностранных миротворцев, желательнее под эгидой НАТО. В коммюнике, подписанном участниками конференции и озвученном министром иностранных дел Италии М. Д'Алема, содержался призыв к Израилю проявлять сдержанность и не наносить ущерб мирному ливанскому населению. В документе подчеркивалась необходимость уважения суверенитета и территориальной целостности Ливана под единой властью правительства этой страны в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН № 425, 1559, 1680, а также Таифскими (1989 г.) и Родосскими (1949 г.) соглашениями.

На конференции страны – члены Европейского союза вместе с Россией высказались за ввод в южный Ливан миротворческого контингента ООН [17]. Однако администрация США, неуверенная в возможности достижения прекращения огня без устранения главной причины конфликта – «Хизбалла», не согласилась с этим и предложила ввести в южные районы Ливана миротворческий контингент НАТО для разоружения и выдворения из этих территорий вооруженных формирований «Хизбалла». Хотя объективно реализация этого плана выглядела проблематичной, учитывая, что ближайший натовский союзник Соединенных Штатов Великобритания оказалась слишком сильно втянутой в сложные внутривнутриполитические процессы в Ираке и Афганистане. Такой результат стал логическим следствием амбивалентной позиции союзников в период афганского и иракского кризисов. Так, если в ходе планирования антитеррористической операции в Афганистане они настаивали на создании широкой международной коалиции для борьбы с угрозой, исходящей от исламских экстремистов, то в отношении Ирака стратегия США и Великобритании была уже иной: теперь их ничего не сдерживало, и они начали военные действия в Ираке самостоятельно, без какой-либо международной поддержки, что способствовало росту напряженности в регионе. Другой натовский союзник США – Германия, избегая любой вовлеченности в процесс урегулирования конфликта в условиях непримиримости сторон, предпочитала, чтобы инициативная роль в ближневосточных акциях Евросоюза принадлежала кому-нибудь из ее партнеров, например Франции.

В Париже не поддержали американский план ввода натовских миротворцев в Южный Ливан: там считали эту идею непродуктивной, поскольку в этом регионе их воспринимали «вооруженным формированием Запада». Французское руководство было убеждено, что размещению миротворцев в конфликтной зоне и переговорам по мирному урегулированию должно предшествовать прекращение огня. На международной конференции в Риме после продолжительных

дебатов было принято предложение Франции о размещении миротворческих сил в южном Ливане под эгидой ООН; участники конференции согласились также продлить статус временных сил в Ливане (UNIFEL), находящихся здесь в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 425 от 19 марта 1978 г. После ливанского кризиса полномочия миротворческих сил были расширены: теперь военнослужащие UNIFEL могли задерживать вооруженных боевиков «Хизбалла», если они подозревались в террористической деятельности или же представляли угрозу миротворцам.

В целом, в вопросах выхода из ливанского кризиса вновь выявились разногласия между Францией и США, сохранившиеся еще с начала войны в Ираке. При этом важное место среди франко-американских разногласий занимала проблема обеспечения безопасности Израиля. В то время как Вашингтоне считали еврейское государство передовой линией обороны Запада от радикального ислама, возглавляемого режимом Ирана, руководство Франции крайне негативно отнеслось к вторжению израильских войск в Южный Ливан. Эту военную акцию в Париже охарактеризовали как необдуманный шаг, чреватый созданием Израилю новых проблем его безопасности. Кроме того, французские власти не скрывали опасения по поводу того, что интервенция в Ливане может способствовать усилению конфронтации между радикальным исламом и Западной Европой. И это в условиях, когда западноевропейцы всячески избегали конфронтации с исламским миром: значительный рост радикализма в исламских движениях, противостоящих военно-политическому и культурологическому наступлению с Запада, никоим образом не отвечал их национальным интересам. Террористические акты, совершенные в Париже и Мадриде различными группировками под лозунгом ислама, наглядно подтверждали, что достижение надежного и прочного мира на Ближнем Востоке должно принадлежать к числу не только внешне-, но и внутривосточных приоритетов стран – членов ЕС.

Ожесточенные военные действия между подразделениями ЦАХАЛ и формированиями «Хизбалла» продолжались почти месяц; они были остановлены только 12 августа, после принятия Советом Безопасности ООН резолюции № 1701 о прекращении огня. Проект документа был подготовлен совместно Францией и США и предполагал размещение в южном Ливане миротворческого контингента ООН в количестве 15 тыс. военнослужащих, ввод в буферную зону ливанских вооруженных сил и разоружение всех вооруженных формирований в стране в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1559 [18]. Таким образом, военное командование Израиля не смогло решить задачу ликвидации военной структуры «Хизбалла»: как показали военные действия, это движение, пользующееся поддержкой Ирана и Сирии, стало серьезной военной группировкой. Вооруженные отряды «Хизбалла» успешно противостояли превосходящим силам противника, который к тому же проиграл информационную войну.

Многочисленные жертвы среди мирного населения в результате военных действий в Ливане вызвали всплеск антиизраильских и антиамериканских настроений в регионе, что повысило политический рейтинг сил, тяготеющих к исламскому радикализму. В результате наблюдалось изменение баланса сил на Ближнем Востоке, причем не в пользу Израиля: прежде всего, возник неофициальный союз Сирии, Ирана, «Хизбалла» и группировки ХАМАС, что еще больше осложнило политическую обстановку в регионе. Одновременно, воспользовавшись усилением своего влияния в ливанском обществе, активисты «Хизбалла» организовали в декабре 2006 г. антиправительственные манифестации в Бейруте, стремясь добиться расширения своего представительства в законодательном и исполнительном органах власти, а в дальнейшем полностью взять в свои руки власть в стране. В этих условиях руководство ЕС выступило с заявлением, в котором осуждались действия «Хизбалла» и выражалась поддержка правительству Ф. Сийоры.

В январе 2007 г. по личной инициативе президента Франции Ж. Ширака состоялась международная конференция в Париже с участием более 30 стран-доноров, ЕС, ООН и Всемирного банка. Ее целью было обеспечение финансовой и политической стабильности в Ливане, чья экономика переживала глубокий кризис вследствие военных действий на его территории. Выразив поддержку ливанскому правительству, участники саммита приняли решение о выделении Ливану финансовой помощи в размере 7,6 млрд долл. Она распределялась следующим образом: Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития – соответственно 1 млрд и 1,25 млрд долл., Саудовская Аравия – 1,1 млрд долл., США – 770 млн долл., Франция – 650 млн долл. (плюс займы на выгодных для Ливана условиях), ЕС – 520 млн долл., Италия – 120 млн долл. [19].

В период ливанского кризиса заметно возросли антисемитские настроения среди общественности западноевропейских стран, включая те из них, которые несли ответственность как за судьбу палестинского, так и еврейского населения на своей территории. Прежде всего это касалось Германии, где быстрыми темпами росли мусульманские и еврейские общины. В то же время среди стран – членов ЕС не было единого мнения в вопросах, касающихся обеспечения безопасности еврейского государства. Так, руководство Германии не разделяло критического отношения Франции, Италии и Испании к ближневосточной политике Израиля и в частности его действий в отношении Ливана. Во время иракского кризиса Германия встала на сторону Франции, воспрепятствовавшей применению силы против режима С. Хусейна. Но после прихода к власти лидера Христианско-демократического союза А. Меркель (ноябрь 2005 г.) новое руководство страны, учитывая особые отношения между ХДС и Израилем, стало активнее, чем его предшественники, выступать за обеспечение надежного и безопасного существования еврейского государства. С этого времени консультации на высшем уровне, проводимые поочередно в столицах двух

стран, приобрели регулярный характер. В ходе них, а также во время поездок канцлера А. Меркель в Израиль (2006, 2007 гг.) неизменно подчеркивалась историческая ответственность Германии в обеспечении надежной безопасности еврейского государства [9. S. 254]. Но, затем ближневосточная политика Германии стала постепенно корректироваться в сторону придания ей большей сбалансированности в отношениях с израильтянами и палестинцами. Во время председательства Германии в Евросоюзе в 2007 г. важным внешнеполитическим приоритетом стало усиление европейского влияния на ближневосточный мирный процесс. В соответствии с общей стратегией стран – членов ЕС на Ближнем Востоке были выработаны основные направления их ближневосточной политики, получившие отражение в документе «Укрепление государственности для мира на Ближнем Востоке: стратегия действий ЕС». В нем были сформулированы такие принципы европейской политики в регионе, как содействие в создании палестинского государства и оказание помощи и поддержки палестинцам в переходный период [20].

В конце ноября 2007 г. в Аннаполисе (штат Мэриленд, США) по инициативе президента США Дж. Буша-младшего состоялась международная конференция по Ближнему Востоку, основная цель которой заключалась в том, чтобы дать импульс палестинско-израильскому переговорному процессу, прерванному в 2000 г. В работе форума приняли участие «квартет» международных посредников, руководители Израиля и Палестинской автономии, а также представители ряда других стран, заинтересованных в урегулировании палестинско-израильского конфликта, прежде всего арабских государств. Всего на этой конференции были представлены делегации из 49 стран, а также международных организаций, включая ООН, МВФ, МБРР. Израильский премьер-министр Э. Ольмерт и руководитель Палестинской автономии М. Аббас подтвердили решимость выполнять свои обязательства в рамках «Дорожной карты» и договорились вести двусторонние переговоры с целью заключения соглашения о создании Палестинского государства к концу 2008 г. [21]. Арабские делегации в целом поддержали принятые на конференции решения, хотя среди них имелись сомнения по поводу дальнейших перспектив палестинско-израильских переговоров. И действительно, после проведенных Израилем карательных операций в секторе Газа в декабре 2008 – январе 2009 г. переговорный процесс фактически оказался в тупиковой ситуации.

В январе 2008 г. по инициативе Германии в Евросоюзе был запущен план мирного восстановления и развития Палестинского государства «Будущее для Палестины». Он предусматривал оказание финансовой помощи правительству Палестины, реализацию образовательных и воспитательных мер среди палестинской молодежи, оказание психологической помощи пострадавшим во Второй палестинской интифаде, обучение палестинских силовых структур (полиции и погранслужбы), наконец, оказание помощи в перестройке государственных структур и реформиро-

вании государственных учреждений Палестины [22]. Этот проект обсуждался на Берлинской международной конференции по оказанию поддержки институтам гражданской безопасности и правосудия Палестинской автономии (июнь 2008 г.) и был одобрен его участниками. Была также подтверждена готовность раздела между ними ответственности за восстановление Палестины [23].

После победы Б. Абама на президентских выборах в США в ноябре 2008 г. новая администрация обратилась к палестинцам и израильтянам с призывом выполнить свои обязанности, установить взаимное доверие и приступить к возобновлению мирных переговоров. К этому времени в позиции Европейского союза по ближневосточному урегулированию появилось больше точек соприкосновения с Соединенными Штатами: при непосредственном участии заинтересованных сторон мирный процесс находился на новом перепутье, и соперничество ведущих держав на Ближнем Востоке также возросло. Новая администрация Белого дома придерживалась позиции, что «восстановление доверия» является ключевым шагом к решению проблемы ближневосточного урегулирования. При этом подчеркивалось, что только путем реализации плана «двух государств» возможно окончательное урегулирование палестинско-израильского конфликта. Для достижения этой цели конфликтующим сторонам необходимо было предпринять конкретные действия в соответствии с «Дорожной картой», чтобы возобновить мирные переговоры.

Новые моменты в подходе США к ближневосточному урегулированию были встречены в ЕС с одобрением: там отдавали себе отчет в том, что инициативное право по ближневосточному урегулированию по-прежнему принадлежит Вашингтону. В этих условиях Евросоюзу сложно было выдвинуть свой план урегулирования, поэтому он ограничивался поддержкой американской программы. Примечательно в этой связи, что Х. Солана в ходе своих поездок на Ближний Восток подчеркивал, что позиции США и Евросоюза в ближневосточном мирном процессе в общем являются схожими. Но в целом обстановка в регионе продолжала оставаться сложной. Действия радикальных и экстремистских группировок против Израиля, провоцирующие ответные карательные акции подразделений ЦАХАЛ на оккупированных территориях, усиливали взрывоопасную ситуацию в регионе. По существу, не было прогресса в таких важных вопросах урегулирования, как прекращение поселенческой деятельности на оккупированных территориях, признание Израилем «довоенных» границ 1949–1967 гг. исходной точкой для поиска компромисса, окончательное определение статуса Иерусалима, проблема палестинских беженцев.

После терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне влияние политического ислама в арабском мире заметно усилилось. Однако власти США не реагировали на это соответствующим образом: наоборот, они стремились основательно реконструировать «Большой Ближний Восток» на основе западной демократии. Сложный и противоречивый харак-

тер процессов, развивающихся в Ираке и Афганистане, а также угроза применения США и их натовскими союзниками военной силы против Ирана отчетливо свидетельствовали об этом. В этих условиях можно было предположить, что США по-прежнему будут пользоваться большим влиянием на Ближнем Востоке, хотя постепенно сила американского влияния должна была стать меньше вследствие естественных возможностей США, а также внешнеполитических решений Белого дома. Кроме того, в перспективе Соединенным Штатам предстояло противостоять политике других влиятельных внешних сил на Ближнем Востоке, в частности России, Китая, Европейского союза. Ведущие западноевропейские страны – члены ЕС вряд ли желали оставаться длительное время спонсорами Ирака. Им нужно было придерживаться другого, нежели США, подхода к решению палестинской проблемы и на этой основе попытаться отмежеваться от курса Вашингтона, направленного на прове-

дение «демократических» реформ в ближневосточных странах, со всеми негативными его последствиями.

Пока же Ближний Восток пребывал в состоянии «ни войны, ни мира». Такое положение полностью устраивало силы, незаинтересованные в продвижении ближневосточного мирного процесса. Одновременно было заметно оживление деятельности различных радикальных и экстремистских организаций на Ближнем Востоке, сопровождаемое усилением в регионе иранского влияния. В этой сложной ситуации вопросы, связанные с возобновлением палестино-израильского переговорного процесса, приобрели еще большую актуальность. Времени оставалось мало: «квартету» международных посредников следовало приложить максимум усилий для скорейшего достижения между конфликтующими сторонами взаимоприемлемого, всеобъемлющего соглашения, открывающего путь к прочному миру в этом взрывоопасном регионе земного шара.

Список источников

1. Дудайти А.К. От мирного процесса к войне с террором: ближневосточная политика Евросоюза в 1995–2003 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 87–95.
2. Дудайти А.К. Война в Ираке 2003 г. и позиция ведущих стран – членов Евросоюза // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. № 1 (222). С. 56–60.
3. Россия, Франция и Германия приняли заявление, посвященное разоружению Ирака. URL: <https://www.newsru.com/world/10feb2003/zayavl.html> (дата обращения: 28.01.2019).
4. Челлини К. Афинский саммит ЕС 16–17 апреля 2003 г. // Журнальный зал: Вестник Европы. 2003. № 9. URL: <http://www.zh-zal.ru/vesnik/2003/9/summit.html> (дата обращения: 30.01.2019).
5. Носов М. ЕС и регион Ближнего, Среднего Востока. URL: <http://www.ierras.ru/pub/nosov/bcb.pdf> (дата обращения: 31.01.2019).
6. Letter dated 10 April 2002 from the Secretary-General addressed to the President of the Security Council. URL: <https://unispal.un.org/unispal.nsf> (дата обращения: 1.02.2019).
7. Mandel D. Four-Part Disharmony: The Quartet Maps Peace. URL: <https://www.meforum.org/556/four-part-disharmony-the-quartet-maps-peace> (дата обращения: 2.02.2019).
8. Штереншис М. Израиль. История государства. 3-е изд., доп. и пер. Герцлия : ISRADON, 2009. 704 с.
9. Colschen L. Deutsche Außenpolitik. Stuttgart : Wilhelm Fink & Co., 2010. 461 S.
10. Капитонов К.А. Израиль и Евросоюз. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4496> (дата обращения: 3.02.2019).
11. Хавьер Солана призвал Израиль и Палестину возобновить переговоры. URL: <https://jewish.ru/news/articles/56093/> (дата обращения: 3.02.2019).
12. ЕС требует участия палестинцев в процессе ближневосточного урегулирования. URL: <https://www.dw.com/ru> (дата обращения: 4.02.2019).
13. Станет ли Берлин «городом мира» для Ближнего Востока? URL: <https://www.dw.com/ru> (дата обращения: 5.02.2019).
14. Резолюция 1559 (2004), принятая Советом Безопасности на его 5028-м заседании 2 сентября 2004 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902134306> (дата обращения: 5.02.2019).
15. Европа призывает к возобновлению переговоров на Ближнем Востоке. URL: <https://www.dw.com/ru> (дата обращения: 6.02.2019).
16. Alagha M. Palestine in EU and Russian Foreign Policy: Statehood and the Peace Process. London; New York: Taylor & Francis Group, 2017. 160 p.
17. Council of the European Union. International Conference for Lebanon. Co-Chairmen Statement. Rome, July 26 URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/declarations/90678.pdf (дата обращения: 7.02.2019).
18. Резолюция 1701 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5511-м заседании 11 августа 2006 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902133016> (дата обращения: 8.02.2019).
19. Страны-доноры обещали Ливану помощь в размере 7,6 млрд долларов. URL: <https://www.newsru.com/world/25jan2007/lebanu.html> (дата обращения: 9.02.2019).
20. Perver Ch. Statebuilding for peace in the Middle East: An EU action strategy Israel. URL: <http://www.prophecynews.co.uk/israel/521-statebuilding-for-peace-in-the-middle-east-an-eu-action-strategy> (дата обращения: 10.02.2019).
21. Мирная конференция по Ближнему Востоку в Аннаполисе (2007 г.). URL: https://studopedia.ru/8_187129_mirnaya-konferentsiya-po-blizhnemu-vostoku-v-annapolise-g.html (дата обращения: 11.02.2019).
22. Future for Palestine, 2007. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/RegionaleSchwerpunkte/NaherMittlererOsten/IsraelPalaestinensischeGebiete/ZukunftPalaestina/Uebersicht_node.html (дата обращения: 12.02.2019).
23. Berlin Conference in Support of Palestinian Civil Security & The Rule of Law, 24 June 2008. URL: <https://studylib.net/doc/8414891/berlin-conference-in-support-of-palestinian-civil-securit...> (дата обращения: 13.02.2019).

References

1. Dudaiti A. K. (2018). Ot mirnogo processa k vojne s terrorom: blizhnvestochnaya politika Evrosoyuza v 1995–2003 gg. [From the peace process for the war on terror: the middle East policy of the European Union in 1995–2003] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. №428. P. 87–95.
2. Dudaiti A.K. (2016). Voina v Irake 2003 g. i pozitsiya vedushchikh stran-chlenov Evrosoyuza [The Iraq war of 2003 and the position of the leading member countries of the European Union] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya, politologiya. № 1 (222). Vol. 37. P. 56–61.

3. Rossiya, Franciya i Germaniya prinyali zayavlenie, posvyashchennoe razoruzheniyu Iraka [Russia, France and Germany adopted the statement devoted to disarmament of Iraq]. URL: <https://www.newsru.com/world/10feb2003/zayavl.html> (date accessed: 28.01.19).
 4. CHellini K. Afinskij sammit ES 16–17 aprelya 2003 g. [Athenian EU summit on April 16–17, 2003.] // Zhurnal'nyj zal: Vestnik Evropy. 2003. №9. URL: <http://www.zh-zal.ru/vestnik/2003/9/summit.html> (date accessed: 30.01.19).
 5. Nosov M. ES i region Blizhnego Vostoka [EU and region of the Middle East.]. URL: <http://www.ieras.ru/pub/nosov/bcb.pdf> (date accessed: 31.01.19).
 6. Letter dated 10 April 2002 from the Secretary-General addressed to the President of the Security Council. URL: <https://unispal.un.org/unispal.nsf> (date accessed: 1.02.19).
 7. Mandel D. Four-Part Disharmony: The Quartet Maps Peace. URL: <https://www.meforum.org/556/four-part-disharmony-the-quartet-maps-peace> (date accessed: 2.02.19).
 8. Shtrenshis M. (2009). Izrail'. Istoriya gosudarstva [Israel. History of the state] / Izd. 3-e, dop. i per. Gercliya: ISRADON. 704 P.
 9. Colschen L. (2010). Deutsche Außenpolitik. Stuttgart: Wilhelm Fink & Co. 461 S.
 10. Kapitonov K.A. Izrail' i Evrosoyuz [Israel and European Union.]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4496> (date accessed: 3.02.19).
 11. Hav'er Solana prizval Izrail' i Palestinu vozobnovit' peregovory [Javier Solana urged Israel and Palestine to resume negotiations]. URL: <https://jewish.ru/news/articles/56093/> (date accessed: 3.02.19).
 12. ES trebuet uchastiya palestincev v processe blizhnovostochnogo uregulirovaniya [The EU demands participation of Palestinians in the course of Middle Eastern settlement]. URL: <https://www.dw.com/ru> (date accessed: 4.02.19).
 13. Stanet li Berlin «gorodom mira» dlya Blizhnego Vostoka? [Whether Berlin "the city of the world" for the Middle East will become?] URL: <https://www.dw.com/ru> (date accessed: 5.02.19).
 14. Rezolyuciya 1559 (2004), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 5028-m zasedanii 2 sentyabrya 2004 goda [Resolution 1559 (2004) adopted by the Security council at its 5028th meeting on September 2, 2004]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902134306> (date accessed: 5.02.19).
 15. Evropa prizyvaet k vozobnovleniyu peregovorov na Blizhnem Vostoke [Europe calls for resumption of negotiations in the Middle East]. URL: <https://www.dw.com/ru> (date accessed: 6.02.19).
 16. Alagha M. (2017). Palestine in EU and Russian Foreign Policy: Statehood and the Peace Process. London; New York: Taylor & Francis Group. 160 P.
 17. Council of the European Union. International Conference for Lebanon. Co-Chairmen Statement. Rome, July 26 URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/declarations/90678.pdf (date accessed: 7.02.19).
 18. Rezolyuciya 1701 (2006), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 5511-m zasedanii 11 avgusta 2006 goda [Resolution 1701 (2006) adopted by the Security council at its 5511th meeting on August 11, 2006]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902133016> (date accessed: 8.02.19).
 19. Strany-donory obeshchali Livanu pomoshch' v razmere 7,6 mlrd dollarov [The donor countries promised Lebanon the help in the size of 7.6 billion dollars]. URL: <https://www.newsru.com/world/25jan2007/lebanu.html> (date accessed: 9.02.19).
 20. Perver Ch. Statebuilding for peace in the Middle East: An EU action strategy Israel. URL: <http://www.prophecynews.co.uk/israel/521-statebuilding-for-peace-in-the-middle-east-an-eu-action-strategy> (date accessed: 10.02.19).
 21. Mirnaya konferenciya po Blizhnemu Vostoku v Annapolise (2007 g.) [A peace conference across the Middle East in Annapolis (2007)]. URL: https://studopedia.ru/8_187129_mirnaya-konferentsiya-po-blizhnemu-vostoku-v-annapolise--g.html (date accessed: 11.02.19).
 22. Future for Palestine, 2007. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/RegionaleSchwerpunkte/NaherMittlererOsten/IsraelPalaestinensischeGebiete/ZukunftPalaestina/Uebersicht_node.html (date accessed: 12.02.19).
- Berlin Conference in Support of Palestinian Civil Security & The Rule of Law, 24 June 2008. URL: <https://studylib.net/doc/8414891/berlin-conference-in-support-of-palestinian-civil-securit...> (date accessed: 13.02.19).

Информация об авторе:

Дудайти А.К. – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия). E-mail: adudaiti@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dudaiti A.K., North-Ossetian state University named after C.L. Khetagurov (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: adudaiti@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.02.2021;
одобрена после рецензирования 01.04.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 22.02.2021;
approved after reviewing 01.04.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 339.166(571.5)
doi: 10.17223/15617793/474/21

Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Г.В. Никифорова

Маргарита Дмитриевна Кушнарева

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, rita270880@mail.ru

Аннотация. Воссоздан исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Г.В. Никифорова. Определено происхождение и источники первоначального накопления капитала предпринимателя. На основе анализа ранее не введенных в научный оборот источников исследован вклад Г.В. Никифорова в развитие пушной и оптовой торговли товарами потребления в Северо-Восточной Сибири. Указаны основные результаты экономической активности, особенности благотворительной и общественной деятельности купца.

Ключевые слова: купечество, Северо-Восточная Сибирь, предприниматель, капитал, общественная деятельность, благотворительность, исторический портрет

Для цитирования: Кушнарева М.Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Г.В. Никифорова // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 187–191. doi: 10.17223/15617793/474/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/21

Historical Portrait of the Yakut Merchant of the 1-st Guild G.V. Nikiforov

Margarita D. Kushnareva

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, rita270880@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the economic, social and charitable activities of the Yakut merchant of the 1-st guild G.V. Nikiforov. The main purpose of the publication is to recreate the historical portrait of G.V. Nikiforov. Achieving this goal involves the widespread use of previously unpublished and not put into scientific circulation archival sources. The topic has not been sufficiently studied in modern historiography of Siberia; it has scientific relevance and significance. The study of the key issue of publication is based on the methodology of modernization and chronological, systemic, biographical methods. The author determined the origin, place of birth of G.V. Nikiforov and the initial sources of capital accumulation. The article states that G.V. Nikiforov in the 1900–1910 years established several enterprises with the aim of organizing fur trade in the northern districts of the Yakutsk region. In 1906 G.V. Nikiforov's stores were opened in Verkhoyansk, Kolymsk, Bulun, Abye, and Kyusyur. In 1914 the merchant became a contributor to the «Northern Commercial and Industrial Partnership», bought up the trading business of fur traders and became one of the largest companies in North-East Siberia with a turnover of 1 million rubles in year. In the 1914–1919 years G.V. Nikiforov's annual turnover in fur trade exceeded 1 million rubles. In Yakutsk, G.V. Nikiforov conducted wholesale and retail trade in fur, groceries and consumer goods from stores. Supplies of furs G.V. Nikiforov to European and North American markets in 1914–1917 amounted to 800 thousand rubles in year. G.V. Nikiforov's public education activity was expressed in the construction and maintenance of schools for children, a museum, a library, and financial assistance to residents in paying taxes. During the First World War, G.V. Nikiforov was engaged in the procurement and dispatch of warm fur products to the front. G.V. Nikiforov enjoyed authority among the local population, was repeatedly elected the member of the Yakutsk City Council, and was a member of charitable organizations. The merchant took part in meetings under the Yakut Governor I. I. Kraft and decided on important strategic issues. In the 1918–1919 years organized the supply of needy population of Yakutsk region with consumer goods and foodstuffs for 400 thousand rubles. For his services he had state awards. He was an honorary «foreigner» of the East - Kangalassky ulus of the Yakutsk region. The article defines the personal and business qualities of the Yakut merchant. As the main conclusion, it is indicated that the reconstruction of the historical portrait of G.V. Nikiforov allowed expanding the previously existing ideas about his contribution to the socio-economic development of the Yakutsk region during the period of modernization of the Russian economy.

Keywords: merchants, North-East Siberia, entrepreneur, capital, social activities, charity, historical portrait

For citation: Kushnareva, M.D. (2022) Historical Portrait of the Yakut Merchant of the 1-st Guild G.V. Nikiforov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 187–191. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/21

В начале 1990-х гг. Россия пережила настоящее национальное возрождение. Новое осмысление получили проблемы жизни и деятельности представителей национальной литературы, культуры, искусства, а также предпринимательства. Сохранение национальных достижений и их изучение в современных условиях развития российского общества востребованы в науке. Всплеск интереса к истории российского предпринимательства, пришедший на 1990-е гг., не угасает до сих пор. Современная историография проблемы регулярно пополняется новыми исследованиями, касающихся различных сторон этого явления [1]. Наибольшей популярностью среди исследователей и широкой общественности пользуются работы, посвященные истории гильдейского купечества Сибири [2, 3].

В связи с этим главной целью исследования является воссоздание исторического портрета якутского купца 1-й гильдии Г.В. Никифорова. Следует отметить, что ключевая проблема публикации слабо изучена в современной историографии Сибири. Большая часть информации о якутском купце кропотливо собиралась автором в центральных и местных архивах, затем анализировалась и складывалась в единую картину, опираясь на методологию модернизации и хронологический, системный, биографический методы. Настоящая статья не претендует на обобщающий характер. Ее задачами является высветить ранее не известные грани биографии видного предпринимателя, уроженца Якутской области, описать личные и деловые качества, основные результаты экономической деятельности. Предлагаемая вниманию читателей статья находится в полном соответствии с трендами современного историописания, в котором все больше внимание уделяется жизни и деятельности конкретных людей, сыгравших заметную роль в социально-экономическом развитии России и ее северо-восточной окраины, которая в начале XX в. представляла огромную территорию площадью более 3 млн км². Все вышеизложенное свидетельствует о научной актуальности и значимости темы, необходимости ее дальнейшего изучения.

Гаврила Васильевич Никифоров родился 7 ноября 1871 г. в богатой якутской семье Василия Сергеевича и Акулины Адамовны Никифоровых в Тылымском наслеге Восточно-Кангаласского улуса Якутской области. Семья Никифоровых принадлежала к древнему, знатному роду Асыыкай, среди представителей которого были местные князцы, шаманы и зажиточные предприниматели. Гаврила и его сестра Александра получили хорошее домашнее образование. Женится Гаврила Васильевич в 1889 г. на Марии Павловне (1869–1942), с которой у него было 7 детей: Василий (1893–1918), Надежда (1894–1917), Елена (1897–1932), Иван (1899), Лариса (1901), Аркадий (1898), Анатолий (1905–1965). Известно, что у Г.В. Никифорова были еще приемные сын Геннадий (1898–1913) и дочь Варвара [4. С. 252].

Г.В. Никифоров свой первоначальный капитал унаследовал от отца – якутского купца 2-й гильдии, который занимался торговлей и поставками живого

скота, продуктов скотоводства и земледелия на золотые прииски Ленско-Олекминской системы [5. С. 95]. В.С. Никифоров владел крупными сенокосными угодьями. Занимался снаряжением «покрученников» на соболиные промыслы. Сбывал ценные сорта зейских и амурских соболей в Москве через комиссионерство Н.П. Трапезникова [5. С. 327]. В 1880-е гг. перешел на мелкое кредитование промысловиков и открыл магазин в Якутске. В 1889 г. розничный магазин В.С. Никифорова располагался в купеческом имени А.Ф. Васильевой, которое он купил за 3 тыс. руб. В 1900 г. купцы 2-й гильдии В.С. Никифоров, Н.А. Аверенский и пушные торговцы Ф.М. Слепцов, Е.А. Васильева, С.И. Егоров учредили торговый дом «Н.А. Аверенский и К^о». Уставной капитал товарищества составлял 100 тыс. руб. [6. Л. 62]. Фирма вела пушную торговлю в северных округах Якутской области. За предприимчивый характер В.С. Никифоров получил прозвище «Манньяттаах», что в переводе с якутского языка означало «денежный мешок» или «владеющий монетами».

Г.В. Никифоров с ранних лет активно участвовал в операциях с поставками мяса и масла на золотые прииски, а также в пушной торговле. В 1898 г. он получил свидетельство купца 2-й, затем 1-й гильдии [7. Л. 11]. В 1900 г. Г.В. Никифоров основал с якутским купцом 2-й гильдии М. Г. Васильевым торговый дом «Г.В. Никифоров и М.Г. Васильев» с уставным капиталом 100 тыс. руб. на срок 5 лет [7. Л. 25]. В 1905 г. в Якутске был зарегистрирован торговый дом «Г.В. Никифоров» с уставным капиталом 250 тыс. руб. Главная цель деятельности фирмы – скупка пушнины и мамонтовой кости в Верхоянском и Колымском округах Якутской области, а также оптовая торговля товарами потребления и продуктами питания [8. Л. 18]. Гаврила Васильевич Никифоров производил все торговые операции лично и, тем самым, пользовался большим уважением в среде промыслового населения [9. Л. 16]. В 1906 г. были открыты отделения торгового дома в Верхоянске, Колымске, Булуне, Казачьем, Абые, Кюсюре [8. Л. 20–22]. В 1909 г. Г.В. Никифоров учредил торговый дом «И.П. Антипин и Г.В. Никифоров» с уставным капиталом 120 тыс. руб. сроком на 5 лет. В 1910 г. уставной капитал был увеличен до 160 тыс. руб. Распорядителем торгового дома являлся И.П. Антипин [7. Л. 17]. Колымский и Верхоянский округа Якутской области, а также западные районы Чукотки вдоль побережья Северного Ледовитого океана были охвачены торговыми операциями Г.В. Никифорова и его компаньонов, которые специализировались на скупке особо ценных сортов пушнины. Крупные партии мягкого золота концентрировались в Колымске и отправлялись на североамериканский пушной рынок, минуя центральные ярмарки России [7. Л. 112 об.]. В 1908 г. оборот Г.В. Никифорова в пушной торговле составлял 150 тыс. руб., в 1909 – 175 тыс. руб. [10. Л. 18–45]. В 1910–1911 гг. Г.В. Никифоров создал собственную систему клиентов, скупавших пушнину в кредит под 8–10% годовых на среднюю сумму в 3–5 тыс. руб. и штат наемных приказчиков. В 1914 г. Г.В. Никифоров

стал вкладчиком «Северного торгово-промышленного товарищества», внося пай в виде Колымского отделения торгового дома «Г.В. Никифоров» [11. Л. 27–30]. Это позволило увеличить годовые обороты Г. В. Никифорова за счет дополнительного инвестирования и предоставления льгот на перевозку коммерческих грузов [12. Л. 5 об.]. В 1914 г. Г.В. Никифоров скупил торговые дела В.Ф. Артамонова, Н.И. Санникова, Т.А. Баишева, Ф.Е. Слепцова и вошел в число крупных предприятий Северо-Восточной Сибири с оборотами более 1 млн руб. в год [12. Л. 26–26 об.]. В 1914 г. годовой оборот фирмы «Г.В. Никифоров» в пушной торговле составлял 1,1 млн руб., в 1915 г. – 1,3 млн руб., 1916 г. – 800 тыс. руб., 1917 г. – 980 тыс. руб., 1919 г. – 1,5 млн руб. [12. Л. 5 об.–7; 17. Л. 1–37; 18. Л. 5].

В основе экономического планирования деятельности предприятий Г.В. Никифорова находилась стратегия эффективного использования богатых пушных ресурсов. Сущность данной стратегии заключалась в том, что после окончания промыслового сезона Г.В. Никифоров первым отправлял своих агентов в промысловые округа для установления высоких цен на пушнину, вынуждая, тем самым, конкурентов покупать дорогой и низкосортный товар. В то же время партнеры Никифорова могли гарантированно концентрировать в своих руках крупные партии пушнины. Экономическая политика Г.В. Никифорова обеспечивала корпоративную солидарность с местными крупными фирмами – «Наследники А.И. Громовой» и «Наследники А.М. Кушнарёва» и снижала уровень конкуренции в отрасли со стороны Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников». Стоимость партий пушнины Г.В. Никифорова, поставляемых крупным фирмам, составляла в 1914–1917 гг. от 300 до 800 тыс. руб. [13. Л. 1–37].

В 1914–1919 гг. Г.В. Никифоров вошел в число крупных оптовых поставщиков товаров потребления населению Якутской области и Чукотки. Следует отметить, что ассортимент товаров Гаврилы Васильевича формировал лично, выезжая для этого в Москву, Одессу, Иркутск, Ирбит и Нижний-Новгород. Товары транспортировались рейсами «Добровольного флота» из Владивостока в бухту Тикси, далее по промысловым районам. Объемы оптовых поставок Г.В. Никифорова продуктов питания и товаров потребления составляли в 1914 г. – 500 тыс. руб., 1915 г. – 580, 1916 г. – 700, 1918 г. – 480, 1919 г. – 800 тыс. руб. [15. Л. 115–118].

В 1909 г. в Якутске Г.В. Никифоров основал три оптово-розничных магазина, которыми управлял лично. В 1910 г. годовой оборот магазина № 1 на Сергеевской от продажи пушнины составлял 90 тыс. руб., прибыль – 13,5 тыс. руб. [15. Л. 135–146 об.]. На ул. Большой в Якутске располагались два центральных магазина Г.В. Никифорова со складскими помещениями, амбарами и ледниками. Годовой оборот магазина № 2 в 1910 г. составлял 580 тыс. руб., магазина № 3 – 126 тыс. руб. [10. Л. 1–6]. Основной специализацией магазинов являлась оптовая торговля пушшиной. В магазинах также продавались предметы

интерьера, золотые и серебряные изделия, готовая верхняя одежда. В 1914 г. Г.В. Никифоров построил в центре Якутска на пересечении ул. Большая и Гостинодворская каменное здание магазина с фирменной вывеской [4. С. 252]. Этот магазин пользовался большой популярностью среди местного населения. В нем можно было купить шоколадные конфеты, карамель, печенье, варенье, компоты, мармелад, свежие фрукты, кофе и какао, китайскую пастилу, зефир, халву, пряники, сухофрукты, ягоды, орехи [12. Л. 37–38].

Широкую известность Г.В. Никифоров приобрел на иностранных пушных аукционах как один из крупных поставщиков ценных сортов сибирской пушнины. В 1904 г. Г.В. Никифоров организовал комиссионную торговлю пушшиной у фирмы «Шешунов и Скачков» в Москве [10. Л. 18]. Ежегодно на европейские пушные рынки Г.В. Никифоров поставлял партии пушнины на сумму в среднем 800 тыс. руб. [16. Л. 39–144]. С 1914 г. Г.В. Никифоров поставлял крупные партии пушнины стоимостью 600–800 тыс. руб. в Соединенные Штаты Америки [12. Л. 5–7 об.].

Современники характеризовали Г.В. Никифорова как человека энергичного, имевшего исключительное коммерческое чутье [17. Л. 11]. Он был расчетливым, сумел не только сохранить семейный капитал, но и преумножить его. При заключении крупных сделок разумно рисковал, умело анализировал состояние рынка, что позволяло ему занимать преимущественное положение в структуре меновой торговли на севере. Вслед за отцом, Г.В. Никифорова называли «Манньыаттаах уола», т.е. «сын Манньыаттааха».

Следует отметить, что соотечественники Г.В. Никифорова вкладывали в прозвище купца несколько иной смысл. Для многих жителей Якутской области Г.В. Никифоров был олицетворением национальной гордости, ярким представителем местной купеческой элиты, национальным героем, щедрым меценатом, много сделавшим для просвещения и образования своего народа. На общественную и благотворительную деятельность Г.В. Никифорова оказало влияние сочетание традиций и верований народа саха и православия.

Продолжая обычаи своих предков, Никифоров с уважением относился к членам своего рода, стремился помогать старикам, детям, сиротам и нуждающимся. Гаврилы Васильевич на собственные средства открыл школу для детей в родном 1-м Тыллыминском наслеге Восточно-Кангаласского улуса, выплачивал жалование учителям и довольствие ученикам школы [5. С. 95]. В Якутске построил двухэтажное здание пансиона для обучения бедных учащихся своего улуса. В 1911–1916 гг. Г. В. Никифоров был попечителем женской гимназии в Якутске, где обучалось 23 учащейся. В 1916 г. построил новое здание гимназии и пансион с полным содержанием на 15 мест для детей из бедных семей. Содержание пансиона обходилось Г.В. Никифорову в 1 200 руб. в год. В 1909 г. помогал в строительстве музея-библиотеки в Якутске. Вслед за своим отцом, оплачивал губернские и земские повинности жителей 1-го Тыллыминского наслега. Так, в 1917 г. Г.В. Никифоров на эти цели

внес в казначейство 2 тыс. руб., а в 1918 г. – 8 тыс. руб. [18. Л. 3, 6, 26]. В годы Первой мировой войны содействовал деятельности «инородческого» комитета общества Красного креста, перечислив на его нужды 4 тыс. руб. и 300 теплых меховых одеял [19. С. 5–7].

Общественная деятельность Г.В. Никифорова была связана с решением разнообразных проблем населения Якутской области. Пользуясь авторитетом среди населения, Г.В. Никифоров 6 лет избирался гласным Якутской городской думы, служил старостой в двух церквях Якутска, являлся членом Благотворительного просветительского совета Якутска и Якутского комитета по снабжению армии продовольствием. Занимался заготовкой и отправкой на фронт теплых меховых вещей. В 1914 г. министр финансов утвердил его членом учетно-ссудного комитета Якутского отделения Госбанка [20. Л. 94]. Гаврила Васильевич принимал регулярное участие в совещаниях при Губернаторе Якутской области И.И. Крафте. Так, в 1909 г. на совещании был поднят вопрос благоустройства Аянского тракта и сохранения в портах Аян и Нелькан статуса «порто-франко» [21. Л. 2]. В 1910 г. Г.В. Никифоров выделил 10 тыс. руб. на нужды строительства транспортной магистрали и организации снабжения населения Якутской области товарами потребления и продуктами [22. Л. 5]. В 1917 г. Г.В. Никифоров вступил в кадетскую «Партию народной свободы», поддерживал программу по сохранению частной собственности на землю, мирного восстановления правопорядка, развития предпринимательских сил в России. В 1918–1919 гг. купец поддержал инициативу Якутского комитета общественной безопасности и краевой продовольственной комиссии по снабжению населения области товарами потребления и поставил продукты питания более чем на 400 тыс. руб. [9. Л. 211]. Г.В. Никифоров являлся почетным «инородцем» Восточно-Кангаласского улуса (ныне Мегино-Кангаласский улус Республики Саха Якутия). За свои заслуги был награжден серебряными медалями «За усердие» на Станиславской и Владимирской ленте, золотой медалью «За отличие» на Аннинской ленте [11. Л. 124].

В конце 1919 г. торговый дом «Г.В. Никифоров» прекратил свое существование. В 1920 г. все имущество якутского купца 1-й гильдии Г.В. Никифорова

было национализировано [23. Л. 33]. Судьба детей Г.В. Никифорова сложилась трагически. Его старший сын Василий окончил Якутское реальное училище, а затем философский факультет Московского университета. Сопровождал царскую семью Николая II в Екатеринбург, затем его отправили в Тобольск для подготовки жилья для семьи Романовых, где он был убит неизвестными лицами [4. С. 252].

В 1919 г. Г. В. Никифоров с сыном Анатолием эмигрировал сначала в Японию, а затем в Китай [23. Л. 42]. Известно, что в 1922 г. Г.В. Никифоров принял участие в формировании и финансировании отряда добровольцев в помощь повстанцам Якутской области под командованием генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева. Дальнейшая судьба, место и год смерти якутского купца 1-й гильдии Г.В. Никифорова неизвестны.

В заключение отметим, что якутский купец Г.В. Никифоров был известен как успешный предприниматель, специализировавшийся главным образом на пушной торговле и оптовых поставках товаров потребления населению. Так, в 1914 г. годовой оборот фирмы «Г. В. Никифоров» от операций с пушниной составлял более 1 млн руб., поставки продуктов питания и товаров населению Якутии – 500 тыс. руб., пушнины на европейские и североамериканские рынки – 800 тыс. руб. Широкий диапазон имела общественная и благотворительная деятельность Г.В. Никифорова – от строительства школ и библиотек до помощи российской армии в годы Первой мировой войны. В сферу его деловых интересов входило взаимодействие как с представителями коммерческих предприятий в отрасли, так и с государственными органами. В годы советской власти на базе торговых отделений и магазинов Г.В. Никифорова была создана кооперативная система, получившая название Союз потребительской кооперации «Холбос». Здание центрального магазина Г. В. Никифорова просуществовало в Якутске до 1972 г., а затем было снесено для постройки на его месте Дома Правительства Республика Саха Якутия. Материальное наследие Г.В. Никифорова в настоящее время не сохранилось. Однако его достижения в деле социально-экономического развития стратегически важного субъекта России оставили неизгладимый след в истории и памяти народа.

Список источников

1. Зиновьев В.П., Зиновьева В.И. Общественная деятельность купечества Томской губернии в 1880 – февраль 1917 г. // Сибирские исторические чтения. Томск, 2016. № 2. С. 9–20.
2. Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.
3. Кушнарева М.Д. Торговый дом «Наследники А.М. Кушнарева»: происхождение, пушная торговля и общественно-просветительская деятельность во второй половине XIX – начале XX вв. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 247 с.
4. Реформатор земли Якутской губернатор Иван Иванович Крафт. 1906–1913: фот., док. / Сост. А.А. Калашников. Якутск : Изд-во Медиахолдинг «Якутия», 2011. 376 с.
5. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Гео, 2013. 464 с.
6. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). Ф. 12 (Якутское областное управление). Оп. 1. Д. 4565.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 630 (Русско-Азиатский Банк). Оп. 1. Д. 582.
8. НАРС (Я). Ф. 415 (Торговый дом «Г.В. Никифоров»). Оп. 1. Д. 1.
9. НАРС (Я). Ф. 420 (Якутское отделение Акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф. П. Лесников»). Оп. 1. Д. 5.
10. НАРС (Я). Ф. 415. Оп. 1. Д. 12.
11. РГИА. Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 11. Д. 1081.

12. НАРС (Я). Ф. 415. Оп. 1. Д. 5.
13. НАРС (Я). Ф. 415. Оп. 1. Д. 7.
14. НАРС (Я). Ф. 415. Оп. 1. Д. 10.
15. НАРС (Я). Ф. 165 (Якутская городская управа). Оп. 1. Д. 1.
16. НАРС (Я). Ф. 415. Оп. 1. Д. 11.
17. НАРС (Я). Ф. 511 (Торговый дом «Наследники А.М. Кушнарeва»). Оп. 1. Д. 2.
18. НАРС (Я). Ф. 15 (Якутское окружное полицейское управление). Оп. 1. Д. 7647.
19. Якутские областные ведомости. 1915. № 35. 25 авг.
20. РГИА. Ф. 587 (Государственный Банк). Оп. 33. Д. 933.
21. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 31 (Главное управление Восточной Сибири. Управление строительной и дорожной частями при Иркутском генерал-губернаторе). Оп. 3. Д. 601.
22. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 330.
23. НАРС (Я). Ф. 12-21 (Якутское областное управление). Оп. 12-6. Д. 2583.

References

1. Zinovev V.P., Zinoveva V.I. Obshchestvennaya deyatelnost kupechestva Tomskoy gubernii v 1880 – fevral 1917 g. // Sibirskie istoricheskie chteniya. Tomsk, 2016. № 2. S. 9–20.
2. Bykonya G.F., Komleva E.V., Pogrebnyak A.I. Eniseyskoe kupechestvo v lichah (XVIII – nachalo XX v.). Novosibirsk : Izd-vo SO RAN, 2012. 316 s.
3. Kushnareva M.D. Torgovyy dom «Nasledniki A.M. Kushnareva»: proiskhozhdenie, pushnaya trgovli i obshchestvenno-prosvetitel'skaya deyatelnost vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2014. 247 s.
4. Reformatory zemli Yakutskoy gubernator Ivan Ivanovich Kraft. 1906–1913: fot., dok. / Sost. A.A. Kalashnikov. Yakutsk : Izd-vo Media-holding «Yakutiya», 2011. 376 s.
5. Enciklopedicheskiy slovar po istorii kupechestva i kommercii Sibiri : v 2 t. T. 2 / otv. red. D.Ya. Rezun. Novosibirsk : Geo, 2013. 464 s.
6. Nacionalnyy arhiv Respubliki Saha (Yakutiya) (NARS (Ya)). F. 12 (Yakutskoe oblastnoe upravlenie). Op. 1. D. 4565.
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv (RGIA). F. 630 (Russko-Aziatskiy Bank). Op. 1. D. 582.
8. NARS (Ya). F. 415 (Torgovyy dom «G.V. Nikiforov»). Op. 1. D. 1.
9. NARS (Ya). F. 420 (Yakutskoye otdelenie Akcionernogo obshchestva spichechnoy i mekhovoy fabriki «N.P. Rylov i F. P. Lesnikov»). Op. 1. D. 5.
10. NARS (Ya). F. 415. Op. 1. D. 12.
11. RGIA. F. 23 (Ministerstvo trgovli i promyshlennosti). Op. 11. D. 1081.
12. NARS (Ya). F. 415. Op. 1. D. 5.
13. NARS (Ya). F. 415. Op. 1. D. 7.
14. NARS (Ya). F. 415. Op. 1. D. 10.
15. NARS (Ya). F. 165 (Yakutskaya gorodskaya uprava). Op. 1. D. 1.
16. NARS (Ya). F. 415. Op. 1. D. 11.
17. NARS (Ya). F. 511 (Torgovyy dom «Nasledniki A.M. Kushnareva»). Op. 1. D. 2.
18. NARS (Ya). F. 15 (Yakutskoye okruzhnoye policeyskoye upravlenie). Op. 1. D. 7647.
19. Yakutskie oblastnye vedomosti. 1915. № 35. 25 avg.
20. RGIA. F. 587 (Gosudarstvennyy Bank). Op. 33. D. 933.
21. Gosudarstvennyy arhiv Irkutskoy oblasti (GAIO). F. 31 (Glavnoye upravlenie Vostochnoy Sibiri. Upravlenie stroitel'noy i dorozhnoy chastyami pri Irkutskom general-gubernatore). Op. 3. D. 601.
22. GAIO. F. 31. Op. 3. D. 330.
23. NARS (Ya). F. 12-21 (Yakutskoye oblastnoye upravlenie). Op. 12-6. D. 2583.

Информация об авторе:

Кушнарeва М.Д. – д-р ист. наук, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: rita270880@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kushnareva M.D., Irkutsk State University (Irkutsk, Russia Federation). E-mail: rita270880@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.09.2021;
одобрена после рецензирования 14.10.2020; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 28.09.2021;
approved after reviewing 14.10.2020; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 316.34
doi: 10.17223/15617793/474/22

Японская ассимиляционная политика в колониальной Корее в 1910–1945 гг. на примере образовательных реформ

Елизавета Васильевна Наздрюхина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, nazelizaveta@bk.ru

Аннотация. Анализируется трансформация ассимиляционной политики Японии в оккупированной Корее в период с 1910 по 1945 г. на примере образовательных реформ. Рассматриваются вопросы выбора варианта ассимиляционной политики в образовательной сфере, выделяются основные направления и этапы ее реализации, а также рассматривается вопрос об усилении корейской идентичности вследствие реализации ассимиляционной политики Японии.

Ключевые слова: японская агрессия, Корея, колониальная политика Японии, ассимиляция, образовательные реформы

Для цитирования: Наздрюхина Е.В. Японская ассимиляционная политика в колониальной Корее в 1910–1945 гг. на примере образовательных реформ // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 192–197. doi: 10.17223/15617793/474/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/22

Japanese assimilation policy in colonial Korea in 1910-1945 on the example of educational reforms

Elizaveta V. Nazdryukhina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, nazelizaveta@bk.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze the transformation of Japan's assimilation policy in occupied Korea in the period from 1910 to 1945. on the example of educational reforms. This topic is considered in the works of numerous researchers, from the Russian ones it is possible to distinguish the works of Yakimova D. A., Tertitsky T. F., Gaikin V. A., etc. Among foreign authors, the most famous researcher who deals with the issues of the colonial heritage of Korea is Mark E. Caprio. The article deals with the choice of assimilation policy in the educational sphere, highlights the main directions and stages of its implementation. Japan was faced with a choice between the French and British style of conducting colonial policy. These two species differ in their relationship to subordinate territories. The British style of government involves intervention in the management of the colony only at the highest level, the French style involves the "equalization" of the colonies with the mother country. The choice of Japan fell on the French style of management, due to the common cultural heritage. The entire period of the occupation of Korea is conditionally divided into three periods, in accordance with the colonial policy pursued by the Governor-General at the direction of the mother country. Each of the three periods has its own management features, which can be clearly traced in the educational sphere. The first period was quite tough, this period practically created the education system. A school system was created in accordance with the Japanese, which assumed the study of Japanese as the state language, and the system itself was aimed at creating subjects of the emperor. The second period is characterized by its liberality in the ongoing educational reforms. The first university was founded, and the study of the Korean language and Korean culture was allowed. The third period can be called the most radical. During this period, the Japanese government makes an attempt to completely replace Korean culture with Japanese, again it is forbidden to study the Korean language, the day of schoolchildren begins with the recitation of the oath to the Emperor of Japan, and Korean names were to be replaced with Japanese.

As a result, we can distinguish several main points. First, the option of assimilation colonization, a kind of incorporation of Korean culture into Japanese culture and further carrying out a course to replace it, was chosen by the Japanese government quite successfully, given their common roots and similar cultural basis, which allows us to safely combine the two cultures. Secondly, the policy of assimilation could have had more successful results if the colonial government had not sought to completely destroy ethnicity, but to preserve and multiply it through the fusion of Japanese and Korean culture. Third, the reform of the education system in accordance with modern standards has made it possible to increase the level of literacy of the population.

Keywords: japanese aggression, Korea, colonial policy of Japan, assimilation, educational reforms

For citation: Nazdryukhina, E.V. (2022) Japanese assimilation policy in colonial Korea in 1910-1945 on the example of educational reforms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 192–197. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/22

Процессы глобализации, различные природные катастрофы и вооруженные локальные конфликты приводят в движение миграционные массы людей. Большие потоки беженцев ставят под угрозу внутреннюю политику многих стран. В этом свете приобретают всё большую актуальность вопросы инкорпорации мигрантов в культурное пространство принимающего сообщества, а также возникающие в связи с этим трансформации этничности мигрантов. Возможно ли трансформировать самосознание беженцев и переселенцев в соответствии с традициями коренного населения? Поэтому итоги многолетнего японского опыта трансформации этничности корейского этноса представляют особый интерес для многих стран, которые столкнулись на данном этапе с проблемой миграции.

В современной этнографической литературе специалистами неоднократно рассматривалась проблема аннексии Корейского полуострова и её последствия для корейского народа. В данной статье дан анализ ассимиляционной политики Японии в образовательной сфере корейского общества как динамичный процесс, тесно связанный с попыткой трансформации сознания корейцев, что обуславливает научную новизну работы. Взгляд на образовательную политику как на инструмент ассимиляции, использованный японским правительством, пока полноценно не представлен в отечественной историографии, хотя данная тема исследовалась в работах Т.Ф. Тертицкого в статье «Образовательная политика Японии в колониальной Корее» [1] и Д.А. Якимовой в статье «Политика Японии в области образования и воспитания в колониальной Корее (1910–1945 гг.)» [2], косвенно эта тема затронута в работах П.В. Яковлевой [3], В.А. Гайкина и др. [4]. Проблема наследия японских колонизаторов является основной темой работ Mark E. Sergio (Марка Каприо), который подробно рассматривается все аспекты корейской оккупации [5].

Перед началом ведения своей колониальной политики и расширения своего влияния в регионе Япония длительное время находилась в изоляции от других стран. С изменением режима в стране и открытием границ японцы активно начинают учиться у западных стран и перенимать их опыт, в том числе и колониальный.

После победы в Русско-японской войне в 1905 г., Япония принимает решение о начале колониальных действий на Корейском полуострове. В связи с этим перед японским правительством встал выбор варианта политики: последователь примеру Франции и их прямому стилю правления в колониях, называемому ассимиляцией, либо пойти по примеру Великобритании и ассоциативного или косвенного стиля правления.

Французский стиль управления колониями претерпел сильные качественные изменения после Великой Французской революции, произошедшей в конце XVIII в. С этого момента Франция больше не могла

использовать косвенный стиль управления в колониях, иначе бы это нарушало «Декларацию прав человека и гражданина» (1789) и Конституцию 1793 г. Согласно этим документам, Франция признавала отмену рабства и равенство граждан метрополии и колонии [6. С. 374]. В колониальной политике Франции произошел отказ от деления колоний по факту их богатства природными ресурсами или по времени присоединения. Все колонии, которые приобрела империя, стали официально входить в состав государства [7. С. 294]. Внутренне управление, при сохранении традиционных символов (титуты правителей, государственные атрибуты), передавалось в руки метрополии и назначаемых ею администрации и чиновников. На территории колоний действовало французское законодательство и судебная система. Население, хотя и признавалось гражданами Французской Империи, не имело гражданства, однако с принятием в 1881 г. «Кодекса коренных народов» появился механизм, позволяющий населению колоний, при соблюдении всех требований (достижение совершеннолетия, овладение грамотой и личное желание перейти под действие законов метрополии), получить гражданство империи [8. С. 17]. Подобная система подразумевала под собой непосредственное вмешательство в культуру и жизнь аборигенного населения, конечной целью такого вмешательства было создание «цивилизованного» или «образованного» слоя общества, который бы в перспективе должен был разделять культурные традиции французского общества. Таким образом, сам принцип ассимиляции предполагал приведение к единообразию политической и культурной системы колониальных территорий.

Британский стиль управления содержал в себе элементы невмешательства, т.е. британские власти устанавливали сотрудничество с местной правящей элитой, которая оставляла за собой управленческие функции с учетом того, что их действия находились под контролем управленческого лица из метрополии. В ведении местного управления был сбор налогов, решение проблем локального уровня и обеспечение правопорядка. Таким образом, метрополия сохраняла традиции аборигенного населения, их структуру хозяйственной жизни и судебную систему. За счет подобного разделения и определенного невмешательства империя создавала двойную систему управления – на высшем уровне управление страной передавалось в метрополию, где происходил подсчет денежных средств, получаемых от колонии, а также рассматривались судебные дела, которые затрагивали интересы европейцев. На местном уровне происходило сохранение привычного уклада жизни аборигенного населения, у власти продолжала находиться изначально правящая элита, в обязанности которой включалось рассмотрение судебных дел на местном уровне [9. С. 867]. Большинство других государств Европы, практикующих методы ассимиляции, ограничивалось

территориями народов, прилегающих к колониальному центру и не отличавшихся в расовом отношении. В этом смысле цель, лежащая в основе политики ассимиляции, напоминала цель национального строительства: распространение общих культурных и политических систем среди составляющих государства [5. С. 10].

Рассматривая японскую оккупационную политику в отношении колониальной Кореи и корейского народа, следует отметить, что она содержала в себе черты французского способа управления. Избрав для административного управления колонией этот стиль ассимиляции, японцы действовали согласно выбранному курсу. На японский язык слово «ассимиляция» переводится как «同化» (до:ка) – ассимилироваться, приспособляться. Если разобрать иероглифы подробнее, то первый иероглиф «同» (до:) означает «одинаковый/такой же», второй – «化» (ка) – «принимать/превращать(ся)/подвергать(ся) влиянию». Следовательно, понятие «ассимиляция» понималось японцами как «стать (сделать)одинаковыми», т.е. они предполагали некое превращение корейцев в «японцев».

Выбор такого варианта политики ассимиляции можно назвать достаточно удачным, поскольку Корея и Япония – страны со схожей культурой, которая имеет общие корни, основанные на китайской культуре, общую религию и философское учение. При идеальном стечении обстоятельств японская политика должна была бы завершиться успешной интеграцией корейского народа в состав Японской империи, но так ли это?

Начиная свою политику проникновения на материк, японское правительство в качестве одного из первых шагов стало проводить колониальную образовательную политику. Изначально в Корее образование было представлено в виде традиционных школ – «соданов», где изучали китайский язык и конфуцианские книги, общий уровень грамотности населения составлял всего 2% [10. С. 42]. Высших учебных заведений в стране на тот момент не было, университетское образование можно было получить либо в Японии, либо уезжая за границу на Запад.

В 1911 г. принимается Первый указ, касающийся корейской системы образования. Первые статьи указа были посвящены определению полномочий генерал-губернатора, общему описанию «новой» образовательной системы, ст. 5–19 содержали подробности функционирования системы образования [11]. Появление образовательных учреждений, соответствовавших современным школам того времени, послужило началом для проведения политики ассимиляции.

Период 1910–1919 гг. условно получил название «политика сабель» или «сабельный режим» из-за жесткой политики, которую проводил первый генерал-губернатор Кореи Тэраути Масатакэ и его приемник Хасэгава Ёсимити. Генерал-губернатор активно проводил политику модернизации страны, первым пунктом было образование. Система образования копировала метрополию, однако были свои особенности для колониальной страны. Общий срок обучения и этапы практически совпадали с образованием в мет-

рополии, однако корейская система образования подразумевала раздельное обучения для японцев и корейцев [12. С. 63]. На должность директора школы мог быть назначен только японец, корейцев разрешалось нанимать как обычных учителей. Все предметы преподавались на государственном языке, которым был объявлен японский, корейский язык был запрещен для использования в школах, культура и история Кореи не преподавались, а обязательными предметами становились японская история и литература [1. С. 293].

Характерной чертой первого периода можно назвать стремление к воспитанию послушных подданных императора. Первый этап должен был подготовить молодое поколение корейцев и воспитать их как верноподданных японского императора без применения силы. Однако использование секуляризации в получении образовательных возможностей и запрет на родную культуру не могли воспитать лояльных корейцев, так как четко демонстрировали разницу в статусе и положении корейца и японца.

Второй этап начинается после массового выступления, произошедшего в 1919 г., когда была написана «Декларация независимости» и начались первоапрельские протесты [4. С. 77]. Пик антияпонского движения проявился в виде выступлений 1 марта 1919 г., которое было жестоко подавлено японскими военными и полицией. После этого инцидента Хасэгава Ёсимити подал в отставку, премьер-министр назначил Сайто Макото новым генерал-губернатором.

Замена генерал-губернатора Кореи сопровождалась изменениями в образовательной политике. Сайто Макото был либерально настроенным политиком, и проводимые преобразования соответствовали его убеждениям. Второй этап в управлении страной называют «периодом культурного управления» с 1919 по 1930 г.

В 1922 г. публикуется Второй указ. Согласно этому документу, между корейцами и японцами нет разграничительной черты в возможностях получения образования, сроки обучения приравняются к таким же, как и в метрополии, и более того, в японских школах в качестве дополнительного занятия вводится корейский язык. Важным событием становится открытие первого высшего учебного заведения в Корее – Императорского университета Кэйдзё. Открытие университета позволило корейцам получить образование, не уезжая из страны. Тем не менее пренебрежительное отношение к жителям Кореи оставалось таким же явным. Например, преподавателями университета были только японцы, вступительные экзамены также сдавались на японском языке, из-за чего многие корейцы не могли поступить в вуз.

Помимо образования, реформы затронули политическую и экономическую сферу. Отмена в 1920 г. «Закона о компаниях» позволила корейцам вести экономическую деятельность и создать лояльное сообщество предпринимателей. Была создана система «местного самоуправления» и разрешился выпуск корейских газет. Эти меры способствовали появлению и укреплению лояльности в обществе, а также появлению среднего класса, который должен был

поддерживать власть метрополии в колонии. Такие меры одновременно привели и к распространению идей либерализма [13. С. 315].

Несмотря на введенные послабления, разграничения между японцами и корейцами продолжали существовать. Дискриминация корейского народа продолжала проявляться во всех сферах жизни. Жители, занимавшиеся сельскохозяйственной деятельностью, больше не могли быть собственниками земли, вся земля принадлежала генерал-губернаторству, а крестьяне могли её только арендовать за немисливо высокую плату. В весенний период наступал так называемый «чхунгун», когда рацион многих крестьян состоял из коры деревьев. Существовало 52 вида разнообразных налогов, в обществе было тотальное деление по национальному признаку, издавались разные законы для корейцев и японцев, заработная плата корейцев была меньше прожиточного минимума (около 70 сэн, в 1 йене – 100 сэн). Женщины корейского происхождения подвергались ещё большей дискриминации и угнетению, их труд оплачивался ниже, чем мужской, а многих отправляли в качестве «женщин для утешения» в бордели для японских солдат [3. С. 319; 14].

К третьему этапу (1930–1945 гг.) Японская империя переходит с началом наступательных действий в Маньчжурии. Начиная с 1930 г. изменения внутри метрополии сказываются и на колонии. Переход к активным военным действиям на территории Восточной Азии и большое влияние военных на администрацию имели воздействие на проводимые реформы в колонии. Политика, проводимая в Корее, становится более тоталитарной и должна была быть идентичной политике метрополии. Чтобы добиться полного культурного сходства между колонией и метрополией сходства, генерал-губернатор вмешивается в религиозную сферу корейцев. Для унификации религии корейцев и японцев, первых призывали посещать синтоистские святилища, позже посещение храмов становится обязательным для всех граждан, в том числе и для детей. В школьном образовании происходит повторное разделение, теперь школы подразделяются для тех, кто «говорит на государственном языке», и для тех, кто «не говорит на государственном языке». Для школьников был введен традиционный утренний ритуал повторения клятвы верности императору Японии, а корейский язык во всех школах утверждается как факультативный предмет. После реформы 1941 г. корейский язык исключался из школьной программы. Несмотря на запрет преподавания корейского языка, он оставался основным разговорным языком. Тотальный запрет на преподавание корейского языка, как указывалось в документах, не совсем соответствовал действительности. Понимая, что полный отказ от родного языка не будет способствовать успешному обучению, в учебниках для начальной школы использовался только «хангыль». В дальнейшем, по мере обучения, происходило усложнение языка с помощью добавления иероглифов, вместо хираганы, на которой пишутся окончания, использовался хангыль. Таким

образом, планировалось что к окончанию обучения школьники будут знать японский язык [15].

С 1939 г. в Корее усиливается насильственная ассимиляция – в добровольно-принудительном порядке корейцы должны были сменить свои национальные имена на японские.

Третий и заключительный этап колониальной политики Японии на Корейском полуострове называют «период ассимиляции». Ассимиляция становится насильственной вплоть до окончания Второй мировой войны. В современной специальной литературе она подвергается критике, критика исходит и от мирового сообщества за нарушения прав человека [16]. В последние несколько лет Япония неоднократно предпринимала шаги для восстановления мирных отношений с Республикой Корея. Сами корейцы воспринимают японскую политику неоднозначно. С одной стороны, она принесла определенную пользу стране и помогла ей с началом модернизации, с другой стороны, корейцы считают этот период временем угнетения страны и унижения национального достоинства жителей полуострова. Согласно опросам, порядка 78% населения страны ответили, что они относятся негативно к периоду японской оккупации [17].

Подводя общий итог японской политики в колонизированной Корее, можно сделать несколько основных выводов.

Во-первых, вариант ассимиляционной колонизации, своего рода инкорпорации корейской культуры в японскую и в дальнейшем проведение курса на её подмену, был выбран японским правительством достаточно успешно, учитывая их общие корни и схожую культурную основу, позволяющую безболезненно объединить две культуры.

Во-вторых, несмотря на схожую культуру, которая при правильном использовании «мягкой силы» позволила бы провести политику ассимиляции в полном объеме, расхождение в заявлениях и действиях японцев оказали противоположный эффект. Подобные моменты запоминались корейскому народу, что привело к абсолютно обратной реакции на политику метрополии, несмотря на достаточно модернизационные реформы в области образования для Кореи.

В-третьих, агрессивные действия по уничтожению корейской идентичности привели к массовым восстаниям и выступлениям за сохранение этничности, а также укреплению национально-освободительного движения среди молодежи.

В-четвертых, политика ассимиляции могла бы иметь более успешные результаты, если бы колониальное правительство не стремилось к полному уничтожению этничности, а к её сохранению и приумножению с помощью слияния японской и корейской культуры.

В-пятых, реформирование системы образования в соответствии с современными стандартами позволило повысить уровень грамотности населения. В 1910 г. уровень грамотности составлял приблизительно 2% от общей численности населения. В 1930-е гг. этот показатель увеличился в разы и составил практически 40% [18, 19].

Список источников

1. Тертицкий Ф.К. Образовательная политика Японии в колониальной Корее // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 20. С. 290–302.
2. Якимова Д.А. Политика Японии в области образования и воспитания в колониальной Корее (1910–1945 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6. С. 131–137.
3. Яковлева П.В. Положение Кореи в колониальный период // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Томск, 2012. С. 318–321.
4. Гайкин В.А. Корейское студенчество в Японии и «Декларация независимости» 1919 г // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 70–79.
5. Mark E. Caprio. Japanese assimilation policies in Colonial Korea 1910–1945. Seattle : University of Washington Press, 2009. 320 p.
6. Spieler M.F. The Legal Structure of Colonial Rule during the French Revolution // The William and Mary Quarterly. 2009. Vol. 66, is. 2. P. 365–408.
7. Olatunji Oloruntimehin B. Theories and realities in the administration of colonial french west africa from 1890 to the first world war // Journal of the Historical Society of Nigeria. 1972. Vol. 6, is. 3. P. 289–312.
8. Andrew C. M., Kanya-Forstner A.S. France, Africa, and the First World War // The Journal of African History. 1978. Vol. 19, is. 1. P. 11–23.
9. Mamdani M. Historicizing Power and Responses to Power: Indirect Rule and Its Reform // Social Research. 1999. Vol. 66, is. 3. P. 859–886.
10. Yunshik Chang. Growth of education in Korea 1910-1945 // Population and Development Studies Center. Seoul National University, 1975. Vol. 4. P. 40–53.
11. Указ об образовании 1911 г. как инструмент японской политики ассимиляции в корейском генерал-губернаторстве. URL: <https://koryo-saram.ru/ukaz-ob-obrazovanii-1911-g-kak-instrument-yaponskoj-politiki-assimilyatsii-v-korejskom-general-gubernatorstve/> (дата обращения: 12.01.2021).
12. Park Yukikhe. Cho:sen kyo:ikurei no kaisei ni miru «naisen kyōgaku» to kyo:ju yo:go mondai. Dai ni-ji Cho:sen kyo:ikurei o chu:shin ni («Совместное обучение в Корее» и проблема языка обучения в пересмотре «Закона об образовании в Корее»). Сосредоточение внимания на втором постановлении об образовании в Корее // Ajia chiiki bunka kenkyu. Tokyo : To:kyo:daigaku, 2015. P. 62.
13. Овчинникова Л.В. Колониальная Корея в зеркале секретных изданий японского генерал-губернаторства (1920–1945 гг.) // Ежегодник Японии. Т. 1. М., 2009. С. 311–323.
14. Yamamoto T. Nihon to:chi jidai no cho:sen hantj: ni okeru nihon hondo shushshin-sha no tenkai ichi tochi shoyu: to no kakawari o chu:shin ni // Rekishi-chi rigaku. 2003. Vol. 3, is. 1 (212). P. 3–19.
15. Nihon to:chi jidai no cho:sen no kyo:kasho. URL: http://www.nipponwomamorukai.jp/syutyou/hariharatakyuki/nihontoutijidai_no_tyousennokyokasyo.html (дата обращения: 12.03.2021).
16. Iljegangjeomgi. URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0047318> (дата обращения: 12.01.2021).
17. Japan colonial presence felt 100 years on. URL: <https://www.pri.org/stories/2010-08-30/japan-colonial-presence-felt-100-years> (дата обращения: 12.01.2021).
18. Gu-igjong, bagjihyang, gimcheol deung, sigminji sigiui saenghalsujun // Haebang jeonhusai jaesinsig. Seoul : Chaegsasang, 2006. P. 778.
19. Lee SunYoung. Shokuminchi Cho:sen ni okeru gengo seisaku to nashonarizumu — cho:sen syo:tokufu no Cho:sen kyo:iku-rei to Cho:sen gogaku-kai jiken o chu:shin ni // Ritsumeikan kokusai kenkyu. 2012. Vol. 25, is. 2. P. 145–169.

References

1. Tertickiy F.K. Obrazovatel'naya politika Yaponii v kolonialnoy Koree // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya. 2012. № 20. S. 290–302.
2. Yakimova D.A. Politika Yaponii v oblasti obrazovaniya i vospitaniya v kolonialnoy Koree (1910-1945 gg.) // Problemy Dalnego Vostoka. 2013. № 6. S. 131–137.
3. Yakovleva P.V. Polozhenie Korei v kolonialnyy period // Voprosy istorii, mezhdunarodnyh otnosheniy i dokumentovedeniya. Tomsk, 2012. S. 318–321.
4. Gaykin V.A. Koreyskoe studenchestvo v Yaponii i «Deklaraciya nezavisimosti» 1919 g // Rossiya i ATR. 2011. № 1. S. 70–79.
5. Mark E. Caprio. Japanese assimilation policies in Colonial Korea 1910-1945. Seattle : University of Washington Press, 2009. 320 p.
6. Spieler M.F. The Legal Structure of Colonial Rule during the French Revolution // The William and Mary Quarterly. 2009. Vol. 66, Is. 2. R. 365–408.
7. Olatunji Oloruntimehin B. Theories and realities in the administration of colonial french west africa from 1890 to the first world war // Journal of the Historical Society of Nigeria. 1972. Vol. 6, Is. 3. R. 289–312.
8. Andrew C. M., Kanya-Forstner A.S. France, Africa, and the First World War // The Journal of African History. 1978. Vol. 19, Is. 1. R. 11–23.
9. Mamdani M. Historicizing Power and Responses to Power: Indirect Rule and Its Reform // Social Research. 1999. Vol. 66, Is. 3. R. 859–886.
10. Yunshik Chang. Growth of education in Korea 1910-1945 // Population and Development Studies Center. Seoul National University, 1975. Vol. 4. R. 40–53.
11. Ukaz ob obrazovanii 1911 g. kak instrument yaponskoy politiki assimilyatsii v korejskom general-gubernatorstve. URL: <https://koryo-saram.ru/ukaz-ob-obrazovanii-1911-g-kak-instrument-yaponskoj-politiki-assimilyatsii-v-korejskom-general-gubernatorstve/> (data obrashcheniya: 12.01.2021).
12. Park Yukikhe. Cho:sen kyo:ikurei no kaisei ni miru «naisen kyōgaku» to kyo:ju yo:go mondai. Dai ni-ji Cho:sen kyo:ikurei o chu:shin ni («Sovmestnoe obuchenie v Koree») i problema yazyka obucheniya v peresmotre «Zakona ob obrazovanii v Koree». Sosredotochenie vnimaniya na vtromom postanovlenii ob obrazovanii v Koree // Ajia chiiki bunka kenkyu. Tokyo: To:kyo:daigaku, 2015. P. 62.
13. Ovchinnikova L.V. Kolonialnaya Koreya v zerkale sekretnyh izdaniy yaponskogo general-gubernatorstva (1920-1945 gg.) // Ezhegodnik Yaponiya. T. 1. M., 2009. S. 311–323.
14. Yamamoto Takatsugi. Nihon to:chi jidai no cho:sen hantj: ni okeru nihon hondo shushshin-sha no tenkai ichi tochi shoyu: to no kakawari o chu:shin ni («Razvitie lyudey iz materikovoy Yaponii na Koreyskom poluostrove v yaponskuyu kolonialnyuyu epohu - akcent na svyazi s zemlevladieniem») // Rekishi-chi rigaku. Tokyo, 2003. Vol. 3, Is. 1 (212). P. 3–19.
15. Nihon to:chi jidai no cho:sen no kyo:kasho («Koreyskie uchebniki v yaponskuyu kolonialnyuyu epohu»). URL: http://www.nipponwomamorukai.jp/syutyou/hariharatakyuki/nihontoutijidai_no_tyousennokyokasyo.html (data obrashcheniya: 12.03.2021).
16. Iljegangjeomgi (Period yaponskoy okkupatsii). URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0047318> (data obrashcheniya: 12.01.2021).
17. Japan colonial presence felt 100 years on. URL: <https://www.pri.org/stories/2010-08-30/japan-colonial-presence-felt-100-years> (data obrashcheniya: 12.01.2021).
18. Gu-igjong, bagjihyang, gimcheol deung, sigminji sigiui saenghalsujun (Priznanie istorii osvobodzheniya i voyny) // Haebang jeonhusai jaesinsig. Seoul: Chaegsasang, 2006. P. 778.
19. Lee SunYoung. Shokuminchi Cho:sen ni okeru gengo seisaku to nashonarizumu — cho:sen syo:tokufu no Cho:sen kyo:iku-rei to Cho:sen gogaku-kai jiken o chu:shin ni («Issledovanie regionalnoy yazykovoy politiki v Koree v period Yaponskogo kolonialnogo pravleniya:

Rassmotrenie voprosa o prinyatii Dekretov na koreyskom yazyke Koreyskoy sistemoy obrazovaniya») // Ritsumeikan kokusai kenkyu. Kyoto, 2012. Vol. 25, Is. 2. P. 145–169.

Информация об авторе:

Наздрюхина Е.В. – аспирант кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nazelizaveta@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nazdryukhina E.V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nazelizaveta@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2021;
одобрена после рецензирования 20.04.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.03.2021;
approved after reviewing 20.04.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 94(470-570)
doi: 10.17223/15617793/474/23

Государственное регулирование аграрной экономики Советской России в условиях социальных девиаций новой экономической политики. Институциональный аспект

Наталья Петровна Носова

Тюменский государственный университет, Тюмень, россия, nosova-np@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка рассмотреть проблему воздействия Советского государства на крестьянство и аграрную экономику через призму анализа государственных институций, через дискурс организации государственной власти в течение целевого исторического периода новой экономической политики, а также проследить, как и на каких принципах формировалась модель (парадигма) управления, выявив при этом проблемы и парадоксы реализации формировавшейся модели.

Ключевые слова: советская власть, крестьянство, аграрная экономика, государственное управление, государственный аппарат, новая экономическая политика

Для цитирования: Носова Н.П. Государственное регулирование аграрной экономики Советской России в условиях социальных девиаций новой экономической политики. Институциональный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 198–208. doi: 10.17223/15617793/474/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/23

The state regulation of the agrarian economy of Soviet Russia in the context of the social deviations of the new economic policy. The institutional aspect

Natalia P. Nosova

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, nosova-np@mail.ru

Abstract. This article studies the organization of managing the agrarian sector of the economy in the early years of the Soviet state, during the search for a new managerial algorithm and the foundation of state institutions, which later became the basis for a powerful state machine.

In the framework of looking for a new concept of social management during the transition to a new economic policy, the author proposes defining the change in public administration as the formation of a new institutional design, which is based on political goal-setting (taking into account the interests of the power groups initiating this process) and implemented through a system of norms and institutions. The effectiveness of the changes in the institutional design depends on a number of issues: the development success of the transformations program; the sequence of implementation actions by the power structures; and the reaction of the social environment (which is the target of the institutional changes), i. e. its support or rejection of introducing new institutions.

In connection with the proposed research concept, this article considers the problem of the impact, which the Soviet state had on the peasantry and the agrarian economy, through the analysis of state institutions and the discourse of the state power organization during the whole historical period of the new economic policy. In addition, the author traces the ways and principles of forming the model (paradigm) of the management, revealing the problems and paradoxes of implementing the emerging model.

The results show that the construction of the state apparatus for agricultural management in the 1920s fully reflected the specifics of the Soviet power as a “party-state” system. The search for new governance structures was primarily in line with the tasks of stabilizing the new government. In the first half of the decade, these reasons led to the weakening of the centralization in agricultural management, which forced its intensification when the course of pluralism in the economy did not deliver the desired results in politics. By the mid-1920s, the agricultural management (along with the development of the new economic policy’s principles) saw the predominance of new principles that went beyond the state regulation of production in individual peasant farming and then formed the foundation of its socialist restructuring. Certain changes happened in the system of the agricultural management bodies. Along with the existing ones, a system of new state institutions was created to manage the socialist sector of the agrarian economy.

Keywords: Soviet power, peasantry, agrarian economy, state administration, state apparatus, new economic policy

For citation: Nosova, N.P. (2022) The state regulation of the agrarian economy of Soviet Russia in the context of the social deviations of the new economic policy. The institutional aspect. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 474. pp. 198–208. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/23

Современная трансформация российского общества показала, что проблема государственного управления в условиях социальных изменений становится одной из ключевых. Особенно интересен в связи с этим опыт Советского государства, в котором реализована модель использования государства как основного инструмента общественных преобразований. Одним из перспективных направлений научных исследований может стать изучение организации управления обществом в начальный период советской власти, когда идет поиск нового алгоритма управления, а указанная парадигма только формировалась и были заложены основы государственных институтов, которые впоследствии стали фундаментом мощной государственной машины.

Наиболее рельефно этот исторический сюжет представлен в практике государственного управления аграрной экономикой. Именно в области экономики решались кардинальные проблемы построения нового строя, оказывающие непосредственное влияние на все сферы общественной жизни, определявшие, в конечном счете, тип и характер развития страны. Своеобразие задач управления в Советской России определялось тем, что созидательные задачи пришлось решать в аграрной стране, когда крестьянство не являлось политической основой власти.

Опыт управления аграрной экономикой в Советской России, формирование каналов воздействия государства на деревню, включая институциональный аспект, были предопределены, прежде всего, конкретно сложившейся ситуацией, связанной с приходом к власти большевиков, поиском модели регулирования крестьянской экономики. Особенно интересным оказался опыт новой экономической политики. Не случайно поэтому определена хронология исследования.

Интерес историков к поставленной проблеме проявился сравнительно давно. Большой вклад в исследование истории советской доколхозной деревни внесли труды В.П. Данилова. В его работах, наряду с освещением разных сторон социально-экономических отношений, рассматриваются и институциональные аспекты аграрных преобразований первых лет советской власти [1, 2]. Предпринимались и отдельные попытки исследования организации и деятельности государственных органов по реализации политической доктрины советской власти в деревне [3, 4].

В современной отечественной литературе идет переоценка существовавших ранее позиций. Происходит становление и развитие новых парадигм изучения советской и российской аграрной истории. Подробный анализ историографии аграрной проблематики представлен в фундаментальном труде «Аграрная история XX века. Историография и источники» [5], а также в многотомном труде «История крестьянства России в XX в. [6]. Особую группу работ, в которых наиболее продуктивно с современных позиций рас-

сматриваются отдельные аспекты исследуемой проблемы, представляют труды по изучению экономической мысли в первое десятилетие советской власти. Эти работы проливают дополнительный свет на механизмы влияния идеологических установок при формировании как теоретической, так и практической модели государственного управления аграрной экономикой [7–11].

Определенный вклад в изучение поставленной проблемы вносят зарубежные исследователи [12–16]. Защищаются диссертационные работы, анализирующие совместное сотрудничество российских и зарубежных исследователей [17].

Однако процесс создания различных инструментов воздействия Советского государства на деревню не может считаться полным без рассмотрения процессов формирования модели государственного управления новой власти, системы органов власти, их деятельности. Данная исследовательская проблема не рассматривалась в дискурсе организации власти в конкретный исторический период новой экономической политики.

В условиях поиска новой концепции управления обществом при переходе к новой экономической политике изменение государственного управления можно определить как формирование нового институционального дизайна, основанного на политическом целеполагании, учитывающие интересы иницирующих данный процесс властных групп, и реализуемого через систему норм и институций. Эффективность изменений в институциональном дизайне зависит от того, насколько удачно разработана программа преобразований, от последовательности действий властных структур по ее реализации и от реакции социальной среды, на которую рассчитаны институциональные изменения, ее поддержки или отторжения при внедрении новых институтов.

Предлагаемый исследовательский подход позволяет рассмотреть проблему воздействия советского государства на крестьянство и аграрную экономику через призму анализа государственных институций, через дискурс организации государственной власти в течение цельного исторического периода новой экономической политики, проследить, как и на каких принципах формировалась модель (парадигма) управления, выявив при этом проблемы и парадоксы реализации формировавшейся модели. Предложенная концепция анализа дает возможность более продуктивно изучить процессы, находящиеся на стыке политической истории (процессы целеполагания, разработки программы, политической линии), истории Советского государства и его институтов (как главного инструмента реализации политической цели), социальной и экономической истории (реакция социальной и экономической среды на институциональные преобразования).

Переход страны в начале 1920-х гг. от «военного коммунизма» к нэпу явился выходом не только из создавшегося кризисного положения, он означал гораздо большее: попытку переосмысления самой концепции перехода от капитализма к социализму, модели социалистического строительства. Становится очевидной и несбыточность надежд на непосредственный, краткосрочный переход страны к новому строю, нежизненность в новых условиях многих «военно-коммунистических» схем и представлений. В партийных, государственных, научных кругах начинается работа по переоценке послеоктябрьского опыта, в острых дискуссиях ведутся поиски новых путей движения вперед. Этот период характеризуется складыванием различных, порой противоречащих друг другу концепций управления, которые получали право на жизнь и проверку жизнью.

Первым практическим шагом на пути установления новых хозяйственных отношений были, как известно, отмена продразверстки и введение продналога, провозглашенные X съездом РКП(б). Однако это еще не означало признания необходимости широкого развития материальных стимулов сельскохозяйственного производства. При переходе от «военного коммунизма» к нэпу сохранялись преимущественно административные методы управления и соответствующий им аппарат государственного управления. Наглядно это можно проследить на процессах планирования в сельском хозяйстве.

Созданная по решению VIII съезда Советов (декабрь 1920 г.) производственная комиссия Народного комиссариата земледелия, в которую вошли представители ВСНХ, Наркомпрода и ЦСУ РСФСР, продолжала разрабатывать государственный план засева, хотя жизнь показала утопичность подходов к планированию индивидуального крестьянского хозяйства. В феврале 1921 г. была создана Государственная плановая комиссия (Госплан) при Совете труда и обороны. В составе Госплана вопросами сельскохозяйственного производства занималась сельскохозяйственная секция [18. Л. 2, 14, 16], которой руководил перешедший из Народного комиссариата земледелия С.П. Середа, в годы Гражданской войны возглавлявший наркомат земледелия. Плановая комиссия (Земплан) была создана в составе Наркомата земледелия РСФСР. 28 марта был утвержден персональный состав Земплана. Его председателем был назначен В.В. Осинский, заместителем – И.А. Теодорович, членами – М.Е. Шефлер, Л.С. Марголин, Н.С. Богданов. Однако Земплан даже не имел собственного технического аппарата и выполнял скорее научно-консультативные функции. Связь с Госпланом он должен был осуществлять через коллегию Наркомзема [19. Л. 72, 73].

15 апреля 1921 г. коллегия Наркомзема решила организовать вспомогательный орган, который бы готовил материалы для работ Земплана и коллегии, – Экономическое совещание (ЭКОСО). ЭКОСО призвано было «объединить научные и практические силы и помочь Наркомзему в выработке мероприятий по восстановлению сельского хозяйства страны». На него возлагались предварительная разработка общего пла-

на работ наркомата, согласование плановых работ отделов и управлений Наркомзема с другими ведомствами и составление сводных данных о состоянии сельского хозяйства в республике [20. Л. 81].

Однако на практике получилась полная подмена Плановой комиссии Экономическим совещанием. Четкого разграничения функций между ними не было. Со второй половины 1921 г. Плановая комиссия почти не собиралась. 18 мая 1922 г. коллегия НКЗ объединила эти два органа и приняла Положение о Плановой комиссии [21. Л. 1].

Согласно принятому Положению во главе Земплана находился президиум, который назначался коллегией комиссариата. В состав президиума вошли: Н.А. Теодорович (председатель), а также видные ученые Н.Д. Кондратьев, А.Л. Рыбников, П.Н. Першин, Н.П. Рудин, Д.Н. Прянишников. Позднее к работе в Земплане были привлечены П.И. Лященко, В.Н. Книппович, Н.М. Тулайков и др. [22. Л. 2]. В задачи Земплана входила разработка на основании предварительных указаний Госплана планов развития отраслей сельского и лесного хозяйства и представления их в Госплан, а также рассмотрение и согласование плановых предложений и мероприятий всех управлений и хозяйственных органов НКЗ, подготовка для коллегии НКЗ заключений по отчетам о выполнении отдельными его подразделениями установленных планов. Однако учитывая то обстоятельство, что основу крестьянской экономики составляло индивидуальное крестьянское хозяйство, которое в новых рыночных условиях не поддавалось жесткому плановому регулированию государственных органов, фактически Земплан все больше превращается в научный центр при коллегии Наркомзема, что окончательно было закреплено в Положении о Наркомземе от 26 ноября 1923 г. [23. Ст. 903].

Основной особенностью начального этапа реорганизации государственных органов управления сельским хозяйством при переходе к нэпу было стремление решать новые задачи прежними административными методами. В НКЗ по-прежнему планировались «ударные» мероприятия с подробной регламентацией действий местных органов и крестьянских хозяйств. В системе комиссариата земледелия продолжали действовать чрезвычайные органы. Важную роль среди существовавших чрезвычайных органов играли Комитет посевной площади и посевкомы на местах [24. Л. 198, 218, 220]. Как показала практика, процесс инерционного действия «военно-коммунистических» принципов административного вмешательства в крестьянскую экономику был более длительным и мучительным, чем в других отраслях народного хозяйства.

Отказавшись от продразверстки как метода контроля и непосредственного воздействия на крестьянскую экономику, государство пытается расширить сферу своего регулирующего воздействия в разных областях сельского хозяйства используя инструменты рыночной экономики. Важным рычагом здесь должна была стать сельскохозяйственная кооперация.

В июне-июле 1921 г. в Наркомземе был поднят вопрос о сельскохозяйственной кооперации. По пред-

ложению коллегии комиссариата руководство и контроль за сельскохозяйственной кооперацией должен осуществлять Наркомзем через особый аппарат во главе с членом коллегии НКЗ. Последнее обстоятельство вызвало бурный протест со стороны кооператоров. Тем не менее в июле 1921 г. кооперативный отдел Наркомзема был создан, а член коллегии комиссариата П.А. Месяцев был назначен ответственным за все дела сельскохозяйственной кооперации и представителем НКЗ в центральной сельскохозяйственной секции Центросоюза [19. Л. 167, 173].

Опубликованный 16 августа 1921 г. декрет ВЦИК и СНК о сельскохозяйственной кооперации внес коррективы в планы Наркомзема. Согласно декрету сельскохозяйственная кооперация становилась независимой от потребительской и промысловой и от НКЗ. На Наркомзем же возлагалась обязанность наблюдать за исполнением декрета. Организационно сельскохозяйственная кооперация возглавлялась Сельскосоюзом и была самостоятельна в способах осуществления своей деятельности [25. Ст. 434]. И все же функции государственных земельных органов по отношению к сельскохозяйственной кооперации в первые годы после перехода к нэпу не ограничивались просто наблюдением. Наркомзем и его местные органы занимались разработкой законодательных положений, улаживанием конфликтов между государственными органами и сельскохозяйственной кооперацией, вели учет сельскохозяйственных кооперативных организаций [26. С. 12].

С переходом к нэпу правовые основы сельскохозяйственной кооперации еще не были до конца осознаны. Почти сразу после принятия декрета «О сельскохозяйственной кооперации» НКЗ обсуждал вопрос о распространении его на колхозы. В декабре 1921 г. по решению IX съезда Советов колхозы вошли в систему сельхозкооперации. Позднее, в конце 1924 г., по рекомендации НКЗ в Сельскосоюзе был создан отдел коллективного земледелия [27. Л. 33; 28]. Направление, заданное поиску возможных путей перехода к социализму в новых исторических условиях, могло оказаться продуктивным.

Несмотря на провозглашение нового курса и свободы экономических отношений, пролетарское государство пытается воздействовать и держать под своим контролем крайне противоречивую с точки зрения возможностей революционных преобразований сферу сельского хозяйства.

Эту тенденцию отразило и Положение о Наркомземе, разработанное в октябре 1921 г. Согласно ему Наркомзем РСФСР, являясь центральным органом РСФСР, должен осуществлять свои задания «по развитию и укреплению всех отраслей сельского хозяйства Республики и организации его в направлении социалистических форм и отношений». Такая формулировка задач Наркомзема была оценена как преждевременная и не соответствующая главному направлению новой экономической политики в сельском хозяйстве, основанному на рыночной, восстановительной модели сельскохозяйственного производства, но все же исходила из общей доктрины социалистиче-

ского строительства. Проект не был утвержден СНК РСФСР. Но структура наркомата, согласно Положению, признана официально действующей. Именно она приводилась в отчете Наркомзема РСФСР за 1921 г. IX Всероссийскому съезду Советов [26. С. 28–31; 27. Л. 38–43].

Да это и понятно, трудно было юридически адекватно определить нормы организации и деятельности органов управления, которые функционировали в условиях меняющегося политического курса. Именно наличие противоречий, а порой парадоксов в выработке решений свидетельствует о мучительном поиске новых путей, о том, что действительный смысл новой экономической политики был понят далеко не сразу.

В этих условиях противоречия как в хозяйственных отношениях, так и в попытках их государственного коммунизма, не годились для регулирования новых общественных отношений. Необходимо было «срочно пересмотреть действующее земельное законодательство в целях полного согласования с основами новой экономической политики и превращения его в стройный, ясный, доступный пониманию каждого земледельца свод законов о земле» [29. Ст. 41]. Именно это имел в виду В.И. Ленин, когда 12 февраля 1922 г. спрашивал в письме к наркому юстиции Д.И. Курскому: «Что же делается для кодификации? – для устранения противоречий» [30. С. 166].

Попытки сконцентрировать преимущественные функции по государственному управлению сельским хозяйством в Наркомземе РСФСР в каком-то смысле облегчили эту задачу. Решением IX Всероссийского съезда Советов Наркомзему РСФСР присваивались функции по кодификации советского земельного законодательства, которые до этого входили в обязанность Наркомюста. На основании решения съезда НКЗ разработал программу кодификационных работ [31. Л. 51–53, 76]. Согласно программе было решено создать полный свод законов и земле. Он должен был содержать уложения: земельное, водное, лесное и о сельском хозяйстве.

В течении 10 месяцев 1922 г. была проделана колоссальная работа по приведению в единство всего созданного после Октября земельного законодательства. 31 октября 1922 г. IV сессия ВЦИК утвердила Земельный кодекс РСФСР [32], который заменял все предшествующее законодательство, представлял собой как бы конституцию земельного строя республики. За ним последовало создание Лесного кодекса (июль 1923 г.) и Ветеринарного устава (ноябрь 1923 г.) [33]. К сожалению, эта работа так и не была завершена в полном объеме.

С переходом к новой экономической политике значительно выросло количество спорных земельных дел. Это было связано с запутанностью поземельных отношений, отсутствием четкого определения прав землепользователей, возросшим интересом к расширению посевов и др. До 1922 г. специальных органов для разрешения спорных земельных дел не было. Функции земельного суда исполняли административные органы – волостные, уездные и губернские земотделы и Наркомзем РСФСР.

Складывание новых экономических отношений требовало создания специального земельного суда. В этом вопросе между Наркомземом и Наркомюстом не было единогласия. Наркомюст стремился к передаче разрешения споров по землепользованию общим судебным учреждениям, оставив Наркомзему лишь дела по землеустройству. Наркомзем же считал, что при земорганах должны существовать особые судебные коллегии, которые и будут разрешать спорные дела по землеустройству и землепользованию с участием представителей-крестьян [34. С. 198].

На основании проектов Наркомзема и Наркомюста было подготовлено постановление, утвержденное ВЦИК 24 мая 1922 г. [35. Ст. 428]. Согласно ему функции по разрешению земельных споров были возложены на специальные волостные, уездные и губернские земельные комиссии. При комплектовании состава земельных комиссий всех уровней строго соблюдался классовый подход. Большинство членов земельного суда были рабочими и крестьянами и членами или кандидатами в члены ВКП(б).

Ведению земельных комиссий подлежали все спорные дела, возникшие при землеустройстве и о правах на землепользование. Никакие местные органы Республики не имели права принимать к производству земельные споры и вмешиваться в их рассмотрение, приостанавливать исполнение, изменять или отменять вынесенные комиссией постановления. Высший контроль по земельным делам и рассмотрение кассационных жалоб на решения губземкомиссий производились Наркомземом и Наркомюстом в Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам. Следовательно, по своей юридической природе земельные комиссии занимали промежуточное место между административными и судебными органами. С одной стороны, они состояли при исполкомах местных Советов и комплектовались последними, а с другой – принципы организации и деятельности их и судебных органов были во многом схожи.

Только после принятия Земельного кодекса, определившего функции государственных земельных органов и правовые основы их деятельности, а также после решения X съезда Советов, упразднившего все чрезвычайные органы по руководству сельским хозяйством, наметилась новая тенденция в реорганизации управляющего аппарата. К этому времени опыт земельных органов показал, что руководить развитием миллионной массы крестьянских хозяйств их центра крайне трудно.

Децентрализация управления экономикой в связи с переходом к нэпу вела к усилению роли местных хозяйственных органов. Однако практически проблема соотношения центральной и местной государственной власти оказалась очень непростой. Как реализовать расширившиеся функции местных органов, ни в центре, ни на местах не знали. В конце 1921 г. на Всероссийском съезде земельных отделов Народный комиссариат земледелия не предложил конкретной программы оживления работы местных земельных органов. Не представляли, как поступить с посевами, которые сыграли определенную положительную роль

в посевной кампании 1921 г., а в новую обстановку уже «не вписывались». Было предложено заменить их сельскохозяйственными комитетами из 7 человек при экономических совещаниях исполкомов, упразднив при этом все другие земорганы [36. Л. 218]. Трудность состояла в том, что земельным органом на местах приходилось контактировать с множеством органов и организаций, связанных с сельским хозяйством, экономическими совещаниями губисполкомов, местными подразделениями Всеработземлеса, кооперативными организациями и др. Но практика постепенно подсказала решение.

В мае 1923 г. коллегия Наркомзема приняла «Положение о местных губернских (областных) органах Народного комиссариата земледелия» [37. Л. 10–14], в котором сообщалось, что местными органами НКЗ РСФСР в губерниях и областях, входящих в состав РСФСР, являются: в губерниях – губернские земельные управления (ГЗУ – земотделы губернских исполнительных комитетов), в областях – областные земельные управления (ОблЗу – земельные отделы областных исполнительных комитетов). В документе определялись структура, функции этих органов, их отчетность в соответствии с новыми задачами.

Важным принципом, положенным в основу реорганизации в 1923 г. органов государственного управления аграрной экономикой, было приближение аппарата местных земельных органов непосредственно к крестьянскому хозяйству, установление внутренней структуры земельных органов в центре и на местах в соответствии с основными чертами крестьянского хозяйства. В связи с этим большая роль отводилась агрономическим, ветеринарным и другим участкам, которые со временем должны были стать низовой сетью Наркомата земледелия и тем непосредственным звеном, через которое Советское государство могло воздействовать на производство в индивидуальных крестьянских хозяйствах, имея вариант обратной связи. При этом настоятельно рекомендовалось использовать опыт организации земской агросети [38. Ст. 328].

На X съезде Советов был поставлен вопрос об активизации деятельности агрономической сети как одного из основных каналов возрождения земледелия. До революции агрономическая служба находилась в ведении земств. Теперь же мыслилось, что участковая агрономия должна стать «составной частью местных земельных органов и явиться связующим звеном между государственными органами и крестьянским хозяйством» [39. Ст. 90]. Предполагалось, что участковый агроном, работавший непосредственно среди крестьян, знал их хозяйство, их особенности, обстановку и нужды. Именно в такой организации агросети виделась преемственность с земской агрономией.

Практическая реализация этой идеи затянулась. Поэтому XI Всероссийский съезд Советов обязал Наркомзем разработать и провести через ВЦИК Положение об организации агрономической помощи населению. Второе совещание земельных работников РСФСР в марте 1924 г. выработало соответствующий проект, который позднее был принят почти без изменений под названием «Положение об агрономической

организации Наркомата земледелия РСФСР» [40. Л. 5–6].

Согласно «Положению» общее организационное руководство мероприятиями агрономической помощи населению возлагалось на губернских и уездных агрономов при содействии специалистов по различным отраслям сельского хозяйства. Непосредственная работа в крестьянском хозяйстве всецело лежала на участковом (районном) агрономе и дополнявшем его специальным персонале участка. Участковый агроном, работавший непосредственно среди крестьянского населения, знал его хозяйство, его особенности, обстановку и нужды. Именно в такой организации агросети выделась преемственность с земской агрономией.

Планировалось, что расходы агрономической организации оплачивались за счет местных средств. Наркомземом же производились лишь незначительные ассигнования, которые составили не более 3–4% необходимых сумм. Поэтому если в начале 1923 г. число участков превышало 2 000, то в конце года их осталось только 1 200. Радиус действия агрономических участков увеличился в некоторых губерниях до размеров целых уездов [41. С. 42–44]. На одного агронома в среднем приходилось 8–9 тыс. хозяйств. Наркомзем же ставил перед собой задачу иметь по одному агроучастку в каждой волости, по возможности содержать его за счет первичной сельскохозяйственной кооперации и довести число их до 4 000. Однако даже в то время осознавалась утопичность подобных подходов. В 1924 г. при обсуждении этого вопроса в Госплане П.С. Маслов заявил, что такое «проектирование даст в конечном итоге митинговых ораторов, не подкрепляющих ничем свои советы, или чисто бюрократический аппарат, действующий только не бумаге» [42. Л. 2].

В это время продолжается привлечение крестьян в состав государственного аппарата управления сельским хозяйством. Привлечение на руководящую работу крестьян-выдвиженцев имело целью нейтрализовать «оживление» работы старослужащих специалистов в госорганах. По сведениям Наркомзема РСФСР, в 1924 г. на местах для работ в земельном аппарате было вовлечено 95 крестьян, из которых в губернский аппарат – 40, в уездный – 55 (193). В 1925 г. из 361 человека, привлеченного к работе в земорганах, 92 были использованы в губернском аппарате, 269 – в уездном. Члены РКП(б) составляли 24,4% аппарата, 40,7% принадлежали к беднякам, 59,3% – к середнякам, 4,3% имели среднее образование, 95,7% – низшее [43. С. 575]. Большинство из них работали заведующими ГЗУ и УЗУ, председателями губернских и уездных комиссий.

1923 г. принес изменения и в организацию партийной работы в деревне. По решению Оргбюро ЦК(РКП)б в августе 1923 г. при ЦК была создана Комиссия по работе в деревне с целью выполнения постановления XII съезда РКП(б). Статус комиссии говорил о ее временности. Перспективы партийной работы в деревне еще не определялись. 13 августа состоялось первое заседание Комиссии [44. Л. 16].

Из положения о Комиссии по работе в деревне видно, что Комиссия создавалась при Секретариате ЦК и председателем ее был один из секретарей ЦК. Функции Комиссии несколько отличались от функции предыдущего отдела ЦК по работе в деревне. Она уже не ставит перед собой задачи непосредственного контакта с крестьянами через систему своих органов, предполагает поддерживать тесную связь с отделами ЦК, ЦКК, с ЦК РКСМ, фракциями ВЦИК и другими советскими органами, а также с ВЦСПС и кооперативными организациями, давая им задания по работе в деревне, используя имеющиеся у них материалы для совместной разработки проектов разных постановлений и декретов, проводить их через ЦК и следить за их проведением в жизнь [44. Л. 6, 7]. Своего технического аппарата Комиссия не имела, а для текущей и подготовительной работы из своего состава выделяла Секретариат из пяти человек. Секретарь Комиссии освобождался от другой деятельности, все остальные работали по совместительству в отделах ЦК. Один раз в три месяца Комиссия должна была отчитываться о своей деятельности в ЦК.

Состав Комиссии не был постоянным. Заседания ее проводились без определенной периодичности, в силу необходимости. В сентябре 1924 г. она меняет свой статус, получив название «Совещание», что в принципе не изменило характера ее работы. К этому времени в Комиссии появился постоянный председатель – секретарь ЦК В.М. Молотов, а в качестве члена наряду с другими вошли М.И. Калинин, И.В. Сталин, Н.К. Крупская [45. Л. 4]. Совещание также не имело своих подразделений на местах, а действовало через аппарат центральных государственных органов и территориальных партийных комитетов.

С переходом к новой экономической политике впервые в практике государственного управления сельским хозяйством был поставлен вопрос о хозяйственном расчете.

В 1922 г. в Наркомземе РСФСР была разработана программа по внедрению хозяйственного расчета. По постановлению коллегии 14 августа 1922 г. был создан специальный орган – Секретариат по коммерческим делам, в котором была сосредоточена работа по организации и руководству хозрасчетными предприятиями НКЗ [43. С. 48].

Первыми на новую систему хозяйствования были переведены совхозы. Постановлением Совнаркома РСФСР от 13 июня 1922 г. основная масса их была снята с государственного финансирования. Совхозы могли рассчитывать лишь на долгосрочный и краткосрочный кредиты. Все совхозы в пределах губернии предписывалось объединить в сельтресты [46. Л. 110–110 об.]. Трестам принадлежала вся полнота административно-хозяйственных прав в распоряжении имуществом, орудиями и средствами производства совхозов, а также денежными ресурсами, которые тресты могли использовать по своему усмотрению в интересах выполнения производственных планов. Тресты несли всю полноту ответственности за организацию производства и сбыта, выполнение государственных заданий.

Для управления трестированными совхозами был создан особый независимый орган Государственный российский сельскохозяйственный синдикат (Госсельсиндикат). 11 августа 1922 г. Наркомзем РСФСР утвердил его устав [47]. Учредителем Госсельсиндиката стал Наркомзем РСФСР, который вложил в его основной капитал 2 млн рублей золотом по официальному курсу. В состав Госсельсиндиката на договорных условиях вошли тресты совхозов. Управление делами синдиката возлагалось на собрание пайщиков, совет и правление. Госсельсиндикат должен был стать единым хозяйственным центром, в котором объединялись бы хозяйственная, производственная, финансовая и торговая деятельность государственных сельскохозяйственных предприятий (совхозов).

Однако уже в начале 1923 г. при обсуждении вопроса о Госсельсиндикате в Госплане было заявлено, что централизация управления трестами совхозов необходима, но со стороны государственных органов. Что касается функций Госсельсиндиката по управлению производством в трестированных совхозах, то ему предоставлять их не следует [48. Л. 22, 30 об.]. В это же время нарком земледелия А.П. Смирнов шлет всем заведующим губземотделами письмо под грифом «секретно-лично», где возлагает на них личную ответственность за работу всех губернских земельных органов и требует поставить под свой контроль губсельтресты.

Такой подход фактически превращал Госсельсиндикат лишь в особую хозяйственную организацию Наркомзема РСФСР и в управлении совхозами ему предоставлялись ограниченные функции – регулирование сбыта продукции и защита торговых интересов трестов на рынке.

Процесс трестирования и синдицирования советских хозяйств начался в 1922 г. и закончился в основном к концу 1924 г. Хозяйственный расчет и экономические методы управления государственными предприятиями в сельском хозяйстве были свернуты в угоду жесткой централизации в управлении. Как заметил заместитель народного комиссара земледелия РСФСР А.И. Свидерский, совхозы не стали ни фабриками зерна, ни агрикультурными хозяйствами, поэтому «внимание к ним упало, хотя теоретически мы понимали, что построить социализм без них нельзя, но только теоретически» [49. Л. 14–15]. Перелом наступил с изменением политического курса в 1925 г.

Ответственность за перспективы совхозного движения взял на себя ЦК РКП(б). Он признал «недопустимым невнимательное отношение со стороны советских и партийных органов к совхозам» и потребовал принятия мер по их укреплению. 9 февраля 1925 г. было принято постановление «О совхозах», им отводилась ведущая роль в социалистической реконструкции сельского хозяйства, в переводе мелких крестьянских хозяйств на путь крупных.

6 марта 1925 г. СНК РСФСР принял постановление «О мероприятиях по укреплению экономического положения советских хозяйств» [50. Ст. 121]. Согласно ему государством оказывалась большая финансовая и материально-техническая поддержка тестиру-

емым совхозам РСФСР. Как видим, регулятором становится не нэповский хозрасчет, а политически ангажированная система административно-хозяйственного регулирования.

Произошли изменения и в управлении совхозами. Госсельсиндикат был ликвидирован. Тресты совхозов еще некоторое время продолжили свое существование. За ними оставалось общее руководство работой совхозов, планирование и финансирование их путем распределения целевых кредитов и дотации, получаемых от государства. Все остальные вопросы оперативно-производственного управления были отнесены к компетенции заведующих губземотделов, которые лично несли ответственность перед губернскими партийными и советскими органами за состояние дел в совхозах. К концу 1920-х гг. все больше прав и полномочий получают директора совхозов, каждый из которых являлся членом правящей партии.

В 1928 г. внимание к совхозам вновь возрастает. В мае 1928 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) создается комиссия, которая обсуждает вопросы создания новых зерновых совхозов с товарной продукцией на 100 млн пудов. Срок для создания таких хозяйств устанавливается в 4 года. Оценить проект, подготовленный комиссией, было предложено ведущим ученым-аграрникам А. Чайнову, Н. Кондратьеву, П. Маслову, Н. Макарову. Они высказали опасения, что «это будут плохо организованные хозяйства». Однако в условиях срыва хлебозаготовок идея кажется привлекательной [51. С. 334].

Логическим завершением тенденции жестко централизованного управления государственными предприятиями в сельском хозяйстве стало образование в 1932 г. Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР, независимого от НКЗ СССР [52. Ст. 435].

1925 г. стал переломным и в организации управления колхозами. С переходом к нэпу пришлось отказаться от мысли создать различные типы коллективных хозяйств в крупном масштабе, хотя на словах и сохранялась приверженность будущему коллективизированному сельскохозяйственному производству. К середине 1920-х гг. меняется политическая линия. Механизмы свертывания нэпа становятся необратимыми. Вновь актуальными стали дебаты о путях дальнейшего движения вперед [7. С. 165–182]. В связи с желанием противостоять росту сельского капитализма путем создания социалистических «командных высот» в деревне вновь стал обсуждаться вопрос об организации коллективных хозяйств. К этому же толкала и неудачная заготовительная кампания 1924–1925 гг., вызванная неурожаем в 1924 г.

Возникли серьезные затруднения в реализации партийных решений. Партия не могла воздействовать на развитие коллективных хозяйств через соответствующий государственный аппарат в силу его отсутствия.

В феврале 1925 г. после длительного перерыва (в 1919 г. состоялся первый съезд колхозов, в 1921 г. – второй) было созвано Всесоюзное совещание колхозов, которое фактически имело значение съезда. На

совещании было решено создать Всесоюзный Совет сельскохозяйственных коллективов (колхозов) как совещательный орган при Сельскосоюзе. В состав Пленума Совета, избранного на совещании колхозов, вошли представители Наркомзема, Сельскосоюза, Наркомата РКИ СССР, Высшего кооперативного института и ряда колхозов, представленных на совещании [53. С. 7]. Своего технического аппарата Совет не имел и пользовался аппаратом Сельскосоюза.

С этого времени начинается организация отделов коллективного земледелия в территориальных союзах сельскохозяйственной кооперации.

Как видим, именно сельскохозяйственной кооперации и ее органам отводилась важная роль в системе мер по реализации политики государственного воздействия на мелкое товарное производство, ограничения и вытеснения зажиточных элементов и подготовки крестьянства к общественному ведению хозяйства.

В декабре 1925 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание, где обсуждались вопросы работы в сельскохозяйственной кооперации [54. С. 3–4], а 19 августа 1926 г. по докладу фракции ВКП(б) Сельскосоюза ЦК партии принял постановление «О сельскохозяйственной кооперации», в котором подчеркивалось, что «сельскохозяйственной кооперации в виду ее необычной важности должно быть уделено особое внимание со стороны партийных комитетов» [55. С. 3–4]. Далее следовало письмо ЦК ВКП(б) «О перевыборах низовой кооперативной сети в деревне» [56. С. 1], а также направление коммунистов на кооперативную работу в деревню.

В октябре 1925 г. VIII сессия Совета Сельскосоюза, возглавляемого в это время П.А. Садыриным, приняла решение в целях придания большей самостоятельности структурным подразделениям, ведавшим вопросами колхозного строительства, преобразовывать отделы коллективного земледелия при Сельскосоюзе и союзах в автономные секции колхозов с плано-организационными задачами. Секции должны были стать руководящими органами по вопросам колхозного строительства. Они пользовались правами юридического лица. В задачи автономных секций входила разработка планов кредитования, снабжения колхозов и сбыта их продукции, а также установление связи со специальными центрами и союзами сельскохозяйственной кооперации по обслуживанию коллективных хозяйств [53. С. 42–44].

Вскоре выявились противоречия в руководстве колхозным строительством и в юридически-правовом, и практическом плане. Основной управляющей структурой коллективных хозяйств был Всесоюзный совет колхозов, но он в то же время являлся совещательным органом при Сельскосоюзе. Кроме того, и сама кооперация, утрачивая собственные экономические механизмы, теряла свою самостоятельность и не могла достаточно внимания уделять колхозному движению.

В конце 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) заслушало доклад Наркомзема РСФСР и Сельскосоюза и содоклад ЦКК РКИ СССР об итогах совхозного и колхозного строительства. 30 декабря 1926 г. Политбюро ЦК

ВКП(б) приняло постановление, которое затем было одобрено XV съездом ВКП(б) и фактически означало подготовку массового колхозного движения. В осуществление этих поставленных в апреле 1927 г. был создан новый орган по управлению колхозами – Колхозцентр РСФСР [57. С. 625–637].

Место Колхозцентра РСФСР в системе государственных и кооперативных учреждений СССР определялось следующим образом. Колхозцентр и его местные органы входили в качестве самостоятельной системы в общую систему сельскохозяйственной кооперации и в своей деятельности должны были руководствоваться указаниями центральных органов сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюза до июля 1927 г., а с июля 1927 г. – Союза союзов) и Всесоюзного совета колхозов. Общее руководство Колхозцентром, как и всей сельскохозяйственной кооперацией, осуществлялось Наркомземом РСФСР. Учитывая особую важность задач, возлагаемых на Колхозцентр, он пользовался правом непосредственного представительства в правительстве.

Колхозцентр РСФСР создавался как республиканский центр колхозов, но фактически уже с первых дней своего существования он превращался в общесоюзный орган, и прежде всего потому, что был создан раньше, чем колхозцентры других союзных республик, поэтому фактически его влияние в колхозном строительстве распространялось на территорию всей страны.

Наряду с РСФСР организация колхозцентров шла и в других республиках. В июне 1927 г. был образован Колхозцентр Белоруссии, в сентябре – Украины, в январе 1928 г. – Грузии, в марте 1928 г. – Азербайджана, в мае 1928 г. – Узбекистана [53. С. 12].

В 1928 г. организационное оформление управления колхозным строительством было завершено. К этому времени Колхозцентром РСФСР были разработаны типовые уставы краевой и районной секций и бюро колхозов, а также примерные уставы коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли. В июне 1928 г. итоги всей этой работы подвел I Всесоюзный съезд колхозов.

Система колхозцентров была создана на одном из существенных поворотов аграрной политики Коммунистической партии. Инициатива эта шла «сверху» и определялась прежде всего задачами стратегического курса партии в сельском хозяйстве. Именно на колхозцентры всех уровней легла огромная работа по перестройке структуры и механизма функционирования сельскохозяйственного производства. Как только эти коренные изменения были завершены и чрезвычайность ситуации в сельском хозяйстве снята – необходимость в них отпала. Руководство колхозным строительством было передано государственным органам управления сельским хозяйством. В 1932 г. всеобщий и республиканские колхозцентры были упразднены.

В период проведения коллективизации характер работы государственных органов меняется. К этому времени механизм взаимоотношений партии и государства в управлении сельским хозяйством сложился.

Практика вмешательства партийных органов в государственное управление никак не нормировалась и часто вела к его подмене. Все попытки активизировать деятельность системы государственного управления сельским хозяйством в связи с задачами социалистической реконструкции деревни предпринимались сверху методами административного директирования, что приводило к еще большей зависимости государственных органов от партии.

Исследование показало, что эволюция Советской России в 1920-е гг. — один из уникальных исторических примеров того, как государственная власть активно формирует систему воздействия на общество в изменившихся политических и экономических условиях.

В ходе исследования выявлено, что строительство государственного аппарата управления сельским хозяйством в 1920-е гг. полностью отразило специфику советской власти как системы «партия–государство». Поиски новых структур управления шли прежде всего в русле задач стабилизации новой власти. Эти причины привели в первой половине десятилетия к некоторому ослаблению централизации в управлении сельским хозяйством.

Они заставили усилить ее, когда взятый курс на плюрализм в экономике не дал желаемых результатов в политике. Однако практика управления показала, что именно ослабление государственной централизации и вмешательства партийно-государственных органов в жизнь деревни, когда крестьянство имело возможность относительно свободного выбора хозяйственных форм, систем земледелия, вызвало наивысший подъем сельскохозяйственного производства. К середине 1920-х гг. в управлении сельским хозяйством наряду с развитием нэповских начинают преобладать принципы, которые выходили за рамки государственного регулирования производства в индивидуальном крестьянском хозяйстве и затем легли в основу его социалистической перестройки. Происходят изменения в системе органов управления сельским хозяйством. Наряду с уже существующими была создана система государственных институтов по руководству коллективными формами сельскохозяйственного производства. Идеям, заложенным в первоначальную концепцию нэпа, увы, не суждено было осуществиться. Политика вновь берет верх над экономикой.

Список источников

1. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. : Наука, 1977. 318 с.
2. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М. : Наука, 1979. 357 с.
3. Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти (1917–1927). М. : Наука, 1972. 392 с.
4. Ивницкий Н.А. От бюро коммун до Колхозцентра (Организация руководства колхозами) // Октябрь и советское крестьянство. М. : Наука, 1977. С. 239–261.
5. Аграрная история XX века. Историография и источники. Самара : Самар. ун-т, 2014. 486 с.
6. Данилов В.П. История крестьянства России в XX в. Избранные труды : в 2 ч. М. : РОССПЭН, 2011.
7. Носова Н.П. Государство и крестьянство советской России. Поиски модели взаимодействия (анализ дискуссий 1920-х гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitatts. 2016. Т. 2, № 3. С. 165–182.
8. Никулин А.М. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М. : Дело, 2014. 400 с.
9. Кузнецов И.А., Савинова Т.А. Незвестные и малоизвестные работы экономистов организационно-производственной школы // Крестьяноведение. 2018. Т. 3, № 1. С. 7–12.
10. Научное наследие А.В. Чайнова и современность : междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения А.В. Чайнова, 15 марта 2018 г. / отв. ред. А.В. Петриков. М. : ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2019. 181 с.
11. Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930) : в 3 т. Т. 2. М. : Институт российской истории РАН, 2020. 688 с.
12. Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers. Princeton : Princeton University Press, 1974. 127 p.
13. Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925. Oxford : Oxford University Press, 1972. 253 p.
14. Шанин Т. Неудобный класс. Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / пер. с англ. А. Соловьёв; науч. ред. А. Никулин. М. : Дело, 2019. 404 с.
15. History of the Russian peasantry in the 20 th Century. Vol. 1. Tokyo, 2002. 152 p.
16. History of the Russian peasantry in the 20 th Century. Vol. 2. Tokyo, 2004. 157 p.
17. Конанерова Е.Н. Международные научные проекты по аграрной истории России (конец XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 21 с.
18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 10. Д. 86.
19. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 40.
20. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 321.
21. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 51. Д. 7.
22. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 40.
23. Положение о Наркомземе РСФСР от 26 октября 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1923. № 91.
24. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 172.
25. СУ РСФСР. 1922. № 61.
26. Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 г. М. : Редакционно-издательский комитет НКЗ, 1922. 255 с.
27. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 63. Д. 5.
28. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 18. Д. 68.
29. СУ РСФСР. 1922. № 4.
30. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54.
31. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 45. Д. 55.
32. Земельный кодекс РСФСР. М. : Изд-во НКЮ РСФСР, 1923. 32 с.
33. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954 гг. М. : Госюриздат, 1954. 720 с.
34. Газалова К.М. Земельный суд РСФСР и порядок рассмотрения спорных дел о семейно-имущественных разделах крестьянских хозяйств (1921–1928) // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1965. Т. XIX.

35. СУ РСФСР. 1922. № 36.
36. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 172.
37. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 442.
38. СУ РСФСР. 1923. № 28.
39. СУ РСФСР. 1923. № 91.
40. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 90.
41. Отчет Наркомзема РСФСР XI Всероссийскому съезду Советов за 1923 год. М. : Наркомзема, 1924. 47 с.
42. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 249.
43. Отчет Наркомзема РСФСР за 1924–25 год. М. : Редакционно-издательский комитет НКЗ, 1926.
44. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 1.
45. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 5.
46. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 45. Д. 56.
47. Устав Государственного Российского сельскохозяйственного синдиката, утвержденный СТО РСФСР 13 апреля 1923 г. М., 1923.
48. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 254.
49. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 374. Оп. 9. Д. 73.
50. СУ РСФСР. 1925. № 18.
51. Никулин В.А. Управление совхозами до образования Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР (1917–1932) // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1959. Т. 13. С. 334.
52. Собрание законодательства СССР. 1932. № 71.
53. Три года работы Всесоюзного Совета сельскохозяйственных коллективов. М., 1928.
54. Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 1.
55. Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 35–36.
56. Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 43–44.
57. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1957. 878 с.

References

1. Danilov V.P. Sovetskaya dokolhoznoy derevnya: naselenie, zemlepolzovanie, hozyaystvo. M. : Nauka, 1977. 318 s.
2. Danilov V.P. Sovetskaya dokolhoznoy derevnya: socialnaya struktura, socialnye otnosheniya. M. : Nauka, 1979. 357 s.
3. Zelenin I.E. Sovhozy v pervoe desyatiletie Sovetskoy vlasti (1917-1927). M. : Nauka, 1972. 392 s.
4. Ivnickiy N.A. Ot byuro kommun do Kolhozcentra (Organizaciya rukovodstva kolhozami) // Oktyabr i sovetskoe krestyanstvo. M. : Nauka, 1977. S. 239–261.
5. Agrarnaya istoriya XX veka. Istoriografiya i istochniki. Samara : Izd-vo «Samarskiy universitet». 2014. 486 s.
6. Danilov V.P. Istoriya krestyanstva Rossii v HH v. Izbr. tr.: v 2-h ch. M. : ROSSPEN, 2011.
7. Nosova N.P. Gosudarstvo i krestyanstvo sovetskoy Rossii. Poiski modeli vzaimodeystviya (analiz diskussiy 1920-h gg.) // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitatts. 2016. T. 2. № 3. S. 165–182.
8. Nikulin A.M. Agrarniki, vlast i selo: ot proshlogo k nastoyashchemu. M. : Izdatelskiy dom “Delo”. 2014. 400 s.
9. Kuznecov I.A., Savinova T.A. Neizvestnye i maloizvestnye raboty ekonomistov organizacionno-proizvodstvennoy shkoly // Krestyanovedenie. 2018. T. 3. № 1. S. 7–12.
10. Nauchnoe nasledie A.V. Chayanova i sovremennost: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashchennaya 130-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Chayanova, 15 marta 2018 g. / Otv. red. A.V. Petrikov. M. : VIAPi im. A.A. Nikonova. 2019. 181 s.
11. Kozlov S.A. «Sluzhenie interesam vsey strany»: Moskovskoe obshchestvo selskogo hozyaystva (1820-1930). V 3-h tt. T.2. M. : Institut rossiyskoy istorii RAN, 2020. 688 s.
12. Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers. Princeton : Princeton University Press, 1974. 127 p.
13. Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910-1925. Oxford : Oxford University Press, 1972. 253 p.
14. Shanin T. Neudobny klass. Politicheskaya sociologiya krestyanstva v razvivayushchemsya obshchestve: Rossiya, 1910–1925 / Perevod s angl. A. Solovev ; nauch. red. A. Nikulin. M. : Izdatelskiy dom “Delo”. 2019. 404 s.
15. History of the Russian peasantry in the 20 th Century (volume 1). Tokyo, 2002. 152 p.
16. History of the Russian peasantry in the 20 th Century (volume 2). Tokyo, 2004. 157 p.
17. Konanerova E.N. Mezhdunarodnye nauchnye proekty po agrarnoy istorii Rossii (konec XX-XXI vv.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Penza, 2007. 21 s.
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv ekonomiki (RGAE). F. 4372. Op.10. D. 86.
19. RGAE. F. 478. Op. 35. D. 40.
20. RGAE. F. 478. Op. 35. D. 321.
21. RGAE. F. 478. Op. 51. D. 7.
22. RGAE. F. 4372. Op. 10. D. 40.
23. Polozhenie o Narkomzeme RSFSR ot 26 oktyabrya 1923 g. // Sbranie zakonov RSFSR (SU RSFSR). 1923. № 91.
24. RGAE. F. 478. Op. 35. D. 172.
25. RGAE. F. 478. Op. 35. D. 40.
26. SU RSFSR. 1922. № 61.
27. Otchet Narodnogo komissariata zemledeliya IX Vserossiyskomu sezdu Sovetov za 1921 g. Moskva: Redakcionno-izdatelskiy komitet NKZ. 1922. 255 s.
28. RGAE. F. 478. Op. 63. D. 5.
29. RGAE. F. 478. Op. 18. D. 68.
30. SU RSFSR. 1922. № 4.
31. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy. T. 54.
32. RGAE. F. 478. Op. 45. D. 55.
33. Zemelnyy kodeks RSFSR. M. : Izd-vo NKYu RSFSR, 1923. 32 s.
34. Sbornik dokumentov po zemelnomu zakonodatelstvu SSSR i RSFSR. 1917-1954 gg. M. : Gosyurizdat. 1954. 720 s.
35. Gazalova K.M. Zemelny sud RSFSR i poryadok rassmotreniya spornykh del o semeyno-imushchestvennykh razdelakh krestyanskih hozyaystv (1921-1928) // Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arhivnogo instituta. 1965. T. XIX.
36. SU RSFSR. 1922. № 36.
37. RGAE. F. 478. Op. 35. D. 172.
38. RGAE. F. 478. Op. 56. D. 442.

39. SU RSFSR. 1923. № 28.
40. SU RSFSR. 1923. № 91.
41. RGAE. F. 478. Op. 56. D. 90.
42. Otchet Narkomzema RSFSR XI Vserossiyskomu sezdru Sovetov za 1923 god. M. : Izdatelstvo Narkomzema, 1924. 47 s.
43. RGAE. F. 4372. Op. 10. D. 249.
44. Otchet Narkomzema RSFSR za 1924-25 god. M. : Redakcionno-izdatelskiy komitet NKZ, 1926
45. RGAE. F. 7486. Op. 37. D. 1.
46. RGAE. F. 7486. Op. 37. D. 5.
47. RGAE. F. 478. Op. 45. D. 56.
48. Ustav Gosudarstvennogo Rossiyskogo selskohozyaystvennogo sindikata, utverzhdeny STO RSFSR 13 aprelya 1923 g. M., 1923.
49. RGAE. F. 4372. Op. 10. D. 254.
50. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federacii (GARF). F. 374. Op. 9. D. 73.
51. SU RSFSR. 1925. № 18.
52. Nikulin V.A. Upravlenie sovhozami do obrazovaniya Narodnogo komissariata zernovyh i zhivotnovodcheskih sovhozov SSSR (1917-1932) // Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arhivnogo instituta. T. 13. 1959. S. 334.
53. Sobranie zakonodatelstva SSSR (SZ SSSR). 1932. № 71.
54. Tri goda raboty Vsesoyuznogo Soveta selskohozyaystvennyh kollektivov. M., 1928.
55. Izvestiya CK VKP(b). 1926. № 1.
56. Izvestiya CK VKP(b). 1926. № 35-36.
57. Izvestiya CK VKP(b). 1926. № 43-44.
58. Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitelstva po hozyaystvennym voprosam. T. 1. M. : Gospolizdat, 1957. 878 s.

Информация об авторе:

Носова Н.П. – д-р ист. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: nosova-np@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nosova N.P., Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nosova-np@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.02.2021;
одобрена после рецензирования 05.03.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.02.2021;
approved after reviewing 05.03.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 281.93:61(09)
doi: 10.17223/15617793/474/24

Вклад православия в становление социального института здравоохранения в России

Галина Сергеевна Поповкина

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения
Российской академии наук, Владивосток, Россия, galina.popovkina@gmail.com*

Аннотация. Предпринята попытка выстроить общую картину влияния православия на формирование российской медицины согласно идее дильтеевского герменевтического круга. На основе анализа опубликованных трудов и источников по истории Церкви и медицины делается вывод об институциональном и ценностном влиянии православия на отечественную медицину: заложены основы госпитальной помощи, организован уровень среднего медицинского персонала, оформлены особые этические воззрения, идеалом которых стал врач-святой.

Ключевые слова: история медицины, российская медицина, православие, медицинская этика, монастырь, сестры милосердия

Для цитирования: Поповкина Г.С. Вклад православия в становление социального института здравоохранения в России // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 209–216. doi: 10.17223/15617793/474/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/24

The contribution of Orthodoxy to the formation of a social health institution in Russia

Galina S. Popovkina

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS,
Vladivostok, Russian Federation, galina.popovkina@gmail.com*

Abstract. The article attempts to build a general picture of the influence of Orthodoxy on the formation of Russian medicine. The influence of Christianity on medicine has already become a subject of research for philosophers, historians and ethicists, therefore, the methodological basis of the research was the idea of the Dilthey hermeneutic circle, which requires going back from consideration of specific aspects to a general panoramic vision of the phenomenon. Based on the analysis of published works and sources on the history of the Church and medicine, a conclusion is made about the institutional and value influence of Orthodoxy on Russian medicine. Institutional influence manifested itself in certain aspects of the formation of the state medical system. First of all, thanks to the transmission of the traditions of ancient medicine by the Church, the foundations of hospital medical care were laid: monastery hospitals became the first organized places of medical care in Russia, from which hospital services for the population in Russia take place.

Another aspect of the institutional influence of Orthodoxy is the creation of a level of nursing staff in hospitals, which began as a community of sisters of mercy. The Church was the inspiration, in some cases and the direct organizer of the training of nurses and the introduction of their work in hospitals and hospitals, forming the educational and educational branch of professional nursing education, which later went outside the Church and was adopted by state medicine.

Speaking about the influence of the Church on medical science in Russia, we can say that the Church did not initiate any scientific research in the field of medicine and did not provide targeted support for medical research. Monasteries stood at the origins of the emerging medical science in Russia, contributing to the penetration and accumulation of scientific knowledge in the country.

The value influence of Christianity on medicine in Russia is determined by the emergence and formation of special ethical views, which have become an integral feature of the Russian doctor. In fact, domestic medical ethics originates in monastic hospitals. The main moral principles of Russian medicine are service and love for a person, sacrifice, selflessness and selflessness. The ideal of a doctor, faithful to his duty of caring for his patient - a holy doctor - also came to Russian medicine from Orthodoxy.

Thus, Orthodoxy played a key role in the formation of organized medical care for the population (the creation of hospitals, the introduction of nurses in medical institutions) and the medical ethics of medicine in Russia.

Keywords: history of medicine, Russian medicine, Orthodoxy, ethics, monastery, sisters of mercy

For citation: Popovkina, G.S. (2022) The contribution of Orthodoxy to the formation of a social health institution in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 209–216. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/24

Влияние христианства на медицину уже становилось предметом исследования философов, религиоведов, специалистов по этике (И.В. Силуянова, В.В. Мильков и др.), историков и социологов медицины (Н.А. Богоявленский, Л.Я. Скороходов, М.Б. Мирский, Т.С. Сорокина, П.В. Власов, А.Б. Черкасова) и др. В основном существующие работы сосредоточены на отдельных проблемах истории отечественной медицины, формировании этических идеалов врача, в них также определяется место российского здравоохранения в общей истории медицины. Однако, как известно из идеи дильтеевского герменевтического круга, понимание какого-либо феномена требует периодически восходить от рассмотрения конкретных аспектов к общему панорамному видению. Поэтому мы намерены в данной работе выстроить общую картину влияния православия на формирование российской медицины. При этом будем опираться на уже опубликованные труды и источники по истории церкви и медицины.

Институциональное влияние. Прежде всего следует рассмотреть влияние христианства на организацию лечебного дела в России. Роль православия в этом вопросе оценивалась исследователями по-разному. Так, Л.Я. Скороходов в работе, впервые вышедшей в свет в 1926 г., отмечает, что уже в XI в. при монастырях строятся «богадельни» и имеются подвижники, известные своей целительской помощью, там же переводятся первые медицинские книги. Исследователь полагает, что «первым в настоящем смысле слова больничным учреждением в России нужно считать приемный покой для раненых, устроенный в 1612 г. монахами Троице-Сергиева монастыря». И хотя автор замечает, что к этому времени имеется «медицина народная и монастырская», по его мнению, в России не существовало «самостоятельной национальной русской медицины» вплоть до второй половины XIX в. [1].

Сходной точки зрения придерживается и Н.А. Богоявленский, выдвигая серьезное замечание монастырским больницам, которые, по его мнению, «обеспечивали в первую очередь интересы социальной верхушки и никогда не были филантропическими учреждениями для социальных низов» [2. С. 4]. Однако видный историк медицины М.Б. Мирский, напротив, считает, что «подобные идеологизированные представления не соответствуют объективной истине», а с организацией на Руси монастырей стали появляться и больницы, которые «были специальными учреждениями, где работали опытные лечцы – “врачи-профессионалы”» [3]. Действительно, возникновение организованной медицинской помощи связано, прежде всего, с созданием и развитием Киево-Печерского монастыря, при котором существовал больничный корпус («больничный монастырь») – «...значительное для того времени учреждение с от-

дельным, специально закрепленным штатом монахов. Больничный монастырь всегда находился под общим управлением лавры» [4. С. 58–59]. Долгое время монастырские больницы оставались единственным видом организованной медицинской помощи населению и существовали при Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском, Новодевичьем и других монастырях. Монастырский период медицины продолжался со второй половины XI в. до 1844 г. [4. С. 74].

До образования Киево-Печерского монастыря на Руси были и другие монастыри, но открытие первой общественной больницы состоялось именно в Киево-Печерском монастыре. По-видимому, это связано с тем, что в этой обители впервые на Руси Феодосием Печерским был введен общежительный устав, воспринимавшийся в русской традиции как устав Студийского монастыря или устав преподобного Феодора Студита и позднее принятый всеми русскими монастырями и сохранявшийся в качестве единственного устава церковной жизни вплоть до второй половины XIV в. [5. С. 218].

Студийский устав известен тем, что в нем содержалась глава «О больнице и странноприимстве», регламентирующая основные принципы организации и функционирования лечебниц при монастырях: игумену следовало «тщатися» о больных, как живущих в монастыре, так и приходящих. В монастыре должен быть врач, заботящийся о больных («но врачом убо в монастыре якоже речено есть быти и потщатися: устроити же ему пластырь и масло и ино еже подобает уготовати на тех издание от хранительника подаемое» [6]. Все необходимое для лечения следовало готовить заранее. Больным и бездомным надо было обеспечить пребывание в «недужном храме, пока излечится», потом снабдить всем необходимым в дорогу. «Старым и всякия помощи не имущим» нужно поставить «одры равночисленны» и снабдить всем «потребным» [6].

Весьма вероятно, что именно избрание студийского устава для Киево-Печерского монастыря явилось для преподобного Феодосия Печерского, тщательно следившего за четким соблюдением монашеских заповедей Феодора Студита и устраивающего жизнь в своем монастыре строго по избранному уставу, идейным вдохновением и руководством по организации монастырской больницы. Феодосий Печерский первый понял и воплотил в жизнь идею социальной, общественно значимой работы церкви, используя для этого византийский опыт обустройства монастырей. Примечательно, что, несмотря на замену Студийского устава Иерусалимским во второй половине XIV в., некоторые главы, в числе которых и глава о больницах и странноприимцах, переиздаются практически в неизменном виде в составе Церковного устава (Типикона) и в современных изданиях, свидетельствуя, по справедливому замечанию А.М. Пентковского, о не-

прерывности традиции, начало которой положил преподобный Феодосий Печерский [5. С. 222].

В Киево-Печерском монастыре особый больничный корпус обслуживался, как мы отмечали выше, специальным штатом монахов, по всей видимости, проходившим послушание в деле ухода за больными. Православное врачевание предполагает использование медикаментозных средств и лечение при помощи молитв, святой воды, просфор, церковных таинств (например, Таинства соборования) и т.п. Вообще, следует отметить, что монастырь в средневековой Руси – это не только религиозная община, но часто и образовательный центр, являвшийся средоточием интеллектуальной жизни, дававший возможность для самореализации людям, предпочитавшим образование житейским хлопотам и искавшим альтернативу семейной жизни. Поэтому можно предположить, что в монастырях, кроме книг духовного содержания, собиралась и обрабатывалась медицинская литература и опыт народной медицины, о чем свидетельствуют сохранившиеся «лечебники», а помощь больным оказывалась не только путем приобщения к церковным таинствам, но и доступными для того времени лекарственными средствами.

Думается, что отсутствие государственных больниц и существование их в монастырях отражает общее представление о болезни и лечении в средневековой Руси – по-другому лечебная помощь не мыслилась, люди лечились дома. Ведь и в Европе лечение происходило в основном в домашних условиях, а начало организованной медицинской помощи, так называемое рождение клиники относится к первым десятилетиям XIX в.: «...следовало... создать медицину, в достаточной степени связанную с государством, чтобы она могла в согласии с семьей осуществлять постоянную, всеобщую, но дифференцированную политику помощи. Медицина становится национальной задачей», раньше «естественным местом болезни» было «естественное место жизни: семья» [7. С. 44].

Несмотря на распространение государственных лечебных учреждений, организацией в России с 1865 г. земской медицины (которая была делом новым, не имеющим примеров «за границей») [8] традиция помощи нуждающимся в лечении сохранялась в монастырях вплоть до Октябрьской революции. Так, учрежденный в Приморье в 1894 г. Свято-Троицкий Николаевский мужской монастырь, несмотря на то, что отстраивался «с нуля», содержал собственную больницу: «Вблизи лавочки построен дом, в коем в настоящее время помещается больница на несколько кроватей... при больнице имеется очень хорошая аптека с лучшим подбором лекарств: ни одна из сельских аптек Приморской области не обладает таким ассортиментом лекарств, какая имеется здесь. Аптека и больничные палаты содержатся весьма аккуратно, в образцовом порядке и чистоте» [9. С. 31]. Продолжительное время (до Октябрьской революции) монастырь был опорой сельскому населению в «нуждах духовных и телесных»: «...заболеет ли кто из семьи или занеможет скотина – лошадь, корова – всякий идет в монастырь с просьбой помочь его горю» [9. С. 93].

В настоящее время нет необходимости именно в монастырских больницах. Однако получить медицинскую помощь в монастыре или при храме возможно. Так, на странице православного портала о благотворительности Милосердие.ru можно найти информацию о 56 пунктах медицинской помощи при православных монастырях и храмах в России. Как правило, это специальные медицинские кабинеты, где ведут прием врачи из числа прихожан. Консультацию можно получить у врачей терапевтов, хирургов, ревматологов, эндокринологов, гастроэнтерологов, кардиологов, невропатологов, психиатров, психологов и гомеопатов. В центре «Милосердие» при Марфо-Мариинской обители милосердия г. Москва оказывается медицинская реабилитация и социально-педагогическая коррекция детей, страдающих ДЦП. Иногда помощь оказывается преимущественно священнослужителям епархии и членам их семей, как, например, в епархиальном медицинском центре Нижнего Новгорода, или открывается медпункт специально для бездомных, или по назначению врача медицинская сестра делает процедуры в медицинском кабинете при храме и т.д. [10] Больница (медицинский центр) для насельниц, прихожан, паломников и горожан специально оборудована в Свято-Троицком Ново-Голутвином женском монастыре. Прием там ведут инокини, в прошлом специалисты по терапии, невропатологии, гомеопатии. Там же проводятся некоторые виды обследований [11]. Как видим, в некоторых монастырях и храмах РПЦ наблюдается возврат к утраченным традициям лечебной помощи, стремление к их возрождению.

Таким образом, можно утверждать, что основы госпитальной помощи усвоены русской культурой благодаря их трансляции Церковью, унаследовавшей традиции античной медицины. Монастырские лечебницы явились первыми организованными медицинскими учреждениями на Руси, положившими начало выведению болезни из «естественного места – семьи» и «прикреплению» ее к клинике.

Другим важным этапом формирования отечественной медицины как особого направления государственной работы стала организация общин сестер милосердия. Историк медицины К.В. Зорин считает, что отечественным прототипом первых общин сестер милосердия были женские общины или монастыри, возникшие после закрытия более половины российских женских монастырей указом Екатерины II от 1764 г.: еще не дававшие монашеских обетов сотрудницы этих монастырей (послушницы), оставленные без средств к существованию, создавали обители нового типа, число которых росло благодаря значительному числу желающих в них поступить и частным пожертвованиям. Это были богадельни и маленькие больницы, где ухаживали за больными и престарелыми, а также приюты для сирот, странноприимные дома, школы и ясли для детей [12]. В 1803 г. по инициативе императрицы Марии Федоровны при Воспитательных домах Москвы и Санкт-Петербурга учреждаются Вдовьи дома с отделениями сердобольных вдов – специальными группами женщин для ухода за

больными и престарелыми. В 1818 г. создана Государственная служба сиделок, которые обучались санитарно-гигиеническому уходу и имели штатные должности при больницах; через год эта служба была преобразована в специальные службы по уходу за ранеными при госпиталях. То есть прототипом общин сестер милосердия можно считать дома сердобольных вдов, получившие истоки в женских монастырях.

В 1844 г. усилиями великой княгини Александры Николаевны и принцессы Терезы Ольденбургской была основана первая в России община сестер милосердия, позже, в 1874 г., получившая название Свято-Троицкая. Создание этой общины стало не менее значимым социальным явлением, чем монастырские больницы. В 1840–1870-е гг., по данным исследователей, наиболее известны пять общин в Санкт-Петербурге, две – в Москве, а также в Одессе, Псковской губернии и др. [13]. Учредителями общин обычно были люди из высшего общества (члены императорской семьи, великие княгини, графини, государственные сановники и т.д.), т.е. светские, желавшие проявить себя в деле благотворительности, милосердия, христианского сострадания ближнему. Видимо, исходя из потребности получить церковное благословение, основатели Свято-Троицкой общины прислали устав на рассмотрение митрополиту Филарету (Дроздову). Первые общины Санкт-Петербурга были поликонфессиональными (к благотворительной деятельности, совместной работе и для совместного чтения и обсуждения Евангелия привлекались христианки различных конфессий, православного, лютеранского, католического вероисповедания). Однако известно, что многие православные иерархи, в том числе и митрополит Филарет, считали, что разность вероисповедания препятствует духовно-нравственному объединению сестер. Со временем эти опасения подтвердились, вследствие чего общины стали создаваться на основе православной веры [13, 14]. Устройство общин во многом было заимствовано из уклада православных монастырей. Большое внимание уделялось религиозному просвещению сестер милосердия с целью «приучения их к религиозно-нравственному попечению о больных и раненых воинах» [4. С. 61].

К 1870 г. сформировался учебно-воспитательный и практический комплекс профессионального сестринского образования, которое считалось элитным и значимым. В России во второй половине XIX – начале XX в. имелось более 20 общин сестер милосердия, где прививались и профессиональные навыки, и высокие морально-духовные качества [15]. Примечательно, что общины сестер милосердия создавались и при монастырях (например, московская Владычно-Покровская епархиальная община сестер милосердия, учрежденная в 1870 г. на средства РПЦ, псковская Иоанно-Ильинская) [14, 15]. Наставниками в таких общинах были лучшие врачи, а правила внутреннего распорядка почти не отличались от монастырских. Русская православная церковь приняла особое участие и в становлении Красного Креста в России [14].

Наибольшее развитие сестричества получили при создании Крестовоздвиженской общины сестер милосердия по инициативе Великой княгини Елены Павловны во время Крымской войны. По окончании испытательного срока женщины приносили присягу в церкви общины. Сестры милосердия носили как отличительный знак общины золотой крест на зеленой ленте, являвшийся символом исповедания христианства и принадлежности к общине. На одной стороне креста помещалось изображение Богородицы с надписью «Всех скорбящих Радость», а на другой – слово «милосердие». Эти правила и традиции в основном перешли в открывающиеся общины сестер милосердия [14].

Именно христианские принципы служения ближнему стали духовным основанием для создания общин. По справедливому замечанию Е.Н. Правдиковской, «термин “община сестер милосердия” является продуктом христианской культуры... для устроителей первых российских общин слово “милосердие” означало, прежде всего, высшую христианскую добродетель. Поэтому они настойчиво пытались передать свои общины под руководство церкви. Именно этим объясняется организация деятельности сестер – труд и жизнь в общине и требования к ним – безвозмездность работы, строгая дисциплина, полное послушание вышестоящим» [16. С. 11]. В 1990-х гг., после перерыва, вызванного Октябрьской революцией, возрождение общин сестер милосердия происходит именно в лоне православных приходов.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что общины сестер милосердия стали первыми учреждениями по подготовке медицинских сестер [17]. По мнению К.В. Зорина, общины сестер милосердия «...сыграли главную роль в становлении новой женской профессии. В сознании современников звание сестры милосердия уже прочно ассоциировалось с медицинской сестрой. “Монашеские особенности” жизни общин... постепенно изживали себя и упразднялись» [18]. Действительно, общины сестер милосердия были организованы светскими людьми, прежде всего, как представителями церкви, христианами. Поэтому общины основывались на христианских принципах сострадания и любви к ближнему и, по сути, продолжали присущую церкви работу по социальному служению. Кроме того, в организации работ общин, а также в укреплении деятельности Красного Креста в России стояло православное духовенство. Таким образом, можно говорить о таком институциональном влиянии православия на медицину в России, как создание уровня среднего медицинского персонала в лечебных учреждениях. Церковь явилась вдохновителем, в некоторых случаях и непосредственным организатором обучения медсестер и внедрения их для работы в госпиталях и больницах. Эта институция усвоена медициной и существует в отрыве от церкви в настоящее время.

Отечественная медицинская наука и церковь. Рассмотрим, каким образом церковь влияла на формирование отечественной медицинской науки. Очевидно, что на начальных этапах монастыри как средоточие интеллектуальной жизни и образовательной деятельности играли значительную роль в приобрете-

нии и сохранении медицинских трактатов, знаний по лечебному делу. Например, прп. Кирилл, основатель Белозерского монастыря, перевел известный сборник «Галеново на Иппократа». Некоторые иерархи церкви имели основы медицинских знаний (прп. Зосима Соловецкий, Архиепископ Афанасий Холмогорский); митрополит Московский Алексей слушал в Константинополе лекции по медицине [20]. Однако в России отсутствовала подготовка собственных медицинских кадров вплоть до открытия при Аптекарском приказе Лекарской школы. Напротив, в Византийских монастырских больницах были медицинские школы для обучения врачебному искусству [19]. Но Русской православной церковью традиция организации медицинских образовательных учреждений, как, например, в Византии, не была усвоена и транслирована в русскую культуру. Думается, это может быть связано с отрицательной ролью татаро-монгольского ига, нанесшего значительный вред государственной и общественной жизни Руси. Однако можно сказать, что монастыри стояли у истоков зарождающейся медицинской науки в России, способствуя проникновению и накоплению научных знаний в стране.

Церковь не становилась инициатором каких-либо научных изысканий в области медицины, особенно с обретением медициной все более светского характера. В истории российской медицины немало врачей-исследователей, новаторов лечебного дела. Всем известно имя Пирогова, который внес особый вклад в развитие оперативной хирургии, разработав новые приемы оперирования и издав первый анатомический атлас. Н.И. Пирогов впервые применил перевязки бинтами, пропитанными крахмалом, а затем и гипсовые повязки, начал оперировать раненых с эфирным обезболиванием, стал основоположником военно-полевой хирургии, руководил обучением и работой сестёр Крестовоздвиженской общины, сестёр милосердия во время Крымской войны и др. [20]. Кроме этого, Н.И. Пирогов известен как глубоко верующий человек, что позволило считать его одним из предшественников русской религиозной философии начала XX в. [21]. Известный врач и ученый XX в. – В.Ф. Войно-Ясенецкий, епископ Лука, причисленный церковью к лику святых. Автор трудов по регионарной анестезии и гнойной хирургии, он занимался научной деятельностью, будучи врачом, священником, епископом и в ссылке, и в больницах и госпиталях. Вся его жизнь посвящена служению Богу и науке. Вера и медицина в жизни Епископа Луки шли нераздельно [22], современное духовенство гордится им. Однако не известно о какой-либо заинтересованности церкви в научных изысканиях знаменитых врачей. В церкви не было, нет и в настоящее время структур, поддерживающих научную работу в области медицины, в отличие, например, от Византийской церкви. По сути, роль христианства в отечественной медицинской науке ограничивается этапом сбора и накопления знаний, имевшихся в арсенале медицины Средних веков. Тем не менее кроме исследовательского интереса и Н.И. Пироговым, и В.Ф. Войно-Ясенецким руководи-

ло чувство сострадания и любви к пациентам, присущее христианской вере.

Ценностное влияние. В лоне православия зародились и оформились те этические идеалы, которые стали неотъемлемым качеством русского врача на долгие годы. По мнению исследователей, первые конкретные сведения об этике лекарей на Руси относятся к XI–XII вв. [23]: по сути, организация монастырских больниц положила начало отечественной врачебной этике. Именно от православия российская медицина усвоила нравственные принципы, главную идею служения и любви к человеку. Как нельзя лучше об этих принципах сказано в письме близкого друга, семейного врача русского философа И.А. Ильина, который говорит об этом человеке, что «он лечил своих пациентов иначе, чем иностранные доктора, лучше, зорче, глубже, ласковее и всегда с большим успехом» [24]. Неизвестный друг философа пишет, что для российской медицины долгое время были характерны соответствие «прочной и сознательной русской медицинской традиции», соотнесенность с православием, понимание, что деятельность врача есть дело служения, а не дохода, любовь и чуткость к больному, понимание его индивидуальности: «Служение врача есть служение любви и со-страдания; он призван любовно обходиться с больным... Эти правила... укоренены в традициях русской духовной и медицинской культуры и должны быть переданы по возможности новым подрастающим поколениям русских врачей» [24].

Служение ближнему и христианский долг были положены в основу сестер милосердия. По мнению А.Е. Черкасовой, основными аспектами деятельности сестер милосердия были религиозный и профессионально-медицинский, причем «религиозный аспект нужно признать ведущим, поскольку для них деятельность, в том числе и медицинская, определялась религиозным мотивирующим фактором» [4. С. 68]. Как видим, и врачами, и средним медицинским персоналом были усвоены этические принципы христианства, рассматривающие труд медика, прежде всего, как служение.

Однако можно наблюдать некоторую двойственность в отношении врача к пациенту. Врач жертвенно, самоотверженно относится к лечению больного, но в то же время мы видим, как он же может относиться к пациенту, как к живому телу. В этой связи следует вспомнить просьбу Н.И. Пирогова к жене найти увечных бедняков, нуждающихся в операции, для того, чтобы он мог лечить их в первый месяц супружества, иначе «медовый месяц нарушит привычный ход его жизни», а «работа усладит первую пору любви». Поэтому «...походный операционный стол всегда был занят, все было забрызгано кровью. При всех этих операциях... усердно помогала молодая жена» [20]. Тем не менее, повторим, подобное отношение к пациенту как к телу, материалу для работы, с одной стороны, и сострадательное, трепетное – с другой, не умаляет великих заслуг врача и ученого Н.И. Пирогова.

Чем объяснить этот парадокс? Выскажем гипотезу, что причина в специфическом, сформировавшемся в лоне русского православия отношении к достоинству человека, тогда как на католическое представление о

достоинстве человека оказала влияние гуманистическая мысль эпохи Возрождения, и потому существенными чертами человеческого достоинства стали его богоподобие в творчестве и познании. Но «столь мощного гуманистического движения Русь никогда не знала, и ее понимание самоуважения имело несколько иные образцы, для которых подходит не столько девиз *intelligendi et agendi*, сколько *humiliatio*, уничижение» [25. С. 671]. Как пишет Н.К. Гаврюшин, «высшим проявлением достоинства человека для русского сознания оставалось смиренное переживание Богооставленности... и несение своего Креста» [25. С. 674]. В этом смысле болящий – почти образцовое состояние человека, униженного и оставленного в своем страдании. Мы не находим у русских православных врачей, как и у большинства православных больных, нравственного возмущения болезнью. Скорее, даже некое удовлетворение ею в том смысле, что в болезни проявляется Крест, который должен понести данный человек. В этом отношении болящий должен болеть смиренно, и врач столь же смиренно и жертвенно несет крест своего медицинского служения. Но ни тот ни другой не связывают свое служение с личным достоинством.

Вместе с православием в отечественную медицину пришел идеал врача, верного долгу заботы о пациенте – Святого врача. Евангельскому образу евангелиста и целителя Луки уподоблены Печерские святые врачи Алипий, Агапит, Ипатий, в XX в. – Амфилохий Почаевский, св. Страстотерпец Евгений (Боткин), святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Основные нравственные принципы врача (сочувствие и готовность помочь человеку в болезни, оказание помощи в любых условиях, справедливость, уважение к коллегам, бескорыстие и безвозмездное служение, и главное – верность врачебному долгу и религиозная культура) [26] получили максимально полную реализацию в жизни и смерти Е.С. Боткина, не только до последней минуты осуществлявшего медицинскую помощь пациентам, но и закрывшего собой своего Государя.

Понимание того, что «врач и пациент суть духовные существа», дает право неизвестному другу философа И. Ильина говорить: «Горе тому из нас, кто упустит в лечении духовную проблематику своего пациента и не сумеет считаться с нею!» [24]. Святитель Лука развивает этот тезис, сравнивая труд священника и врача: «Много ли среди вас священников, которые подобны серьезным врачам? ...Но ведь задача врача... исцеление телесных болезней...[а] мы поставлены Богом на великое дело врачевания душ человеческих...» [22]. То есть для успешного врачевания необходима помощь как телу страдающего человека, так и его духу. В настоящее время неудовлетворенность врачей пониманием человека как комплекса социально-биологических функций побуждает их к поиску морально-этических оснований в традиционной и православной культуре. Например, во многих регионах существуют общественные организации православных врачей [27]. Обычно общества православных врачей полагают своими целями сохранение традиций русской медицины, содействие восстанов-

лению церковной и монастырской медицины, просветительскую и миссионерскую деятельность, возрождение милосердия, осмысление проблем православной медицины и биотехнологий и т.п. Как видим, отечественной медицинской этикой усвоены христианские принципы самоотдачи, служения, любви к страждущему, идеальным образцом воплощения которых стали прославленные в лике святых врачи.

Итак, можно говорить об институциональном и ценностном влиянии православия на отечественную медицину. Институциональное влияние проявилось в отдельных аспектах формирования государственной медицинской системы. Прежде всего, это основание больниц как места организованной, специализированной медицинской помощи. В монастырях были созданы первые лечебницы, явившиеся родоначальницами массового больничного обслуживания населения, т.е. основы госпитальной помощи в России заложены именно Церковью. Другой аспект институционального влияния православия – создание уровня среднего медицинского персонала в лечебных учреждениях. В общинах сестер милосердия, организованных воцерковленными людьми и основанных на христианских принципах сострадания и любви к ближнему, берет начало обучение сестринскому делу и внедрение новых штатных единиц медицинских сестер в госпиталях и больницах. Благодаря этим общинам сформировалась учебная и воспитательная отрасль профессионального сестринского образования с его практическим применением, вышедшая впоследствии за пределы Церкви и усвоенная государственной медициной.

Говорить о сколько-нибудь серьезном влиянии церкви на медицинскую науку не приходится. В истории РПЦ нет сведений об организациях, поддерживавших когда-либо научные работы в области медицины. Однако и препятствий для проведения исследований со стороны церкви не было. Все медицинские изыскания и открытия, даже сделанные людьми церковными, произведены благодаря личному исследовательскому интересу ученых, нередко людей религиозных и соотносящих свою деятельность с православной верой. Можно считать, что роль христианства в отечественной медицинской науке ограничивается этапом сбора и накопления знаний, имевшихся в арсенале медицины Средних веков.

Ценностное влияние христианства на медицину в России определяется зарождением и оформлением особых этических воззрений, ставших неотъемлемой особенностью русского врача. По сути, отечественная медицинская этика берет начало в монастырских лечебницах. Основными нравственными принципами российской медицины стали служение и любовь к человеку, жертвенность, бескорыстие и самоотверженность. Святые врачи – это идеал врача, верного долгу заботы о своем пациенте. В XX в. это св. Страстотерпец Евгений (Боткин) и Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Еще одна особенность отечественной медицины – понимание, что человек не ограничивается социально-биологическими функциями, но нуждается и в духовной поддержке: «врач и пациент суть духовные существа», которые побуж-

дают современных врачей к поиску морально-этических оснований своей деятельности в традиционной и православной культуре. Таким образом, православие сыграло ключевую роль в формирова-

нии организованной медицинской помощи населению (создание больниц, введение среднего медицинского персонала в лечебные учреждения) и врачебной этики медицины России.

Список источников

1. Скороходов Л.Я. Краткий очерк истории русской медицины / науч. ред. и ком. М.В. Супотницкого. М. : Вузовская книга, 2010. URL: <http://supotnitskiy.ru/book/book7.htm> (дата обращения: 06.06.2020).
2. Богоявленский Н.А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М. : Медгиз, 1960.
3. Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков: очерки истории. М. : РОССПЭН, 2005. URL: <https://clck.ru/FNWyZ> (дата обращения: 06.06.2020).
4. Черкасова А.Е. Взаимодействие медицины и религии (на примере российской медицины и русского Православия). М. : Софт Издат, 2004.
5. Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М. : Изд-во Мос. Патриархии, 2001.
6. Типикон. М. : Свято-Троице-Сергиева лавра, 1992.
7. Фуко М. Рождение клиники. Археология врачебного взгляда. М. : Смысл, 1998.
8. Пристанкова Н.И. Организация земской медицины в Российской империи в XIX веке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Вып. 23, т. 5. С. 70–73.
9. Далёкая обитель на краю Руси : сб. ист. док. Владивосток, 2008.
10. Базы данных по социальному служению Русской Православной Церкви // Православный портал о благотворительности Милосердие.ru. URL: http://social.miloserdie.ru/search?service_type_id=19 (дата обращения: 06.06.2020).
11. Свято-Троицкий Ново-Голутвин женский монастырь. Медицинский центр во имя блаженной Ксении Петербургской. URL: <https://clck.ru/FNX5a> (дата обращения: 06.06.2020).
12. Зорин К.В. Отечественные прототипы общин сестер милосердия // РАМН. Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья. 2013. С. 87–88.
13. Иванова Н.В. Деятельность общин сестёр милосердия в России в 40 – 70-е годы XIX века: церковный аспект // Сретенские чтения : материалы XXIV науч.-богослов. конф. студентов, аспирантов и молодых специалистов. М., 2018. С. 185–193.
14. Мельникова Л.В. Общины сестёр милосердия и женские православные монастыри во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 28–45.
15. Шубович В.Г. Организация процесса обучения и воспитания в общинах «сестер милосердия» в России в XIX–XX вв. // Педагогическое образование и наука. 2013. № 3. С. 153–155.
16. Правдиковская Е.Н. Общины сестер милосердия в культуре России : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2012.
17. Косетченкова Е.А. Аспекты женского медицинского профессионального образования в России в конце XIX – начале XX в. // Фундаментальные исследования. 2014. № 11(5). С. 1184–1187.
18. Зорин К.В. Социально-психологические и социально-медицинские аспекты профессиональной деятельности московских общин сестер милосердия (середина XIX – начало XX в.) // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 3. С. 191–198.
19. Лошкарев И.А. Церковь и медицина // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 87–89.
20. Мазинг Ю.А. Николай Иванович Пирогов: 200 лет жизни в истории России // Пространство и Время. 2010. № 2 (2). С. 203–221.
21. Гревцова Е.С. Философия Н.И. Пирогова как ответ на вопросы жизни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: философия. 2009. № 2. С. 60–69.
22. Лука Войно-Ясенецкий. Я полюбил страдание. Автобиография. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/ja-poljubil-stradanie-avtobiografija/ (дата обращения: 06.06.2020).
23. Гуляева Е.Ш., Ященко Р.В. Роль русской православной церкви в развитии отечественной медицины // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2015. Т. 23, № 9 (172). С. 65–68.
24. Ильин И. Путь к очевидности. Гл. 12: О призвании врача // Почему мы верим в Россию: Сочинения. М. : Эксмо, 2007. С. 826–835.
25. Гаврюшин Н.К. У колыбели смыслов: статьи разных лет. М. : Модест Колеров, 2019.
26. Чучалин А.Г., Сидуянова И.В. Врачебная этика в истории медицины. Феномен «святых врачей»: исторический образ Е.С. Боткина // История медицины. 2017. № 3. С. 317–322. doi: 10.17720/2409-5583.14.3.2017.07g
27. Список обществ православных врачей // Православный портал о благотворительности Милосердие.ru. URL: <https://clck.ru/FNX3G> (дата обращения: 06.06.2020).

References

1. Skorohodov L. Ja. (2010) Kratkij ocherk istorii russkoj mediciny [Short essay on the history of Russian medicine] Moscow. [Online] Available from: <http://supotnitskiy.ru/book/book7.htm> (Accessed: 06.06.2020)
2. Bogoyavlenskij N.A. (1960) Drevnerusskoye vrachevaniye v XI - XVII vv. Istochniki dlya izucheniya istorii russkoj meditsiny [Old Russian healing in the XI - XVII centuries. Sources for studying the history of Russian medicine]. Moscow. (In Russian)
3. Mirskiy M.B. Meditsina Rossii KH-KHKh vekov: ocherki istorii [Medicine of Russia of the X-XX centuries: history essays]. (In Russian) [Online] Available from: <https://clck.ru/FNWyZ> (Accessed: 06.06.2020).
4. Cherkasova A.Ye. (2004) Vzaimodeystviye meditsiny i religii (na primere rossiyskoj meditsiny i russkogo Pravoslaviya) [The interaction of medicine and religion (for example, Russian medicine and Russian Orthodoxy)]. Moscow. (In Russian)
5. Pentkovskiy A.M. (2001) Tipikon patriarkha Aleksiya Studita v Vizantii i na Rusi [Typicon of Patriarch Alexy Studite in Byzantium and in Russia]. Moscow. (In Russian)
6. Tipikon (1992). Moscow. (In Russian)
7. Fuko M. (1998) Rozhdeniye kliniki. Arkheologiya vrachebnogo vzglyada [The birth of the clinic. Archeology of a medical look]. Moscow. (In Russian)
8. Pristanakova N.I. (2006) Organizatsiya zemskoy meditsiny v Rossiyskoy imperii v XIX veke [Organization of Zemstvo Medicine in the Russian Empire in the XIX Century]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen]. vol.23, t.5: 70-73. (In Russian)
9. Dalokaya obitel' na krayu Rusi: sb. ist. dokumentov [Distant abode on the edge of Russia: sat. ist docs.]. Vladivostok, 2008. (In Russian)
10. Bazy dannykh po sotsial'nomu sluzheniyu Russkoj Pravoslavnoy Tserkvi [Databases on social service of the Russian Orthodox Church]. *Pravoslavnyy portal o blagotvoritel'nosti Miloserdie.ru* [Orthodox charity portal Mercy.ru]. (In Russian) [Online] Available from: http://social.miloserdie.ru/search?service_type_id=19 (Accessed: 06.06.2020).

11. Svyato-Troitskiy Novo-Golutvin zhenskiy monastyr'. Meditsinskiy tsentr vo imya blazhennoy Ksenii Peterburzhskoy [Holy Trinity Novo-Golutvin Convent. Medical Center in the name of Blessed Xenia of Petersburg]. (In Russian) [Online] Available from: <https://clck.ru/FNX5a> (Accessed: 06.06.2020).
12. Zorin K.V. (2013) Otechestvennyye prototipy obshchin sester miloserdiya [Domestic prototypes of sisters of mercy communities]. *RAMN. Byulleten' natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya*. [RAMS. Bulletin of the National Public Health Research Institute]. p. 87-88. (In Russian)
13. Ivanova N.V. (2018) Deyatel'nost' obshchin sester miloserdiya v Rossii v 40-ye – 70-ye gody XIX veka: tserkovnyy aspekt [The activities of the communities of sisters of mercy in Russia in the 40s - 70s of the XIX century: the church aspect]. *Sretenskiye chteniya. Materialy XXIV nauchno-bogoslovskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh spetsialistov* [Sretenskie readings. Materials of the XXIV scientific and theological conference of students, graduate students and young professionals]. Moscow. p. 185-193. (In Russian)
14. Mel'nikova L.V. (2016) Obshchiny sester miloserdiya i zhenskiye pravoslavnyye monastyr'i vo vremya rusko-turetskoy voyny 1877-1878 gg. [The communities of sisters of mercy and female Orthodox monasteries during the Russian-Turkish war of 1877-1878]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. №6. pp. 28-45. (In Russian)
15. Shubovich V.G. (2013) Organizatsiya protsessa obucheniya i vospitaniya v obshchinakh «sester miloserdiya» v Rossii v XIX-XX vv. [The organization of the process of training and education in the communities of "sisters of mercy" in Russia in the XIX-XX centuries]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka* [Pedagogical education and science]. 3. pp. 153-155. (In Russian)
16. Pravdikovskaya Y.N. (2012) Obshchiny sester miloserdiya v kul'ture Rossii. Avtoref. dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata kul'turologii [The communities of sisters of mercy in the culture of Russia. Abst. of dissertation for the degree of candidate of cultural science] Moscow. (In Russian)
17. Kosetchenkova Ye.A. (2014) Aspekty zhenskogo meditsinskogo professional'nogo obrazovaniya v Rossii v kontse XIX–nach. XX v. [Aspects of women's medical professional education in Russia in the late XIX – early. XX century]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Basic research]. 11 (5). pp. 1184-1187. (In Russian)
18. Zorin K.V. (2011) Sotsial'no-psikhologicheskiye i sotsial'no-meditsinskiye aspekty professional'noy deyatel'nosti moskovskikh obshchin sester miloserdiya (seredina XIX - nachalo XX v.) [Socio-psychological and socio-medical aspects of the professional activities of the Moscow communities of sisters of mercy (mid XIX - early XX centuries)]. *Novoye v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research]. 3. pp. 191-198. (In Russian)
19. Loshkarev I.A. (2001) Tserkov' i meditsina [Church and Medicine]. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of education]. 1. pp. 87-89. (In Russian)
20. Mazing YU.A. (2010) Nikolay Ivanovich Pirogov: 200 let zhizni v istorii Rossii [Nikolai Ivanovich Pirogov: 200 years of life in the history of Russia]. *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time]. 2 (2). pp. 203-221. (In Russian)
21. Grevtsova Ye.S. (2009) Filosofiya N.I. Pirogova kak otvet na voprosy zhizni [Philosophy N.I. Pirogov as an answer to the questions of life]. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: philosophy]. 2. pp. 60-69. (In Russian)
22. Luka Voyno-Yasenetskiy. (1999) YA polyubil stradaniye [I loved suffering]. Moscow, 1999. (In Russian) [Online] Available from: <https://clck.ru/FNWxh> (Accessed: 06.06.2020).
23. Gulyayeva Ye.SH., Yashchenko R.V. (2015) Rol' russkoy pravoslavnoy tserkvi v razvitiu otechestvennoy meditsiny [The role of the Russian Orthodox Church in the development of domestic medicine]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniya* [News of the Volgograd State Technical University. Series: Problems of social and humanitarian knowledge]. v. 23. 9 (172). pp. 65-68. (In Russian)
24. Il'in I. (2007) Put' k ochevidnosti [The path to evidence]. *Il'in I. Pochemu my verim v Rossiyu: Sochineniya* [Ilyin I. Why we believe in Russia]. Moscow. p. 826-835. (In Russian)
25. Gavryushin N.K. (2019) U kolybeli smyslov: stat'i raznykh let [At the cradle of senses: articles from different years]. Moscow. (In Russian)
26. Chuchalin A.G., Siluyanov I.V. (2017) Vrachebnaya etika v istorii meditsiny. Fenomen «svyatykh vrachey»: istoricheskiy obraz Ye.S. Botkina [Medical ethics in the history of medicine. The phenomenon of "holy doctors": the historical image of E.S. Botkin]. *Istoriya meditsiny* [History of medicine]. 3. 317-322. (In Russian) DOI: 10.17720/2409-5583.t4.3.2017.07g
27. Spisok obshchestv pravoslavnykh vrachey [List of societies of Orthodox doctors]. *Pravoslavnyy portal o blagotvoritel'nosti Miloserdiye.ru* [Orthodox portal on charity Mercy.ru]. (In Russian) [Online] Available from: <https://clck.ru/FNX3G> (Accessed: 06.06.2020).

Информация об авторе:

Поповкина Г.С. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия). E-mail: galina.popovkina@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Popovkina G.S., Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: galina.popovkina@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.06.2021;
одобрена после рецензирования 17.07.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.06.2021;
approved after reviewing 17.07.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 398.3
doi: 10.17223/15617793/474/25

Народные образы предвестников Великой Отечественной войны: опыт систематизации и дешифровки

Марина Александровна Рыблова

*Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия,
ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>*

Аннотация. Представлен опыт систематизации и дешифровки образов предвестников Великой Отечественной войны из устных рассказов русскоязычного населения России. На основе принципов «народной типологии» выявлены важнейшие дифференцирующие признаки этих сюжетов и даны примеры их дешифровки на основе народного концепта «доли» (общей доли-судьбы), которая в кризисных ситуациях нарушается (в сторону убытка или, наоборот, изобилия) и потому должна подвергаться обновлению и новому коллективному переделу в особых обрядовых практиках, направленных на «преодоление» войны и ее последствий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, народные образы знамений войн, коллективная доля-судьба, нарушение нормы, обрядовые практики ее восстановления

Источник финансирования: статья написана в рамках гранта РФФИ № 21-09-43097 «Донские казаки в СССР» и гос. задания ЮНЦ РАН на 2022 г., № гр. АААА-А20-120122990111-9.

Для цитирования: Рыблова М.А. Народные образы предвестников Великой Отечественной войны: опыт систематизации и дешифровки // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 217–227. doi: 10.17223/15617793/474/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/25

Folk images of the forerunners of the great Patriotic war: experience in systematization and decryption

Marina Aleksandrovna Ryblova

*Federal Research Center The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS),
Rostov-on-Don, Russian Federation, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>*

Abstract. The article presents the experience of systematization and decryption of images of the harbingers of the great Patriotic war from the oral stories of the Russian-speaking population of Russia. Considering the signs of war as elements of collective folk memory of crisis situations, the author solves the problem of identifying the main differentiating features for the development of future typology, as well as deciphering these images and related folk ritual practices. and the constant alternation of periods of prosperity and disaster. Adhering to the methodology based on the understanding that typological schemes of cultural elements in folklore and Ethnography should be based on folk ideas about their most important properties (i.e., on folk typology), the author suggests using two main features as differentiating signs of images-signs of war: the symbolization of the violation of the norm (in the direction of diminution or overabundance) and the place of the violation (the celestial sphere, the earth, channels of communication between them). So the status of a sign could automatically acquire any image first recorded in the sky due to the sacralization of the heavens themselves in the folk tradition. Most of these images can be interpreted as warning signs of the coming war (comets, new stars, pillars of light); many of them are associated with the theme of confrontation and struggle (fighting riders, roosters, troops), they, in fact, reproduce the picture of the future. As for the earth sphere, most of the signs associated with it symbolize the violation of a certain norm, correlated, according to the author, with the popular concept of the share (including the common share-fate), which is violated in the direction of loss or, conversely, abundance, and therefore (to resolve the crisis) must be updated and re-divided in the course of special rites. Finally, part of the images-signs of war in folk stories is associated with the so-called communication channels between the earth and the celestial spheres (wells, springs, streams). Violations occurring in this system (channels are either "clogged", or, on the contrary, functioning with excess) lead to violations of the norm-the share in the sphere of the earth (in the direction of material abundance), and in the sacred (in the direction of its impoverishment). Images of naked women and wolves appearing to travelers on the road can also be considered as symbols of such violations. Identifying the semantics of these images, the author also shows the implementation of the ideas embodied in them in folk ritual practices aimed at "overcoming" the war and its consequences associated with the

concept of the share, its collective renewal, new redistribution and collective responsibility. It is also shown that the oral stories especially actualize Christian motives (deviation from the faith, service to the devil's forces) related to the large-scale destruction that took place in the religious life of the country in the pre-war period and the people's understanding of their consequences.

Keywords: Great Patriotic war, popular images of the signs of the wars, the collective share of fate, the violation of norms, and ritual practices for its recovery

Financial Support: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 21-09-43097 «Don Cossacks in the USSR», and the state task of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences for 2022, reg. No. AAAA-A20-120122990111-9.

For citation: Ryblova, M.A. (2022) Folk images of the forerunners of the great Patriotic war: experience in systematization and decryption. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 217–227. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/25

Эта статья стала своеобразным ответвлением от написанного ранее текста, в котором я пыталась показать, что в экстремальных условиях Великой Отечественной войны восточнославянское население страны широко использовало веками наработанные традиции преодоления кризисных ситуаций, сформировавшиеся в дореволюционное время в рамках крестьянских и казачьих общин и актуализированные в годы тяжелый испытаний [1]. Дальнейшие размышления на эту тему привели меня к пониманию значимости в этом процессе такой особенности коллективной памяти традиционного сообщества, как цикличность ее воспроизводства, связанной, в свою очередь, с народными представлениями о цикличности времени и постоянном чередовании периодов благоденствия и бедствий. При таком восприятии времени и событий в коллективном сознании формировалось особое отношение к ситуациям, воспринимаемым современным человеком как исключительные. Народная память соединяла в единые циклы регулярно происходившие в человеческой истории войны, голодоморы и эпидемии, воспринимая их как неизбежное и естественное развитие жизни. Судить о сохранении такого механизма народной памяти в предвоенное время позволяли многочисленные записи устных рассказов, сделанные фольклористами и этнографами в разных местах России и объединенные общей темой «знамения войн». Они относились к различным историческим периодам, соединяя в единые циклы Отечественную войну 1812 г., Первую мировую, Великую Отечественную и др., а также указывали возможные пути преодоления их последствий.

Однако, обратившись к имеющимся на сегодняшний день публикациям устных рассказов о знамениях войн, а также к их анализу исследователями (в том числе и предпринятому ранее мною) [2–7], я пришла к выводу, что накопленный материал до сих пор не получил достаточной трактовки, не был классифицирован, а большинство образов остались нераскодированными. Так, мною была сформулирована исследовательская задача: выявить основные дифференцирующие признаки народных образов – знамений войн, которые могут быть положены в основу будущей классификации, и приблизить исследователей к их дешифровке; предложить свои варианты возможного их декодирования, а также народных обрядовых практик, направленных на преодоления кризисных ситуа-

ций и их последствий. Источниковую базу исследования составили публикации устных народных рассказов о знамениях войны, осуществленные в разное время отечественными учеными, а также материалы, собранные в этнографических экспедициях в 1997–1998 гг. на территории Волгоградской области и хранящиеся в личном архиве автора.

Образы-знамения на небе

Иногда исследователи, анализируя знамения бедствий и войн, представленные в устных народных рассказах как знаки на небе (кометы, столбы, кресты, неизвестные звезды и пр.), называют их метеорологическими явлениями и, кроме того, объединяют в одну группу с так называемыми «природными» (связанными с флорой и фауной) [8]. Представляется, однако, что отнесение «явлений на небесах» к «метеорологическим» обнаруживает точку зрения современного человека, склонного описывать их с позиции метеорологии – науки о земной атмосфере, её строения и происходящих в ней явлениях и процессах. Сами же рассказчики этот термин никогда не употребляли, отмечая, что виденные ими образы были «на небе» или «на небесах». Придерживаясь позиции, согласно которой составление квалификационных схем элементов культуры в фольклористике и этнографии должно опираться на народные представления об их важнейших свойствах (т.е. на народную типологию), я полагаю, что именно расположение образов-знамений в небесной (сакральной) или земной (профанной) сферах должно стать одним из таких признаков. Именно появление на небе любого образа или нового явления автоматически придавало ему статус особенного (сакрального). Вместе с тем это обстоятельство не исключает необходимости дешифровки конкретных образов с целью определения тех глубинных смыслов, которое вкладывало в них народное сознание.

Рассказы о знаках на небе, предвещающих войну, были записаны фольклористами и этнографами в разных регионах России: «Слышала, огненные шары летали перед войной. Это кометы» [8]; «Говорили кресты, столбы выходят на западе – явления» [9]. Образы-знамения Великой Отечественной войны соотносятся с теми, что были явлены и перед другими войнами: «Вот и перед ерманской так... Сначала кресты, а потом война»; «Накануне 1812 года на небе»

сах России зажглась невиданная звезда. Она появлялась в долгие ночи и горела странной зловещей точкой среди ровного сияния привычных светил» [8].

Встречается в рассказах и мотив «сражения» небесных столбов. Так, в рассказе, записанном нами в Волгоградской области, столбы «сходились и расходились»: «Соседка прибегает к нам: “Подите, гляньте!” Мы вышли на баз – на север столбы выходили. Красные, несколько столбов огненные. И вот они вот так сойдутся и потом расходятся. Перед войной это было. И в первый год войны» [9]. В материалах, собранных А.Ф. Балашовой, описывается также сон, в котором речь идет об увиденных во сне двух стрелах, сталкивающихся на небе близ Уральских гор: «А мне снится сон: опять стрела, значить, с запада на восток. Стрела вот так прошла, и всё. Я проснулась – я говорю, а ты знаешь, война будет еще! Она: да ну! А война тут же вскорости с этой – с Японией же? Вот с Японией началась война... Да, с востока на запад. Стрела эта прошла, и всё, на этом кончилось. И так оно и было! Туда тоже тревога, она ж недолго-то была. Вот как. Ну, стрелой – я говорю, война опять будет. Я тогда видела, эти две стрелы сошлись вот так – так они столкнулись хоть вот тут, говорю, где Уральские горы, вот так смотрю. Сюда вот, посредине эти стрелы сошлись. А тут стрела прямо вот сошла, и всё. Вот такие сны были» [8]. Исследовательница сопоставила стрелы с армиями, сравнив их с обозначениями стрелками на карте передвижения армий.

Нередко в народных рассказах о знаменьях войны, явленных на небе, встречаются образы животных. Так, зарево могло трансформироваться в красную корову с длинным языком [8. С. 237], огненные столбы превращались в коней: «Перед войной вдруг закричали, чтобы все выходили из домов на улицу. Все люди вышли из домов и увидели, что на небе поднялись два огненных столба, и они были в виде коней – как будто два огненных коня встали на дыбы, друг против друга. И вот этот старший старовер, а это было у нас, в Малой Бобровке, сказал: “Всем стоять и смотреть!”. Все стояли и смотрели <...>. И потом этот старший им сказал: “Будет война, сильно тяжелая, трудная, но мы победим”» [5. С. 28].

Сражающиеся птицы – ястребы и петухи – в рассказах имеют контрастную расцветку, позволяющую определять белых и красных в качестве «своих»: «Известный донор выступала, старенькая женщина. Она накануне 22 июня увидела сон. Два ястреба сцепились: чёрный и белый. Чёрный – это неприятельская сила, а белый – наша. И чёрный упал» [8. С. 237]; «Я в Калмыкии работала, меня война застала. Там легенда такая была. Два петуха встретились. Один – красный, другой – черный. Дрались они, и вот красный победил черного. И все говорили, когда началась война, мы победим все равно» [10].

Несмотря на трактовку цветов информантами, обусловленную современными (советского времени) реалиями, речь должна идти о весьма архаичной цветовой триаде, в которой черный цвет противопоставлен белому как ритуально чистому и ассоциируется с нарушением тра-

диции, грехом, а белый соотносится с чистотой и бестелесностью иномирья [11. С. 11]. Что касается красного цвета, то далее мы увидим его связь в народной традиции с понятием жизненной силы и ее избыточностью.

Исследователи уже пытались определить сложную символику животных (коня, петуха) в образах-знаменьях, но указания на их одновременную связь с языческими богами и христианскими святыми, а также со смертью, преисподней и в то же время – с плодородием [5. С. 140] мало что объясняют. Соглашаясь с тем, что символика животных в народной культуре, действительно, всегда сложносоставная, часто с признаками амбивалентности, выскажу все же мысль, что плодотворной может оказаться в данных текстах трактовка животных образов в связи с юношеской мужской традицией (петух) и воинской всаднической (конь). Не случайно изначальная символика этих образов дополняется мотивами противостояния и борьбы. Вместе с тем не менее значимым оказывается и то обстоятельство, что образы земных животных появляются на небесах, что дает основание для предположения их связи также с иным миром.

Образы являющихся на небе всадников также уже анализировались разными исследователями. Они соотносили их с христианскими святыми (Георгием Победоносцем) и с всадниками Апокалипсиса, отмечая, что в народной среде всадники воспринимались также как символы чумы, смерти, голода и войны. Что касается образа огненной коровы, то он отсылает к рассказу о явлении человеку коровы, относящемуся к 1917 г., и указывает на связь с «коровьей смертью» – символическим воплощением мора [3. С. 195–196].

Каналы связи между мирами

В архаичной картине мира восточнославянских народов пространство представляет собой трехчастную структуру, в которой связь между разными сферами осуществляется по специальным каналам, к числу которых традиция относит, например, реки, колодцы, печи, различные хозяйственные строения (бани, овины и пр.). В определенных ситуациях эти каналы связи могли использоваться для получения информации от потусторонних сил (например, в гаданиях). Однако если происходило нарушение каких-то предписанных традицией норм такого общения, оно могло закончиться с негативными последствиями для того, кто пытался осуществить «контакт».

Ряд народных примет войны может быть трактован именно как изменения обычного состояния каналов связи миров (земного и небесного; «того света» и этого). Так, в устных рассказах встречаются упоминания о колодцах – пересохших, затянутых паутиной, или «не принимающих» (вытalkingивающих) ведра накануне войны. Иногда, наоборот, наблюдалась чрезмерная «активность» каналов связи между мирами: ведра часто тонули в колодцах; «ручей, текущий посреди деревни, в каждом доме уносил по покойнику» [12. С. 16].

В рассказах о знаменьях войны часто встречаются образы, которые сами рассказчики трактуют как по-

добие радуги («как радуга»). Обычно они описываются их как разноцветные столбы, выходящие из земли и доходящие до небес: «*Перед войной столбы выходили на небе: красный, белый, желтый – ночью было, как радуга*» [13]; «*Мне было 10 лет, когда я видела столбы перед войной. Мать говорила, что будет несчастье, потому что вышли столбы. Первый раз на востоке, второй раз на западе. Они были разного цвета, как радуга. Было их много. Красный цвет – к крови, синий – к печали*» [14].

Попытка трактовать радугу в христианском смысле – как знак милости свыше и оказания в ближайшем будущем Божьей помощи, предпринятая А.Ф. Балашовой, на мой взгляд, не согласуются ни с вышеприведенными текстами (в которых сами информанты определяют ее как знак грядущей войны), ни с рассказом, приведенном самой исследовательницей (события в котором относятся уже к военному времени): «*Опять сон, как будто уже с вот этой стороны, с запада, два столба, и знаете, какие два столба? Как радуга бывает, радуга, а это тоже как радуга, только другая. Два столба вот так, и до самой вот до горизонта. А мы одноклассники как будто вышли у нас во дворе, и с одного столба и течет кровь. Я вот как ногой вот и размазывает. А у меня спрашивают: что это такое? А я им говорю, это мужская чаша наполнена кровью. А вот когда наполнится кровью вторая чаша, тогда как будто будет конец этой самой какой-то бойне. Вот что. Вот эти сны я видела*» [8].

По всей видимости, для понимания сути знамений в виде радуги также необходимо обратиться к древней народной традиции, в которой она обладает качеством соединения двух миров. Так, согласно славянским поверьям, радуга могла вытягивать из рек воду, а также лягушек и рыб, которые потом падали с неба на землю [15]. Радуга могла быть опасной и для людей: у русских бытовало поверье, что она может затянуть в облака маленьких детей. Согласно украинским поверьям, человек, постоявший в том месте, куда опиралась одним концом радуга, приобретал статус «двоедушника» или «двуснастного» (поочередно обладающего признаками обоих полов). Радуга называлась на Украине также «висялицей» и воспринималась как явление, связывающее земной и небесный миры [16. С. 258]. Способность радуги соединять миры соотносилась также с признаком размыкания границ между ними, что могло нести угрозу миру земному. Именно «посредничество» между мирами и способность изменять как местоположение предметов или человека (с земли на небо и обратно), так и сущностные их качества, обусловили особый статус радуги в народных поверьях и ее роль в предзнаменовании бед. Интересен в связи с этим рассказ, записанный в Могилевской области, в котором речь идет о перемещении с земли на небо человеческого воинства. Там накануне войны подростки видели при заходе солнца «как бы поднимающиеся от земли образы солдат с ружьями за плечами, которые уходили на небо» [5. С. 141].

Таким образом, нарушения в функционировании каналов связи между мирами могли быть как со знаком «плюс» (чрезмерность этих контактов и их результата),

так и со знаком «минус» (затрудненность контакта). Но если нарушались нормальные взаимоотношения (и взаимобмен) между мирами за счет изменений, происшедших с каналами связи, то с неизбежностью должны были происходить изменения (отклонения от нормы) и в самих мирах – и земном, и небесном.

Нарушения нормы на земле

Наиболее распространенными в рассказах о знамениях оказываются указания на отклонения от некоей нормы, происходившие в земной сфере и связанные с понятиями чрезмерности, избытка. Так повсеместно в России записывались рассказы о том, что накануне войн наблюдалось изобилие хлебов (необыкновенный урожай), грибов, ягод, огурцов; в лесах и полях с огромной чрезмерностью плодились животные: «*Перед войной столько гадюков в степях ужасно много было. И так и сказали – что-нибудь будет плохое*» [10]; «*А урожай-то был... Ой-ей-ей. Особенно грибов было видимо-невидимо. Так и сейчас... Стало быть, не избежать нам новой войны*»; «*Лето 1941 года было исключительно урожайным. Удались озимые и яровые, трава стояла по грудь. Но тревога в народе уже жила, войну предсказывали, видя всполохи северного сияния. Двадцатого июня Андрей принёс около 360 штук белых грибов. Когда мать увидела их, всплеснула руками, воскликнула: «К войне!»; «О том, что война придет, чувствовалось, об этом все говорили. Признаки природы. Было огромное количество белок, зверьков. На каждом суку яблони, прямо под ногами. Говорили: «Это к войне»*» [8]. Признаком избыточности обладали и сросшиеся («двойные») овощи, яйца с двумя желтками, которые появлялись в большом количестве накануне войны [7. С. 18].

Приведенные выше рассказы отсылают к важнейшему в русской народной традиции концепту «доли», которая понималась широко: как блага, энергия, жизненная сила и в то же время – судьба, и подлежала постоянному переделу в обрядах календарного года и жизненного цикла человека. А.А. Потебня указывал на связь доли и судьбы в восточнославянской традиции с Богом. Именно Бог распределяет имеющееся «на свете определенное количество счастья и несчастья, болезни, добра и зла, и нет убытка ни в чем. Если один заболевает, то, значит, к нему перешла болезнь, оставивши или уморивши другого». Если кому-то посчастливилось, то, значит, у кого-то счастья убавилось («Бог не гуляет, а добро перемеряет»). Доля, таким образом, предстает как часть целого, отмеряемого Богом каждому отдельному человеку или группе людей [17. С. 188–211]. В связи с этими представлениями переизбыток в одной сфере должен был с неизбежностью вызвать оскудение в другой. В таком случае избыток в мире природы мог трактоваться как ожидаемый убыток в мире людей.

Вместе с тем нарушение нормы в сторону изобилия, могло происходить и в мире людей. Так, по народным представлениям, свидетельствовать о грядущей войне могло рождение больше обычного мальчиков: «*Это я слышала, что перед войной, говорят,*

много мальчиков рождается. Да одни мальчики рождаются – это значит, будет война»; «Люди кричат: "Война!", а мы в роддоме детей рожаем. И что я запомнила – мальчиков все рожали» [8]. Приметами войны могли стать и отклоняющиеся от нормы образцы поведения людей с выбросом энергии: слишком много плясали, дрались [8. С. 234]. Подобные приметы мы записывали и у донских казаков. Так, по мнению нашего информанта, причиной революции и Гражданской войны начала XX в. стало то, что казаки без меры, в неурочное время и с чрезмерным озлоблением дрались в кулачных боях: «Сильно дрались. До смерти... Дрались – накликали войну» [18].

Персонажи «того» света на этом и варианты нарушения нормы

Примерами очевидного нарушения границ между мирами (земным и небесным, «того» света и этого, домом и дикой природой) могут служить ситуации, когда людям являлись некие персонажи, наделенные особыми знаками и функциями. Применительно к теме знамений Великой Отечественной войны в этих случаях в народных рассказах речь идет обычно о встречах на дороге. В народной традиции дорога – особое пространство, противопоставленное дому, культуре и связанное с иномиром. Сакральный статус имели в народной традиции и путник, и первый встреченный в пути, воспринимавшиеся в качестве персонификации потусторонних сил и вестников. В рассказах, объединенных мотивом «встреча на дороге» и связанных с Великой Отечественной войной, обычно в качестве вестников фигурируют женщина или волк. На их потустороннее происхождение указывает ряд признаков; являются путнику голыми (без одежды/без шерсти), волк наделен даром речи, и женщина и волк пророчествуют; но самое главное – в качестве потусторонних сил их нередко представляют сами рассказчики («Это ж смерть ходила. Саван себе искала»).

Исследователи уже предлагали свои трактовки сюжетов с мотивом «встреча на дороге», однако не обращали внимания на то, что практически все их варианты связаны с понятием нормы, соотносимой в свою очередь с «долей», а также отклонениями от нее. Именно поэтому я считаю необходимым объединить все эти сюжеты в одну группу, чтобы уже далее разделить и выявить признаки, различающие их существенно, а не поверхностно, когда выделяются два разных сюжета (встреча с женщиной и встреча с волком) – без определения того, что их связывает и различает [6. С. 205, 209–211]).

Встреча с голым волком – красная ткань.

Рассказы о встрече людей с голым волком, записанные в Брянской области в 1945 г., впервые были опубликованы О.В. Беловой [6. С. 209–211]. На первый взгляд они представляют собой примеры нарушения взаимоотношений между людьми и дикой природой, в результате которых произошло отступление от нормы в сторону оскудения последней. Только в одном из рассказов волк предстает действительно «голым» («совсем раздетый, одна кожа без шубы»),

но при этом во всех случаях он просит встреченных женщин принести ему красный платок или ткань. Когда красный платок или кусок кумача женщины бросают на волка, он начинает «пророчествовать», предсказывая, сколько еще времени продлится война. Предсказания волка представлены двумя вариантами:

1. «Если он попал кумач мне на голову, то войне и конца не было бы, если бы на спину, то еще несколько месяцев, а ты на хвост кумач бросила, так что теперь днями война и закончится».

2. «Вот если бы этот платок упал на землю, то еще война продлилась бы четыре года, а так продлится еще несколько месяцев» [19. С. 210].

Если в первом случае представлено своего рода гадание с помощью платка (на какую честь тела волка упадет), то во втором значим сам факт попадания ткани на волка как гарант благоприятного предсказания. Впрочем, и в первом случае гадание и предсказание были бы невозможны без выполнения просьбы волка – купить и бросить на него кусок красной ткани. Н. Петров, выделяя мотив обретения одежды (в вариантах – обуви) в ряде сюжетов, связанных с предсказаниями, считает, что «одежда нужна для того, чтобы увидеть будущее» [3. С. 196]. Действительно, в одном из приведенных им рассказов корова предлагает мужику надеть платок, после чего начинает видеть символы будущего. Однако когда мужик набрасывает платок на корову (символизирующую «коровью смерть»), она исчезает.

Складывается впечатление, что у платка (ткани) в данных ситуациях двоякая функция: быть своеобразной платой за предсказание и быть для человека средством «преодоления» войны. О механизме гаданий в народной традиции, как ритуальном способе определения доли человека на следующем этапе его жизни с помощью потусторонних сил, писал А.К. Байбурун [20. С. 125–126]. Он отмечал, что гадающий узнает свою долю в обмен на ту долю, которую сам выделяет этим силам. Такое понимание гаданий позволяет сделать вывод, что волк в этой ситуации был представителем не просто дикой природы, а именно потусторонних сил, а также участником символического обмена. Отмечу, что в календарной обрядности славянских народов волк также связан с покойниками, приходящими к людям за своей долей.

Вообще сюжеты с волком и его предсказаниями сроков окончания войны могут быть разъяснены только через выявление семантики этого образа в славянской народной традиции. А она, определяя многие качества волка (в том числе его связь с потусторонним пространством), в первую очередь отсылает к состоянию избыточности: энергии, жизненной силы, ярости и пр. Это качество объясняет и характерное для многих традиций соотнесение волков с молодыми воинами, а отсюда – и появление среди людей именно волка в разгар войны. Избыточность же волка реализовывалась в предметах, растениях и состояниях, опасных для человека. Так, в русской народной традиции «волком» называли «сверхсчетный зуб, который вырастал иногда у человека и животных не на месте (например, посреди неба), мешая приему пищи, а также род злой накожной

болезни, похожей на рак» [21. С. 232]. Термин «волчец» использовался русскими для обозначения множества сорных, колючих, иногда ядовитых, растений – «диких» и «злых» – во всех отношениях избыточных (хотя в определенных обстоятельствах – полезных, защищающими от нечистой силы).

Если же говорить о характере взаимоотношений людей и волков, то в славянских поверьях, а также в календарной обрядности фиксируется два периода времени, когда последние появлялись в домашней зоне: зимнее и летнее солнцестояние. Оба отрезка времени считались периодами активности этих хищников. В период длинных ночей (святочное время) осуществлялись обряды кормления волков, приходящих, видимо, за причитающейся им долей. У славян бытовали также поверья о том, что волки (*волкодлаки*) поедали светила (солнце и луну) или нападали на солнце зимой [22. С. 16]. В период летнего солнцестояния волк связывался в народной традиции с наивысшей активностью солнца, его избыточным и губительным жаром, который грозил пожарами на нивах и появлением болезни, называемой *хлебной ржавчиной* [23. С. 7].

А.А. Потебня отмечал, что слова «ржавчина» (пол. *Rdza*, серб. *Ppa*), «рдеть», «рудой» и «рыжий» – однокоренные и связаны с идеей света, красноватого цвета и огня [24. С. 17]. Обратим также внимание на еще одно название этой болезни хлебов – *спорынья*, происходящее от древне-русского *спорын*, означающего изобилие, избыток. Примесь частичек спорыньи в муке или корме могла вызвать тяжелую болезнь (эрготизм), называемую в народе *ведьмины корчи* или *антонов огонь*. Вместе с тем спорынья могла вызвать у людей, находящихся в поле зараженной ржи, галлюцинации (ср.: способность волка к пророчеству), а также приводила к вспышкам агрессии (бунтам, восстаниям и пр.). Наконец, даже простой избыток солнечного жара, согласно народным поверьям, вызывал болезни не только хлебов, но и людей; самая страшная из которых – чума – обычно совпадала с засухой [23. С. 17–18].

В поисках аналогий образу волка, просящего красную ткань, я обратилась к записанной у донских казаков легенде о Красной деве – персонификации холеры и смерти, выступающей в то же время как вестник беды. Она появлялась летом високосного года (также обладающего качеством избыточности) «в красном сарафане, красном платке, красных башмаках и чулках; на плече у нее была коса, а под мышкою сноп пшеницы». По народным представлениям, Красная дева «была не что иное, как болезнь – холера, посланная от Бога губить людей за грехи». Про косу и пшеницу в народе говорили: «косу она несла, чтобы подкашивать людей, а снопом давала понять, что будет сильный урожай хлеба, да некому будет прибирать его» [23]. Красная дева, как видно, также символизировала наполненность до избыточности, сверх нормы некоей силой, которая должна была воплотиться в обильном урожае и смерти людей от болезни. Значимо в этом рассказе и наличие у Красной девы косы. В народной традиции существовал запрет на использо-

вание женщиной косы при уборке хлебов и трав, а также вера в то, что нарушение этого запрета приведет к смерти ее близких. Показательно и то, что в годы Великой Отечественной войны, несмотря на нехватку мужчин, женщины в сельской местности часто отказывались от косыбы, мотивируя это возможной гибелью находящихся на фронте мужей [7. С. 20].

Мифологический рассказ о Красной деве не только позволяет еще раз проявить дихотомию «избыток хлебов – убыток людей», но и разъяснить требования волка из вышеописанных сюжетов именно красной ткани и одежды как символа насыщенности и избыточности – качеств, которыми он должен был обладать в летнее время, но по какой-то причине оказался лишенным их (стал голым). Для скорого окончания войны волку (как символу воинства) необходима была эта избыточная энергия.

Обратим внимание также на то, что для получения благоприятного предсказания о времени окончания войны женщинам пришлось поделиться с волком: отдать ему красный платок или ткань, т.е. выделить долю. Причем, в двух рассказах речь идет о том, что женщинам было жалко отдавать волку ткань: «...*пришла она на базар, купила все что нужно, да красного материалу купила, но жалко ей отдавать его волку-то, самой на кофточку пригодится, и решила она идти по другой дороге домой, чтобы с волком не повстречаться*» [6. С. 210].

Вспомним также, что в сюжете о корове ее исчезновение произошло после того, как на нее был брошен красный платок. Получивший свою долю волк также оставлял границы человеческого (культурного) пространства, тем самым восстанавливая произошедшее нарушение норм и границ.

Этот мотив получает развитие в рассказе о женщине в красной одежде, записанном в Восточной Сибири. В этом рассказе имеется прямое указание на то, как люди могут исправить возможное негативное развитие ситуации за счет проведения специального обряда. Речь идет о появлении рядом с хлебным полем плачущей «женщины в красном». Это явление было истолковано стариками как предзнаменование страшной болезни, которая, действительно, вскоре пришла в деревню и погубила множество людей. Обрядовые же действия были следующими: «*Тогда-то вот и сжигали чучело. За одни сутки надо было коноплю распустить, спрясть, соткать, сшить одежду, надеть на чучело и сжечь его. Только тогда болезнь пропала*» [26. С. 292].

В этом обряде можно выделить три основных этапа: коллективное изготовление одежды в течение суток; изготовление чучела и обрядное его в эту одежду; сжигание чучела. Первый этап обрядового действия связан с широко распространенной у восточных славян традицией в случаях бедствий сооружать в один день (*обыденкой*) храмы, выпекать хлеба или создавать полотенца (полотна), которые назывались *обыденными*. По мнению Т.А. Бернштам, обычай изготовления в один день ткани (*новины*) воссоздавал первичный миф – праформу творения, а значение слова «новина» восходит к мифологическому представ-

лению о сотворении нового – молодого – взамен старого, как попытка дать новую жизнь явлению отмирающему или зараженному недугом, опасностью и т.п. [27. С. 163]. Отмечу также, что все действия по изготовлению новины производились коллективно, когда каждый участник обряда вносил свою долю труда в общее дело (в общую долю). В самые ответственные моменты земледельческого календаря в русских деревнях устраивались также коллективные пиры (*братчины, ссытки*), на которых в складчину и общими усилиями готовили какое-то блюдо, символизировавшее общую долю, например варили мед (*медовуху*) или выпекали многопудовые хлеба. Их совместное изготовление и употребление в пищу также символизировало обновление общей доли и новое ее перераспределение.

Эта идея оказывалась реализованной и в годы Великой Отечественной войны. Так, в Брянской области и на юге Калужской были распространены обрядовые практики совместного выпекания хлебов и передачи их по цепочке от деревни к деревне с молениями и верой в то, что когда хлеба достигнут линии фронта, враг будет разбит [6; 28. С. 5]. В этих обрядах также очевидна символика коллективного обновления доли и передачи ее советским воинам для обеспечения победы – как обновлялась и сила-энергия связанного с воинством волка за счет передачи ему красной ткани.

Чтобы лучше понять смысл действий, связанных с изготовлением чучела и обряжением его в новую одежду, а также манипуляции с красной тканью в рассказах о встрече с волком, вернемся к сделанному выше выводу. Персонажи, связанные с понятием «избытка жизненной силы», были сопряжены с потусторонним миром. В календарной обрядности восточных славян они появлялись неоднократно в течение года и персонифицировали силу, неистраченную до конца при жизни. В народной традиции их называли «заложные покойники» (умершие «не своей» смертью, до срока), и они «приходили» в определенные дни календарного года для того, чтобы воплотить неистраченный остаток своей доли в новый урожай, приплод скота или в рождение детей. С этой целью совершались обряды, связанные с изготовлением чучел (например, Костромы у русских, Фомы у донских казаков, шуляки у украинцев и пр.) [29, 30, 31. С. 100–114] и обряжением их в одежду (штаны, платки и пр.), символизировавшие их материализацию (ср. отмеченное Т.А. Бернштам народное понимание ткачества как материализацию «предметных сущностей» [27. С. 161]) и включение их воплощенной таким образом доли-силы в новый общий передел для исправления ситуации «перебора». Последующее сжигание (или потопление) чучела символизировало отправку умершего обратно в мир иной, что означало также восстановление нарушенного порядка.

Таким образом, вестники в красном символизировали нарушение некоей нормы, имевшей отношение к жизненной энергии, силе, понимаемой в восточнославянской народной традиции как доля (т.е. часть общего). Красная дева была, по сути, персонификацией избытка жара/энергии, а волк являл собой пример

обратного нарушения нормы: будучи по каким-то причинам лишены признака избыточности, он приходил к людям голым и просил исправить ситуацию за счет набрасывания на него красной ткани. Обряжение волка в красный платок символизировало восстановление его энергии с последующим уходом из домашней зоны. В данной ситуации наделение волка красной тканью символизировало и усиление силы-энергии советских воинов (что соотносится и с передачей им по цепочке совместно выпеченных хлебов).

Встреча с голой женщиной – белая ткань.

Персонажам, предсказывающим войну и являющимся путнику в красных одеяниях или просящим купить им красный платок, могут быть противопоставлены те, которые также предстают в образах оскудения (признаками которого являются нагота, оборванность, старость), но при этом просят купить им белую ткань (иногда сами предстают в белых одеждах). Применительно к предвоенному времени чаще всего главными героями рассказов с таким сюжетом являются шофер (персонаж, обладающий признаками исключительности в условиях крестьянского предвоенного быта, а также маргинальности, как связанный с необжитым пространством дороги) и женщина. Н. Петров рассмотрел эти сюжеты как составную часть широкого круга славянских и европейских эсхатологических рассказов, в которых путнику встречается некий персонаж (молодая женщина, старуха, старик и пр.) и обращается с просьбой (купить одежду или обувь, перевезти на другой берег реки и пр.), после чего показывает знаки будущего: кровь, мясо, поле с урожаем и пр. В русском варианте вестник также предсказывает, будет ли война и другие бедствия [3. С. 189].

Проанализировав значительное количество русских текстов, относящихся к XX и XIX вв., исследователь пришел к выводу, что устные рассказы советского времени содержат мотивы, характерные для дореволюционной народной прозы. Генетически эти мотивы связаны с популярными в славянском мире (и уже упомянутыми нами выше) сюжетами о чуме, холере или коровьей смерти в образе женщины, которая приходит в селение и несет с собой смерть. Актуализация этих сюжетов народной памятью в советское время происходила в связи с кризисными ситуациями (Гражданская война, голод, Великая Отечественная война). Однако если Н. Петров в первую очередь был озадачен выявлением первичного ядра этих рассказов и обоснованием мысли о генетическом родстве рассказов предвоенного советского времени с более ранними, то меня в большей степени интересует процесс трансформации этих сюжетов именно в советское время и поиск ответа на вопрос: какие именно мотивы в этих рассказах (представленных разными вариантами) оказались актуализированными и почему.

В тех рассказах, где речь идет о грядущей войне, чаще всего шоферу встречается на дороге женщина. Нередко имеются указания на скудость одеяния явившихся путнику женщин или даже полное его отсутствие («в одних рейтузах», «в костюме Евы», «голая»). Нагота женщины (которая могла символизировать оскудение

как женского мира, так и сакральной сферы) сочетается с символами избытка в материальной сфере: «И вот одна женщина рассказывает такую быль, небылицу. Милые мои, дорога узкая полевая, рожь высокая-высокая стеной стоит. Машина ехала. Машин тогда было мало. И вдруг колёса крутятся, машина стоит. Выходит женщина в костюме Евы.

– Откуда выходит?

– Из ржи, из посевов. И обращается к этим, кто был в машине.

– А там много было в машине человек?

– А бог знает! Трудно сказать. Машин мало ведь до войны было. В нашем колхозе была одна машина. Так вот. И держит три колоса: колос ржи, колос пшеницы и колос ячменя. Тучные колосья. Зёрна налитые. И говорит: «Не спеши! Вот видишь, какой урожай. А убирать некому будет. Некогда будет. Будет война» [3. С. 191].

Практически во всех рассказах, объединенных мотивом встречи с женщиной, происходила передача (односторонняя или взаимная) неких предметов (чаще – одежды или ткани), т.е. осуществлялся символический обмен, характер которого влиял на предсказание. Вместе с тем уже само предсказание могло даваться в обмен за услугу (покупку ткани или согласие подвезти). Можно выделить несколько видов такого символического обмена:

1. Вестник просит подвезти его на машине, за выполненную просьбу передает шоферу набор предметов, по которым предсказывается будущее (в том числе – война).

Пример: «Ехал шофер, а по дороге старушка, просит: “Подвезите”. Вот едут, а она ему узелок дает. Он развернул, а там хлеб, ножик и мыло. А старушка уже исчезла. Шофер приехал домой, спрашивает у старых людей: “Что это значит?”. А ему говорят: “Хлеб – это к урожаю (в 41 году большой урожай был), а нож – это к войне, а мыльцо – это хрен тебе в лицо”» [32].

2. Голая женщина зимой останавливает машину и просит шофера привезти ей одежду. Привезенный узел с одеждой она оставляет шоферу, предсказывая, что войны не будет, но люди будут умирать от других причин.

Этот сюжет приводит Н. Петров со ссылкой на полевые материалы И.Г. Бурцева и И.В. Пешехонова [3. С. 193]. Здесь стоит вспомнить о бытовавшем в народе запрете брать что-то от покойников (например, уносить с кладбища). По народным представлениям, нарушение этого запрета влекло за собой смерть нарушителя.

3. Вестник просит купить ему одежду или ткань. Главный герой выполняет просьбу. Вестник разрывает ткань пополам и обещает, что войны в ближайшее время не будет.

Пример: «Они взяли столько-то метров товара, сколько приказано, ну, примерно, десять метров, <...> теперь он поехал. Ехал, ехал, и на том же месте машина встала. Когда машина встала, стоит, маленько погодя выходит женщина, та же сама. (А эти ему наказали спросить, будет или нет война). <...> Теперече:

– Че, купили товару?

– Купил.

Она разрывает пополам.

– Это тебе, а это мне...

– Вы заказывали, я вам взял.

– Нет, нельзя так. – Пополам разорвала. – Это твое, это мое.

– Вот вы мне скажите, скоро ли у нас начнется война.

Она говорит:

– Нет, война скоро не будет. Даже совсем может не быть войны...» [26. С. 291].

Обратим внимание в этом сюжете на то, что именно разрыв ткани на две равных части (выделение равных долей и для людей, и для высших сил) символизирует сохранение на какое-то время состояния мира без войны.

4. Вестник просит купить ему одежду или ткань. Главный герой выполняет просьбу. Вестник забирает ткань и говорит, что войны не будет.

Пример: «Слух пустил кто-то... Будто один шофер ехал, вдруг машина резко остановилась, он видит: женщина идет. Одетая во все белое. Подошла и просит его купить белого материала, с полметра.

– А как купишь, сюда же приезжай. Потом рассчитаемся.

Он съездил, купил. Думал, уже не встретит ее. А как проезжать стал то место, машина опять остановилась. Спрашивает его:

– Купил? – он отдал материал. – Что хочешь теперь проси, все исполню.

Он перетрусил, не знает, что просить. Потом сказал первое, что пришло в голову:

– Война будет?

Она отвечает:

– Войны не будет <...>» [26. С. 291–292].

Этот сюжет дает возможность объяснить благоприятное пророчество тем, что шофер удовлетворил просьбу женщины-вестника. Тем более, что в нижеприведенном рассказе ситуация будет обратной.

5. Вестник просит купить ему одежду или ткань. Главный герой не выполняет эту просьбу или выполняет с нарушением. Вестник предсказывает войну.

Пример: «Это было в 1940 г. (перед войной). Ехал шофер, подъезжает к мосту. Машина ни с места, никак нейдет. Выходит женщина из-под моста, раздетая в одних рейтузах, и говорит на его. – Купи мне, – говорить, – платье. – Я, – говорить, – не могу. Как же я тебе могу купить платье? Она на него говорит: – Купи мне платье, а то все равно не поедешь мимо моих рук. Он ей не поверил. Поехал обратно. Ну подъезжает к мосту. Обратно его машина остановилась. Бился, бился, ничего не сделал. Обратно выходит эта женщина и говорит: – Ну, купил мне платье или нет? А он ей отвечает: – Нет, – говорить, – я не купил. – Ну вот, – говорить, – разожми мне одну руку и другую. Он разжимает ей руку. В одной руке колос – хлеб, в другой руке мясо, и говорит: – Вот что у нас будет. Вот мясо, будет сильное кровопролитие, а в этой руке колос – будет хлеба у нас много, но некому будет есть. Это в Бе-

жице было. Милиционера приводили, не идет машина. Говорят, что этот шофер боялся идти на войну: "Зачем я не купил ей платье?"» [19. С. 13].

В фильме В. Шукшина «Жил такой парень» воспроизводится рассказ, в котором шофер, получив от встреченной в пути голой женщины деньги на покупку «белой материи на платье», пропил их, но ткань все же купил. Рассказчица дает пояснение, что женщина – это Смерть, которая искала себе саван. Встречу с ней трактовали как предзнаменование скорой войны.

Как видим, обещание войны связывается непосредственно с невыполненной просьбой оскудевшей (обносившейся) женщины, а также с присвоением шофером чужого (пропиты деньги – как символ чужой, не своей доли).

6. Наконец, имеются рассказы, в которых женщина на дороге определяется как Божья Мать. Иногда как знак грядущей войны трактовался сам факт объявления ее перед людьми в обнаженном виде или плачущей: «Он был шофером. И вот его послали в Нижний Дон. Он поехал. Едет, за Урюпино уже выехал, и вот тебе идет женщина вся наголо, Божья мать. Машина встала. Он говорит: "Я не останавливал, ничего, а машина встала..."». Ждали после этого войну» [9].

Герою рассказа В. Шукшина «На кладбище» старушка рассказывает о том, как молодому солдату явилась на погосте женщина, оплакивавшая молодое поколение; она представилась ему земной Божьей Матерью. Как вполне земная женщина, она оплакивала тех, кому предстояло погибнуть [33. С. 778]. Явления плачущей Богородицы фиксировались в разных регионах страны и в период «культурной революции» и массового разрушения церквей. Так, в кубанской станице в разоренном храме слышался рыдающий голос, который восклицал: «Боже мой, Боже мой, что вы наделали!». Жители станицы были уверены, «что это было видением Божьей матери» [34. С. 374–375].

Образ плачущей Божьей Матери также трактуется как призыв к покаянию за грехи: «Божа мати молиця: плаче, тож роскажіть всім своїм силянам, щоб покаялись і молились, що господь ізбавив їх од виликої напасти» [35. С. 81].

Иногда в устных рассказах нагота женщины прямо объясняется отлучением людей от Бога и их служением «другим» силам. В рассказе, записанном в Брянской области, шофер встретил на мосту женщину, которая сама разъяснила причину своей наготы: «Вбегает женщина, совершенно наголо, останавливает машину и подает ему ведро крови и кусок сырого мя-

са. Шофер спрашивает: – Что это значит, почему ты голая? Она отвечает: – На кого ты сейчас служишь, отнял у нас все. – А ведро крови, это что значит? – А вот кому ты сейчас служишь, так льется сейчас кровь через него» [6. С. 206].

Прямое указание на силу, противостоящую Богу и призванную в мир в советское время самими людьми, содержится в записанных мною в 1986 г. словах донской казачки: «Христос заклал Сатану на тысячу лет. А энти – большевики-коммунаки – зачали петь "Вставай, проклятьем заклеянный...". Вот он и встал! И стал править нами...» По мнению этой женщины, в ближайшее время нужно было ожидать великих бедствий и смерти большого количества людей [36].

Таким образом, в советское время в сознании людей, переживших период борьбы с религией и массовое отлучение от церкви и веры, формировалось новое понимание причин грядущей войны. Не только естественным чередованием периодов благополучия и кризисов объясняется неизбежность войны, а также оскудением сакральной сферы жизни, началом служения «иным силам»; возможность же преодоления беды обуславливается обращением к Богу и покаянием.

В заключение резюмирую, что подтвердив значимость народных представлений о цикличности времени и цикличном воспроизводстве коллективной памяти для преодоления кризисных ситуаций, можно прийти к выводу, что ключевым в этом процессе (а также в процессе декодирования образов – знамений войны) оказывается понятие доли (общей доли-судьбы), которая, по народным представлениям, в кризисной ситуации должна подвергаться обновлению и новому переделу. Концепт «доли» (и отклонений от нее) необходимо учитывать и при разработке будущих типологий сюжетов о знамениях войн, используя его в качестве основного дифференцирующего признака, наряду с таким признаком, как расположение в одной из сфер – земной или небесной (или соотношение с каналами связи между ними). Состояние мира определяется в народных верованиях постоянным взаимодействием между этими сферами, а нарушения гармонии понимаются либо как результат естественного развития (старения, ветшания), либо как следствие грехов человеческих перед Богом. Христианские мотивы с особой силой актуализировались среди части советских людей в предвоенное и военное время и были связаны с масштабными разрушениями, происходившими в религиозной сфере жизни страны и народным осмыслением их последствий.

Список источников

1. Рыблова М.А. Практики преодоления войны мирными жителями послевоенного Сталинграда // Татьяна Павловна Хлынина in memoriam. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2017. С. 530–548.
2. Рыблова М.А. Великая Отечественная война в народной памяти донских казаков // Россияне и немцы в эпоху катастроф: память о войне и преодоление прошлого. Материалы конференции российских и немецких историков. Волгоград, 7–10 сентября 2012. Волгоград, 2012. С. 135–145.
3. Петров Н. Как баба в белом войну предсказала: эсхатологические настроения в СССР // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве / сост. А. Архипова. М. : РГГУ, 2013. С. 188–199.
4. Балашова А.Ф. Коммуникативная природа народных рассказов на примере текстов о Великой Отечественной войне в небесных знаменьях // Коммуникативные исследования. 2014. № 1. С. 233–240.
5. Фурсова Е.Ф. Чудесные видения/знаменья накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 128–131.

6. Белова О.В. Рассказы о знаменьях войны из Брянской области: к вопросу о типологии // Материалы II международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (Брянск, 28–30 ноября 2013 г.) / ред. С.И. Михальченко, А.А. Чубур. Брянск, 2013. С. 203–211.
7. Добровольская В.Е. «Все знали, что война будет...» // Живая старина. 2010. № 2. С. 18–21.
8. Балашова А.Ф. Природные и метеорологические приметы войны // Фольклор и постфольклор. URL: [https://ruthenia.ru/folklore/folklore-https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Balashova.htm](https://ruthenia.ru/folklore/folklore-https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Balashova.html)
9. Полевые записи (далее – ПЗ) 1997 г. в ст-це Тепикинской Урюпинского р-на Волгоградской обл. Информ. М.П. Усачева, 1921 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
10. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикинской. Информант Е.Ф. Арбузова, 1920 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
11. Швед И.А. Семантика и символика черного цвета в мифологии булорусов // Живая старина. 2011. № 3. С. 11–13.
12. Знаменья войны / публ. В.В. Запорожец // Живая старина. 2005. № 2. С. 16–18.
13. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикинской Информант П.В. Кондрашова, 1929 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
14. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикинской. Информант Е.Г. Великанова, 1930 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
15. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М. : Астрель, 2000. 528 с.
16. Кельсиев В. Галичина и Молдавия. Путевые письма. СПб. : Типография В. Головина, 1868. 351 с.
17. Потегня А.А. О Доле и сродных с нею существах // Труды Московского археологического общества. М., 1867. С. 188–211.
18. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикинской. Информант Кривова Р.Ф., 1912 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
19. Фольклорные записи 1945 года из Брянской области / публ. и ком. О.В. Беловой // Живая старина. 2005. № 3. С. 13–17.
20. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 239 с.
21. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб. ; М. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. 723 с.
22. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М. : Наука, 1981. 608 с.
23. Шепинг Д.О. Значение некоторых зверей, птиц и других животных по суевериям русского народа // Филологические записки. 1895. Вып. 3/4. С. 1–36.
24. Потегня А.А. Символ и миф в народной культуре / сост., подгот., текстов, вст. ст. и коммент. А.Л. Топоркова. М. : Лабиринт, 2000. 184 с.
25. Шкрылев Г. Кое что о народном суеверии // Донские областные ведомости. 1876. № 66.
26. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск : Наука, 1987. 401 с.
27. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л. : Наука, 1988. 277 с.
28. Бессонов И.А. Традиция передачи «святого хлеба» и «пирога счастья» в XX–XXI вв. // Живая старина. 2011. № 3. С. 5–8.
29. Бернштам Т.А. Весенне-летние ритуалы у восточных славян: масленица и «похороны Костромы-Коструба» // Этнографическая наука и этнокультурные процессы: Способы взаимодействия. СПб. : МАЭ, 1993. С. 45–65.
30. Венгрженковский С. Языческий обычай в Брацлавщине «гоняты шуляка» (Этнографический этюд) // Киевская старина. 1895. Т. I. С. 282–323.
31. Рыблова М.А. Календарные праздники донских казаков. 2-е изд, испр. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. 168 с.
32. ПЗ 1998 г. в ст-це Котовской Урюпинского района Волгоградской области. Инф. В.А. Коротов, 1960 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
33. Шукшин В. До третьих петухов. М. : ЭКСМО-ПИРЕСС, 1998. 800 с.
34. Крестная ноша / Сост. В. Сидоров // Трагедия казачества : сб. / ред.-сост. Л. Барыкина. М., 1994. 606 с.
35. Український політичний фольклор / Упорядкування, передмова, коментарі Є.М. Пашенка. Київ : Видавель Микола Дмитренко, 2008. 100 с.
36. ПЗ автора 1986 г. в ст-це Староаннинской Новоаннинского р-на Волгоградской обл.

References

1. Ryblova M.A. Praktiki preodoleniya voyny mirnymi zhitelyami poslevoennogo Stalingrada // Tatyana Pavlovna Hlynina in memoriam. Rostov n/D : YuNC RAN, 2017. S. 530–548.
2. Ryblova M.A. Velikaya Otechestvennaya voyna v narodnoy pamyati donskih kazakov // Rossiyane i nemcy v epohu katastrof: pamyat o voyne i preodolenie proshlogo. Materialy konferencii rossyskikh i nemeckikh istorikov. Volgograd, 7–10 sentyabrya 2012. Volgograd, 2012. S. 135–145.
3. Petrov N. Kak baba v belom voynu predskazala: eskhatologicheskie nastroyeniya v SSSR // Mifologicheskie modeli i ritualnoe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve / sost. A. Arhipova. M. : RGGU, 2013. S. 188–199.
4. Balashova A.F. Kommunikativnaya priroda narodnyh rasskazov na primere tekstov o Velikoy Otechestvennoy voyne v nebesnyh znameniyah // Kommunikativnye issledovaniya. 2014. № 1. S. 233–240.
5. Fursova E.F. Chudesnye videniya/znameniya nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2017. № 49. S. 128–131.
6. Belova O.V. Rasskazy o znameniyah voyny iz Bryanskoj oblasti: k voprosu o tipologii // Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii «Zapadnyy region Rossii v mezhdunarodnyh otnosheniyah X–XX vv.» (Bryansk, 28–30 noyabrya 2013 g.) / red. S.I. Mihalchenko, A.A. Chubur. Bryansk, 2013. S. 203–211.
7. Dobrovolskaya V.E. «Vse znali, chto voyna budet...» // Zhivaya starina. 2010. № 2. S. 18–21.
8. Balashova A.F. Prirodnye i meteorologicheskie primety voyny // Folklor i postfolklor. URL: [https://ruthenia.ru/folklore/folklore-https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Balashova.htm](https://ruthenia.ru/folklore/folklore-https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Balashova.html)
9. Polevye zapisi (dalee – PZ) 1997 g. v st-ce Tepikinskoj Uryupinskogo r-na Volgogradskoy obl. Inform. M.P. Usacheva, 1921 g.r. // Lichnyy arhiv M.A. Ryblovoj.
10. PZ 1997 g. v st-ce Tepikinskoj. Informant E.F. Arbuzyova, 1920 g.r. // Lichnyy arhiv M.A. Ryblovoj.
11. Shved I.A. Semantika i simvolika chernogo cveta v mifologii bulorusov // Zhivaya starina. 2011. № 3. S. 11–13.
12. Znameniya voyny / publ. V.V. Zaporozhec // Zhivaya starina. 2005. № 2. S. 16–18.
13. PZ 1997 g. v st-ce Tepikinskoj Informant P.V. Kondrashova, 1929 g.r. // Lichnyy arhiv M.A. Ryblovoj.
14. PZ 1997 g. v st-ce Tepikinskoj. Informant E.G. Velikanova, 1930 g.r. // Lichnyy arhiv M.A. Ryblovoj.
15. Levkieskaya E.E. Mify russkogo naroda. M. : Astrel, 2000. 528 s.
16. Kelsiev V. Galichina i Moldaviya. Putevye pisma. SPb. : Tipografiya V. Golovina, 1868. 351 s.
17. Potegnaya A.A. O Dole i srodnyh s neyu sushchestvah // Trudy Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva. M., 1867. S. 188–211.
18. PZ 1997 g. v st-ce Tepikinskoj. Informant Krivova R.F., 1912 g.r. // Lichnyy arhiv M.A. Ryblovoj.
19. Folklornye zapisi 1945 goda iz Bryanskoj oblasti / publ. i kom. O.V. Belovoy // Zhivaya starina. 2005. № 3. S. 13–17.
20. Bayburin A.K. Ritual v traditsionnoy kulture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obryadov. SPb. : Nauka, 1993. 239 s.
21. Dal V. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogoazyka. T. I. SPb. ; M. : Izdanie knigoprodavca-tipografa M.O. Volf, 1880. 723 s.

22. Rybakov B.A. Yazychestvo drevnih slavyan. M. : Nauka, 1981. 608 s.
23. Shepping D.O. Znachenie nekotorykh zverey, ptic i drugih zhivotnykh po sueveriyam russkogo naroda // Filologicheskie zapiski. 1895. Vyp. 3/4. S. 1–36.
24. Potebnaya A.A. Simvol i mif v narodnoy kulture / sost., podgot., tekstov, vst. st. i komment. A.L. Toporkova. M. : Labirint, 2000. 184 s.
25. Shkrylev G. Koe chto o narodnom sueverii // Donskie oblastnye vedomosti. 1876. № 66.
26. Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri. Novosibirsk : Nauka, 1987. 401 s.
27. Bernshtam T.A. Molodezh v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX–XX v. Polovozrastnoy aspekt traditsionnoy kulture. L. : Nauka, 1988. 277 s.
28. Bessonov I.A. Tradiciya peredachi «svyatogo hleba» i «piroga schastyia» v XX–XXI vv. // Zhivaya starina. 2011. № 3. S. 5–8.
29. Bernshtam T.A. Vesenne-letnie ritualy u vostochnykh slavyan: maslenica i «pohorony Kostromy-Kostruba» // Etnograficheskaya nauka i etnokulturnye processy: Sposoby vzaimodeystviya. SPb. : MAE, 1993. S. 45–65.
30. Vengrzhenovskiy S. Yazycheskiy obychay v Braclavshchine «gonyaty shulyaka» (Etnograficheskiy etyud) // Kievskaya starina. 1895. T. I. S. 282–323.
31. Ryblova M.A. Kalendarnye prazdniki donskih kazakov. 2-e izd, ispr. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2016. 168 s.
32. PZ 1998 g. v st-ce Kotovskoy Uryupinskogo rayona Volgogradskoy oblasti. Inf. V.A. Korotov, 1960 g.r. // Lichnyy arhiv M.A. Ryblovoy.
33. Shukshin V. Do tretih petuhov. M. : EKSMO-PRESS, 1998. 800 s.
34. Krestnaya nosha / Sost. V. Sidorov // Tragediya kazachestva : sb. / red.-sost. L. Barykina. M., 1994. 606 s.
35. Ukraïnskiy politichniy folklor / Uporyadkuvannya, peredmov, komentari C.M. Pashchenka. Kiïv : Vidavec Mikola Dmitrenko, 2008. 100 s.
36. PZ avtora 1986 g. v st-ce Staroanninskoy Novoanninskogo r-na Volgogradskoy obl.

Информация об авторе:

Рыблова М.А. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории казачества Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: ryblova@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ryblova M.A., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Laboratory of Cossacks, Federal Research Center The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS) (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: ryblova@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.04.2021;
одобрена после рецензирования 26.05.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 26.04.2021;
approved after reviewing 26.05.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 342.25
doi: 10.17223/15617793/474/26

Социальные и иные гарантии губернаторам в отставке

Егор Андреевич Боголюбов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия, bogolubovegor@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены условия предоставления гарантий губернаторам после их отставки. Отмечены особенности нормативного закрепления гарантий в региональном законодательстве. Предложена классификация нормативных правовых актов, устанавливающих гарантии, на «акты благодарности другому» и «акты благодарности себе». Проанализировано содержание каждой гарантии. Сделан вывод о нецелесообразности дальнейшего федерального регулирования указанных отношений.

Ключевые слова: высшее должностное лицо, субъект РФ, губернатор, глава республики, глава региона, отставка, социальные гарантии, региональное законодательство

Для цитирования: Боголюбов Е.А. Социальные и иные гарантии губернаторам в отставке // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 228–242. doi: 10.17223/15617793/474/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/26

Social and Other Guarantees of the Governor in Retirement

Egor A. Bogolyubov

*National Research University of Higher School of Economics,
Saint-Petersburg, Russian Federation, bogolubovegor@mail.ru*

Abstract. The article examines the social and other guarantees that are provided to the highest official of the subject of the Russian Federation after his resignation. The purpose of the article is to describe these guarantees. To achieve this goal, regulatory legal acts containing provisions on the conditions for granting and terminating social and other guarantees were analyzed.

The empirical basis of the study was the normative legal acts of the predominantly regional level. These acts contain a detailed list of guarantees of the governor in retirement. Material from the mass media was used to illustrate these guarantees.

The article discusses the conditions for providing guarantees to governors after their resignation. It is noted that federal regulation of these conditions is scarce, while regional legislation significantly expands and clarifies the conditions for providing social guarantees.

Depending on which regulatory legal act establishes the social guarantees of the retired governor, all acts were classified into seven groups. In the first case, social guarantees are fixed in a special law on the highest official of the subject of the Russian Federation. In the second case, they were established in the laws of the subjects of the Russian Federation on public positions. The third group is formed by the laws of the subjects of the Russian Federation on the government or on the system of executive authorities. The fourth group includes laws of the subjects of the Russian Federation devoted exclusively to the guarantees of the highest official of the subject of the Russian Federation. The remaining three groups include one unique act (the Law on the People's Governor of the Kemerovo Region, the Law on the State Adviser of the Republic of Tatarstan, the Decree of the Head of the Kabardino-Balkar Republic «On guarantees to the President of the Kabardino-Balkar Republic»).

Among the normative legal acts that establish guarantees for retired governors, depending on the time of their adoption, two groups of acts were distinguished: «acts of gratitude to another» and «acts of gratitude to oneself».

The content of each guarantee is analyzed. The study identified the following guarantees to the former Governor: lump sum remuneration, the payment of the monthly lifetime allowance, the provision of medical treatment, Spa care, protection, special communications, accommodation, transport, insurance, staff, office space, Advisory vote, the compensation of the costs of relocation and funeral, legal protection, participation in ceremonial events, guarantees, related to the interaction with bodies of state power of subject of the Russian Federation, creating a position with a special status.

It is concluded that further federal regulation of these relations is impractical, since regional state authorities, together with the population of a particular subject of the Russian Federation, must independently regulate these relations.

Keywords: senior official, subject of the Russian Federation, governor, head of the republic, head of the region, resignation, social guarantees, regional legislation

For citation: Bogolyubov, E.A. (2022) Social and Other Guarantees of the Governor in Retirement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 228–242. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/26

В политической науке довольно подробно изучен портрет современного губернатора [1], его карьера до назначения на эту должность [2]. При этом исследователи редко обращаются к судьбе губернатора после его отставки. Этот вопрос частично исследован в работе Н. Бакли, Г. Гарифуллиной, Д. Рейтера и Т. Фрая, которые выяснили, что по окончании службы в качестве губернатора многие региональные лидеры оказались в Совете Федерации [3].

Одновременно с этим о статусе высшего должностного лица после его отставки и о предоставляемых ему гарантиях в юридической науке в последнее время было мало сказано. Некоторые аспекты этого вопроса отражены в работе А.А. Кондрашева, где подробно проанализированы льготы российских чиновников. Вывод автора о том, что государство крайне неэффективно тратит деньги налогоплательщиков на предоставление явно необоснованных и избыточных социальных благ узкой группе лиц [4. С. 105], является справедливым.

Целью настоящего исследования является описание статуса высшего должностного лица субъекта РФ в отставке. Для достижения этой цели проанализированы нормативные правовые акты, содержащие положения об условиях предоставления и прекращения социальных и иных гарантий, будет произведена классификация указанных актов и подробно описано содержание гарантий.

Эмпирической базой исследования выступили нормативные правовые акты преимущественно регионального уровня. Работа законодателей субъектов РФ в этом отношении оказалась очень плодотворной. В принятых законах содержится подробный перечень гарантий для бывшего губернатора.

В рамках данной статьи все высшие должностные лица субъектов РФ будут именоваться «губернаторами», а лица, замещавшие должность высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) и прекратившие исполнение своих полномочий (в том числе досрочно), будут именоваться «бывшие губернаторы» или «губернаторы в отставке». Стоит сказать, что в законодательстве субъектов РФ преимущественно содержится указанная выше громоздкая конструкция или иные ее вариации. Сохраненное наименование такого лица есть в Республике Адыгея, где оно именуется «Экс-Глава Республики Адыгея», и в Республике Бурятия, где оно называется «Бывший Глава Республики Бурятия».

Долгое время на федеральном уровне не было никакого упоминания о гарантиях, предоставляемых высшим должностным лицам субъектов РФ после их отставки. Пользуясь этим пробелом, субъекты РФ

самостоятельно устанавливали условия предоставления социальных гарантий и их содержание. В Республике Бурятия специальные гарантии были предусмотрены еще в 1994 г. в Законе «О Президенте Республики Бурятия» [5]. Массово такого рода гарантии стали закрепляться в региональном законодательстве в 2000-е гг. Толчком к такому роду правотворчества стало принятие в 2001 г. ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» [6], многие положения которого были перенесены в законы субъектов РФ.

Федеральный законодатель обратил внимание на социальные гарантии высшим должностным лицам субъектов РФ в отставке только в 2015 г. Это было связано с рядом обстоятельств. Во-первых, до 2015 г. несколько прокуроров субъектов РФ обращались в суды с заявлениями об оспаривании законов субъектов РФ, которые предоставляли такие гарантии бывшим губернаторам. В 2013 г. такое дело было рассмотрено Камчатским краевым судом [7], в 2015 г. – Верховным Судом Республики Саха (Якутия) [8]. В обоих случаях суды согласились с требованиями прокуроров и признали региональные законы противоречащими федеральному законодательству.

Во-вторых, в 2014–2015 гг. Общероссийский народный фронт обратил внимание общественности на высокие затраты субъектов РФ на бывших губернаторов. Общественное обсуждение этого вопроса, публикация сведений о денежных средствах, выделяемых из бюджетов субъектов РФ на содержание губернаторов в отставке, вынудили урегулировать этот вопрос на федеральном уровне. По словам одного из инициаторов законопроекта депутата Государственной Думы А.Л. Красова, «эксперты Общероссийского народного фронта выявили, что перечень гарантий в ряде субъектов чрезмерно широк и предусматривает предоставление большого набора социальных преференций, которые вряд ли можно назвать обоснованными». Далее депутат приводит примеры «золотых парашютов» муниципальных и региональных депутатов, не говоря ни слова про губернаторов. Также он указывает, что «только десять субъектов РФ полностью – и законодательные органы, и исполнительные органы – одобрили этот законопроект, два субъекта полностью – и законодательная, и исполнительная власть – высказались против, четыре субъекта РФ не прислали отзывы – ни положительного, ни отрицательного, большая часть субъектов РФ вообще никак не определила своё отношение к указанному законопроекту» [9].

В итоге 22 декабря закон был принят Государственной Думой, 25 декабря одобрен Советом Федерации, и уже 30 декабря 2015 г. закон был подписан,

опубликован и вступил в силу [10]. Закон внес изменения в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [11] (далее – ФЗ № 184). На федеральном уровне устанавливались общие условия предоставления социальных гарантий бывшим губернаторам. В законе указано, что такие гарантии предоставляются только лицам, достигшим пенсионного возраста или потерявшим трудоспособность в период осуществления полномочий высшего должностного лица субъекта РФ.

Определение пенсионного возраста в качестве критерия для получения гарантий, скорее всего, продиктовано сложившейся ситуацией. По состоянию на 2017 г. средний возраст губернаторов составляет 52,1 года [12]. Данные 2016 г. показывают, что 71% губернаторов старше 50 лет [13]. Следовательно, федеральные и региональные власти непосредственно обеспокоены судьбой губернатора, который многие годы трудился на благо России. Теперь, достигнув пенсионного возраста, ему будет обеспечена безбедная старость.

В статье 19 ФЗ № 184 четко оговаривается, что гарантии не предоставляются лицам, полномочия которых прекратились по следующим основаниям: отрешение от должности Президентом РФ в связи с выражением ему недоверия законодательным (представительным) органом субъекта РФ, отрешение от должности Президентом РФ в связи с утратой доверия, вступление в законную силу обвинительного приговора суда, выезд за пределы Российской Федерации на постоянное место жительства, утрата им гражданства РФ, отзыв избирателями.

Стоит сказать, что отрешение высшего должностного лица субъекта РФ от должности в связи с утратой доверия по состоянию на 1 декабря 2020 г. применялось 12 раз. Все отстраненные губернаторы также лишались социальных и иных гарантий, предоставляемых региональным законодательством. При этом восемь из них были признаны виновными в совершении преступлений, еще в отношении одного сейчас происходит расследование. Ю.М. Лужков (бывший мэр Москвы), В.А. Логинов (бывший губернатор Корякского автономного округа) и М.В. Игнатьев (бывший глава Чувашской Республики) хоть и были отстранены в связи с утратой доверия, однако не были привлечены к уголовной ответственности [14–16].

До 2020 г. никто не обжаловал в суд соответствующий указ Президента РФ об отрешении в связи с утратой доверия. Однако 20 мая 2020 г. в Верховный Суд РФ поступил иск М.В. Игнатьева, в котором он обжаловал указ Президента о своей отставке и требовал социальных гарантий, предусмотренных нормативными правовыми актами как РФ, так и республике. Судья Верховного Суда РФ решил, что исковое заявление в части установлении права на дополнительные социальные и иные гарантии подлежит возвращению заявителю, так как не является подсудным административному судопроизводству. Это первый случай, когда бывший глава субъекта РФ решил вос-

становить свое право на социальные гарантии в случае отставки. Согласно региональному закону, М.В. Игнатьев мог рассчитывать на ежемесячное пожизненное денежное содержание в размере 75% от его заработка на посту главы Чувашской Республики. Согласно декларации о доходах, в 2018 г. он заработал 6 068 924,21 руб. [17]. Наверное, ради таких гарантий стоило обратиться в суд, однако исход судебного дела мы не узнаем из-за скоростной смерти М.В. Игнатьева.

Содержание гарантий в федеральном законодательстве никак не оговаривается, поэтому данные обстоятельства регулируются региональным законодательством, которому оставлена неограниченная свобода в выборе как содержания, так и количества гарантий для бывшего губернатора. В ходе проведенного исследования был выявлен 51 действующий (по состоянию на 1 декабря 2020 г.) нормативный правовой акт субъекта РФ, регулирующий статус губернатора в отставке. На каждый субъект РФ приходилось по одному нормативному правовому акту, кроме Кемеровской области – Кузбасса и Республики Татарстан, в которых было выявлено два таких акта.

В зависимости от того, в каком нормативном правовом акте закреплены социальные гарантии бывшего губернатора, все акты можно классифицировать на семь групп. В первом случае социальные гарантии закрепляются в специальном законе о высшем должностном лице субъекта РФ (17 законов) [5, 18–33]. Во втором случае социальные гарантии устанавливаются в законах субъектов РФ о государственных должностях (20 законов) [34–53]. В обоих этих случаях вполне обосновано, что социальные гарантии прописывались именно здесь. Представляется крайне неудачным включение социальных гарантий в законы субъектов РФ о правительстве (Республика Мордовия [54] и Хабаровский край [55]) или в закон о системе органов исполнительной власти (Псковская область [56]). Эти законы образуют третью группу.

Существует еще восемь законов, посвященных исключительно гарантиям высшего должностного лица субъекта РФ [57–64]. В этих законах содержатся нормы, посвященные организационно-техническим, жилищно-бытовым условиям деятельности действующих губернаторов, их денежному содержанию, отпускам и т.д. Там же есть специальные статьи, посвященные социальным и иным гарантиям губернаторам в отставке.

Однако существуют и более специфические законы субъектов РФ. В Кемеровской области в 2011 г. был принят закон «О присвоении Губернатору Кемеровской области А.М. Тулееву почетного звания “Народный Губернатор”» [65], который установил дополнительные гарантии для Амана-Гельды Молдагазиевича Тулеева. Согласно закону, гарантии начинают действовать как до прекращения полномочий губернатора (например, ежемесячная выплата в размере 50 тыс. руб. без учета налога на доходы физических лиц), так и после их прекращения (например, предоставление в безвозмездное пользование охраняемого жилого помещения, находящегося в собственности Кемеровской области).

Важное значение для этого случая имеют обстоятельства принятия закона. В его тексте указано, что закон подписал исполняющий обязанности Губернатора Кемеровской области В.П. Мазикин. По воспоминаниям политолога А.Б. Коновалова, в 2011 г. у губернатора были проблемы со здоровьем, и ему делали операцию в Германии. Тогда «на основании обращений жителей Кемеровской области и по просьбам трудящихся, которые единодушно одобряют созидательную, направленную на благо Кузбасса и его жителей деятельность», Тулееву было присвоено звание «Народный Губернатор» [66]. О большой общественной поддержке принятия такого закона говорится и на сайте Администрации Правительства Кемеровской области. Там сказано, что «в областной Совет народных депутатов еще в марте 2010 г. начали поступать многочисленные обращения жителей Кузбасса», а также обращения от общественных объединений области [67].

Во многом этот случай является уникальным: губернатору присваивается специальное звание «Народный Губернатор», вручается орден, принимается закон, относящийся больше к индивидуальному, чем нормативному правовому акту, за который он себя выдает. Все это направлено на единственного человека – А.М. Тулеева, управляющего областью более 20 лет.

К шестой группе отнесем закон Республики Татарстан «О Государственном Советнике Республики Татарстан» [68], согласно которому все лица, прекратившее исполнение полномочий Президента Республики Татарстан, назначаются на должность Государственного Советника Республики Татарстан.

За Государственным Советником сохраняется множество прав, позволяющих ему участвовать в политической жизни Республики. К примеру, за ним сохраняется право беспрепятственно посещать на территории Республики Татарстан различные органы государственной власти и местного самоуправления, принимать участие в работе их коллегиальных органов, беспрепятственно посещать предприятия, учреждения и организации независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности. Государственный Советник может направлять предложения и заключения в органы государственной власти Республики Татарстан, также он обладает правом законодательной инициативы на региональном уровне. За ним сохраняются и «церемониальные права», например, в соответствии с протокольным старшинством при проведении в Республике Татарстан официальных мероприятий, а также в период пребывания и посещения иных республиканских мероприятий Государственный Советник Республики Татарстан занимает позицию после Президента Республики Татарстан. При этом свою деятельность он осуществляет на безвозмездной основе.

Закон прямо говорит, что должность Государственного Советника не является государственной должностью Республики Татарстан и должностью государственной гражданской службы Республики Татарстан. Анализ его прав и обязанностей позволил

О.И. Зазнаеву и Р.Ф. Гарипову прийти к выводу, что Государственный Советник фактически включён в исполнительную власть Республики Татарстан [69. С. 157].

Такое лицо, по сути, остается в публичной политике в качестве неформального лидера Татарстана, поскольку, в отличие от Н.А. Назарбаева, не имеет контроля над кадровыми вопросами [70. С. 22]. По мнению других ученых, введение этой должности было сделано для того, чтобы институализировать сохраняющееся влияние М.Ш. Шаймиева, дав ему возможность на законных основаниях участвовать в решении определенных вопросов [71. С. 103]. За бывшим Президентом Республики Татарстан были закреплены и социальные гарантии, предусмотренные специальным законом.

Из 51 нормативного правового акта выделяется и еще один – Указ Главы Кабардино-Балкарской Республики «О гарантиях Президенту Кабардино-Балкарской Республики, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» [72]. Это единственный документ, принятый высшим должностным лицом, который определяет статус высшего должностного лица, прекратившего исполнение своих полномочий.

Однако обстоятельства принятия этого закона говорят о том, что он был принят не столько для подписавшего закон человека, сколько для его предшественника. В.М. Коков прекратил исполнять обязанности Президента Кабардино-Балкарии 16 сентября 2005 г., а указ, предоставляющий ему определенные гарантии, был подписан 4 октября 2005 г. В тексте указа сказано, что он принят «до принятия соответствующего закона Кабардино-Балкарской Республики», т.е. должен был временно регулировать возникшие общественные отношения. До сих пор соответствующий закон Кабардино-Балкарской Республики так и не был принят.

Нормативные правовые акты, устанавливающие гарантии для губернаторов в отставке, можно разделить две группы в зависимости от времени их принятия: «акты благодарности другому» и «акты благодарности себе».

«Акты благодарности другому» принимаются в начале правления губернатора и направлены, в первую очередь, на установление гарантий для своего предшественника. Приведенный выше пример с Кабардино-Балкарией как раз является иллюстрацией «акта благодарности».

«Акты благодарности себе», наоборот, принимаются в конце правления и рассчитаны на обеспечение безбедной жизни в отставке. Ярчайшим примером такого акта служит постановление Администрации Курской области от 10 октября 2018 г. № 808-па «О дополнительных гарантиях Губернатора Курской области в связи с прекращением полномочий», которое подписано А.Н. Михайловым, ушедшим в отставку 11 октября того же года. В указе отдельно отмечается, что на все перечисленные дополнительные гарантии сможет претендовать только тот, кто был губернатором Курской области два или более сроков подряд и отмечен государственными наградами.

Бывшему губернатору и его супруге гарантируются бесплатные авиа- или железнодорожные билеты до Москвы и обратно два раза в год. Только бывшему губернатору гарантируется транспортное обслуживание, возмещение расходов, связанных с погребением и т.д. [73].

12 октября 2018 г. временно исполняющий обязанности губернатора Курской области Р.В. Старовойт в интервью РБК назвал введенные гарантии «довольно странными». При этом он считает, что бывший губернатор «безусловно» заслужил эти льготы [74]. Однако уже 30 октября того же года Курская областная Дума приняла закон, вносящий изменения в Закон Курской области «О государственных должностях Курской области». 31 октября закон был подписан. Нововведения касались дополнительных гарантий бывшему губернатору. Закон практически полностью повторял постановление Администрации Курской области № 808-па, однако не включал бесплатные билеты до Москвы. Положения нового закона распространились на правоотношения, возникшие с 1 января 2018 года [75], т.е. определяли гарантии для А.Н. Михайлова. 8 ноября было принято постановление Администрации Курской области № 881-па «О признании утратившим силу постановления Администрации Курской области от 10.10.2018 № 808-па» [76].

В случае с Ростовской областью закон «О гарантиях Губернатору Ростовской области, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» был принят Законодательным Собранием Ростовской области 10 июня 2010 г., т.е. еще при губернаторе В.Ф. Чубе, полномочия которого закончились 14 июня 2010 г. Закон был подписан 15 июня 2010 г. уже В.Ю. Голубевым, следующим губернатором области.

Приведенные выше примеры «актов благодарности другому» и «актов благодарности себе» наглядно демонстрируют, с какой скоростью принимаются «неотложные» законы в субъектах РФ. В нововведениях заинтересованы и бывший губернатор, и действующий губернатор. Эти гарантии должны, с одной стороны, предотвратить конфликты интересов с бывшим главой региона, с другой стороны, обеспечить выгодное положение для действующего губернатора в случае его отставки.

После вступления в силу поправок в ФЗ № 184 субъекты РФ начали приводить свои акты в соответствие с ним. В большинстве законов субъектов РФ полностью повторяются условия предоставления гарантий, указанных в федеральном законе, однако некоторые субъекты РФ устанавливают дополнительные условия или устраняют пробелы федерального закона.

К примеру, в ФЗ № 184 ничего не говорится о сроке, в течение которого лицу необходимо занимать должность губернатора, чтобы ему предоставили гарантии. Можно представить себе ситуацию, когда лицо будет выбрано губернатором, а уже через месяц подаст прошение об отставке по собственному желанию и приобретет все социальные гарантии. Чтобы этого не случилось, в законе Кировской области сказано, что для получения гарантий необходимо испол-

нять полномочия губернатора не менее половины установленного срока. В законах Москвы, Белгородской, Самарской, Ростовской, Ленинградской областей, республик Татарстан и Марий Эл сказано, что исполнять полномочия губернатора необходимо не менее одного полного срока. В Курской области необходимо исполнять полномочия в течение двух сроков, да еще и сроки должны быть подряд. Этот подход можно назвать «срочным», поскольку в законе говорится только о количестве сроков, но не указывается количество лет.

При «годовом» подходе субъекты РФ устанавливают, сколько именно лет необходимо исполнять полномочия губернатора: в Ивановской области – не менее одного года, в Республике Хакасия – не менее трех лет, в Санкт-Петербурге – не менее четырех лет. В законе Рязанской области «срочный» и «годовой» подходы были объединены. Там необходимо исполнять обязанности губернатора не менее одного срока или не менее 5 лет.

Указанные выше ограничения по срокам относятся только к лицам, достигшим пенсионного возраста. В Воронежской области специально оговаривается, что лицо может пользоваться социальными гарантиями, если страховая пенсия по старости назначена в период осуществления им полномочий губернатора Воронежской области.

Для лиц, потерявших трудоспособность в период осуществления полномочий губернатора, срок исполнения полномочий не устанавливается. Исключение составляет Ленинградская область, где сказано, что только при условии исполнения полномочий губернатора не менее трех лет лицу, которому в этот период была установлена страховая (трудовая) пенсия по инвалидности I и II группы, могут быть предоставлены социальные гарантии.

В ФЗ № 184 также ничего не говорится про срок, на протяжении которого такие гарантии должны предоставляться. По общему правилу все гарантии начинают действовать с достижения пенсионного возраста и до смерти. Только в двух субъектах РФ указывается продолжительность действия гарантий: в Курской области гарантии устанавливаются на три года со дня прекращения полномочий, в Ленинградской области – на пять лет.

Специфическое дополнительное условие для предоставления социальных гарантий содержится в законе Костромской области. Меры социальной поддержки предоставляются бывшему губернатору только при условии постоянного проживания на территории этой области.

Теперь можно перейти к описанию социальных и иных гарантий, предоставляемых бывшему губернатору. В ходе исследования было выделено 18 групп гарантий, которые встречаются в действующем региональном законодательстве.

1. Выплата ежемесячного пожизненного денежного содержания. Данная гарантия устанавливается в 31 субъекте и действует только в отношении лиц, достигших пенсионного возраста или потерявших трудоспособность в период осуществления полномочий губернатора.

Субъекты РФ чаще всего указывают, что губернатор в отставке должен получать определенный процент от ежемесячного денежного вознаграждения, которое он получал на момент прекращения своих полномочий. При этом страховая пенсия и доплата из бюджета субъекта РФ в сумме не должны превышать этот процент.

Для иллюстрации обратимся к бывшему губернатору Хабаровского края В.И. Шпорту. По данным «Комсомольской правды», его пенсия составляет 23,2 тыс. руб. К этой сумме необходимо прибавить 397,5 тыс. руб. [77] (75% «среднемесячного денежного содержания за вычетом сумм фиксированной выплаты к установленной им страховой пенсии по старости (инвалидности) и повышенный фиксированной выплаты к пенсии по старости (инвалидности)»). В Омской области надбавка к существующей пенсии бывшего губернатора Л.К. Полежаева составляет 224 506 руб. 83 коп. [78].

Некоторые субъекты РФ устанавливают 75% (республики Дагестан и Удмуртия, Томская, Рязанская, Челябинская, Саратовская области [79]), другие – 80% (республики Адыгея, Башкортостан¹, Кабардино-Балкария, Татарстан, Ярославская, Ростовская, Кировская, Иркутская области), в Костромской области – 90% от среднемесячного денежного содержания.

Другие субъекты назначают доплаты бывшим губернаторам в зависимости от сроков или количества лет, которые они занимали эту должность. В Хабаровском крае если губернатор занимал свой пост от трех до шести лет, то ему устанавливается доплата в размере 55%, от шести до десяти лет – 75%, от десяти до пятнадцати лет – 85%, пятнадцать лет и более – 95%. В Новосибирской области не менее трех лет – 55%, от четырех до восьми лет – 75%, от восьми до двенадцати лет – 85%, свыше двенадцати лет – в размере 95%. В Пензенской области от трех до шести лет – 55%, от шести лет и более – 75%. В Республике Тыва от одного года до трех лет – 55%, от трех до пяти лет – 75%, от пяти до десяти лет – 85%, свыше десяти лет – 90%. В Республике Хакасия от одного года до трех лет – 55%, от трех до восьми лет – 75%, от восьми до двенадцати лет – 85%, свыше двенадцати лет – 95%. В Омской области от трех до пяти лет – 55%, от пяти до десяти лет – 65%, от десяти лет и более – 75%. В Приморском крае и Республике Чувашия от одного года до трех лет – 55%, свыше трех лет – 75%. В Орловской области необходимо не менее трех лет отработать в должности губернатора, чтобы получить 75 процентов среднемесячного заработка.

В Тюменской области не менее 2/3 срока – 55%, один срок и более – 75%. Также в Тюменской области производятся выплаты в размере среднемесячного заработка, но только не более одного года со дня достижения пенсионного возраста.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югра и Ямало-Ненецком автономном округе размер доплаты назначается в зависимости от количества сроков пребывания в должности: один срок – 55%, два и более – 80%. В Тверской области необходимо исполнять обязанности губернатора два полных срока подряд и

только тогда можно рассчитывать на доплату в размере 80%.

В двух субъектах РФ устанавливаются твердые суммы. В Кемеровской области – Кузбассе Народному Губернатору выплачивается 50 тыс. руб. ежемесячно. В Санкт-Петербурге – 60 расчетных единиц в месяц.

Сложная система предусмотрена в Ивановской области. Там по общему правилу назначается 45%. Кроме того, лицу, замещающему должность Губернатора Ивановской области свыше трех лет, за каждый полный год стажа исполнения полномочий Губернатора Ивановской области сверх одного года, замещения государственных должностей Российской Федерации, государственных должностей Ивановской области, должностей государственной гражданской службы оплата к пенсии увеличивается на три процента. Общая сумма доплаты не может превышать 75%.

Практически в каждом субъекте РФ оговаривается, что указанные доплаты прекращаются на период, когда лицо занимает государственные должности РФ или субъекта РФ, муниципальные должности, должности федеральной государственной службы, должности государственной гражданской службы субъекта РФ, должности муниципальной службы.

Также выплаты прекращаются после вступления в законную силу обвинительного приговора суда по факту совершения тяжкого преступления (Республика Дагестан); в случае вынесения приговора суда о наказании в виде лишения свободы со дня вступления в отношении него в законную силу обвинительного приговора суда до дня истечения срока погашения или снятия судимости (Санкт-Петербург); в период работы в межгосударственных (межправительственных) органах, созданных с участием Российской Федерации (Ярославская и Пензенская области).

2. Транспорт. 27 субъектов РФ предоставляют губернаторам в отставке гарантии, связанные с их транспортным обслуживанием². В таких субъектах бывшему губернатору предоставляется в безвозмездное пользование транспортное средство. Где-то указывается, что это должно быть «транспортное средство с водителем» (Кемеровская область – Кузбасс), где-то – легковой автомобиль (Курская область), где-то – «служебный автомобиль» (Ростовская область). В Воронежской области транспортное обслуживание предоставляется бывшему губернатору, который исполнял полномочия два срока подряд.

Отдельные регионы ограничивают территорию использования такого транспортного средства пределами соответствующего субъекта РФ. К примеру, такие требования закреплены в Липецкой, Тюменской, Тверской областях. В других субъектах (Республика Чувашия, Пензенская и Кировская области) устанавливаются годовые лимиты пользования служебным автотранспортом. В Чувашии лимит использования автотранспорта составляет 42 тыс. км в год [80]. Часто стоимость такого транспортного обслуживания превышает 1 млн руб. в год. По данным «Комсомольской правды», на транспорт бывшего губернатора Ростовской области в год тратится 1,5 млн руб. [77].

В этом же разделе отметим, что бывшим губернаторам также возмещаются расходы, связанные с использованием залами для официальных лиц и делегаций аэропортов и аэровокзалов, железнодорожных вокзалов и станций, морских и речных вокзалов (портов), VIP-залами³. В Ростовской области, Республике Тыва и Республике Дагестан можно пользоваться такими залами, если они расположены на территории соответствующего субъекта.

Отдельно стоит сказать о Республике Башкортостан, где бывшему губернатору за счет бюджета Республики оплачиваются расходы на поездки по приглашению органов государственной власти РФ и субъектов РФ, руководителей иностранных государств, международных организаций.

3. Медицинское лечение. О предоставлении медицинского обслуживания бывшим губернаторам говорится в законах 21 субъекта РФ. Чаще всего в законах указывается, что бывший губернатор имеет право на медицинское обслуживание или медицинское лечение⁴.

В Тюменской области и Ямало-Ненецком автономном округе дополнительно предоставляется право возмещение расходов, связанных с приобретением лекарственных препаратов для медицинского применения по рецептам при лечении в амбулаторных условиях. Также там бывшие губернаторы могут бесплатно изготовить и отремонтировать зубные протезы. В Кемеровской области – Кузбассе и Тверской области губернаторам в отставке предоставляется дополнительное медицинское страхование.

Интересный подход был найден в Воронежской области. Там медицинское обслуживание предоставляется всем бывшим губернаторам, а вот возмещение расходов на приобретение лекарственных средств по рецептам врача при амбулаторном лечении только тем губернаторам, которые осуществляли свои полномочия два срока подряд.

4. Санаторно-курортное обслуживание. Такой вид гарантий предусмотрен в законах 19 субъектов РФ⁵. В законодательстве обычно оговаривается, что бывшему губернатору полагается бесплатная путевка в санаторно-курортные учреждения. В Тюменской и Ростовской областях компенсируется только 75% стоимости путевки. В Липецкой области сказано, что бывший губернатор может по своему желанию либо воспользоваться путевкой, либо получить денежную компенсацию за неиспользованную путевку.

Учреждения санаторно-курортного обслуживания должны быть расположены на территории РФ, но в тверском и ростовском законодательствах, чтобы получить денежную компенсацию, губернатору в отставке следует отдыхать в оздоровительных учреждениях и организациях, расположенных на территории области, в которой он был губернатором.

Также бывшим губернаторам предоставляется бесплатный проезд до места отдыха и обратно. Только в законе Костромской области сказано, что срок пребывания в санаторно-курортной организации не должен быть более 24 календарных дней в году.

5. Выплата единовременного денежного вознаграждения. Такие выплаты предусмотрены только

17 субъектами РФ, среди которых нет общего подхода к установлению единовременных выплат.

При первом подходе устанавливается четкое количество среднемесячных вознаграждений, которые необходимо выплатить. Самое маленькое единовременное денежное вознаграждение можно получить в Новосибирской области – оно составит всего лишь месячную оплату труда. Чуть больше можно получить в Псковской области (при условии работы в этой должности не менее одного года), республиках Марий Эл и Хакасии. Там выплата будет составлять трехмесячную оплату труда. Четырехмесячную зарплату выдадут в Кировской области. Полугодовое денежное вознаграждение предоставят в Еврейской автономной области. Десятикратное месячное денежное вознаграждение установлено в республиках Адыгея, Татарстан, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Тюменской и Тверской областях. Пособие в размере годового денежного вознаграждения предоставят в Челябинской области и Республике Башкортостан.

В Воронежской области размер пособия зависит от количества отработанных лет. Для лиц, замещавших должность губернатора Воронежской области и прекративших исполнение соответствующих полномочий в связи с истечением срока полномочий, устанавливается единовременная денежная выплата в размере полугодового денежного вознаграждения. Если же лицо занимало должность губернатора два срока подряд, то ему единовременно выплачивается годовое денежное вознаграждение.

Совершенно другой поход можно встретить в законодательстве Москвы, Астраханской и Ленинградской областей. Там нет четкого размера вознаграждения, однако их законодательство исходит из того, что уровень материального обеспечения бывшего губернатора должен какое-то время оставаться прежним. В законах этих субъектов установлен срок предоставления таких выплат: для Москвы и Астраханской области – не более шести месяцев, для Ленинградской области – не более года. Указанные выплаты составляют среднемесячное денежное содержание и производятся как до момента трудоустройства, так и после него. В последнем случае производится соответствующая доплата до необходимого уровня. В Москве и Ленинградской области такие выплаты могут получать только те губернаторы, которые отработали один срок своих полномочий.

Важно подчеркнуть, что все единовременные денежные вознаграждения производятся вне зависимости от достижения лицом пенсионного возраста.

В практике Конституционного Суда РФ еще не было дел, связанных с установлением каких-либо гарантий для бывших губернаторов. Однако Конституционный Суд РФ уже рассматривал вопрос о назначении единовременных денежных вознаграждений депутатам законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и пришел к выводу, что назначение единовременной денежной выплаты «направлено на обеспечение им дополнительных возможностей для адаптации к изменившимся в связи с прекращением депутатских полномочий

жизненным обстоятельствам» [81]. С этим утверждением согласны региональные законодатели. Депутат Курской областной Думы Владимир Иванов, автор законопроекта о гарантиях для курского губернатора в отставке, сказал, что «после 18 лет работы очень тяжело адаптироваться к окружающей среде. За это время найдется много недовольных его деятельностью, не дай бог что случится» [82].

Должно быть, именно вопросами «адаптации» обусловлено установление таких высоких единовременных выплат. При этом даже депутатам Государственной Думы и членам Совета Федерации выплачивается всего лишь пособие в размере ежемесячного денежного вознаграждения [83]. Для Президента РФ таких выплат вовсе не предусмотрено [6].

6. Телефонная связь. О предоставлении бывшим губернаторам гарантий, связанных со связью, говорится в 15 законах субъектов РФ. В некоторых из них закрепляется право бесплатно пользоваться правительственной и другими видами связи, право на внеочередное получение услуг связи⁶. В других говорится о предоставлении специальной связи⁷.

Третьи регионы компенсируют расходы, связанные с телефонной связью (Липецкая область, Кемеровская область – Кузбасс и Ямало-Ненецкий автономный округ). В Костромской области возмещаются расходы абонентской городской телефонной связи, в Кировской области возмещается 50% расходов на квартирный телефон. В Иркутской области телефонная связь компенсируется при условии проживания в Иркутской области. В Чувашии лимит использования сотовой и (или) иной телефонной связи составляет 27 600 руб. в год [84].

7. Охрана. В 13 субъектах РФ бывшему губернатору предоставляется охрана⁸. Часто в законах ничего не говорится о характере такой охраны, только в нескольких субъектах есть уточнения. Например, в Кемеровской области – Кузбассе устанавливается «непрерывная персональная охрана в количестве трех человек и охрана его жилища и имущества».

В Ямало-Ненецком автономном округе для получения пожизненной охраны необходимо отработать не менее одного полного срока. В Курской области при любых обстоятельствах охрана предоставляется только на один год. Личная охрана бывшего губернатора Иркутской области, охрана его жилища и имущества будут возможны только «при условии проживания в Иркутской области».

8. Жилое помещение. Субъекты РФ также заботятся об условиях проживания бывшего губернатора. В 10 законах содержится гарантия, связанная с предоставлением жилого помещения в безвозмездное пользование. Характер самих помещений является разным от субъекта к субъекту. В республиках Кабардино-Балкария, Татарстан, Кемеровской области – Кузбассе, Москве прямо указывается на предоставление государственных дач. В Республике Башкортостан может быть предоставлена государственная дача или государственная квартира (отдельный дом).

В Кемеровской области – Кузбассе для «Народного Губернатора» выделяется «охраняемое жилое по-

мещение, которое было предоставлено Губернатору в качестве служебного жилого помещения на день прекращения им своих полномочий».

В Ямало-Ненецком автономном округе бывший губернатор имеет «право на безвозмездное приобретение в собственность занимаемого им жилого помещения (в виде отдельной квартиры или жилого дома) в государственном жилищном фонде автономного округа» в случае, если он не менее двух полных сроков занимал свой пост и не воспользовался правом получения в период исполнения полномочий жилищной субсидии.

В Рязанской области предоставляется «жилое помещение в пределах нормы жилой площади, установленной жилищным законодательством РФ». В Воронежской области губернатор, исполнявший свои полномочия не менее двух сроков подряд, обеспечивается «в случае нуждаемости жилым помещением в соответствии с законодательством РФ и Воронежской области».

В Вологодской области за губернатором в отставке, «не являющимся собственником жилых помещений, расположенных в городе Вологде, сохраняется право пользования предоставленным жилым помещением жилищного фонда области, предназначенного для коммерческого использования, или указанному лицу возмещаются фактические расходы по найму (аренде) жилого помещения».

Субъекты РФ, которые не выделяют жилых помещений бывшим губернаторам, компенсируют им жилищно-коммунальные расходы, связанные с содержанием жилья по месту проживания⁹.

9. Страхование. Законы 10 субъектов закрепили обязательное страхование бывшего губернатора¹⁰. В этих субъектах осуществляется страхование жизни и здоровья на сумму, которая обычно равна годовому денежному вознаграждению, но в Кемеровской области – Кузбассе она равна 10-летнему денежному вознаграждению, в Ленинградской области – 40 ежемесячным денежным вознаграждениям. Страхование осуществляется на случай гибели (смерти), если гибель (смерть) наступила вследствие телесных повреждений или иного причинения вреда здоровью; причинения увечья или иного повреждения здоровья.

В Башкортостане нет страхования, но есть возможность бывшему губернатору в случае причинения увечья или иного повреждения здоровья получить единовременную выплату в пределах годового денежного вознаграждения Главы Республики Башкортостан.

10. Расходы на погребение. Только семь субъектов РФ предусмотрели в случае смерти бывшего губернатора компенсацию расходов, связанных с его погребением¹¹. Однако в Курской области возмещение ограничено 50 тыс. руб. В Астраханской и Пензенской областях также предусмотрено за счет бюджетных средств изготовление надгробного памятника и его установка.

11. Взаимодействие с органами государственной власти субъекта РФ. В двух субъектах РФ (Томская и Иркутская область) губернатор в отставке

вправе присутствовать на любых заседаниях, проводимых органами государственной власти соответствующей области. Правом безотлагательного приема любыми должностными лицами государственных органов субъекта РФ бывшие губернаторы обладают в Томской, Ростовской, Костромской, Курской, Иркутской и Воронежской областях. В Ростовской и Воронежской областях он также пользуется «правом свободного посещения помещений государственных органов» соответствующей области.

12. Штат помощников. Только в четырех субъектах РФ бывшим губернаторам выделяется штат помощников, содержание которых оплачивается за счет соответствующего регионального бюджета. В Ростовской области и Республике Башкортостан установлены пределы сумм, которые могут быть выделены на помощников. В Башкортостане общее месячное денежное вознаграждение помощников не должно превышать месячного размера денежного вознаграждения Главы Республики Башкортостан, в Ростовской области – 50% от ежемесячного пожизненного содержания бывшего губернатора. В Кабардино-Балкарской Республике и Кемеровской области – Кузбассе (для «Народного Губернатора») таких ограничений нет.

13. Служебные помещения. В вышеуказанных регионах также для губернаторов в отставке выделяется специальное служебное помещение. Такое помещение в Ростовской области должно быть оборудовано оргтехникой и мебелью. Кемеровская область – Кузбасс, Республика Башкортостан и Кабардино-Балкарская Республика к этому списку добавляют персональный компьютер, подключенный как к общей сети, так и ко всем имеющимся правовым базам и государственным информационным системам, копировально-множительная техника, аппарат факсимильной связи, а также средства связи. Для «Народного Губернатора» Кемеровской области служебное помещение выделяется в здании органа исполнительной власти Кемеровской области.

14. Правовая защита. Москва, Республика Татарстан и Ленинградская область в своих законах закрепили право бывшего губернатора на получения правовой защиты, при этом они не раскрывают содержание этого права.

15. Совещательный голос. Бывший губернатор также может участвовать в заседаниях органов государственной власти субъектов РФ. В Бурятии он вправе участвовать в заседаниях Народного Хурала Республики Бурятия, Правительства Республики Бурятия, его Президиума, в совещательных и консультативных органах при Главе Республики Бурятия с правом совещательного голоса. В Удмуртии он вправе участвовать в заседаниях Государственного Совета Удмуртской Республики и его Президиума, Правительства Удмуртской Республики и его Президиума, иных государственных органов Удмуртской Республики, в совещательных и консультативных органах при Главе Удмуртской Республики с правом совещательного голоса.

16. Расходы, связанные с переездом. В двух дальневосточных субъектах РФ (Еврейская автоном-

ная область и Хабаровский край) бывшему губернатору возмещаются расходы, связанные с переездом в другую местность после окончания срока полномочий. При этом в Еврейской автономной области возможна компенсация переезда только внутри России.

17. Участие в торжественных мероприятиях. два субъекта РФ (Томская и Иркутская области) предусмотрели в своих законах право бывшего губернатора участвовать в торжественных мероприятиях, проводимых органами государственной власти области по случаям государственных праздников, юбилеев и других торжеств.

18. Создание должности с особым статусом. Такая специфическая гарантия предусмотрена в Республике Татарстан [68]. Описание этой должности уже было дано выше. Здесь же стоит указать, что должность Государственного Советника необходима для сохранения политического влияния бывшего Президента Республики Татарстан.

Таким образом, были выявлены следующие гарантии, предоставляемые бывшему губернатору: выплата единовременного денежного вознаграждения, выплата ежемесячного пожизненного денежного содержания, предоставление медицинского лечения, санаторно-курортного обслуживания, охраны, специальной связи, жилого помещения, транспорта, страхования, штата помощников, служебного помещения, совещательного голоса, возмещение расходов, связанных с переездом и похоронами, правовая защита, участие в торжественных мероприятиях, гарантии, связанные с взаимодействием с органами государственной власти субъекта РФ, создание должности с особым статусом.

Важно отметить, что приведенные гарантии присутствуют в разных сочетаниях в субъектах РФ. Правовой статус бывших губернаторов может существенно отличаться от субъекта к субъекту. Еще в 2010 г. Д.Ф. Аяцков, возглавлявший Саратовскую область в 1996–2005 гг., в своем интервью сказал: «Я читаю публикации сейчас по поводу бывших губернаторов, которые ушли на заслуженный отдых, по Омску, Ростову, Татарстану очень большой разбег по бонусам. Есть в этом несправедливость. Каким бы ты ни был семи пядей во лбу, должна быть определенная скромность». Также он добавил, что «нужен рамочный закон и по нему какой-то минимум: бесплатное лечение, автомобиль, помощник. А особые заслуги должны отмечаться государственными наградами, премиями, должностями» [85].

Полагаю, что в принятии «рамочного закона» в этой сфере нет необходимости. У федерального законодателя была возможность в 2015 г. детально урегулировать данный вопрос на федеральном уровне, однако он ограничился установлением только требований к возрасту и указанием на условия, при которых не действуют гарантии. Закрепление в региональном законодательстве специальных гарантий для бывших губернаторов во многом показывает уровень правовой культуры населения конкретного региона, вовлеченность населения в законотворческий процесс, оторванность региональных парламентариев от своих избирателей.

Произошедший в 2015 г. всплеск публикаций по этой теме вызвал изменения в федеральном законодательстве, однако на региональном уровне кардинальных изменений не произошло. В последующие годы в некоторых субъектах РФ все же вносились изменения, направленные на сокращение гарантий. Важную роль в этом приняли средства массовой информации, которые доводили до населения бюджетные затраты, направляемые на содержание бывших губернаторов.

Хочется еще сказать, что работа с региональным законодательством – дело довольно трудное и для профессионального юриста. На уровне субъектов РФ

не разработаны какие-либо правовые базы данных удобные для использования. Крайне сложно отследить внесение поправок в законы. Говорить об открытости каких-либо документов регионального законодательного процесса вообще не приходится. Найти стенограммы заседаний, поправки к законопроекту не представляется возможным. Законодательский процесс слабо освещается в региональных средствах массовой информации. Все это говорит о закрытости региональной власти, при которой очень удобно проводить «необходимые» законопроекты.

Примечания

- ¹ «Назначается по его выбору пенсия на общих основаниях или ежемесячное пожизненное денежное содержание в размере 80 процентов месячного денежного вознаграждения Главы Республики Башкортостан».
- ² Республики Адыгея, Дагестан, Татарстан, Тыва, Кабардино-Балкария, Мордовия, Башкортостан, Бурятия, Чувашия, Кемеровская область – Кузбасс, Москва, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская, Самарская, Тверская, Белгородская, Липецкая, Орловская, Ростовская, Курская, Костромская, Ленинградская, Воронежская, Иркутская, Кировская, Пензенская области.
- ³ Республики Адыгея, Дагестан, Татарстан, Тыва, Кабардино-Балкария, Москва, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская, Самарская, Ростовская, Воронежская области.
- ⁴ Республики Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Чувашия, Мордовия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Астраханская, Челябинская, Омская, Орловская, Саратовская, Рязанская, Ростовская, Пензенская, Иркутская области.
- ⁵ Республики Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Мордовия, Кемеровская область – Кузбасс, Астраханская, Тверская, Тюменская, Липецкая, Саратовская, Ростовская, Пензенская, Костромская, Кировская, Иркутская, Воронежская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ.
- ⁶ Республики Дагестан, Кабардино-Балкария, Мордовия, Чувашия, Астраханская, Орловская области.
- ⁷ Республики Башкортостан и Татарстан, Москва.
- ⁸ Республики Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Татарстан, Чувашия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Москва, Кемеровская область – Кузбасс, Ростовская, Курская, Иркутская области.
- ⁹ Республика Адыгея, Ямало-Ненецкий автономный округ, Астраханская, Саратовская, Кировская области.
- ¹⁰ Республики Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария, Чувашия, Кемеровская область – Кузбасс, Москва, Белгородская, Тюменская, Ростовская, Ленинградская области.
- ¹¹ Ямало-Ненецкий автономный округ, Хабаровский край, Курская, Пензенская, Тюменская, Астраханская, Калининградская области.

Список источников

1. Флягин А.М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991–2019 гг. // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 1. С. 29–39.
2. Барсегян В.М. Модели карьерных траекторий глав российских регионов // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 132–148.
3. Избранные и назначенные – разница только в деталях. URL: <https://iq.hse.ru/news/177669260.html> (дата обращения: 28.12.2020).
4. Кондрашев А.А. Привилегии чиновничества как фактор социального неблагополучия российской государственности: угроза конституционным ценностям и нарушение принципа равенства всех перед законом // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 4 (14). С. 94–110.
5. Закон Республики Бурятия от 14.03.1994 № 422-ХП «О Главе Республики Бурятия» // Ведомости Верховного Совета Республики Бурятия. 1994. № 10.
6. Федеральный закон от 12.02.2001 № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» // Собрание законодательства РФ. 12.02.2001. № 7. Ст. 617.
7. Решение Камчатского краевого суда от 2.07.2013 г. № 3-14/2013. URL: https://obsud-kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srj_num=1&name_op=doc&number=737748&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 28.12.2020).
8. Определение Верховного Суда РФ от 11.11.2015 г. № 74-АПГ15-25. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1400224 (дата обращения: 28.12.2020).
9. Стенограмма заседания Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/758455-6> (дата обращения: 28.12.2020).
10. Федеральный закон от 30.12.2015 № 446-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2.1 и 19 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и статью 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 30.12.2015).
11. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. Ст. 5005.
12. «Озеленение» кадров: контуры «Кадрового резерва 2.0». URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-rejuvenation> (дата обращения: 28.12.2020).
13. Типичный губернатор: коллективный портрет глав субъектов РФ. URL: <https://uspensky.me/2016/10/27/tipichnyj-russian-gubernator/> (дата обращения: 28.12.2020).
14. Случаи снятия с поста глав регионов России в связи с утратой доверия. URL: <https://gia.ru/20200129/1564027110.html> (дата обращения: 28.12.2020).
15. Загреб от моста. Экс-главе Удмуртии за взятку присудили десять лет. URL: <https://rg.ru/2020/10/14/reg-pfo/byvshego-glavu-udmurtii-rgovorigi-k-10-godam-kolonii.html> (дата обращения: 28.12.2020).
16. Путин уволил Фургала с поста главы Хабаровского края из-за утраты доверия. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f1588ba9a79472429c50a03> (дата обращения: 28.12.2020).
17. Михаилу Игнатьеву отказали в жалобах на социальные гарантии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4357579> (дата обращения: 28.12.2020).
18. Закон Саратовской области от 31.10.2000 № 65-ЗСО «О Губернаторе Саратовской области» // Саратовские вести. 06.11.2000. № 41 (41).

19. Закон Орловской области от 21.05.2001 № 193-ОЗ «О статусе Губернатора Орловской области» // Орловская правда. № 87. 22.05.2001.
20. Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 19.11.2001 г. № 75-оз «О Губернаторе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 17.11.2001. № 10. Ст. 1234.
21. Закон Кировской области от 6.11.2002. № 107-ЗО «О Губернаторе Кировской области» // Вятский край. № 210 (2898). 15.11.2002.
22. Конституционный закон Республики Тыва от 4.01.2003 № 97 ВХ-1 «О статусе Главы - Председателя Правительства Республики Тыва» // Тувинская правда. 16.01.2003.
23. Закон Астраханской области от 21.07.2003 № 31/2003-ОЗ «О статусе Губернатора Астраханской области» // Астраханские известия. № 31. 31.07.2003.
24. Закон ЯНАО от 03.06.2004 № 18-ЗАО «О Губернаторе Ямало-Ненецкого автономного округа» // Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа. Апрель – май 2004. № 4/1.
25. Закон Челябинской области от 28.10.2004 № 295-ЗО «О Губернаторе Челябинской области» // Ведомости Законодательного собрания Челябинской области. 2004. № 8.
26. Уставный закон Калининградской области от 29.09.2005 № 651 «О Губернаторе Калининградской области» // Российская газета (Запад России). № 219. 30.09.2005.
27. Закон Пензенской области от 10.04.2006 № 1005-ЗПО «О Губернаторе Пензенской области» // Пензенские губернские ведомости. 24.04.2006. № 11. С. 111.
28. Закон Республики Адыгея от 06.07.2007 № 102 «О Президенте Республики Адыгея» // «Собрание законодательства Республики Адыгея». № 7. 2007.
29. Закон Ярославской области от 5.05.2011 № 8-з «О Губернаторе Ярославской области» // Документ-Регион. № 35. 10.05.2011.
30. Закон Курганской области от 5.07.2011 № 50 «О Губернаторе Курганской области» // Новый мир. № 125. 06.07.2011.
31. Закон Санкт-Петербурга от 08.02.2013 № 55-9 «О Губернаторе Санкт-Петербурга» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: www.gov.spb.ru/norm_baza/npa
32. Закон Республики Башкортостан от 25.12.2014 № 163-з «О главе Республики Башкортостан» // Официальный Интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <http://www.npa.bashkortostan.ru>
33. Закон Удмуртской Республики от 22.12.2015 № 104-ПЗ «О Главе Удмуртской Республики» // Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. URL: <http://www.udmurt.ru>
34. Закон Тюменской области от 31.03.2000 № 166 «О государственных должностях в Тюменской области» // Тюменские известия. № 64. 06.04.2000.
35. Закон Новосибирской области от 11.05.2000 № 95-ОЗ «О правовом статусе лиц, замещающих государственные должности Новосибирской области, и об отдельных вопросах обеспечения деятельности Губернатора Новосибирской области» // Советская Сибирь. № 92-93. 20.05.2000.
36. Закон Еврейской автономной области от 28.03.2001 № 265-ОЗ «О статусе и социальных гарантиях лиц, замещающих государственные должности Еврейской автономной области» // Собрание законодательства ЕАО. 10.06.2001. № 2-3. Ст. 1054.
37. Закон Вологодской области от 01.07.2004 № 1034-ОЗ «О статусе лиц, замещающих государственные должности Вологодской области» // Законодательство Вологодской области. 2004. № 4. С. 18.
38. Закон Омской области от 22.12.2004 № 601-ОЗ Кодекс о государственных должностях Омской области и государственной гражданской службе Омской области // Омский вестник. № 72. 24.12.2004.
39. Закон Тверской области от 25.02.2005 № 16-ОЗ «О статусе и социальных гарантиях лиц, замещающих государственные должности» // Ведомости Законодательного Собрания Тверской области. 2005. № 1.
40. Закон г. Москвы от 15.07.2005 № 43 «О государственных должностях города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. № 44. 08.08.2005.
41. Закон Кемеровской области от 1.08.2005 № 103-ОЗ «О государственных должностях Кемеровской области – Кузбасса и государственной гражданской службе Кемеровской области – Кузбасса» // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. № 39. 04.08.2005.
42. Закон Ленинградской области от 16.12.2005 № 117-оз «О государственных должностях Ленинградской области» // Вестник Правительства Ленинградской области. № 65. 27.12.2005.
43. Закон Самарской области от 9.02.2006 № 1-ГД «О лицах, замещающих государственные должности Самарской области» // Волжская коммуна. № 26 (25579). 14.02.2006.
44. Закон Липецкой области от 22.02.2006 № 266-ОЗ «О социальных гарантиях лиц, замещающих и замещавших государственные должности Липецкой области» // Липецкая газета. № 40-41. 03.03.2006.
45. Закон Республики Хакасия от 28.02.2006 № 9-ЗРХ «О государственных должностях Республики Хакасия и государственной гражданской службе Республики Хакасия» // Вестник Хакасии. № 12. 09.03.2006.
46. Закон Республики Татарстан от 4.03.2006 № 16-ЗРТ «О государственных должностях Республики Татарстан» // Республика Татарстан. № 45–46. 07.03.2006.
47. Закон Томской области от 19.06.2006 № 125-ОЗ «О правовом статусе лиц, замещающих государственные должности Томской области» // Официальные ведомости Государственной Думы Томской области (сборник нормативных правовых актов). 26.06.2006. № 53 (114).
48. Закон Курской области от 6.10.2006 № 64-ЗКО «О государственных должностях Курской области» // Курские ведомости. Октябрь, 2006. № 10.
49. Закон Белгородской области от 22.03.2007 № 105 «О государственных должностях Белгородской области и гарантиях деятельности лиц, их замещающих» // Белгородские известия. № 52. 03.04.2007.
50. Закон Костромской области от 9.06.2007 № 175-4-ЗКО «О государственных должностях Костромской области» // СП – нормативные документы. № 36 (96). 11.07.2007.
51. Закон Республики Алтай от 14.05.2008 № 49-ПЗ «О государственных должностях Республики Алтай» // Сборник законодательства Республики Алтай. 2008. № 49 (55). С. 3.
52. Закон Воронежской области от 11.11.2009 № 133-ОЗ «О государственных должностях Воронежской области» // Собрание законодательства Воронежской области. 19.01.2010. № 11. Ст. 491.
53. Закон Иркутской области от 13.12.2010 № 125-ОЗ «О государственных должностях Иркутской области» // Областная. № 146. 17.12.2010.
54. Закон Республики Мордовия от 12.11.2001 № 42-З «О Правительстве Республики Мордовия» // Известия Мордовии. № 170. 13.11.2001.
55. Закон Хабаровского края от 27.11.2001 № 349 «О Правительстве Хабаровского края» // Приамурские Ведомости. 11.12.2001. № 227.
56. Закон Псковской области от 19.02.2002 № 174-ОЗ «О системе органов исполнительной власти Псковской области» // Псковская правда. 22-23.02 № 35-36, 27.02.02 № 37.
57. Закон Новгородской области от 6.09.2001 № 219-ОЗ «О социальных гарантиях и компенсациях для Губернатора Новгородской области» // Собрание нормативных правовых актов законодательного (представительного) и исполнительных органов государственной власти Новгородской области. 21.09.2001. № 9. С. 10.

58. Закон Рязанской области от 2.06.2003 № 30-ОЗ «О гарантиях деятельности Губернатора Рязанской области» // Рязанские ведомости. 05.06.2003.
59. Закон Ивановской области от 09.01.2007 № 20-оз «О гарантиях Губернатора Ивановской области, лиц, замещавших должность Губернатора Ивановской области, и лиц, являвшихся депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти Ивановской области» // Законы Ивановской области и документы Ивановской областной Думы. 31.01.2007. № 4 (218).
60. Закон Забайкальского края от 5.10.2009 № 227-ЗЗК «Об обеспечении деятельности Губернатора Забайкальского края» // Забайкальский рабочий. № 184. 07.10.2009.
61. Закон Приморского края от 4.05.2010 № 601-КЗ «Об основных гарантиях деятельности Губернатора Приморского края» // Приморская газета. № 37 (428). 04.05.2010.
62. Закон Ростовской области от 15.06.2010 № 440-ЗС «О гарантиях Главе Администрации (Губернатору) Ростовской области, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» // Наше время. № 197. 16.06.2010.
63. Закон Республики Марий Эл от 23.10.2013 № 38-З «О социальных гарантиях деятельности Главы Республики Марий Эл – Председателя Правительства Республики Марий Эл» // Официальный Интернет-портал Республики Марий Эл № 23102013010038 от 24.10.2013.
64. Закон Республики Дагестан от 13.12.2013 № 97 «О гарантиях высшему должностному лицу Республики Дагестан, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 13.12.2013. № 23. Ст. 1567.
65. Закон Кемеровской области от 27.12.2011 № 157-ОЗ «О присвоении Губернатору Кемеровской области А.М. Тулееву почетного звания "Народный Губернатор"» // Электронный бюллетень Коллегии Администрации Кемеровской области. 31.12.2011.
66. Народный губернатор. Глава Малой кемеровской энциклопедии Ильи Азара. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/08/09/73406-wiki-narodnyu-gubernator> (дата обращения: 28.12.2020).
67. Аману Тулееву присвоено звание «Народный Губернатор». URL: <https://ako.ru/news/detail/amanu-tuleevu-prisvoeno-zvanie-narodny-gubernator> (дата обращения: 28.12.2020).
68. Закон Республики Татарстан от 30.03.2010 № 11-ЗРТ «О Государственном Советнике Республики Татарстан» // Республика Татарстан. № 64-65. 01.04.2010.
69. Зазнаев О.И., Гарипов Р.Ф. Конституционно-правовые проблемы идентификации отдельных органов и должностных лиц с ветвями государственной власти Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 156-159.
70. Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Модели контролируемой передачи президентской власти // Политическая наука. 2019. № 4. С. 16-37.
71. Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы российской федерации / под общ. ред. Я.Г. Ашихминой, П.В. Панова, О.Б. Подвишьева. Пермь : Пермский научный центр УРО РАН, 2014. 306 с.
72. Указ Главы Кабардино-Балкарской Республики от 4.10.2005 № 77-УП «О гарантиях Президенту Кабардино-Балкарской Республики, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» // Кабардино-Балкарская правда. № 216. 05.10.2005.
73. Постановление Администрации Курской области от 10.10.2018 № 808-па «О дополнительных гарантиях Губернатора Курской области в связи с прекращением полномочий» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
74. Новый глава Курской области – РБК: «Я из команды Матвиенко и Козака». URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/10/2018/5bc0940b9a794750e4daad15?from=newsfeed> (дата обращения: 28.12.2020).
75. Закон Курской области «О внесении изменения в Закон Курской области «О государственных должностях Курской области» от 31.10.2018 № 62-ЗКО // Официальный сайт Администрации Курской области. URL: <http://adm.rkursk.ru>
76. Постановление Администрации Курской области от 08.11.2018 № 881-па «О признании утратившим силу постановления Администрации Курской области от 10.10.2018 №808-па» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
77. Пенсия в 300 тысяч, охрана и обслуга: что получают российские губернаторы после отставки. URL: <https://www.kp.ru/daily/26934/3985221/> (дата обращения: 28.12.2020).
78. Пенсию в 200 тысяч рублей омскому экс-губернатору признали законной. URL: <https://ria.ru/20200128/1563960531.html> (дата обращения: 28.12.2020).
79. Закон Саратовской области от 21.07.1997 г. № 43-ЗСО «О социальных гарантиях» // Информационный бюллетень Саратовской области. 1998. № 16. С. 126.
80. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 31.12.2010 г. № 567 «Об обеспечении отдельных гарантий Президенту Чувашской Республики, прекратившему исполнение своих полномочий» // Вести Чувашии. 2011. 15 янв. № 1.
81. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.04.2013 № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца четвертого части первой статьи 6 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Архангельского областного Собрания депутатов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.12.2020).
82. Экс-губернаторам помогают с адаптацией. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3786360> (дата обращения: 28.12.2020).
83. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 1999. 8 июля № 130. 08.07.1999.
84. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 31.12.2010 г. № 567 «Об обеспечении отдельных гарантий Президенту чувашской Республики, прекратившему исполнение своих полномочий» // Вести Чувашии. № 1. 15.01.2011.
85. Есть ли жизнь после отставки? URL: <https://rg.ru/2010/07/14/region.html> (дата обращения: 28.12.2020).

References

1. Flyagin A.M. Kak izmenilsya portret rossiyskogo gubernatora: analiz biografii glav regionov. 1991-2019 gg // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2020. T. 14. № 1. S. 29-39.
2. Barsegyan V.M. Modeli karernyh traektoriy glav rossiyskikh regionov // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2019. №4. S. 132-148.
3. Izbrannye i naznachennye – raznica tolko v detalyah. URL: <https://iq.hse.ru/news/177669260.html> (дата обращения: 28.12.2020).
4. Kondrashev A.A. Privilegii chinovnichestva kak faktor socialnogo neblagopoluchiya rossiyskoy gosudarstvennosti: ugroza konstitucionnym cennostyam i narushenie principa ravenstva vseh pred zakonom // Socialno-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU. 2019. № 4 (14). S. 94-110.
5. Zakon Respubliki Buryatiya ot 14.03.1994 № 422-XII «O Glave Respubliki Buryatiya» // Vedomosti Verhovnogo Soveta Respubliki Buryatiya. № 10. 1994.
6. Federalnyy zakon ot 12.02.2001 № 12-FZ «O garantiyah Prezidentu Rossiyskoy Federacii, prekrativshemu ispolnenie svoih polnomochiy, i chlenam ego semii» // Sobranie zakonodatelstva RF. 12.02.2001. № 7. St. 617.
7. Reshenie Kamchatskogo kraevogo suda ot 2.07.2013 g. № 3-14/2013. URL: https://oblsud--kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo
8. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 11.11.2015 g. № 74-APG15-25. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1400224 (дата обращения: 28.12.2020).
9. Stenogramma zasedaniya Gosudarstvennoy Dumy. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/758455-6> (дата обращения: 28.12.2020).
10. Federalnyy zakon ot 30.12.2015 № 446-FZ «O vnesenii izmeneniy v stati 2.1 i 19 Federalnogo zakona «Ob obshchih principah organizacii zakonodatelnyh (predstavitelnyh) i ispolnitelnyh organov gosudarstvennoy vlasti subektov Rossiyskoy Federacii» i statyu 40 Federalnogo zakona

- «Ob obshchih principah organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii» // Oficialnyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>. 30.12.2015.
11. Federalnyy zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ «Ob obshchih principah organizatsii zakonodatelnyh (predstavitelnyh) i ispolnitelnyh organov gosudarstvennoy vlasti subektov Rossiyskoy Federatsii» // Sobranie zakonodatelstva RF. 18.10.1999. № 42. St. 5005.
 12. «Ozeleneniye» kadrov: kontury «Kadrovogo rezerva 2.0». URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-rejuvenation> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
 13. Tipichnyy gubernator: kollektivnyy portret glav subektov RF. URL: <https://uspensky.me/2016/10/27/tipichnyj-russian-gubernator/> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
 14. Sluchai snyatiya s posta glav regionov Rossii v svyazi s utratoy doveriya. URL: <https://ria.ru/20200129/1564027110.html> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
 15. Zagreb ot mosta. Eks-glave Udmurtii za vzyatku prisudili desyat let URL: <https://rg.ru/2020/10/14/reg-pfo/byvshego-glavu-udmurtii-prigovorili-k-10-godam-kolonii.html> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
 16. Putin uvolil Furgala s posta glavy Habarovskogo kraya iz-za utraty doveriya. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f1588ba9a79472429c50a03> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
 17. Mihailu Ignatevu otkazali v zhalobah na socialnye garantii. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4357579> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
 18. Zakon Saratovskoy oblasti ot 31.10.2000 № 65-ZSO «O Gubernatore Saratovskoy oblasti» // Saratovskie vesti. 06.11.2000. № 41 (41).
 19. Zakon Orlovskoy oblasti ot 21.05.2001 № 193-OZ «O statuse Gubernatora Orlovskoy oblasti» // Orlovskaya pravda. № 87. 22.05.2001.
 20. Zakon Hanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga - Yugry ot 19.11.2001 g. № 75-oz «O Gubernatore Hanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga — Yugry» // Sobranie zakonodatelstva Hanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga. 17.11.2001. № 10. St. 1234.
 21. Zakon Kirovskoy oblasti ot 6.11.2002. № 107-ZO «O Gubernatore Kirovskoy oblasti» // Vyatskiy kray. № 210 (2898). 15.11.2002.
 22. Konstitucionnyy zakon Respubliki Tyva ot 4.01.2003 № 97 VH-I «O statuse Glavy - Predsedatelya Pravitelstva Respubliki Tyva» // Tuvinskaya pravda. 16.01.2003.
 23. Zakon Astrahanskoy oblasti ot 21.07.2003 № 31/2003-OZ «O statuse Gubernatora Astrahanskoy oblasti» // Astrahanskizvestiya. № 31. 31.07.2003.
 24. Zakon YaNAO ot 03.06.2004 № 18-ZAO «O Gubernatore Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga» // Vedomosti Gosudarstvennoy Dumy Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga. aprel - may 2004 g. № 4/1.
 25. Zakon Chelyabinskoy oblasti ot 28.10.2004 № 295-ZO «O Gubernatore Chelyabinskoy oblasti» // Vedomosti Zakonodatel'nogo sobraniya Chelyabinskoy oblasti. № 8. 2004.
 26. Ustavnyy zakon Kaliningradskoy oblasti ot 29.09.2005 № 651 «O Gubernatore Kaliningradskoy oblasti» // Rossiyskaya gazeta (Zapad Rossii). № 219. 30.09.2005.
 27. Zakon Penzenskoy oblasti ot 10.04.2006 № 1005-ZPO «O Gubernatore Penzenskoy oblasti» // Penzenskie gubernskie vedomosti. 24.04.2006. № 11. S. 111.
 28. Zakon Respubliki Adygeya ot 06.07.2007 № 102 «O Prezidente Respubliki Adygeya» // «Sobranie zakonodatelstva Respubliki Adygeya». № 7. 2007.
 29. Zakon Yaroslavskoy oblasti ot 5.05.2011 № 8-z «O Gubernatore Yaroslavskoy oblasti» // Dokument-Region. № 35. 10.05.2011.
 30. Zakon Kurganskoy oblasti ot 5.07.2011 № 50 «O Gubernatore Kurganskoy oblasti» // Novyy mir. № 125. 06.07.2011.
 31. Zakon Sankt-Peterburga ot 08.02.2013 № 55-9 «O Gubernatore Sankt-Peterburga» // Oficialnyy sayt Administratsii Sankt-Peterburga www.gov.spb.ru/norm_baza/npa, 08.02.2013.
 32. Zakon Respubliki Bashkortostan ot 25.12.2014 № 163-z «O glave Respubliki Bashkortostan» // Oficialnyy Internet-portal pravovoy informatsii Respubliki Bashkortostan <http://www.npa.bashkortostan.ru>, 25.12.2014.
 33. Zakon Udmurtskoy Respubliki ot 22.12.2015 № 104-RZ «O Glave Udmurtskoy Respubliki» // Oficialnyy sayt Glavy Udmurtskoy Respubliki i Pravitelstva Udmurtskoy Respubliki <http://www.udmurt.ru>. 23.12.2015.
 34. Zakon Tyumenskoy oblasti ot 31.03.2000 № 166 «O gosudarstvennyh dolzhnostyah v Tyumenskoy oblasti» // Tyumenskizvestiya. № 64. 06.04.2000.
 35. Zakon Novosibirskoy oblasti ot 11.05.2000 № 95-OZ «O pravovom statuse lic, zameshchayushchih gosudarstvennye dolzhnosti Novosibirskoy oblasti, i ob otdelnykh voprosakh obespecheniya deyatel'nosti Gubernatora Novosibirskoy oblasti» // Sovetskaya Sibir. № 92-93. 20.05.2000.
 36. Zakon Evreyskoy avtonomnoy oblasti ot 28.03.2001 № 265-OZ «O statuse i socialnykh garantiyakh lic, zameshchayushchih gosudarstvennye dolzhnosti Evreyskoy avtonomnoy oblasti» // Sobranie zakonodatelstva EAO. 10.06.2001. № 2-3. St. 1054.
 37. Zakon Vologodskoy oblasti ot 01.07.2004 № 1034-OZ «O statuse lic, zameshchayushchih gosudarstvennye dolzhnosti Vologodskoy oblasti» // Zakonodatel'stvo Vologodskoy oblasti. 2004. № 4. S. 18.
 38. Zakon Omskoy oblasti ot 22.12.2004 № 601-OZ Kodeks o gosudarstvennyh dolzhnostyah Omskoy oblasti i gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe Omskoy oblasti // Omskiy vestnik. № 72. 24.12.2004.
 39. Zakon Tverskoy oblasti ot 25.02.2005 № 16-OZ «O statuse i socialnykh garantiyakh lic, zameshchayushchih gosudarstvennye dolzhnosti» // Vedomosti Zakonodatel'nogo Sobraniya Tverskoy oblasti. № 1. 2005.
 40. Zakon g. Moskvy ot 15.07.2005 № 43 «O gosudarstvennyh dolzhnostyah goroda Moskvy» // Vestnik Mera i Pravitelstva Moskvy. № 44. 08.08.2005.
 41. Zakon Kemerovskoy oblasti ot 1.08.2005 № 103-OZ «O gosudarstvennyh dolzhnostyah Kemerovskoy oblasti - Kuzbassa i gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe Kemerovskoy oblasti - Kuzbassa» // Zakonodatel'nyy vestnik Soveta narodnykh deputatov Kemerovskoy oblasti. № 39. 04.08.2005.
 42. Zakon Leningradskoy oblasti ot 16.12.2005 № 117-oz «O gosudarstvennyh dolzhnostyah Leningradskoy oblasti» // Vestnik Pravitelstva Leningradskoy oblasti. № 65. 27.12.2005.
 43. Zakon Samarskoy oblasti ot 9.02.2006 № 1-GD «O licah, zameshchayushchih gosudarstvennye dolzhnosti Samarskoy oblasti» // Volzhskaya kommuna. № 26(25579). 14.02.2006.
 44. Zakon Lipeckoy oblasti ot 22.02.2006 № 266-OZ «O socialnykh garantiyakh lic, zameshchayushchih i zameshchavshih gosudarstvennye dolzhnosti Lipeckoy oblasti» // Lipeckaya gazeta. № 40-41. 03.03.2006.
 45. Zakon Respubliki Hakasiya ot 28.02.2006 № 9-ZRH «O gosudarstvennyh dolzhnostyah Respubliki Hakasiya i gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe Respubliki Hakasiya» // Vestnik Hakasii. № 12. 09.03.2006.
 46. Zakon Respubliki Tatarstan ot 4.03.2006 № 16-ZRT «O gosudarstvennyh dolzhnostyah Respubliki Tatarstan» // Respublika Tatarstan. № 45-46. 07.03.2006.
 47. Zakon Tomskoy oblasti ot 19.06.2006 № 125-OZ «O pravovom statuse lic, zameshchayushchih gosudarstvennye dolzhnosti Tomskoy oblasti» // Oficialnye vedomosti Gosudarstvennoy Dumy Tomskoy oblasti (sbornik normativnykh pravovykh aktov). 26.06.2006. № 53(114).
 48. Zakon Kurskoy oblasti ot 6.10.2006 № 64-ZKO «O gosudarstvennyh dolzhnostyah Kurskoy oblasti» // Kurskie vedomosti. № 10. oktyabr, 2006.
 49. Zakon Belgorodskoy oblasti ot 22.03.2007 № 105 «O gosudarstvennyh dolzhnostyah Belgorodskoy oblasti i garantiyakh deyatel'nosti lic, ih zameshchayushchih» // Belgorodskie izvestiya. № 52. 03.04.2007.
 50. Zakon Kostromskoy oblasti ot 9.06.2007 № 175-4-ZKO «O gosudarstvennyh dolzhnostyah Kostromskoy oblasti» // SP - normativnye dokumenty. № 36(96). 11.07.2007.

51. Закон Республики Алтай от 14.05.2008 № 49-RZ «О государственных должностях Республики Алтай» // «Сборник законодательства Республики Алтай». № 49(55). 2008. С. 3.
52. Закон Воронежской области от 11.11.2009 №133-OZ «О государственных должностях Воронежской области» // Собрание законодательства Воронежской области. 19.01.2010. № 11. Ст. 491.
53. Закон Иркутской области от 13.12.2010 № 125-OZ «О государственных должностях Иркутской области» // Областная. № 146. 17.12.2010.
54. Закон Республики Мордовия от 12.11.2001 № 42-Z «О Правительстве Республики Мордовия» // Известия Мордовии. № 170. 13.11.2001.
55. Закон Хабаровского края от 27.11.2001 № 349 «О Правительстве Хабаровского края» // Приамурские Ведомости. 11.12.2001. № 227.
56. Закон Псковской области от 19.02.2002 № 174-OZ «О системе органов исполнительной власти Псковской области» // Псковская правда. 22-23.02. № 35-36, 27.02.02 № 37.
57. Закон Новгородской области от 6.09.2001 № 219-OZ «О социальных гарантиях и компенсациях для Губернатора Новгородской области» // Собрание нормативных правовых актов законодательного (представительного) и исполнительных органов государственной власти Новгородской области. 21.09.2001. № 9. 2001. С. 10.
58. Закон Рязанской области от 2.06.2003 № 30-OZ «О гарантиях деятельности Губернатора Рязанской области» // Рязанские ведомости. 05.06.2003.
59. Закон Ивановской области от 09.01.2007 № 20-oz «О гарантиях Губернатора Ивановской области, лиц, замещавших должность Губернатора Ивановской области, и лиц, являвшихся депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти Ивановской области» // Законы Ивановской области и документы Ивановской областной Думы. 31.01.2007. № 4(218).
60. Закон Забайкальского края от 5.10.2009 № 227-ZZK «Об обеспечении деятельности Губернатора Забайкальского края» // Забайкальский рабочий. № 184. 07.10.2009.
61. Закон Приморского края от 4.05.2010 № 601-KZ «Об основных гарантиях деятельности Губернатора Приморского края» // Приморская газета. № 37(428). 04.05.2010.
62. Закон Ростовской области от 15.06.2010 № 440-ZS «О гарантиях Главы Администрации (Губернатору) Ростовской области, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» // Наше время. № 197. 16.06.2010.
63. Закон Республики Марий Эл от 23.10.2013 № 38-Z «О социальных гарантиях деятельности Главы Республики Марий Эл - Председателя Правительства Республики Марий Эл» // Официальный интернет-портал Республики Марий Эл № 23102013010038 от 24.10.2013.
64. Закон Республики Дагестан от 13.12.2013 № 97 «О гарантиях высшему должностному лицу Республики Дагестан, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 13.12.2013. № 23. Ст. 1567.
65. Закон Кемеровской области от 27.12.2011 № 157-OZ «О присвоении Губернатору Кемеровской области А.М. Тулееву почетного звания «Народный Губернатор» // Электронный бюллетень Коллегии Администрации Кемеровской области. 31.12.2011.
66. Народный губернатор. Глава Малой кемеровской энциклопедии Или Азара. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2017/08/09/73406-wiki-narodnyy-gubernator> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
67. Amanu Тулееву присвоено звание «Народный Губернатор». URL: <https://ako.ru/news/detail/amanu-tuleevu-prisvoeno-zvanie-narodny-j-gubernator> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
68. Закон Республики Татарстан от 30.03.2010 № 11-ZRT «О Государственном Советнике Республики Татарстан» // Газета «Республика Татарстан». № 64-65. 01.04.2010.
69. Zaznaev O.I., Garipov R.F. Конституционно-правовые проблемы идентификации отдельных органов и должностных лиц с ветвями государственной власти Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 156-159.
70. Zaznaev O.I., Sidorov V.V. Модели контролируемой передачи президентской власти // Политическая наука. 2019. № 4. С. 16-37.
71. Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы российской федерации / под общ. ред. Ya. G. Ashihminoy, P. V. Panova, O. B. Podvinceva. Perm: Permskiy nauchnyy centr UrO RAN, 2014. 306 s.
72. Указ Главы Кабардино-Балкарской Республики от 4.10.2005 № 77-UP «О гарантиях Президенту Кабардино-Балкарской Республики, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» // Кабардино-Балкарская правда. № 216. 05.10.2005.
73. Постановление Администрации Курской области от 10.10.2018 № 808-па «О дополнительных гарантиях Губернатора Курской области в связи с прекращением полномочий» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 11.10.2018.
74. Новый глава Курской области — RBK: «Ya iz komandy Matvienko i Kozaka». URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/10/2018/5bc0940b9a794750e4daad15?from=newsfeed> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
75. Закон Курской области «О внесении изменений в Закон Курской области «О государственных должностях Курской области» от 31.10.2018 № 62-ZKO // Официальный сайт Администрации Курской области <http://adm.rkursk.ru>, 31.10.2018.
76. Постановление Администрации Курской области от 08.11.2018 № 881-па «О признании утратившим силу постановления Администрации Курской области от 10.10.2018 №808-па» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 12.11.2018.
77. Пensiya в 300 тысяч, охрана и obsluga: chto poluchayut rossiyskie gubernatory posle otstavki. URL: <https://www.kp.ru/daily/26934/3985221/> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
78. Pensiya в 200 тысяч rubley omskomu eks-gubernatoru priznali zakonnoy. URL: <https://ria.ru/20200128/1563960531.html> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
79. Закон Саратовской области от 21.07.1997 г. № 43-ZSO «О социальных гарантиях» // Информационный бюллетень Саратовской области. № 16. 1998. Стр. 126.
80. Постановление Кabinetа Министров Чувашской Республики от 31.12.2010 г. № 567 «Об обеспечении отдельных гарантий Президенту чувашской Республики, прекратившему исполнение своих полномочий» // Vesti Chuvashii. № 1. 15.01.2011.
81. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.04.2013 № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца четвертого части первой статьи 6 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Архангельского областного Собрания депутатов» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 08.04.2013.
82. Eks-gubernatoram pomagayut s adaptatsiey. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3786360> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
83. Federalnyy zakon от 08.05.1994 № 3-FZ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Rossiyskaya gazeta. № 130. 08.07.1999.
84. Постановление Кabinetа Министров Чувашской Республики от 31.12.2010 г. № 567 «Об обеспечении отдельных гарантий Президенту чувашской Республики, прекратившему исполнение своих полномочий» // Vesti Chuvashii. № 1. 15.01.2011.
85. Est li zhizn posle otstavki? URL: <https://rg.ru/2010/07/14/region.html> (data obrashcheniya: 28.12.2020).

Информация об авторе:

Боголюбов Е.А. – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: bogolubovegor@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bogolyubov E.A., Senior Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State, National Research University of Higher School of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: bogolubovegor@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.09.2021;
одобрена после рецензирования 14.11.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 28.09.2021;
approved after reviewing 14.11.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 34.01
doi: 10.17223/15617793/474/27

Историко-философский (объективно-научный) метод юриспруденции С.А. Муромцева

Левон Владимирович Батиев

Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия, batiev@ssc-ras.ru

Аннотация. Концепция С.А. Муромцева выстроена на истории и догме римского права, критике гегельянства, исторической школы права, идеях Р. Иеринга с упором на англо-французский позитивизм. Охарактеризовано становление методологии Муромцева, ее источники и составные элементы, влияние на определение предмета, задачи правовой науки и ее разделение на отрасли. Делается вывод, что заслуга С.А. Муромцева – не «изобретение» новой методологии, а применение позитивизма к исследованию права.

Ключевые слова: методология, позитивизм, юридическое мышление, историзм, психологизм, индукция, дедукция, наука, догма права

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № 122020100350-2.

Для цитирования: Батиев Л.В. Историко-философский (объективно-научный) метод юриспруденции С.А. Муромцева // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 243–254. doi: 10.17223/15617793/474/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/27

Historical-philosophical (objective-scientific) method of jurisprudence by S. A. Muromtsev

Levon V. Batiev

*Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences,
Rostov-ov-Don, Russian Federation, batiev@ssc-ras.ru*

Abstract. The object of research is the methodological installations of Muromtseva, on the basis of which they developed a program for transformation of legal science. The purpose of the article is to characterize the formation of the Muromtsev methodology, its sources and composite elements, the impact on the definition of the subject, the objectives of the legal science and its separation in the industry. Theoretical and methodological attitudes of Muromtsev were formed at a time when the need for reforms was certainly recognized in Russian jurisprudence. The historical and legal basis of the concept was made up of studies on the history and dogma of Roman law. The concept of Muromtseva was built on the basis of a critical analysis of the main lines of development of German jurisprudence - Hegelianism, the historical school, taking into account the practical direction and active use of the works of R. Iering. It was formed on the basis of the German school of jurisprudence and later supplemented and improved based on the positivist philosophy itself. The transition from "historical-philosophical" to "objective-scientific" research reflected the greater attention of Muromtsev to the Anglo-French positivism (in particular, the logic of J. St. Mill). From the point of view of positivist methodology, Muromtsev considered the addition and verification of the results of the historical-comparative study with a priori theses about the nature of man and society, the addition of induction by deduction from psychological and sociological laws. Psychologism Muromtsev was focused primarily on the explanation of the processes of legal education. Muromtsev can be considered a supporter of a multifactorial explanation of the origin of law. However, the immediate (final) source of law, according to his theory, is jurisprudence in the broadest sense of the word (legal thinking). The psychological characteristics of society and lawyers are a factor that determines the specifics of the law in a particular period of a particular society. This conclusion can serve as a guideline in sociological research of the legal education process even today. The distinction between science, politics, and dogma is based on a radical revision of the subject, tasks (goals), and methodology of jurisprudence from the standpoint of positivism and historicism. As a result, Muromtsev proposed to distinguish between dogma in the strict sense (study of current law in order to apply it in practice) and a new general dogmatic theory ("a systematic presentation of the principles (principles) of the current law of any country and any time"). It is not a study of laws in the scientific sense of the word, but it can be a preparatory stage for induction and deduction, which should be done by jurisprudence as a part of social science. The merit of Muromtsev is not the "invention" of new methodological techniques, but the consistent application of the positivist methodology to the study of legal material.

Keywords: methodology, positivism, legal thinking; historicism; psychologism; induction; deduction; the science; dogma of law

Financial Support: The article was prepared within the framework of the implementation of the State Program of the UNC RAS No. 122020100350-2.

For citation: Batiev, L.V. (2022) Historical-philosophical (objective-scientific) method of jurisprudence by S.A. Muromtsev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 243–254. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/27

Во второй половине 1870-х гг. С.А. Муромцев выступил с энергичной критикой основных направлений правовой науки (немецкой философии права, исторической школы права и «практического» направления) и предложил программу коренного преобразования юридической науки, которая включала в себя новое определение предмета, метода и задач юридической науки, места и роли отдельных ее отраслей – истории, догмы и политики права. Но, как отмечал в начале XX в. Б.А. Кистяковский, хотя С.А. Муромцев представил стройную социально-научную теорию права, заключенное в его трудах «идейное богатство до сих пор остается у нас не совсем использованным» [1. С. 2]. Уже в начале XXI в. Ю.И. Гревцов также указывает, что многие важные и даже глобальные проблемы правовой теории, поднятые в работах основоположника социологической юриспруденции, в отечественной науке оказались отодвинутыми в глубокую тень [2. С. 15].

Предметом настоящей статьи являются методологические установки С.А. Муромцева. В качестве исходной гипотезы рассматривается тезис о ключевом значении исследований римского права в формировании социологического правопонимания, последующем, более активном использовании методологии позитивистской философии и развития методологии, ограниченном значении историко-сравнительного метода и акцентировании внимания на психологии. В исследовании концепции С.А. Муромцева использовались традиционные методы анализа и истолкования авторских текстов с учетом возможной эволюции его идей и в конкретно-историческом контексте российской правовой науки второй половины XIX в.

Необходимость преобразований в российской юриспруденции во второй половине XIX в. ясно осознавалась учеными и публицистами. В 1867 г. А.Б. Думашевский писал, что в России, в отличие от других европейских стран, не найти ни одного учебника или руководства по гражданскому праву и процессу. Три-четыре книжки – это «или голые перепечатки, в сокращенном виде, статей действующего законодательства, или непонятые и изуродованные положения римского права... или же какие-то философствования, переплетенные заметками из истории русского права», нет «почти ни одной монографии, ни одного исследования» [3. С. 3–4, 5]. При этом, однако, обнаруживается значительное число сочинений по истории права, философии права и сравнительному изучению законодательства [3. С. 6]. К. Малышев объяснял преобладание исторического направления в науке гражданского права тем, что оно ориентировано на «раскрытие исторических оснований действующего права, как такой стороны его, которая всего удобнее изучается только в университете и не может быть

изучена путем судебной практики» [4. С. 2]. По мнению Г.Ф. Шершеневича, успех исторической школы права в России был обусловлен политическими соображениями – торжеством реакции в 20–30-е гг. XIX в. и покровительством со стороны правительства, поскольку из духа исторической школы «можно было вывести ненарушимость общественных установлений, имеющих за собой историческое прошлое, неприкосновенность исторических прав» [5. С. 23], а также ее внутренней притягательной силой, которой «невольнo подчинились русские ученые» [5. С. 28].

А.Б. Думашевский отсутствие научной разработки действующего права выводил из ложно понятой исторической школы права [3. С. 13–16], из-за чего начиная с 30-х гг. XIX в. занятия историей права решительно вытеснили догматическое изучение отечественного права. Для Германии историческая школа права имела практическое значение. Она непосредственно вытекала из правового быта Германии, из характера материального содержания и источников общенемецкого права, которое представляло собой конгломерат несистематизированных источников, включая *corpus juris civilis*, *corpus juris canonici* (с их составными частями) и *libri feudorum*, бесчисленное множество чисто немецких источников, начиная от *leges barbarorum* до законодательных актов бывшего Германского союза, и бесконечного числа партикулярных прав под самыми разнообразными названиями [3. С. 21–23]. Немецкий юрист, работая над реставрацией древних актов, занимается своим действующим законодательством, ибо этот памятник служит источником указанного законодательства. Историческая школа поэтому имела в Германии не теоретический, чисто научный интерес, а самое практическое, прикладное значение [3. С. 24–26]. В России же «началось не историческое изучение нашего действующего права... а изучение нашего исторического древнего права, без всякого отношения к ныне действующему праву» [3. С. 27].

В 1879 г. в редакционной статье «Журнала гражданского и уголовного права» было заявлено, что «русская юридическая мысль пока еще в пеленках» [6. С. 1–2]. В 1882 г. Р. Иеринг в письме к русским издателям и вовсе охарактеризовал состояние российской юриспруденции как целинное: «Россия имеет для меня значение девственной научной почвы, воспринимательной насаждаемые мной семена науки легче, чем всякая иная, издавна возделываемая» [7. С. 2]. В 1880 г. К.Д. Кавелин объяснял недостаток внимания к теоретическим основаниям правоведения в России почти исключительно практическим и непосредственно утилитарным направлением юриспруденции и призывал теоретическое правоведение выйти из забвения и заброса [8. С. 82]. Критики утверждают, что в российской научной юриспруденции отсутству-

ет научная почва, наука беспредметно блуждает между метафизикой и законодательством, «теоретики занимаются исключительно формулами права, не заботясь об их фактическом содержании... Имея дело с формой без содержания, юриспруденция невольно превращается в схоластику, вредную для жизни». Но беда в том, замечает К.Д. Кавелин, что в науке права до сих пор нет определенности, в чем именно должна состоять новая постановка задачи и каким способом должна совершиться ожидаемая реформа. «Очевидно только, что предстоит более тесное сближение юриспруденции с другими общественными науками, преимущественно с политической экономией... вопрос только в том, как приняться за дело, с какой стороны к нему подойти?» [8. С. 110–111].

С.А. Муромцев также уже в начале своей научной карьеры выступил с заявлением о том, что наука гражданского права нуждается в обновлении – может быть, даже в большей степени, чем другие отрасли правоведения, поскольку в сфере государственных наук, у криминалистов и процессуалистов историко-философское направление находится на вполне прочной дороге. «Политический интерес господствует там не менее, если не более, интереса догматического и придает энергию научному исследованию предмета» [9. С. 224].

Первым специальным исследованием методологического характера в этот период была монография В.И. Сергеевича «Задача и метода государственных наук...» [10. С. 1871]. В ней, помимо критического разбора немецких школ государственного права, весьма сочувственно описана позитивистская методология Огюста Конта, Джона Стюарта Милля и Корн. Льюса (Льюиса Джорджа Корнуэлла), которая, по мнению автора, оставила далеко за собой все попытки немецких мыслителей установить правильные приемы исследования в области политики [10. С. 178]. Как отмечал П.И. Новгородцев, «в свое время эта книга... пользовалась огромной популярностью. Каждый юрист еще лет 20 тому назад считал своим долгом прочесть ее и усвоить, как некоторый *vademecum*, обязательный для того, кто хочет иметь ясное представление о задачах науки. ...Тут была целая программа, составленная в духе Конта и Милля. В сущности, далее программы дело не пошло; все ограничилось первыми листами курсов и добрыми пожеланиями» [11. С. 82–84].

С.А. Муромцев избрал свой путь, начав с конкретно-исторического исследования, посвященного характеристике юриспруденции Древнего Рима. На монографию В.И. Сергеевича его российский коллега сослался лишь по одному поводу – в связи с критикой Савиньи [9. С. 234; 12. С. 5].

Вообще, в основе теоретико-методологических изысканий С.А. Муромцева положены результаты исследований римского права [13. С. 177, 179; 14. С. 190–194; 15. С. 7–19; 16. С. 191–199]. Р. Иеринг в предисловии ко второму изданию «Духа римского права» от 23 января 1866 г. указывал, что его «цель есть не римское право, но право вообще, исследованное и сделанное наглядным на римском». Другими

словами, пояснял он, «моя задача принадлежит скорее философии и догматике права, чем его истории» [17. С. III]. Точно так же и С.А. Муромцев из истории римского права выводит необходимость новой науки, и на его материалах формулирует собственную концепцию. В этом отношении римское право предоставляло исследователю достаточно материала для выведения понятия права из организованной защиты. Как известно, «по римским воззрениям, только судебная защита наличного права давала этому последнему настоящую ценность и завершение. Но эта защита не связывалась в представлениях римских юристов неразрывно с самим материальным правом. Только в тех случаях, когда орган государства устанавливал возможность предъявления иска (*actio*) по делам известной категории, можно было говорить о праве, защищаемом государством. В этом смысле можно сказать, что римское частное право есть система исков» [18. С. 59].

С.А. Муромцев и сам утверждал, что все главные обобщения гражданского права вырабатывались и проверялись на римском праве. Будущему предстоит присоединить к этому материалу новые области и преобразовать изучение римского права в общую науку гражданского права. «Пока этого не случилось, наше внимание должно сосредоточиться на римском праве как зерне начинающейся науки» [19. С. 80]. Но спустя десятилетие он уже признавал, что сравнительно-историческое исследование оставляет за историей римского права «лишь двойное вспомогательное значение: она или подготавливает факты римского права, как материал, для сравнительно-исторического изучения, или же на фактах римского права проверяет справедливость обобщений, приобретённых путём такого изучения» [20. С. 148].

Труды исторической школы права С.А. Муромцев считал не только «первыми сильными проблесками научного исследования» [19. С. 74], но и образующими «до сего времени... основной элемент юриспруденции; тип исторического и догматического исследования, как бы он ни обозначился в трудах исторической школы, служит основным типом юридического исследования» [20. С. 140]. Важнейшим итогом учения Савиньи стало убеждение в том, что происхождение права стоит вне человеческого произвола [21. С. 2]. Однако Савиньи «далеко не ясно определил смысл закономерного развития или закона внутренней необходимости и тем стал причастен, конечно, образованию недоразумений» [9. С. 234; 12. С. 5]: отрицание произвола в процессе образования права было переделано Пухтой «в отрицание участия человеческой деятельности, а самый процесс объективирован» [9. С. 237; 12. С. 9].

К недостаткам исторической школы отнесено также нежелание искать «высшие обобщения относительно природы права», считая их достоянием философии [19. С. 73]. Она стремилась «проследить постепенное развитие права своего народа... и выяснить те результаты, к которым привело это развитие. На самом деле это было повторение прежней цели – понять действующие источники права» [19. С. 73]. Позднее

К.А. Кузнецов также указывал, что исторический метод «научил юриспруденцию интересоваться действующим, а не рационалистически строяемым правом» [22. С. 3]. В то же время, продолжал С.А. Муромцев, догма права «развивалась почти вне всякого положительного влияния исторических работ, превращая организм в логическую систему» [19. С. 75]. Благодаря Пухте право стало восприниматься как самостоятельно развивающийся организм, а организм права понимался в смысле логической системы юридических принципов, чем было положено начало новой догматической теории права [20. С. 142–143].

По оценке С.А. Муромцева, движение против застоя истории и игнорирования настоящего начинается в теоретической юриспруденции с конца 1840-х гг. [19. С. 75]. Новое, «практическое», направление требовало строить теории и принципы на основании сознательного изучения природы человека и общества. Следующий шаг заключался в изучении гражданского права в связи с другими областями общественной жизни; в поле зрения юристов попали другие правовые сферы, а также политэкономия, психология [19. С. 76]. Важнейшие достижения нового направления, сделанные Р. Иерингом, заключались в следующем: а) «правовые определения не даются нам сами собою, а составляют продукт нашего умственного труда» [19. С. 77]; б) «каждая юридическая норма представляет собою средство, цель которого состоит в защите какого-либо гражданского интереса; каждое право есть не иное что, как защищенный интерес» [19. С. 77; 20. С. 149]; в) «происходит постоянная борьба более целесообразных средств с менее целесообразными и, как результат этой борьбы, смена последних первыми» [19. С. 78; 20. С. 149]. Это борьба в области объективного права (юридических норм) и в сфере субъективного права (юридических отношений) [19. С. 78]; г) «юридические нормы представляют собою не абстрактные сущности, а лишь выражение того порядка, который господствует в жизни, и имеют значение лишь тогда, когда соответствующие им правоотношения обладают жизненностью» [19. С. 78].

Уже в 1875 г. В.И. Герье отмечал, что руководящей нитью для Муромцева в его первой работе «О консерватизме римской юриспруденции» были, во-первых, «замечание Иеринга, что консерватизм римлян <...> был одной из причин их юридического творчества» [23. С. 225], и, во-вторых, понятие о «юриспруденции» [23. С. 227], которая начинается у Иеринга «с первых попыток мысли подчинить явления практической жизни известным правовым нормам, совпадает с юридическим мышлением» [23. С. 228]. Непосредственным результатом изучения римской юриспруденции С.А. Муромцевым стали конкретизация и развитие идеи о ее консерватизме, под которым автор понимал склонность «сохранять по возможности долго, не стесняясь практическими требованиями гражданского оборота, раз установившиеся ассоциации юридических представлений» [21. С. 187]. Этот вывод приобретает у С.А. Муромцева общее значение – консерватизм обнаруживается на всех ступенях развития юриспруденции [24. С. 143].

Причиной древнейшего консерватизма С.А. Муромцев назвал «конкретность древнего мышления и склонность его к объективизму в созерцании существующих между людьми отношений» [21. С. 187]. Но «позднейший консерватизм есть, по его мнению, самостоятельная потребность юридического мышления, иначе говоря – юристов» [23. С. 244].

Для С.А. Муромцева чрезвычайно важно было указать на то, что правовые понятия не являются сами собою, не возникают органически из народного духа, а должны добываться трудом. Для иерингианца право состоит в непосредственной связи с жизнью народа, потребностями человека и его мышлением как источником и средством образования права. Поэтому С.А. Муромцев предложил различать, во-первых, причинную зависимость содержания юридических норм от потребностей гражданской жизни (на этой стороне вопроса он не останавливается) и, во-вторых, «акт формулирования юридических норм... Этот акт искания есть деятельность юридического мышления или юриспруденции в широком смысле и подлежит самостоятельному историческому исследованию» [21. С. 187]. История юриспруденции «должна определить область тех явлений права, которые обязаны своим происхождением не потребностям юридической жизни, а исключительно присущим юристам (и обществу) представлениям о природе юридических явлений, известным привычкам, свойственным юридическому мышлению, наконец, недостаткам последнего; необходимо определить законы исторического развития различных свойств юридического мышления и зависящих от них юридических явлений» [21. С. 4]. Неслучайно Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «первоначально, под влиянием успеха *Geist des Römischen Rechts*, г. Муромцев понимал историю права главным образом как историю развития юридического мышления» [5. С. 202].

Под юриспруденцией в широком смысле слова (юридическим мышлением) С.А. Муромцев подразумевал совокупность психической деятельности, направленной к отысканию и реализации норм, регулирующих гражданский оборот (совокупность фактических отношений внутри общества). Каждый правопорядок есть результат взаимодействия обоих элементов [9. С. 256]. Исследование, которое должно определить «происхождение самого содержания гражданского правопорядка», составляет вторую – труднейшую часть теории правообразования [9. С. 314]. Но эта часть остается за пределами его внимания.

В «Очерках общей теории гражданского права» автор вновь призывает отказаться от «объективирования» исторического процесса правообразования и обратить внимание на психический труд по формированию права. Обыденное мирозерцание забывает труд и борьбу, потраченные на образование какого-либо порядка. Следом «наука принимает обыденное воззрение за действительное объяснение предмета» [9. С. 239–240]. Между тем, указывает он, образование юридических норм всегда соединено с известной затратой психического труда, которая и является исторической причиной образования права [9. С. 250].

Концепцию правообразования как результата деятельности юриспруденции С.А. Муромцев противопоставляет «объективизму», который был устранен из теории образования права благодаря учению Р. Иеринга [20. С. 149]. Суть объективизма С.А. Муромцев определяет как «наклонность приписывать практическим идеям некоторое самобытное существование, мыслить их как некоторый самостоятельный, самобытный объект» [9. С. 239; 12. С. 11; 20. С. 44–99; 24. С. 27]. Обыденное мирозерцание забывает труд и борьбу, потраченные на образование какого-либо порядка, а следом «наука принимает обыденное воззрение за действительное объяснение предмета, самохарактеристику за верную характеристику» [9. С. 239–240; 12. С. 12]. В юриспруденции под влиянием исторической школы «объективизм» представлял право чем-то изначально готовым, вложенным в дух народа и саморазвивающимся [20. С. 149], вследствие чего «источники» права оказывались не формами образования, а только формами выражения права [12. С. 9].

Между тем право вырабатывается деятельностью человека и общества только путем «психического труда» [9. С. 255]. Каждый акт правообразования «обусловлен результатами предшествовавших ему актов и всеми сопровождающими его обстоятельствами, между которыми главное место принадлежит совокупности условий, вытекающих из природы человека и общества» [9. С. 255]. Задача психологии – «привести процесс правообразования... в согласие с теорией человека» [9. С. 256].

Необходимость поставить развитие гражданских институтов в тесную связь с экономическим строем общества и психологическим состоянием человека С.А. Муромцев отмечал уже в магистерской диссертации [19. С. 76]. В лекции «Римское право как предмет науки» он указывает, что новый важный шаг в развитии цивилистики заключался в привлечении политической экономии и психологии для объяснения явлений гражданского права. С развитием этого направления «юриспруденция приобретет твердую почву и критерий для своих выводов» [19. С. 76]. Но экономический аспект интересовал российского ученого в наименьшей степени «в силу его образования и душевных склонностей» [25. С. 14]. Согласно Муромцеву, юридическая норма появляется как результат совокупного действия многих факторов – это «воззрение на справедливость, состоящее в связи со всем умственным и нравственным строем общества», «государственный элемент народной жизни», соображения «технического свойства», определяющие в праве его технический элемент [9. С. 225]. «Экономические потребности часто играют далеко не первую роль и далеко не находят в возникшей юридической норме своего полного удовлетворения» [20. С. 145]. Экономизм страдает односторонностью, забывая «о психологическом нравственном и чисто практическом элементах права» [26. С. 3]. Как считал В.М. Нечаев, консерватизмом в римской юриспруденции Муромцев заинтересовался потому, что у римских юристов он «думал найти секрет» «творческой юриспруденции», «дорогу активного создателя нового права на

почве русской косности» [14. С. 188; 25. С. 3]. Вслед за Р. Иерингом С.А. Муромцев стремится объяснить особенности эволюции права Древнего Рима посредством психологической характеристики населения Вечного города и в особенности его юристов [21. С. 187]. Первенствующее влияние следует, по мнению С.А. Муромцева, приписать психологическому фактору и в процессе рецепции римского права в Западной Европе [20. С. 89–90].

Таким образом, можно утверждать, что на первом месте в его творчестве всегда стояло психологическое объяснение процессов правообразования. Не сводя всю совокупность факторов образования объективного права к психологии, С.А. Муромцев, тем не менее, считал, что этот процесс всегда соединен как с непременным условием с известной затратой психического труда. И именно эта затрата представляется автору «исторической причиной образования права» [20. С. 28] или, говоря другими словами, непосредственным источником формулирования именно данных конкретных правоположений.

Психологизм Муромцева являлся продолжением идей Р. Иеринга, который искал факторы, породившие римское право «в психологических свойствах личности данного времени и в организации данной общественной среды» [12. С. 148]. Сам Муромцев отмечал, что особенную цену трудам Иеринга дает его постоянное стремление ставить выводы, полученные путем изучения чисто юридического материала, в связь с обобщениями, принадлежащими другим областям социальной науки и психологии [26. С. 4]. В особенности это относилось к тем факторам, «которые коренятся в нравственных и умственных свойствах личности» [20. С. 149]. Свою роль в этом процессе сыграли, по мнению С.А. Муромцева, и ученики Гегеля. «Они указали, что источник историко-философского объяснения правовых институтов следует искать в природе человека. ...Главное дело было сделано, и так или иначе право введено в общение с психологией» [26. С. 38].

Психологический уклон С.А. Муромцева был отмечен уже его современниками. Характеризуя методологию С.А. Муромцева, М.М. Ковалевский справедливо указывал, что его «направление в широком смысле слова может быть названо не столько сравнительно-историческим, сколько психологическим» [13. С. 176]. «Посещая лекции Иеринга, Муромцев только укрепился в психологическом методе изучения юридического роста Рима» [13. С. 178]. Будучи романистом, он «в своей разработке римского права держался психологических объяснений» [13. С. 179]. В.М. Нечаев также подчеркивал: «Муромцев всегда и по преимуществу был склонен к психологическому объяснению исторических явлений... В методологических своих построениях он отводит психологии первенствующее место» [25. С. 13–14]. О ключевой роли психологического подхода в теории Муромцева писал и А.И. Каминка: Муромцев «говорит о том, “психическом труде”, который создает право, и именно в этом он видит “историческое отношение человека к праву”» [14. С. 197].

Психологизм Муромцева ограничивается в основном процессом правообразования. М.Н. Коркунов, указывая на сужение предметного поля правовой науки Муромцевым, отмечал, что для объяснения правовых явлений «одинаково необходимо как исследовать изменяющееся исторически содержание принципов права, так и определить общие свойства и элементы такого сознания обусловленной возможности, его психологическую основу и его социальное значение» [27. С. 42]. Отсутствие указанных элементов в теории С.А. Муромцева делает, по мнению Н.М. Коркунова, его определение права совершенно несостоятельным [27. С. 23].

В 1871 г. В.И. Сергеевич, подводя итог развитию государствоведения в Европе, писал: «смутные стремления сторонников соединенной методы, с одной стороны, к выведению свойств государства из свойств человеческой природы, а с другой, к наблюдению исторических явлений государственной жизни – приводятся в гармонию и получают ясную и совершенно правильную постановку только в “положительной методе”» [10. С. IV]. Именно по такой траектории шло развитие взглядов и С.А. Муромцева. Он также указывал, что основание теории правообразования в немецкой юриспруденции составилось из идей, выработанных философией истории и воспроизведенных в юриспруденции [12. С. 1]. Гегель и его ученики (Ганс) ввели в историю объяснение исторических фактов путем дедукции их из основных свойств человеческой природы. Работа исторической школы была соединена с работой естественной школы. «Дедуктивные выводы предлагалось проверять на истории, и факты истории освещать выводами из природы человека» [20. С. 144].

«Генетически» концепция С.А. Муромцева не была переложением философии позитивизма на юридический язык. Она формировалась на основе немецкой школы правоведения (отсюда и историко-философский метод), а позднее дополнялась и совершенствовалась на основе собственно позитивистской философии. До издания монографии «Определение и основное разделение права» в 1879 г. С.А. Муромцев преимущественно использовал характерное для немецкой школы юриспруденции понятие «историко-философский метод». Такое словосочетание почти тридцать раз встречается в «Очерках теории гражданского права». В монографии «Определение и основное разделение права» вместо него активно используется понятие «объективно-научный метод», более характерное для английской и французской научных школ. В обоих случаях речь идет об одном и том же позитивистском подходе к научному исследованию. Переход от историко-философского к объективно-научному исследованию отражал большее внимание С.А. Муромцева к англо-французскому позитивизму (в частности логике Дж. Ст. Милля).

«Главная задача г. Муромцева, – указывал Г.Ф. Шершеневич, – состоит в направлении гражданского правоведения на путь историко-сравнительный» [5. С. 202]. Об этом же пишет и В.Д. Зорькин: «Социологическая теория права, по С.А. Муромцеву,

строится в тесной связи с историко-сравнительным методом» [28. С. 141]. Эта оценка верна лишь отчасти. Саму историю как науку С.А. Муромцев оценивает достаточно скромно. Историческое правоведение лишь готовит материал для последующей научной обработки. Сравнительное изучение, согласно Муромцеву, не дает необходимого понимания природы права и его институтов. Оно «открывает в лучшем случае возможность определить фазы его последовательного развития, обусловленные общими, не национальными причинами» [9. С. 109]. Для обеспечения широты материала С.А. Муромцев предлагает исследовать право сохранившихся «низших цивилизаций», чтобы дополнить знания о прошлом “высших цивилизаций”, но не ограничиваться изучением одного прошедшего» [9. С. 221–222]. Максимум достоверных сведений, необходимых для обобщений, способна дать жизнь, современная исследователю [9. С. 224].

Ещё более важным автор называет параллельное сравнительно-историческое изучение (синхронный метод), которое открывает общие черты, одинаково присущие истории каждого права. Применение метода аналогии (восполнение пробелов в истории одного права «при помощи аналогий, заимствованных из истории других прав»), при соблюдении должной меры, является «вполне законным и могущественным методом исторического исследования» [20. С. 147]. Изучение права многих народов открыло общие черты истории каждого права и фазы развития права и отдельных правовых институтов. Тем самым история права приблизилась к раскрытию законов исторического развития права, войдя в соприкосновение с социологическим направлением в юридической науке, порожденным влияниями англо-французского позитивизма [20. С. 147–148]. Муромцев готов согласиться, что история в целом и историко-сравнительное исследование в частности приводят к открытию законов. Но это всего лишь «исторические» законы, основанные на методе простого перечисления; «в их числе одинаково могут быть и законы последовательности, и законы сосуществования» [29. С. 7–8].

В «Очерках общей теории...» С.А. Муромцев дал описание историко-философского подхода, разрабатываемого в Германии: его суть заключается в анализе фактов, произведенном через введение в исследование какого-либо данного, относящегося к природе человека или к существованию общества. Историко-философское исследование раскрывает связь, существующую между историческими явлениями и природою человека или общества» [9. С. 67–68, 223]. (О недоверии немецких ученых к опытному знанию и их желании пополнить и подкрепить результаты наблюдения философскими приемами писал и В.И. Сергеевич [10. С. 181].) Эта методологическая установка применима и к исследованию гражданского права: понимание законов развития его как группы явлений общественной жизни «должно быть достигаемо путем наблюдения и основанных на нем обобщений, подкрепляемых и расширяемых дедуктивными выводами из знаний, представляющих результат изучения других сторон народной жизни и человеческой природы» [19. С. 72].

Новизна данного тезиса условна. В.И. Сергеевич описал указанное требование, характеризуя методы исследования, принятые в английском и французском государствоведении, основанном на позитивизме: «Исключительная сложность, составляющая характеристическую особенность социальных феноменов, и невозможность произвольных опытов не позволяют довольствоваться, при изучении социальных фактов, одними приемами наведения (индукция), а делают еще необходимым обращение к выведению (дедукция). Правильная метода, таким образом, состоит в соединении наведения с выводением» [10. С. 191].

Вновь к пояснению смысла объективно-научного (историко-философского) исследования Муромцев возвращается в работе «Что такое догма права?». Законы истории, пишет он, полученные путем простого перечисления, т.е. чисто индуктивным путем (в их числе одинаково могут быть и законы последовательности, и законы сосуществования), требуется внести «на высшие обобщения психологии и социологии или, другими словами, соединить их в одно целое при помощи дедукции из психологических и социологических законов» [29. С. 8]. В данном случае мы видим точное следование методологическим указаниям Дж.Ст. Милля: «История... представляет эмпирические законы общества. А задача общей социологии – дознать эти законы и связать их с законами человеческой природы посредством дедукций» [30. С. 496]. В связи со стремлением оппонентов приравнять историю и догму к динамике и статике в позитивизме С.А. Муромцев, проясняет, что история права никоим образом не совпадает с динамикой, так же как и догма права не совпадает со статикой в позитивистском понимании. «Отношение истории к обеим частям социологии – и к динамике, и к статике – одинаковое: история дает тот материал, из дальнейшей переработки которого получают и динамические, и статические законы (хотя не на одной только истории они основываются)» [29. С. 7].

Принципы позитивизма, реализованные С.А. Муромцевым, были впервые в российской юриспруденции подробно описаны В.И. Сергеевичем, который указывал: задача наблюдения заключается в обнаружении и обобщении единообразия в сосуществовании и «последовании» явлений, на основе чего выводятся общие положения. Для этой цели необходимо осуществить сравнительное наблюдение одновременных явлений исторической жизни человека и присоединить к нему сравнение историческое, т.е. сопоставление различных ступеней последовательного изменения одного и того же общества [10. С. 206–207]. Однако все единообразия, открываемые путем сравнительно-исторического приема, не идут далее эмпирических законов [10. С. 212]. Они должны быть приведены в связь с законами человеческой природы, чтобы получить «значение законов общих, применимых и к новым случаям, которые будут оправданы дедуктивно из законов человеческой природы» [10. С. 214]. Таким образом, единственно возможный способ исследования социальных феноменов «состоит сперва в раскрытии эмпирических законов путем сравнитель-

но-исторического наведения, а затем уже в проверке полученных единообразий дедукцией, т.е. в указании, что на основании законов человеческой природы именно таковы должны быть производные законы человеческого развития, или, если такой строгой вывод не может иметь места, – что полученные единообразия, по крайней мере, согласуются с законами человеческой природы» [10. С. 215].

Новизна работ С.А. Муромцева в данном случае состояла не в изобретении нового метода, а в последовательном применении наработанных в немецкой юриспруденции и описанных в англо-французском позитивизме приемов к исследованию права. Пример такого исследования с описанием историко-философской (объективно-научной) методики, начиная с оценки исторического источника и заканчивая обобщениями, представлен в очерке «Об исследовании скрытых исторических фактов в применении к истории гражданского права» докторской диссертации С.А. Муромцева [9. С. 104–157].

Разграничение науки, политики и догмы в концепции С.А. Муромцева основано на коренном пересмотре предмета, задач (целей) и методологии правоведения с позиций позитивизма и историзма. В ранней лекции о римском праве С.А. Муромцев противопоставил позитивизм философско-правовым спекуляциям, весьма просто объяснив задачу науки: ее первый шаг – «чисто объективный, наблюдательный; она имеет целью определить, что есть». И только основываясь на таком знании, можно ответить на вопрос, что должно быть, к чему следует стремиться [19. С. 70; 24. С. 138]. Предмет правовой науки составляют законы исторического образования и развития права. Наука должна изучать общее направление постоянной смены форм общественной жизни, изучать законы преемственности правовых состояний [9. С. 250; 19. С. 70].

Исходное убеждение С.А. Муромцева состояло в том, что истинная наука может заниматься исключительно законами развития своего объекта. «Раскрытие же самого источника его закономерности, если только оно доступно человеческому уму, не входит в юриспруденцию. Составляя предмет высшей философии, оно не может быть предметом теории права» [9. С. 250–251]. Действительной, живой силой, которая производит право в истории, историческим источником права является деятельность отдельных лиц как членов общества. Наука призвана определить формы проявления этой силы «и законы, ею управляющие, т.е. отношение помянутых форм между собою, к условиям их возникновения и развития и к последствиям их» [9. С. 314].

Преимущественный интерес С.А. Муромцева к проблемам динамики права встретил непонимание и жесткую критику как со стороны представителей юридического позитивизма, так и со стороны Н.М. Коркунова за то, что Муромцев отождествил научное изучение права «с изучением историческим, так что практическому правоведению мы можем, с этой точки зрения, противопоставить как чистую науку только историю права» [27. С. 40–41]. Между тем, по мнению Н.М. Коркунова, «законы развития нельзя

считать единственными законами. Наука должна выяснить и законы недвижимого существования «наряду с динамическими законами и законы статические» [27. С. 41–42]. Как бы ни были изменчивы принципы права, для объяснения правовых явлений одинаково необходимо «как исследовать изменяющееся исторически содержание принципов права, так и определить общие свойства и элементы такого сознания обусловленной возможности, его психологическую основу и его социальное значение» [27. С. 42]. В то же время Н.М. Коркунов отметил, что и самые решительные приверженцы исключительно историко-научного изучения права приходят к такому пониманию. «Так, проф. Муромцев свое новейшее исследование (“Определение и основное разделение права”. – Л.Б.) посвятил ни чему иному, как именно выяснению свойств правовых явлений, совершенно оставляя в стороне исследование порядка смены правовых принципов» [27. С. 43]. Б.А. Кистяковский фактически повторил оценку Н.М. Коркунова, отметив, что «Муромцев не столько стремится установить социальные законы развития права, сколько пытается дать социально-научное учение о праве» [31. С. 209, 385].

Разграничение сущего и должного имело для С.А. Муромцева и другое значение. В магистерской диссертации и ряде других работ по римскому праву он исследовал процесс правообразования – происхождение объективного права. «С.А. Муромцев указал на то, что основная задача научного познания права заключается в исследовании причинных соотношений в процессе созидания права» [31. С. 163–164]. В книге «Определение и основное разделение права» он переходит от рассмотрения права в объективном смысле (обычное право, закон, право юристов) как относящегося к сфере долженствования к рассмотрению его в субъективном смысле (отношения, защищенные организованным способом). Юридические нормы составляют могущественный непосредственный фактор правового порядка, но не обязательно применяются в реальной жизни [24. С. 142–144]. «С исторической точки зрения называть правом следует совокупность только таких юридических норм, которые действительно применяются в жизни. Это и есть право действующее в строгом смысле этого слова» [12. С. 17]. Положительное право входит в его состав лишь настолько, насколько они применяются на практике отдельными лицами или судебной властью. Отсюда и выбор предмета исследования – не нормы как таковые, а «гражданско-правовые отношения и совокупность их, гражданско-правовые порядки, которые существовали и существуют в исторической действительности» [24. С. 62].

Краеугольным камнем положительной школы называет С.А. Муромцев разделение науки на две стадии: науку в строгом смысле слова и науку в смысле искусств или (в приложении к правоведению) политику права [32. С. 219–220]. Наука в строгом смысле слова (общее гражданское правоведение) не преследует никакой практической цели, но, руководствуясь исключительно требованиями любознательности, изучает законы развития гражданского права

[20. С. 121]. Задача социологического изучения (и статики, и динамики) состоит в построении научных законов. В отличие от догмы наука права оперирует не принципами права той или иной страны: предметом социологического изучения служат исторические (эмпирические) законы [28. С. 10]. Согласно С.А. Муромцеву, изучение сущего открывает законы в научном смысле этого слова (естественные законы или законы природы). Эти законы выражают единообразие, существующее в сочетании явлений, они неизменны и ненарушаемы, а их реализация неизбежна. Законы природы воспроизводятся в наших суждениях, которые лишь констатируют существующую связь, но действуют независимо от того обстоятельства, известны или неизвестны они человеку. Критика их не имеет смысла [33. С. 79–80]. В философско-историческом (общенаучном) смысле под законом подразумевается «постоянство, которое существует в силу природы вещей в отношениях между явлениями, или явлениями и их условиями и последствиями» [24. С. 28]. В качестве примера законов развития права как социального явления С.А. Муромцев в дискуссии с С.В. Пахманом и А.Х. Гольмстеном предложил следующие формулы: «...в жизни каждого народа период свободного развития юридических идей предшествует период формализма... такие-то изменения в гражданском обороте сопровождаются признанием преступности обмана... юриспруденция образованного общества склонна предполагать в каждом лице добросовестность» [29. С. 25–26]. Как иронично заметил Г.Ф. Шершеневич, «такая бедность установленных законов не смущает г. Муромцева и не удерживает его от заявления, что уже при современном состоянии науки гражданского права последняя обладает замечательными обобщениями» [5. С. 204].

Н.М. Коркунов видел коренной недостаток реформирования правовой науки в том, что с изменением вместе с методом и задачей самого предмета изучения «наука уже не может остаться сама собой. Заменяя один предмет изучения другим, мы уже более не обновляем науки, а прямо ставим на ее место другую, не имеющую с ней ничего общего» [27. С. 18]. Но Н.М. Коркунов, можно сказать, ломился в открытую дверь, поскольку автор новой теории и сам утверждал и до и после критики: «...будучи поставлено на положительную почву, правоведение представляется отделом социологии, который посвящен изучению юридической (организованной) защиты как одной из важнейших функций социального организма» [24. С. 155; 29. С. 7].

В «Очерках общей теории» 1877 г. С.А. Муромцев полемизирует с тем, что его кумир Р. Иеринг назвал «юриспруденцией понятий». Формально-юридический подход к праву, характерный для догмы, не только сводит право к совокупности норм объективного права (выраженного в законах, обычном праве и т.д.), но и ограничивает исследование права формально-логическими операциями с правовыми понятиями. Юрист «оперирует готовыми юридическими определениями, возводя их к логическому единству и слагая их в возможно стройную систему,

основанную на логическом родстве понятий. Следуя этому приему, догма совершенствует юридическую систему в том отношении, что перерабатывает конкретное и абстрактное, от определений восходит к институтам и понятиям; но здесь она не выходит за пределы данного ей круга идей и обрабатывает не столько современное действующее, сколько положительное право» [9. С. 96].

Вслед за критикой старой догматики С.А. Муромцев дал характеристику и новой, реформированной догматике, которая отрешается от своей цеховой, ремесленной замкнутости и из искусства становится наукой [9. С. 96]. Новый – критико-созидающий, прием «ведет к уяснению мотивов каждого определения и к толкованию их смысла сообразно мотивам; догма опирается в этом случае на историческую почву и рассматривает правоопределение как живое явление в процессе развития данного общества». Критика «оценивает также целесообразность самих этих стремлений с точки зрения общих культурных задач данного времени» и ведет юриста дальше – к совершенствованию правовых определений [9. С. 96–97; 24. С. 38]. Конструктивный прием «принимает за исходную точку разрозненные выражения какой-либо впервые пробивающейся юридической идеи и развивает их в целый институт сообразно современным потребностям гражданского оборота и воззрениям на справедливость» [9. С. 97]. «Кроме толкования, критики и развития положительных определений, он уполномочен к свободному творчеству на самостоятельной почве. Судебная практика, обязанная найти всегда необходимый закон, хотя бы он не был написан в законах, дает реальную опору такому творчеству» [9. С. 97–98]. Научная теоретическая догма должна оперировать всеми названными приемами и воспроизвести в своей системе действительное соотношение отдельных институтов и определений [9. С. 98].

В последующем из этого различия старой и новой (критико-созидающей) догмы выросла концепция двух догм. «Догма права в строгом смысле есть исследование какого-либо действующего права в интересах применения его на практике» [29. С. 11]. Она «представляет в надлежащей стройности тот правовой порядок, который юрист-практик должен осуществлять в своей деятельности» [29. С. 8]. Составляя отрасль юридического искусства, догма не может претендовать на то, что в ней признавали науку в строгом смысле этого слова. Догма права («гражданских правоопределений») складывается на основании положений политики права: «гражданско-правовая политика определяет цели и приемы, которыми должны руководствоваться гражданский законодатель и судья». В свою очередь догма «излагает действующие в стране правоопределения в таком виде и по такой системе, которые прямо отвечают требованиям гражданско-судебной политики» [24. С. 27–28]. Г.Ф. Шершеневич по этому поводу справедливо отметил, что таким образом у Муромцева наблюдается «сближение между догмой и законодательной политикой как двумя отраслями гражданско-правовой политики» [34. С. 88].

Однако догма, согласно С.А. Муромцеву, имеет и другое значение. Догма («описательное гражданское

правоопределение») является подготовительной стадией к науке, которая «описывает в правильной системе факты гражданского права» [24. С. 27–28]. Догма права есть не что иное, как описание настоящего, история настоящего [19. С. 75]. В 1884–1885 г. С.А. Муромцев более четко изложил свою позицию: общая догматическая теория (догма) – это «систематическое изложение начал (принципов) действующего права какой-либо страны и какого-либо времени. Такое изложение описывает, обобщает, определяет и классифицирует». Оно не является исследованием законов в научном смысле слова, но может быть подготовительной стадией для индукции и дедукции, чем должно заниматься правоопределение как часть социальной науки [29. С. 8, 22].

В качестве примера историко-догматического подхода к изучению права можно привести книгу С.А. Муромцева «Гражданское право древнего Рима». Историко-догматические сочинения не претендуют на практическое применение в качестве источников права, однако весьма полезны при исследовании системы и эволюции права. Но такое же значение для объективно-научного изучения права могут иметь и догматические сочинения на основе действующего законодательства [35].

Догма изучает должное – веления или правила поведения. Исходным материалом общей догматической теории являются правила, разнообразные юридические формы, своею совокупностью образующие право» [29. С. 19]. Правила поведения выражают должное в противоположность только существующему. Они требуют поступать известным образом при известных условиях, воспроизводятся в велениях, а не суждениях и обладают свойством понудительности: веление постулирует желательную связь. Для того чтобы подчиниться правилу поведения, человек должен так или иначе сознать его; правила поведения могут быть нарушены, они подлежат критике [33. С. 79–80].

Закон (государственное постановление) относится к области явлений, но не к области законов в научном смысле [24. С. 31]. Юридический принцип, как и конкретная норма, составляет продукт человеческой деятельности и указывает на то, что должно быть. Это всего лишь обобщенное описание или выражение совокупности общих свойств (общего смысла) существовавшего или существующего порядка, правил, отношений, действий [24. С. 29–30]. «Принцип есть юридическая норма, обнимающая своим содержанием общие существенные черты многих частных правил или норм» [29. С. 13], и в таком качестве не содержит в себе ничего сверх тех частных правил, которые он обобщает [29. С. 15].

Под догмой подразумевается систематическое изложение начал (принципов) действующего права [29. С. 8]. Метод догмы в строгом смысле – формально-логический. Традиционная догма пассивно воспроизводила юридические определения [9. С. 96]. Она «...оперировала не столько над реальным существом институтов, сколько над смыслом их названий... Тот же характер сохраняла и систематика гражданского права» [20. С. 125].

Догматическое исследование состоит из описания разнообразных юридических форм, образующих в совокупности право. Процесс догматического освоения права включает в себя описание [29. С. 11–12], обобщение [29. С. 17], определение [20. С. 123–125], классификацию [29. С. 18]. Догма «должна ограничиться сравнением тех гражданских законодательств, которые стоят на уровне современного развития гражданской жизни образованных наций» [29. С. 19]. Обобщая их, догматик вырабатывает принципы (или начала), т.е. нормы более общего характера. Задача догматической теории – дать правила и определения практику и облегчить ему его дело [29. С. 19].

В дискуссии с А.Х. Гольмстеном и С.В. Пахманом С.А. Муромцев указывал, что «в догме нет ничего индуктивного и ее обобщения суть не более как обобщения понятий и предложений» [29. С. 11, 21]. А его оппоненты смешивают процесс образования общих понятий с индуктивным обобщением и не отличают словесных предложений от реальных [29. С. 19–21]. Настоящая же (несовершенная, в смысле Дж.Ст. Милля и А. Бэна) индукция заключается в обобщении реальных явлений.

Исследование методологических оснований теории С.А. Муромцева показывает безусловную значимость его изысканий теоретико-методологического характера как с точки зрения истории юридической науки, так и с точки зрения развития современной теоретической юриспруденции в России. Формирование социологической концепции С.А. Муромцева произошло в первую очередь на основе юридических исследований по истории и догме римского права. Исходный пункт исследований – факторы образования объективного права в Древнем Риме. Локальный сюжет и вывод о консерватизме как психологической особенности и факторе правообразования, сделанный на основе концепции Иеринга и исследований Муромцева, стали отправной точкой для выработки собственной концепции права российского ученого. Римское гражданское право с характерным для него особенным значением исковой защиты стало конкретным историческим материалом для толкования права как защищенного интереса (Р. Иеринг), или отношения, защищенного организованным способом (С.А. Муромцев).

Еще один вывод – о роли юридического мышления (юриспруденции в широком смысле) в процессе правообразования, о том, что непосредственным (ко-

нечным) источником права является юриспруденция (при осознании роли экономических и иных факторов), – сделанный также на римском материале, и сегодня может служить ориентиром в социологическом исследовании процесса правообразования.

Социологическая концепция права была выстроена С.А. Муромцевым в первую очередь на основании критического анализа главных линий развития немецкой юриспруденции – гегельянства, исторической школы, практического направления и работ Р. Иеринга. В последующем более активно использовалась непосредственно методология позитивистской философии. Очевидное подтверждение этому – терминологический переход от историко-философского к объективно-научному методу.

В оценке историзма С.А. Муромцева и применения им исторического и историко-сравнительного метода следует учитывать, что ученый, будучи последовательным сторонником позитивистской методологии считал принципиально важным дополнение и проверку исторического знания (законов истории) данными о природе человека и общества, т.е. применением общих априорных положений или, другими словами, дополнение индукции дедукцией из психологических и социологических законов. Еще один важный момент научной методологии С.А. Муромцева – так называемый психологизм, ориентированный в первую очередь на объяснение процессов правообразования.

Б.А. Кистяковский указывал, что «наряду с чисто социологической задачей – исследовать законы возникновения и развития права – существует гораздо более важная научно-теоретическая задача – исследовать те причинные соотношения, которые обуславливают самое существо права» [31. С. 386]. Сегодня вполне очевидно, что «социально-научное учение о праве» не может ограничиваться определением права и его разделением. За пределами исследования в таком случае остается проблема функционирования права в его связи с обществом и государством (что, собственно, и должно составлять статику). В то же время отсутствие решения указанной проблемы нельзя ставить в упрек С.А. Муромцеву – он проделал важнейшую работу, развернув исследование права в социологическом направлении и предложив соответствующее определение права. В том, что российская правовая наука не так далеко продвинулась в эту сторону, нет вины выдающегося юриста.

Список источников

1. Кистяковский Б.А. Право, как социальное явление. М. : Типолиграфия Т-ва «Владимир Чичерин», 1911. 17 с.
2. Гревцов Ю.И. С.А. Муромцев и его труд «Определение и основное разделение права» // Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. СПб. : Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2004. С. 8–15.
3. Думашевский А.Б. Наше правоведение – что оно и чем оно должно быть // Журнал Министерства юстиции. 1867. Т. XXXI, № 1. С. 3–32.
4. Мальшев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. I. 2-е изд., исправ. и доп. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1876. 454 с. (вступительная лекция, прочитана в Санкт-Петербургском университете 11 сентября 1873 года).
5. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань : Тип. имп. ун-та, 1893. [2], 243, [1] с.
6. От редакции // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. № 1. С. 1–6.
7. Иеринг Р. Письмо к русским издателям его книги «Цель в праве» // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. № 2. С. 1–3.
8. Кавелин К.Д. Какое место занимает гражданское право в системе права вообще? // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Книга первая. Январь–февраль. С. 80–114.
9. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права // Избранные труды. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 600 с.

10. Сергеевич В.И. Задача и метод государственных наук. Очерки современной политической литературы. М. : Типография Грачева и К°. 1871. VIII, 231, 1 с.
11. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М. : Типография Вильде, 1904. 108 с.
12. Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. 2-е изд., исправ. и доп. М. : Типография А. И Мамонтова и К°, 1886. 98, II с.
13. Ковалевский М.М. Речь // Протокол заседания общего собрания юридического общества, посвященного памяти почетного члена общества С.А. Муромцева. Труды юридического общества при императорском С.-Петербургском университете. Т. IV: Второе полугодие 1910. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. С. 176–187.
14. Каминка А. И. Речь. Протокол заседания общего собрания юридического общества, посвященного памяти почетного члена общества С.А. Муромцева // Труды юридического общества при императорском С.-Петербургском университете. Том. IV. Второе полугодие 1910 г. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1912. С. 187–201.
15. Рудоквас А.Д. Сергей Александрович Муромцев и его книга «Гражданское право Древнего Рима» // Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М. : Статут, 2003. С. 7–19.
16. Батиев Л.В. Римское право и развитие юридической науки в концепции С.А. Муромцева // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 191–199. doi: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.191-199
17. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Перевод с третьего исправленного немецкого издания. СПб. : В типографии В. Безобразова и комп., 1875. X, 309 с.
18. Римское частное право. М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 583 с.
19. Муромцев С.А. Римское право, как предмет науки // Журнал гражданского и уголовного права. 1875. Кн. 6: Ноябрь–декабрь. С. 66–80.
20. Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. М. : Типография А.И. Мамонтова и К°, 1886. IV, 150. V с.
21. Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права. М. : Типография А.И. Мамонтова и К°, 1875. 189 с.
22. Кузнецов К.А. К характеристике исторической школы юристов. Одесса : Тип. «Техник», 1914. 19 с.
23. Герье В.И. Консерватизм у римлян. Опыт по истории римского права. С. Муромцева. Москва, 1875 // Вестник Европы. 1875. Т. 5, № 9 (сентябрь). С. 224–268.
24. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. 2-е изд. СПб. : Издательский дом СПб. гос. ун-та ; Изд-во юрид. факультета СПбГУ, 2004. 224 с.
25. Нечаев В.М. С.А. Муромцев как ученый и профессор. СПб. : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1910. 16 с.
26. Муромцев С.А. О владении по римскому праву. По поводу сочинения Иеринга // Журнал гражданского и уголовного права. 1876. Книжка четвертая. Июль–август; Книжка пятая. Сентябрь–октябрь; Книжка шестая. Ноябрь–декабрь. С. 1–41.
27. Коркунов Н.М. О научном изучении права // Сборник статей Н.М. Коркунова. 1877–1897. СПб., 1898. С. 17–64.
28. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. 270 с.
29. Муромцев С.А. Что такое догма права? М. : Типография А.И. Мамонтова и К°, 1885. 35 с.
30. Милль Дж. Ст. Система логики. Пер. с 5 издания. Т. II. СПб. : Издание М.А. Вольфа, 1867. 537, VIII с.
31. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998.
32. Муромцев С.А. Еще разъяснение // Юридический вестник. 1880. Т. III. Январь. С. 219–221.
33. Муромцев С.А. Основы гражданского права. Человек и общество. М. : Типография о-ва распр. полезн. книг. Преемник В.И. Воронов, 1908. 102 с.
34. Шершеневич Г.Ф. С.А. Муромцев, как ученый // Сергей Андреевич Муромцев : сб. ст. М., 1911. С. 80–91.
35. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима: Лекции. М. : Типография А.И. Мамонтова, 1883. 697 с., [XXXV].

References

1. Kistyakovskiy B.A. Pravo, kak socialnoe yavlenie. M. : Tipolitografiya T-va «Vladimir Chicherin», 1911. 17 s.
2. Grevcov Yu.I. S.A. Muromcev i ego trud «Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava» // Muromcev S.A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava. Izd. 2-e, dop. SPb. : Izd. Yuridicheskogo fakulteta SPbGU, 2004. S. 8–15.
3. Dumashevskiy A.B. Nashe pravovedenie – chto ono i chem ono dolzhno byt // Zhurnal ministerstva yusticii. 1867. T. XXXI. № 1. S. 3–32.
4. Malyshev K. Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva, t. I. Izd. 2 ispravlennoe i dopolnennoe. SPb.: Tip. Stasyulevicha, 1876. 454 s. (vstupitelnaya lekciya, prochitana v Sankt-Peterburgskom universitete 11 sentyabrya 1873 goda).
5. Shershenevich G.F. Nauka grazhdanskogo prava v Rossii. Kazan: Tip. imp. un-ta, 1893. [2], 243, [1] s.
6. Ot redakcii // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava. 1879. № 1. S. 1–6.
7. Iering R. Pismo k russkim izdatelyam ego knigi «Cel v prave» // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava. 1882. № 2. S. 1–3.
8. Kavelin K.D. Kakoe mesto zanimaet grazhdanskoe pravo v sisteme prava voobshche? // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava. 1880. Kniga pervaya. Yanvar-fevral. S. 80–114.
9. Muromcev S.A. Ocherki obshchey teorii grazhdanskogo prava // Muromcev S.A. Izbrannye trudy. M. : Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. 600 s.
10. Sergeevich V.I. Zadacha i metoda gosudarstvennyh nauk. Ocherki sovremennoy politicheskoy literatury. M. : Tipografiya Gracheva i K°. 1871. VIII, 231, 1 s.
11. Novgorodcev P.I. Iz lekciy po obshchey teorii prava. Chast metodologicheskaya. M. : Tipografiya Vilde, 1904. 108 s.
12. Muromcev S.A. Obrazovanie prava po ucheniyam nemeckoy yurisprudencii. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. M. : Tipografiya A. I Mamontova i K°, 1886. 98, II s.
13. Kovalevskiy M.M. Rech // Protokol zasedaniya obshchego sobraniya yuridicheskogo obshchestva, posvyashchennogo pamyati pochetnogo chlena obshchestva S.A. Muromceva. Trudy yuridicheskogo obshchestva pri imperatorskom S.-Peterburgskom universitete. T. IV (Vtoroe polugodie 1910). SPb. : Tip. M.M. Stasyulevicha, 1912. S. 176–187.
14. Kaminka A. I. Rech. Protokol zasedaniya obshchego sobraniya yuridicheskogo obshchestva, posvyashchennogo pamyati pochetnogo chlena obshchestva S. A. Muromceva // Trudy yuridicheskogo obshchestva pri imperatorskom S.-Peterburgskom universitete. Tom. IV (vtoroe polugodie 1910 g.). SPb. : Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1912. S. 187–201.
15. Rudokvas A.D. Sergey Aleksandrovich Muromcev i ego kniga «Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima» // Muromcev S.A. Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima. M. : Statut, 2003. S. 7–19.
16. Batiev L.V. Rimskoe pravo i razvitie yuridicheskoy nauki v koncepcii S. A. Muromceva // Aktualnye problemy rossiyskogo prava. 2019. № 8. S. 191–199. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.191-199.
17. Iering R. Duh rimskogo prava na razlichnyh stupenyah ego razvitiya. Perevod s tretego ispravlennoego nemeckogo izdaniya. SPb. : V tipografii V. Bezobrazova i komp., 1875. X, 309 s.
18. Rimskoe chastnoe pravo. M. : Yuridicheskoe izdatelstvo ministerstva yusticii SSSR, 1948. 583 s.
19. Muromcev S.A. Rimskoe pravo, kak predmet nauki // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava. 1875. Kn. 6. Noyabr-dekabr. S. 66–80.
20. Muromcev S.A. Recepciya rimskogo prava na Zapade. M. : Tipografiya A.I. Mamontova i K°, 1886. IV, 150. V с.

21. Muromcev S.A. O konservatizme rimskoy yurisprudencii: Opyt po istorii rimskogo prava. M. : Tipografiya A. I. Mamontova i K^o, 1875. 189 s.
22. Kuznecov K.A. K karakteristike istoricheskoy shkoly yuristov. Odessa: tip. «Tekhnika», 1914. 19 s.
23. Gere V.I. Konservatizm u rimlyan. Opyt po istorii rimskogo prava. S. Muromceva. Moskva, 1875 // Vestnik Evropy. 1875. T. 5. № 9 (sentyabr). S. 224–268.
24. Muromcev S.A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava. 2-e izd. SPb. : Izdatelskiy dom S.-Peterb. gos. Un-ta, Izd-vo yuridicheskogo fak-ta SPbGU, 2004. 224 s.
25. Nechaev V.M. S.A. Muromcev kak uchenyy i professor. SPb. : Tip. Tovarishchestva «Obshchestvennaya polza», 1910. 16 s.
26. Muromcev S.A. O vladenii po rimskomu pravu. Po povodu sochineniya Ieringa // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava. 1876. Knizhka chetvertaya. Iyul – avgust. Knizhka pyataya. Sentyabr – oktyabr. Knizhka shestaya. Noyabr – dekabr. S. 1–41.
27. Korkunov N.M. O nauchnom izuchenii prava // Sbornik statey N.M. Korkunova. 1877-1897. SPb., 1898. S. 17–64.
28. Zorkin V.D. Pozitivistskaya teoriya prava v Rossii. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1978. 270 s.
29. Muromcev S.A. Chto takoe dogma prava? M. : Tipografiya A.I. Mamontova i Ko., 1885. 35 s.
30. Mill Dzh. St. Sistema logiki. Per. s 5 izdaniya. T. II. SPb. : Izdanie M.A. Volfa, 1867. 537, VIII s.
31. Kistyakovskiy B.A. Filosofiya i sociologiya prava. SPb., 1998.
32. Muromcev S.A. Eshche razyasnenie // Yuridicheskiy vestnik, 1880. T. III. Yanvar. S. 219–221.
33. Muromcev S.A. Osnovy grazhdanskogo prava. Chelovek i obshchestvo. M. : Tipografiya o-va raspr. polezn. knig. Preemnik V. I. Voronov, 1908. 102 s.
34. Shershenevich G.F. S.A. Muromcev, kak uchenyy // Sergey Andreevich Muromcev. Sb. statey. M., 1911. S. 80–91.
35. Muromcev S.A. Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima: Lekcii. M. : Tipografiya A. I. Mamontova, 1883. 697 s., [XXXV].

Информация об авторе:

Батиев Л.В. – канд. юрид. наук, зав. лабораторией политологии и права Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: batiev@ssc-ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Batiev L.V., Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences (Rostov-ov-Don, Russian Federation). E-mail: batiev@ssc-ras.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.07.2021;
одобрена после рецензирования 08.09.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.07.2021;
approved after reviewing 08.09.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 347.42
doi: 10.17223/15617793/474/28

Иновационные медицинские технологии и реализация права на жизнь и здоровье (на примере вакцинации): гражданско-правовой аспект

Наталья Владимировна Кравченко

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия kravchenko-nv46@yandex.ru

Аннотация. Анализируется правовое регулирование института охраны и защиты права на жизнь и здоровье через призму проведения вакцинации населения. Применение вакцин от COVID-19 признается инновационной медицинской технологией, делается вывод о том, что защита здоровья и жизни человека как нематериального блага при наступлении деликта должна осуществляться через институт ответственности. В результате исследования сформулирована дефиниция «медицинская технология», сделаны выводы о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ, законодательство об охране здоровья.

Ключевые слова: инновационная медицинская технология, источник повышенной опасности, COVID-19, вакцинация, гражданско-правовая ответственность

Для цитирования: Кравченко Н.В. Иновационные медицинские технологии и реализация права на жизнь и здоровье (на примере вакцинации): гражданско-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 255–262. doi: 10.17223/15617793/474/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/28

Innovative Medical Technologies and the Enforcement of the Right for the Life and Health (vaccination case) in the Civil Law Aspect

Natalia V. Kravchenko

Southwest State University, Kursk, Russian Federation, kravchenko-nv46@yandex.ru

Abstract. Innovative medical technologies are rapidly introduced into everyday life, so for civil science it is very important to anticipate and reflect any potential threats to their use. The purpose is to study the ways to modernize the safeguarding arrangements and the institutions protecting the right for life and human health through the prism of vaccination of the population taking into account the possible risks and the degree of legislative elaboration of the legal mechanisms for the protection of patients' rights.

By means of analysis and synthesis methods the article analyzes the statutory instruments that regulate basic principles, procedures and consequences of vaccination. The use of the dialectical method allows the authors to identify the contradictions in the enforcement of health protection legislation and immunoprophylaxis in conjunction with the norms of civil law; the systematic approach guaranteed a structured presentation of the material. Formal legal and functional methods provided for an overall systematization of the studied legal relations, and helped to formulate the definition of "medical technology" as an object of civil law with its functions, application safety aspects and responsibility for shortcomings.

Though the role of medical technologies in the protection and security of human health is steadily increasing, there is a lack of doctrinal researches on the civil law specifics of their application. Having recognized medical technology as an object of civil law, the author formulated its content and proposed to legalize it in the Federal Law "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation". The author defines vaccination with immunobiological medical products as a medical technology component and a medical service and concentrates on the deficiency of the legislative consolidation of safety criteria and their provision quality accessed by the degree of achievement of the planned result (the presence of immunity). In this regard it is proposed to introduce a mandatory free testing for the presence of antibodies and to develop a vaccination procedure with clear indication of the quality criteria for this type of service.

It is concluded that the use of Section III of Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation and the Law on Consumer Protection cannot meet the of proportionality and fairness criteria and reflect the specifics of the use of innovative medical technologies, therefore, it is proposed to apply the provisions of Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation before the development and implementation of mandatory requirements for vaccination against COVID-19, i.e., the protection of intangible rights should be carried out through the institution of liabilities for the risks caused by a hazardous source. The paper also contains special proposals for improving Russian legislation and some conclusions on the amendments to the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: innovative medical technology, hazardous source, COVID-19, vaccination, civil law liability

For citation: Kravchenko, N.V. (2022) Innovative Medical Technologies and the Enforcement of the Right for the Life and Health (vaccination case) in the Civil Law Aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 255–262. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/28

Защита населения от всевозможных угроз, в том числе и от эпидемий различного рода, является насущной задачей государства. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 (далее – COVID-19) детерминировала необходимость разрешения новых задач по сохранению жизни и здоровья граждан в условиях вызова всему человечеству.

Институт охраны и защиты прав граждан на жизнь и здоровье носит комплексный характер и нашел свое закрепление в отечественных правовых актах различной юридической силы и отраслей законодательства. Право на жизнь и здоровье как фундаментальная основа жизнедеятельности человека отражено в Конституции Российской Федерации (ст. 7, 20, 41). Гражданский кодекс Российской Федерации (далее ГК РФ) причисляет жизнь и здоровье граждан к нематериальным благам, предоставляя использование для их защиты любые средства и способы (ст. 12, п. 2 ст. 150). Дефиниции «здоровье» и «охрана здоровья» раскрыты в ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ о здоровье) и еще раз подтверждают их социальную значимость и обуславливают приоритетность направления государственной политики в области здравоохранения.

Вышеизложенное свидетельствует о неразрывной связи конституционного, гражданского и медицинского законодательства в контексте правового регулирования института охраны и защиты прав граждан на жизнь и здоровье и опосредуется проявлением регулятивных норм различных отраслей права. Защита жизни и здоровья в условиях пандемии гражданско-правовыми способами может эффективно осуществляться лишь при условии качественного законодательства, способного оперативно реагировать на непредвиденные вызовы. Вместе с тем теория гражданского права в настоящее время испытывает недостаток в разработке новых подходов разрешения проблем в экстраординарных условиях охраны и защиты прав граждан на жизнь и здоровье.

Комплексный институт охраны и защиты прав граждан на жизнь и здоровье опосредует несколько правовых концептов: «охрана прав», «защита прав», «право на жизнь» и «право на здоровье» [1. С. 124; 2. С. 86]. Несмотря на различие правосодержательных составляющих, вышеуказанные компоненты образуют единое и взаимообусловленное целое, поскольку, во-первых, здоровье как самостоятельная правовая категория тесно связано с жизнью и правомочие по владению здоровьем граждане осуществляют в течение всей жизни. Во-вторых, право на жизнь и право на здоровье подлежат охране от посягательств третьих лиц и защите со стороны государства, гражданско-правовое регулирование имеет общие способы и основания. В-третьих, и охрана права, и защита права представляют собой самостоятельные правовые категории, вместе с тем они являют собой комплекс прин-

ципов, правовых институтов и гарантий, обеспечивающих беспрепятственную реализацию прав и их восстановление в случае нарушения. В-четвертых, право на жизнь и здоровье как неимущественные права характеризуются, с одной стороны, признанием индивидуальности личности, с другой стороны, общественным интересом [3. С. 13].

Признавая на законодательном уровне вышеуказанные права как жизненно необходимые и неотъемлемые блага, государство разрабатывает и закрепляет соответствующие правовые механизмы, способствующие качественной и активной жизнедеятельности человека в условиях благоприятной окружающей среды. В нашей стране принят ряд законов, в рамках которых зафиксированы государственные обязательства по обеспечению соответствующих условий, например: общие организационно-правовые нормы в области защиты граждан от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера устанавливается Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; правовые основы государственной политики в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения страны закреплены в Федеральном законе от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – ФЗ об эпидблагополучии); дальнейшее закрепление государственных обязательств в области иммунопрофилактики инфекционных болезней, осуществляемой в целях охраны здоровья, нашло отражение в Федеральном законе от 17.09.1998 № 157 «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (далее – ФЗ об иммунопрофилактике). В силу перечисленных Федеральных законов реализация права на жизнь и здоровье сочетает в себе объемный спектр мер, обеспечивающих собственнику неимущественных благ как их неприкосновенность, так и охрану, и защиту со стороны государства. Вышеуказанные правовые акты послужили фундаментом правового регулирования принятых Российской Федерацией в 2020–2021 гг. мер по борьбе с национальной эпидемиологической угрозой.

Пандемия COVID-19 обозначила ряд медицинских сложностей в реализации права на жизнь и здоровье. Россия, как и большинство стран, столкнулась с отсутствием определенного протокола лечения COVID-19 и его последствий. Общеизвестно, что несвоевременное оказание медицинской помощи может причинить вред здоровью человека и, как следствие, его жизни, а ежедневная официальная статистика о смертности населения от коронавируса лишь подтверждает серьезность происходящего. COVID-19 также вскрыл ряд правовых проблем в реализации прав граждан Российской Федерации на жизнь и здоровье, например, связанных с исполнением режима самоизоляции или лечением больного коронавирусом

на дому вместо стационара [4. С. 48; 5. С. 116]; остаются неурегулированными процесс контроля за тестированием результатов массовой вакцинации и гарантии защиты права граждан на защиту биологических данных [6. С. 29]; правовому регулированию подлежит защита персональных данных о вакцинированных гражданах [7].

Предотвращение распространения COVID-19 через профилактику коронавируса путем вакцинации до сих пор рассматривается как единственный способ охраны и защиты прав граждан страны на здоровье и жизнь в свете эпидемии мирового масштаба, позволяет за счет достижения коллективного иммунитета прервать цепочку распространения заболевания. Несмотря на то что с момента начала массовой вакцинации в России (18 января 2021 г.) прошел год, есть ряд проблем в сфере охраны и защиты прав граждан на жизнь и здоровье гражданско-правового характера, которые проявились в этот период в теории гражданского права и требуют детальной проработки.

Вакцина является иммунобиологическим лекарственным препаратом (ст. 1 ФЗ об иммунопрофилактике, п. 7 ст. 4 Федерального закона от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – ФЗ о лекарственных средствах)), применяется для создания специфической невосприимчивости к инфекционным болезням путем проникновения в органы, ткани человека.

Вместе с тем в настоящее время при их создании используются новые биотехнологии, такие как технологии рекомбинантных ДНК, секвенирование ДНК, моноклональных антител и др. Группа ученых (Г.Г. Онищенко, Т.Е. Сизикова, В.Н. Лебедев, С.В. Борисевич) проанализировала пути создания вакцин против COVID-19 в мире и констатировала, что с учетом особенной молекулярно-биологической характеристики коронавируса «количество возможных путей создания вакцин нового поколения, включающих выбор платформы, выбор дизайна вакцины и способа ее получения, а также оценки предполагаемой эффективности вакцины при проведении доклинических исследований настолько велико, что каждую отдельную методику получения вакцины можно рассматривать в качестве самостоятельной научной разработки» [8. С. 220].

В России на текущий момент зарегистрированы семь вакцин от коронавируса: «Гам-КОВИД-Вак», «Гам-КОВИД-Вак-Лео», «Спутник Лайт», «Гам-КОВИД-Вак-М» (НИЦ эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи), «КовиВак» (Центр им. Чумакова), «ЭпиВакКорона» и «ЭпиВакКорона-Н» (Новосибирский центр «Вектор»). Инновационность разрабатываемых иммунобиологических препаратов против COVID-19 состоит в том, что многие вакцины разработаны с помощью генетических методов и не имеют опыта длительного применения [9]. В этой связи полагаем целесообразным исследовать проводимую в стране вакцинацию новыми иммунобиологическими препаратами как внедряемую инновационную медицинскую технологию, в том числе с позиции

возможных рисков и степени правовой проработанности механизмов защиты прав пациентов в случае причинения вреда жизни и здоровью. Этот вопрос является актуальным в свете придания вакцинации статуса обязательности для многих граждан.

Прежде чем говорить о проблеме безопасности использования инновационных медицинских технологий, необходимо определиться с юридической дефиницией «медицинская технология». Несмотря на тот факт, что в последних нормативных актах все чаще встречаются нормы о внедрении инновационных, биомедицинских и новых технологий, сами термины «медицинская технология» или «инновационная медицинская технология» отраслевое законодательство не раскрывает. В ФЗ о здоровье определена дефиниция «телемедицинские технологии» (ст. 2); упоминаются: сложные медицинские технологии, клеточные технологии, информационные технологии (ст. 34), технологии искусственного интеллекта (ст. 36.1), вспомогательные репродуктивные технологии (ст. 55).

Термин «медицинская технология» носит комплексный характер, поскольку затрагивает различные сферы правоотношений в области охраны здоровья и, соответственно, как пишет А.А. Мохов, включает в себя методы, способы и приемы воздействия на организм человека, его клетки и ткани для достижения задач конкретного медицинского вмешательства или их совокупности [10. С. 108].

Рассмотрим детально. В буквальном смысле технология (от др.-греческого τέχνη – искусство, мастерство, умение, и λόγος – слово, учение, понятие) представляет собой совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата. Современное понимание значения «технологии» этим уже не ограничивается. Как утверждает З.А. Литова, опираясь на научные труды С.Г. Горинского и В.Н. Князева, «технология становится системой иерархически построенных сложнейших и разветвленных знаний об управлении каждым данным процессом производства или деятельности, о рационализации, модернизации и постоянной инновации в соответствующей сфере деятельности», «включает в себя знания об экономических условиях и о социально-экономических, культурных и психологических последствиях данного процесса» и связывает их «со знаниями техническими, правовыми, психологическими, политическими, знаниями о конъюнктуре рынка и о человеческом факторе, поскольку все, что создается, создается человеком и ради человека» [11. С. 167].

Необходимость конкретизации гражданско-правового режима медицинской технологии обусловлена важностью цели ее применения, а именно здоровья и жизни человека. В конечном итоге быстрая диагностика заболеваний, оптимально затратное и эффективное лечение, полноценная реабилитация, улучшение качества жизни человека через призму профилактики заболеваний путем вакцинации направляют научную мысль и стимулируют ученых на разработку и внедрение новых технологических решений в сфере медицины. До 2013 г. действовал Приказ Минздравсоцразвития РФ от 31.12.2004 № 346

«Об организации выдачи разрешений на применение медицинских технологий», в примечании к которому указывалось, что к новым медицинским технологиям относят впервые предлагаемые к использованию на территории РФ и усовершенствованные совокупности методов (приемов, способов) лечения, диагностики, профилактики, реабилитации средств, с помощью которых данные методы осуществляются, а в некоторых случаях и способ получения средства, применяемого в данной технологии. Процедура выдачи разрешений изменилась, Приказ утратил силу.

В настоящее время общее представление о медицинской технологии дает отраслевое законодательство в области стандартизации – национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 56044-2014 «Оценка медицинских технологий. Общие положения» (далее – ГОСТ Р 56044-2014), утвержденный Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии РФ от 11.06.2014 № 568-ст [12]. ГОСТ Р 56044-2014 введен в действие с 1 июня 2015 г. и определяет медицинские технологии как: методы диагностики, лекарственного и нелекарственного лечения, профилактики и реабилитации, системы охраны и укрепления здоровья, использующиеся в здравоохранении, и включает в себя восемь направлений медицинской деятельности, например, применение лекарств при определенном заболевании, синдроме и т.д., включая использование биологических препаратов, таких, как: вакцины, сыворотки, препараты биотехнологического производства; использование приборов, расходных материалов, технических устройств и приложений к мобильным телефонам и мини-компьютерам; иные мероприятия и процедуры (дистанционные консультации с использованием телекоммуникативных систем). Однако следует отметить, что закрепленная в ГОСТе Р 56044-2014 дефиниция «медицинская технология» определяет основные критерии этой категории, поскольку включенные в понятийный аппарат методы профилактики, диагностики, лечения, реабилитации являются элементами оказания медицинской помощи, но не аккумулируют все возможные сферы применения. И поэтому медицинская технология, своего рода конкретная «дорожная карта», например, для лечения определенным лекарственным препаратом определенного заболевания, на наш взгляд, требует корректировки с целью его дальнейшего закрепления в ФЗ о здоровье.

Кроме этого сама по себе медицинская технология (или ее элементы), обладая определенными критериями и признаками, представляет собой объект гражданского оборота (ст. 128 ГК РФ). Наравне с патентованием нового медицинского изделия можно запатентовать и способ применения или использования (последовательность выполнения определенных действий над объектом) медицинского оборудования, инструментов, лекарств и другого в лечении, диагностику заболевания (например, Российская биотехнологическая компания «БИОКАД» получила на вакцину от COVID-19 (патент № 2760301) [13]; патент на новый способ создания вакцины против коронавируса с использованием сферических наночастиц (субъеди-

ничная рекомбинантная вакцина нового поколения «Бетувакс-КоВ-2») получила дочерняя компания Института стволовых клеток человека) [14].

С учетом изложенного, с целью совершенствования нормативно-правового регулирования применения медицинских технологий предлагается следующее определение: «Медицинская технология – совокупность научных знаний, методов, медицинских изделий, процедур, лекарственных препаратов, роботизированной техники, цифровых и иных технологий, используемых в здравоохранении, в процессе профилактики, диагностики, лечения и реабилитации пациента как при непосредственном воздействии на организм человека, его клетки и ткани или без такового». В свою очередь, инновационными медицинскими технологиями предлагается считать преобразованные, экспериментальные, усовершенствованные или вновь созданные медицинские технологии, внедряемые в практическую медицину.

На настоящий момент правовое регулирование проведения профилактических прививок по эпидемическим показаниям против новой коронавирусной инфекции осуществляется ФЗ об эпидблагополучии, ФЗ об иммунопрофилактике и Приказом Минздрава России от 06.12.2021 № 1122н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок» (далее – НКП). Вышеуказанные нормативные акты регулируют порядок принятия решения о проведении профилактических прививок по эпидемическим показаниям, определяют категории граждан, так называемые «группы риска», которые должны пройти вакцинацию.

Бесспорно, в качестве превентивных мер от инфекционных заболеваний вакцины применяются уже много лет. И как следствие, многие болезни (полиомиелит, корь, краснуха, оспа и др.) были искоренены благодаря вакцинации [15. С. 40]. Не вдаваясь в медицинские тонкости, лишь констатируем, что вследствие проведения профилактических прививок должен быть достигнут реальный результат – устойчивый иммунитет населения к конкретному заболеванию. Вместе с тем, признавая применяемые в настоящее время иммунобиологические препараты инновационными медицинскими технологиями, не имеющими длительного периода применения, необходима правовая проработка вопроса о правовой защите граждан, сделавших прививку, но заболевших впоследствии и перенесших заболевание в той или иной форме, вплоть до летального исхода. Рассматривая прививку как медицинское вмешательство (ст. 1 ФЗ об иммунопрофилактике) и, в свою очередь, как предоставление медицинской услуги (п. 4 ст. 2 ФЗ о здоровье), необходимо определить период ее оказания и момент ее окончания для последующего исследования качества и безопасности. Иными словами, на какой период времени вакцинируемым гражданам гарантируется невозможность заражения COVID-19 или приобретение устойчивого иммунитета, а именно он вытекает из цели проведения профилактических прививок и

предопределяет необходимость и массовость ее проведения.

В связи с тем что проконтролировать реакцию организма на введенную вакцину полностью в каждом конкретном случае нельзя, кроме того, осложнения в результате вакцинации возможны и в тех случаях, когда вакцина качественная, технология ее введения соблюдена, противопоказания отсутствуют, применение вакцин от COVID-19 следует считать источником повышенной опасности. Вышеуказанные выводы в полной мере согласуются и с диспозицией ст. 1079 ГК РФ, и с позицией Верховного Суда РФ, выраженной в п. 18 Постановления Пленума от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

Рассмотрим вакцинацию от коронавирусной инфекции как элемент охраны права на жизнь и здоровье в случае отсутствия результата в виде иммунной защиты. Может ли пациент, вакцинированный от COVID-19, взыскать материальный ущерб (утраченный заработок, бизнес, выгоду от сделки) в случае заболевания коронавирусом (или смерти), защитить свои права предусмотренными гражданско-правовыми способами защиты.

Государством гарантированы выплаты в случае наступления поствакцинальных осложнений, вызванных профилактическими прививками, которыми признаются «тяжелые и (или) стойкие нарушения состояния здоровья». Их перечень определен Постановлением Правительства РФ от 2 августа 1999 г. № 885 и включает в себя семь состояний: энцефалит, вакциноассоциированный полиомиелит, анафилактический шок, тяжелые генерализованные аллергические реакции (ангионевротический отек), синдромы Стивенса–Джонсона, Лайела, сывороточной болезни и др. Согласно ст. 18-21 ФЗ об иммунопрофилактике именно вышеобозначенные поствакцинальные осложнения дают право гражданам на получение государственных единовременных пособий, что характеризует социальную составляющую закона, а не гражданско-правовую. Вместе с тем этот перечень не охватывает иные поствакцинальные реакции и осложнения (покраснение, сильная боль в месте укола, припухлость, нагноение, абсцесс, повышение температуры, выкидыш, тромбоз и т.д.), которые также могут влиять на физическое состояние человека, привести к материальным убыткам (невозможность выполнения трудовой функции) и иным последствиям (например, невозможность воспользоваться санаторно-курортной или туристической путевкой). ФЗ об иммунопрофилактике содержит лишь отсылочную норму общего содержания, которая предполагает применение норм уголовного, административного и гражданского законодательства в случае нарушения этого закона.

Являясь объектом гражданского права, медицинская услуга в виде профилактических прививок оказывается медицинскими организациями любой формы собственности при наличии соответствующей лицензии. В силу п. 4 ст. 2 ФЗ о здоровье медицинская

услуга направлена на профилактику, диагностику, лечение, реабилитацию, имеет законченное значение. Из анализируемой правовой нормы явствует четкое предназначение и цель оказания медицинской услуги. Соответственно, недостижение этой цели вполне может свидетельствовать о несоответствии предоставленной услуги необходимым критериям и качеству.

Относительно правового регулирования качества оказания медицинских услуг следует констатировать, что законодательно такое требование предъявляется к исполнителям, предоставляющим платные медицинские услуги (п. 27 Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1006), и должно соответствовать либо условиям договора (непосредственно гражданин, которому оказываются услуги в рамках ОМС, договор с медицинской организацией не заключает, соответственно, отсутствуют договорные требования), либо, при отсутствии таковых, – требованиям, предъявляемым к услугам этого вида (на сегодняшний день нет законодательного закрепления).

В основополагающем ФЗ о здоровье (п. 21 ст. 2) речь идет о качестве медицинской помощи в целом и состоит из следующих критериев оценки: своевременность оказания медицинской помощи; правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации; степень достижения запланированного результата. Безусловно, правовая дефиниция «медицинская помощь» шире дефиниции «медицинская услуга», поэтому предопределенные законодательством критерии определения качества по отношению к оказанию такой медицинской услуги, как вакцинация, в полной мере использованы быть не могут.

Внедрение инновационных медицинских технологий предопределяет необходимость решения задач по предотвращению различных видов заболеваний. Угроза человечеству в виде COVID-19 стала лейтмотивом разработки и досрочного внедрения новых иммунобиологических препаратов нового поколения. Конкретную дату начала вакцинации определяют региональные главные санитарные врачи, и эффективность применения вакцины будет зависеть от начала проведения вакцинации. Критерий «своевременность для иммуновакцинации» не может быть использован, так как зависит от ряда скрытых факторов: постановка своевременных диагнозов конкретными докторами своим пациентам послужит основанием для их включения в статистические данные о заболеваемости в регионе, достоверные лабораторные исследования будут способствовать точному определению заболевания. Вместе с тем даже полноценное (имеется в виду статистика) владение эпидемиологической ситуацией в целом не позволит определить конкретную и своевременную дату начала вакцинации, так как спрогнозировать рост или спад заболевания невозможно.

Порядок выбора и назначения того или иного иммунобиологического лекарственного препарата для вакцинации в настоящее время не определен. В прак-

тике решение этого вопроса отдается на усмотрение самого гражданина. В п. 2.7 Письма Минздрава России от 22.12.2021 № 30-4/И/2-21694 «О направлении актуализированных временных методических рекомендаций “Порядок проведения вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19)” лишь указано, что врач (фельдшер) несет ответственность за допуск пациента к вакцинации, определяя тот факт, что предшествующей вакцинации процедурой является осмотр врача (фельдшера). Здесь следует сказать, что Порядок проведения вакцинации меняется постоянно, и только за последние полгода вышеуказанный является третьим (Письмо Минздрава России от 30.10.2021 № 30-4/И/2-17927, Письмо Минздрава России от 24.08.2021 № 30-4/И/2-13481), что также подтверждает довод об инновационности применяемой медицинской технологии и о ее возможных непрогнозируемых последствиях.

Камнем преткновения остается решение вопроса качества оказанной услуги через степень достижения запланированного результата. Определяя вакцины как источник повышенной опасности и при отсутствии полноценных и многолетних данных использования созданных иммунобиологических препаратов стопроцентное прогнозирование результата в виде иммунного ответа на момент введения препарата в организм человека становится невозможным. Вместе с тем именно выработка иммунитета является критерием соответствия предоставленной услуги целям, которые преследовал пациент. Бывают ситуации, когда применение препарата будет безопасным, но не эффективным. Например, оценивая в соответствии с положениями ГОСТа Р 56044-2014 медицинскую технологию применения вакцин для специфической профилактики гриппа у здоровых взрослых, детей, пожилых, беременных женщин, медицинских работников и лиц с сопутствующими заболеваниями, Совет по инновациям ФМБА России пришел к выводам, что профиль безопасности вакцин приемлемый, однако эффективность не нашла своего подтверждения [16. С. 35]. Считаем, что эффективность услуги в виде иммунопрофилактики должна быть одним из элементов ее качественного оказания, поскольку, осуществляя вакцинацию, пациент приобретает уверенность в ее положительном эффекте, полагается на наличие защиты своего здоровья, соответственно, теряет бдительность по отношению к условиям окружающей среды и может не увидеть опасность заражения, пропустить первые симптомы болезни и, как следствие, столкнуться с тяжелыми последствиями заболевания.

Проведение вакцинации как предоставление медицинской услуги в рамках инновационной медицинской технологии, оказание которой начинается с осмотра врача (фельдшера), затрагивает медицинское вмешательство – введение иммунобиологического препарата, охватывает обязательное наблюдение в течение 30 мин после вакцинации и должно быть завершено сдачей теста на наличие антител. В связи с этим предлагается закрепить эти положения путем внесения изменений в НКП, дополнив его пунктом 15 соответствующего содержания о проведении теста.

Безусловно, в силу ч. 3 ст. 98 ФЗ о здоровье вред, причиненный жизни и (или) здоровью граждан при оказании им медицинской помощи, возмещается медицинскими организациями в объеме и порядке, установленными законодательством РФ; сведений об ответственности за вред, причиненный вследствие оказания некачественных медицинских услуг, Федеральный закон не содержит.

В силу разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в п. 9 Постановления от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» к отношениям по предоставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых медицинскими организациями в рамках добровольного и обязательного медицинского страхования, применяется законодательство о защите прав потребителей. В связи с этим положения ст. 1095 ГК РФ и ст. 14 Закона Российской Федерации от 07.02.1995 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) об обязанности исполнителя медицинской услуги возместить пациенту вред, который причинен его жизни, здоровью или имуществу вследствие недостатков услуги, распространяются не только на отношения по оказанию платных медицинских услуг, но и на отношения по оказанию медицинских услуг в рамках обязательного и добровольного медицинского страхования. Комплексное регулирование имущественной ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу пациента вследствие недостатка оказанной услуги (в рассматриваемом случае при проведении профилактических прививок), предопределяет безвиновное наступление ответственности исполнителя услуги (медицинской организации).

Акцентируя в данном исследовании внимание на инновационности внедряемых медицинских технологий, достаточно ли говорить только о недостатках медицинских услуг? Под недостатками Закон о защите прав потребителей (а именно он определяет этот критерий) понимается несоответствие услуг обязательным требованиям, целям их получения. А мы ранее уже обозначили отсутствие законодательного закрепления этих параметров. Предполагая невозможность полноценного контроля за реакцией любого организма на введение лекарственного препарата, необходимо в первую очередь говорить о безопасности вакцинации для жизни и здоровья человека. Соответственно, до разработки и внедрения обязательных требований к проведению вакцинации от COVID-19 целесообразней применять положения ст. 1079 ГК РФ. То есть об ответственности за вред, причиненный деятельностью, связанной с источником повышенной опасности. Здесь также действует принцип безвиновной ответственности причинителя вреда. Кроме того, применение инновационных медицинских технологий, как и оказание медицинских услуг, являются структурными элементами медицинской деятельности (ст. 2 ФЗ о здоровье), в связи с чем отнесение оказания определенных медицинских услуг (вакцинация – код В 04.014.004 в Номенклатуре медицинских услуг, утвержденной Приказом Минздрава

России от 13.10.2017 № 804н) с деятельностью, связанной с источником повышенной опасности (инновационный медицинский препарат), также не выходит за рамки имеющегося правового регулирования.

Что касается объема и характера возмещения ущерба, то они определены ст. 1085 ГК РФ, согласно которой возмещению подлежат утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, и т.д., если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и уходе и не имеет права на их бесплатное получение. Перечень закрытый, в то же время социально-экономические изменения в стране свидетельствуют о необходимости внесения корректив, поскольку в случае причинения вреда самозанятым лицам трудности возникнут в доказывании суммы неполученных доходов. Несмотря на то, что п. 3 ст. 1085 ГК РФ позволяет увеличить объем и размер возмещения вреда, целесообразнее сделать перечень оснований, указанный в п. 1 открытым, что будет отвечать критериям соразмерности и справедливости.

Как уже было упомянуто, медицинские технологии фактически выпали из гражданско-правового регулирования. Несмотря на то что врач самостоятельно, с учетом тяжести заболевания, физического и психического состояния и других показателей анамнеза пациента, вправе выбирать методы лечения, тактику или медицинскую технологию, Закон о здоровье предопределяет его действия и корреспондирует их к обязательному приме-

нению порядков, стандартов и клинических рекомендаций, поскольку качество оказанной медицинской помощи определяется через призму процедур, обозначенных в вышеуказанных нормативных актах. И наоборот, в настоящее время отсутствует системный порядок внедрения медицинских технологий в практическую медицину, в связи с чем пациент ограничен в праве на получение наиболее эффективного вида медицинской помощи с помощью использования инновационных медицинских технологий.

С учетом изложенного, полагаем, что необходимо разработать приказ Министерства здравоохранения РФ «О порядке внедрения и использования в клинической практике медицинских технологий» и внести соответствующие коррективы в ФЗ о здоровье, в частности в ст. 2 (основные понятия) включить понятия «медицинская технология», «инновационные медицинские технологии» и в ст. 10 (доступность и качество медицинской помощи) включить абзац о применении медицинской технологии.

Более того, с целью дальнейшего совершенствования законодательства в сфере защиты прав на жизнь и здоровье предлагается включить «медицинскую деятельность» в перечень источников повышенной опасности, установленный ст. 1079 ГК РФ, а также дополнить ст. 1084 ч. 2 следующего содержания:

«2. Вред, причиненный жизни или здоровью гражданина, в результате оказания медицинских услуг в рамках как добровольного, так и обязательного медицинского страхования, с применением инновационных медицинских технологий, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред».

Список источников

1. Смирнов А.П. Соотношение понятий «охрана прав» и «защита прав» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 123–125.
2. Гаврилова Ю.А., Гаврилов Д.А. Концепты «жизнь» и «здоровье» и их нормативно-правовое закрепление в законодательстве Российской Федерации // Философия права. 2017. № 2 (81). С. 82–86.
3. Сусликов В.Н. Обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью: отдельные аспекты гражданско-правового регулирования. Новосибирск: СибАК, 2016. 76с.
4. Шахкелдов Ф.Г., Григорова Н.А. Актуальные вопросы исполнения конституционных прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в период коронавируса // Юристы-Правоведь. 2021. № 1 (96). С. 47–51.
5. Чебыкина Н.Р., Лямина К.А. Реализация прав человека в условия пандемии COVID-19 // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 3. С. 112–125.
6. Масляков В.В., Портенко Н.Н., Павлова О.Н. Вакцинация от коронавируса: правовые вопросы // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 3. С. 28–34.
7. «Опора России» попросила Собянина дать бизнесу доступ к данным о вакцинации сотрудников. URL: https://tass.ru/moskva/11711467?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&nw=162505257900 (дата обращения: 29.06.2021).
8. Онищенко Г.Г., Сизикова Т.Е., Лебедев В.Н., Борисевич С.В. Анализ перспективных направлений создания вакцин против COVID-19 // БИОпрепараты. Профилактика, диагностика, лечение. 2020. № 20 (4). С. 216–227.
9. Сравнительные характеристики вакцин. URL: <https://vakcina.ru/files/tmpfiles/upload-documents/COVID-19/2021/sravnenie-vakcin-2021.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).
10. Мохов А.А. Стратегически значимые медицинские технологии: правовой аспект // Государство и право. 2020. № 11. С. 106–114.
11. Литова З.А. Сущность понятия «технология» на современном этапе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. Т. 1, № 2 (50). С. 164–172.
12. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 56044-2014 «Оценка медицинских технологий. Общие положения». URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200111499> (дата обращения: 28.05.2021).
13. Роспатент запатентовал новую вакцину от COVID-19. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/rospatent-zapatentoval-novuyu-vakcinu-ot-covid-19-26112021> (дата обращения: 29.11.2021).
14. Запатентован новый способ создания противокоронавирусных вакцин с наночастицами. URL: [https://rg.ru/2021/05/31/zapatentovan-novyyj-sposob-sozdaniia-protivokovidnyh-vakcin-s-nanochasticami.html#:~:text=\(дата обращения: 29.11.2021\)](https://rg.ru/2021/05/31/zapatentovan-novyyj-sposob-sozdaniia-protivokovidnyh-vakcin-s-nanochasticami.html#:~:text=(дата обращения: 29.11.2021)).
15. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В., Шмаева Т.А. Вакцинация населения: право, обязанность граждан или интерес государства // Закон и право. 2021. № 3. С. 38–42.
16. Воробьев П.А., Воробьев А.П., Краснова Л.С., Дугин Д.Н. Применение вакцин для специфической профилактики гриппа // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2017. № 1-2. С. 29–35.

References

- Smirnov, A.P. (2010) Sootnoshenie ponyatij «ohrana prav» i «zashchita prav» [Correlation of the concepts of "protection of rights" and "protection of rights"]. *Vestnik Tomskogo universiteta – Tomsk State University journal*. 331. pp.123-125.
- Gavrilova, Yu.A. & Gavrilov, D.A. (2017) Koncepty «zhizn'» i «zdorov'e» i ih normativno-pravovoe zakreplenie v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii [Concepts of "life" and "health" and their regulatory and legal consolidation in the legislation of the Russian Federation] *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2(81). pp. 82-86.
- Suslikov, V.N. (2016) *Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda zhizni i zdorov'yu: otdel'nye aspekty grazhdansko-pravovogo regulirovaniya. Monografiya*. [Obligations due to harm to life and health: certain aspects of civil law regulation. Monograph]. Novosibirsk: Publishing house of ANS "SibAK".
- Shakhkeldov, F.G. & Grigorieva, N.A. (2021) Aktual'nye voprosy ispolneniya konstitucionnyh prav grazhdan na ohranu zdorov'ya i medicinskuyu pomoshch' v period koronavirusa [Topical issues of the implementation of the constitutional rights of citizens to health protection and medical care during the coronavirus]. *Jurist-Pravoved – Lawyer-Jurist*. 1(96). pp. 47-51.
- Chebykina, N.R. & Lyamina, K.A. (2021) Realizaciya prav cheloveka v usloviya pandemii COVID-19 [The realization of human rights in the conditions of the COVID-19 pandemic]. *Pravoprimenenie – Law enforcement*. 5 (3). pp. 112-125.
- Maslyakov, V.V. et al. (2020) Vakcinaciya ot koronavirusa: pravovye voprosy [Vaccination against coronavirus: legal issues] *NB: Administrativnaya pravo i praktika administrirovaniya – NB: Administrative law and practice of administration*. 3. pp. 28-34.
- Tass Russian news agency. (2021). Opora Rossii asked Sobyenin to give business access to employee vaccination data. [Online] Available from: https://tass.ru/moskva/11711467?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=162505257900 (Accessed: 29.06.2021). (In Russian)
- Onishchenko, G.G. et al. (2020) Analiz perspektivnyh napravlenij sozdaniya vaktsin protiv COVID-19 [Analysis of promising directions for creating vaccines against COVID-19]. *BIOpreparaty. Profilaktika, diagnostika, lechenie – BIOdrugs. Prevention, diagnosis, treatment*. 20(4). pp. 216-277.
- Vakcina.ru. (2021) Comparative characteristics of vaccines. [Online] Available from: <https://vakcina.ru/files/tmpfiles/upload-documents/COVID-19/2021/sravnenie-vakcin-2021.pdf/>. (Accessed: 29.11.2021). (In Russian).
- Mokhov, A.A. (2020) Strategicheski znachimye meditsinskie tehnologii: pravovoj aspekt [Strategically relevant medical technologies: legal aspect]. *Gosudarstvo i pravo- State and law*. 11. pp.106-114.
- Litova, Z.A. (2019) Sushchnost' ponyatiya «tehnologiya» na sovremennom etape [The essence of the concept of "technology" at the present stage] *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*. 2 (50). pp. 164-172.
- Docs.cntd.ru. (2021) National standard of the Russian Federation GOST R 56044-2014 "Assessment of medical technologies. General provisions". [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1200111499> (Accessed: 28.05.2021). (In Russian).
- Rospatent.gov.ru. (2021) Rospatent has patented a new COVID-19 vaccine [Online] Available from: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/rospatent-zapatentoval-novuyu-vakcinu-ot-covid-19-26112021> (Accessed: 29.11.2021). (In Russian).
- Rg.ru. (2021). A new method for creating antitussive vaccines with nanoparticles has been patented [Online] Available from: <https://rg.ru/2021/05/31/zapatentovan-novyy-sposob-sozdaniia-protivokovidnyh-vakcin-s-nanochasticami.html#:~:text=>. (Accessed: 29.11.2021). (In Russian).
- Ananyeva, E.O. et al. (2021) Vaktsinatsiya naselenija: pravo, objazannost' grazhdan ili interes gosudarstva [Vaccination of the population: the right, duty of citizens or interest of the state]. *Zakon i pravo- Law and Legislation*. 3. pp. 38-42.
- Vorobyov, P.A. et al (2017) Primenenie vakcin dlya specificheskoy profilaktiki gripa [The use of vaccines for specific prevention of influenza]. *Problemy standartizacii v zdavoohranenii – Problems of standardization in healthcare*. 1-2. pp. 29-35.

Информация об авторе:

Кравченко Н.В. – преподаватель кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kravchenko N.V., Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.08.2021;
одобрена после рецензирования 09.11.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 09.08.2021;
approved after reviewing 09.11.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 343
doi: 10.17223/15617793/474/29

Противодействие организации незаконной миграции в Российской Федерации: новый вектор развития уголовного законодательства

Мария Генриховна Решняк¹, Сергей Викторович Борисов², Виктор Иванович Гладких³

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия, irbis-7375@yandex.ru

² Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, svb8@yandex.ru

³ Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, gladkich04@mail.ru

Аннотация. Исследуются современное состояние и проблемы уголовно-правового противодействия организации незаконной миграции в Российской Федерации, подчеркивается межотраслевой характер борьбы с данным явлением. Авторы пришли к выводу о необходимости системного совершенствования законодательной основы и практики противодействия организации незаконной миграции в Российской Федерации, сформулировали и обосновали конкретные предложения по дальнейшему развитию уголовно-правовых средств противодействия организации незаконной миграции в России.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционный кризис, организация незаконной миграции, уголовный закон, меры противодействия

Для цитирования: Решняк М.Г., Борисов С.В., Гладких В.И. Противодействие организации незаконной миграции в Российской Федерации: новый вектор развития уголовного законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 263–271. doi: 10.17223/15617793/474/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/29

Countering the illegal migration organisation in the Russian Federation: new vector for criminal legislation development

Maria G. Reshnyak¹, Sergey V. Borisov², Viktor I. Gladkikh³

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, irbis-7375@yandex.ru

² Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, svb8@yandex.ru

³ All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, gladkich04@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to address the problem of regulation and implementation of criminal responsibility for illegal migration organisation and to determine, on this basis, the course of action to enhance Article 322¹ of the Criminal Code of the Russian Federation containing the corpus delicti and its application in practice. The problem is the absence of the necessary coherence of Article 322¹ of the Criminal Code of the Russian Federation with the international law provisions aimed at illegal migration organization countering. Alongside this challenge, there is another one of inadequate legal certainty of this criminal legal norm disposition, which complicates its uniform interpretation and further practical application in allowing for competition with the articles of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, establishing liability for related criminal acts.

The general dialectical method of enquiry, general scientific and specific scientific methods, including the rather-legal method, the method of statistical analysis and the method of legal modelling are used in this article to address the issue.

As a result of the research conducted, the authors concluded that the existing approach to improving the legislative framework and practice of countering the organisation of illegal migration in the Russian Federation needs to be changed. More specifically, given the need to harmonize Russian and international legislation in this field, the authors propose to complement the mental element of the corpus delicti of the irregular migration organization with an indication of the mandatory aim in the form of the perpetrator's desire directly or indirectly to obtain financial or other material benefit. As a result this criminal law prohibition will be aligned with the provisions of paragraph 1 and Article 6 (2)(c) of the Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air. Furthermore, this research substantiates the need to specify the disposition of the Article 322¹ of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of the content of actions that comprise the illegal migration organisation actus reus and to mark which specific types of migration legislation violations constitute the crime, as well as to explicitly indicate that this criminal law

norm shall be applied, if the act is not covered by Art. 322, Art. 322² or Art. 322³ of the RF Criminal Code. Based on administrative and criminal legislation analysis, the authors argue for the deletion of criminal liability for a single violation of migration legislation, including for organizing a foreign citizen or a stateless person's irregular migration committed by a person who is not subject to an administrative penalty for a misdemeanor in the migration field. Thus, the authors underline the need of systematic, cross-sectoral changes in the current migration legislation.

Keywords: Russian State Migration Policy, migration crisis, organizing irregular migration, criminal law, counteraction measures

For citation: Reshnyak, M.G., Borisov, S.V. & Gladkikh, V.I. (2022) Countering the illegal migration organisation in the Russian Federation: new vector for criminal legislation development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 263–271. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/29

Введение

Миграция была характерна для человечества на протяжении всей его истории: она спасала этнические группы от вымирания, благодаря миграции развивались новые земли и территории [1. С. 3]. Наряду с легальной всегда существовала и нелегальная (незаконная) миграция. Незаконная миграция является неотъемлемой частью современного мира и происходящих в нём процессов, представляет собой сложное социально-правовое явление, характеризующееся разветвлённым комплексом причин, условий и негативных последствий [2. Р. 26–28; 3. Р. 13–15], состоящих, в частности, в вовлечении нелегальных мигрантов в преступные группы и совершаемые ими уголовно наказуемые деяния. В современных условиях нелегальная миграция может приводить к распространению различных заболеваний и инфекций, в том числе новой коронавирусной инфекции 2019-нCoV. Пандемия COVID-19 в определенной степени условно положительно повлияла на миграционное движение, так как многие страны закрыли свои границы [4. С. 97].

Однако анализ происходящих в настоящее время в мире, в частности, в Афганистане, событий позволяет спрогнозировать резкий всплеск миграционных потоков, участники которых будут предпринимать настойчивые попытки легально или нелегально проникнуть в европейские страны, жизнь в которых, по мнению потенциальных мигрантов, значительно благополучнее, нежели на их родине. По мнению премьер-министра Словении Янеза Янша, поддержанному другими руководителями ряда европейских стран, Европа не готова к повторению миграционного кризиса 2015 г.¹, в связи с чем представители стран-участниц XVI Международного стратегического форума, прошедшего в августе 2021 г. в городе Блед, договорились направить совместные усилия на укрепление внешних границ Евросоюза, опираясь на службу пограничной охраны². Однако, несмотря на усилия пограничников стран ЕС, нелегальные мигранты преодолевают все препятствия в своем неостановимом движении на Запад. На фоне развития миграционной ситуации власти Великобритании планируют ужесточить ответственность за организацию незаконной миграции (организацию незаконной перевозки беженцев на остров) вплоть до пожизненно-го тюремного заключения³.

На основе анализа истории миграционных потоков можно высказать предположение, что Россия не избегнет участи стать транзитной страной для значи-

тельного числа мигрантов из Афганистана через Узбекистан, Таджикистан в Европу. В связи с указанными обстоятельствами требуется постоянное развитие и совершенствование контроля за миграционными процессами, миграционного законодательства и мер правовой ответственности за его нарушения [5. Р. 65; 6. Р. 970–982].

Существование явления нелегальной миграции, его качественные и количественные изменения, наблюдаемые в последние годы, особенно в периоды различных геополитических и экономических кризисов, неотделимы от организованной преступной деятельности, эффективное противодействие которой составляет одну из главных задач национального уголовного законодательства каждого государства [7. Р. 369–370; 8. С. 56–57]. При исследовании проблем борьбы с незаконной миграцией отдельные ученые обращают внимание и на следующий немаловажный аспект – каким бы совершенным ни было национальное уголовное и/или миграционное законодательство, само по себе оно не может повысить эффективность предупреждения преступлений в данной сфере. Мы разделяем позицию указанных ученых, утверждающих, что результативное предупреждение и профилактика преступности, в том числе в сфере борьбы с незаконной миграцией, возможны лишь с использованием специальных знаний и проведением соответствующих исследований [9. Р. 45].

Миграция стала центральной темой криминологии и виктимологии [10. С. 495], вопросам борьбы с незаконной миграцией в разные годы посвящено немало исследовательских работ как российских [11–19], так и зарубежных [2, 3, 5, 6, 8, 9, 20–23] правоведов, изучающих данное явление с различных сторон, под разными ракурсами.

Используемые материалы и методы

Целью настоящего исследования является рассмотрение современного состояния и имеющихся проблем уголовно-правовых мер противодействия организации незаконной миграции в Российской Федерации с формулированием на данной основе предложений по повышению эффективности таких мер на законодательном и правоприменительном уровнях. Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с организацией незаконной миграции и реализацией уголовно-правовых мер противодействия данному негативному социально-

правовому явлению в Российской Федерации. Предмет исследования образуют законодательные и теоретико-прикладные проблемы уголовно-правового противодействия организации незаконной миграции в России. В статье проанализированы труды зарубежных правоведов и известных российских ученых, положения уголовного и взаимосвязанного с ним миграционного законодательства, актуальные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и примеры из судебной практики, а также данные официальной статистики. Методологическая основа исследования включает всеобщий диалектический метод, общенаучные и частнонаучные методы, включая метод правового моделирования.

Результаты и обсуждение

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) в первоначальной редакции ответственность за общественно опасные действия организационного характера, совершаемые в сфере миграции, была ограничена ст. 322 УК РФ, содержащей состав преступления в виде незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации, в сочетании со ст. 33 и 35 этого Кодекса, регламентирующими институт соучастия в преступлении, включая совершение последнего с участием организатора и (или) в форме организованной группы [24. С. 14; 25. С. 33; 26. С. 70–71]. В 2012 г. данная статья была дополнена ч. 3, содержащей альтернативные квалифицирующие признаки указанного состава преступления, включая его совершение организованной группой⁴.

В 2004 г. гл. 32 УК РФ о преступлениях против порядка управления была дополнена ст. 322¹, установившей ответственность за организацию незаконной миграции⁵. В 2013 г. в ту же главу Уголовного кодекса были включены ст. 322² и 322³ об ответственности за фиктивную регистрацию (постановку на учёт) граждан России, иностранных граждан или лиц без гражданства по месту жительства (месту пребывания) в Российской Федерации⁶. Последние две статьи не содержат указания на организованный характер совершения указанных фиктивных действий, в том числе в качестве квалифицирующего признака соответствующих составов преступлений.

Таким образом, основной уголовно-правовой нормой, непосредственно направленной на противодействие организации нелегальной миграции, в законодательстве Российской Федерации является ст. 322¹ УК РФ, которая и будет подвергнута всестороннему анализу.

Предваряя рассмотрение содержания данной уголовно-правовой нормы, обратим внимание на статистические данные: в 2015 г. по ст. 322¹ УК РФ было осуждено 820 лиц, в 2016 г. – 900 лиц, в 2017 г. – 763 лица, в 2018 г. – 635 лиц, в 2019 г. – 632 лица, в 2020 г. – 570 лиц⁷. С формальной точки зрения, приведенные статистические данные указывают на отрицательную динамику судимости за организацию незаконной миграции, вместе с тем при оценке фактиче-

ской распространенности соответствующих преступных действий следует учитывать их высокую латентность, перманентно присущую всем проявлениям организованной преступности. Наряду с этим отметим, что проведенное изучение практики применения ст. 322¹ УК РФ позволяет прийти к выводу, что значительную часть осуждённых по данной статье составляют лица, которых нельзя признать представителями такой преступности, поскольку совершенные ими деяния заключались в единоличном и однократном содействии нелегальным миграционным процессам. Последнее обстоятельство также искажает статистическое отображение того, насколько объективно распространены те случаи организации незаконной миграции, для противодействия которым была введена ст. 322¹ УК РФ.

Отметим, что согласно пояснительной записке к законопроекту о введении в УК РФ ст. 322¹ об ответственности за организацию незаконной миграции, данное законодательное решение базируется на международной практике и согласуется с содержанием подп. «с» п. 2 ст. 6 Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, обязывающую участников осуществить криминализацию действий организационного характера, совершаемых в целях нелегального ввоза мигрантов⁸.

Вместе с тем при формулировании пояснительной записки к этому законопроекту и содержания последнего необоснованно не приняты во внимание положения п. 1 ст. 6 Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху⁹, упоминаемого в указанном выше подп. «с» п. 2 ст. 6 данного Протокола, т.е. в проекте Федерального закона не учтена необходимость установления уголовной ответственности за организацию других лиц или руководство ими, направленные на осуществление определённых умышленных деяний в целях прямого или косвенного получения финансовой или иной материальной выгоды и состоящих в следующих альтернативных действиях: 1) незаконный ввоз мигрантов; 2) создание условий для нелегального ввоза мигрантов; 3) изготовление подложного документа на въезд или выезд, удостоверения личности; 4) приобретение или предоставление данного документа либо владение им; 5) предоставление лицу, которое не является гражданином соответствующего государства или проживающим постоянно в границах последнего, возможности находиться в этой стране без соблюдения имеющихся требований по законному пребыванию в ней, совершённое с использованием способов, создающих условия для нелегального ввоза мигрантов, либо с применением иных средств противоправного характера.

Организация незаконной миграции, как следует из диспозиции ч. 1 ст. 322¹ УК РФ, заключается в организации нелегального въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, а равно незаконного пребывания этих лиц в России или транзитного проезда через её территорию. Сопоставление приведённой законодательной формулировки с

содержанием рассмотренных выше п. 1 и подп. «с» п. 2 ст. 6 Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху позволяет сделать вывод о существенном отклонении российского уголовного закона от соответствующих международно-правовых положений, определяющих организацию незаконной миграции, противодействие которой должно осуществляться с помощью уголовно-правовых мер.

В диспозиции ч. 1 ст. 322¹ УК РФ не указана цель организационных действий в виде желания виновного лица прямо или косвенно извлечь финансовую или иную материальную выгоду. Кроме того, в ст. 322¹ УК РФ не нашло своего отражения приведённое выше международно-правовое положение, согласно которому рассматриваемое преступление должно состоять в организации осуществления другими лицами исключительно уголовно наказуемых деяний, нарушающих миграционное законодательство, а не любых нарушений последнего. В ч. 1 ст. 322¹ УК РФ также не уточняется, в чём именно состоит объективная сторона организации незаконной миграции, прежде всего, действия, образующие организацию нелегального пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства в Российской Федерации.

По сути, на практике преступлением, предусмотренным ст. 322¹ УК РФ, чаще всего признают действия, организующие совершение другими лицами административно наказуемых нарушений миграционного законодательства, что ставит под сомнение социальную и юридическую обоснованность данного уголовно-правового запрета, закреплённого в ст. 322¹ УК РФ в действующей редакции [27. С. 22–23].

Так, Московский городской суд не нашёл оснований для пересмотра приговора в отношении Х., осуждённого по ч. 1 ст. 322¹ УК РФ, поскольку посчитал обоснованным выводы суда о виновности Х. в организации незаконного пребывания иностранных граждан в России. По делу установлено, что Х., осведомлённый относительно порядка пребывания и трудоустройства иностранцев на территории России, принял на работу иностранных граждан, не имеющих регистрации по месту пребывания и патента на осуществление трудовой деятельности в г. Москве, а также создал для них все необходимые бытовые и иные условия для их проживания по месту работы в г. Москве. Сами же иностранные граждане были привлечены к административной ответственности с выдворением за пределы России¹⁰. То есть в данном и подобных ему случаях организатор совершения иностранными гражданами или лицами без гражданства административных правонарушений несёт за свои действия уголовную ответственность, что не может не вызывать сомнения в обоснованности такого законодательного подхода к криминализации организации незаконной миграции.

Поскольку в ст. 322¹ УК РФ не учтены все рассмотренные выше международно-правовые положения, содержание данной статьи не в полной мере отвечает требованию правовой определённости, что усложняет формирование единообразной практики её применения, включая осуществление отграничения от смежных составов преступлений и сходных административных правонарушений в области миграционных отношений [28. С. 25–26; 29. С. 32–33; 30. С. 44–45].

Так, по ч. 3 ст. 18.9 КоАП РФ подлежат квалификации действия по предоставлению жилого помещения или транспортного средства либо оказанию иных услуг иностранному гражданину или лицу без гражданства, находящимся в Российской Федерации с нарушением установленного порядка или правил транзитного проезда через территорию этого государства. Как видим, данные действия в полной мере подпадают под формулировку «умышленное создание условий» для нелегальной миграции, что препятствует проведению чёткой границы между данным административным правонарушением и преступлением в виде организации незаконной миграции.

Кроме того, на практике отсутствует единообразие в разрешении вопроса о необходимости квалификации содеянного в качестве одного уголовно наказуемого деяния или совокупности преступлений в ситуациях, когда виновное лицо содействовало совершению конкретных нарушений миграционного законодательства, образующих самостоятельные составы преступлений, например, осуществляло организацию незаконного пересечения Государственной границы России. При этом можно выделить несколько подходов к правовой оценке соответствующих действий.

Первый подход состоит в правовой оценке содеянного только по ст. 322¹ УК РФ без дополнительной квалификации по ст. 322 УК РФ.

Так, согласно приговору Полтавского районного суда Омской области от 13 июля 2016 г. по делу установлено, что К. в ходе телефонного разговора с неустановленным лицом, действовавшим с территории Казахстана, договорился об организации незаконного въезда на территорию России восьми граждан Узбекистана. В дальнейшем К., находясь в Омской области, перешёл на территорию Казахстана, где встретил восемь граждан Узбекистана и незаконно, минуя установленные пункты пропуска, сопроводил данных граждан через Государственную границу РФ на территорию России и далее до места их временного укрытия. Содеянное К. было квалифицировано по ч. 1 ст. 322¹ УК РФ как организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан¹¹.

Второй подход заключается в квалификации подобных действий по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 322 и 322¹ УК РФ.

Так, по приговору Казанского районного суда Тюменской области от 13 июля 2017 г. П. был осуждён за организацию незаконного въезда в Россию иностранных граждан, совершённую группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 322¹ УК РФ), а также за незаконное пересечение Государственной границы РФ (ч. 1 ст. 322 УК РФ). Установлено, что П., действуя по сговору с другими лицами и не имея при себе действительных документов на право въезда в РФ, исполнил отведённую ему роль проводника – в обход установленных пунктов пропуска перевёл с территории Казахстана на территорию России иностранных граждан С., М., И.Х. и И.Н., которым не был разрешён въезд в РФ.

Отметим, что последний подход к правовой оценке рассматриваемых действий основан на позиции Верховного Суда РФ, отражённой в кассационном определении от 15 июля 2009 г., согласно которому без изменения оставлен приговор об осуждении Т. по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 322 и ч. 1 ст. 322¹ УК РФ. Осуждённый осуществил следующие действия организационного характера, обеспечившие незаконное пересечение иностранными гражданами Государственной границы РФ с Республикой Беларусь: спланировал маршрут движения и порядок пересечения границы, предоставил транспортное средство и свои услуги в качестве водителя, подготовил меры конспирации, объединил всех нелегальных мигрантов в одну группу, предоставил место для проживания в пути следования¹².

Помимо этого, изучение правоприменительной практики показало, что в качестве одного из основных критериев для проведения отграничения незаконного пересечения Государственной границы РФ (ст. 322 УК РФ) от организации незаконной миграции (ст. 322¹ УК РФ) в отдельных случаях используется установленная по делу роль виновного лица в совершаемом преступлении – если его содействие рассматривалось в рамках роли организатора, то содеянное квалифицировалось по ч. ст. 322¹ УК РФ, если же помощь данного лица расценивалась как пособничество в нелегальном пересечении границы, то квалификация проводилась по ч. 5 ст. 33 и соответствующей части ст. 322 УК РФ.

Например, как следует из приговора Сортавальского городского суда от 7 августа 2017 г., граждане Йеменской Республики А.А., А.Г. и А.М., действуя совместно, предприняли неудавшуюся попытку незаконно пересечь Государственную границу России с Финляндией, при этом гражданин России Р. оказывал им содействие советами, указаниями, предоставлением информации, доставлением в район непосредственной близости от границы, за что получил вознаграждение. Действия Р. были квалифицированы по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 322 УК РФ как пособничество покушению на незаконное пересечение Государственной границы РФ, совершённое группой лиц по предварительному сговору.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 7 постановления от 9 июля 2020 г. № 18¹³ определил организацию незаконной миграции через указание на совершение умышленных действий, создающих условия для осуществления одним или несколькими иностранными гражданами или лицами без гражданства какого-либо из нарушений законодательства, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 322¹ УК РФ. А в п. 8 этого постановления разъяснено, что квалификация содеянного по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 322¹ и 322² или ст. 322³ УК РФ, необходима только в тех случаях, когда наряду с фиктивной регистрацией (постановкой на учёт) по месту жительства (месту пребывания) виновное лицо совершило и другие действия организационного характера, наказуемые по ст. 322¹ УК РФ. На основе данных разъяснений можно сделать вывод о том, что ор-

ганизацию незаконной миграции как деяние, само по себе образующее самостоятельный состав преступления, предусмотренного ст. 322¹ УК РФ, не следует отождествлять с соучастием в преступлении в виде его организации, квалификация которого зависит от правовой оценки действий исполнителя [31. С. 79–80].

Следовательно, организация незаконной миграции может заключаться в широком комплексе различных действий, при этом ст. 322¹ УК РФ в действующей редакции подлежит применению только тогда, когда такие действия не охватываются соучастием в конкретном преступлении, предусмотренном ст. 322, 322², 322³ или иной статьёй УК РФ, в том числе в виде организации соответствующего уголовно наказуемого деяния. Поэтому организация незаконного пересечения Государственной границы РФ иностранными гражданами или лицами без гражданства, не сопровождающаяся иными действиями организационного характера, создающими условия для нелегальной миграции, полностью охватывается ч. 3 ст. 33 и соответствующей частью ст. 322 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст. 322¹ УК РФ. Полагаем, что данное правило квалификации рассматриваемых преступлений целесообразно закрепить в качестве дополнительного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, что позволит оперативно воздействовать на соответствующую правоприменительную практику [32. С. 75].

Вместе с тем считаем, что решение имеющихся проблем применения уголовно-правовых мер противодействия незаконной миграции возможно только законодательным путём, учитывающим необходимость соблюдения требований правовой определённости и системности уголовно-правового регулирования общественных отношений.

Выводы

1. При криминализации действий, относящихся к организации незаконной миграции, в Российской Федерации не в полной мере были учтены положения международного права, закреплённые в Протоколе против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, обязывающие устанавливать уголовную ответственность за те действия организационного характера, которые совершаются в целях нелегального ввоза мигрантов. Принимая во внимание транснациональный характер нелегальных миграционных процессов и организующих их противоправных действий, полагаем, что дальнейшее развитие уголовно-правового запрета организации незаконной миграции необходимо выстраивать на основе гармонизации российского и международного законодательства в данной сфере.

2. Законодательная регламентация состава преступления в виде организации незаконной миграции осуществлена с отступлениями от таких важных требований, как правовая определённость и системность правовой охраны общественных отношений, поскольку ст. 322¹ УК РФ не содержит признаки, позволяющие провести четкую границу между преступными и

иными действиями, влекущими административную ответственность либо вовсе представляющими собой правомерное поведение. В связи с этим вектор развития этой уголовно-правовой нормы должен быть ориентирован на ее наполнение такими признаками состава преступления, которые бы устранили конкуренцию последнего с составами сходных административных правонарушений и не позволяли привлекать к уголовной ответственности за действия, не обладающие общественной опасностью.

3. С учётом выделенных выше проблемных вопросов применения ст. 322¹ УК РФ, в том числе связанных с практическими трудностями определения соотношения данной уголовно-правовой нормы со ст. 322, 322² и 322³ УК РФ, а также со статьями КоАП РФ об ответственности за сходные нарушения миграционного законодательства, считаем, что в настоящее время можно предложить следующие пути совершенствования уголовного законодательства в исследуемой области:

а) полагаем целесообразным исключить уголовную ответственность за однократное нарушение миграционного законодательства, в том числе за организацию незаконного миграционного действия одного иностранного гражданина или лица без гражданства, совершённую лицом, не являющимся подвергнутым административному наказанию за административное правонарушение в сфере миграции;

б) считаем важным раскрыть непосредственно в диспозиции ст. 322¹ УК РФ, в чём именно состоят действия, организующие незаконную миграцию, в том числе указать, организация каких конкретно видов нарушений миграционного законодательства образует состав данного преступления, а также прямо обозначить, что данная уголовно-правовая норма подлежит применению, если деяние не охватывается ст. 322, ст. 322² или ст. 322³ УК РФ;

в) представляется необходимым дополнить субъективную сторону состава организации незаконной миграции указанием на обязательную цель в виде стремления виновного прямо или косвенно получить финансовую или иную материальную выгоду, за счёт чего данный уголовно-правовой запрет будет согласован с положениями п. 1 и подп. «с» п. 2 ст. 6 Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху.

Реализация высказанных предложений, на взгляд авторов, будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовых мер противодействия организации незаконной миграции в Российской Федерации, в том числе формированию единообразной практики применения ст. 322¹ УК РФ, включающей точное определение соотношения предусмотренного в ней деяния со смежными составами преступлений и сходными административными правонарушениями.

Примечания

¹ Кризис как предчувствие: почему в ЕС заявили о неготовности принимать мигрантов // URL: <https://russian.rt.com/world/article/902035-migracionnyj-krizis-afganistan-evrosoyuz> (дата обращения: 03.09.2021).

² Кризис как предчувствие: почему в ЕС заявили о неготовности принимать мигрантов // URL: <https://russian.rt.com/world/article/902035-migracionnyj-krizis-afganistan-evrosoyuz> (дата обращения: 03.09.2021).

³ Times: Лондон обвинил Париж в бездействии в борьбе с нелегальной миграцией через Ла-Манш // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12316473> (дата обращения: 08.09.2021).

⁴ О внесении изменений в ст. 322 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 30 дек. 2012 г. № 312-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7637.

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 28 дек. 2004 г. № 187-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 13.

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 21 дек. 2013 г. № 376-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6696.

⁷ Здесь и далее использованы статистические данные, размещенные на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru>

⁸ К проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» : пояснительная записка // Паспорт законопроекта 323021-3, сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 7.08.2021).

⁹ Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 34–46.

¹⁰ Постановление Московского городского суда от 12 ноября 2018 г. № 4у-6049/2018 об отказе в передаче кассационной жалобы на судебные акты для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/305727436/> (дата обращения: 13.08.2021).

¹¹ Здесь и далее, если не оговорено иное, использованы примеры, приведенные в Справке по результатам обобщения судебной практики по уголовным делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации. Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ за 2018 год.

¹² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 июля 2009 г. № 36-009-14. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/55700705/> (дата обращения: 3.08.2021).

¹³ О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.

Список источников

1. Филиппенко А.А. Проблемы иммиграционной политики США в период 1990–2015 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 173 с.
2. Caglar A. Locating migrants in time and space: locality as a blind spot of migration scholarship // *Historische Anthropologie*. 2013. Vol. 21 (1). P. 26–42. doi: 10.7788/ha.2013.21.1.26

3. De Haas H. The migration and development: a critical view on research and policy // *International Migration Review*. 2012. Vol. 50 (3). P. 8–25. doi: 10.1111/j.1468-2435.2012.00755.x
4. Краснова К.А. О роли обмена информации в системе мер противодействия незаконной миграции // IX Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. С.В. Векленко. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2021. 150 с.
5. Sorensen N.N. Revisiting the migration-development nexus: from social networks and remittances to markets for migration control // *International Migration Review*. 2012. Vol. 50 (3). P. 61–76. doi: 10.1111/j.1468-2435.2012.00753.x
6. Vertovec S. Migrant Transnationalism and Modes of Transformation // *International Migration Review*. 2006. Vol. 38 (3). P. 970–1001. doi: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00226.x
7. Truntsevsky Yu., Osokin R., Borisov S. Actual Problems of Settlement and Implementation of Criminal Liability for Crimes Related to illegal Migration // *Nordsci 2018 Conference, Helsinki, Finland, Conference Proceedings Book 2*. 2018. Vol. 1. P. 369–373. doi: 10.32008/NORDSCI2018/B2/V1/39
8. Решняк М.Г. Современные проблемы действия уголовного законодательства России и отдельных зарубежных стран, связанные с цифровизацией преступной деятельности // *Безопасность бизнеса*. 2020. № 6. С. 54–61.
9. Mesko G., Sotlar A. Prevention of Crime in Local Communities – Between ad hoc Approaches and Knowledge-Based Prevention Activities // *Policija i Sigurnost-Police and Security*. 2013. Vol. 22 (1). P. 42–59.
10. Meško G., Hacin R., Pirnat U., Eman K. Migration issues in Slovenia : beyond the rhetoric of university-level criminology and crime prevention education for sustainable development // *Refugees and migrants in law and policy : challenges and opportunities for global civic education*. 2018. S. 495–527. doi: 10.1007/978-3-319-72159-0_22
11. Тараненко В.В., Харитонов С.С., Решняк М.Г., Борисов С.В. Современные проблемы установления и реализации уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконной миграцией // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15, № 3. С. 341–351. doi: 10.17150/2500-4255.2021.15(3).341-351
12. Бучаков С.А., Клейменов М.П. Модели миграционной политики в контексте противодействия нелегальной миграции // *Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития : Сборник статей по итогам Второго Новосибирского международного юридического форума : в 2 ч, Новосибирск, 20–22 мая 2020 года*. Новосибирск : Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2020. С. 249–269.
13. Иншаков С.М. Стратегемы миграционной безопасности // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2018. № 2 (49). С. 24–27.
14. Ница В.Н., Щербина Е.М. Возможные механизмы борьбы с незаконной миграцией и связанной с ней преступностью на примере Европы // *Преступность, уголовная политика, закон*, Москва, 26–27 января 2016 года / Российская криминологическая ассоциация. М. : Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2016. С. 497–503.
15. Андриченко Л.В. Проблемы систематизации миграционного законодательства // *Журнал российского права*. 2014. № 12. С. 5–15. doi: 10.12737/6569
16. Прокофьев Д.А. Использование результатов криминологических исследований по проблемам противодействия незаконной миграции // *Миграционное право*. 2009. № 4. С. 2–5.
17. Репецкая А.Л. Миграция и региональная преступность: характеристика и проблемы борьбы (по материалам одного криминологического исследования) // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2007. № 1–2. С. 48–53.
18. Баранов В.М. Незаконная миграция в современной России: понятие, виды, эффективность противодействия // *Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты : сб. ст. Нижний Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации*, 2004.
19. Хабриева Т.Я. Основные направления развития миграционного законодательства // *Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты : сб. ст. Нижний Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации*, 2004. С. 7–18.
20. Kruessmann T. Human rights in combating organised crime and the problem of «illegal» migration in Europe // *Журнал Белорусского государственного университета*. Право. 2020. № 3. P. 24–29.
21. Caglar A., Schiller N.G. Migrants and City-Making: Dispossession, Displacement, and Urban Regeneration. Durham and London: Duke University Press. 280 p. // *Nordic Journal of Migration Research*. 2018. Vol. 10 (3). P. 105–107. doi: 10.33134/njmr.138
22. Portes A. Migration and development: reconciling opposite views // *Ethnic and Racial Studies*. 2009. № 32 (1). P. 5–22. doi: 10.1080/01419870802483668
23. Faist T. Migrants as Transnational Development Agents: An Inquiry into the Newest Round of the Migration–Development Nexus // *Population, Space and Place*. 2008. № 14. P. 21–42. doi: 10.1002/psp.471
24. Первозванский В.Б., Строгович Ю.Н. Мигранты и национальная безопасность // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2019. № 4. С. 13–16. doi: 10.18572/2072-4438-2019-4-13-16
25. Скрипченко Н.Ю. Организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ): вопросы законодательной техники и правоприменения // *Миграционное право*. 2021. № 1. С. 33–35. doi: 10.18572/2071-1182-2021-1-33-35
26. Скрипченко Н.Ю. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы и преступлениях, связанных с незаконной миграцией // *Уголовное право*. 2020. № 6. С. 70–76.
27. Денисов Н.Л., Борисов С.В. Конституционно-правовые основы и проблемы установления и реализации уголовной ответственности за нарушения миграционного законодательства // *Вестник Московского государственного областного университета*. Сер.: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 18–30. doi: 10.18384/2310-6794-2020-2-18-30
28. Каменева А.Н. Актуальные проблемы квалификации и направления противодействия преступлениям, совершаемым в сфере миграции // *Миграционное право*. 2021. № 1. С. 25–27. doi: 10.18572/2071-1182-2021-1-25-27
29. Панькин А.А. Проблемы ограничения организации незаконной миграции от административных правонарушений // *Миграционное право*. 2020. № 2. С. 32–36. doi: 10.18572/2071-1182-2020-2-32-36
30. Цепелев В.Ф. Современное состояние российского уголовного законодательства и его влияние на разработку и реализацию уголовной политики // *Российский следователь*. 2019. № 7. С. 43–46.
31. Борисов С.В. Нарушение границы и незаконная миграция: позиции Пленума ВС РФ // *Уголовный процесс*. 2020. № 10(190). С. 73–81.
32. Решняк М.Г. О соотношении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации // *Современное право*. 2016. № 5. С. 75–77.

References

1. Filippenko A. A. Problems of US immigration policy in the period 1990-2015/: dis. ... Candidate of Historical Sciences-M., 2015 – – 173 p.
2. Caglar, A., 2013. Locating migrants in time and space: locality as a blind spot of migration scholarship. – *Historische Anthropologie*, vol. 21 (1), pp.26-42. DOI: 10.7788/ha.2013.21.1.26.
3. De Haas, H., 2012. The migration and development: a critical view on research and policy. – *International Migration Review*, vol. 50 (3), pp. 8-25. DOI: 10.1111 / j.1468-2435.2012.00755.x.

4. Krasnova K. A. On the role of information exchange in the system of measures to counter illegal migration / K. A. Krasnova // IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the third millennium": Materials of the international scientific and practical conference / ed. Dr. jurid. of Sciences S. V. Veklenko. - Kaliningrad: Kaliningrad branch of the SPbU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 150 p.
5. Sorensen, N.N. 2012. Revisiting the migration-development nexus: from social networks and remittances to markets for migration control. – International Migration Review, vol. 50 (3), pp. 61-76. DOI: 10.1111 / j.1468-2435.2012.00753.x.
6. Vertovec, S. 2006. Migrant Transnationalism and Modes of Transformation. – International Migration Review, vol. 38 (3), pp. 970-1001. DOI:10.1111/j.1747-7379.2004.tb00226.x.
7. Truntsevsky, Yu., Osokin, R., Borisov, S. Actual Problems of Settlement and Implementation of Criminal Liability for Crimes Related to illegal Migration, Nordsci 2018 Conference, Helsinki, Finland, Conference Proceedings Book 2, vol. 1, pp. 369-373. DOI:10.32008/NORDSCI2018/B2/V1/39.
8. Reshnyak, M. G. Modern problems of the criminal legislation of the Russia and certain foreign countries related to the digitalization of criminal activity / M. G. Reshnyak // Business security. - 2020. - No. 6. - pp. 54-61.
9. Mesko, G., Sotlar, A., 2013 Prevention of Crime in Local Communities - Between ad hoc Approaches and Knowledge-Based Prevention Activities - POLICIJA I SIGURNOST-POLICE AND SECURITY, vol. 22 (1), pp.42-59.
10. Meško, G., Hacin, Rok, Pirnat, Urška Eman, Katja 2018 Migration issues in Slovenia : beyond the rhetoric of university-level criminology and crime prevention education for sustainable development / Gorazd Meško ... [et al.] // Refugees and migrants in law and policy : challenges and opportunities for global civic education. - Str. 495-527. DOI: 10.1007/978-3-319-72159-0_22.
11. Taranenko V. V. Modern problems of establishing and implementing criminal responsibility for crimes related to illegal migration / V. V. Taranenko, S. S. Kharitonov, M. G. Reshnyak, S. V. Borisov. // All-Russian Journal of Criminology. - 2021. - Vol. 15, No. 3 — - pp. 341-351. DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(3).341-351.
12. Buchakov, S. A. Models of migration policy in the context of countering illegal migration / S. A. Buchakov, M. P. Kleimenov // Law and economics: national experience and development strategies : A collection of articles on the results of the Second Novosibirsk International Legal Forum: at 2 o'clock, Novosibirsk, May 20-22, 2020. - Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH", 2020. - pp. 249-269.
13. Inshakov, S. M. Strategems of migration security / S. M. Inshakov // Criminology: yesterday, today, tomorrow. – 2018. – № 2(49). – Pp. 24-27.
14. Nica, V. N. Possible mechanisms for combating illegal migration and related crime on the example of Europe / V. N. Nica, E. M. Shcherbina // Crime, criminal policy, law, Moscow, January 26-27, 2016 / Russian Criminological Association. - Moscow: All-Russian Public Organization "Russian Criminological Association", 2016. - pp. 497-503.
15. Andrichenko, L. V. Problems of systematization of migration legislation /L. V. Andrichenko// Journal of Russian Law. - 2014. - No. 12. - p. 5-15. DOI 10.12737/6569.
16. Prokofiev, D. A. Using the results of criminological research on the problems of countering illegal migration / D. A. Prokofiev // Migration law. - 2009. - No. 4. - pp. 2-5.
17. Repetskaya, A. L. Migration and regional crime: characteristics and problems of struggle (based on the materials of a criminological study) / A. L. Repetskaya // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. - 2007. - No. 1-2. - pp. 48-53.
18. Baranov V. M. Illegal migration in modern Russia: the concept, types, effectiveness of counteraction / V. M. Baranov // Migration, human rights and economic security of modern Russia: the state, problems, effectiveness of protection : A collection of articles. - Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2004.
19. Khabrieva, T. Ya. The main directions of development of migration legislation / T. Ya. Khabrieva // Migration, human rights and economic security of modern Russia: the state, problems, and effectiveness of protection : A collection of articles. - Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2004. - pp. 7-18.
20. Kruessmann, T. Human rights in combating organised crime and the problem of "illegal" migration in Europe / T. Kruessmann // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2020. – No 3. – P. 24-29.
21. Caglar, A., Schiller, N.G. (2018) Migrants and City-Making: Dispossession, Displacement, and Urban Regeneration. – Durham and London: Duke University Press. 280 pp. Nordic Journal of Migration Research, 10(3), pp. 105–107. DOI:10.33134/njmr.138.
22. Portes A. Migration and development: reconciling opposite views // Ethnic and Racial Studies. 2009. № 32 (1). pp. 5-22. DOI: 10.1080 / 01419870802483668.
23. Faist T. Migrants as Transnational Development Agents: An Inquiry into the Newest Round of the Migration–Development Nexus // Population, Space and Place. – 2008. – №14. pp. 21–42. DOI: 10.1002 / psp.471.
24. Pervozvansky, V. B. Migrants and national security /V. B. Pervozvansky, Yu. N. Strogovich// The penal enforcement system: law, economics, management. - 2019. - No. 4. - p. 13-16. DOI 10.18572/2072-4438-2019-4-13-16.
25. Skripchenko, N. Yu. Organization of illegal migration (Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of legislative technique and law enforcement /N. Yu. Skripchenko// Migration law. - 2021. - No. 1. - pp. 33-35. DOI 10.18572/2071-1182-2021-1-33-35.
26. Skripchenko N. Yu. Explanations of the Plenum of the Supreme Court on judicial practice in cases of illegal crossing of the State border and the crimes associated with illegal immigration /N. Yu. Skripchenko// Criminal law. – 2020. – No. 6. – P. 70-76.
27. Denisov, N. L. Constitutional and legal framework and the problem of establishing criminal responsibility for violations of immigration laws / N.L. Denisov, S. V. Borisov // Bulletin of Moscow state regional University. Ser.: Law. - 2020. - No. 2. - pp. 18-30. DOI 10.18384/2310-6794-2020-2-18-30.
28. Kameneva, A. N. Actual problems of qualification and directions of countering crimes committed in the field of migration /A. N. Kameneva // Migration law – 2021. - No. 1. - pp. 25-27. DOI 10.18572/2071-1182-2021-1-25-27.
29. Pankin, A. A. Problems of distinguishing the organization of illegal migration from administrative offenses // Migration law. - 2020. - No. 2. - pp. 32-36. DOI 10.18572/2071-1182-2020-2-32-36.
30. Tsepelev, V. F. The current state of Russian criminal legislation and its impact on the development and implementation of criminal policy /V. F. Tsepelev // Russian investigator. - 2019. - No. 7. - pp. 43-46.
31. Borisov, S. V. Border violation and illegal migration: positions of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation /S. V. Borisov// Criminal process. – 2020 – № 10(190). – Pp. 73-81.
32. Reshnyak, M. G. On the correlation of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation /M. G. Reshnyak // Modern Law. - 2016. - No. 5. - pp. 75-77.

Информация об авторах:

Решняк М.Г. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: irbis-7375@yandex.ru

Борисов С.В. – д-р юрид. наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: svb8@yandex.ru

Гладких В.И. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (Москва, Россия). E-mail: gladkich04@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Reshnyak M.G., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: irbis-7375@yandex.ru

Borisov S.V., Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: svb8@yandex.ru

Gladkikh V.I., All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: gladkich04@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.07.2021;
approved after reviewing 09.08.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 340.13
doi: 10.17223/15617793/474/30

Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект

Иван Николаевич Сенякин¹, Артем Григорьевич Репьев², Константин Евгеньевич Торчилин³

¹ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, vestnik2@ssla.ru
² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, rep-ev-artem@yandex.ru
³ Тамбовский областной суд, Тамбов, Россия, k.e.torchilin@gmail.com

Аннотация. Проанализированы процессы возникновения и развития в механизме правового регулирования запрета на обход закона как правозащитного средства. Выделены основные исторические этапы противодействия данной форме поведения, установлены технико-юридические особенности внедрения запрета на обход закона, а также практика его применения. Поднята проблема формальной неопределенности понятия «обход закона» в памятниках отечественного законодательства, отмечены недостаточная изученность данного феномена в теории права, разрозненность существовавших доктринальных позиций о его юридической природе.

Ключевые слова: обход закона, механизм правового регулирования, правовая норма, злоупотребление правом, неправомерные действия

Для цитирования: Сенякин И.Н., Репьев А.Г., Торчилин К.Е. Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 272–284. doi: 10.17223/15617793/474/30

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/30

Prohibition to bypass the law in the legal regulation mechanism: historical and legal aspect

Ivan N. Senyakin¹, Artem G. Repev², Konstantin E. Torchilin³

¹ Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, vestnik2@ssla.ru
² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation, rep-ev-artem@yandex.ru
³ Tambov regional court, Tambov, Russian Federation, K.E.Torchilin@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to solve a major scientific problem - to determine the legal nature, content and place in the system of means of legal regulation of "circumvention of the law," that is, such behavior of the subject in which the norm is not respected, but not directly, but by various combinations that hide such actions.

The hypothesis of the study is the thesis that modern legislation, judicial and other law enforcement practice, as well as the scientific community, unreasonably goes away from considering the phenomenon of "bypassing the law" in essence, while actively using this terminology without offering an appropriate definition, mixing with other legal institutions, such as: "invalid transaction," "fake transaction," etc. This situation not only impoverishes the scientific and theoretical apparatus of jurisprudence, but also reduces the effectiveness of legal regulation through a system of legal permits and advantages, levels the protective potential of restrictions and prohibitions. The current need predetermined the need to study the historical laws and shortcomings of the technical and legal consolidation of the design "bypassing the law." Subsequently, the multidimensional nature of the impact of the ban on circumventing the law as a specific human rights tool on all spheres of society and the state is argued.

Using a set of general scientific and specially legal methods of cognition, the authors argue the provision on the long evolutionary development of the institution of the ban on circumventing the law, which, nevertheless, did not lead to the formation of stable determinants of its introduction into the legal regulation mechanism. The initial normative basis for countering circumvention of the law, presented by the prescriptions of acts issued in 1922, has been established, which proves the deliberate introduction by the State of a set of flexible human rights structures into the legal regulation mechanism. The functional significance of the ban on circumventing the law in the legal regulation mechanism is proved, its concept is determined.

Having considered doctrinal material (both archival and modern), data from judicial and other law enforcement practice, the authors conclude during the study that, legislative regulation and the peculiarities of the functioning of the ban on circumventing the law in the legal regulation mechanism were associated with a number of circumstances: the absence of a general theoretical concept of circumventing the law that would explain this phenomenon and its socially harmful nature; the formal uncertainty of the legal concept of "circumvention of the law," and as a result of the

above, the not sufficiently logically verified position of the legislator regarding comprehensive opposition to circumvention of the law. Thus, it is concluded that at the initial stages of the development of the Soviet legal regulation mechanism, the ban on circumventing the law was important as an additional legal guarantee of legality in the field of civil law, having today evolved into an intersectoral legal phenomenon that needs a comprehensive general theoretical study.

Keywords: circumvention of law, legal regulation mechanism, legal norm, abuse of law, illegal actions

For citation: Senyakin, I.N., Repev, A.G. & Torchilin, K.E. (2022) Prohibition to bypass the law in the legal regulation mechanism: historical and legal aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 272–284. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/30

В современных социально-правовых реалиях происходит значительная интенсификация общественных отношений. Отмеченная тенденция отчетливо выражается не только в постоянном количественном росте общего массива разнообразных социальных связей, но и в их постепенном усложнении, а также в возникновении их качественно новых форм. Наиболее востребованные из них находят закрепление и детализацию в действующем законодательстве. Например, правоотношения, основанные на введенных в 2015 г. в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) нормах о рамочных, опционных и абонентских договорах, отношения, происходящие от таких новаций в гражданском праве, как альтернативные и факультативные обязательства (Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»), а также социальные связи, вытекающие из проведения до 31 декабря 2028 г. эксперимента по установлению в ряде субъектов РФ специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)»), и др.

В этих динамично меняющихся условиях существенно актуализируется потребность в постоянном, комплексном и концептуально обоснованном совершенствовании механизма правового регулирования, в переоценке и приведении различных форм правового воздействия в строгое соответствие с прогрессивными конституционными началами, международными нормами и принципами, развивающимися правами и свободами, многофакторными социальными ожиданиями.

Положения ст. 2 Конституции РФ задают одно из ключевых направлений модернизации данного механизма – систематическое совершенствование и отладка правозащитных юридических средств, устанавливающих и обеспечивающих гарантии юридической защищенности субъекта как в отдельных правоотношениях, так и в целых сферах жизнедеятельности общества. Значение таких преобразований для развития институтов правового государства в условиях высокой изменчивости законодательства сложно недооценить, а совокупность мер, применяемых публичной властью в данной области, достаточно вариативна и не ограничивается экстенсивным расширением казуальных запретов или пересмотром существующих санкций.

Инициатива Верховного Суда РФ по внедрению в уголовное законодательство качественно новой формы противоправного поведения – уголовного проступка (Законопроект № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»), увеличение диапазона использования административной преюдиции в уголовном законодательстве, нашедшей поддержку как Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности Д.А. Медведева (Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.11.2009), так и Президента России В.В. Путина (Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 03.12.2015), применение в правозащитных целях неюрисдикционного процесса [1. С. 112–113], а также ряд иных мер позволяют констатировать масштабные качественные преобразования правовой материи, влекущие точечное устаревание, а в отдельных аспектах – институциональные пробелы в теоретических знаниях о самой сущности такой фундаментальной юридической категории, как «противоправное поведение».

Последняя уже не в полной мере укладывается в имеющиеся доктринальные представления о ней, а возникший и растущий дисбаланс между таким важным явлением и познаниями о нем комплексно и негативно сказывается на описательном и объяснительном потенциале теории государства и права. На практике этот дисбаланс проявляется как одна из важных причин возникновения разного рода дефектов в правотворчестве и правоприменении, неполноты охраны и защиты правоотношений, неэффективности устанавливаемых мер юридической ответственности и механизмов предупреждения противоправного поведения. Изложенное актуализирует исследования как неправомерного поведения в целом, так и наиболее значимых изменений законодательства, сказывающихся на его трактовке. В этом контексте показательной и весьма важной правовой новеллой выступает запрет на обход закона с противоправной целью (Федеральный закон РФ от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. от 04.03.2013)), вызвавший многочисленные дискуссии в научном сообществе.

Приведенное законодательное преобразование явилось поворотом в правовом регулировании, так

как повлекло обширную переоценку границ дозволенного и запрещенного, вытеснив из правовой жизни целый пласт юридически значимых отношений, которые ранее не обладали противоправным характером и могли расцениваться только как формы свободной реализации субъективных прав. При этом осуществление соответствующих изменений в праве России происходило в условиях крайне недостаточной изученности самого феномена обхода закона, что, по существу, исключало полноценную научную обоснованность реформы.

Отмечая наличие Концепции развития гражданского законодательства (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009), подготовленной на основании Указа Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», а также развернутой пояснительной записки к соответствующему законопроекту, отметим, что выработка целостной теоретической основы, объясняющей правовую природу обхода закона и связанные с данным явлением общие закономерности, вплоть до настоящего момента остается одной из важных и проблемных задач, стоящих, прежде всего, перед теорией государства и права. В свою очередь, потребность в решении очерченной задачи и приведении понятия «противоправное поведение» в соответствие с изменившейся правовой действительностью актуализирует тщательный анализ прежнего опыта противодействия обходу закона, выявление особенностей его запрещения в памятниках отечественного права, локализацию направлений развития соответствующих ранее действовавших охранительных норм и оценку их эффективности, а также исследование генезиса доктринальных представлений о теоретической сущности обхода закона и его деструктивном влиянии на общественные отношения. Учет данных положений необходим и предстает неотъемлемым условием последовательного и всестороннего понимания феномена обхода закона, его места в системе иных правозащитных средств, а также особенностей его функционирования в механизме государственно-правового регулирования общественных отношений.

Начать полагаем с тезиса, что проведенная реформа вовсе не связана с практической реализацией мер противодействия какому-либо принципиально новому юридическому феномену. Напротив, выделение действий в обход закона в качестве отдельной формы неправомерного поведения имеет многовековую историю, восходящую к праву Древнего Рима. В его терминологическом аппарате такие действия обозначались как «*Agere in fraudem legis*» (Обход закона. Недозволенные действия, противные не букве, но духу закона; запрещались прямо или косвенно; практически приравнивались к действиям *contra legem*) [2. С. 30]. Древнеримский правовед Юлий Павел (Julius Paulus) утверждал: «Поступает против закона тот, кто совершает запрещенное законом; поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл» [3. С. 113]. Другой римский юрист Домиций Ульпиан

(Domitius Ulpianus) высказывался: «Обход же закона бывает тогда, когда закон хотя и не желает, чтобы что-либо было совершено, однако не запрещает совершенно это, и это совершается; и как отличается сказанное от задуманного, так различаются обход закона с тем, что совершено против закона» [3. С. 113].

При несформированности критериев, позволяющих четко отграничить обход закона от иных противоправных деяний, а также констатируя недостаточную упорядоченность и неполноту характеристик этого деяния, данных классическими римскими юристами, именно их идеи заложили основы доктринального понимания юридической природы обхода закона не только в праве Древнего Рима, но и в ряде других государств. Важно подчеркнуть, что в отличие от многих иных реципированных институтов римского права запрет на обход закона не получил широкого распространения даже в странах романо-германской правовой семьи. В настоящий момент с некоторыми особенностями он существует в правовых системах Франции [4], Германии [5. С. 11], Италии [6. С. 577] и Испании [7. С. 16], однако в целом может рассматриваться как правозащитный механизм, находящий лишь локальное использование в континентальном праве. Вместе с тем факты его закрепления в современном законодательстве отдельных развитых стран убедительно свидетельствуют о том, что в наши дни обход закона не приобрел статуса юридического архаизма, имеющего ценность исключительно для историко-правовых наук, как и не утратил социально вредный характер.

Переходя к непосредственному анализу отечественного опыта внедрения запрета на обход закона в механизм правового регулирования, надлежит, прежде всего, отметить его общую непродолжительность. Это не позволяет рассматривать противодействие обходу закона в качестве одного из традиционных направлений реализации правоохранительной функции государства и внутренней политики. Многие правоведы солидарны в оценках содержания памятников отечественного законодательства и высказывают единодушные мнения о том, что на всем протяжении длительного дореволюционного периода государственно-правового строительства обход закона не выделялся в качестве разновидности противоправного деяния и никак не запрещался, а в научной и учебной литературе того периода предметная и подробная теоретическая разработка действий в обход закона не проводилась. Е.Д. Суворов отмечает, что сам термин «обход закона» хотя и находил использование в научных работах, опубликованных в конце XIX – начале XX в., но при этом употреблялся в разрозненных смысловых значениях, в числе прочего – в качестве синонимов понятий «мнимая сделка» и «притворная сделка» [8. С. 7–11]. Вместе с тем А.И. Муранов со ссылкой на циркуляр Министерства иностранных дел Российской империи № 4105 от 15.07.1900 г. утверждает, что термин «обход закона» применялся в праве при регламентации правоотношений с участием иностранцев, но только в качестве синонима слова «обман» [9]. При этом ученый констатирует, что даже обширному и, по его мнению,

достаточно прогрессивному для своего времени законодательству Российской империи в сфере международного частного права обход закона не был известен и не применялся в судебной практике при решении возникающих споров.

В первой главе первого раздела четвертой книги десятого тома Свода законов Российской империи от 1857 г., посвященной регулированию общих положений о договорах, закреплялась ст. 1529, устанавливающая следующее правило: «Договор недействителен и обязательство ничтожно, если побудительная причина к заключению оного есть достижение цели, законом запрещенной». Норма предусматривала казуально-абстрактный перечень деяний, на которые распространялся соответствующий запрет. Характер этого предписания, направленный на противодействие преодолению общеобязательных правил поведения с противоправной целью, несколько сближает рассматриваемую правовую норму с запретом на обход закона в его современной форме. Однако это не дает оснований для отождествления данных правозащитных средств.

Практическое применение концепции противодействия обходу закона и ее непосредственное внедрение в механизм правового регулирования были осуществлены на более позднем – советском этапе развития государства и права. Самым первым нормативным актом, опосредовавшим данные процессы, явился декрет ВЦИК от 22.05.1922 «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», в пп. «б» п. 7 которого устанавливалась недействительность договоров, совершенных с целью, противной закону или в обход закона. Это обстоятельство наглядно иллюстрирует значимость, придаваемую запрету на обход закона в видении законодателя РСФСР, так как данный нормативный акт, по вполне обоснованной оценке Д.М. Гренкина, являлся декларацией, провозглашавшей общие принципиальные положения [10. С. 39]. Он не регулировал конкретные обязательства, не был предназначен для этого и по объективным причинам не мог охватить всего многообразия признаваемых в стране имущественных прав и отношений, закрепляя лишь самые важные, отправные для частного права положения, в числе которых был и запрет на обход закона. Одновременно в рассматриваемом акте содержалось поручение, адресованное Президиуму ВЦИК и СНК, о выработке на основании этого постановления соответствующих гражданско-правовых законов и проекта их кодификации. Исполнение данного поручения и категоричные правила ст. 30 первого отечественного кодифицированного источника частного права – Гражданского кодекса РСФСР (ГК РСФСР), принятого в 1922 г., представляют неоспоримо больший интерес для исследования, так как именно в этой статье было осуществлено непосредственное внедрение запрета на обход закона в механизм правового регулирования, выражена официальная оценка этой новой формы поведения как социально вредной и определены ее последствия – недействительность любых сделок, совершенных в обход закона.

Формально-юридический анализ показывает, что данная правовая новелла представляет собой предельно общую норму-запрет, распространяющуюся на все правоотношения, регулируемые гражданским законодательством. Важно, что обход закона не был интегрирован в правовую материю в статусе самостоятельного и качественно нового института права, имеющего правозащитное целевое назначение. Он выступал лишь одним из предусмотренных ГК РСФСР оснований для признания сделки недействительной. В таком качестве данный запрет был задействован в обеспечении комплексной охраны прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений наряду с иными не менее важными основаниями для признания сделок недействительными, хотя при этом и влек для нарушителя самые неблагоприятные последствия. Например, при несоблюдении установленной законом формы сделки на каждую из сторон возлагалась обязанность вернуть другой все полученное по сделке (ст. 151 ГК РСФСР). Совершение сделки под влиянием обмана, угрозы или насилия давало только потерпевшей стороне право требовать возвращения исполненного с обязательным взысканием несправедливого обогащения в пользу государства (ст. 149 ГК РСФСР). В свою очередь, квалификация соглашения как сделки против закона, в обход закона или сделки, заключенной в целях причинения явного ущерба государству, на основании ст. 30, 147 и 402 ГК РСФСР полностью исключала двустороннюю реституцию. Стороны не возвращались в то имущественное положение, в котором они были до заключения договора в обход закона. Вместо этого действовавшие санкции предусматривали безвозмездное и принудительное обращение предмета сделки, совершенной в обход закона, в доход казны как неосновательного обогащения [11. С. 971–972].

Продолжая анализ техники юридического письма, укажем, что обход закона запрещался в правилах всего одной статьи рассматриваемого кодекса, диспозиция которой имела не описательный, а простой характер. Дефинитивная норма, раскрывающая понятие «обход закона» для целей данного кодекса, также отсутствовала. Предшествующего опыта противодействия обходу закона не имелось, и даже при его наличии он был бы неприменим, так как п. 6 Постановления ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» предусматривал запрет на толкование положений ГК РСФСР на основе ранее действовавшего законодательства Российской империи, правовых актов Временного правительства и наработанной в эти периоды правоприменительной практики. В совокупности используемая конструкция диспозиции ст. 30 ГК РСФСР 1922 г. и указанные обстоятельства влекли очевидную терминологическую неопределенность, нечеткость и неоднозначность категории «обход закона», на что обращалось внимание [12. С. 245; 13. С. 22].

Проблема обострялась тем, что обход закона оставался не только новым, непривычным для правовой системы, но и малоизученным явлением. При отсутствии достаточного количества фундаментальных работ, посвященных анализу обхода закона, его сущ-

ность лишь отчасти прояснялась отдельными доктринальными положениями. Так, в первой советской энциклопедии государства и права давалось весьма лаконичная трактовка сделок, совершенных в обход закона. Они определялись как «...сделки, являющиеся сами по себе не противозаконными, но заведомо направленные к достижению результатов, не допускаемых законом» [14. С. 1339–1340]. При этом характеристика самих действий, образующих обход закона, на энциклопедическом уровне не приводилась, а с учетом характера приведенной трактовки не представлялось возможным понять, по каким признакам можно отличить сделку, совершенную в обход закона, от сделки, недействительной по другому основанию, вследствие ее совершения с целью, противной закону.

Н.Г. Вавин утверждал, что сделка совершается в обход закона, «когда она имеет свою цель привести окольными путями к последствиям, которые стоят в противоречии с законом» [15. С. 9–10], и полагал, что для достижения таких последствий чаще всего прибегают к заключению притворных и фидуциарных сделок [16. С. 21]. В работе И.Б. Новицкого констатируется схожесть притворных сделок со сделками в обход закона, отмечая, что последние по своей сути законны и волеизъявление участников направлено на заключение именно такой сделки, однако она должна привести к незаконному результату, «чтобы обойти препятствия, которые они встречают в законе, и все-таки прийти к своей цели, хотя и не прямым путем» [17. С. 87]. С.Н. Братусь и М.В. Зимелева несколько иначе характеризовали обход закона, используя при этом телеологический подход. Ученые считали, что сделка в обход закона выражается в совершении допустимой сделки, посредством которой стороны предпринимая попытку достичь цели, противоречащей закону [18. С. 136]. Н.В. Рабинович полагает, что «характерным моментом для сделок, рассматриваемых как “обходные”, является способ действия – нарушение закона не прямо, а путем различных комбинаций, скрывающих и маскирующих это нарушение» [13. С. 25]. Вместе с тем ученый критически оценивает существовавшие доктринальные трактовки положений ст. 30 ГК РСФСР 1922 г., отмечая, что содержащаяся в них интерпретация понятия «обход закона» никак не соотносится со смысловым значением положений кодекса [13. С. 23]. Она обратила внимание на существование прикладных проблем разграничения судами недействительных сделок, запрещенных в правилах ст. 30 ГК РСФСР [13. С. 24–25], и высказалась о нецелесообразности выделения сделок в обход закона в качестве отдельной разновидности недействительных сделок [13. С. 22, 25]. В этом с ней солидарна Р.О. Халфина, отмечавшая, что сделка, совершенная в обход закона, почти всегда может рассматриваться как притворная сделка и «имеет своим правовым результатом осуществление цели, противоречащей закону» [19. С. 188].

Приведенные доктринальные позиции не исчерпывают идеи советских правоведов по поводу проблемы обхода закона, но наглядно иллюстрируют отсутствие единства в терминологии, существование не

решенных юридической наукой, но весьма важных проблем разграничения сделок, совершенных в обход закона, со сделками, совершенными с целью, противной закону, а также с мнимыми и притворными сделками.

В действовавшем законодательстве проблема терминологической неопределенности также не была решена. Диспозиция ст. 30 ГК РСФСР не дополнялась соответствующим понятием, не была введена специальная норма-дефиниция, а аутентичное или легальное толкование, способное раскрыть понятие «обход закона» и его основные признаки, не осуществлялось. Верховный Суд РСФСР не давал разъяснений по правильному и единообразному применению указанной нормы, хотя в отдельных решениях и ориентировал суды на точное установление сознательного совершения сделки в обход закона с целью нарушить закон или с явным ущербом для государства (Из деятельности Верховного Суда РСФСР. Определения гражданской кассационной коллегии от 30.09.1924), а также разъяснял судам необходимость «особо осторожного подхода к сомнительным с житейской (а не с формальной) стороны договорам, выясняя в каждом отдельном случае, нет ли обхода закона» [20. С. 37–38].

Осуществленный анализ позволяет утверждать, что правоприменительная практика и доктрина в хронологических рамках действия ГК РСФСР 1922 г. расценивали в качестве сделок, совершенных в обход закона, достаточно многообразные казуальные соглашения и даже целые группы сделок.

Показательным примером здесь выступает чрезвычайно объемная группа разнородных отношений, участие в каком-либо из которых влекло квалификацию действий сторон как обход закона – даже при отсутствии прямого указания об этом в нормативной правовой базе. Речь идет о так называемых непоименованных договорах, широко распространенных в современном гражданском обороте. Отметим, что дореволюционное законодательство и доктрина рассматривали такие соглашения, не предусмотренные законодательством, но не противоречащие основным началам частного права и базовым требованиям, предъявляемым к сделкам [21. С. 158; 22. С. 145], как вполне правомерное и допустимое поведение, вытекающее из свободы договора и свободы согласования его условий. Однако, вопреки данной правовой традиции, в изменившихся реалиях всякий договор гражданско-правового характера, прямо не предусмотренный нормами ГК РСФСР, в соответствии с правовой позицией Верховного Суда РСФСР признавался сделкой, совершенной в обход закона [20. С. 36].

Считалось, что в обход закона совершаются сделки, нарушающие государственное планирование (например, заключение договора поставки фондируемой продукции в нарушение государственных планов ее распределения), сделки организаций, не предусмотренные их уставами (заключение договоров оптовой продажи организацией, занимающейся в соответствии с ее уставом только розничной торговлей, заключение промысловыми артелями сделок по продаже продукции, не произведенной ими самостоятельно, а приобретенной для последующей перепро-

дажи) [23. С. 226]. По такому же основанию признавались недействительными спекулятивная купля-продажа, а также сделки, связанные с использованием собственного имущества с целью получения нетрудовых доходов. Обходом закона признавались неоднократные, в том числе и хронологически отделенные друг от друга акты дарения между одними и теми же лицами имущества, которое фактически образует наследство [24. С. 845]. Таким же образом квалифицировались договоры дарения вещей на случай смерти дарителя [25. С. 255]. Считалось, что стороны обходят нормы закона о форме договора в случае приобретения права собственности на жилое недвижимое имущество путем домашнего, а не нотариального акта [26. С. 333]. Аналогичным образом оценивались действия, направленные на исключение применения к сделке правил ст. 182 ГК РСФСР, пресекающих возможность продажи жилья чаще, чем один раз в три года, посредством заключения между сторонами договора займа с залогом строения [27. С. 24]. В качестве сделки, совершенной в обход закона, рассматривалась продажа собственником принадлежащего ему имущества, на которое должно быть обращено взыскание его кредиторов [18. С. 136]. Сделками, совершенными в обход закона, являлись соглашения о торговом посредничестве гражданина по реализации продукции организации за комиссионное вознаграждение, договоры возмездной переуступки права пользования земельным участком, договоры учреждений и предприятий с третьими лицами по составлению проектов и смет по капитальному строительству [23. С. 226–227].

Важно, что при существовавшей четкой дифференциации права по отраслям пределы действия ст. 30 ГК РСФСР 1922 г. по запрету на обход закона на практике не ограничивались только гражданскими отношениями. При отсутствии в отраслевом законодательстве соответствующих норм-запретов, обходом закона официально признавались отдельные действия в области трудового права. В частности, применение работодателем обязательного увольнения по основанию непригодности к работе работника, совершившего уголовное преступление [28. С. 728; 29. С. 1014], реализация предпринимателем мер, направленных на сокрытие фактически существующих трудовых отношений с работником под формой гражданско-правовых отношений (Циркуляр Наркомюста РСФСР от 01.06.1924 № 99 «О борьбе с обходами законодательства о труде»), и др., в сфере гражданского процессуального права (например, при попытке сторонами прекратить судебный процесс путем заключения сомнительной мировой сделки) [30. С. 746] и даже в области отношений по поводу прохождения службы сотрудниками государственных учреждений. Также в случае оказания работниками кредитных организаций содействия скупщикам облигаций в продаже данных ценных бумаг в обход правил о покупке банками облигаций массовых займов [31. С. 47] или в ситуации, когда договор о выдаче стипендий заключается непосредственно со студентами, а не с компетентными органами, в ведении которых находятся вопросы образования (Из деятель-

ности Верховного Суда РСФСР. Определения Пленума от 21.07.1924 (протокол № 15)).

В целом эти обстоятельства позволяют выделить тенденцию неординарно широкой востребованности гражданско-правового механизма противодействия обходу закона, постепенного экстенсивного расширения сфер его применения в отраслях публичного права, которое могло бы лечь в основу издания соответствующих охранительных норм в ряде областей правового регулирования, обособленных от гражданского права. Последняя группа примеров, с учетом предусматривавшегося в положениях ст. 191 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (ГПК РСФСР) права обжаловать действия нотариусов, дает основания утверждать, что обход закона гипотетически мог иметь место в отдельных отношениях по поводу осуществления публичных полномочий, что распространяет противодействие этому явлению на область, относящуюся к современной административной юстиции, достаточно прогрессивная модель которой была разработана в республике в 1917 г., но впоследствии осталась нереализованной в праве РСФСР и СССР [32. С. 113].

При этом юридическая природа и основные отличительные признаки обхода закона даже в гражданском праве не были формально определены. Четких критериев, позволяющих дать точную оценку сделки или иного юридически значимого поведения как действий, совершенных в обход закона, в правовых нормах предусмотрено не было. По существу, смысловое содержание категории «обход закона» в каждом конкретном случае устанавливалось по субъективному усмотрению наделенного соответствующими полномочиями правоприменителя. Подход к объективизации словосочетания «обход закона» в праве как исключительно оценочной категории делал это понятие чрезвычайно гибким, применимым в любых ситуациях, имеющим логический объем, не зафиксированный и никак не ограниченный правовыми предписаниями, а определяемый в каждом конкретном случае по внутреннему убеждению компетентного субъекта. Я.Н. Бранденбургский по этому поводу утверждал: «...советская юстиция исходит из того основного положения, что в области хозяйственной жизни существуют отношения только публично-правовые, и с этой точки зрения государство может аннулировать состоявшиеся между частными лицами соглашения, договоры и проч., если последние, по той или иной причине, невыгодны или вредны для нашего пролетарского государства. Так нужно понимать выражение: “недействителен договор, совершенный с целью, противной закону или в обход закона”. Так всегда это истолкует революционное правосознание народного суда» [33. С. 1–2].

Важно выделить законодательное преобразование, связанное с локальным, но коренным изменением статуса запрета на обход закона в механизме правового регулирования. Одновременно с изданием постановления о введении ГК РСФСР уже действовавший Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (УК РСФСР) был дополнен ст. 79а (Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса

РСФСР»), в которой была осуществлена криминализация сокрытия «наследственного имущества в целом или в части, а равно искусственное уменьшение стоимости наследства, в целях обхода законов о праве наследования и наследственных пошлинах» (Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (в ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР»). В элементарном составе данного преступления обход закона выступает обязательным квалифицирующим признаком. Это обстоятельство позволяет утверждать, что обход закона с момента его первоначальной интеграции в механизм правового регулирования был расценен законодателем как социально вредная модель поведения, в отдельных правоотношениях обладающая признаками повышенной общественной опасности, в связи с чем образующая состав уголовного преступления. С учетом особенностей расположения ст. 79а во внутренней структуре УК РСФСР это деяние рассматривалось властным субъектом как причиняющее вред, прежде всего, публичным правоотношениям в области установленного порядка управления, а не частным имущественным отношениям в области универсального правопреемства.

Рассмотренная криминализация существенно изменила положение запрета на обход закона в структуре прочих правозащитных средств, однако это не побудило законодателя к принятию мер, направленных на повышение качества правового регулирования даже в сфере установленного уголовно-правового запрета. Введенным в УК РСФСР и рассмотренным предписанием осуществлялись охрана и защита от конкретного посяательства только отношений, регулируемых нормами налогового и наследственного права, в связи с чем по логическому объему оно было несопоставимо уже общего запрета, содержащегося в ст. 30 ГК РСФСР. Вместе с тем смысловое значение даже такого усеченного термина «обход закона» никак не раскрывалось в понятийно-категориальном аппарате уголовного законодательства для целей правильного и единообразного применения ст. 79а, что обостряло актуальность и придавало более масштабный, межотраслевой характер обозначенной проблеме формальной неопределенности данного понятия.

Криминализация обхода закона примечательна еще одним обстоятельством. ГК РСФСР, в соответствии со специальной нормой, приобретал юридическую силу с 01.01.1923, а рассмотренные изменения, внесенные в уголовное законодательство, на основании Постановления ВЦИК от 23.11.1918 (Постановление ВЦИК от 23.11.1918 «О времени вступления в силу узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства») вступали в силу со дня их опубликования, т.е. с 23.11.1922. Это означает, что формально самым первым действующим кодифицированным источником права, в который был внедрен запрет на обход закона, стал именно УК РСФСР 1922 г. В условиях криминализации обхода закона складывалась весьма противоречивая ситуация, при которой, вопреки логике правового воздействия на общество, охранительное законодательство, пусть и на непродолжительный срок, опережало регулятивное. Под угрозой применения к

нарушителю наиболее строгих мер государственного принуждения вводился общеобязательный запрет на множество дифференцированных моделей поведения, отклоняющихся от пока еще не действующих и по этой причине не подлежащих применению правил ст. 263, 271, 290, 416–435 ГК РСФСР, регламентирующих порядок наследования.

Совокупность рассмотренных законодательных преобразований существенно сказывалась на механизме правового регулирования. С помощью категории «обход закона» упорядочивание динамичных социальных связей и определение границ дозволенного в весьма широком спектре правоотношений ставились в прямую зависимость от субъективного усмотрения должностных лиц правоохранительных органов. С одной стороны, такой подход позволял эффективно противодействовать социально вредному поведению, которое в условиях происходивших коренных изменений в праве еще не было запрещено специальными нормами, компенсировал первоначальную неразвитость охранительного законодательства, а также проявляющиеся пробелы и коллизии в правовом регулировании. С другой – анализируемое правовое средство создавало очевидную и вполне реальную угрозу неверного толкования обхода закона, возникновения связанных с этим обстоятельством заблуждений и ошибок в применении права, а также явных злоупотреблений.

Изменившиеся правовые реалии также формировали достаточные логические предпосылки для переосмотра отдельных аспектов познания общих закономерностей возникновения, функционирования и развития государственно-правовых явлений. Вопреки этому в научных работах данного периода общетеоретические исследования обхода закона не проводились. В опубликованном в 1940 г. первом советском учебнике по теории государства и права феномен обхода закона не только не упоминался и не рассматривался в качестве формы неправомерного поведения, но и, по существу, отрицался в том виде, в котором он нашел практическую реализацию. Авторы данного учебника, характеризуя толкование права, отмечали: «При применении правовой нормы, главным образом закона, основная задача состоит не в том, чтобы сузить или расширить применение закона, а в том, чтобы применить этот закон именно так, как он написан, в точном соответствии с его текстом и смыслом. Поскольку суд не толкует, а применяет законы, то анализ, которому суд подвергает подлежащую применению норму, не может быть ни ограничительным, ни распространительным, а только полностью соответствующим самому закону. Расширить применение закона, т.е. выйти за пределы его текста, ни суд, ни другие органы не могут, так как это означало бы нарушение закона. Ограничить применение закона, т.е. сузить его по сравнению с его текстом, означало бы неприменение закона, когда он подлежит применению согласно его тексту, т.е. опять-таки нарушение закона» [34. С. 265]. Позднее М.С. Строгович несколько скорректировал данную позицию, указав, что толкование, ограничивающее или расширяющее смысл закона, является

допустимым, когда оно вытекает из самого закона, обеспечивает правильное понимание смысла и надлежащее применение правовых предписаний. По мнению ученого, такое «ограничительное и распространительное толкование закона <...> является средством не обхода и нарушения закона, а его правильного и точного применения» [35. С. 429–430]. Такую же оценку получила и аналогия права.

Анализ научных работ в области теории государства и права, опубликованных в период с 1922 по 1964 г. позволяет утверждать, что весьма сложный феномен обхода закона, который потенциально мог многофакторно сказаться на правовом регулировании, по-прежнему оставался недостаточно разработанным и явно был недооценен советскими правоведом, что повлекло ряд особенностей в его восприятии [36. С. 232]. При наличии трудов, в которых констатировался сам факт существования соответствующего запрета [37. С. 34; 38. С. 233; 39. С. 158; 40. С. 331], проблемные аспекты понимания юридической природы и механизма совершения обхода закона так и не нашли предметной и системной разработки, классификация форм данного явления не осуществлялась, характеристика его признаков и социально вредных последствий не была дана. Общий объем наработанных теоретических положений никак не позволяет констатировать достаточную изученность этой сложной категории, которая нашла межотраслевое практическое применение с момента введения в действие кодифицированных источников гражданского и уголовного права. Вопреки правовым реалиям той эпохи существование запрета на обход закона также не нашло четкого рельефного проявления на иных фундаментальных теоретических знаниях, прежде всего – о реализации права, о правомерном поведении и о формах правонарушений, об охранительных функциях государства и права в том контексте, что, несмотря на сложившиеся и носящие общепризнанный характер представления, юридическую норму можно не только соблюсти, исполнить, использовать или прямо нарушить, но и обойти ее действие путем недобросовестного использования некоторых юридических конструкций. Уместно полагать, что обход закона расценивался в качестве явления, синкретичного с отраслевыми юридическими науками, в связи с чем существенно упрощался и необоснованно выводился за пределы предмета теории государства и права.

Вполне вероятно, что издание норм, регламентирующих противодействие обходу закона в 1922–1923 гг., могло бы послужить фундаментом для дальнейшего развития данного института, постепенной детализации и специализации запрещающих предписаний. Возможно, в некоторой перспективе это привело бы к качественным изменениям, обособлению запрета на обход закона в некий новый и самостоятельный правозащитный механизм, который выступил бы предметом тщательных общетеоретических исследований, однако дальнейшее развитие права продолжилось в несколько ином русле.

Между двумя последовательно сменявшимися друг друга источниками уголовного права имелась преем-

ственность в криминализации обхода закона. Запрет, аналогичный содержащемуся в ст. 79а УК РСФСР 1922 г., был закреплен в ст. 63 УК РСФСР 1926 г. Однако с принятием УК РСФСР 1960 г. это деяние уже не предусматривалось в нормах Особенной части. Запрет на обход норм наследственного и налогового права был декриминализован и приобрел прежний статус одного из оснований для признания сделки недействительной.

Идентичные по направленности коренные изменения произошли и в гражданском законодательстве. С момента принятия ГК РСФСР 1964 г., т.е. с 01.10.1964 и до 01.01.2008 (Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»), когда он полностью утратил силу, в его нормах не содержался запрет на обход закона. Эти обстоятельства можно было бы расценить как принятие публичной властью мер, означающих фактическое исключение соответствующего запрета из поля правового регулирования и радикальный отказ от его использования в правозащитных целях. Вместе с тем анализ правоприменительной практики и ведомственных нормативных актов позволяет утверждать, что рассмотренный советский опыт правового строительства заложил начала, но вовсе не исчерпал объем и формы внедрения запрета на обход закона в механизм государственно-правового регулирования на протяжении XX в.

Разъяснения, данные уже в период действия ГК РСФСР 1964 г., в п. 11 постановления Пленума ВС РСФСР от 12.12.1964 № 25 «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Гражданского процессуального кодекса РСФСР», а затем данные в п. 12 Пленума ВС СССР от 03.04.1987 № 3 «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции», ориентировали суды на недопустимость утверждения мировых соглашений, которые в обход закона направлены на освобождение работников от ответственности за ущерб, причиненный работодателю.

Правила п. 55 Постановления Совета Министров РСФСР от 30.06.1975 № 394 «О порядке совершения нотариальных действий исполнительными комитетами районных, городских, поселковых, сельских Советов депутатов трудящихся» и п. 75 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий государственными нотариальными конторами РСФСР, утвержденной приказом министра юстиции РСФСР от 06.01.1987 № 01/16-01, предписывали при совершении нотариальных действий по удостоверению договоров дарения транспортных средств устанавливать, не направлено ли дарение на обход закона о порядке купли-продажи транспорта. Идентичные требования оказывать в удостоверении завещаний в случаях, если наследодатель действует в обход закона или в нарушение публичных интересов, содержались в пунктах как минимум четырех инструкций, устанавливающих порядок удостоверения завещаний отдельными должностными лицами (Инструкция о порядке удостоверения завещаний главными врачами, их за-

местителями по медицинской части или дежурными врачами больниц, других стационарных лечебно-профилактических учреждений, санаториев, а также директорами и главными врачами домов для престарелых и инвалидов (утв. Минюстом СССР 20.06.1974); Инструкция о порядке удостоверения завещаний начальниками разведочных, арктических и других подобных им экспедиций (утв. Минюстом СССР 29.06.1974) и др.).

Изложенные обстоятельства позволяют утверждать, что вопреки отсутствию в кодифицированном законодательстве отправных норм, устанавливающих запрет на обход закона, бессистемное противодействие данной форме поведения в отдельных правоотношениях продолжалось на этапе государственно-правового строительства и после 1964 г. Посредством действующих норм советского права запрет на обход закона продолжал существовать в механизме правового регулирования во время становления и развития новой российской государственности. При этом Гражданский кодекс РФ с момента введения части первой в действие с 01.01.1995 не предусматривал возможность обхода закона и никак не запрещал совершение данного деяния, но спустя почти полвека после исключения запрета на обход закона из кодифицированного гражданского законодательства данное правозащитное средство было снова интегрировано в правовую материю уже упомянутым законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ, в содержании которого усматриваются как очевидные признаки реверсивной направленности, связанные с обращением к прежнему опыту правового строительства, так и некоторый результат самобытности современного российского права, который еще предстоит осмыслить.

Подводя итоги проведенному анализу, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Эволюционное развитие институтов государства и права, происходившее до 1917 г., не привело к естественному, постепенному формированию устойчивых детерминантов внедрения в механизм правового регулирования запрета на обход закона, которые обуславливались бы объективными нуждами гражданского оборота, корреспондирующими им потребностями социума или волей властного субъекта. Несвойственность дореволюционному праву данной конструкции и ее не востребованность объясняют общую неразработанность научных познаний о феномене обхода закона не только в энциклопедии права, в философии права и в возникшей в конце XIX – начале XX в. теории государства и права, но также и в отраслевых юридических науках.

2. Исходная нормативная основа противодействия обходу закона, представленная предписаниями актов, изданных в 1922 г., выступает результатом целенаправленного внедрения государством в механизм правового регулирования совокупности гибких правозащитных конструкций (в том числе запрета на совершение сделок с целью, противной закону, а также запрета сделок, направленных к явному ущербу для государства, и др.), посредством которых в области гражданского права достигался безусловный приоритет публичных интересов, а также обеспечивалась их

действенная охрана и защита на очень сложном историко-правовом этапе развития государственности.

3. Под обходом закона в советском гражданском праве подразумевалась такая целенаправленная и недобросовестная реализация права, в результате которой возникшее правоотношение выводилось за пределы действия обязательных правил, запретов и ограничений, обеспечивающих соблюдение интересов государства, а также охраняющих права третьих лиц. Такие действия позволяли получить неосновательное обогащение либо извлечь иные выгоды и преимущества, но при этом ввиду пробелов в правовом регулировании или вследствие иных проявлений несовершенства законодательства у правоохранительных органов отсутствовали юридические основания для квалификации этих действий непосредственно как правонарушения.

4. В рассмотренной ретроспективе функциональная значимость запрета на обход закона в механизме правового регулирования наиболее наглядно проявлялась в том, что он:

а) выступал одним из факторов, коренным образом изменившим соотношение императивного и диспозитивного начал в сфере гражданско-правовых отношений в пользу императивного метода. Вопреки таким традиционным чертам частного права, как дозволенная вариативность соглашений, запрещение обхода закона повлекло резкое и всеобъемлющее ужесточение договорной дисциплины, дало мощный импульс к строгой унификации социальных связей, недопущению отклонений сторон от моделей поведения, законодательно предписанных для каждого отдельного вида сделок. Под угрозой недействительности соглашений запрет на обход закона задал тенденцию интенсивного роста упорядоченности масштабного пласта социальных связей в области гражданского оборота, стремившуюся к их стандартизации;

б) впервые взял имущественные отношения под охрану и защиту от неопределенного множества дифференцированных действий, нарушающих публичные интересы, но не запрещенных прямо, проявляющихся в нецелевом использовании свободы договора в корыстных целях;

в) являлся универсальным правозащитным инструментом, наделяющим правоохранительные органы чрезмерно широкими полномочиями оценивать по своему усмотрению правомерность всякой сделки. Указанная компетенция не имела четких юридических ограничений и, что особенно примечательно, могла реализовываться вне зависимости от качества норм материального права, регулирующих порядок совершения сделок. Тем самым запрет на обход закона компенсировал недостатки полноты и детализированности правового регулирования, позволяя правоприменителю приводить социальные связи в соответствие с нуждами государства даже путем ущемления частных интересов. Тем самым анализируемый запрет выступал одним из исходных компонентов всеобъемлющего и многоаспектного государственного контроля в области гражданского оборота;

г) вследствие закрепленных в гражданском и уголовном законодательстве санкций был средством,

способствовавшим пополнению доходной части казны за счет безвозмездного обращения в пользу государства имущества, явившегося предметом сделки, совершенной в обход закона, а также путем полной или частичной конфискации на основании обвинительного приговора наследного имущества либо наложения на виновного предусмотренных уголовным законом имущественных взысканий.

5. Законодательная регламентация и особенности функционирования запрета на обход закона в механизме правового регулирования были сопряжены с рядом следующих обстоятельств:

– не только внедрение анализируемого запрета в механизм правового регулирования, но и все его дальнейшее существование происходили в условиях отсутствия общетеоретической концепции обхода закона, которая объясняла бы данный феномен и его социально вредный характер. В области теории государства и права не имелось научных трудов монографического уровня, раскрывавших общие закономерности данной формы поведения, содействовавших в выборе перспективных направлений реформирования, указывавших на эффективные способы противодействия обходу закона и на подходы к оптимальному порядку запрещения этого деяния, выступавших научной опорой в отладке и оптимизации правоприменительной практики. Таким образом, с 1922 до 1964 г. в самых важных, базовых положениях гражданского законодательства закреплялся правозащитный механизм, запрещающий неизученное, неочевидное и предельно абстрактное явление, опосредованное оценочной категорией;

– с момента введения и на всем протяжении действия рассмотренных в ходе исследования норм понятие «обход закона» оставалось формально неопределенным. Даже взятые в совокупности правовые предписания, практика их применения и немногочисленные предметные точки зрения правоведов не раскрывали смысловое значение обхода закона, не выявляли механизмы совершения такого обхода, присущие ему закономерности и его основные отличия от прямого нарушения юридических установлений. Они, скорее, формировали некое эмпирическое представление о сущности этого сложного явления, которое с течением времени лишь фрагментарно конкретизировалось за счет наработки судебной практики, казуальных случаев признания сделок совершенными в обход закона. Как оценочная категория обход закона в каждом конкретном случае полностью зависел от уровня правосознания и субъективного усмотрения правоприменителя, что создавало предпосылки для возможных ошибок и злоупотреблений, а также делало практически невыполнимой задачу формирования единообразной правоприменительной практики в масштабах всего государства;

– позиция законодателя по поводу использования иных отраслей права для комплексного противодействия обходу закона предстает недостаточно логически выверенной. Во-первых, при рассмотренных существенных недостатках ключевых регулятивных норм акт криминализации обхода закона, пусть даже

и единичный, выглядит явно преждевременным. Правильная квалификация соответствующего преступления виделась невыполнимой задачей, так как не имелось объективной возможности сопоставить конкретное деяние с отсутствующими в уголовном законе признаками запрещенного деяния. Вместе с тем существование уголовно-правового запрета обхода закона означало возможность применения самых строгих мер государственного принуждения за совершение формально неопределенного деяния. Во-вторых, имел место только один казуальный акт криминализации обхода закона в сфере наследственных и налоговых отношений. Весь остальной массив социальных связей, которые вполне могли возникать по поводу имущества с существенным стоимостным выражением, не получил дополнительной уголовно-правовой охраны и защиты. Наконец, в-третьих, административная ответственность за обход закона в тех или иных правоотношениях не устанавливалась вообще. В совокупности данные обстоятельства указывают на общую несформированность подходов законодателя к борьбе с обходом закона, проявляют недоработанное состояние действовавшей нормативной базы, повлекшее дезорганизацию системных связей между охранительными нормами различной отраслевой принадлежности;

– с 1922 по 1964 г. запрет на обход закона был опосредован предписанием одной общей нормы ГК РСФСР и одной охранительной нормы каждого из двух последовательно сменявших друг друга кодифицированных источников уголовного права. В сочетании с отсутствием специальных норм-запретов, не разрешавших казуальные формы обхода закона для конкретных отношений, имевшаяся плотность правового регулирования была крайне недостаточной, что делало невозможным правильное и мотивированное установление обхода закона, его четкое разграничение не только с прямым нарушением правовой нормы, но и с правомерным поведением;

– можно констатировать очевидный законодательный дисбаланс [41. С. 22] между обходом закона и ответственностью за его совершение в гражданском законодательстве. Вне зависимости от характера и последствий указанного деяния за его совершение не предусматривалось никаких альтернативных правовых последствий, кроме самых неблагоприятных из закрепленных в ГК РСФСР 1922 г. – полного обращения в доход государства имущества, являющегося предметом сделки, как имущества, полученного путем неосновательного обогащения. С одной стороны, такая санкция позволяла достичь эффективной превенции запрещаемого деяния, с другой стороны, полностью исключала возможность индивидуализации юридической ответственности и давала основания рассматривать анализируемый запрет прежде всего как карательную меру.

6. На первоначальных этапах развития советского механизма правового регулирования запрет на обход закона имел значение дополнительной юридической гарантии законности в области гражданского права. Идея недопущения выхода за пределы правового ре-

гулирования для достижения определенного результата, преодолевая тем самым установленные ограничения и нарушая права других лиц, была актуальной для содействия обеспечению беспрепятственной реализации государственной политики в период формирования нового гражданского законодательства. Однако не только на начальных этапах введения, но и на протяжении всего последующего периода действия ГК РСФСР 1922 г. данная идея, по существу, оставалась лишь декларацией, так и не нашедшей полноценной реализации в праве. Юридическая природа самого феномена «обход закона» не была достаточно изучена правоведами и не раскрывалась в законодательстве, в связи с чем любая сделка, даже в самой незначительной мере отклоняющаяся от предусмотренных материальными нормами правил и процедур, могла быть признана совершенной в обход закона. Именно по этой причине анализируемый запрет можно рассматривать, прежде всего, как универсальное ситуационное решение, легитимировавшее в условиях глубоких кризисных явлений возможность вмешательства публичной власти в имущественные отношения, обеспечивающее публичные интересы даже за счет фактической правовой незащищенности имуще-

ства участников гражданского оборота. Уже на начальных стадиях введения в действие ГК РСФСР 1922 г. запрет на обход закона стал фактором, в значительной мере обременявшим участников гражданских правоотношений дополнительными и существенными имущественными рисками. Вероятность квалификации сделки как совершенной в обход закона и сопряженные с этим суровые санкции становились препятствиями для имущественного оборота, вынуждали стороны очень осторожно и максимально формализованно пользоваться своими правами и брать на себя какие-либо обязанности, предусмотренные законом, затрудняли разумное прогнозирование правовых последствий всякой сделки. Однако с течением времени такой подход к охране имущественных отношений постепенно утрачивал обоснованность вследствие изменившейся обстановки, развития как регулятивного законодательства, так и других правозащитных средств. Данные объективные процессы не нашли отражения в механизме противодействия обходу закона, до 1964 г. соответствующие единичные нормы-запреты не подвергались каким-либо изменениям, а просто инертно существовали, что, в конечном итоге, привело к их естественному устареванию и деактуализации.

Список источников

- Архипова Е.Ю. Роль неюрисдикционного процесса в правовой жизни российского общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 110–114.
- Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения / пер. с чеш. Ю.В. Пресняков; спец. науч. ред. З.М. Черниловский. М. : Юрид. лит., 1989. 448 с.
- Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов; ред. колл.: А.В. Копылов, Е.В. Кулагина, А.Д. Рудоквас, В.А. Савельев (науч. ред.), Е.А. Суханов (науч. ред.), В.А. Томсинов (науч. ред.). Т. 1, кн. 1–4. М. : Статут, 2008. 584 с.
- Камышанский В.П. Категория «обход закона» в российском гражданском праве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 101. С. 1824–1832.
- Суворов Е.Д. Проблемы правовой квалификации сделок и иных действий, совершенных в обход закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.
- Новицкая А.А. Институт недействительности договора в итальянском праве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21, № 17. С. 565–581.
- Камышанский В.П. К вопросу о понятии «обход закона» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Власть закона. 2013. № 2. С. 13–20.
- Суворов Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М. : Издательский дом В. Ема, 2008. 188 с.
- Муранов А.И. К вопросу об «обходе закона» // Московский журнал международного права. 1997. № 3. С. 42–76.
- Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского гражданского права. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1949. 544 с.
- Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка. Т. 1. М. : Изд-во Ком. Акад., 1925. 1240 с.
- Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 2. Общая часть гражданского права. М. : Изд-во Ком. Акад., 1929. 376 с.
- Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 171 с.
- Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка. Т. 2. М. : Изд-во Ком. Акад., 1925. 1456 с.
- Вавин Н.Г. Ничтожные сделки (ст. 30 Гражд. код. РСФСР и УССР и последствия ее нарушения) / Н.Г. Вавин, член Московской коллегии защитников. М. : Правовая защита, 1926. 24 с.
- Вавин Н.Г. Статья 30 Гражданского Кодекса и последствия ее нарушения // Право и Жизнь. М., 1925. Кн. 1. С. 17–28.
- Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М. : Госюриздат. лит., 1954. 248 с.
- Советское гражданское право : учеб. / С.Н. Братусь, К.А. Граве, М.В. Зимелева, В.И. Серебровский и др. ; под ред. С.Н. Братуся. 4-е изд., испр. и доп. М. : Госюриздат, 1950. 677 с.
- Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / отв. ред. В.Н. Можейко. М. : Изд-во АН СССР, 1954. 239 с.
- Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР / под ред. И.Л. Булата. 4-е изд. М. : Советское законодательство, 1935. 388 с.
- Мейер Д.И. Русское гражданское право : в 2 ч. По исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. Ч. 2 / редкол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев, Е.В. Кулагина, П.А. Панкратов, Е.А. Суханов. М. : Статут, 1997. 455 с.
- Таль Л.С. Трудовой договор: цивилистическое исследование. М. : Статут, 2006. 539 с.
- Советское гражданское право : учеб. Т. 1 / С.Н. Братусь, Д.М. Генкин, Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий; под ред. Д.М. Генкина. М. : Госюриздат, 1950. 495 с.
- Раевич С. Некоторые вопросы, связанные с последствиями дарения по Гражданскому кодексу (окончание) // Ежегодник советской юстиции. 1923. № 37. С. 844–845.
- Советское гражданское право : учеб. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 264 с.
- Кассационные определения Верховного Суда по гражданской кассационной коллегии // Ежегодник советской юстиции. 1924. № 14. С. 333–334.
- Чараев. Отчуждение строений в обход ст. 182 Гражданского кодекса // Советская юстиция. 1930. № 14. С. 24.
- Заходер В. К вопросу о толковании 47 ст. Кодекса законов о труде // Ежегодник советской юстиции. 1923. № 32. С. 728.

29. Лях А. Дискуссия подходит к концу (о пункте «д» ст. 47 Кодекса законов о труде) // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 44. С. 1013–1015.
30. Прушицкий С. О мировых сделках // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 33. С. 745–747.
31. Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР, 1924–1944 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. 228 с.
32. Ламонов Е.В., Бурашникова Н.А. Некоторые проблемные вопросы, возникающие при рассмотрении административных дел районными судами и в суде апелляционной инстанции // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 113–120.
33. Бранденбургский Я.Н. Новая экономическая политика и советская юстиция // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 9. С. 1–2.
34. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права : учебник. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 304 с.
35. Теория государства и права : учебник / М.А. Аржанов, С.Ф. Кечекьян, Б.С. Маньковский, М.С. Строгович; науч. ред. М.П. Караваяев. М. : Госюриздат, 1949. 511 с.
36. Свиридов В.В. Идея коммуникации (взаимодействия) и теория правовых отношений (доктринально-исторический анализ) // Образование и право. 2017. № 11. С. 231–238.
37. Галесник Л.С. Нормы права и практика коммунистического строительства // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / под ред. С.Н. Братуся. М. : Госюриздат, 1960. С. 6–43.
38. Флейшиц Е.А. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / под ред. С.Н. Братуся. М. : Госюриздат, 1960. С. 194–254.
39. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М. : Госюриздат, 1961. 381 с.
40. Голяков И.Т. Правосудие социалистического государства // Вопросы советского социалистического права. К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М. : Госюриздат, 1958. С. 317–370.
41. Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 501 с.

References

1. Arhipova E.Yu. Rol neyurisdikcionnogo processa v pravovoy zhizni rossiyskogo obshchestva // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. 2016. № 1. S. 110–114.
2. Bartoshek M. Rimskoe pravo. Ponyatiya, terminy, opredeleniya / per. s chesh. Yu.V. Presnyakov; spec. nauch. red. Z.M. Chernilovskiy. M. : Yurid. lit., 1989. 448 s.
3. Digesty Yustiniana /per. s lat.; otv. red. L.L. Kofanov; red. koll.: A.V. Kopylov, E.V. Kulagina, A.D. Rudokvas, V.A. Savelev (nauch. red.), E.A. Suhanov (nauch. red.), V.A. Tomsinov (nauch. red.). T. 1, kn. 1–4. M. : Statut, 2008. 584 s.
4. Kamyshanskiy V.P. Kategoriya «obhod zakona» v rossiyskom grazhdanskom prave // Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2014. № 101. S. 1824–1832.
5. Suvorov E.D. Problemy pravovoy kvalifikatsii sdelok i inyh deystviy, sovershennyh v obhod zakona : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009. 26 s.
6. Novickaya A.A. Institut nedeystvitelnosti dogovora v italyanskom prave // Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2017. T. 21, № 17. S. 565–581.
7. Kamyshanskiy V.P. K voprosu o ponyatii «obhod zakona» v Grazhdanskom kodekse Rossiyskoy Federatsii // Vlast zakona. 2013. № 2. S. 13–20.
8. Suvorov E.D. Obhod zakona. Sdelka, oformlyayushchaya obhod zakona. M. : Izdatelskiy dom V. Ema, 2008. 188 s.
9. Muranov A.I. K voprosu ob «obhode zakona» // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. 1997. № 3. S. 42–76.
10. Genkin D.M., Novickiy I.B., Rabinovich N.V. Istoriya sovetskogo grazhdanskogo prava. M. : Yurid. izd-vo MYU SSSR, 1949. 544 s.
11. Enciklopediya gosudarstva i prava / pod red. P. Stuchka. T. 1. M. : Izd-vo Kom. Akad., 1925. 1240 s.
12. Stuchka P.I. Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava. T. 2. Obshchaya chast grazhdanskogo prava. M. : Izd-vo Kom. Akad., 1929. 376 s.
13. Rabinovich N.V. Nedeystvitelnost sdelok i ee posledstviya. L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1960. 171 s.
14. Enciklopediya gosudarstva i prava / pod red. P. Stuchka. T. 2. M. : Izd-vo Kom. Akad., 1925. 1456 s.
15. Vavin N.G. Nichtozhnye sdelki (st. 30 Grazhd. kod. RSFSR i USSR i posledstviya ee narusheniya) / N.G. Vavin, chlen Moskovskoy kollegii zashchitnikov. M. : Pravovaya zashchita, 1926. 24 s.
16. Vavin N.G. Statya 30 Grazhdanskogo Kodeksa i posledstviya ee narusheniya // Pravo i Zhizn. M., 1925. Kn. 1. S. 17–28.
17. Novickiy I.B. Sdelki. Iskovaya davnost. M. : Gosyurizdat. lit., 1954. 248 s.
18. Sovetskoe grazhdanskoe pravo : ucheb. / S.N. Bratus, K.A. Grave, M.V. Zimeleva, V.I. Serebrovskiy i dr. : pod red. S.N. Bratusya. 4-e izd., ispr. i dop. M. : Gosyurizdat, 1950. 677 s.
19. Halfina R.O. Znachenie i sushchnost dogovora v sovetskom socialisticheskom grazhdanskom prave / otv. red. V.N. Mozheyko. M. : Izd-vo AN SSSR, 1954. 239 s.
20. Sbornik raz'yasneniy Verhovnogo Suda RSFSR / pod red. I.L. Bulata. 4-e izd. M. : Sovetskoe zakonodatelstvo, 1935. 388 s.
21. Meyer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo : v 2 ch. Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izdaniyu, 1902 g. Ch. 2 / redkol.: V.S. Em, N.V. Kozlova, S.M. Korneev, E.V. Kulagina, P.A. Pankratov, E.A. Suhanov. M. : Statut, 1997. 455 c.
22. Tal L.S. Trudovoy dogovor: civilisticheskoe issledovanie. M. : Statut, 2006. 539 s.
23. Sovetskoe grazhdanskoe pravo : ucheb. T. 1 / S.N. Bratus, D.M. Genkin, L.A. Lunc, I.B. Novickiy; pod red. D.M. Genkina. M. : Gosyurizdat, 1950. 495 c.
24. Raevich S. Nekotorye voprosy, svyazannye s posledstviyami dareniya po Grazhdanskomu kodeksu (okonchanie) // Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii. 1923. № 37. S. 844–845.
25. Sovetskoe grazhdanskoe pravo : ucheb. M. : Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1940. 264 s.
26. Kassacionnye opredeleniya Verhovnogo Suda po grazhdanskoj kassacionnoy kollegii // Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii. 1924. № 14. S. 333–334.
27. Charaev. Otchuzhdenie stroeniy v obhod st. 182 Grazhdanskogo kodeksa // Sovetskaya yusticiya. 1930. № 14. S. 24.
28. Zahoder V. K voprosu o tolkovanii 47 st. Kodeksa zakonov o trude // Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii. 1923. № 32. S. 728.
29. Lyah A. Diskussiya podhodit k koncu (o punkte «d» st. 47 Kodeksa zakonov o trude) // Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii. 1923. № 44. S. 1013–1015.
30. Prushickiy S. O mirovyykh sdelkakh // Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii. 1923. № 33. S. 745–747.
31. Sbornik deystvuyushchih postanovleniy Plenuma i direktivnykh pisem Verhovnogo Suda SSSR, 1924–1944 gg. / pod red. I.T. Golyakova. M. : Yurid. izd-vo MYU SSSR, 1946. 228 s.
32. Lamonov E.V., Burashnikova N.A. Nekotorye problemnye voprosy, vznikayushchie pri rassmotrenii administrativnykh del rayonnymi sudami i v sude apellyacionnoy instancii // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. 2016. № 1. S. 113–120.
33. Brandenburskiy Ya.N. Novaya ekonomicheskaya politika i sovetskaya yusticiya // Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii. 1922. № 9. S. 1–2.
34. Golunskiy S.A., Strogovich M.S. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik. M. : Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1940. 304 s.
35. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik / M.A. Arzhanov, S.F. Kechekyan, B.S. Mankovskiy, M.S. Strogovich; nauch. red. M.P. Karavaev. M. : Gosyurizdat, 1949. 511 s.

36. Sviridov V.V. Ideya kommunikatsii (vzaimodeystviya) i teoriya pravovykh otnosheniy (doktrinalno-istoricheskiy analiz) // *Obrazovanie i pravo*. 2017. № 11. S. 231–238.
37. Galesnik L.S. Normy prava i praktika kommunisticheskogo stroitelstva // *Voprosy obshchey teorii sovetskogo prava* : sb. st. / pod red. S.N. Bratusya. M. : Gosyurizdat, 1960. S. 6–43.
38. Fleyshic E.A. O strukture pravovoy normy i klassifikatsii ee elementov // *Voprosy obshchey teorii sovetskogo prava* : sb. st. / pod red. S.N. Bratusya. M. : Gosyurizdat, 1960. S. 194–254.
39. Ioffe O.S., Shargorodskiy M.D. *Voprosy teorii prava*. M. : Gosyurizdat, 1961. 381 s.
40. Golyakov I.T. *Pravosudie socialisticheskogo gosudarstva* // *Voprosy sovetskogo socialisticheskogo prava*. K 40-letiyu Velikoy Oktyabrskoy socialisticheskoy revolyucii. M. : Gosyurizdat, 1958. S. 317–370.
41. Belousov S.A. *Zakonodatelnyy disbalans (doktrina, teoriya, praktika)* : dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2015. 501 s.

Информация об авторах:

Сенякин И.Н. – д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: vestnik2@ssla.ru

Репев А.Г. – канд. юрид. наук, зам. начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России (Барнаул, Россия). E-mail: repev-artem@yandex.ru

Торчилин К.Е. – канд. юрид. наук, помощник судьи Тамбовского областного суда (Тамбов, Россия). E-mail: k.e.torchilin@gmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Senyakin I.N., Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: vestnik2@ssla.ru

Repev A.G., Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: repev-artem@yandex.ru

Torchilin K.E., Tambov regional court (Tambov, Russian Federation). E-mail: K.E.Torchilin@gmail.com

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2021;
одобрена после рецензирования 20.03.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 06.03.2021;
approved after reviewing 20.03.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 34.096
doi: 10.17223/15617793/474/31

Система общего и высшего образования в Российской империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект)

Дмитрий Викторович Хаминов^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, khaminov@mail.ru
² Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

Аннотация. Система образовательных учреждений общего и высшего образования, органов управления и нормативное регулирование образовательной сферой, а прежде всего – направления государственной образовательной политики, являются важнейшей составляющей деятельности и существования любого государства на разных этапах его развития. С этой точки зрения в настоящем исследовании анализируются ретроспектива развития образовательной сферы в Российской империи, основные этапы и изменения, происходившие в государственной политике, нормировании и администрировании этих процессов.

Ключевые слова: система образования, образовательная политика, нормативное регулирование, управление образованием, Российская империя, Временное правительство, школа, училище, гимназия, университет

Для цитирования: Хаминов Д.В. Система общего и высшего образования в Российской империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 285–298. doi: 10.17223/15617793/474/31

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/31

The system of general and higher education in the Russian Empire: principles and directions of public policy, regulation and governing bodies (historical and legal aspect)

Dmitry V. Khaminov^{1, 2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, khaminov@mail.ru
² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

Abstract. The system of educational institutions of general and higher education, governing bodies and regulation by law of the educational sphere, and in general, the directions of state educational policy, are the most important sphere of any state. From this point of view, this study examines the history of the development of the educational sphere in the Russian Empire, and analyzes the main stages and changes that took place in public policy, administration and regulation by law of these processes.

Given the wide variety of groups of educational institutions in the country in the 18th - early 20th, this work only considers issues related to the system of general and higher educational institutions, that is, institutions implementing primary public education, male and female secondary education and universities. In this aspect, the author analyzes the guiding principles of organizing education at the central level - in institutions belonging to the Ministry of Public Education, because it was they who served, first of all, the goals of training a subject of the Russian Empire «in general», as a basic element of the entire state and the system of public relations.

Based in this article on the structural-functional and problem-chronological approaches, it was possible to distinguish three periods (with internal stages), based on a general analysis of state policy in approaches to education, and, as a consequence, analyzing the corresponding system of educational institutions, governing bodies and regulatory regulation of the educational sphere.

It is concluded that educational policy directly depended on the ideological views and directions of the domestic policy of the monarchs and the elite of Russia. In the system of organization and management of education, there was a constant struggle between two tendencies: liberal transformations (the beginning of the 19th century, the years of the Great Reforms and the short period of the bourgeois-democratic republic of the Provisional Government) and conservative-protective (tendencies characteristic of a longer period of time throughout the 19th century and the beginning of the 20th century) The first tendency was characterized by the all-class nature of education, the elimination of class restrictions, the autonomy of university management, etc. The second trend was characterized by the establishment of class barriers in order to restrict access to education (and therefore, in the future, to public service, to social elevators, etc.) of the lower strata of the country's population, the limitation of the autonomy of universities, the

acquisition of a higher level of education by the subjects who were considered as a support of the monarchical regime - by landowners, officials, military, etc.

Keywords: education system, educational policy, regulation, education management, Russian Empire, Provisional Government, school, college, gymnasium, university

For citation: Khaminov, D.V. (2022) The system of general and higher education in the Russian Empire: principles and directions of public policy, regulation and governing bodies (historical and legal aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 285–298. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/31

В двухвековой истории имперской системы российского образования можно выделить три периода (с определением внутри них отдельных этапов), отражающие специфическую политику развития общегосударственной системы образования.

Первый период охватывает весь XVIII в., а первый его этап связан с петровскими преобразованиями и развивается последующим комплексным этапом образовательной политики «просвещенного абсолютизма» Екатерины II.

Второй период связан с институционализацией общегосударственной системы образования, становлением и развитием ее отдельных сфер в первой половине XIX в. При этом консервативно-охранительная политика Николая I, сменившая относительно либеральный александровский этап во всех сферах жизни общества, отразилась и на образовательной системе.

Третий период развития общегосударственной системы образования стал возможен благодаря Великим реформам Александра II, начало которым было положено в 1860-х гг.; периоды реформ чередовались с контр-реформаторской деятельностью государства, вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

До рубежа XVII–XVIII вв. (до начала первого периода и петровских преобразований), в период Позднего Средневековья истории Российского государства, сфера образования всех уровней (от начального до высшего) являлась, скорее, инициативой отдельных корпораций или частных лиц и государством практически не регулировалась. Образование концентрировалось преимущественно в руках церкви; школы, училища, коллегии и академии (Киево-Могилянская в Киеве и Славяно-греко-латинская в Москве) открывались духовными институциями (епархиями, монастырями или приходами и т.п.), поэтому регулировались нормами канонического права без особого государственного участия. Существенное место в тот период занимало и домашнее образование.

Ситуация начинает меняться с реформ первой четверти XVIII в., что обусловлено необходимостью подготовки кадров для петровских преобразований.

Можно выделить два принципа государственной политики в этом процессе. Первый был связан с секуляризацией образования (выведение его из церковной юрисдикции), т. е. созданием сети светских учебных заведений, второй – с профессионализацией образования, т.е. созданием учебных заведений, специализированных по отдельным отраслям знания, наиболее актуальным в период модернизации России.

На протяжении первой половины XVIII в. появляются в большом количестве учебные заведения для

подготовки специалистов в конкретной отрасли – военной, морской, инженерной, медицинской, торговой (например, навигацкие школы, шляхетские (для дворян) корпуса и т.п.). На протяжении XVIII в. эти учебные заведения действовали в столичных городах, время от времени государство их подвергало реформированию или переименованию (например, Шляхетский сухопутный и морской кадетские корпуса и др.).

Первыми систематическими (имевшими преемственность) учебными заведениями стали основанные в 1724 г. при Академии наук университет и гимназия. Университет стал первым светским высшим учебным заведением в России.

До этого, еще в 1687 г., в Москве было открыто первое русское всеобщее высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия, которая по своему статусу приравнивалась к европейским университетам [1. С. 236–240]. Первоначально ее работа была ориентирована преимущественно на духовную сферу, но в 1701 г. Петр I придал школе статус государственной академии, и она утвердилась в совместном государственном и церковном управлении (как многие классические европейские университеты того времени) и готовила, главным образом, переводчиков, работников типографий (справщиков), священнослужителей, высших государственных руководителей, дипломатов и др.

Правовой статус первого русского светского университета и гимназии при нем (для подготовки учащихся к поступлению в университет) был прописан в Положении об Академии наук (1724 г.) [2. С. 220–224] и действовал вплоть до 1747 г., когда были приняты новый ее регламент и название – Академия наук и художеств. Параграф первый Положения об Академии гласил: «Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко Феологии (теологии – Д.Х.) и Юриспруденции, Медицины, Философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают» [2. С. 220]. Эти заведения обладали относительной организационно-управленческой самостоятельностью, однако особых успехов за годы своего существования не добились.

Петровские преобразования, кардинальные изменения в государственном устройстве и управлении, ориентация на западные модели требовали решения вопроса подготовки большего количества кадров. В первой половине XVIII в. эта проблема решалась тремя путями – приглашением на русскую службу иностранцев; обучением русских дворян за рубежом; созданием специализированных учебных заведений в России (предпринимались первые попытки). Однако

все эти мероприятия были несистемными, не связанными между собой и не решали стратегических задач.

Дальнейшая логика развития образования в России требовала открытия более «стабильных» университетов и гимназий, чем имевшиеся в Санкт-Петербурге. Таковыми стали Московский университет («для дворян и разночинцев») и две гимназии (одна для дворян, другая для разночинцев), призванные готовить учеников для обучения в университете [3. С. 284–294]. Учреждение университета в Москве имело совершенно прагматические задачи – приблизить возможность получения высшего образования к центру России (каковым Санкт-Петербург не являлся в силу географической отдаленности, дороговизны жизни и малого количества потенциальных абитуриентов, в отличие от Москвы), а также в некоторой степени снять академические преграды университета при Академии наук, чтобы открыть доступ большему количеству учащихся.

Вопреки сложившейся в европейской университетской системе практике, где в обязательном порядке имелся теологический факультет, устав Московского университета не предусматривал его наличия: «...попечение о Богословии справедливо оставляется Святейшему Синоду» [3. С. 289]. Таким образом, уже с середины XVIII в. особенностью высшей школы России стал исключительно светский характер университетов и подчинение их ведению светских властей. Последние были учреждаемы государством, а богословие (теология), было оставлено в ведении духовных учебных заведений, прежде всего, духовных академий и семинарий (исключение составляли университеты западных губерний, при которых имелись теологические факультеты: Дерптский и Тартуский). В Европе же университеты находились либо в совместном государственном и церковном управлении, либо исключительно в церковном (ярким примером такой модели были иезуитские университеты – коллегии).

В царствование Екатерины II начался второй этап первого периода. Произошло важное изменение в деле народного просвещения – в патриархально-традиционной России под воздействием политики «просвещенного абсолютизма» было разрешено публичное женское образование. Первое учебное заведение для девушек было открыто в 1764 г. – Воспитательное общество благородных девиц [4. С. 742–755] (Смольный институт). Надо отметить, что он стал первым в Европе государственным учебным заведением для девушек (в Европе женское образование было исключительно частным), хотя и призван был готовить девушек для светской жизни, фактически воспитывая хороших в будущем жен и матерей для дворян.

В 1786 г. Екатериной II был принят «Устав народным училищам в Российской империи» [5. С. 646–669], который стал первым в России актом общего регулирования однородных учебных заведений на всей территории страны. Согласно Уставу народные училища учреждались для юношей во всех губерниях и наместничествах Российской империи и подразде-

лялись, в зависимости от контингента и значения училища, на главные (учреждались преимущественно в губернских городах) и малые («сии училища должны существовать как в Губернских городах, где одного Главного не довольно, так и в уездных городах, и где еще по усмотрению Приказа Общественного Призрения на первой случай быть могут надобны») (§ 24)). Главные училища были четырехклассные, малые – двухклассные (соответствовали первым двум классам главных училищ) и отличались объемом изучаемых дисциплин. В Главные народные училища принимались дети всех сословий, кроме крепостных крестьян. Малые народные училища были начальными учебными заведениями для непривилегированных сословий.

Согласно Уставу была выработана и централизованная система управления учебными заведениями (§ 108). Все открываемые народные и домашние училища подчинялись Главному правительству училищ, которое находилось непосредственно в ведении императрицы. При этом главное управление было вверено императрицей «Комиссии об училищах, в Государстве учрежденной» (Комиссия по учреждению народных училищ). Попечителем народных училищ в каждом наместничестве и губернии был губернатор, директора народных училищ определялись им же.

Екатериной II была проведена первая в истории России системная школьная реформа. Училища стали основой для унифицированной и относительно массовой (на основе всесословного принципа) сети казенных образовательных учреждений и народного просвещения, государственной системы бесплатных общеобразовательных городских школ.

Восемнадцатое столетие, характеризовавшееся и довольно революционными (для патриархально-феодальной России) петровскими преобразованиями, и периодом «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, оставило значительный след в деле образования и народного просвещения России. Университеты, гимназии (в том числе для девушек), отраслевые учебные заведения (училища) в столичных городах и широкая сеть народных училищ заложили прочные основы для дальнейшего развития системы образования.

Образование населения (по терминологии того периода – *просвещение*) в Российской империи становится специальной сферой государственной политики, а значит, управления и нормативного регулирования. Лишь в начале XIX в. Министерская реформа Александра I выделила сферу просвещения в специальное направление политики государства, создав для его развития необходимые нормативные и административные условия.

Для XIX – начала XX в. можно выделить девять видов учебных заведений, реализующих начальное народное образование; мужское среднее образование; женское среднее образование; частные учебные заведения; университеты; педагогическое образование; низшее, среднее и высшее специальное (профессиональное) образование; военное образование; духовное образование (разных конфессий) [6. С. 279; 7. С. 11–12]. К этому перечню можно добавить домашнее обу-

чение, которое хотя и не входило в систему государственного образования, но в некоторых случаях регламентировалось государством.

Ввиду существенного массива исследований всех групп образовательных учреждений в данной работе рассматриваются только вопросы, связанные с системой общих (реализующих начальное народное образование, мужское и женское среднее образование) и высших (университеты) учебных заведений. В данном аспекте анализируются руководящие начала организации образования на центральном уровне – в заведениях, относящихся к ведомству Министерства народного просвещения. Система же специализированных, профессиональных, отраслевых, духовных и иных учебных заведений в перспективе может стать предметом отдельного исследования.

Причина, по которой для данного исследования были выбраны только заведения, составляющие систему общего и высшего образования, заключается в том, что всевозможные специализированные и отраслевые учебные заведения служили преимущественно конкретной прикладной задаче – подготовить кадры для особых процессов и сфер государственной жизни (военной, хозяйственной, духовной и др.), хотя и они были связаны с глобальными задачами общегосударственной образовательной политикой. А учебные заведения, составляющие систему общего и высшего образования (начальные школы, училища, гимназии, университеты и т.п.), служили, в первую очередь, целям подготовки подданного вообще, как базового элемента для всего государства и общественных отношений. Здесь как раз и была нужна специальная политика.

Либеральный период царствования Александра I (первая половина его правления, до Отечественной войны 1812 г.) был связан с чередой реформ в сфере государственного управления и устройства. Одним из важнейших преобразований стала министерская реформа, направленная на создание министерств взамен утративших свою актуальность коллегиальных органов управления (коллегий). Министерства создавались по европейскому образцу с принципом единоличной ответственности, строго отраслевым и территориальным характером управления. Было создано восемь министерств, в числе которых новым по сфере своего регулирования оказалось Министерство народного просвещения (МНП) [8. С. 243–248]. Манифест об учреждении министерств определял цели, задачи и компетенции МНП и подведомственные ему органы управления и учреждения: «Министр Народного Просвещения, воспитания юношества и распространения наук имеет в непосредственном ведении своем Главное Училищное Правление со всеми принадлежащими ему частями, Академию Наук, Российскую Академию, Университеты и все другие училища, кроме предоставленных особенному попечению Любезнейшей Родительницы Нашей Императрицы Марии Федоровны [речь идет о воспитательных домах и некоторых благотворительных заведениях – прим.], и находящимся по особенному повелению Нашему в управлении других особ или мест <...>» [8. С. 246].

Министерская реформа Александра I в основном завершена была к 1811 г., когда особым Манифестом было утверждено «Общее учреждение министерств» [9. С. 686–719]. Манифест был разработан М.М. Сперанским и обобщал опыт деятельности центральных органов власти в России и Франции. Законодательный акт состоял из двух частей – «Образование министерств» и «Общий наказ министерствам». В нем же были уточнены предметы ведения каждого министерства, в том числе МНП и Главного управления училищ (§ 11) [9. С. 687–688].

Александром I также была проведена первая в России комплексная реформа по организации и управлению образованием. Она выстроила образовательные учреждения всех уровней и управление ими в единую систему. Указ от 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» [10. С. 437–442] по своей сути стал общим началом для организации всей системы образования в Российской империи. В нем впервые устанавливалось: «Народное просвещение в Российской империи составляет особую государственную часть, вверенную министру сего отделения и под его ведением распоряжаемую Главным училищ правлением» (§ 1). То есть сфера народного просвещения впервые выводится в отдельную отрасль государственного управления.

Согласно документу в России учреждались четыре рода (уровня) учебных заведений, в зависимости от административно-территориальной расположенности и подведомственности:

1. Приходские училища (одноклассные), заменившие прежние (по реформе Екатерины II) малые народные училища, – на уровне одного или нескольких церковных приходов.
2. Уездные училища (трехклассные) – в уездных городах.
3. Губернские училища или гимназии (шести-классные), бывшие главные народные училища (по реформе Екатерины II) – в губернских центрах.
4. Университеты стали центрами крупных объединенных учебных округов в границах нескольких смежных губерний.

Реформой устанавливались принципы бесплатного и бессловного образования на его низших ступенях, а также преемственность учебных программ всех нижестоящих училищ вышестоящими. Это позволяло получившему начальное образование в любом учебном заведении поступать в заведение более высокой ступени.

Указ определял порядок управления каждым из этих училищ, а также систему органов центрального, регионального и локального управления.

Учебные заведения нескольких соседних губерний объединялись в особый учебный округ, где учреждались университеты, становившиеся центрами управления округами и училищами во главе с попечителями учебных округов (§ 13–14 Указа от 24 января 1803 г.). По специальному Указу «Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых Губерний» было образовано шесть учебных округов, возглавляемых попечителями, которых назначал импера-

тор (например, Казанский учебный округ включал в себя все губернии Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии вплоть до 1880-х гг.). У попечителя имелись функции надзора и контроля над учебными заведениями во вверенном ему округе. Всем учебным процессом в округах (содержательной его частью) ведали университеты: они разрабатывали учебные планы, выпускали учебники, контролировали гимназии округа. Директор гимназии ведал уездными училищами губернии, а смотритель уездного училища – приходскими училищами уезда.

Говоря о введении в российскую практику образовательного администрирования и учреждении учебных округов в начале XIX в., следует отметить, что эта система была впервые введена во Франции (как следствие революционных реформ в системе образования). Сразу же эта модель была реализована в Речи Посполитой (Польше), а в результате ее раздела и включения в состав Российской империи части этого государства была заимствована при проведении образовательной реформы в России Александром I [11. С. 163].

Таким образом, выстраивалась четкая, вертикально интегрированная система соподчинения низших учебных заведений высшим.

Указом от 24 января 1803 г. центральное управление было передано в руки «Главного училищ правления» (Главное правление училищ). Оно состояло из министра народного просвещения (председатель), из попечителей учебных округов, товарища (заместителя) министра, директора Департамента народного просвещения и других членов по усмотрению императора.

Тем же Указом вводилось новшество, согласно которому обязательным становилось получение образования для всех желающих поступить на государственную службу (§ 24). В 1809 г. вышел подготовленный М.М. Сперанским Указ об экзаменах на класный чин [12. С. 1054–1057], который, упрекнув дворянство в том, что оно менее других принимает участие в школьном воспитании своих детей, поставил его служебную карьеру в зависимость от диплома университета, аттестата гимназии или училища.

В Указе от 24 января 1803 г. было задекларировано наличие 6 университетов в Российской империи как центров создаваемых учебных округов. Три из них уже работали на тот момент – Московский и Дерптский (учрежден в 1802 г.), а также университет в Вильно (создан еще в 70-е гг. XVI в.; достался России в конце XVIII в. в результате раздела Речи Посполитой), унаследовавший европейские традиции управления и организации образования. Еще три университета планировалось учредить в ближайшее время – в Санкт-Петербурге, Казани и Харькове; они были открыты в скором времени. Указ «Об устройстве училищ» устанавливал, что для университетов «...будут изданы частные уставы, в которых имеет быть изъяснено все до них принадлежащее» (§ 31).

Для Московского и Дерптского университетов были приняты новые редакции уставов; на протяжении последующих лет были открыты Казанский (1804 г.) и Харьковский (1805 г.) университеты. Таким образом, на основе Указа 1803 г. 5 ноября 1804 г. императором

Александром I были приняты сразу три новых акта: «утвердительные грамоты» для Московского и новоучрежденных Харьковского и Казанского [13. С. 647–650; 14. С. 650–653; 15. С. 653–656] университетов, а также изданы для каждого из них новые уставы [16. С. 570–589; 17. С. 589–607; 18. С. 607–626]. Эти «утвердительные грамоты» и уставы были идентичными и в своей совокупности составили новый общероссийский университетский Устав 1804 г. Последующие университеты открывались уже на основании этих типовых уставов. Уставы Дерптского (устав утвержден в 1802 г.) и Виленского [19. С. 610–620] университетов были утверждены чуть ранее принятия типовых уставов, но имели практически схожие с ними структуру, принципы управления и регулирования.

Университеты по уставу 1804 г. получали широкую автономию, начиная с вопросов выбора ректора, определения штата профессуры, иммунитета от вмешательства чиновников и властей в университетские дела, заканчивая решением хозяйственных дел. То есть они существовали по типичной средневековой модели европейских корпоративных университетов с замкнутой системой управления и наличием цеховых привилегий.

Утвержденный 5 ноября 1804 г. «Устав учебных заведений, подведомых университетам» [20. С. 626–644] представлял собой подробное развитие общих начал, изложенных в «Предварительных правилах народного просвещения». Это был гуманный и либеральный образовательный акт. В его основе лежали идеи всеобщности, открытой для всех состояний системы образования; преемственности всех ступеней этой системы (от низших к высшим); бесплатности обучения; светскости образования (например, Закон Божий в гимназиях не преподавался); отмены телесных наказаний; энциклопедичности (фундаментальности) гимназического образования [6. С. 283].

Принципы последующей политики Николая I в сфере образования, нормативного регулирования и управления им претерпевают серьезные изменения сообразно направлениям в общей внутренней политике государства.

Манифестом от 13 июля 1826 г. [21. С. 772–774], объявлявшим приговор декабристам, впервые было провозглашено, что реформа образования есть самое главное и самое действенное средство «отрезвления общества от дерзновенных мечтаний». Тем самым реформе образования придавалось важнейшее государственное значение. Рождалась доктрина «охранительного просвещения» [6. С. 245; 7. С. 15]: «Дворянство, ограда Престола и чести народной, да станет и на сем поприще, как на всех других, примером всем другим состояниям. Всякий его подвиг к усовершенствованию отечественного, природного, **нечужеземного** [выделено автором] воспитания Мы примем с признательностью и удовольствием», – говорилось в тексте манифеста.

Принципы образования, система учебных заведений и управления ими становятся трансляторами государственной охранительной политики.

Правительством была заявлена одна из трех главных задач николаевского образовательного курса – унификация учебных заведений, введение «должного и необходимого единообразия» в воспитание и обучение. Вторая ключевая задача этого образовательного курса – создание жесткой сословной образовательной системы. Третьей основополагающей задачей стало воспитание «верноподданного», а не человека и гражданина, как требовала принятая ранее просветительная концепция образовательной политики времен начала александровского царствования [7. С. 174].

Следуя принципу «нечужеземного воспитания», специальный указ 1831 г. «О воспитании российского юношества в отечественных учебных заведениях» [22. С. 167–168] оговаривал следующее: «При способах воспитания, в отечестве Нашем ныне существующих, и при твердом намерении Нашем еще более распространить и усилить их, Мы с прискорбием усматриваем некоторые примеры стремления к образованию юношества вне Государства и вредные последствия для тех, кои таковое чужеземное воспитание получают <...>».

Николай I проводил последовательную политику против всесословности учебных заведений, которая была заложена в царствование его предшественника. Начал он с запретов в отношении крепостных крестьян. В высочайшем рескрипте, последовавшем на имя МНП А.С. Шишкова от 19 августа 1827 г., он отмечал, что «часто крепостные люди, из дворовых и поселян, обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях; от сего происходит вред двоякий». С одной стороны, эти молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или своих родителей, «...нерадивые, по большей части, входят в училище уже с дурными навыками и заражают ими товарищей своих в классах или через то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения»; с другой стороны, «...отличнейшие из них, по прилежности и успехам, приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию». В этой связи Николай I посчитал нужным в университеты и гимназии принимать только лиц «свободных состояний», а крепостным оставлял возможность обучаться в приходских и уездных училищах и в частных заведениях [23. С. 675–677].

В 1828 г. был издан новый Устав российских общих учебных заведений [24. С. 1097–1127], действовавший до 1864 г. (до либеральной реформы Александра II в области образования) и следовавший политике ограничения возможности доступа уже широких слоев свободного населения к образованию. Это была типичная черта николаевской внутренней политики – консервативная линия на укрепление социальной опоры самодержавия. Чем меньший круг лиц имел доступ к высшим ступеням образования (с поднятием на каждую из четырех ступеней эта возможность все более ограничивалась), тем меньше в высшие слои общества и управления государством (которое обуславливалось в том числе и наличием высокого уровня образования) проникали разночинцы как наиболее политически неблагонадежный элемент (а уж тем более люди из низших, непривилегированных

сословий – крестьяне и мещане). Таким образом, потенциальная база для вольнодумства сокращалась. И наоборот, приверженные престолу «верноподданные» слои населения – дети дворян, чиновников, военных, священнослужителей – составляли основу для стабильности престола. Только их и следовало допускать до высших уровней образовательной системы.

В ведомстве университетов (как центрах учебных округов) находились три вида училищ (§ 2): 1) начальные училища (приходские); 2) уездные училища; 3) гимназии. Выстраивалась жесткая и иерархическая система управления (сверху вниз).

Главное новшество Устава 1828 г. заключалось в разрыве преемственности между гимназиями и начальными школами. Этот разрыв сохранялся вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Поскольку правительство Николая I стремилось организовать систему образования на сословных началах, то для крестьян (в том числе крепостных) предназначались только приходские училища с одногодичным курсом (§ 4). При этом Устав 1828 г. юридически закрепил отказ государства от финансирования этих училищ и возложил это на помещиков (строго добровольно), а также городское и сельское самоуправление (§ 38), которое, правда, практически не имело для этого средств. Поэтому до второй половины XIX в. (до проведения земской реформы Александром II) начальных школ в сельской местности практически не было, поскольку помещики были не заинтересованы в просвещении крестьян, а сельское самоуправление не имело к этому достаточно средств.

Уездные училища с 3-го годичным курсом предназначались для детей городских сословий (купцов, ремесленников, низших чиновников и низших военных офицерских чинов) (§ 46).

Гимназии стали предназначаться лишь для детей дворян, высших чиновников и военных. В них сохранялась плата за обучение, которую могли позволить себе очень немногие, в то время как приходские и уездные училища были бесплатными (§ 137).

По новому университетскому уставу 1835 г. [25. С. 841–855] полномочия по управлению средними и начальными школами были переданы от университетов в руки специальных чиновников – попечителей учебных округов непосредственно. Эта передача основывалась на «Положении об учебных округах» от 25 июня 1835 г. [26. С. 756–758], которое передавало административный контроль над учебными заведениями учебного округа в ведение именно попечителя. Николай I, аргументируя свое решение, отмечал, что «...с целью и в намерении еще более упрочить устройство публичных заведений, убедились Мы в необходимости освободить Университеты Наши от управления Гимназиями и училищами Учебных Округов, столь несовместного с умножением деятельности высших учебных заведений...» [26. С. 756]. Порядок иерархической зависимости низших училищ от средних остался неизменным. Новое Положение 1835 г. не распространялось на учебные заведения сибирских губерний и Закавказского края, а также временно на Дерптский учебный округ.

Положение от 25 июня 1835 г. было составлено на основе сделанного немногим ранее, 16 июня 1835 г., МНП графом С.С. Уваровым личного доклада императору. Самодержец выразил одобрение его предложениям. В частности, МНП приводились аргументы в пользу передачи функций руководства учебной деятельностью от университетов попечителям учебных округов: «Тридцатилетний опыт доказал, сколь невыгодна система нынешнего управления училищами посредством университетов: 1) профессора, исключительно посвящающие себя наукам, не имеют ни времени, ни надлежащих способностей к практическому управлению и успешному обозрению гимназий и училищ; 2) если в других государствах учебные заведения изъяты от управления университетов, то тем менее представляется возможность и нашим университетам заведовать училищами, рассеянными на расстоянии трех и четырех тысяч верст; 3) известно, в каком положении найдены наши гимназии в 1826 г. после долголетнего университетского управления, и в сем случае опыт сильнее всех умозрений показывает невыгоду нынешнего порядка управления». Обозначив причины отказа от управления округами университетами, МНП отметил ряд преимуществ в управлении системой образования именно попечителями: единство власти и ответственности попечителя; простота и, следовательно, «достоверность управления»; возможность чаще и «с большей пользой» попечителем вникать в дела вверенных ему заведений и т.п. [27. Стб. 955–957].

Специально следует остановиться здесь на новом университетском уставе 1835 г. и на выстраивании новой государственной политики в сфере университетского образования. В данном случае наблюдается дихотомия в университетском вопросе. С одной стороны, университеты ограничиваются в своей правоспособности (прежде всего ограничивается их административная и финансовая автономия, а также некоторые академические свободы); с другой стороны, университеты становятся факторами не только научно-образовательного, но в некоторой степени социально-экономического и политического развития страны.

Надо отметить, что университеты, учреждаемые в России до 1830-х гг., создавались по модели европейских средневековых университетов, а само зарождение университетского образования в России XVIII в. (начиная с Санкт-Петербургского академического университета 1724 г.) не было напрямую обусловлено внутренними потребностями развития русского общества и государства, но носило характер просветительского проекта, целиком поддерживаемого государством и направленного на воспитание нового типа подданных, «образование полезных деятелей на поприще государственной службы» [11. С. 110]. Это были корпоративные (хотя и учреждаемые государством) заведения, которые несли на себе еще средневековые «цеховые» привилегии (автономия в управлении, хозяйственная самостоятельность и т.п.). Такая модель рецептировалась с немецких университетов XVII–XVIII вв., находившихся в разрозненных германских королевствах, княжествах и городах.

С началом XIX в. в германских землях, а шире – в самой Европе, начинает проходить процесс рождения нового университетского типа. Происходит переход от узкокорпоративного университета разрозненных государств и земель – к государственному по своему значению учреждению, служащее уже не узкогрупповым, а широким общественным (государственным) интересам. В немецких землях на протяжении XVIII в. появляются «передовые» (в смысле движения к новой модели) университеты, находившиеся на полном обеспечении государства, которое взяло на себя борьбу с пережитками средневековой корпоративности и насаждало здесь новые идеалы и цели, связанные с углублением научных занятий. Особенно это стало заметно с начала XIX в., с основанием Берлинского университета, от которого ведет отсчет «классическая университетская модель».

Одновременно на рубеже XVIII–XIX вв. значительная часть прежних ученых корпораций с укорененным в средневековье строем сошла с исторической сцены или была реорганизована на новых принципах. В задачу государства теперь входило поддержание успешной деятельности университета с помощью должного финансирования, регулирование поступления сюда подготовленных студентов (что достигалось введением обязательного для поступления в университет государственного экзамена по окончании гимназии), а также преподавателей высокого уровня (с помощью системы государственного конкурса на университетские должности) [28. С. 158–159]. Сам Берлинский университет для Германии и всемерная поддержка его государством имели важное значение в деле замены ранее существовавших «космополитических» учебных заведений национально-ориентированными. И эта идея была важна для Пруссии, которая стремилась на протяжении первой половины XIX в. к объединению германских земель.

Именно поэтому введенный под руководством С.С. Уварова университетский Устав 1835 г. был не шагом назад, как зачастую утверждается в историографии, но даже несколько наоборот, шагом вперед. Происходила замена университетской модели старого типа (разрозненной и узкокорпоративной) – новой системой, объединившей университеты в единую государственную систему и ставившую их на службу государству и обществу [11. С. 114]. Это достигалось и тем, что университетская корпорация ставилась на службу государства: профессора и сотрудники университетов состояли на службе по ведомству МНП, т.е. были государственными чиновниками; студенты и выпускники университетов получали низшие чины в соответствии с Табелем о рангах и т.п.

При этом осуществлялись строгая государственная регламентация, государственный контроль и надзор за деятельностью университетов.

Характеризуя государственную политику николаевской эпохи (программа, выдвинутая МНП С.С. Уваровым) в вопросах образования и реализации принципов управления и нормативного регулирования, можно обозначить такие тенденции, как централизация управления школьным делом; более жесткое

сословное разграничение различных видов образования и типов школ; ограничение университетской автономии и академических свобод; утверждение классицизма как основного направления и основной концепции среднего образования (при незначительном развитии профессиональных школ); подчинение частных учебных заведений и домашнего воспитания правительственному контролю; преобразование учебного дела на окраинах империи (в том числе национальных) в общегосударственной парадигме (усиление политики русификации); нерешение вопроса с открытием национально ориентированных учебных заведений) и т.д. [7. С. 183].

Эти тенденции в российской образовательной политике (с некоторой модификацией) были характерны для всего XIX и начала XX в., за исключением небольшого периода преобразований в рамках Великих реформ Александра II. Главная черта и основа всей образовательной политики, начиная с Николая I и далее, была выражена в формуле графа С.С. Уварова: «Православие, самодержавие, народность».

Годы правления Александра II внесли существенные новшества в базовые принципы организации образовательного процесса в России и управления им и положили начало третьему этапу имперской системы образовательных учреждений, органов управления и нормативного регулирования образовательной сферой.

Реформа образования была выстроена в логике Великих реформ и была нацелена на преодоление феодально-крепостнических, средневековых пережитков и институтов, которые сдерживали развитие общества и страны (тормозило экономическое, социальное, политическое и культурное развитие), модернизацию базовых процессов в функционировании государства и в конструировании буржуазно-демократического общества.

В это время не одна лишь государственная политика (что было характерно для предыдущего николаевского правления) обуславливала направление развития образования и управления им. Появляется такой важный фактор, как общественная инициатива (что называется, движение «снизу»), связанная с зарождающимся гражданским обществом в стране, что приводило к изменению ситуации в сфере образования. И как раз в тесном взаимодействии государства и общества реализуются многие аспекты, такие как расширение сети образовательных учреждений (в том числе за счет частного сектора), демократизация обучения и управления этим процессом, появление новых направлений в образовательной политике и т.п.

Первыми шагами в сфере образования, предпринятыми Александром II, было восстановление прежних форм и институтов управления, упраздненных в последние годы царствования Николая I. Указом правительствующему сенату от 27 декабря 1855 г. «О возложении управления учебными округами на особых попечителей» [29. С. 760] функции по управлению учебными округами из рук военных чиновников – генерал-губернаторов, «коим, сверх прямых по их званию обязанностей, было временно поручено и управление некоторыми Учебными Округами», были

обратно возвращены гражданским чиновникам – попечителям (согласно Положению от 25 июня 1835 г.).

Николаем I это управление было поручено генерал-губернаторам по причине того, что он старался выстроить территориальное управление на принципах жесткой вертикали и «военно-казарменного устройства», которые обеспечивались военным человеком, действующим на началах субординации и строгого исполнения приказов.

Николаем I были упразднены Главное правление училищ и Ученый комитет при МНП. Упразднение этих институтов также лежало в логике николаевской административной политики – в стремлении все процессы максимально унифицировать и подчинить единой вертикали управления. Указом от 8 марта 1856 г. «О преобразовании Главного правления училищ» [30. Ст. 50–57] два этих органа управления были восстановлены.

Впервые были предприняты реальные шаги для развития начального образования, для создания массовой школы, для реализации и поддержки общественной инициативы в организации народного образования. Заметные изменения произошли в области среднего образования. Если предшествовавшая реформа 1828 г. выдвигала прямое требование «повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности сообразуемы с будущим вероятным предназначением обучающихся» [31. С. 676] (т.е. исходными были принципы сословности и утилитарности школы), то теперь средняя школа объявлялась общеобразовательной и общедоступной, открытой для всех сословий. Правда, эта общедоступность была все же ограничена, поскольку плата за обучение закрывала доступ в среднюю школу детям неимущих слоев населения.

Необходимые предпосылки создавались и для развития среднего женского образования. С конца 50-х гг. XIX в. стали создаваться открытые всесословные женские гимназии, тогда как ранее существовали только немногочисленные институты благородных девиц – закрытые учебные заведения, доступные лишь высшим сословиям.

Значительные изменения происходили и в высшей школе. Новый (уже третий по счету в XIX в.) Университетский устав 1863 г. [32. С. 621–638] восстанавливал академическую автономию университетов, ограниченную Уставом 1835 г., устранял произвол инспекции и неограниченное ее вмешательство в жизнь студентов, способствовал улучшению учебной и научной работы в университете и в немалой степени демократизации высшего образования и науки [7. С. 488–489].

14 июля 1864 г. было принято «Положение о начальных народных училищах» [33. С. 613–618], которое отменяло государственную и церковную монополию на образование. После реформы системы образования начальные школы могли открывать также общественные учреждения и частные лица. Срок обучения в начальной школе не превышал 3 лет.

Положение 1864 г. установило систему учебных заведений, к которым стали относиться: заведения по

ведомству МНП (все заведения, которые рассматриваются в настоящем исследовании); по ведомствам министерств государственных имуществ, внутренних дел, Удельного, Горного (все отраслевые и специализированные учебные заведения); по ведомству духовному (духовные академии, семинарии и т.п.).

Согласно Положению в начальные народные училища могли приниматься дети всех сословий «без различия вероисповедания» (§ 6), и в гимназиях и прогимназиях могли также обучаться дети всех сословий без различия звания и вероисповедания (§ 53).

Принятый в том же 1864 г. «Устав гимназий и прогимназий» [34. С. 167–179] в первом параграфе устанавливал, что гимназии были призваны «доставить воспитывающемуся в них юношеству общее образование и вместе с тем служат приготовительными заведениями для поступления в университет и другие высшие специальные училища». Именно гимназии стали основным звеном средней школы. Все гимназии по набору предметов и целей обучения (§ 2) были разделены на два типа – классические и реальные (с 1872 г. переименованы в реальные училища). Классические готовили к поступлению в университеты, а реальные – в высшие технические учебные заведения. Кроме гимназий, «там, где представится надобность и возможность, а также в местах, не имеющих гимназий», могли учреждаться прогимназии, состоявшие только из 4 низших классов гимназии и разделявшиеся также на классические и реальные» (§ 5).

Теперь реформа образования 1864 г. разделяла людей на сословия не по юридическому принципу рождения, а по типу полученного образования: классические гимназии – подготовка к поступлению в университет (последний в дальнейшем давал преимущество при поступлении на государственную службу, в казенные заведения и т.п.), реальные гимназии – подготовка к поступлению в высшие технические учебные заведения (основной контингент – промышленники, торговцы, инженеры и т.п.). Фактически образование оставалось доступным не всем слоям населения, поскольку стоимость обучения была очень высокой.

В 1871 г. была проведена еще одна реформа среднего образования, которая скорректировала некоторые положения средней школы в Российской империи. Новый устав [35. С. 85–99] признавал гимназическим только классическое образование. Реальные гимназии были преобразованы в реальные училища с сокращенным (6-летним) курсом. Значительно увеличилось в классических гимназиях преподавание древних языков и математики (для подготовки к поступлению в университеты). Продолжительность обучения в гимназии увеличилась до 8 лет (не считая «приготовительного» класса). Устав 1871 г. формально продолжал действовать до 1918 г., однако преподавание древних языков в большом объеме вызвало значительное недовольство в обществе и со временем сокращалось.

Как и большинство «Великих реформ», реформа образования тоже имела незавершенный характер (наиболее последовательными и завершенными ока-

зались военная и судебная реформы). Декларируемая всеобщность образования ограничивалась сохранением платы в заведениях более высокого уровня; невозможность поступить в университет, без обучения в классической гимназии (в которых преподавались классические древние языки как необходимое условие для сдачи вступительных испытаний в университет) и т.п. Поэтому выходцы из низших и средних слоев общества, которым доступ в классические гимназии фактически был ограничен, имели преимущественно доступ только в реальные училища.

Контрреформаторская линия как ведущее направление правительственной политики окончательно сформировалась и получила свое развитие в период реакции Александра III в 1880-х – начале 1890-х гг. Однако охранительные шаги образовательного контрреформаторства стали проявляться уже в предыдущее десятилетие – в последний период правления Александра II. Эти контрреформы упреждали три ключевые идеи программы дворянской реакции, развернувшейся в середине 1880-х гг.: искоренение свободомыслия; ограничение деятельности земства, в том числе в сфере народного образования; возрождение принципа сословности во всех сферах русской жизни, в том числе в области образования на всех его уровнях.

Со временем главным объектом образовательных контрреформ 1880-х гг. стали университеты – новый университетский устав органически завершал начатый ранее (уже в последний период правления Александра II) цикл образовательных контрреформ.

В 1884 г. были приняты «Правила о церковно-приходских школах» [36. С. 372–374], с которых началось наступление духовенства на созданную общественными усилиями земскую народную школу: «... Школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания» (§ 1).

Последний царский университетский устав 1884 г. вводил ряд новшеств в вопросы организации и управления университетами, его реакционный характер был явно выражен в сравнении с Уставом 1863 г. Новым Уставом значительно повышалась роль попечителя учебного округа и ректора университета, который теперь назначался МНП непосредственно, права советов университетов были сведены до минимума, назначение деканов факультетов было возложено на попечителя округа (вместо собрания факультета), а срок избрания был увеличен с трёх до четырёх лет и т.п. [37. С. 456–474].

В изданном в 1887 г. «Циркуляре о кухаркиных детях» [38. Ст. 880–883] МНП граф И.Д. Делянов (после высочайше утвержденного императором его доклада по этому вопросу) отмечал: «...нужно разъяснить начальствам гимназий и прогимназий, чтобы они принимали в эти учебные заведения только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства. Таким образом, при неуклонном соблюдении этого правила гим-

назии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей...».

В дальнейшем, уже в период правления Николая II, система образования всех уровней менялась незначительно, и в общих чертах сохранила базовые начала, заложенные его предшественниками (даже в период и после революции 1905–1907 гг.). Николай II придерживался консервативных начал в политике, в том числе и в образовательной сфере. Даже события первой русской революции существенно не изменили его подходов. Дело в том, что образование в этот период отходило на второй план в вопросах внутренней политики, а его функция в резко меняющихся условиях пока не была определена.

Попытки буржуазно-демократических преобразований Временного Правительства могли бы стать новым этапом демократического развития системы образования и образовательных учреждений, органов управления и нормативного регулирования образовательной сферы в России. Однако в силу ряда причин этого так и не произошло.

Временным Правительством уже с марта 1917 г. планировалось реализовать несколько инициатив в сфере образования в духе буржуазно-демократических революционных изменений. Прежде всего, оно ставило для себя задачи разрешения давних проблем системы российского образования – социальных (сословных), национальных, религиозных (вероисповеднических) и гендерных ограничений [39. С. 42–49]. Для разработки конкретных мер по реформированию образования было создано сразу три новых органа: Комитет по народному образованию, Комиссия по реформе высших учебных заведений и Совещание по реформе высших учебных заведений [40. С. 71].

29 марта 1917 г. было опубликовано постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». В частности, снимались ограничения на поступление в учебные заведения (прежде всего, в гимназии и университеты) не титульных наций (не русских национальностей), отменялись ограничения, связанные с употреблением иных, кроме русского, языков и наречий при преподавании в частных (и не только частных) учебных заведениях всякого рода на национальных территориях [39. С. 44–45].

Для демократизации образования было разрешено из средств казны и иных источников (в том числе и частных), открывать гимназии, прогимназии и реальные училища с обучением там лиц обоего пола и с распространением на них действовавших установлений о мужских гимназиях, прогимназиях и реальных училищах МНП [41. С. 203–204]. Для преподавания не только в общих (для лиц обоего пола), но и в мужских учебных заведениях был открыт доступ женщинам [42. С. 223–224].

С целью расширения возможности получения среднего образования МНП было предоставлено право за казенный счет или из иных источников учреждать четырехклассные гимназии и реальные училища, на которые распространялись действующие узаконения о мужских гимназиях и реальных училищах.

Упрощалась процедура поступления в эти учебные заведения. Окончившие эти заведения могли пользоваться всеми правами наравне с лицами, окончившими курс 8-классных гимназий и 7-классных реальных училищ [43. С. 220–222]. Позже МНП было предоставлено право преобразовывать 8-классные гимназии и 7-классные реальные училища (казенные или содержавшиеся из местных средств) в 4-классные гимназии и реальные училища [44. С. 135–136].

В июне 1917 г. для обеспечения планомерного перехода к всеобщему обучению все начальные училища, включенные в школьную систему, а также те, на которые отпускались средства из казны, в том числе и церковные начальные школы ведомства православного исповедания, а также церковно-учительские и второклассные школы, передавались в ведение МНП [45. С. 1818–1819].

Особое внимание Временного Правительства в сфере образования было направлено на вопросы высшей школы, что во многом было обусловлено желанием расширить свою социальную базу и получить политическую поддержку в среде вузовской интеллигенции и учащихся. Исследователи выделяют три направления данной деятельности: демократизация правил приема в вузы, расширение сети вузов и установление принципов автономии высшей школы [40. 70–83]. Два первых направления получили дальнейшее развитие при советской власти, а вот вопросы об автономии высшей школы на почти 70-летний период были преданы забвению в нашем государстве.

Временное Правительство при реформировании образования всех уровней и выстраивании новой системы управления данной сферой долгосрочных изменений не реализовало. Это объясняется как кратковременным периодом его существования и некоторой декларативностью ряда норм, так и экономическими, политическими и организационными трудностями того периода.

Подводя итоги и анализируя сложную систему организации управления и нормативного регулирования образования в России в имперский период, можно выделить определенные черты и тенденции в его развитии.

Образование (просвещение) как специальная сфера государственной политики и отраслевого управления выделилось в начале XIX в., во время административных преобразований александровского правления. Тогда же единая структура общеобразовательных учебных заведений была выстроена в единую систему, пронизывающую все уровни образования, от низших – к высшим учебным заведениям. Логика преобразований, заложенная Александром I в образовательную политику, строилась на таких основах, как всесословность, доступность, преемственность образования на различных уровнях и т.п.

Дальнейшая образовательная политика преемников Александра I на российском престоле напрямую зависела от мировоззренческих взглядов и направлений внутренней политики. В системе организации и управления образованием шла постоянная борьба двух тенденций: консервативно-охранительной (пе-

риод на протяжении всего XIX и начала XX в.) и либеральных преобразований (1860–1870-е гг. и кратковременный период буржуазно-демократической республики Временного Правительства). Для первой тенденции было характерным установление сословных перегородок с целью ограничения доступа к образованию (а значит, в перспективе – к государственной службе, социальным лифтам и т.д.) низших слоев населения страны. Поощрялось получение образования более высокого уровня детьми подданных, которые рассматривались как опора монархического режима (помещики, чиновники, военные и др.). Вторая тенденция характеризовалась введением всеобщего характера обучения, устранением сословных ограничений и т.п. Так, при Александре II на смену школе сословной приходила классовая (всеобщая) школа.

Также репрезентативным материалом для иллюстрации образовательной политики российских самодержцев и их сподвижников всегда являлись университетские уставы. Все уставы (Александра I 1803 г., Николая I 1835 г., Александра II 1863 г. и Александра III 1884 г.) в вопросах управления университетами отличались друг от друга степенью либерализации или, наоборот, консерватизма. Уставы устанавливали режим большего (1835 г. и 1884 г.) или меньшего (1803 г. и 1864 г.) вмешательства государственной администрации в автономию университетов (по вопросам управления университетами, кадровым вопросам и др.).

В контексте разговора о системе общего и высшего образования в Российской империи и нормативного регулирования этой сферы общественной жизни остановимся на вопросе о существовании отрасли образовательного права в дореволюционный период. В современной исследовательской литературе этой проблеме не уделяется специального внимания. Ряд авторов, исследующих вопросы истории и развития образовательного права в России, определяют начало его становления с советского периода, аргументируя это тем, что появляются конституционные нормы в первых советских конституциях, регулирующие вопросы образования в стране [46. С. 10–30]. Также аргументом в пользу этой хронологии служит то обстоятельство, что в дореволюционной России не проводилось полноценной кодификации отраслевого законодательства, поэтому выделение отраслей права не получило должного развития. В этой связи следует отметить, что отсутствие в имперской России консти-

туционализма (вплоть до 1906 г.) еще не является аргументом в пользу отсутствия специальной сферы государственного правового регулирования особой сферы – образования. В некоторых исследованиях наблюдается другая крайность, когда зарождение отрасли образовательного права увязывается с развитием только самого законодательства об образовании [47. С. 87–91; 48. С. 701–707]. В теоретико-методологической работе профессора В.М. Сырых при анализе системообразующих признаков отрасли образовательного права дореволюционный и советский периоды вообще не рассматриваются как время, когда имелось образовательное право, и отсчет этой отрасли начинается лишь с современного (постсоветского) этапа развития отечественного права [49. С. 201–206].

Результаты проведенного в настоящей статье исследования позволяют предположить, что образовательное право как самостоятельная отрасль права сформировалась в России уже в первой половине XIX в., выделившись из административного права как отрасли публичного права [50. С. 548–554]. Несомненным для автора остается отсчет этой отрасли с дореволюционного, царского периода. Свое дальнейшее развитие эта отрасль с особым предметом своего регулирования и особым субъектным составом получает уже во второй половине XIX в.

Основанием так считать является то обстоятельство, что уже в первой половине XIX в. массив образовательного законодательства переходит от количественной совокупности к качественному единству (указы о системе образования, университетские уставы и т.п.), образование становится отраслью и специальной сферой управления государством (через МНП). Складываются обладающие определенными признаками отношения, нормативные обобщения, обеспечительные механизмы, социальный запрос, наконец. Здесь мы видим все присущие отрасли признаки. Образовательное право как отрасль представляла собой совокупность обособленных, автономных юридических норм, регулировавших определенную область (сферу) общественных отношений. Предметом образовательного права являлись отношения, возникавшие в сфере образования, в том числе различавшиеся по субъектному составу (образовательные учреждения различной организационно-правовой формы и т.п.). Наряду с образовательным правом можно говорить об образовательном законодательстве, которое представляло собой самостоятельную отрасль российского законодательства.

Список источников

1. Академическая привилегия // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. М. : Педагогика. 1985. С. 236–240.
2. Указ именной, объявленный из Сената от 28 января 1724 г. № 4443 «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга» // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. VII: 1723–1727 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 220–224.
3. Указ от 24 января 1755 г. № 10.346 «Об учреждении Московского университета и двух гимназий» // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XIV: 1754–1757 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 284–294.
4. Именной указ от 5 мая 1764 г. № 12.154 «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге при Воскресенском монастыре, с приложением устава и штата сего Воспитательного общества» // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XVI: 1762–1764 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 742–755.
5. Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской империи от 5 августа 1786 г. № 16.421 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXII: 1784–1788 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 646–669.

6. Днепров Э.Д. Российская образовательная политика XIX – начала XX в. в зеркале законодательных актов (фрагменты из книги Э.Д. Днепров) // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 279–288.
7. Российское законодательство об образовании XIX – начала XX в. : сб. документов : [в 3 т.] / ред.-сост. Э.Д. Днепров. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. Т. I. 832 с.
8. Манифест об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г. № 20.406 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVII: 1802–1803 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 243–248.
9. Манифест «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. № 24.686 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXXI: 1810–1811 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 686–719.
10. Указ именной, данный Сенату от 24 января 1803 г. № 20.597 «Об устройстве училищ» // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVII: 1802–1803 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 437–442.
11. Андреев А.Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (Ч. 2) // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 110–119.
12. Указ именной, данный Сенату от 6 августа 1809 г. № 23.771 «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассессоры и Статские Советники» // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXX: 1808–1809 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 1054–1057.
13. Утвердительная грамота Московского Императорского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.502 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 647–650.
14. Утвердительная грамота Харьковского Императорского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.503 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 650–653.
15. Утвердительная грамота Казанского Императорского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.504 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 653–656.
16. Высочайше утвержденный устав Императорского Московского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.498 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 570–589.
17. Высочайше утвержденный устав Императорского Харьковского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.499 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 589–607.
18. Высочайше утвержденный устав Императорского Казанского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.500 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 607–626.
19. Устав или общие постановления Императорского Виленского Университета и училищ его округа от 18 мая 1803 г. № 20.765 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVII: 1802–1803 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 610–620.
20. Высочайше утвержденный Устав учебных заведений, подведомых университетам, от 5 ноября 1804 г. № 21.501 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 626–644.
21. Манифест о совершении приговора над государственными преступниками от 13 июля 1826 г. № 465 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. I. 12 декабря 1825 г. – 1826 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 772–774.
22. Указ именной, данный Сенату «О воспитании российского юношества в отечественных учебных заведениях» от 18 февраля 1831 г. № 4364 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. VI, ч. 1: 1831 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 167–168.
23. Высочайший рескрипт, последовавший на имя Министра Народного Просвещения Шишкова от 19 августа 1827 г. № 1308. // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. II: 1827 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 675–677.
24. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского от 8 декабря 1828 г. № 2502. // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. III: 1828 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 1097–1127.
25. Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских университетов от 26 июля 1835 г. № 8337 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. X, отд. 1: 1835 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1836. С. 841–855.
26. Высочайше утвержденное Положение об учебных округах Министерства народного просвещения от 25 июня 1835 г. № 8262 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. X, отд. 1: 1835 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1836. С. 756–758.
27. Июня 16 и 25. Положение об Учебных округах Министерства Народного Просвещения // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отд. 1-е: 1825–1839. 1875. Стб. 955–957. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1875–1876.
28. Андреев А.Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (Ч. 1) // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 156–169.
29. Именной, данный Сенату Указ «О возложении управления учебными округами на особых Попечителей» от 27 декабря 1855 г. № 29993. // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. XXX, отд. 1: 1855 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1856. С. 760.
30. Указ «О преобразовании Главного правления училищ» от 8 марта 1856 г. № 40 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Т. 3 : Царствование императора Александра II, 1855–1864. СПб. : В тип. Императорской академии наук. 1865. Ст. 50–57.
31. Высочайший рескрипт, последовавший на имя Министра Народного Просвещения Шишкова от 19 августа 1827 г. № 1308 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. II: 1827 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 676.
32. Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов от 18 июня 1863 г. № 39752 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. XXXVIII, отд. 1: 1863 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1866. С. 621–638.
33. Высочайше утвержденное Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1864 г. № 41068 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. XXXIX, ч. 1: 1864 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1867. С. 613–618.
34. Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 г. № 41472 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. XXXIX, ч. 2: 1864 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1867. С. 167–179.
35. Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения от 30 июля 1871 г. № 49860 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. XLVI, ч. 2: 1871 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1874. С. 85–99.
36. Высочайше утвержденные правила о церковно-приходских школах от 13 июня 1884 г. № 2318 // ПСЗРИ. Собр. Третье. Т. IV: 1884 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1887. С. 372–374.
37. Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов от 23 августа 1884 г. № 2404 // ПСЗРИ. Собр. Третье. Т. IV: 1884 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1887. С. 456–474.
38. Циркуляр по министерству народного просвещения «О сокращении числа учеников в гимназиях и прогимназиях и изменении состава оных» от 18 июня 1887 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том десятый: Царствование Императора Александра III. 1885–1888 годы. СПб., 1894. № 434. Ст. 880–883.
39. Звонарев А.В., Пашенцев Д.А. Законодательная деятельность Временного Правительства в области народного образования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2017. № 4 (28). С. 42–49.
40. Сизова А.Ю. Российское высшее образование при Временном правительстве: замысел и начало демократической реформы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2009. № 17. С. 70–83.
41. Постановление Временного Правительства от 24 апреля 1917 г. «О гимназиях, прогимназиях и реальных училищах для совместного обучения детей обоего пола» // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1–2: 1917–1918. Вып. 1: 27 февраля 1917 г. – 5 мая 1917 г. / сост. Отд-ем свода законов Гос. канцелярии. Пг. : Гос. тип., 1917. С. 203–204.

42. Постановление Временного Правительства от 24 апреля 1917 г. «Об изменении некоторых узаконений относительно служащих в общеобразовательных средних учебных заведениях» // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1–2: 1917–1918. Вып. 1: 27 февраля 1917 г. – 5 мая 1917 г. / сост. Отд-ем свода законов Гос. канцелярии. Пг. : Гос. тип., 1917. С. 223–224.
43. Постановление Временного Правительства «Об изменении некоторых узаконений о средних общеобразовательных учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения» // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1–2: 1917–1918. Вып. 1: 27 февраля 1917 г. – 5 мая 1917 г. / сост. Отд-ем свода законов Гос. канцелярии. Пг. : Гос. тип., 1917. С. 220–222.
44. Постановление Временного Правительства от 17 июня 1917 г. «О преобразовании восьмиклассных гимназий и семиклассных реальных училищ в четырехклассные гимназии и реальные училища» // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1917 г. Новая серия. Ч. 71 [№ 9]. Сентябрь. Пг. : Сенатская тип., 1917. 360 с.
45. Постановление Временного Правительства от 20 июня 1917 г. «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения» (о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения) // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Пг., 1917. № 182. 4 августа. Отд. 1. Ст. 1014. С. 1818–1819.
46. Образовательное право : учеб. пособие для бакалавров / под общ. ред. Д.А. Аксеновой. М. : Книгодел, 2016. 312 с.
47. Овчинников А.В. Образовательное право и законодательство в дореволюционной России // Образование и общество. 2010. № 6 (65). С. 87–91.
48. Гусева А.А., Кутько В.В. Исторические аспекты правового регулирования образовательных отношений в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2018. Т. 43, № 4. С. 701–707.
49. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М. : Центр образовательного законодательства Минобразования России, 2002. 339 с.
50. Шершеневич Г.В. Общая теория права: Часть теоретическая. Философия права. Т. 1, вып. 1–4. М. : Изд-во Бр. Башмаковых, 1910. 839 с.

References

1. Akademicheskaya privilegiya // Antologiya pedagogicheskoy mysli Drevney Rusi i Russkogo gosudarstva XIV-XVII vv. М. : Pedagogika. 1985. S. 236–240.
2. Ukaz imennoy, obyavlennoy iz Senata ot 28 yanvarya 1724 g. № 4443 «Ob uchrezhdenii Akademii i o naznachenii dlya sodержaniya onoy dohodov tamozhennyh i licentnyh, sobiraemyh s gorodov Narvy, Derpta, Pernova i Arensburga» // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. VII. 1723-1727 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 220–224.
3. Ukaz ot 24 yanvarya 1755 g. № 10.346 «Ob uchrezhdenii Moskovskogo universiteta i dvuh gimnaziy» // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XIV. 1754-1757 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 284–294.
4. Imennoy ukaz ot 5 maya 1764 g. № 12.154 «O vospitanii blagorodnyh devic v Sankt-Peterburge pri Voskresenskom monastyre, s prilozheniem ustava i shtata sego Vospitatelnogo obshchestva» // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XVI. 1762-1764 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 742–755.
5. Vysochayshe utverzhdennoy Ustav narodnym uchilishcham v Rossiyskoy imperii ot 5 avgusta 1786 g. № 16.421 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXII. 1784-1788 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 646–669.
6. Dneprov E.D. Rossiyskaya obrazovatel'naya politika XIX – nachala XX v. v zerkale zakonodatel'nykh aktov (fragmenty iz knigi E.D. Dneprova) // Voprosy obrazovaniya. 2015. № 2. S. 279–288.
7. Rossiyskoe zakonodatel'stvo ob obrazovanii XIX – nachala HH veka: sb. dokumentov: [v 3 t.] / red.-sost. E.D. Dneprov. М. : Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2017. T. I. 832 s.
8. Manifest ob uchrezhdenii ministerstv ot 8 sentyabrya 1802 g. № 20.406 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVII. 1802-1803 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 243–248.
9. Manifest «Obshee uchrezhdenie ministerstv» ot 25 iyunya 1811 g. № 24.686 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXXI. 1810-1811 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 686–719.
10. Ukaz imennoy, dannyy Senatu ot 24 yanvarya 1803 g. № 20.597 «Ob ustroystve uchilishch» // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVII. 1802-1803 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 437–442.
11. Andreev A.Yu. «Nacional'naya model» universitetskogo obrazovaniya: vznik i razvitiye (Ch. 2) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2005. № 2. S. 110–119.
12. Ukaz imennoy, dannyy Senatu ot 6 avgusta 1809 g. № 23.771 «O pravilah proizvodstva v chiny po grazhdanskoj sluzhbe i ob ispytaniyah v naukah, dlya proizvodstva v Kollezhskie Aessory i Statskie Sovetniki» // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXX. 1808-1809 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 1054–1057.
13. Utverditelnaya gramota Moskovskogo Imperatorskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.502 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 647–650.
14. Utverditelnaya gramota Harkovskogo Imperatorskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.503 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 650–653.
15. Utverditelnaya gramota Kazanskogo Imperatorskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.504 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 653–656.
16. Vysochayshe utverzhdennoy ustav Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.498 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 570–589.
17. Vysochayshe utverzhdennoy ustav Imperatorskogo Harkovskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.499 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 589–607.
18. Vysochayshe utverzhdennoy ustav Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.500 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 607–626.
19. Ustav ili obshchie postanovleniya Imperatorskogo Vilenskogo Universiteta i uchilishch ego okruga ot 18 maya 1803 g. № 20.765 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVII. 1802-1803 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 610–620.
20. Vysochayshe utverzhdennoy Ustav uchebnyh zavedeniy, podvedomyh universitetam ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.501 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 626–644.
21. Manifest o sovershenii prigovora nad gosudarstvennymi prestupnikami ot 13 iyulya 1826 g. № 465 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. I. 12 dekabrya 1825 g. – 1826 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 772–774.
22. Ukaz imennoy, dannyy Senatu «O vospitanii rossiyskogo yunoshestva v otechestvennyh uchebnyh zavedeniyah» ot 18 fevralya 1831 g. № 4364 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. VI. Ch. 1. 1831 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 167–168.
23. Vysochayshiy reskript, posledovavshiy na imya Ministra Narodnogo Prosveshcheniya Shishkova ot 19 avgusta 1827 g. № 1308. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. II. 1827 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 675–677.
24. Ustav gimnaziy i uchilishch uezdnyh i prihodskih, sostoyashchih v vedomstve universitetov S.-Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo i Harkovskogo ot 8 dekabrya 1828 g. № 2502. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. III. 1828 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 1097–1127.

25. Vysochayshe utverzhdenyy Obshchiy Ustav Imperatorskikh Rossiyskikh universitetov ot 26 iyulya 1835 g. № 8337 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. X. Otd. 1. 1835 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1836. S. 841–855.
26. Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie ob uchebnykh okrugah Ministerstva narodnogo prosveshcheniya ot 25 iyunya 1835 g. № 8262 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. X. Otd. 1. 1835 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1836. S. 756–758.
27. Iyunya 16 i 25. Polozhenie ob Uchebnykh okrugah Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya // Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. 2-e izd. SPb. : Tip. V.S. Balasheva, 1875-1876. T. 2: Carstvovanie imperatora Nikolaya I. 1825-1855. Otd. 1-e: 1825-1839. 1875. Stb. 955–957.
28. Andreev A.Yu. «Nacionalnaya model» universitetskogo obrazovaniya: vznikovnenie i razvitie (Ch. 1) // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2005. № 1. S. 156–169.
29. Imennoy, dannyi Senatu Ukaz «O vozlozhenii upravleniya uchebnymi okrugami na osobyh Popechiteley» ot 27 dekabrya 1855 g. № 29993. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. XXX. Otd. 1. 1855 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1856. S. 760.
30. Ukaz «O preobrazovanii Glavnogo pravleniya uchilishch» ot 8 marta 1856 g. № 40 // Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya: T. 3: Carstvovanie imperatora Aleksandra II, 1855-1864. SPb. : V tip. Imperatorskoy akademii nauk. 1865. St. 50–57.
31. Vysochayshiy reskript, posledovavshiy na imya Ministra Narodnogo Prosveshcheniya Shishkova ot 19 avgusta 1827 g. № 1308. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. II. 1827 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 676.
32. Vysochayshe utverzhdenyy Obshchiy Ustav Imperatorskikh Rossiyskikh Universitetov ot 18 iyunya 1863 g. № 39752. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. XXXVIII. Otd. 1. 1863 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1866. S. 621–638.
33. Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o nachalnykh narodnykh uchilishchah ot 14 iyulya 1864 g. № 41068 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. XXXIX. Ch. 1. 1864 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1867. S. 613–618.
34. Vysochayshe utverzhdenyy Ustav gimnaziy i progimnaziy vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya ot 19 noyabrya 1864 g. № 41472. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. XXXIX. Ch. 2. 1864 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1867. S. 167–179.
35. Vysochayshe utverzhdenyy Ustav gimnaziy i progimnaziy vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya ot 30 iyulya 1871 g. № 49860 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. XLVI. Ch. 2. 1871 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1874. S. 85–99.
36. Vysochayshe utverzhdennye pravila o cerkovno-prihodskikh shkolah ot 13 iyunya 1884 g. № 2318 // PSZRI. Sobr. Trete. T. IV. 1884 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1887. S. 372–374.
37. Vysochayshe utverzhdenyy Obshchiy Ustav Imperatorskikh Rossiyskikh Universitetov ot 23 avgusta 1884 g. № 2404 // PSZRI. Sobr. Trete. T. IV. 1884 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1887. S. 456–474.
38. Cirkulyar po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya «O sokrashchenii chisla uchenikov v gimnaziyah i progimnaziyah i izmenenii sostava onykh» ot 18 iyunya 1887 g. // Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. Tom desyatyy. Carstvovanie Imperatora Aleksandra III. 1885-1888 gody. SPb., 1894. № 434. St. 880–883.
39. Zvonarev A.V., Pashencev D.A. Zakonodatel'naya deyatelnost' Vremennogo Pravitelstva v oblasti narodnogo obrazovaniya // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2017. № 4 (28). S. 42–49.
40. Sizova A.Yu. Rossiyskoe vysshee obrazovanie pri Vremennom pravitelstve: zamysel i nachalo demokraticeskoy reformy // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie». 2009. № 17. S. 70–83.
41. Postanovlenie Vremennogo Pravitelstva ot 24 aprelya 1917 g. «O gimnaziyah, progimnaziyah i realnykh uchilishchah dlya sovmevnogo obucheniya detey oboego pola» // Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitelstva. Vyp. 1-2. 1917-1918. Vyp. 1: 27 fevralya 1917 g. – 5 maya 1917 g. / Sost. Otd-em svoda zakonov Gos. kancelyarii. Pg.: Gos. tip., 1917. S. 203–204.
42. Postanovlenie Vremennogo Pravitelstva ot 24 aprelya 1917 g. «Ob izmenenii nekotorykh uzakoneniy otnositelno sluzhashchih v obshcheobrazovatelnykh srednykh uchebnykh zavedeniyah» // Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitelstva. Vyp. 1-2. 1917-1918. Vyp. 1: 27 fevralya 1917 g. – 5 maya 1917 g. / Sost. Otd-em svoda zakonov Gos. kancelyarii. Pg.: Gos. tip., 1917. S. 223–224.
43. Postanovlenie Vremennogo Pravitelstva «Ob izmenenii nekotorykh uzakoneniy o srednykh obshcheobrazovatelnykh uchebnykh zavedeniyah vedomstva Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya» // Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitelstva. Vyp. 1-2. 1917-1918. Vyp. 1: 27 fevralya 1917 g. – 5 maya 1917 g. / Sost. Otd-em svoda zakonov Gos. kancelyarii. Pg.: Gos. tip., 1917. S. 220–222.
44. Postanovlenie Vremennogo Pravitelstva ot 17 iyunya 1917 g. «O preobrazovanii vosmikklassnykh gimnaziy i semikklassnykh realnykh uchilishch v chetyrekklassnye gimnazii i realnye uchilishcha» // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya, 1917 g. Novaya seriya. Ch. 71 [№ 9]. Sentyabr. – Pg.: Senatskaya tip., 1917. 360 s.
45. Postanovlenie Vremennogo Pravitelstva ot 20 iyunya 1917 g. «Ob obedinenii, v celyakh vvedeniya vseobshchego obucheniya, zavedeniy raznykh vedomstv v vedomstve Ministerstva narodnogo prosveshcheniya» (o peredache cerkovno-prihodskikh shkol v vedenie Ministerstva narodnogo prosveshcheniya) // Sbornik uzakoneniy i rasporyazheniy Pravitelstva. Pg., 1917. № 182. 4 avgusta. Otd. 1. St. 1014. S. 1818–1819.
46. Obrazovatelnoe pravo: uchebnoe posobie dlya bakalavrov / Pod obshch. red. D.A. Aksenovoy. M. : Knigodel, 2016. 312 s.
47. Ovchinnikov A.V. Obrazovatelnoe pravo i zakonodatelstvo v dorevolucionnoy Rossii // Obrazovanie i obshchestvo. 2010. № 6 (65). S. 87–91.
48. Guseva A.A., Kutko V.V. Istoricheskie aspekty pravovogo regulirovaniya obrazovatelnykh otноsheniy v Rossii // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2018. T. 43. № 4. S. 701–707.
49. Syryh V.M. Vvedenie v teoriyu obrazovatel'nogo prava. M. : Centr obrazovatel'nogo zakonodatelstva Minobrazovaniya Rossii, 2002. 339 s.
50. Shershenevich G.V. Obshchaya teoriya prava: Chast teoreticheskaya. Filosofiya prava. T. 1: Vyp. 1-4. M. : Izd-vo Br. Bashmakovyyh, 1910. 839 s.

Информация об авторе:

Хаминов Д.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); зав. кафедрой теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: khaminov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Khaminov D.V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Khaminov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.09.2021;
одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 28.09.2021;
approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

Научная статья
УДК 343.3/7
doi: 10.17223/15617793/474/32

Преступность в Бразилии: особенности, противодействие, направления исследований

Лев Романович Клебанов¹, Светлана Вениаминовна Полубинская²

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, solomon70@bk.ru

² Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, svepol@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются общее состояние преступности в Бразилии, ее основные черты и особенности. Особое внимание уделяется анализу умышленных убийств, поскольку Бразилия демонстрирует наиболее неблагоприятные тенденции в мире в динамике этого вида преступлений. Освещаются проблемы криминальной виктимности и выделяются основные группы риска. Дается характеристика программ сбора криминологически значимой информации в Бразилии, компетенции ключевых органов в сфере противодействия преступности и основных направлений криминологических исследований.

Ключевые слова: Бразилия; преступность в Бразилии, насильственная преступность, убийство, виктимность, коррупция, преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, Уголовный кодекс Бразилии, статистика преступности

Для цитирования: Клебанов Л.Р., Полубинская С.В. Преступность в Бразилии: особенности, противодействие, направления исследований // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 299–310. doi: 10.17223/15617793/474/32

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/32

Crime in Brazil: Features, Counteraction, Directions of Research

Lev R. Klebanov¹, Svetlana V. Polubinskaya²

¹ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, solomon70@bk.ru.

² Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, svepol@yandex.ru

Abstract. The article focuses on a wide range of issues related to current crime situation in Brazil and covers social and economic context, features and trends, most dangerous crimes, key victim groups, countermeasures, crime statistics and research. Special attention is paid to the COVID-19 pandemic as a factor that has influenced crime all over the world including Brazil.

Lack of research on crime in Brazil in Russian criminology determines the aim of this study: to describe the main types of criminal activities in Brazil, trends in criminality, the most vulnerable groups at risk to suffer from crime, examples of crime control and areas of interest for criminologists. This paper includes analysis of the Penal Code of Brazil and its amendments, other national laws, crime statistics including the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) data, reports of various international and Brazilian organizations dealing with crime issues, foreign scientific literature, Russian studies on Latin America. In the preparation of the paper the authors used general and specific scientific methods including analysis, synthesis, formal and legal analysis, historical, sociological as well as criminological research and expert assessment.

The authors conclude that the most worrisome types of crime in Brazil are street crimes (especially in large cities), violent crimes (Brazil is known as a country with a very high rate of murder), organized crime, drug trafficking and corruption. The latter group of crimes is associated with unlawful acts of the country's highest authorities. So called «sky-high murder rate» in the country is caused by high level of unemployment (mostly among younger people), huge income inequality in population, availability of fire arms, activities of street gangs and armed groups involved in drug trafficking, prevalence of domestic violence, existence of so called favelas, i.e. areas of the poorest population residence. Besides, there is an association between increased level of some types of crimes and the COVID-19 pandemic. The most vulnerable groups at risk to become crime victims are females, law enforcement officers, environmental activists and indigenous people. The high rate of victims belonging to the first group forced the Brazilian legislator to establish criminal responsibility for murder of women in a special Penal Code norm (Feminicídio). Another sensible problem related to violence in general is police officers' fire arms use leading to large number of killed persons (police killing, letalidade policial).

The authors pay special attention to various programs of federal, regional and local authorities aimed at reduction of the crime rate and diminishing the harmful consequences. The authors emphasize the well organized structure of criminological research in Brazil. The main research centers are the Brazilian Institute of Criminal Sciences (Instituto Brasileiro de Ciências Criminais) and the Brazilian Forum of Public Security (Fórum Brasileiro de Segurança Pública).

Keywords: Brazil; crime in Brazil; violent crimes; murder; victimization; corruption; drug trafficking; Penal code of Brazil, crime statistics

For citation: Klebanov, L.R. & Polubinskaya, S.V. (2022) Crime in Brazil: Features, Counteraction, Directions of Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 299–310. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/32

Современная Бразилия является одним из крупнейших геополитических и экономических игроков в Латинской Америке и в мире. Ее особое положение в южноамериканском регионе определяется, с одной стороны, длительной традицией конструктивного национализма с опорой на сотрудничество с соседями, а с другой – её политико-правовой совместимостью с испаноговорящими сопредельными странами в плане отношения к региональному и глобальному мироустройству [1. С. 23–24].

Бразилия является крупнейшим государством Латино-Карибской Америки (ЛКА) по размеру территории, численности населения (5-е место в мире), объему экономики (30% от регионального ВВП). Именно на долю Бразилии приходится четверть промышленного и 32% сельскохозяйственного производства, свыше половины научно-технического потенциала стран региона. Это и самый обширный рынок ЛКА, в котором заинтересованы все остальные страны региона. По объему прямых иностранных инвестиций Бразилия входит в число мировых лидеров, занимая четвертое место после США, Китая и Германии [2], и все отчетливее становится неформальным лидером ЛКА [1. С. 28–31].

Бразилия участвует в таких влиятельных международных институтах, как Организация Американских Государств, БРИКС, G-20 (The Group of twenty – Группа двадцати крупнейших экономик мира), МЕРКОСУР (в переводе с испанского «Рынок Южного конуса» – субрегиональный торгово-экономический союз), УНАСУР (Union of South American Nations – Союз южноамериканских наций), ИБСА (международное объединение в составе Индии, Бразилии и Южной Африки), СЕЛАК (Сообщество латиноамериканских и карибских государств).

В БРИКС, наряду с Индией, Китаем и ЮАР, входит и Россия. Таким образом, эта группа является мощным политико-экономическим союзом, объединяющим пять крупнейших экономик мира и способным «стать всеобъемлющей и глобальной платформой интеграции» в целях «альтернативной глобализации» [3. С. 3–11]. При этом развиваются и двусторонние политические и экономические отношения между Россией и Бразилией. В 2004–2014 гг. товарооборот между нашими странами вырос более чем в три раза и превысил 6 млрд долл. США, причем российский экспорт увеличился более чем в шесть раз [4. С. 86, 88].

Общая характеристика преступности в Бразилии

При тесном сотрудничестве двух наших стран важным представляется изучение преступности в Бразилии, тем более что она обладает рядом специфических черт даже по сравнению с другими латиноамериканскими государствами.

Несмотря на очевидные успехи в развитии, социально-экономическая ситуация в Бразилии весьма напряженная: страна уверенно занимает печальные лидирующие позиции в списке государств с наиболее высоким уровнем социального неравенства и расслоения, рассчитываемым по коэффициенту Джини. В 2018 г. он составлял для Бразилии 44,9 – это 18-е место в мире. На долю 20% самых бедных в совокупном доходе страны в том же году приходилось 3,10% совокупного дохода страны, на долю 20% самых богатых – 58,3% [5]. И это соотношение практически не меняется – в 2009 г. 20% самого бедного населения страны получали около 2,9% от всех национальных богатств, в то время как 20% самых богатых получили 58,6% [6. Р. 472].

Если говорить о том, какие виды преступности наиболее распространены в Бразилии, то следует указать, прежде всего, *уличную преступность* (имеющую, по большей части, корыстно-насильственный характер) и *насильственную преступность*, жертвами которой все чаще становятся женщины, девушки и девочки. Серьезные проблемы для страны также создает *коррупционная, организованная и наркопреступность*.

Обращение к такому криминологическому показателю, как цена преступности в целом и преступного насилия в частности, показывает, что для Бразилии она очень высока. Расходы на полицию, тюрьмы, систему личной безопасности, здравоохранение, потери человеческого капитала и вред, причиненный преступлениями конкретным потерпевшим, в 2004 г. оценивались в 92 млрд долл. США, или в 5,1% ВВП страны. В 2007 г. цена одних лишь умышленных убийств составляла 2,3% ВВП Бразилии [6. Р. 472]. В период с 1996 по 2015 г. экономические издержки, связанные с преступностью, значительно выросли – примерно со 113 до 285 млрд реалов, что составляло рост в среднем на 4,5% в год. В 2015 г. эти расходы составили 4,38% национального дохода Бразилии и включали: государственную безопасность (1,35% ВВП); частную безопасность (0,94% ВВП); страхование и материальные потери (0,8% ВВП); судебные расходы (0,58% ВВП); потерю производственного потенциала (0,40% ВВП); лишение свободы (0,26% ВВП); расходы на медицинские и терапевтические услуги (0,05% ВВП) [7].

Уличная преступность. Информацию об уличной преступности в Бразилии нередко предоставляют различные агентства зарубежных государств, предупреждающие своих граждан о криминальных рисках в тех странах, куда они могут поехать. Примером может служить американский Консультативный совет по безопасности за рубежом (Overseas Security Advisory Council, или OSAC)¹, который готовит до-

клады о преступности и безопасности в различных странах и городах.

В докладе, опубликованном в мае 2020 г., Консультативный совет отнес Бразилию к странам второго уровня опасности (Level 2 «Exercise increased caution»), при посещении которых необходимо соблюдать повышенную осторожность. Рио-де-Жанейро охарактеризован в докладе как очень опасный с точки зрения преступности город («CRITICAL-threat location»). Наиболее распространенными являются такие преступления, как убийства, разбойные нападения (armed robbery), угоны автомобилей, нанесение телесных повреждений, похищения людей, которые совершаются в любой части города в любое время круглый год. Многие преступники вооружены и, не задумываясь, прибегают к насилию, если встречают сопротивление. Потерпевшими от преступлений становятся и иностранцы. Нельзя принимать никаких напитков от незнакомцев и за своими напитками необходимо следить очень внимательно: преступники часто добавляют в них одурманивающие вещества, после чего потерпевший подвергается сексуальному насилию либо лишается своего имущества [8].

Все пригороды Рио также являются районами криминальной активности, а наиболее опасны из них те, которые именуются фавелами (иногда их называют comunidades – «общины», «районы»). Они контролируются вооруженными группировками и бандами наркоторговцев, а столкновения между полицией и преступниками здесь случаются постоянно. В таких общественных местах, как парки, пляжи и зоны отдыха, преступления (кражи, нанесение телесных повреждений, сексуальные насильственные преступления и др.) совершаются, как правило, в темное время суток. Туристам рекомендовано покидать эти места до захода солнца [8].

Убийства. Абсолютные и относительные показатели совершенных убийств в Бразилии являются одними из самых высоких в мире. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), с 1990 по 2018 г.², за небольшими исключениями (1992, 2005, 2007, 2010 гг.), эти показатели постоянно росли. И если в 1990 г. было зарегистрировано 29 301 умышленное убийство (19,7 на 100 тыс. человек, проживающих в стране), то в 2018 г. – уже 57 358 таких преступлений (27,4 на 100 тыс. человек). В этом году произошло снижение абсолютных и относительных показателей убийств, и Бразилию опередила Мексика [9]. Пик убийств пришелся на 2017 г. – 64 078 преступлений, или 30,8 на 100 тыс. населения [10]. Для сравнения в том же году в Южной Америке коэффициент умышленных убийств составлял 23,6 [10], в Европе – 3,0, а общемировой – 6,1 [11].

Жертвами убийств в Бразилии с 2000 по 2018 г., по нашим подсчетам на основе статистики UNODC, стали 944 683 человека. В 2016 г., когда было убито 61 597 человек [10], Бразилия вышла по числу убийств на первое место в мире – средства массовой информации назвали это «заоблачным уровнем убийств» (sky-high murder rate) [12].

Свою лепту в динамику этих показателей вносят воюющие друг с другом наркокартели, вооруженные

экстремистские группировки, жестокие армейские рейды [12]. Надо заметить, что в Бразилии высока доля смертей от действий полиции (police killing, letalidade policial). Так, в 2018 г. от рук полицейских погибло 6 220 человек, что на 20% больше, чем в 2017 г. В 2019 г. полицейские лишили жизни 5 829 человек, а в 2020 г. это число составило 5 660 человек [13]. Только в Рио-де-Жанейро четверть от всех «рукотворных» смертей приходится на долю полиции [9]. В литературе отмечается, что «длительная история внесудебных убийств и чрезмерного насилия со стороны сотрудников полиции негативно отразилась на отношении людей к правоохранительным органам в крупных городах Бразилии», и сотрудникам полиции не доверяют как богатые, так и малообеспеченные жители [14].

Бразильские власти предпринимают усилия по снижению криминальной смертности. Сержиу Мору, занимавший пост министра юстиции Бразилии в 2019–2020 гг., объявил противодействие насильственной преступности своей ключевой задачей, хотя приоритетом для него являлась борьба с коррупцией и организованной преступностью [15].

Еще в 2007 г. власти штата Пернамбуку ввели в действие программу Pacto Pelo Vida («Пакт о жизни»), одной из главных целей которой было снизить уровень летального криминального насилия. Программу инициировал и курировал лично губернатор штата Эдуарду Кампуш. Первоначальные результаты были впечатляющими – в период с 2007 по 2015 г. число убийств сократилось на 33%. Однако программа начала «давать сбои» вскоре после внезапной смерти губернатора в 2014 г. К 2017 г. число убийств в штате резко поднялось до 5 427 – самый высокий показатель за 14 лет. В целом за период 2015–2017 гг. число убийств выросло на 58%. Однако к концу 2018 г. отмечалось снижение числа убийств на 23% по сравнению с 2017 г. Снижение было зафиксировано в нескольких городах, включая и столицу штата Ресифи [15].

Результаты воздействия различных программ, направленных на снижение числа убийств, оцениваются и учеными, апробирующими в некоторых штатах Бразилии инновационные методики измерения насильственной преступности. В частности, изучены состояние и динамика убийств за период с 2000 по 2016 г. в штатах Минаш Жераиш, Параиба, Пернамбуку, Эспириту-Санту, Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Исследованы также тренды криминального насилия со смертельным исходом в этих же регионах за четыре года (2015–2018 гг.). За этот период отчетливое снижение было отмечено в штатах Минаш Жераиш и Сан-Паулу, однако они предоставляли данные только по умышленным убийствам. В штате Сан-Паулу зарегистрировано наиболее резкое снижение числа убийств – коэффициент в расчете на 100 тыс. населения упал с 33,1 в 2001 г. до 6,4 в 2018 г. Город Сан-Паулу продемонстрировал еще более стремительное падение этого показателя – с 49,2 в 2001 г. до 5,5 в 2019 г. Теперь город считается одним из самых безопасных крупных городов в Бразилии.

Исследователи связали такую положительную динамику в статистике убийств со снижением уровня

безработицы, уменьшением доли молодежи в общей структуре населения, полицейской реформой, включая картографирование совершенных преступлений в режиме реального времени, улучшение подготовки кадров и усиление координации между полицией и военной полицией. Кроме того, положительное влияние оказали образовательные программы и программы для молодежи, а также меры контроля за оборотом оружия и продаж алкоголя [15].

Виктимизация. На фоне общей картины убийств в Бразилии можно выделить и определённые группы риска – лиц, обладающих повышенной виктимностью. Прежде всего, к ним относятся женщины и девушки.

В 2015 г. в Уголовный кодекс Бразилии (Código Penal) [16] была внесена самостоятельная норма, предусматривающая ответственность за убийство женщины (Feminicídio) [17], а в 2019 г. объективная сторона этого преступления «расширилась» за счет указания на орудие совершения преступления – огнестрельное оружие, использование которого запрещено или ограничено (com emprego de arma de fogo de uso restrito ou proibido) [18].

Сегодня Feminicídio, как явствует из самого наименования, в качестве потерпевшей предусматривает только женщину, которая лишается жизни при следующих обстоятельствах:

– по признаку пола (por razões da condição de sexo feminino);

– в качестве представителя власти или служащей органов, перечисленных в ст. 142 и 144 Конституции Бразилии (вооруженные силы и полиция различных видов), тюремной системы, системы государственной безопасности, при исполнении служебных обязанностей (также по этому пункту несет ответственность тот, кто лишает жизни супруга, партнера или кровного родственника такой женщины в связи с исполнением ею служебных обязанностей);

– с применением огнестрельного оружия, использование которого запрещено или ограничено.

В этой же норме говорится о том, что лишение жизни по признаку пола происходит в обстановке домашнего или семейного насилия либо по мотивам презрения к женщине или ее дискриминации.

UNODC относит это преступление к категории «убийств женщин или девочек в связи с их гендерной принадлежностью» (gender-related killing of women and girls), т.е. к убийствам, совершаемым мужчинами, в связи с гендерными ролями, выполняемыми женщинами [19. Р. 8–9]. При этом, по данным уголовной статистики, в Бразилии 92%, т.е. абсолютное большинство потерпевших от убийств, составляют мужчины [20]. В 2018 г. жертвами 52 751 убийства из 57 358 стали мужчины, а 4 607 – женщины (коэффициенты на 100 тыс. населения 51,2 и 4,3 соответственно) [21].

Риску стать жертвой убийства подвергаются и сотрудники полиции (vítimização policial) – в 2019 г. было убито 180 полицейских (как при исполнении своих обязанностей, так и вне службы), в 2020 г. их число составило 198 человек [13].

Основываясь на работах отечественных и зарубежных исследователей, к группам риска с повышенной виктимностью можно отнести коренное индейское население Бразилии (povos indígenas do Brasil) и природоохранных активистов [22. С. 55–61; 23. Р. 251–271].

На сегодня в Бразилии насчитывается порядка 300 коренных народов (900 тыс. человек), однако многие из этих народов находятся под угрозой исчезновения и не в последней степени из-за криминального насилия [22. С. 55]. Дело в том, что индейские племена проживают в резервациях, находящихся на богатых ресурсами землях. Резервации играют важную роль в сохранении дикой природы и в борьбе против вырубки лесов Амазонии. Эти задачи находятся в противоречии с развитием экономики, а фермеры совсем не заботятся об экологии. Индейские земли часто захватываются и удерживаются с помощью насилия, что, несомненно, вносит свой вклад в повышенную смертность среди коренных народов. Так, доля насильственных смертей среди мужчин народа ямамото после обнаружения на территориях проживания племени золота и наплыва старателей составила 40% [24. Р. 73]. Правление президента Жаира Болсонару только ухудшило ситуацию: сразу после его избрания на 14 индейских территориях были совершены нападения на их жителей, а число вторжений на земли коренного населения Бразилии возросло на 150% [22. С. 60].

Что касается природоохранных активистов, среди которых большинство составляют индейцы, то Бразилию называют самой опасной страной для тех, кто занимается природоохранной деятельностью. В период с 2012 по 2015 г. более 150 активистов были убиты. В 2016 г. жизнью лишились 65 защитников природы, и это восходящий тренд [23. Р. 252]. В целом же, за первое десятилетие XXI в. совершено 1 150 убийств активистов, выступавших в защиту природы Амазонии и протестовавших против незаконных вырубки леса, захвата земель и добычи природных ресурсов на этой территории [24. Р. 73].

Еще одной группой риска являются молодежь и подростки. В соответствии с концепцией, принятой Национальным секретариатом по делам молодежи, к этой возрастной группе относятся лица в возрасте от 15 до 29 лет [25]. В 2016 г. было зарегистрировано 31 912 убийств юношей и молодых мужчин и 2 094 убийства девушек и молодых женщин, что составило соответственно 120,1 и 8,1 в расчете на 100 тыс. человек молодежного возраста. По этим показателям Бразилия занимала 4-е место среди стран Латинской Америки после Ямайки (127,6 и 10,8), Гондураса (167,4 и 16,6) и Сальвадора (296,5 и 22,8) [26]. Основная часть убийств таких лиц регистрируется в северо-восточных штатах страны. Так, в штате Рио-Гранде-ду-Норте (Rio Grande do Norte) в 2017 г. коэффициент таких преступлений составил 152,3 убийства на 100 тыс. человек молодого возраста [20].

Влияние пандемии COVID-19 на убийства и виктимизацию. Надо отметить, что Бразилия занимает третье место в мире по числу зараженных COVID-19 после США и Индии и второе после США по числу

умерших от болезни. По данным на 5 августа 2021 г., в стране было заражено 20 026 533 человека, а умерло 559 607 человек [27].

Пандемия коронавируса в мире оказала существенное влияние и на преступность, и, прежде всего, на насильственную ее часть. «Антиковидные» ограничения и их последствия наложились на социально-экономические и иные воздействующие на структуру и динамику преступности факторы и дали, с одной стороны, однородные тренды по умышленным убийствам в странах Европы, а с другой – разнородные тренды по этим преступлениям в государствах Латинской Америки. В кратком обзоре статистического исследования, проведенного UNODC, указаны следующие факторы, которые могут объяснить разнонаправленность отмеченных трендов: различия в уровне ограничительных мер, принятых национальными властями; существовавшие до пандемии социально-экономические условия; «общее преобладание определенной типологии убийств [в той или иной стране], которая в Латинской Америке часто ассоциируется с организованной преступностью и бандами, тогда как в Европе она более тесно связана с межличностным и семейным насилием» [28. Р. 3].

Так, сравнение двух крупнейших латиноамериканских государств – Бразилии и Мексики – со сходными характеристиками насильственной преступности, в частности, убийств, показало, что Бразилия продемонстрировала постепенное снижение числа убийств в течение первой четверти 2020 г. И хотя в марте 2020 г. по сравнению со средним уровнем убийств за предшествующие пять лет их число возросло на 16%, но в дальнейшем, с постепенным введением ограничительных мер, существенно снизилось. В Мексике, напротив, число убийств оставалось неизменным и после введения локдауна, и тенденция 2020 г. не отличалась от наблюдавшейся годом ранее. Авторы исследования предположили, что пандемия коронавируса не оказала влияния на уровень насильственной преступности в Мексике, включая такие преступления, совершаемые организованными бандами [28. Р. 7–8], однако этот вывод требует подтверждения в дальнейших исследованиях.

По данным бразильской уголовной статистики, число зарегистрированных случаев умышленного причинения вреда здоровью женщин на почве домашнего насилия в некоторых штатах в марте 2020 г. снизилось по сравнению с аналогичным периодом года предыдущего. Только в штате Рио-Гранде-ду-Норте, где ограничительные меры были введены в начале апреля 2020 г., число таких преступлений было выше, нежели в 2019 г. Как отмечается в проведенном UNODC исследовании влияния пандемии на насилие в отношении женщин, полученные данные вызывают вопросы о возможных трудностях, с которыми женщины могли столкнуться при обращении в органы полиции с заявлениями о домашнем или сексуальном насилии, поэтому точно определить, снизилось или нет число таких случаев в период локдауна, не представляется возможным [29. Р. 7]. Вместе с тем авторы исследования считают его предварительным и

отмечают, что реальное влияние пандемии на преступления против женщин требует длительного мониторинга по странам и регионам и может быть оценено, в том числе, с помощью опросов о виктимизации и насилии [29. Р. 2].

Число случаев феминицида в условиях ограничительных «антиковидных» мер в Бразилии за первые три месяца 2020 г. незначительно выросло по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Несмотря на то, что исследование проводилось по всем штатам страны, разброс в динамике роста и небольшое количество изученных дел не позволили исследователям однозначно утверждать, что рост убийств женщин напрямую связан с ограничительными мерами. Дополнительные данные о подобных преступлениях, зарегистрированных в 12 штатах страны в марте–мае 2020 г., в сравнении с тем же периодом 2019 г. в целом подтвердили их рост на 2,2%. При этом в марте 2020 г. прирост составил 38,9%, в апреле – 3,2%, в мае, напротив, отмечалось снижение на 27,9% [28. Р. 11, 13].

Возможный рост случаев домашнего насилия, включая убийства, в отношении женщин авторы исследования объясняют рядом причин. Так, в условиях ограничительных мер женщины вынуждены проводить гораздо больше времени дома, что создает дополнительное напряжение в отношениях с сожителями или членами семьи, склонными к домашнему насилию. Соответственно, риск насильственных действий в отношении женщин увеличивается. Кроме того, в условиях, когда сношения с внешним миром ограничены, у потерпевших уменьшается возможность сообщить о совершенном преступлении кому-либо за пределами своего дома и обратиться в полицию [28. Р. 1–2, 3–4].

Коррупционная преступность. Этот вид преступности стал настоящим бедствием для Бразилии – страну сотрясали такие коррупционные скандалы, как Escândalo do Mensalão (Скандал с большими ежемесячными выплатами), дело Operação Lava Jato (Операция «Автомойка»), дело бывшего министра планирования и коммуникаций Паулу Бернарду Силва, обвиненного в махинациях с кредитами для пенсионеров, и ряд других [30. С. 188–192].

Дело о коррупции в высших эшелонах власти (Escândalo do Mensalão) закончилось судебным процессом, который проходил в Верховном суде страны. По обвинению в организации коррупционной схемы перед судом предстали 25 человек. Схема позволяла использовать государственные денежные средства для оплаты политической поддержки со стороны коалиционных партий. Несколько подсудимых были членами правящей на тот момент Партии трудящихся. На своем последнем заседании суд постановил, что трое вовлеченных в скандал конгрессменов лишатся своих постов: это Жоау Паулу Кунья из Партии трудящихся (Partido dos Trabalhadores), Педру Енру из Прогрессивной партии и Вальдемар Кошта Нету из Партии Республики. Среди осужденных к различным срокам лишения свободы были Жозе Дирсеу (занимавший в 2003–2005 гг. пост главы администрации тогдашнего президента страны Лула да Силва), быв-

ший глава пропрезидентской Партии трудящихся Хозе Женину и казначей партии Делубиу Суареш [31].

Операция «Автомойка» примечательна тем астрономическим размером взяток, которые в этом деле фигурировали, – 37 млрд долл. США. Суть скандала состояла в том, что частно-государственная нефтяная компания «Петробраз» (входит в первую сотню крупнейших корпораций мира) получала взятки от частных строительных компаний в обмен на заключение контрактов по завышенным ценам. Часть взяток получали топ-менеджеры «Петробраз», но многие уверены в том, что часть этих денег пошла на избирательную кампанию Дилмы Руссефф, да и сам тогдашний глава государства Лула да Силва не чурался подношений в миллионы долларов [30. С. 189].

В июне 2019 г. бывший президент Бразилии Луиш Инасио Лула да Силва был осужден на 12 лет и 11 месяцев тюремного заключения за так называемую пассивную коррупцию (*corrupção passiva*), активную коррупцию (*corrupção ativa*) и отмывание денег (*lavagem de dinheiro*) по делу «Автомойка» (*Lava Jato*). Экспрезидент был признан виновным в получении взяток за предоставление преимуществ группе OAS при заключении контрактов с той же компанией «Петробраз» [32]. Дилма Руссефф, занимавшая пост президента Бразилии в 2011–2016 гг., также обвинялась в коррупции, была подвергнута процедуре импичмента и в итоге лишилась своего поста [33. С. 71–72].

Основу правовой борьбы с коррупцией в Бразилии составляет специальный Закон о борьбе с коррупцией от 1 августа 2013 г. [34], где регламентируются административно-правовые и гражданско-правовые меры борьбы с коррупцией юридических лиц (*peçoas jurídicas*). Уголовная ответственность за коррупционные преступления предусмотрена в Разделе XI Особенной части (*PARTE ESPECIAL*) Уголовного кодекса «Преступления против публичной власти» (*Dos crimes contra a administração pública*). Раздел содержит пять глав: «Преступления, совершаемые публичным служащим против государственной власти в целом» (Глава I), «Преступления, совершаемые любым лицом против государственной власти в целом» (Глава II), «Преступления против публичной власти иностранного государства» (Глава II-A), «Преступления против судебной власти» (Глава III), «Преступления против финансовых интересов государства» (Глава IV) [16].

Организованная преступность. В Бразилии действует специальный Закон о борьбе с организованной преступностью от 2 августа 2013 г. [35], в котором содержится определение преступной организации как структурированной группы из четырех или более лиц, характеризующейся неформальным разделением задач и действующей с целью получения, прямо или косвенно, финансовой или иной материальной выгоды от преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее четырех лет, или от преступления транснационального характера. На основе Закона были внесены изменения в Уголовный кодекс – в ст. 288 «Преступная организация» и 342 об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, за заведомо неправильный перевод или заведомо ложное заключение эксперта.

Самой известной и влиятельной организованной преступной группировкой считается *Primeiro Comando do Capital (PCC)* – «Первая столичная команда». По одним данным, ее численность насчитывает около 140 тыс. человек [32. С. 200], по другим – около 42 тыс. [36. С. 68] или 30 тыс. [37. Р. 283]. Преступная организация появилась в начале 1990-х гг. и в 2006 г. организовала серию из более чем 250 нападения в семидесяти тюрьмах штата Сан-Паулу в знак протеста против перевода некоторых своих членов в отдаленные исправительные учреждения. В результате пятидневных беспорядков погибли 115 человек, включая 40 полицейских и тюремных надзирателей и 4 гражданских лиц. Организация носит транснациональный характер и имеет влияние в Парагвае, Боливии и Перу. Старейшей крупной преступной организацией является *Comando Vermelho* (Красная команда), которая возникла во время военной диктатуры (1964–1985 гг.) в результате союза между обычными преступниками и левыми боевиками – заключенными тюрьмы Кандидо Мендес (*Prisão Cândido Mendes*) на острове *Ilha Grande*. После перевода в 1980 г. нескольких членов организации в другие тюрьмы штата Рио-де-Жанейро ее идеология быстро распространилась по исправительным учреждениям [37. Р. 283].

В этой связи надо отметить, что плохое состояние пенитенциарной системы существенно «подпитывает» организованную преступность в Бразилии. Скученность, нехватка мест, тяжелые условия содержания вызывают тюремные бунты, сопровождаемые убийствами, погромами и кровавыми «разборками» между осужденными [30. С. 201]. «Тюремное население» Бразилии – одно из самых многочисленных в мире – на июнь 2020 г. составляло 759 518 человек, или 357 на 100 тыс. населения. С 2000 г. число заключенных в бразильских тюрьмах увеличилось более чем в 3 раза [38]. По размерам «тюремного населения» сегодня Бразилия уступает лишь США и Китаю [39].

Наркопреступность. Одной из причин роста числа лиц, находящихся в тюрьмах, специалисты называют суровые наказания за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, представляющие для Бразилии серьезную проблему [37. Р. 283]. Торговля наркотиками, а также уличные грабежи и разбои, совершаемые наркозависимыми лицами с целью добыть средства на их приобретение, – наиболее распространенные преступные деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Не только уличная преступность в крупных городах и войны между наркокартелями, но и неблагоприятная динамика умышленных убийств во многом объясняются наркоторговлей [40].

В 2020 г. Бразилия занимала второе место в мире после США по потреблению кокаина и лидировала по потреблению крэк-кокаина [8]. Распространены и другие наркотики – марихуана, метамфетамин, ЛСД, «при этом в последние несколько лет значительно увеличилось количество потребляемых синтетических наркотических средств», а сама страна выступает «страной-транзитером» наркотических средств в США и отдельные страны Европы [41. С. 35]. К при-

меру, район «тройной границы» между Аргентиной, Бразилией и Парагваем становится южноамериканским «хабом» наркотрафика и преступности [30. С. 202]. Операции бразильской полиции по пресечению наркотрафика всё чаще похожи на полномасштабные боевые действия – так, в операции Savok на границе с Парагваем участвовали подразделения федеральной полиции, авиационная служба штата Гояш, военная полиция, подразделение по борьбе с организованной преступностью полиции штата Мату-Гроссу-ду-Сул [42].

Террористическая преступность. Бразилия считается страной с низким риском терроризма, ни одной террористической группы среди коренных народов страны пока не выявлено, как не известно о нацеленности на Бразилию деятельности каких-либо известных радикальных групп [8]. С другой стороны, присваивать Бразилии статус free-of-terrorism country тоже нет оснований – во время Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро в 2016 г. «эко-террорист» пытался заложить взрывное устройство в корпусе из скороварки на одном из крупных автобусных терминалов в столице – Бразилиа [8].

Власти Бразилии сравнительно недавно всерьез озаботились борьбой с террористической преступностью – триггером для этого стали события в Йемене в апреле 2014 г., когда среди убитых террористов обнаружился обладатель бразильского паспорта, и серия терактов в Париже в 2015 г. – один из них был совершен возле стадиона «Стад де Франс». Бразильцы, для которых футбол является едва ли не национальной идеей, сразу же почувствовали себя уязвимыми. Как заметил в этой связи директор Школы бизнеса и права в Сан-Паулу Фабиу Перейра Рибейру, существуют благоприятные условия для слияния бразильских организованных банд с ячейками международного терроризма [30. С. 194].

Расследование преступлений, программы сбора криминологически значимой информации и основные направления исследований

В Бразилии расследования совершенных преступлений ведут, в основном, два ведомства: Федеральная полиция (Federal Police) и Гражданская полиция (Civil Police). Первая действует в масштабах всей страны, а вторая – в пределах каждого штата. Федеральная полиция расследует преступления, имеющие федеральное значение, к примеру, деяния, совершенные против политического и общественного порядка; против собственности, службы и интересов государства, преступления правительственных учреждений и публичных компаний, а также преступления, которые имеют международный характер либо влияют на интересы нескольких штатов; незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, не затрагивая при этом компетенцию других ведомств. Гражданская полиция может расследовать дела об уголовных преступлениях, за исключением тех, что отнесены к федеральной компетенции (иными словами, Гражданская полиция расследует дела о преступлениях, поданных судам штатов) [43. Р. 64–65].

Перечень преступлений, дела о которых подсудны федеральным судам (Juizes Federais), содержится в Конституции Бразилии (ст. 109) [44. Р. 27] и включает, в частности, политические преступления и преступления, совершенные в отношении имущества, службы и интересов всего государства (União – Союза) либо его учреждений или публичных предприятий, за исключением отнесенных к компетенции военной и электоральной юстиции; преступления, которые предусмотрены международными договорами или конвенциями, либо преступления, которые начали совершаться в Бразилии, но преступный результат которых наступил или должен был наступить в иностранном государстве, или наоборот; преступления, посягающие на организацию труда, и в случаях, предусмотренных законом, преступления против финансовой системы и финансово-экономического порядка; преступления, совершенные на борту морского или воздушного судна и не отнесенные к компетенции военной юстиции; преступления, связанные с незаконным въездом или пребыванием в стране.

Помимо Федеральной и Гражданской полиции, право вести уголовные расследования по некоторым категориям преступлений имеют: Агентство по охране окружающей среды по делам об экологических преступлениях; Служба внутренних доходов по делам о налоговых мошенничествах и иных федеральных налоговых преступлениях; Центральный банк (Banco Central do Brazil) по делам о финансовых преступлениях; Комиссия по ценным бумагам по делам о преступлениях на фондовом рынке; Отдел финансовой разведки по делам об отмывании денег и финансировании терроризма [43. Р. 65].

При этом, как отмечается в литературе, уровень раскрываемости зарегистрированных преступлений в Бразилии очень низкий – менее 10%, при том, что измерить этот реальный показатель весьма сложно из-за ненадежности статистических показателей в целом [43. Р. 67].

Одной из самых важных задач в изучении преступности и ее предупреждении является сбор и анализ достоверных статистических показателей о совершенных преступлениях и лицах, их совершивших (криминальная статистика). Единый совокупный учет осуществляется Министерством юстиции и общественной безопасности Бразилии (Ministério da Justiça e Segurança Pública) на основе данных о зарегистрированных преступлениях, которые передаются полицией. Ознакомиться с этой статистикой можно на сайте министерства в разделе «Уголовная статистика» (Estatísticas Criminais)³.

Однако многие штаты представляют неполные сведения о преступности. Бразильский форум общественной безопасности (Forum Brasileiro Segurança Pública) в зависимости от полноты и удельного веса смертей от неустановленных причин классифицировал все штаты на три категории: с низким, средним и высоким качеством уголовной статистики. Помимо собственно полицейской статистики, в Бразилии ведется тюремная статистика о количестве лиц, содержащихся в тюрьмах для взрослых преступников

(18 лет и старше); о преступлениях, которые совершаются заключенными; об основных социально-демографических характеристиках тюремного населения. Ведет этот учет Тюремный департамент Министерства юстиции Бразилии [6. Р. 473].

Как отмечают исследователи, статистика убийств в Бразилии весьма надежна, несмотря на то, что незарегистрированные смерти и число смертей по неустановленным причинам остаются серьезными проблемами. Во многом именно данные об убийствах становятся причиной общественных дебатов о том, как предотвратить преступность. Эти данные коррелируют с трендами в развитии так называемой «нелетальной преступности» (non-lethal crimes). К этой категории относят покушения на убийство, разбой и грабежи, нанесение телесных повреждений, изнасилования, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, незаконное владение огнестрельным оружием. При этом надо иметь в виду, что очень многие «нелетальные» преступления обладают высокой латентностью. К примеру, в Бразильском национальном обследовании домохозяйств (Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios или PNAD) 2009 г. было установлено, что в полицию поступают сообщения только от 48% потерпевших в случаях ограблений, 38% – краж и 44% – нападений [6. Р. 475].

Надо отметить, что дополнительными и крайне важными источниками криминологически значимой информации в Бразилии являются массовые опросы потерпевших, нацеленные на восполнение информационного пробела, возникающего по причине латентности преступности. Самыми масштабными исследованиями виктимизации являются уже упомянутые Бразильские национальные обследования домохозяйств, которые ежегодно проводит Национальный бразильский институт географии и статистики (Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística или IBGE). Такие исследования включают в себя огромное количество различных социально-экономических вопросов, включая проблемы преступности. Изучением преступности и виктимности также занимается Центр изучения насилия (Núcleo de estudos da violência) Университета Сан-Паулу. Так, в 1999 г. Центром был проведен опрос 1 600 жителей (в возрасте старше 15 лет) в столицах десяти бразильских штатов. В 2010 г. опрос 4 205 человек был повторен в тех же штатах и городах.

Еще одним масштабным проектом по сбору социологической информации о преступности и виктимности является Americas Barometer – периодическое масштабное исследование общественного мнения в государствах Западного полушария. Так, опрос 2010 г. включал в себя следующий вопрос: «Были ли Вы потерпевшим от какого-либо преступления за последние 12 месяцев? Иными словами, были ли Вы жертвой ограбления, бэрглэри (проникновения в жилище), нападения, мошенничества, шантажа, вымогательства, угрозы применения насилия или любого другого преступления?». В целом по Американскому континенту 19,3% опрошенных ответили на этот во-

прос позитивно, при этом наивысший (читай – наихудший) показатель был зафиксирован в Перу и Эквадоре (соответственно, 31,1 и 29,1%). Бразилия с показателем 15,8% заняла 18-е место среди 26 стран. В опросе приняли участие 2 482 жителя страны, достигших возраста участия в выборах [45. Р. xxix, 66]. По результатам такого же исследования 2016–2017 гг. Бразилия с показателем 23,9% оказалась на 9-м месте из 29 стран, а в опросе приняли участие 1 532 человека [46. Р. xxix, 73].

Исключительно латиноамериканским проектом является Latinobarómetro (Латинобарометр). Это ежегодное исследование общественного мнения среди определенной по численности группы населения: от 1 000 до 1 200 человек в 12 латиноамериканских странах. Респондентов также спрашивают, были ли они лично или члены их семей потерпевшими от какого-либо преступления за последние 12 месяцев [6. Р. 476].

В этом ряду социологических исследований особое место занимает Международный опрос жертв преступлений (The International Crime Victim Survey). Бразилия подобных общенациональных исследований не проводила, но в 2002 г. опрос по этой программе прошел в нескольких городах (Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Ресифи, Витория). В каждом городе было опрошено по 700 человек. Судя по результатам этих исследований, на тот момент уровень виктимизации в Бразилии был выше, чем в Европе и Северной Америке по следующим преступлениям: похищение автотранспорта (6,2 против 1,0%), похищение мототранспорта (9,8 против 0,3%), грабеж (5,5 против 0,8%), кражи из автотранспорта (6,4 против 4,6%). В то же время по следующим преступлениям бразильские показатели были ниже: кража личной собственности (3,0 против 3,9%), нанесение телесных повреждений (2,5 против 3,5%), бэрглэри (1,5 против 1,8%), преступления сексуального характера (1,4 против 1,7%) [6. Р. 476].

В Бразилии развиваются и научные исследования в области «наук криминального цикла» (Ciências Criminais). Одним из ведущих исследовательских центров является Бразильский институт криминальных наук (Instituto Brasileiro de Ciências Criminais или IBCCRIM)⁴. Институт является негосударственной организацией и был основан в 1992 г. после бойни в тюрьме Карандиру (Carandiru), Сан-Паулу. Цель Института – распространение знаний в области таких наук по всей стране. Институт имеет высокий авторитет в стране и международное признание, а его издания пользуются огромным спросом у практических работников, ученых, студентов, журналистов и всех тех, кто вовлечен в проблемы бразильской уголовной юстиции. Среди таких публикаций – монографии, научный журнал IBCCRIM (сборник трудов по криминологии, уголовному праву, уголовной политике и иным научным направлениям), Бюллетень IBCCRIM (выходит ежемесячно), электронный Журнал Свободы (Revista Liberdades). Монографии института посвящены как «традиционным» для Бразилии криминальным проблемам, таким как убийства и иные насильственные преступления, наркопреступность,

состояние пенитенциарной системы, соблюдение прав человека в сфере уголовной юстиции, преступность нелегальных мигрантов, так и совершенно новым исследовательским направлениям. Так, в феврале 2017 г. увидела свет цифровая монография «Нейро-науки, свобода и уголовное право: цель концепции вины» («Neurociências, liberdade e direito penal: a propósito do conceito de culpa»)⁵.

Институт выступает и в роли образовательного учреждения, где преподаются такие дисциплины, как «Международный курс экономического уголовного права», «Методология исследования в криминальных науках», «Цифровое право и информационные преступления», «Назначение и исполнение наказания», «Ювенальная юстиция и социально-образовательная система», «Уголовная политика» и многие другие.

Еще одной важной и влиятельной организацией, занимающейся проблемой изучения преступности, является уже упоминавшийся ранее Бразильский Форум Общественной Безопасности, который существует уже

15 лет⁶. Это также неправительственная некоммерческая организация, которая занимается вопросами безопасности и изучением различных видов преступности. Форум выпускает информационно-аналитические сборники, проводит различные исследования, приоритетными темами для которых являются борьба с организованной преступностью, состояние тюремной системы, противодействие насильственным преступлениям в отношении девочек и женщин и борьба с коррупцией. Среди наиболее известных публикаций Форума – «Бразильский журнал общественной безопасности» (Revista Brasileira de Segurança Pública), «Атлас насилия» (Atlas da violência), издаваемый с 2017 г., «Механизмы противодействия насилию в отношении женщин» (Práticas de enfrentamento à violência contra as mulheres)⁷.

Ограниченные возможности журнальной публикации позволили осветить лишь наиболее существенные проблемы преступности в Бразилии. Углубленное изучение этих вопросов требует продолжения исследований.

Примечания

¹ См.: U.S. Department of State. Overseas Security Advisory Council. URL: <https://www.osac.gov/About/WhoWeAre> (дата обращения: 11.05.2021).

² Здесь и далее данные приводятся за те периоды времени, которые отражены в статистике Управления ООН по наркотикам и преступности. По разным группам преступлений эти периоды не всегда совпадают.

³ См.: Estatísticas Criminais / Ministério da Justiça e Segurança Pública. URL: <https://www.gov.br/mj/pt-br> (дата обращения: 05.06.2021).

⁴ Сайт Института: Instituto Brasileiro de Ciências Criminais (IBCCRIM). URL: <https://ibccrim.org.br> (дата обращения: 05.06.2021).

⁵ См.: URL: <https://ibccrim.org.br/publicacoes/exibir/540> (дата обращения: 5.06.2021).

⁶ Сайт организации: Forum Brasileiro Segurança Pública. URL: <https://forumseguranca.org.br/> (дата обращения: 5.06.2021).

⁷ Публикации организации: URL: <https://forumseguranca.org.br/publicacoes> (дата обращения: 05.06.2021).

Список источников

1. БРИКС – Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие / под общ. ред. В.М. Давыдова. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2014.
2. Рейтинг стран мира по уровню прямых иностранных инвестиций // Центр гуманитарных технологий, 2006–2021 (последняя редакция: 10.03.2021). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/foreign-direct-investment-index> (дата обращения: 09.05.2021).
3. Лисоволик Я. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? // Валдайские записки. 2017. № 69. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22124/> (дата обращения: 9.05.2021).
4. Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2019.
5. Мировой атлас данных. URL: <https://knoema.ru/atlas/topics/Бедность/Неравенство-доходов/Коэффициент-Джини>; <https://knoema.ru/atlas/topics/Бедность/Неравенство-доходов/Доля-в-совокупном-доходе-20percent-самых-бедных>; <https://knoema.ru/atlas/topics/Бедность/Неравенство-доходов/Доля-в-совокупном-доходе-20percent-самых-богатых> (дата обращения: 23.05.2021).
6. Murray J., de Castro Cerqueira D.R., Kahn T. Crime and violence in Brazil: Systematic review of time trends, prevalence rates and risks factors // Aggression and Violent Behavior. 2013. Vol. 18, is. 5. P. 472. doi: 10.1016/j.avb.2013.07.003
7. SAE – Custos Econômicos da Criminalidade no Brasil. DefesaNet. 12 de Junho, 2018. URL: <https://www.defesanet.com.br/front/noticia/29602/SAE--Custos-Economicos-da-Criminalidade-no-Brasil> (дата обращения: 11.05.2021).
8. Brazil 2020 Crime & Safety Report: Rio de Janeiro. OSAC, 5/13/2020. URL: <https://www.osac.gov/Country/Brazil/Content/Detail/Report/9085b10f-2a36-4ca9-b299-18aced68cdd3> (дата обращения: 11.05.2021).
9. Magalhaes L., Pearson S. Brazil's Sky-High Murder Rate Begins to Fall // The Wall Street Journal. Sept. 10, 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/brazils-sky-high-murder-rate-begins-to-fall-11568122084> (дата обращения: 10.05.2021).
10. Victims of intentional homicide, 1990–2018. URL: <https://dataunodc.un.org/content/data/homicide/homicide-rate> (дата обращения: 27.05.2021).
11. Global Study on Homicide. Executive summary. UNODC, Vienna, 2019. URL: <https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/gsh/Booklet1.pdf> (дата обращения: 27.05.2019).
12. Siddons E. Brazil is battling its sky-high murder rate with a police-community alliance. May 3, 2018. URL: https://apolitical.co/en/solution_article/brazil-is-battling-its-sky-high-murder-rate-with-a-police-community-alliance (дата обращения: 10.05.2021).
13. Rodrigues da Silva C., Grandin F., Caesar G., Reis T. Número de policiais mortos cresce em 2020; o de pessoas mortas pela polícia tem ligeira queda no Brasil. 22.04.2021. URL: <https://g1.globo.com/monitor-da-violencia/noticia/2021/04/22/numero-de-policiais-mortos-cresce-em-2020-o-de-pessoas-mortas-em-confrontos-tem-ligeira-queda-no-brasil.ghtml> (дата обращения: 10.05.2021).
14. Shea S.C. Crime and Security in Brazil: Brazil's Pacification Efforts in the Favelas of Rio de Janeiro. 2015. Honors Theses. 880. P. 1. URL: https://egrove.olemiss.edu/hon_thesis/880 (дата обращения: 10.05.2021).
15. Muggah R., Giannini R. Brazil is tackling high murder rates with a new wave of crime programs. March 25, 2019. URL: https://apolitical.co/en/solution_article/brazil-is-tackling-high-murder-rates-with-a-new-wave-of-crime-programs (дата обращения: 10.05.2021).
16. Código Penal. Decreto-Lei Nº 2.848, de 7 de Dezembro de 1940. URL: http://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/Decreto-Lei/Del2848compilado.htm (дата обращения: 20.05.2021).
17. Lei Nº 13.104, de 9 de Março de 2015. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2015-2018/2015/Lei/L13104.htm#art1 (дата обращения: 20.05.2021).
18. LEI Nº 13.964, DE 24 DE DEZEMBRO DE 2019. URL: http://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/_Ato2019-2022/2019/Lei/L13964.htm#art2 (дата обращения: 20.05.2021).

19. Global Study of Homicide. Gender-related killing of women and girls. UNODC. Vienna, 2019. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/gsh/Booklet_5.pdf (дата обращения: 20.05.2021).
20. Racouchot B. A criminalidade, problema nº 1 // O Brasil e a revolução geopolítica mundial. 2019. № 501. DOI: 10.4000/confins.21044. URL: <https://journals.openedition.org/confins/21044> (дата обращения: 20.05.2021).
21. Homicide rate by sex. Victims of Intentional homicide rate by sex, counts and rates per 100,000 population. URL: <https://dataunodc.un.org/data/homicide/Homicide%20rate%20by%20sex> (дата обращения: 20.05.2021).
22. Горбунова Е.А. Индейское население Бразилии: вызовы президентства Жаира Болсонару // Латинская Америка. 2020. № 4.
23. de Carvalho S., Goyes D.R., Vegh Weis V. Politics and Indigenous Victimization: The Case of Brazil // The British Journal of Criminology. 2021. Vol. 61, is. 1. doi: 10.1093/bjc/zaaa060
24. Toohey D.E. Indigenous Peoples, Environmental Groups, Networks and the Political Economy of Rainforest Destruction in Brazil // International Journal of Peace Studies. 2012. Vol. 17, № 1.
25. Adolescentes e jovens do Brasil: Participação Social e Política. P. 5. URL: https://www.unicef.org/brazil/media/3596/file/Adolescentes_e_jovens_do_Brasil_Participacao_Social_e_Politica.pdf (дата обращения: 10.05.2021).
26. Homicide by sex and age group. Victims of intentional homicide rate: 2016. URL: <https://dataunodc.un.org/data/homicide/Homicide%20by%20sex%20and%20age%20group> (дата обращения: 27.05.2021).
27. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU). URL: <https://origin-coronavirus.jhu.edu/map.html> (дата обращения: 5.08.2021).
28. Research brief: Effect of the COVID-19 pandemic and related restrictions on homicide and property crime. UNODC, 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/covid/Property_Crime_Brief_2020.pdf (дата обращения: 10.05.2021).
29. Research brief: What crimes and helpline data say about the impact of the COVID-19 pandemic on reported violence against women and girls. UNODC, 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/covid/Violence_against_women_24Nov.pdf (дата обращения: 10.05.2021).
30. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / под ред. Б.Ф. Мартынова. М. : Весь Мир, ИЛА РАН, 2017.
31. Brazil 'Mensalao' corruption trial concludes // BBC. 12 December, 2012. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-20764518> (дата обращения: 12.05.2021).
32. Pavaneli A., Justi A., Hising E. Lula é condenado a 12 anos e 11 meses de prisão por corrupção e lavagem de dinheiro em ação da Lava Jato sobre sítio de Atibaia // G1 Paraná RPC. 06.02.2019. URL: <https://g1.globo.com/pr/parana/noticia/2019/02/06/lula-e-condenado-em-acao-da-lava-jato-sobre-sitio-de-atibaia.ghtml> (дата обращения: 09.05.2021).
33. Мартынов Б. «Эндемичность» коррупции для Латинской Америки // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 1 (52). doi: 10.17994/IT.2018.16.1.52.6
34. Lei Nº 12.846, de 1º de Agosto de 2013. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2013/lei/112846.htm (дата обращения: 12.05.2021).
35. Lei Nº 12.850, de 2 de Agosto de 2013. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2013/lei/112850.htm (дата обращения: 12.05.2021).
36. Земцова С.И. «Первый столичный отряд» и «Красная команда» как основные преступные наркосообщества Бразилии // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39).
37. Chwiej E. The Efforts to Combat Organized Crime in Brazil // Anuario Latinoamericano Ciencias Políticas y Relaciones Internacionales. 2019. Vol. 7. doi: 10.17951/al.2019.7.279-296
38. World Prison Brief data. Brazil. URL: <https://www.prisonstudies.org/country/brazil> (дата обращения: 9.05.2021).
39. World Prison Brief. Highest to Lowest – Prison Population Total. URL: https://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison-population-total?field_region_taxonomy_tid=All (дата обращения: 9.05.2021).
40. Brazil 2020 Crime & Safety Report: Brasilia. OSAC, 5/13/2020. URL: <https://www.osac.gov/Country/Brazil/Content/Detail/Report/3c5a0961-a366-4989-a120-18a56e5610ba> (дата обращения: 11.05.2021).
41. Земцова С.И., Суров О.А. Противодействие транснациональной организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в отдельных странах Латинской Америки и Карибского бассейна: результаты Международного круглого стола // Наркоконтроль. 2020. № 1.
42. Operação Cavok: PF combate o tráfico de drogas na fronteira com o Paraguai. 06.08.2020. URL: <https://www.gov.br/pf/pt-br/assuntos/noticias/2020/08-noticias-de-agosto-de-2020/operacao-cavok-pf-combate-o-trafico-de-drogas-na-fronteira-com-o-paraguai> (дата обращения: 11.05.2021).
43. de Mendonça A.B. The Criminal Justice in Brazil: a brief account. 155th International Training Course. Visiting Experts' Papers. Resource Material Series No. 92. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No92/No92_07PA_Andrey2.pdf (дата обращения: 25.05.2021).
44. Constituição da República Federativa do Brasil. Brasília : Supremo Tribunal Federal, Secretaria de Documentação, 2019.
45. The Political Culture of Democracy, 2010. Democratic Consolidation in the Americas in Hard Time. Report on the Americas / Eds. Mitchell A. Seligson, Amy Erica Smith. LAPOP, American Barometer, Vanderbilt University, 2010. URL: <https://www.vanderbilt.edu/lapop/ab2010/2010-comparative-en-revised.pdf> (дата обращения: 5.06.2021).
46. The Political Culture of Democracy in the Americas, 2016/17. A Comparative Study of Democracy and Governance / Eds. Mollie J. Cohen, Noam Lupu, Elizabeth J. Zechmeister. USAID, Vanderbilt University, LAPOP, American Barometer, 2017. URL: https://www.vanderbilt.edu/lapop/ab2016/AB2016-17_Comparative_Report_English_V2_FINAL_090117_W.pdf (дата обращения: 5.06.2021).

References

1. BRIKS-Latinskaja Amerika: pozicionirovanie i vzaimodejstvie. (2014) [BRICS-Latina America: positioning and interaction]. Edited by corresponding member of RAS Davydov V.M. Moscow. (in Russian)
2. Rejting stran mira po urovnju prjamyh inostrannyh investicij / Gumanitarnyj portal: Issledovanija [Rating of world countries in accordance of direct foreign investment amount / Humanitarian portal: Research] (last edition:10.03.2021) [e-resource]. Humanitarian technologies center, 2006-2021 URL: <https://gtmarket.ru/ratings/foreign-direct-investment-index> (Accessed 9 May 2021) (in Russian)
3. Lisovolik Ja. (2017) BRIKS-pljus: al'ternativnaja globalizacija? [BRICS-plus: alternative globalization?]. Valdai notes. Issue 69. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22124/> (Accessed 9 May 2021) (in Russian).
4. Brazilija: smena prioritetov v novom politicheskom cikle [The Brazil: change of priorities in the new political circle] (2019). Moscow. Latina America Institute of RAS. (in Russian).
5. Mirovoj atlas dannyh [Global atlas of data]. URL: <https://knoema.ru/atlas/topics/Бедность/Неравенство-доходов/Коэффициент-Джини;> <https://knoema.ru/atlas/topics/Бедность/Неравенство-доходов/Доля-в-совокупном-доходе-20percent-самых-бедных;> <https://knoema.ru/atlas/topics/Бедность/Неравенство-доходов/Доля-в-совокупном-доходе-20percent-самых-богатых> (Accessed 23 May 2021) (in Russian).
6. Murray J., de Castro Cerqueira D. R., Kahn T. (2013) Crime and violence in Brazil: Systematic review of time trends, prevalence rates and risks factors. Aggression and Violent Behavior. 18 (5). DOI: 10.1016/j.avb.2013.07.003. (in English).

7. SAE – Custos economicos da Criminalidade no Brasil. [SAE – Economic costs of the criminality in the Brazil]. 12 June 2018. URL: <https://www.defesanet.com.br/front/noticia/29602/SAE---Custos-Economicos-da-Criminalidade-no-Brasil/> (Accessed 11 May 2021) (in Portuguese).
8. Brazil 2020 Crime & Safety Report: Rio de Janeiro. OSAC, 5/13/2020. URL: <https://www.osac.gov/Country/Brazil/Content/Detail/Report/9085b10f2a364ca9-b299-18aced68cdd3> (Accessed 11 May 2021) (in English).
9. Magalhaes L., Pearson S. (2019) Brazil's Sky-High Murder Rate Begins to Fall. The Wall Street Journal. Sept. 10. URL: <https://www.wsj.com/articles/brazils-sky-high-murder-rate-begins-to-fall-11568122084> (Accessed 10 May 2021) (in English).
10. Victims of intentional homicide, 1990-2018. URL: <https://dataunodc.un.org/content/data/homicide/homicide-rate> (Accessed 27 May 2021) (in English).
11. Global Study on Homicide. Executive summary. (2019) UNODC, Vienna, URL: <https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/gsh/Booklet1.pdf> (Accessed 27 May 2021) (in English).
12. Siddons E. (2018) Brazil is battling its sky-high murder rate with a police-community alliance. 3 May URL: https://apolitical.co/en/solution_article/brazil-is-battling-its-sky-high-murder-rate-with-a-police-community-alliance (Accessed 10 May 2021) (in English).
13. Rodrigues da Silva C., Grandin F., Caesar G., Reis T. (2021) Número de policiais mortos cresce em 2020; o de pessoas mortas pela polícia tem ligeira queda no Brasil. [The number of police officers killed increased in 2020; the number of persons killed by police decreased insignificantly] 22 April. URL: <https://g1.globo.com/monitor-da-violencia/noticia/2021/04/22/numero-de-policiais-mortos-cresce-em-2020-o-de-pessoas-mortas-em-confrontos-tem-ligeira-queda-no-brasil.ghtml> (Accessed 10 May 2021) (in Portuguese).
14. Shea S.C. (2015) Crime and Security in Brazil: Brazil's Pacification Efforts in the Favelas of Rio de Janeiro. Honors Theses. 880. URL: https://egrove.olemiss.edu/hon_thesis/880 (Accessed 10 May 2021) (in English).
15. Muggah R., Giannini R. (2019) Brazil is tackling high murder rates with a new wave of crime programs. 25 March. URL: https://apolitical.co/en/solution_article/brazil-is-tackling-high-murder-rates-with-a-new-wave-of-crime-programs (Accessed 10 May 2021) (in English).
16. Código Penal. Decreto-Lei N° 2.848, de 7 de Dezembro de 1940 [Penal Code. Come into force by order-statute N 2.848. 7 December of 1940]. URL: http://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/Decreto-Lei/Del2848compilado.htm (Accessed 20 May 2021) (in Portuguese).
17. Lei N° 13.104, de 9 de Março de 2015. [Statute N 13.104, 9 March of 2015]. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2015-2018/2015/Lei/L13104.htm#art1 (Accessed 20 May 2021) (in Portuguese).
18. LEI N° 13.964, DE 24 DE DEZEMBRO DE 2019. [Statute N 13.964, 24 December of 2019]: URL: http://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/_Ato2019-2022/2019/Lei/L13964.htm#art2 (Accessed 20 May 2021) (in Portuguese).
19. Global Study of Homicide. Gender-related killing of women and girls. (2019) UNODC. Vienna. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/gsh/Booklet_5.pdf (Accessed 20 May 2021) (in English).
20. Racouchot B. (2019) A criminalidade, problema n° 1. O Brasil e a revolução geopolítica mundial. [The criminality, problem N 1. The Brazil and world geopolitical revolution] № 501. 2019. DOI:10.4000/confins.21044 // URL: <https://journals.openedition.org/confins/21044> (Accessed 20 May 2021) (in Portuguese).
21. Homicide rate by sex. Victims of Intentional homicide rate by sex, counts and rates per 100,000. URL: <https://dataunodc.un.org/data/homicide/Homicide%20rate%20by%20sex> (Accessed 20 May 2021) (in English).
22. Gorbunova E.A. (2020) Indejskoe naselenie Brazílii: vyzovy prezidentstva Zhaira Bolsonaro [Indigenous people of Brazil: challenges of Jair Bolsonaro President office] Latina America. Issue 4. (in Russian).
23. de Carvalho S., Goyes D.R., Vegh Weis V. (2021) Politics and Indigenous Victimization: The Case of Brazil. The British Journal of Criminology. 61 (1). DOI:10.1093/bjc/azaa060. (in English).
24. Toohey D.E. (2012) Indigenous Peoples, Environmental Groups, Networks and the Political Economy of Rainforest Destruction in Brazil. International Journal of Peace Studies. 17 (1). (in English).
25. Adolescentes e jovens do Brasil: Participação Social e Política [Adulterers and youths of the Brazil: Social Participation and Politic]. URL: https://www.unicef.org/brazil/media/3596/file/Adolescentes_e_jovens_do_Brasil_Participacao_Social_e_Politica.pdf (Accessed 10 May 2021) (in Portuguese).
26. Homicide by sex and age group. Victims of intentional homicide rate: 2016. URL: <https://dataunodc.un.org/data/homicide/Homicide%20by%20sex%20and%20age%20group> (Accessed 27 May 2021) (in English).
27. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) // URL: <https://origin-coronavirus.jhu.edu/map.html> (Accessed 5 August 2021) (in English).
28. Research brief: Effect of the COVID-19 pandemic and related restrictions on homicide and property crime. (2020) UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/covid/Property_Crime_Brief_2020.pdf (Accessed 10 May 2021) (in English).
29. Research brief: What crimes and helpline data say about the impact of the COVID-19 pandemic on reported violence against women and girls. (2020) UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/covid/Violence_against_women_24Nov.pdf (Accessed 10 May 2021) (in English).
30. Sovremennaja organizovannaja prestupnost' v Latinskoj Amerike i stranah Karibskogo bassejna (2017) [Modern organized crime in the Latina America and Caribbean countries]. Edited by B.F. Martynova. «Ves' Mir» Edition. ILA RAS. (in Russian).
31. Brazil 'Mensalao' corruption trial concludes. (2012) BBC. 12 December URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-20764518> (Accessed 12 May 2021) (in English).
32. Pavaneli A., Justí A., Hising E. (2019) Lula é condenado a 12 anos e 11 meses de prisão por corrupção e lavagem de dinheiro em ação da Lava Jato sobre sítio de Atibaia [Lula is sentenced to 12 years and 11 months in prison for corruption and money laundering in an action by Lava Jato on a site in Atibaia] G1 Paraná RPC. 06 February. URL: <https://g1.globo.com/pr/parana/noticia/2019/02/06/lula-e-condenado-em-acao-da-lava-jato-sobre-sitio-de-atibaia.ghtml> (Accessed 9 May 2021) (in Portuguese).
33. Martynov B. (2018) «Jendemichnost'» korrupcii dlja Latinskoj Ameriki [«Endemicity» of corruption for Latina America]. Mezhdunarodnyje processy. V.16 Issue 1(52) DOI 10.17994/IT.2018.16.1.52.6. (in Russian).
34. Lei N° 12.846, de 1° de Agosto de 2013 [Statute N 12.846. 1 August of 2013]. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2013/lei/112846.htm (Accessed 12 May 2021) (in Portuguese).
35. Lei N° 12.850, de 2 de Agosto de 2013. [Statute N 12.850. 2 August of 2013]. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2013/lei/112850.htm (Accessed 12 May 2021) (in Portuguese).
36. Zemtsova S.I. (2020) «Pervyj stolichnyj otrjad» i «Krasnaja komanda» kak osnovnye prestupnyje narkosoobshhestva Brazílii [«First capital unit» and «Red team» as a main drug crime organisations of the Brazil]. Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii 2(39) (in Russian).
37. Chwiej E. (2019) Efforts to Combat Organized Crime in Brazil. Anuario Latinoamericano Ciencias Políticas y Relaciones Internacionales. V. 7. DOI: 10.17951/al.2019.7.279-296 (in English).
38. World Prison Brief data. Brazil. URL: <https://www.prisonstudies.org/country/brazil> (Accessed 9 May 2021) (in English).
39. World Prison Brief. Highest to Lowest – Prison Population Total. URL: https://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison-population-total?field_region_taxonomy_tid=All (Accessed 9 May 2021) (in English).

40. Brazil 2020 Crime & Safety Report: (2020) Brasilia. OSAC, 13 May. URL: <https://www.osac.gov/Country/Brazil/Content/Detail/Report/3c5a0961-a366-4989-a120-18a3ee5610ba>. (Accessed 15 May 2021) (in English).
41. Zemsova S.I., Surov O.A. (2020) Protivodejstvie transnacional'noj organizovannoj prestupnosti v sfere nezakonnoho oborota narkotikov v otdel'nyh stranah Latinskoj Ameriki i Karibskogo bassejna: rezul'taty Mezhdunarodnogo kruglogo stola [Combating the transnational drug organized crime in some Latin America and Caribbean countries]. Narkokontrol'. Issue 1. (in Russian).
42. Operação Cavok: PF combate o tráfico de drogas na fronteira com o Paraguai. (2020) [Operation Cavok: FP struggles against drug trafficking on the border with Paraguay] 6 August. URL: <https://www.gov.br/pf/pt-br/assuntos/noticias/2020/08-noticias-de-agosto-de-2020/operacao-cavok-pf-combate-o-trafico-de-drogas-na-fronteira-com-o-paraguai> (Accessed 11 May 2021) (in Portuguese).
43. de Mendonça A.B. The Criminal Justice in Brazil: a brief account. 155th International Training Course. Visiting Experts' Papers. Resource Material Series No. 92. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No92/No92_07PA_Andrey2.pdf (Accessed 25 May 2021) (in English).
44. Constituição da República Federativa do Brasil (2019) [Constitution of Federal Republic of the Brazil] Brasília : Supremo Tribunal Federal, Secretaria de Documentação. (in Portuguese).
45. The Political Culture of Democracy, 2010. Democratic Consolidation in the Americas in Hard Time. Report on the Americas (2010) / Eds. Mitchell A. Seligson, Amy Erica Smith. LAPOP, American Barometer, Vanderbilt University, 2010. URL: <https://www.vanderbilt.edu/lapop/ab2010/2010-comparative-en-revised.pdf> (Accessed 5 June 2021) (in English).
46. The Political Culture of Democracy in the Americas, 2016/17. A Comparative Study of Democracy and Governance (2017) / Eds. Mollie J. Cohen, Noam Lupu, Elizabeth J. Zechmeister. USAID, Vanderbilt University, LAPOP, American Barometer. URL: https://www.vanderbilt.edu/lapop/ab2016/AB2016-17_Comparative_Report_English_V2_FINAL_090117_W.pdf (Accessed 5 June 2021).

Информация об авторах:

Клебанов Л.Р. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: solomon70@bk.ru

Полубинская С.В. – канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: svepol@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Klebanov L.R., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: solomon70@bk.ru

Polubinskaya S.V., Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: svepol@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.09.2021;
одобрена после рецензирования 17.10.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 28.09.2021;
approved after reviewing 17.10.2021; accepted for publication 28.01.2022.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 474. Январь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28.01.2022 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 38. Усл. печ. л. 35,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 4965. Цена свободная.

Дата выхода в свет 22.02.2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru